

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

1/2020

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 1(22)/2020

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1

Издатель

ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

тел. (499) 270 73 00

Тираж 300 экз.

Заказ № 2103

Дата подписания в печать 31.03.2020

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 9 *«Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле». Интервью с Ш. Бергером*

Национальная память

- 24 **В. Е. КЕЛЬНЕР** *Авраам Гаркави и историческая память российского еврейства*
- 48 **К. Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ** *Зачем нужны памятники Ивану Грозному?*
- 74 *«Собственность, которая была отнята у крестьян, стала частью памяти». Интервью с И. Л. Щербаковой*

Актуальные проблемы исторической памяти зарубежных стран

- 89 **М. В. КИРЧАНОВ** *Великий Голод в ирландской политике памяти: культурные практики как форма «проработки прошлого» и исторического ревизионизма*
- 104 *«Зимняя война все еще воспринимается в финской культуре памяти как экзистенциальный опыт и символ нашей независимости». Интервью с Х. Мейнандером*
- 112 *«Участь советских военнопленных и подневольных работников недостаточно представлена в немецкой коллективной памяти». Интервью с А. Хильгером*

Семейная память

- 119 **А. С. ТУЛБУРЕ** *Бессарабская история, или О судьбе Алексея Тулбура, члена спецконтингента лагеря № 0302*

Память об окончании холодной войны и падении коммунизма в странах Восточной Европы (к 30-летию событий)

- 134 **А. В. ШУБИН** *Неформалы в перестройке*
- 157 **М. В. НОВИКОВА** *Историческая политика Г. Коля и М. С. Горбачева: «спор историков» и восполнение «белых пятен»*

- 179 *«Гавел, Валенса могли прекрасно относиться к Михаилу Горбачеву, но вот с генеральным секретарем ЦК КПСС им было не по пути...». Интервью с Т. А. Джалиловым*
- 192 *«Ненасильственные политические перемены являются в чешской истории традицией». Интервью с М. Махачеком*
- 208 **Н. Н. МОРОЗОВ** *Румыния 30 лет спустя: от тоталитарной диктатуры к «параллельному государству»? Размышления свидетеля румынской декабрьской революции*
- 224 *«Из одной диктатуры мы попали в другую...» Тридцать лет после «смены системы». Взгляд из Будапешта. Интервью с З. Биро*
- 240 **А. С. СТЫКАЛИН** *Рец.: The Revolution of 1989. A Handbook / Wolfgang Mueller, Michael Gehler, Arnold Suppan, eds. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. 708 p.*
-

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 256 **Б. Л. ХАВКИН** *Еврейские организации в нацистской Германии*
- 268 **Л. ЛЮКС** *Лев Троцкий в борьбе против Гитлера, Сталина и сталинской «теории фашизма» (1930–1933)*
- 284 **В. И. МУСАЕВ** *Густав Маннергейм: герой русской истории?*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 299 **А. А. ТЕСЛЯ** *Современность и народ. Рец.: Капустин Б. Рассуждения о «конце революции». М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 144 с. (Серия: «Библиотека журнала “Логос”»)*

Мир

- 304 **Н. П. ТАНЫШИНА** *Saga о Бонапартах: размышления о книге Пьера Бранда. Рец.: Branda P. La saga des Bonapartes. Du XVIIIe siècle à nos jours. Paris: Perrin, 2018. 480 p.*
- 313 **А. А. ТЕСЛЯ** *О Франсуа Гизо как политическом философе. Рец.: Матвеев С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 232 с.*
- 317 **М. В. БЕЛОВ** *Обустройство «места памяти»: «Меморандум САНУ» тридцать лет спустя. Рец.: Михаиловић К., Крстић В. «Меморандум САНУ» после тридесет година. Београд: НИД Компанија «Новости» ад, 2017. 214 с.*

Российская империя

- 332 **М. В. БАТШЕВ, А. А. КУНИЦЫН** *Биография без героя? Рец.: Зазулина Н. Н. Князь А. Н. Голицын. Неизвестный во всех отношениях. М.: Бослен, 2019. 288 с.*
- 338 **И. В. ЛУКОЯНОВ** *Рец.: Бородин А. П. Верховная власть и общество Российской империи начала XX столетия глазами современников. Киров: Аверс, 2018. 558 с.*
- 344 **Т. В. АНДРЕЕВА** *Взгляд на серийный проект сквозь призму одного из сборников. Рец.: История и историческая память. Сборник. Вып. 4 / под ред. д-ра ист. наук, проф. А. В. Гладышева. Саратов: Саратовский государственный университет, 2011. 280 с.*

СССР

- 356 **Т. А. МУХАМАТУЛИН** *«Серьезная забава»: Советский спорт в современной историографии*
- 366 **П. Г. ЧЕРЕМУШКИН** *Брежнев в немецком зеркале, или «доктрина Брежнева» от начала до конца. Размышления свидетеля эпохи над книгой Сюзанны Шаттенберг о Брежнев. Рец.: Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 623 с.*

ОСТОРОЖНО ХАЛТУРА

- 376 **А. В. ГРИНЁВ** *Псевдомемуары немецкого танкиста Вольфганга Фауста. Рец.: Фауст В. Следы «Тигра». Фронтные записки немецкого танкиста. 1944 / пер. с нем. В. Д. Кайдалова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. 191 с. (За линией фронта. Мемуары)*
- 384 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 8 “Agonistic memory is open-endedly dialogic in a Bakhtinian sense”. Interview with S. Berger

National memory

- 24 **V. E. KELNER** *Avraham Garkavi and the historical memory of Russian Jewry*
- 48 **K. Yu. ERUSALIMSKY** *Why do we need monuments to the Tsar Ioan IV the Terrible?*
- 74 *“The property that was taken from the peasants became part of the memory”. Interview with I. L. Shcherbakova*

Actual problems of national memory of foreign countries

- 89 **M. W. KYRCHANOFF** *The great famine in Irish memorial politics: cultural practices as a form of “Vergangenheitsbewältigung” and historical revisionism*
- 104 *“Winter War is still understood as the existential experience and symbol of our independence will in the Finnish memory culture”. Interview with H. Meinander*
- 112 *“The Fate of Soviet POWs and Forced Laborers is Underrepresented in German Public Memory”. Interview with A. Hilger*

Family memory

- 119 **A. S. TULBURE** *Bessarabian story, or the fate of Alexei Tulbure, a member of the special contingent of camp No. 0302*

Memory of the end of the cold war and the fall of communism in Eastern Europe (on the 30th anniversary of the events)

- 134 **A. V. SHUBIN** *Informals in Perestroika*
- 157 **M. V. NOVIKOVA** *Historical policy of Helmut Kohl and M. S. Gorbachev: “Disputes of historians” and completion of “white spots”*
- 179 *“Havel, Walesa could have a great relationship with Mikhail Gorbachev, but with the Secretary General of the Central Committee of the CPSU they were not on the way...”. Interview with T. A. Dzhilov*
- 192 *“Non-violent political changes are a tradition in Czech history”. Interview with M. Macháček*

- 208 **N. N. MOROZOV** *Romania 30 years later: from a total dictatorship to a “parallel state”? Reflections of a witness to the Romanian December revolution*
- 224 *“From one dictatorship, we found ourselves in another...” Thirty years after the “system change”. A look from Budapest. Interview with Z. Bíró*
- 240 **A. S. STYKALIN** *Rev.: The Revolution of 1989. A Handbook / Wolfgang Mueller, Michael Gehler, Arnold Suppan, eds. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. 708 p.*

AS IT ACTUALLY WAS

- 256 **B. L. KHAVKIN** *Jewish organizations in Nazi Germany*
- 268 **L. LUKS** *The struggle of Lev Trotsky against Hitler, Stalin and the Stalinist “theory of fascisms” (1930–1933)*
- 284 **V. I. MUSAEV** *Carl Gustaf Mannerheim: hero of the russian history?*

REVIEWS

Generalizing studies

- 299 **A. A. TESLYA** *Modernity and people. Rev.: Kapustin B. Rassuzhdeniia o “kontse revoliutsii”. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2019. 144 p. (Seria: Biblioteka zhurnal “Logos”)*

The world

- 304 **N. P. TANSHINA** *The saga about the Bonapartes: reflections on Pierre Branda’s book. Rev.: Branda P. La saga des Bonapartes. Du XVIIIe siècle à nos jours. Paris: Perrin, 2018. 480 p.*
- 313 **A. A. TESLYA** *About François Guizot as a political philosopher. Rev.: Matveev S.R. Svoboda i poriadok: liberal’nyi konservatizm Fransua Gizo. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomki, 2019. 232 p.*
- 317 **M. V. BELOV** *Arrangement of a “place of memory”: SANU memorandum thirty years later. Rev.: Mihailović K. Krestić V. “Memorandum SANU” posle trideset godina. Beograd: NID Kompanija “Novosti” ad, 2017. 214 p.*

The Russian Empire

- 332 **M. V. BATSHEV, A. A. KUNITSYN** *Biography without hero? Rev.: Zazulina N.N. Kniaz’ A.N. Golitsyn. Neizvestnyi vo vsekh otnosheniakh. Moscow: Boslen, 2019. 288 p.*
- 338 **I. V. LUKOYANOV** *Rev.: Borodin A.P. Verkhovnaya vlast i obshchestvo Rossiyskoy imperii nachala XX stoletiya glazami sovremnikov. Kirov: Avers, 2018. 558 p.*

344 T. V. ANDREEVA

A look at a serial project through the prism of one of the collections. Rev.: Istoriiia i istoricheskaia pamiat'. Sbornik. Vyp. 4, pod red. d-ra ist. nauk, prof. A. V. Gladysheva. Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 2011. 280 p.

USSR

356 T.A. MUHAMATULIN

“Serious Fun”: Soviet Sport in Contemporary Historiography

366 P. G. CHEREMUSHKIN

Brezhnev in the German mirror, or «Brezhnev’s doctrine» from beginning to end. Reflections of an era witness on a book by Susanne Schattenberg about Brezhnev. Rev.: Schattenberg S. Leonid Brezhnev. Velichie i tragediia cheloveka i strany. Moscow: ROSSPEN, 2018. 623 p.

ATTENTION: TRASH

376 A. V. GRINĚV

Pseudomemoirs of the german tank trooper Wolfgang Faust. Rev.: Faust V. Sledy «Tigra». Frontovye zapiski nemetskogo tankista. 1944, per. s nem. V.D. Kaidalova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2017. 191 p. (Za liniei fronta. Memuary)

384

Requirements for publication of articles and documents

«АГОНИСТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОТКРЫТА ДЛЯ БЕСКОНЕЧНОГО ДИАЛОГА В БАХТИНИАНСКОМ СМЫСЛЕ».

Интервью с Ш. Бергером

Ключевые слова: история и память, память и идентичность, транснациональные и национальные формы памяти, антагонистическая и агонистическая памяти.

Аннотация: В своем интервью Штефан Бергер размышляет о роли исторической корпорации в конструировании идентичности и памяти нации-государства. Он доказывает, что историки далеко не случайно сочетают в своих работах историю и память. Историография является неотъемлемой частью коллективной памяти. Выполняя свою функцию по пропаганде памяти, историки сыграли огромную роль в возбуждении воинственных настроений накануне Первой мировой войны, а также в современном подъеме националистических настроений в большинстве европейских стран. По мнению профессора Бергера, транснациональные формы памяти не способны эффективно противостоять антагонистической памяти, которую порождают поднимающиеся крайне правые движения. Он считает, что технологии агонистической памяти представляют эффективные технологии для мирного решения столкновений войн памяти, чреватых внешними и внутренними кровавыми конфликтами.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-9-23

Главные книги Штефана Бергера:
The British Labour Party and the German Social Democrats, 1900–1931. A Comparison, Oxford University

Press, 1994. 302 p.; reprinted 2002; translated as: Ungleiche Genossen? Die britische Labour Party und die deutsche SPD bis 1931, J. W.H. Dietz Publishers,

© Историческая Экспертиза, 2020

Бергер Штефан — директор Института социальных движений Рурского университета (Бохум, Германия), заведующий кафедрой истории Рурского фонда, профессор социальной истории Рурского университета, почетный профессор Кардиффского университета (Великобритания); stefan.berger@ruhr-uni-bochum.de

1997. 308 p.; *The Search for Normality. National Identity and Historical Consciousness in Germany Since 1800*, Berghahn Books, 1997. 307 p.; 2nd edn with new preface: "'The Search for Normality" Six Years Later: History Writing and National Identity in Germany at the Beginning of the 21st Century', 2003. xxvi +308 p.; *Social Democracy and the Working-Class in Nineteenth and Twentieth-Century Germany*. Longman, 2000. 287 p.; *Inventing the Nation: Germany*. Edward Arnold, 2004. 274 p.; *Friendly Enemies: British-GDR*

Relations, 1949–1990, co-authored with Norman LaPorte. Berghahn Books 2010. 386 p.; *The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe*, single-authored with Christoph Conrad, Palgrave MacMillan, 2015. 570 p.

Публикации в Интернете: Academia.edu: <https://rub.academia.edu/StefanBerger>; На сайте Рурского университета: <http://www.isb.ruhr-uni-bochum.de/mitarbeiter/berger/index.html.de>.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Ваша научная карьера началась в традиционной для историков сфере сравнительных исследований. Почему вы перешли к исследованиям в междисциплинарной области национальной идентичности и памяти?

Ш. Б. Я обратился к сравнительной истории в то время, когда о ней больше говорили, чем реально занимались. Хорошо известно, что Марк Блок еще в 1928 г. призывал уделять больше внимания сравнительной истории, но долгое время после этого наша профессия страдала от «методологического национализма», который, на мой взгляд, до сих пор не преодолен. Я считаю, что сегодня главные задачи исторических иссле-

дований состоят в сочетании транснациональной и сравнительной перспектив, а также, если говорить о тех направлениях, которыми я занимался в последнее время, в приближении к глобальной перспективе в исследованиях социальных движений¹, историографии², деиндустриализации³, рабочего движения⁴ и памяти⁵. Я только что переработал свою статью о сравнительной и транснациональной истории для третьего издания (выйдет в 2020 г.) сборника «Writing History: Theory and Practice» (Писать историю: теория и практика), редакторами которого вместе со мной выступают Кевин Пассмор (Kevin Passmore) и Хейко Фельднер (Heiko Feldner). В ней я подчеркиваю трудности и возмож-

¹ *Stefan Berger and Holger Nehring* (eds.) *Social Movements in Global Historical Perspectives*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2017.

² *Stefan Berger* (ed.) *The Engaged Historian*. Oxford: Berghahn Books, 2020.

³ *Stefan Berger* (ed.) *Constructing Industrial Pasts*. Oxford: Berghahn Books, 2020.

⁴ *Stefan Berger, Ludger Pries and Manfred Wamoeffel* (eds.) *The Palgrave Handbook of Workers' Participation at Plant Level*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2019.

⁵ *Stefan Berger, Sean Scalmer and Christian Wicke* (eds.) *Social Movements and Memory*. London: Routledge, 2020 (forthcoming).

ности сравнительного и транснационального подходов к историописанию, которым я до сих пор привержен.

К национальной идентичности и памяти я пришел через изучение историографии, когда с нарастающим вниманием следил за тем, как после объединения Германии в 1990 г. менялись господствующие исторические нарративы. Я был так заинтригован этим процессом, что решил написать книгу на эту тему: «The Search for Normality: National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800» (Поиск нормальности: Национальная идентичность и историческое сознание в Германии после 1800 года), 2nd edn, Oxford: Berghahn Books, 2003. С тех пор я занимаюсь немецкой национальной идентичностью и памятью. Особое внимание этим темам я уделил в книге «Inventing Germany» (Изобретая Германию), Edward Arnold, 2005. Потом я вновь вспомнил о транснациональной и сравнительной истории и заинтересовался тем, как связи между историописанием и национальной идентичностью работают за пределами Германии.

С.Э. В вашей основополагающей книге «The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe» (Прошлое как история: Национальная идентичность и историческое сознание в современной Европе), Palgrave Macmillan, 2014, вы убедительно демонстрируете, что историки XIX и XX вв. сыграли важную роль в формировании идеологической рамки нации-государства, путем обоснования «наших исторических

прав» на территории, временно оккупированные нашими «вечными врагами». По этой причине историки, наравне с другими, несут ответственность за развязывание двух мировых войн и ужасных геноцидов прошлого века. Для меня было откровением узнать из вашей книги, что истоки нынешнего вездесущего националистического поворота начинаются в историографии 1980-х, в то время когда многие из нас верили, что крах коммунистических режимов открывает путь к либеральному глобальному человечеству. Это означает, что историческая корпорация несет часть ответственности за опасный националистический тренд XXI в. В этом контексте ваш аргумент, что процесс профессионализации исторического сообщества в XIX и XX вв. сопровождался ростом национализма в его рядах, не может не удивлять, поскольку декларируемая этика исторической профессии не предусматривает вовлечения в любые виды пропаганды, наша цель — установление того, «как это было на самом деле». Как вы объясняете этот парадокс?

Ш.Б. Книга, о которой вы говорите, стала результатом проекта Европейского научного фонда, в котором участвовало более 250 исследователей из 29 европейских стран. Я занимался им с 2003 по 2015 г., и эта книга появилась как попытка синтезировать результаты этого проекта. Одно из утверждений, которое я стремился обосновать в этой книге, состоит в том, что профессионализация была средством утверждения исторической корпорации в качестве единственной институции, имеющей право судить о прошлом. Именно в этом

качестве историки стали важны для сил, борющихся за политическую власть, и история нашей науки показывает, что историки не стеснялись участвовать в продвижении различных политических целей, среди которых национализм играл первостепенную роль. «Благородный идеал» объективности всегда был в некоторой степени подчинен идеологии, поскольку процессу историописания всегда предшествует создание нарратива, который формирует рамку для конкретных историй и вбирает в себя нормативные политические выборы. Это, разумеется, не означает, что историки должны отказаться от профессионального подхода. Он остается основанием нашей профессии, и если мы его отбросим, то откроется шлюз для намеренных фальсификаций прошлого. В то же время мы должны осознавать, что даже высочайший профессионализм не способен защитить нас от наших собственных нормативных политических выборов.

Это обстоятельство сближает историю и память. Я разделяю точку зрения моего доброго приятеля Вульфа Канштейнера (Wulf Kansteiner), согласно которой историки скорее должны рассматриваться в качестве влиятельной группы авторов, которые играют заметную роль в формировании памяти любого отдельно взятого общества. Различие между историей и памятью, заявленное Морисом Хальбваксом и поддержанное Пьером Нора и до сих пор присущее многим исследованиям памяти, на мой взгляд, является несостоятельным.

С.Э. Принято считать, что общая память и идентичность являются

обязательными предпосылками для существования нации-государства и других больших групп, потому что люди способны жертвовать собой в военное время и при других чрезвычайных ситуациях, только если им присуще иррациональное священное чувство общности. В вышеупомянутой книге вы, вопреки этому представлению, доказываете, что нация-государство не нуждается в коллективной идентичности, т. к. групповая солидарность «имеет рациональное ядро». Аргумент «либеральных националистов» о необходимости национальной идентичности вы формулируете в виде риторического вопроса: «Почему кто-либо должен платить налоги, идти на войну и т. д. <...> если понятия коллективной идентичности не существует?» Отвечая им, вы исключаете необходимость «идти на войну» из списка «обязанностей во имя общества», сводя их к единственной обязанности «платить налоги». Вы на самом деле считаете, что в современных международных отношениях войны невозможны, или, может, вы считаете, что военное самопожертвование также имеет «рациональное ядро»?

Ш.Б. Я постоянно предостерегаю от недооценки национализма и потребности людей в обособленной от других национальных групп коллективной идентичности. Это не «естественная» потребность, но ее постоянно успешно используют в специфических целях политической мобилизации. В наш глобальный и транснациональный век многие комментаторы недооценивают силу нации, национальной идентичности и национализма. Поскольку эта си-

ла побуждает людей идти на войну, участвовать в этнических чистках и геноцидах, нам, с моей точки зрения, необходимо прийти к таким формам коллективной идентичности, включая национальную идентичность, которые обладают большей «саморефлексией» и «игровой» составляющей, что позволяло бы людям, говоря другими словами, «видеть насквозь» любые попытки использовать эти идентичности в политических целях. Та же задача стоит перед профессиональными историками, которые занимаются производством национальных господствующих нарративов и рассказывают о памяти.

С.Э. Вы являетесь одним из лидеров нового «агонистического» подхода к политике памяти. Вы утверждаете, что «агонистические формы памяти обладают большими возможностями для решающей победы над политикой памяти крайне правых, чем космополитическая память». Вы описываете «агонистическую память» как посредника между крайностями национальной антагонистической памяти и транснациональной космополитической памяти. Эти три типа памяти соотносятся как «идеальные типы в веберовском смысле». Могли бы вы представить агонистическую память в сравнении с двумя другими «идеальными типами»: 1) каковы специфические характеристики агонистической памяти; 2) какие ее черты сходны с антагонистической памятью; 3) какие — близки с космополитической памятью?

Ш.Б. В 2016–2019 гг. я возглавлял проект «Озабоченность по поводу

воспоминания и социальной сплоченности в современной Европе» (Unsettling Remembrance and Social Cohesion in Contemporary Europe, UNREST), который осуществлялся в рамках проекта «Горизонт 2020» (Horizon 2020). В ходе этого проекта я тесно сотрудничал с Анной Ченто-Булл (Anna Cento Bull) и Хансом Лауге-Хансеном (Hans Lauge Hansen), которые в 2016 г. опубликовали основополагающую статью об агонистической памяти в журнале «Memory Studies» (Исследования памяти). Она стала исходной точкой для теоретического рассмотрения режимов современной памяти в отношении к войнам (о проекте см.: www.unrest.eu). Смысловое ядро подхода Булл и Хансена образует дифференциация трех режимов памяти.

К первому относятся антагонистические формы, включающие националистическую память, которая отчетливо отделяет друзей от врагов и заинтересована исключительно в усилении идентичности «мы» посредством исключения из нее «других». Ей свойственны моноличность и ксенофобия, посредством которых чувство принадлежности формируется через разжигание страстей в отношении чужаков.

Второй тип — космополитическая память — также работает с бинарными оппозициями «добра» и «зла», которые в данном случае носят идеологический характер. Космополитическая память отождествляет себя с либеральной демократией и правами человека, поэтому ее «другие» — это все формы тоталитаризма. Она — в высшей мере саморефлексивна и диалогична, вплоть

до многоголосия, но она прежде всего соотносит себя с памятью о жертвах и стремится вызвать сильные чувства в отношении жертв насильственных конфликтов. Ее диалогичная природа ограничена стремлением установить межсубъектный консенсус, который приведет к завершению диалога. После достижения этой цели, те, кто не присоединится к консенсусу, не будут рассматриваться как сторона диалога.

Агонистическая память, напротив, открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле, поскольку признает, что прения по теме дискурса памяти не могут быть прекращены. В ее рамках борьба памятей воспринимается как политическая борьба, поэтому она направлена на реполитизацию борьбы памятей, которую космополитическая память деполитизирует. Она работает со страстным чувством солидарности, и ее нормативные политические симпатии относятся к левому политическому полю.

Эти три формы памяти не легко локализовать во времени. Хотя, можно сказать, что XIX и XX вв. были временем националистической памяти, близкой к антогонистическим формам памяти. Идея Хабермаса о совещательной демократии лежит в основе космополитической памяти, которая находит сильнейшую поддержку в политике памяти Европейского союза. Агонистическая память часто отстаивается лево-центристскими социальными движениями. При этом антагонистическая

память все еще несомненно находится с нами, тогда как следы космополитических форм памяти могут быть прослежены вплоть до Античности и Средневековья, и агонистическое посредничество также присутствует в далеком прошлом (см. шеститомную «Культурную историю памяти» (Cultural History of Memory), которую я редактировал вместе с Джеффри Оликом и которая будет опубликована издательством «Блумсберри» (Bloomsbury) в 2020 г.). Результаты трехлетнего проекта UNREST также будут представлены в томе, включающем переосмысление теоретической модели Булл и Хансена 2016 г. Книга выйдет в 2020 г. в издательстве «Палгрэйв Макмиллан» (Palgrave MacMillan), и в нее будут включены ссылки на многие публикации участников проекта по этой теме.

Как бы агонистическая память могла выглядеть применительно к памяти о войнах и национальных историях?⁶ Прежде всего, агонистическая память уходит от моральных противопоставлений в той мере, в какой они препятствуют попыткам рассмотрения конфликтов и актов насилия в историческом и социальном контекстах. Радикальный историзм, ведущий к более глубокому пониманию прошлого, предпочитается простым моральным суждениям о прошлом. Более радикальная мультиперспективность позволила бы представить и обсудить различные взгляды на господствующий национальный нарратив, память о войнах и насильственные конфликты. В действительности все существующие позиции вклю-

⁶ Hans Lauge Hansen, Anna Cento Bull, Wulf Kansteiner and Nina Parish. War Museums as Agonistic Spaces: Possibilities, Opportunities and Constraints // International Journal of Heritage Studies. 25:6 (10/9/2018).

чаются в агонистические дискурсы, если они принимают правила игры: демократическую рамку дискуссии и признание легитимности других участников дискуссии и их позиций. Границы легитимности внутри агонистического дискурса памяти являются пористыми, но тем не менее они существуют. Так должно быть прояснено, что не все позиции памяти приемлемы в рамках агонистической демократии, не только потому, что они достойны морального порицания, но также по той причине, что они откровенно фальсифицируют методы исторического исследования, включая критику источников. Отрицание Холокоста и, в более общем виде, отрицание геноцидов, неуважительное отношение к памяти жертв войны и насилия XX в. являются теми позициями, которые агонистическая память также будет исключать, не вступая ни в какие дебаты.

Подобно антагонистической и космополитической формам, агонистическая память также носит ярко выраженный эмоциональный (*passionate*) характер, но не в отношении «своих» или «жертв», а применительно к формам социальной солидарности. Другими словами, концепция агонистической памяти озабочена тем же, что и демократические левые, которые ищут способы укрепить социальную сплоченность и социальную справедливость, а также предоставить больше демократии и власти гражданам демократически учрежденных обществ. В этом смысле агонистическая память обладает нормативной политической рамкой

и привержена левому крылу политики, несовместимому с господствующим внутри Европейского союза неолиберализмом и с поднимающимися правыми популистскими движениями, которые бросают вызов власти ЕС. Агонистическая память стремится усилить политику левых, которые убеждены в необходимости очередного встраивания (*re-embed*) капитализма в то, что в терминах Поланьи понимается как новый момент мировой экономики, и которые убеждены в необходимости демократизации всех сфер жизни — от повседневной гендерной политики до политики Европейского союза на самом высоком уровне⁷.

Агонизм может применяться не только к национализму и войне. В настоящий момент я работаю над памятью о деиндустриализации со сравнительной и транснациональной точек зрения. Я и здесь использую концепт агонистической памяти, чтобы выйти за пределы антагонистической и космополитической памяти, которые воспроизводятся в нарративах деиндустриализации. Вместе с коллегами я опубликовал в 2019 г. специальный выпуск североамериканского журнала «Труд: Исследования по истории рабочего класса» (*Labor: Studies in Working-Class History*), в котором мы исследуем ряд из этих вопросов.

С.Э. По вашему мнению, агонистическая память «глубоко диалогична и стремится вовлечь политического соперника в споры и дебаты в демократических рамках и достичь

⁷ *Stefan Berger*. National Historical Master Narratives and War Museums // Thomas Maissen and Niels F. May (eds.) *New Nationalism in Historical Writing since the End of the Cold War*. London: Routledge, 2020, forthcoming.

превосходства посредством более убедительной аргументации». Это означает, что «судей» данного «агона» выступает публика. Это выглядит реалистичным, если мы имеем дело с внутринациональными спорами. Можно представить, как «в прекрасной России будущего» в результате агонистического соревнования возникнет общественный консенсус по поводу того, что сталинский режим совершил страшные преступления против человечности, главной жертвой которых стал русский народ. Но я не в состоянии представить, как возможно разрешить международные конфликты памяти, когда «судящая публика» разделена на патриотов «своих» наций-государств. Например, когда речь идет о причинах развязывания Второй мировой войны. Я уверен, что после такого «агона» многие русские укрепятся в уверенности, что именно Великобритания и Франция являются главными виновниками Второй мировой войны по причине их предательства Чехословакии в 1938 г., которое подстрекало Гитлера к развязыванию войны на уничтожение против СССР. Тогда как пакт Молотова — Риббентропа явился вынужденной мерой с целью получить отсрочку начала войны. Европейские оппоненты русских также не готовы изменить свою позицию, согласно которой Мюнхенский договор 1938 г. был незначительной политической ошибкой и реальными преступниками были только Гитлер и Сталин⁸. Может, мой пример не совсем уместен, т. к. современная Россия является псев-

додемократией. К сожалению, медиадебаты последних десятилетий показывают, что и в британском, и во французском общественном мнении не заметно существенных изменений. Их парламенты все еще не извинились за свое постыдное поведение в отношении Чехословакии в 1938 г. На мой взгляд, для того чтобы изменить нынешнюю тупиковую ситуацию мы должны выйти за рамки нации-государства и двигаться в направлении транснациональной космополитической памяти. Я предполагаю, что вы считаете по-иному. Могли бы вы привести примеры, когда международные конфликты памяти между реальными демократиями были разрешены агонистическим путем?

Ш. Б. Здесь упаковано много вопросов. Для начала я должен сказать, что полномасштабный агонизм и развитые культуры агонистической памяти осуществимы только в рамках демократии, в которых политические оппоненты воспринимают друг друга в качестве равных соперников, в которых поддерживается правление закона, в которых охраняются права человека и права меньшинств и в которых существует разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Я не считаю, что Россия относится к странам, где созданы эти условия. Тем не менее агонистическое посредничество возможно и в России, и в других странах с недостатком демократии.

По поводу вопроса об ответственности за начало Второй мировой вой-

⁸ URL: www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html?fbclid=IwAR2NbjvqN2xSSlSIKv0yAmDpYzCA2y9G5XXSeUaOLxHxRqzGfnGLkFzkOA.

ны, агонистическое посредничество в России могло бы состоять в более конкретном и настоятельном напоминании русским о преступлениях сталинизма и об его ответственности за начало Второй мировой войны по причине подписания пакта между Гитлером и Сталиным, поскольку эта позиция, если я понимаю правильно, не является сегодня преобладающей в ходе внутрисоссийских дебатов. Агонистическое посредничество в Великобритании и Франции могло бы состоять в подчеркивании их роли в предательстве Чехословакии в Мюнхене. Эта позиция слишком часто занимает маргинальное место в ходе дебатов на Западе. Я чрезвычайно критически отношусь к преобладанию «тоталитарной» рамки памяти в том виде, как она представлена в Доме европейской истории в Брюсселе, потому что я считаю, что она является продолжением антикоммунистических и в конечном счете антирусских рефлексов, присущих Западу в XXI в.

В связи с этим давайте рассмотрим, как война представлена в Доме европейской истории в Брюсселе⁹. Можно ожидать найти здесь разнород-

ность космополитической памяти, против которой направлен агонизм. Идея этого музея впервые была выдвинута тогдашним председателем Европейского парламента Хансом-Гертом Пёттерингом (Hans-Gerd Pöttering)¹⁰. Он был тесно связан с европейскими политиками, старавшимися подкрепить европейский проект инструментами культуры¹¹. Заявление по поводу предназначения музея включало задачу создать «место, где бы совместно культивировались память об европейской истории и усилия, направленные на европейское объединение». На этом основании экспертная комиссия разработала в 2008 г. концепцию, которая была бы способна продвигать исторический диалог, ведущий к «общему взгляду на прошлое, настоящее и будущее Европы»¹². Музей, как надеялись многие из его создателей, должен был внести вклад в формирование общеевропейских компонентов национальных памятней¹³. Таким образом, этот музейный проект является неотъемлемой частью нарастающих попыток создать «нарратив европейской интеграции»¹⁴. Однако проект упустил важный шанс сделать это, т. к. не удалось вызвать заметные

⁹ URL: historia-europa.ep.eu/en (дата обращения: 21.11.2017).

¹⁰ EP Bureau decides to set up a “House of European History”. Press Release, Directorate for the Media, 20081216IPR44855.

¹¹ См. по поводу культурного поворота политики ЕС начиная с 1980-х гг.: *Chris Shore*. Building Europe: the Cultural Politics of European Integration. London: Psychology Press, 2000; *Yudhishthir Raj Isar*. Culture in EU External Relations: an Idea whose Time has Come? // International Journal of Cultural Policy. 21:4 (2015). P. 494–508.

¹² Committee of Experts, Conceptual Basis for a House of European History. Brussels 2008. P. 5. URL: europarl.europa.eu/meetdocs/2004-2009/documents/dv/745/745721/_en.pdf (дата обращения: 24.11.2017).

¹³ Обобщающее исследование по поводу влияния европейской интеграции на национальные памяти см.: *Aline Sierp*, History, Memory and Trans-European Identity: Unifying Divisions, London: Routledge, 2014.

¹⁴ *Wolfram Kaiser and Richard McMahon*. Narrating European Integration: Transnational Actors and Stories // National Identities. 19:2 (2017). P. 149–160.

дебаты вокруг европейской истории и европейской идентичности, а также их репрезентаций в музее. В ходе создания музея во все еще в значительной мере национализированной публичной сфере Европы возник лишь незначительный исторический диалог. Подготовка экспозиции велась в Брюсселе четыре года. В работу была вовлечена команда профессионалов высочайшего уровня, включая музейных кураторов, которые получили множество советов от других исторических музеев. Важность участия профессиональных историков в деятельности этого и других музеев напоминает о том, что Элазар Баркан (Elazar Barkan) именуется «продолжающимся воздействием» истории на политику¹⁵. Таким образом создание музея проходило прежде всего в процессе внутреннего диалога. Хотя была предпринята попытка привлечь профессионалов из-за пределов небольшой команды кураторов, но в отношении с широкой публикой создание музея было в высшей мере не диалогичным¹⁶. Каково тогда послание и представление Европы, которое сейчас демонстрируется в бывшем здании зубной клиники, располагавшейся по соседству с Европейским парламентом, т.е. в месте боли и страдания, которое тем не менее может быть устроено как место освобождения от страданий и боли? (Рис. 1)

Посетители музея прежде всего сталкиваются с древними мифами об Европе и их интерпретациями на протяжении сменяющихся эпох. Европа здесь представлена как древняя и неуклонная идея европейской истории. Повествование следует образцам господствующего национального исторического нарратива XIX в., который неизменно подчеркивает глубокие корни нации, уходящие в незапамятные времена¹⁷. Представление Европы через географические карты наглядно свидетельствует, что европейские границы были текучими и в разные времена европейской истории определялись по-разному. Цель этого раздела экспозиции — вызвать у посетителей размышления о современных границах Европы и о том, как они соотносятся с конструированием европейских границ в прошлом. Этот элемент выставки не является агонистическим, т.к. упускается возможность связать различные географические концептуализации европейских границ с конфликтами и притязаниями на гегемонию различных центров власти в разные эпохи. После столкновения с картами посетителю представляется своего рода черный ящик. (Рис. 2) В нем содержатся явления, которые, сосуществуя бок о бок, отражают разные стороны европейской истории. Они имеют «хорошие» и «плохие» стороны и пред-

¹⁵ См. также: *Stefan Berger*. Historical Writing and Civic Engagement: a Symbiotic Relationship // *Stefan Berger* (ed.) *The Engaged Historian: Perspectives on the Intersections of Politics, Activism and the Historical Profession*. Oxford: Berghahn Books, 2020. P. 1–32.

¹⁶ *Wolfram Kaiser*. Limits of Cultural Engineering: Actors and Narratives in the European Parliament's House of European History Project // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 3 (2016). P. 1–17; *Wolfram Kaiser, Stefan Krankenhagen and Kerstin Poehls* (eds.) *Exhibiting Europe in Museums: Transnational Networks, Collections, Narratives and Representations*. Oxford: Berghahn Books, 2014.

¹⁷ *Stefan Berger with Christoph Conrad*. *The Past as History. National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2015.

ставлены таким образом, что одни и те же феномены могут обладать и «плохой», и «хорошей» составляющими. Среди этих феноменов выделяются древнегреческая философия, христианская религия, колониализм, рабство, Французская революция, рабочее движение и возникновение европейской публичной сферы. Это впечатляющее изображение фрагментированного характера европейского прошлого и попытка придать смысл этим феноменам прошлого. Это также попытка создать чувство солидарности на основе прошлого и в то же время воодушевить посетителя на осмысление того, сколь различаются элементы, используемые для создания культурных идентичностей, которые описываются в качестве европейских. Многие из этих элементов относятся к абстрактным ценностям, которые передаются через моральные позиции, что придает черному ящику преимущественно космополитический характер. Главное стремление организаторов вводной секции музея, видимо, заключается в желании впечатлить зрителя путем чувственного установления границ Европы через мифы, географию, историю и ценности/идеи.

Посетитель неуклонно взбирается на несколько этажей вверх, чтобы совершить пробег по европейской истории эпохи модерна начиная со второй половины XVIII в. и далее до наших дней. Конфликты и войны играют ключевую роль в развитии истории Европы. Заметное внимание уделено революциям конца XVIII и XIX в., показаны конфликты социальных

Рис. 1. Дом европейской истории (Брюссель)

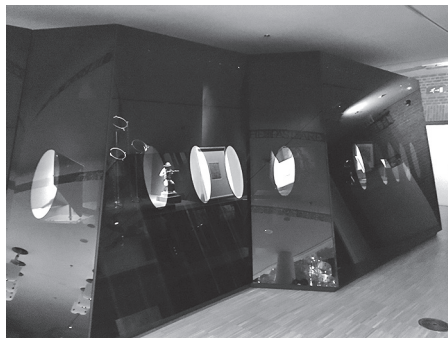

Рис. 2. «Черный ящик» в Доме европейской истории

классов в ходе развития индустриального капитализма, колониальные войны и колониальное насилие также упоминаются. Во всех секциях, посвященных войнам, музей подчеркивает страдания жертв, включая рабов и население колоний. Тем самым отставляются космополитические формы памяти. Космополитизм также доминирует в обстоятельном представлении двух мировых войн и Холокоста. Внимание к мировым войнам объясняется тем, что они часто формируют ядро интенсивной национальной (националистической) памяти, которая все еще является чрезвычайно антагонистической и тем самым затрудняет формирование общеевропейского нарратива мировых войн¹⁸.

¹⁸ Prutsch M.J. European historical memory: Policies, challenges and perspectives. [2013] URL: [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/513977/IPOL-CULT_NT\(2013\)513977_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/513977/IPOL-CULT_NT(2013)513977_EN.pdf) (дата обращения: 22.11.2017).

В экспозиции, посвященной Первой мировой войне, подчеркивается страдание мирного населения. Изображение Холокоста полностью согласуется с давним стремлением сделать из него негативный «якорь» европейской идентичности¹⁹. Акцент на страданиях и жертвах связан с мощным дискурсом прав человека, который возник в конце Второй мировой войны и стал питательной основой для строительства Европейского союза в западной части континента.

Последующий период от холодной войны до наших дней представлен тематическими блоками, которые противопоставляют развитие коммунистической Восточной Европы развитию Западной Европы. Все это сопровождается нарративом развития Европейского союза, который изображается как источник мира, процветания и стабильности в Западной Европе. Представляя период после падения коммунизма, музей подчеркивает, сколь благословенно было расширение Европейского союза на восток, вновь объединившее континент. Дискуссия о процессах послевоенной европейской интеграции не лишена демонстрации проблем и кризисных моментов европейского проекта, но посетитель покидает этот раздел музейной экспозиции без убежденности в моральной правоте европейского

проекта. В целом музей рассказывает историю, основанную на прогрессе универсальных ценностей, используя при этом сильный моральный компас, который делит события на хорошие и плохие (к последним относятся прежде всего Гитлер и Сталин). Фокус на жертвах европейской истории смешивается с оптимистичной оценкой исторической цезуры, произведенной образованием Европейского союза. Космополитическая перспектива полностью господствует в Доме европейской истории. Это соответствует нашей оценке, что Европейский союз сегодня прежде всего продвигает космополитические формы памяти. Музей поощряет диалог с прошлым, в котором насильственная история войн и геноцидов противопоставлена многообещающему европейскому миру, стабильности и модерности. Эта универсалистская перспектива будущего монологична в своей сути. Раз за разом она уклоняется от представления разнообразия вариантов представления «прошедшего будущего» (*futures past*), т.е. как в прошлом воображали будущее, и их связи с нынешними европейскими проектами²⁰. Она также уклоняется от прямого изображения конфликтов между различными европейскими нациями-государствами, которые все еще сказываются на современных

¹⁹ *Stefan Berger*. History and Forms of Collective Identity in Europe: Why Europe Cannot and Should Not be Built on History // Laura Rorato and Anna Saunders (eds), *The Essence and the Margin. National Identities and Collective Memories in Contemporary European Culture*. Amsterdam: Rodopi, 2009. P. 21–36, especially p. 31.

²⁰ Концепт «прошедшего будущего» был развит Райнхартом Козеллеком. См.: *Reinhard Koselleck*. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, New York: Columbia University Press, 2004, and in *Koselleck's wake* by Lucian Hölscher, *Die Entdeckung der Zukunft*, Frankfurt: Fischer, 1999. На мой взгляд, это чрезвычайно полезный концепт для развития режимов агонистической памяти, т.к. он препятствует легкому использованию бинарных оппозиций и телеологии, которые часто лежат в основе режимов космополитической памяти.

внутриевропейских противоречиях. И еще она уклоняется от вопроса, кто считался «другим» в концепциях Европы в разные моменты прошлого. Отрицание важности «другого» для культурной идентичности Европы — это еще один признак космополитизма. Конфликты представляются в музее уже «обезопасенными» (*made safe*) в прошлом, и их принадлежность прошлому (*pastness*) доказана процессами европейской интеграции²¹.

Чтобы приступить к полноценному транснациональному диалогу между Россией и Западом, необходимо перенести агонистическое национальное посредничество на транснациональную сцену и искать агонистические нарративы, которые способны дестабилизировать господствующие рамки памяти как в России, так и на Западе. Но, разумеется, нынешний политический климат чрезвычайно неблагоприятен для этого.

С. Э. Вы отмечает, что антагонистические формы политики создают эффективную солидарность внутри нации-государства, используя «конструкцию культурной идентичности “мы против них”», где хорошие «мы» находятся в оппозиции к «ним», «другим», «чужакам» и даже «врагам». Враги бывают внешние и внутренние, но внешнее измерение преобладает, потому что внутренние враги — это не самостоятельные сущности, а «пятая колонна» внешних врагов. Поэтому конструирование воображаемого сообщества «они», явля-

ющихся нашими потенциальными противниками, предусматривает, что границы между «нами» и «ими» располагаются прежде всего в географическом пространстве, вне территории нашей нации-государства. Вы ссылаетесь на Шанталь Муфф (*Chantal Mouffe*), которая доказывает, что транснациональный космополитизм не способен успешно противостоять памяти крайне правых, потому что он «попросту игнорирует тот факт, что идентичность нуждается в “другом”». Эта проблема действительно присуща различным подходам транснациональной памяти, но это не означает, что эффективные решения в этой ситуации отсутствуют. Оппоненты транснациональной памяти риторически вопрошают: «Нельзя вообразить “мы” без “другого”. Если все человечество “мы”, то кто тогда “другой”, может, пингины?» В данном случае националисты почему-то не обращают внимания на тот факт, что образы «мы» и «они» — это ментальные конструкции. Почему надо считать, что «другой» может быть вообразен только в географическом или социальном пространстве? Я считаю, что возможно сконструировать общности «мы» и «они» транснациональной памяти одновременно и в пространственном и временном измерениях. Нынешнее транснациональное сообщество «мы» включает большинство наших современников и всех жертв прошлого. Например, мы должны испытывать одинаковое сочувствие к еврейским и немецким детям, женщинам

²¹ *Stefan Berger*. Is the Memory of War in Contemporary Europe Enhancing Historical Dialogue? // Elazar Barkan, Constantin Goscler and Jim Waller (eds.) *Historical Dialogue and the Prevention of Mass Atrocities*. London: Routledge, 2020, forthcoming.

и старикам, погибшим во время Второй мировой войны. Я считаю, что в глобальное сообщество «мы» также должны быть добавлены герои мировой культуры. В отличие от политиков, которые обычно стараются разделить народы, деятельность великих деятелей искусства, писателей и ученых образует глобальное наследие. Гете, Шекспир, Достоевский — наши! Они всегда объединяли человечество. Сообщество «они» в этом случае включает современных фашистов и крайне правых политиков, разжигающих вражду между народами, а также преступников прошлого. Это только предварительный набросок. Что вы думаете о перспективах этого направления памяти и конструирования идентичности?

Ш. Б. Я не могу не испытывать огромнейших симпатий к сообществам транснациональной памяти, которые вы обозначили. Они на самом деле всегда существовали, достаточно вспомнить Эразма Роттердамского и его дружеский круг гуманистов по всей Европе, которые также сотворили сообщество общей памяти.

Но давайте отметим, что очень часто главную роль в политических дебатах играют отнюдь не зарубежные «другие». Мы не должны недооценивать, до какой степени все еще «национализированы» дебаты памяти, и в этих национальных дебатах «мы» и «они» локализованы внутри одной и той же нации. Политические конфликты между правыми и левыми периодически превращаются в конфликты памяти. Известно, что Бисмарк исключал социалистов как «людей без отечества» из германского дискурса

памяти. Это было сделано по политическим причинам, чтобы изолировать внутренних «других». Другой пример того же рода инспирированная тем же Бисмарком борьба против католиков (Kulturkampf). Борьба неолитерализма против послевоенной политики так называемой социал-демократизации тоже была начиная с 1970-х гг. (тэтчеризм в Великобритании, рейганомика в США) и позже войной памяти против «внутренних других». Поэтому, по моему мнению, агонистическая память должна стать ресурсом для левых в противостоянии неолитеральной гегемонии в современной Европе и работать в направлении встроеной формы капитализма в терминах Карла Полаanyi.

С. Э. Каковы ваши академические планы?

Ш. Б. Я заканчиваю работу над книгой о современной, начиная с 1970-х гг., историографии, в которой доказываю, что различные теории, обычно ассоциируемые с нарративизмом, лингвистическим поворотом и постструктурализмом, привели к производству историй, которые в значительной мере рефлексировать по поводу требований производства идентичности через историописание, и это эффективно подрывает саму связь между историописанием и формированием идентичности, которая установилась с конца XIX в. Книга выйдет в издательстве Кембриджского университета в следующем году, и я надеюсь, что она будет служить как введение в недавние тренды историографии, так и рассказом об отношениях между историописанием и формированием идентичности.

После этого я собираюсь уделить больше внимания истории деиндустриализации в сравнительной и транснациональной перспективах. Последние восемь лет я пребываю в Рурском регионе, где столкнулся с тем огромным политическим, социальным, культурным и экономическим воздействием деиндустриализации на память и идентичность. Сравнение этого опыта с опытом деиндустриализации в других странах представляется мне важным занятием, поскольку в подобных регионах мы также видим рост ксенофобии

и популярности националистически настроенных правых, и именно в этих регионах агонистическое посредничество представляется особенно необходимым. Тщательное исследование того, как эти регионы развивались и как они пришли к нынешнему положению, а также какие разнообразные образы будущего воображают их жители, представляется мне одной из предпосылок для агонистического посредничества.

С. Э. Спасибо за интервью!

“AGONISTIC MEMORY IS OPEN-ENDEDLY DIALOGIC IN A BAKHTINIAN SENSE”.

Interview with S. Berger

Berger Stefan – Director of the Institute for Social Movements at Ruhr University Bochum (Germany), Chairman of the History of the Ruhr Foundation, Professor of Social History at the Ruhr University Bochum, Honorary Professorship at Cardiff University (United Kingdom)

Key words: history and memory, memory and identity, transnational and national forms of memory, antagonistic and agonistic memories.

Abstract. In his interview Stefan Berger discusses the role of the historical corporation in construction of the nation-state’s identity and memory. He argues that historians do not mistakenly combine history and memory in their research, but historiography is an inherent part of collective memory. Implementing their memory function historians played important role in the warlike excitement before the First World War and in the current flow of nationalism, which has affected the majority of European countries. According to prof. Berger transnational forms of memory and identity are not able to resist to the antagonistic memory, which is generated by growing far-right movements. In his opinion the technologies of agonistic memory provide effective instruments for the peaceful dissolution of memory wars which are fraught by internal and external bloodshed conflicts.

В. Е. Кельнер

АВРААМ ГАРКАВИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Ключевые слова: евреи, Россия, Литва, университет, образование, национальные особенности, востоковедение, еврейские организации, еврейское национальное сознание, еврейская историческая память.

Аннотация. Работа посвящена деятельности известного востоковеда, гебраиста и семитолога А.Я. Гаркави по исследованию истории евреев в России. В ней фактически впервые определяется его значение в деле становления исторического самосознания российского еврейства во второй половине XIX — вначале XX в. В статье дается анализ целого комплекса документов из личных фондов ученого, находящихся в архивах России, Украины и Израиля.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-24-47

«Знакомство с прошлыми судьбами своего народа составляет постоянную потребность всякого культурного человека».

А. Я. Гаркави

В 1860–1880-е гг. основателем еврейской национальной исторической школы в России, сильно повлиявшим на становление исторического самосознания образованного российского еврейства, сохранение в его национальной памяти более ранних этапов в истории евреев Восточной Европы, стал петербургский востоковед А.Я. Гаркави. Истоки

его интереса к ранней истории евреев на территории Древней Руси, а в дальнейшем и на территории Российской империи во многом следует искать в распространении идей Гаскалы (еврейского Просвещения) и в особенностях региона, в котором он родился и вырос. Авраам Элияху Гаркави родился в 1835 г. в традиционной еврейской семье. Его предки переселились в город Новогрудок, тогдашней Речи Посполитой, в середине XVIII в. из пределов восточной части Габсбургской империи. Евреи жили на этой территории еще со времен римского завоевания. Род

© В. Е. Кельнер, 2020

Кельнер Виктор Ефимович — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге; Viktorkeln45@mail.ru

Гаркави был тесно связан семейными узами и деловыми отношениями с крупнейшими еврейскими родами Праги, Познани и Вильно. Его представители совмещали традиционную талмудическую ученость с активной предпринимательской деятельностью. Основателем той родовой ветви, к которой принадлежал Авраам, считается Гершон Гаркави. Видимо, он стал одним из первых Гаркави, перебравшихся в Новогрудок в середине XVIII в. Тогда, после войн и опустошений, произведенных в этом регионе шведскими, казачьими, а также и русскими императорскими войсками, к возрождению города были привлечены и евреи. «Перетекание» евреев из других областей Речи Посполитой и Священной Римской империи в этот регион было обусловлено двумя факторами: спорадическим усилением антиеврейской политики в прежних местах компактного проживания евреев и благоприятными экономическими возможностями, открывавшимися на новых территориях. После всех пережитых катаклизмов здесь начался подъем экономики и еврейской религиозной жизни, а потому потребовались люди, обладавшие необходимыми знаниями и навыками. Представители рода Гаркави один за другим занимали в городе посты раввинов, а затем, достигнув преклонного возраста, как правило, уезжали в Иерусалим или в Цфат, для того чтобы умереть на земле Древнего Израиля, в святых для каждого еврея местах. В годы юности Гаркави евреи составляли значительную часть населения Новогрудка.

Дед Авраама со стороны матери, раввин Натан Вейсбрем проживал не-

подалеку в местечке Ивье. Гаркави в детстве довольно долго жил у него и учился. Обучение дедом-раввином внуков — старинная национальная традиция (*Штамфер* 2014). Ивье по тем временам было крупным местечком. Евреи составляли в нем в середине XIX в. примерно половину населения.

Гаркави получил традиционное национальное образование. Первыми его учителями были родные — отец Яков (Элиаху), ставший на склоне лет рош-йешива (главой специального религиозного учебного заведения) в Иерусалиме (*Берлин* 1910), и, как отмечалось, дед по матери Натан Вайсбрем (*Хаеш* 1995). Все выходцы из семьи Гаркави считались знатоками Талмуда. Прижизненная статья, посвященная 35-летию юбилею научной деятельности А.Я. Гаркави, сообщает: «Окружавшая А.Я. среда была по преимуществу ортодоксальная, преданная внешнему благочестию, — что впоследствии в известной степени отразилось на образе жизни и мыслей почтенного А.Я.». Программа обучения была сформирована многовековой традицией обязательного обучения еврейских мальчиков. Дети с трех лет последовательно изучали Тору и Талмуд. История в этой системе преподавания занимала особое место, но касалась лишь древней ее части в сугубо религиозной интерпретации. В 1858 г. А.Я. Гаркави поступил в Виленское раввинское училище. По указу императора Александра II учащиеся этого училища были освобождены от рекрутского набора, а выдержавшие экзамен по латыни и французскому в дальнейшем имели право поступать в университет.

Отметим, что учился он «за казенный счет», что говорит о том, что семья к этому времени, вероятно, уже в значительной степени обеднела¹. Возможно, выбор Виленского раввинского училища был обусловлен и тем, что в этом городе проживали многочисленные авторитетные и довольно состоятельные родственники.

С взглядами на историю еврейства последователей Гаскалы А.Я. Гаркави, вероятно всего, ознакомился, посещая дома своих родственников, представителей образованной еврейской интеллигенции того периода: Роммов и Страшунов. Семья Роммов с конца XVIII в. владела крупнейшим еврейским книгоиздательским и книготорговым комплексом в Речи Посполитой, а затем и в Российской империи (Аграновский 1994: 115–126). Основой этого предприятия была типография, в которой печаталась литература на древнееврейском языке (Там же). Род Страшунов в тот же период славился рядом известных талмудистов и сторонников Гаскалы. Один из них, гебраист Матисьягу (Матиас), обладал огромной библиотекой, в которой, помимо прочего, находились уникальные источники по истории евреев. Это были первопечатные еврейские из-

дания, рукописи, принадлежавшие перу известных раввинов и цадииков, пинкасы и прочие общинные книги.

В самом раввинском училище, как и везде, изучалась лишь история евреев в древние века. Однако юного Гаркави больше интересовали особенности происхождения и развития еврейства на территориях бывшего Великого княжества Литовского. Надо сказать, что, независимо от миграции ашкеназийского еврейства, примерно с XII в. волнами накатывавшего со стороны германских земель (Священной Римской империи), литваки имели свою собственную раннюю историю, наложившую значительный отпечаток на их культуру, бытовые и даже этнические особенности².

Интерес Гаркави к истории именно российского еврейства был по тем временам скорее исключением из правил. Ведь ранее евреи редко выходили за пределы традиции, и «...поколения за поколениями, от средних веков да самого XIX в. <...> были преданы исключительно своему **древнему** (выделено автором — Б. Натансом) прошлому» (Натанс 2007: 164). Но еще в юности, вращаясь в интеллектуальных кру-

¹ В дальнейшем и в университете он учился на тех же условиях (личный архив А. И. Хаеша, который любезно предоставил мне свое собрание). Однако возможно, что отказ семьи поддерживать его материально был обусловлен и тем, что юноша нарушил семейные традиции, не пожелав становиться ни раввином, ни предпринимателем. Будучи потомком Гаркави, петербургский историк А. И. Хаеш одним из первых начал исследование его генеалогии (см. его работу: Хаеш 1995: 228–234).

² Литовское еврейство фиксировало свою историю с X в. Оно включало в свой состав как евреев, так и караимов, приведенных из Крыма великим князем Витовтом в XIV в. В то же время вряд ли Гаркави не мог не заинтересоваться наследием, оставленным сефардами в Подолье и Вольни за время короткого нахождения этих областей под турецким владычеством. В Литве, как нигде, долгое время чувствовалось разнообразие в происхождении евреев. Тут были потомки и византийских евреев и крымчаков, и славяноязычного южнорусского еврейства. На этих территориях «автохтоны» подверглись мощному влиянию еврейства западноевропейского, говорившего и мыслявшего на идише.

гах Вильно, Гаркави познакомился с работами по еврейской тематике польского государственного деятеля и историка Т. Чацкого (*Czacki* 1807). Уже в начале 1860-х гг. он мог читать исторические заметки, то и дело появлявшиеся на страницах еврейских периодических изданий того времени, в «Гакармеле», «Рассвете» и «Сионе»³. Но главное, в годы обучения в Виленском раввинском училище он сблизился с преподававшим там С.-И. Финном, одним из лидеров Гаскалы в Литве. На тот период Финн являлся практически единственным человеком в пределах Российской империи, пытавшимся не только профессионально заниматься историей евреев, но и делать это, опираясь на национальные традиции⁴. Финн печатал свои исторические работы в сборниках: «На-Karmel» и «Sofre Israel». В 1860-е гг. он приступил к работе над полной историей евреев. Однако в свет вышли лишь два тома, посвященных древнему периоду (*Dibre...* 1876–1877). В своем труде он пытался совместить традиционные историософские воззрения на еврейскую историю с достижениями современной ему историографии. С.-И. Финн уже долгие годы входил в узкую группу виленских сторонников Гаскалы, к которой принадлежали и родственники Гаркави — Роммы и Страшуны. В 1860 г. Финн опубликовал специальную работу по истории

Виленской еврейской общины (*Finn* 1860). Позднее он выпустил в свет труд по истории и истории культуры литовского еврейства «Safah le-Neema» (*Finn* 1879). Эти произведения фактически создавались «на глазах» молодого Гаркави.

За годы, проведенные в Вильно, находясь в интеллектуальных кругах сторонников Гаскалы, Гаркави проникся национальным историческим сознанием и убеждением в том, что его дальнейший жизненный путь связан не только с наукой, но прежде всего с изучением именно российского еврейства. Вслед за своим учителем Финном он начал рассматривать историю евреев Литвы и Белоруссии как часть истории всероссийского еврейства.

Решение Гаркави о поступлении на Восточный факультет Петербургского университета вызвало некоторое недоумение и беспокойство со стороны родственников и знакомых⁵. Законы Российской империи предельно жестко ограничивали возможности государственной службы для лиц, придерживавшихся иудейского вероисповедания. Реформы 1860-х гг. предоставляли евреям, получившим высшее образование, возможности фактически работать только в таких сферах, как медицина и адвокатура (*Иванов* 2007). Для еврея, желавшего профессионально

³ Указатель содержания «Приложения к журналу “Гакармель”» / сост. А. Бржезовская // Вестник еврейского университета в Москве. 1996. № 3 (13); «Сион». Аннот. Указ. содерж. / сост. А. Бржезовская // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10); Указатель содержания журнала «Рассвет» / сост. А. Бржезовская // Вестник еврейского университета в Москве. 1998. № 1 (17).

⁴ Хотя С.-И. Финн и не имел формально, по тогдашним меркам, высшего образования.

⁵ Так, близкий ему двоюродный брат Владимир Гаркави, впоследствии адвокат и один из лидеров еврейской общины в Москве, прямо выражал беспокойство в связи с возможными последствиями

заняться историей своего народа и при этом отказывающегося принять христианство, государственные учреждения оказывались недоступными, а иных в то время фактически не было. К тому же в университетах не было такого предмета, как история еврейского народа. Оставался только Восточный факультет, на котором в рамках гебраистики и истории Древнего Востока можно было изыскать определенную нишу и для истории евреев в Diasпоре.

Годы вступления Гаркави в науку совпали с началом некоторой систематизации в деле изучения истории, в том числе и российского еврейства. В первую очередь это было связано с деятельностью Общества просвещения среди евреев в России (ОПЕ), созданного в Петербурге в 1863 г. группой состоятельных и просвещенных евреев. С помощью этого общества они стремились содействовать делу просвещения и сближения еврейского населения с отечественной культурой. Одной из главных задач, стоявших перед ОПЕ, стала пропаганда исторических знаний. Но на начальном этапе это не выходило за рамки декларации. И только десятилетие спустя, уже при активном участии самого Гаркави, научные исследования действительно стали поддерживаться Обществом. А. Я. Гаркави с первых дней своего пребывания в Петербурге стал сотрудничать с ОПЕ. Это сотрудничество продолжалось всю его жизнь. Однако первоначально усилия ОПЕ по созданию системы национального исторического образования не во-

зымели успеха. Для этого не только не существовало мало-мальски массового национального запроса, но и не было еще даже узкого слоя интеллигенции, которая могла бы создавать и потреблять соответствующую научную литературу. Случайные переводные и компилятивные публикации картину не меняли. Ведущим специалистом по гебраистике в университете считался Д. А. Хвольсон. Этот ученый сыграл большую роль в жизни Гаркави. И эта роль не всегда была положительной (Носоновский 2008). Сам Хвольсон — мальчик из бедной семьи, путем лишений, при своем огромном упорстве, сумел получить образование в Германии, став признанным ученым — востоковедом, профессором университета. Для этого он вынужден был принять христианство.

Поступив в 1863 г. в университет, Гаркави всецело отдался науке. Имея прочную языковую основу, владея европейскими и еврейскими языками, он сосредоточился на изучении восточных языков. В то же время он сумел всецело использовать накопленный еще в Вильно научный багаж. Первые научные опыты он осуществил еще в самом начале 1860-х гг., напечатав в выходившем в Вильно журнале «Гакармель» несколько заметок по истории литовского еврейства и «языка Талмуда». Безусловно, в этом ему покровительствовал редактировавший журнал С.-И. Финн. Теперь, спустя несколько лет, опираясь на полученные на первых курсах университета знания, Гаркави подготовил

такого решения (ЦГИАУ 1). В это же время отец Гаркави, оставив все дела, переехал в Эрец-Исраэль, где основал собственное учебное заведение — иешиву (Личный архив А. И. Хаеша).

и вскоре выпустил в свет в 1865 г. специальную работу «Об языке евреев живших в древнее время на Руси и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (Из исследований об истории евреев в России)»⁶. Естественно, такая работа, принадлежавшая перу студента, могла выйти в свет только при всецелой поддержке со стороны руководителей факультета⁷. Материальную поддержку ему оказало ОПЕ.

Эта узкоспециальная работа⁸ вызвала интерес и полемику в среде образованной части еврейского общины Петербурга и в других крупных центрах, в которых проживало еврейское население. Определенное внимание привлекла она и в научной среде.

Первая рецензия на эту работу появилась в журнале «Вестник Европы» в декабре 1866 г. В ней, в частности, говорилось: «Брошюра эта сообщает нам, что в некоторых комментариях на Талмуд иные темные места пояснены славянскими словами... При этом следует заметить, что у евреев употреблялись славянские собственные имена. Из этого не видно, однако, повсеместного употребления славянских языков в жизни у евреев, и вообще пребывание евреев в славянских землях с чужим, для

туземцев обыденным, языком есть исключительный факт в судьбе евреев, обыкновенно везде усваивавших язык края, где они жили». О значении этого исследования говорил и известный славист В.И. Ламанский.

Заинтересовался этой работой и будущий палестинофил, а тогда авторитетный публицист и писатель, сторонник максимального культурного сближения российского еврейства с отечественной культурой — Л. О. Леванда (*Маркиш* 1995: 2; 1996: 3). В ответ на присланное им письмо, 21 июля 1866 г. Гаркави писал: «Милостивый государь!

Через Вашего брата⁹, получил я Ваше письмо от 14 с.м. Искренне благодарю Вас за желание поговорить о моей брошюре»¹⁰.

Сегодня, рассматривая выдвинутые молодым ученым аргументы, можно отметить его излишнюю увлеченность собственными источниковыми и филологическими находками, их абсолютизацию и стремление как можно скорее «сказать свое слово в науке». Объясняется это еще и тем, что в этот период становление национальной историографии происходило в условиях выхода евреев

⁶ Работа была приобретена ОПЕ у А.Я. Гаркави в количестве 1500 экз.: «для распространения ее между евреями», т. к., по заключению руководства этого Общества, в ней: «...доказывается, что предки наши в старину говорили на отечественном славянском языке, <...> [что] имеет особое значение». (*Чериковер* 2013: 105–106).

⁷ Сам А.Я. Гаркави неоднократно говорит об этом в самой работе, упоминая В.В. Григорьева и А.К. Казимбека. Особо тогда он отмечал Д.А. Хвольсона: «...мы много обязаны этому известному ученому и нашему учителю за советы и поощрения к исследованиям в области истории Евреев нашего отечества». (*Гаркави* 1865: 17).

⁸ В 1867 г. в Вильно была издана ивритская версия этой книги «Ха-иехудим у-сфат ха-славим».

⁹ Имеется в виду известный юрист и кодификатор В.О. Леванда.

¹⁰ Архив межфакультетского центра Европейского университета в СПб. «Петербургская иудайка».

на российскую политическую и гражданскую арену. Естественно, Гаркави не мог от этого абстрагироваться. Он создал теорию о том, что современное ему российское еврейство — это синтез прежнего иудейского населения, которое некогда было представлено хазарами, переселенцами из Византии и с Кавказа. Именно оно, по его мнению, доминировало в Крыму и Причерноморье с раннего Средневековья и до XVII в. Впоследствии это население оказалось полностью поглощенным европейскими евреями.

Эта работа была в известной степени «спровоцирована» изданиями в Германии трудов историков школы «*Виссеншафт дес Юдентумс*» (*Wissenschaft des Judenthums*), возникшей в 1810–1820-х гг., и работами немецкого историка еврейского народа Г. Греца. Свой труд Гаркави и начинал с того, что доказывал: «... первыми евреями в Южной Руси были не германские, как утверждает Гретц и другие немецкие ученые, а боспорские и азиатские, пришедшие через Кавказ» (*Гаркави* 1865: 3).

В 1868 г. Гаркави защитил магистерскую диссертацию, а в 1872 г. он успешно защитил докторскую диссертацию. Министерство народного просвещения направило его на работу в Императорскую Публичную библиотеку (САНПР).. В этой библиотеке к тому времени уже сконцентрировался огромный рукописный материал по истории евреев¹¹.

Командировка в Германию дала ему возможность ознакомиться со всем комплексом трудов наиболее обсуждаемого в ту пору специалиста — Генриха Греца. Гаркави воспринял его критический подход и стремление максимально разнообразить базу источников. Главное, он по достоинству оценил то, что Грец одним из первых вышел за пределы древней истории евреев и распространил свое внимание и на судьбу еврейского народа в диаспоре. Правда, историю евреев на территории Польши, Литвы и России Грец затронул лишь поверхностно. Но Гаркави отметил тот факт, что Грец, возможно, первым из европейских ученых сказал о двух волнах еврейской миграции на эти территории еще в период раннего Средневековья: с Запада и с Востока (*Грец* 1888: 62). Признание этого факта позволило Гаркави выявить исторические и культурные особенности развития этих двух «диаспор», их последующее влияние на формирование российского еврейства во всем его разнообразии. При этом он отметил, что изначально, еще в 1828 г. представитель раннего маскилизма (еврейского просветительства) в России писатель, поэт и мыслитель И.-Б. Левинзон в своей работе «Теуда бе-Израиль» («Увещение Израиля») затрагивал тему бытования евреев еще в раннее Средневековье на территории будущей России (*Гаркави* 1865: 7).

В круг интересов Гаркави вошли источники на арабском языке, дав-

¹¹ (Архив РНБ). В это время Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге потребовался специалист-семитолог для разбора и изучения материалов, приобретенных у караимского путешественника и коллекционера А.С. Фирковича. Фиркович Авраам Самуилович (1786–1874) — караимский писатель, археолог, собиратель рукописей. О полемике вокруг этой коллекции см.: (*Вихнович* 1997).

шие представление не только о иудейском населении Средней Азии и Кавказа, но и о первых контактах Руси с евреями — купцами (родонитами), следовавшими через Киевскую Русь из Испании и Франции на Восток. Гаркави установил, что еще до того, как Крестовые походы и религиозные гонения «сдвинули» западное, ашкеназийское еврейство на территорию Восточной Польши, здесь уже, возможно, находилась некая особая группа славяноязычного еврейства — кенааним (кенааниты), а также потомки хазар и византийских евреев (Jews and Slavs 2014).

Следы этого населения еще можно было обнаружить в Литве в годы молодости Гаркави, но уже только посредством лингвистического анализа и ряда сохранившихся артефактов, а также свидетельств путешественников. Ашкеназийское еврейство к XVII в. полностью ассимилировало его, сделав уже еврейством, как в языковом, так и в культурном отношении — идишистским. Именно этому процессу и посвящено одно из первых крупных исследований А.Я. Гаркави. Его основной целью тогда было выяснение спорного момента в отношении происхождения российского еврейства: «...переменяли ли Евреи, прибывшие из кавказских земель и греческих колоний в славянские земли, принесенные ими языки на язык славянский, или же оставались при тех языках до поглощения германскими евреями?» (Гаркави 1865: 3).

Обучаясь на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, Гаркави, по всей видимости, имел возможность хотя бы эпизодически

посещать лекции на Историко-филологическом факультете. Позднее командировки в университеты Германии и Франции только укрепили в нем убеждение о необходимости синтетического языкового и исторического подхода к изучению российского еврейства, как на ранней стадии, так и на последующих этапах его исторического развития. Во всех его последующих исторических трудах для него главным стали выявление, систематизация и анализ фактов, собранных при обращении к огромному числу разноязычных источников. Исторический метод он совмещал с методом лингвистического анализа. Это было необходимо при изучении истории народа, жившего в плотном окружении, во взаимодействии и противостоянии с многочисленными народами, населявшими территорию будущей Российской империи в раннее Средневековье. Главным достоинством его работ стало то, что он ввел в научный оборот источники национального происхождения, в том числе и раввинские послания, пинкасы (общинные летописи) и религиозные произведения (слихот). Он хорошо осознал те трудности, которые ожидали его при работе по изучению национальной истории евреев в России. Ведь этим предметом в его стране интересовались практически всегда. Те или иные аспекты истории евреев на территории России рассматривались В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, В.О. Ключевским, Н.И. Костомаровым, С.М. Соловьевым и другими «отцами» русской историографии (Петрухин 2001; Иоффе 2003: 4). В принципе, они интерпретировали историю евреев в пределах государства Российского, оставаясь

на официальных, государственных позициях и тех, что существовали в рамках принятой религиозной концепции. Существование евреев регулировалось специальными законами, а для православного духовенства иудаизм оставался опасным противником.

Защита А.Я. Гаркави диссертации и его публикации в научной печати вызвали большой интерес, главным образом просвещенной части петербургского еврейского сообщества.

Резонанс, вызванный защитой Гаркави и его публикациями в кругах еврейской интеллигенции, не воплотился, однако, в последующие усилия по развитию историографии российского еврейства. На протяжении еще ряда лет исторические публикации на эти темы продолжали носить по большей части компилятивный, фрагментарный и дилетантский характер. В 1880 г. Гаркави продолжал сожалеть об отсутствии научных трудов по истории евреев в России. По его мнению, у западноевропейских историков отношение к истории русских евреев было «крайне пренебрежительное» (Гаркави 1880: 346). В предисловии к изданию учебника, написанного немецким историком и педагогом Э. Гехтом, Гаркави сетовал на «скудность исторических известий о русских евреях», связанную с тем, что сами русские евреи «не заботились о собирании и издании в свет документов и исторических известий о прошлых судьбах своих предков». Для пре-

одоления этого разрыва он считал необходимым начать в «старых общинах» сбор документов. Он писал: «Только после сбора документов и их анализа можно будет создать историю. А пока наш общий девиз должен быть: *laboremus!*» (Гаркави 1881: 5)¹². Гаркави старался регулярно публиковать на русском языке «Обозрения материалов для истории евреев в России» в «Вестнике русских евреев» и позднее в «Рассвете» (Гаркави 1871: 20–23; 1880: 9–12, 48, 50; 1881: 1–3). Но шли годы, и процесс участия евреев в исследовании собственного прошлого практически не ускорялся.

В то же время не получила широкого развития и историография на древнееврейском языке. После С.-И. Финна, опубликовавшего свою книгу по истории евреев в Вильно, следующие труды, в которых делалась попытка осветить историю общин Гродно и Брест-Литовска, появились в свет только в 1880-е гг.¹³

А.Я. Гаркави на протяжении многих лет всячески пытался вызвать интерес к истории у евреев — своих соотечественников. На древнееврейском языке в газетах «Гакармель» и «Гамелиц» он еще начиная с 1864 г. напечатал серию обзорных статей и библиографических справок под общим названием «Исследования по истории евреев в России». Часто параллельно они выходили в свет и на русском языке в тогда еще молодой русскоязычной еврейской печати. Этот опыт он продолжал и в дальнейшем, печая-

¹² *Laboremus* — будем трудиться (лат. яз.).

¹³ Обе работы были выполнены по заказу и при субсидировании еврейского общинного правления этих городов.

тая свои сугубо научные труды в редких еще в те времена еврейских изданиях, выходявших на русском языке. Он стремился использовать любой повод для того, чтобы интенсифицировать историческое сознание и национальную память российского еврейства. Так, в 1871 г. широкий резонанс вызвало экспонирование работы скульптора М. Антокольского «Иван Грозный». В небольшой заметке по этому поводу Гаркави не упустил возможность отметить тот факт, что скульптор — еврей, своей нетрадиционной трактовкой образа этого царя как бы совершивший некий акт «нравственного мщения». В этой рецензии он напоминает о той роли, которую сыграл Иван Грозный в истории евреев, особенно об уничтожении в 1563 г. по его приказу еврейского населения Полоцка, города, взятого русскими войсками в ходе войны с Речью Посполитой (Гаркави 1871а: 10: 304–305; Glants 2010: 85–117). Практически на протяжении всей своей научной жизни А.Я. Гаркави приходилось полемизировать по проблемам истории еврейского народа в России. Одним из поводов для подобной полемики стало и обнаружение им фактов активного участия евреев в исторической жизни окружающих народов. Так, Гаркави, комментируя труды Г. Греца, отметил, что тот «...говорит только о том, что евреи на Украине занимались только эксплуатацией казаков». Гаркави приводит пример,

совершенно не соответствующий принятым в историографии и в тогдашней исторической памяти клише. Он изучил ряд собственно еврейских документов, в том числе и респонсов того времени¹⁴. Стилистически это «вопросы и ответы», письменные разъяснения и решения по галахическим (т.е. связанным со следованием традиционному еврейскому праву) и судебным вопросам, которые даются признанными религиозными авторитетами в ответ на запросы общин и отдельных лиц. Наряду со своим непосредственным значением, респонсы представляют огромный интерес для историков, поскольку вопросы, с которыми рядовые люди обращались к признанным авторитетам своего времени, содержали многочисленные конкретные детали, отражающие образ жизни, занятия, социальный статус, быт и т.п. евреев какой-либо общины в соответствующий период. Анализируя содержание сборника таких документов, Гаркави фиксирует даже случай прямого участия евреев в XVII в. в боевых действиях на стороне казаков. Он приводит данные о том, что некий еврей Берах (Берка), пришедший служить в отряд Наливайко¹⁵ «на трех конях, и погиб в столкновении с московскими войсками». Подтвердил это «бывший при этом бое еврей Иосиф, Моисеев сын». Он же указывал и на то, что всего евреев в этом отряде было 11 человек¹⁶. В ту историческую эпоху, в условиях

¹⁴ Респонсы — жанр раввинистической литературы.

¹⁵ Не ясно, о каком из казачьих предводителей, носивших эту фамилию, идет речь, ибо знаменитый Северин Наливайко в событиях, о которых идет речь, не участвовал, ведь он был казнен в Варшаве еще в 1597 г.

¹⁶ Сыркис Иоэль (Бах) (1561–1640) — талмудист, раввин ряда общин в Речи Посполитой. Автор целого ряда произведений и респонсов, включавших и исторические сведения из жизни евреев в Польше и Литве.

проявлений геноцида со стороны казаков против неправославного населения (католиков и евреев), ни о какой службе евреев в казацких подразделениях и речи быть не могло. Напротив, евреи с оружием в руках, как и столетие до того, активно участвовали в защите польских городов и крепостей от казацких и татарских набегов. Сведения об этом Гаркави почерпнул из респонсов другого известного раввина той эпохи реб Меира Люблинского (Магарама), бывшего некогда и раввином во Львове (Гаркави 1880а: 1984–1986).

Гаркави привел также извлечение из респонсов с описанием случая участия евреев в обороне от набега татар. В конце этой публикации он, отвечая на критику с националистических позиций подобных его исследований, писал: «...это обстоятельство (критика со стороны националистов. — В.К.) нисколько, конечно, не помешает мне продолжить извлечение исторических заметок из еврейских источников, ибо я уверен, что заметки эти не будут бесполезны для истории евреев в нашем отечестве и сочтутся, быть может, не безынтересными и русскими историками... ведь цель историка — искание правды и восстановление прошлого по всем — хотя бы и по еврейским документам, сохранившимся для нас».

Гаркави изучил множество национальных сличот (молитв), хроник и литургических поэм (*Иерушалми* 2004). При этом он в своих источниковедческих изысканиях пошел дальше — он включил, одним из первых

исследователем, в круг источников по истории евреев России не только раввинские респонсы, но также документы польского происхождения, в том числе донесения и мемуары¹⁷. Естественно, он не мог пройти мимо свидетельств об участии евреев в обороне таких крупных, по тем временам, географических пунктов, с многочисленным еврейским населением, как Тульчин, Немиров, Бар, Сатанов, Каменец, в XVI — начале XVIII в.

В своих исследованиях А.Я. Гаркави искусно соединял тончайший филологический анализ источников, опубликованных на разных языках, с методологическими достижениями русской исторической школы. Одно за другим вышли в свет такие его произведения, как: «Русь и русское в средневековой еврейской литературе» («Восход» 1881, 1882), «Следы знакомства с еврейским языком в древней русской письменности» («Еврейское обозрение», 1884). До начала 1880-х гг. в России не было постоянной издательской возможности для регулярных публикаций исследований по истории отечественного еврейства. Только с 1880-х гг. издательская ситуация медленно, но неуклонно стала меняться. В свет регулярно стал выходить журнал «Восход». В создании программы этого журнала участвовал и А.Я. Гаркави. В представленной в Главное управление по делам печати программе «Восхода» значились «статьи по истории евреев в России и за границей» (РГИА). Уже в первом номере этого журнала Гаркави

¹⁷ Первым исследователем, обратившим на это внимание, был американский историк Б. Натанс. См.: (Натанс 2007: 200).

опубликовал исторический очерк «Русь и русское в средневековой еврейской литературе» (Гаркави 1881; 1882). В дальнейшем он оставался одним из самых активных авторов этого издания. Среди опубликованных им работ была и такая важная с точки зрения истории еврейства, как «Исторические очерки синода четырех стран» (Гаркави 1884).

В конце 1870-х гг. история евреев Речи Посполитой стала предметом исследования русского ученого профессора С.-Петербургского университета С. А. Бершадского. Буквально параллельно с А. Я. Гаркави он приступил к изучению законодательных источников предыстории российского еврейства. Он создал целый цикл исследований по истории юридического положения евреев в средневековом Великом княжестве Литовском и позднее в Речи Посполитой. Будучи историком права, он и историю евреев в Литве и в Польше по большей части рассматривал с точки зрения эволюции их законодательного положения. При поддержке Гаркави Бершадский основал «Русско-еврейский архив», в рамках которого вплоть до начала XX в. было опубликовано несколько сводов источников. Среди них были документы из архивов Вильно и Киева. Эти документы впоследствии использовались всеми историками, исследовавшими проблемы истории российского и польского еврейства. Гаркави стал в 1883 г. и неофициальным оппонентом на защите Бершадским в Петербургском университете диссертации по истории юридического положения евреев в Речи Посполитой. Между Бершадским и Гаркави не было никакого сопер-

ничества. Можно сказать, что эту тему они разрабатывали, опираясь на различные источники. Если Бершадский рассматривал историю литовско-польского еврейства, опираясь на документы в основном на европейских языках, и, так сказать, смотрел на нее «русскими глазами», то Гаркави исследовал эту же историю прежде всего с еврейской точки зрения и использовал соответствующие источники на еврейских языках. Это особенно заметно при сопоставлении их работ, почти одновременно вышедших в свет (Гаркави 1884: 2, 4).

Для Гаркави постоянно сохраняла актуальность и история еврейского присутствия в Древней Руси (Вихнович 1992). Но в отличие от ряда иных исследователей, он не «страдал» комплексом неполноценности. Так, он не стремился безапелляционно доказывать чуть ли не автохтонность евреев на территории России. Как историк еврейского народа он прекрасно понимал всю историческую закономерность возникновения следов пребывания евреев в Древней Руси, в Крыму и в Хазарии. Его концепция состояла в том, что вся всемирная история евреев говорит об экономической и социальной обусловленности их появления на торговых путях и в торговых центрах своего времени. Славянские языки, по необходимости, стали для них языками делового и дипломатического общения. Религиозные гонения и социальные катаклизмы выталкивали значительное число евреев из европейской и азиатской диаспоры, с тем, чтобы создавать и в иных местах свои новые поселения. Гаркави с помощью филологического анализа показал значение

для евреев в Средние века прозелитизма и ассимиляции. Но это, по его мнению, ни в коей мере не умаляло еврейскую историю, а делало ее лишь многообразнее¹⁸.

Гаркави предлагает свою версию разрешения одного из самых важных и трудных вопросов истории евреев в России — происхождения древнерусского еврейства. Уже при его жизни в науке бытовало несколько гипотез. В их числе горячо дебатировались мнения о хазаро-тюркской и хазаро-славянской основе восточноевропейского, в том числе и российского еврейства¹⁹.

Свою концепцию Гаркави стремился документально обосновывать. Но это не значит, что он не пытался доказать исконность еврейского населения на этой территории, а значит, наличия достаточно значительного еврейского населения в Древней Руси. Для этого он старается «разъяснить показания еврейских авторов при помощи известий о евреях и еврействе в русских литературных памятниках и в других источниках, в связи с этими последними» (Гаркави 1881: 62).

К середине 1880-х гг. в жизнь российского еврейства вошла большая

группа людей, получивших образование в гимназиях и университетах. Годы их юности совпали не только с изменениями в общественной и политической жизни страны, но и с кардинальными переменами условий существования собственно еврейского населения. Реформы 1860-х гг. позволили значительному числу евреев покинуть черту оседлости, расширили возможности приобретения ими высшего образования. Сохраняя национальные традиции, они уже ощущали себя не просто евреями, а евреями российскими. Многие из них прочно интегрировались в отечественную экономическую, общественную и политическую жизнь. Некоторые представители этого поколения с энтузиазмом брались за изучение истории своего народа — видя в этом некий национальный долг. При этом у них существовал уже заметный языковой разрыв с представителями прошлых поколений. Теперь это уже была русско-еврейская интеллигенция (Кельнер 1996: 3 (13): 4–20). За редким исключением члены этой группы не владели еврейскими языками. Начиная с 1880-х гг. наиболее активным автором исторических работ стал С. М. Дубнов. Значительная часть его творчества основывалась на открытом и скрытом противосто-

¹⁸ Фактически современником А. Я. Гаркави, специалистом, с которым он многократно пересекался в своих научных интересах, был Иона-Хаим Гурлянд. Получив образование в том же Виленском раввинском училище, он под руководством Д. Хвольсона защитил диссертацию по истории арабско-еврейских культурных контактов, работал в Публичной библиотеке над изучением Коллекции Фирковича. Позднее он покинул Петербург, переехал в Одессу и, став раввином, продолжил свои исторические изыскания. В 1880-е гг. Гурлянд опубликовал на древнееврейском языке ряд трудов по истории евреев Украины XVI–XVII вв. (N. Sokolov. Seffer Zikkaron. 1903). Между двумя исследователями постоянно сохранялись напряженные отношения. Будучи человеком, близким к Хвольсону, Гурлянд не соглашался с критикой своего учителя со стороны Гаркави.

¹⁹ Отмечу, что великое открытие проживавшим тогда в Великобритании гебраистом и историком Шломо Шехтером рукописных богатств Каирской генизы, крупнейшего архива средневекового еврейства, было сделано только в самом конце XIX в. Работать с этим материалом в России стали лишь в 1910-е гг. По моему мнению, эти источники во многом подтверждают идеи Гаркави и одновременно наполняют их новым содержанием.

янии с Гаркави. Он не сумел, в отличие от Гаркави, получить высшее образование. Однако он был поистине гениальным самоучкой (Кельнер 2008). В 1880-е — первой половине 1890-х гг., по его собственному признанию, он находился в «стадии антитезиса». Это выразилось в стремлении критически пересмотреть основные традиционные установки и положения национальной историографии. В этом он должен был «столкнуться» с Гаркави (Дубнов 2004: 111, 118). В дальнейшем их профессиональное и личное противостояние не могло не отразиться и на развитии историографии²⁰. Гаркави, кроме всего прочего, был раздражен реформаторским пылом своего молодого оппонента и его чрезмерной критикой роли еврейской общины и Кагала в прошлом. Дубнов же, в свою очередь, критиковал старшего коллегу за инертность, консерватизм и «увлечение микроисторией», тогда как, он полагал, следовало изучать глубинные процессы истории российского еврейства, писать — «крупными мазками». В 1880-е гг. они практически параллельно работали над программой исследований по истории евреев в России. Но программа Дубнова была представлена несколькими яркими публикациями, написанными броско и публицистично. Они привлекли к себе больше внимания нового поколения

историков (Кельнер 2008: 190–192, 241–242). Тогда как Гаркави работал строго в академических рамках. Все же в основе их разногласий лежали прежде всего мировоззренческие, и в том числе и методологические различия. Наиболее ярко это проявилось в 1909 г. в статье С. М. Дубнова «Разговорный язык и народная литература польско-литовских евреев в XVI — первой пол. XVII века». Подробно и сверхкритически анализируя давнюю, опубликованную еще в 1865 г. известную работу Гаркави «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (Из исследований об истории евреев в России)», Дубнов прямо обвинял своего оппонента в том, что тот, в угоду политической целесообразности, якобы утверждал, что первоначально разговорным языком евреев на тех территориях был язык славянский. Дубнов писал: «Все эти предположения, частью основанные на догадках и случайных данных», стремились «доказать определенный тезис для апологетических надобностей [и] шли мимо широкой дороги научного исследования» (Дубнов 1909: 9). То, что эта статья Дубнова была явно и демонстративно опубликована в первом томе журнала «Еврейская Старина» — главном издании только что созданного Еврейского историко-этнографического

²⁰ Годы спустя С. М. Дубнов вспоминал об истоках его конфликта с Гаркави, начавшегося еще в 1880-х гг. вокруг комментария трудов Г. Греца: «Отдавая должное частичным поправкам и дополнениям Гаркави... я, однако, отверг претензию редактора русского издания на роль общедоступного исправителя исторической системы Греца и следующим образом подчеркнул различие между историографом и эрудитом: “При такой крупной работе (строителя еврейской историографии), естественно, должно было лететь много щепок и пропадать много стружек: много таких стружек поднято и сохранено в замечаниях Гаркави”. Эта частично несправедливая фраза явно обидела Гаркави, который и без того был зол на меня за мое вольнодумство, и впоследствии он относился ко мне недружелюбно». (Дубнов 2004: 111). На самом деле их расхождения носили не только личностный характер.

общества, фактически поставило Гаркави вне этого Общества.

В 1880-е гг. как глава Исторической комиссии ОПЕ и по ее поручению А.Я. Гаркави занимался разбором архива рано ушедшего из жизни С.А. Бершадского и участвовал в подготовке на его основе ряда важнейших изданий источников. Вообще следует отметить, что, по крайней мере, до начала нового века практически все исторические исследования в этой области создавались исключительно при поддержке ОПЕ. И по-прежнему для руководителей этого общества в лице представителей семейства Гинцбургов главным научным авторитетом оставался А.Я. Гаркави. Его слово в поддержку того или иного проекта было решающим.

На протяжении десятилетий Гаркави противостоял еврейским историкам так называемой «юридической школы». В условиях подъема национального самосознания в конце 1850-х — начале 1870-х гг. историческая тематика не сходила со страниц еврейской периодической печати. В большей или меньшей степени ей отдавали дань практически все еврейские газеты и журналы, издаваемые как на еврейских, так и на русском языках: «Гацефира», «Гамегид», «Гамелиц», «Гакармель», «Кол-Мевасер»; «День», «Рассвет», «Сион», «Еврейская библиотека». Появлявшиеся на их страницах статьи и очерки носили по большей части популярный и компилятивный характер. Но именно тогда зародилась так называемая «юридическая школа» — направление, определившее пути историографии евреев

на несколько десятилетий вперед. В поколении еврейских историков 1870–1880-х гг. преобладали профессиональные юристы. Большинство из них уже не владели в достаточной степени еврейскими языками. Но главное, им был закрыт доступ в государственные архивы. Поэтому они обратились к самому доступному и понятному для них «Полному своду законов», к многочисленным государственным документам, определявшим условия пребывания и жизни евреев в России. Это привело к тому, что национальная историография приобрела оборонительный характер. Собственно история российского еврейства подменялась историей еврейского вопроса.

Особую роль сыграл А.Я. Гаркави в деле профессионализации историков еврейства того времени. Под влиянием его работ в еврейскую национальную историографию вошла группа историков, которые, не будучи профессионалами, все же опирались на его метод. Такие историки, как И.Б. Берхин, Г.М. Барац, П.С. Марек, С.М. Гольдштейн, начиная с 1880-х гг., вслед за Гаркави, привлекали в качестве источников фольклор и раввинскую литературу, параллельно с источниками на русском и польском языках, и филологический анализ документов они совмещали с анализом сравнительно-историческим. Они сосредоточились на исследовании именно истории российского еврейства. Ее истоки они видели в истории евреев, проживавших на территории бывшей Речи Посполитой. И.Б. Берхин и Г.М. Барац в поисках «еврейского следа» обращались к русским летописям и древнерусскому фольклору

ру. Среди авторов, писавших на эти темы, можно выделить два имени: М. М. Станиславский и И. Б. Берхин.

С. М. (Ш.-Ю.) Станиславский на протяжении примерно сорока лет печатал в еврейской и русско-еврейской периодической печати свои изыскания в области истории евреев в России. В центре его внимания были выдающиеся фигуры еврейской истории и науки в России. В 1887 г. он стал одним из первых еврейских исследователей, обратившихся в своих изысканиях к первоисточникам при изучении истории еврейского населения Новороссии (*Станиславский* 1887: 9). И. Б. Берхину за свою недолгую жизнь удалось опубликовать несколько статей по истории российского еврейства, имевших под собой документальную основу в виде извлечений из древнерусских летописей (*Берхин* 1883; 1888). Практически все их произведения, печатавшиеся в «Восходе», проходили «цензуру» со стороны Гаркави.

В 1890-е гг. в составе Исторической комиссии в структуре ОПЕ, возглавляемой А. Я. Гаркави, сосредоточилась группа молодых адвокатов, историков-энтузиастов, поставивших перед собой цель способствовать широкому изучению истории российского еврейства и распространению знаний о ней (*Кельнер* 2018: 80–85). Они и «заставили» интенсифицировать работу комиссии. Ранее она на протяжении многих лет, в силу ряда обстоятельств, связанных с нехваткой более-менее подготовленных кадров, практически бездействовала. В 1893 г. секретарем этой

комиссии стал недавно приехавший в Петербург молодой адвокат М. М. Винавер. В состав этого кружка вошли люди, впоследствии ставшие видными общественными и политическими деятелями: Л. М. Брамсон, Л. О. Зайденман, Л. А. Сев, М. В. Познер, братья Бруцкусы. Гаркави еще некоторое время определял направление работы комиссии. Во главу угла он ставил прежде всего источники. Разрабатывая программу работ, он требовал фиксировать и собирать все виды еврейских рукописей, а затем уже готовить их к научной публикации при обязательном снабжении предисловиями и комментариями (ЦГИАУ 2). В конце 1880-х — 1890-е гг. он, по поручению руководства ОПЕ, посетил ряд его отделений в провинциальных городах, где знакомился и с организацией занятиями историей.

27 октября 1893 г. на заседании комиссии Гаркави прочел первую главу своего труда, «Очерка истории евреев в России»²¹. Далее читались выдержки из «Литовского Пинкаса» — основополагающего юридического документа, дающего представление о начальном периоде пребывания евреев в Речи Посполитой. На этом заседании было предложено составить и опубликовать для широкой общественности приглашение «К присылке документов и материалов для истории евреев». Заседание 27 октября Гаркави открыл речью, в которой «изложил настоятельную необходимость для русских евреев иметь составленную научно по первоначальным источникам историю своего народа вообще и историю евреев

²¹ В дальнейшем этот труд так и не был завершен.

в России, в особенности, так как нам последняя всего ближе, да к тому же она едва ли может быть успешно обработана иностранными учеными. Посему составление истории евреев в России должно быть главной целью Комиссии». В связи с этим референт представил обзор материалов для истории евреев на территории нынешней Российской империи, «начиная с древнейших времен до XIII столетия по Р. Х...». Как отмечалось далее в протоколе, «некоторые члены комиссии высказывали желание участвовать в разрабатывании специальных вопросов в области еврейской истории <...>. Вполне соглашаясь с этим, А.Я. Гаркави высказал готовность представить в следующем заседании несколько таких задач...» (ЦГИАУ 3).

Попытки Гаркави возродить активную работу в области истории в недрах ОПЕ и под его эгидой не увенчались успехом. К этому времени разрыв между ним и представителями нового поколения был уже непреодолим. Общество находилось под контролем его основателей и главных спонсоров, представителей семьи Гинцбургов. Гаркави оставался на позициях Гаскалы, идей еврейского просвещения первой половины XIX в. А тем временем еврейское общество в России под натиском экономических и социальных реформ стремительно менялось. Новому, общественно активному еврейскому населению, которое вышло на всероссийскую арену, требовалось и новое, современное историческое обоснование его существования. По меткому замечанию С. М. Дубнова, ранее «евреи были исключительно преданы лишь своей древней истории»

(Дубнов 1893: 111). Теперь же новое поколение ощущало себя не просто евреями, а евреями именно российскими. Они все громче предъявляли свои права на собственно историю евреев в пределах России. В самом начале XX в. в стране на волне интереса к истории появился ряд еврейских издательств, которые специализировались на выпуске исторической литературы на русском языке. Этот язык стал языком национальной истории. У истории российского еврейства появился свой читатель.

В начале XX в. увидели свет исторические труды Ю. И. Гессена. Не профессиональный историк, к тому же не владевший еврейскими языками, он тем не менее первым сумел проникнуть в государственные архивы. По сути Гессен посвятил свое творчество изучению истории еврейского вопроса, т.е. истории развития отношения государства к своему еврейскому населению.

В первое десятилетие XX в. в России большинство историков, связанных с еврейским национальным движением, было задействовано в создании «Еврейской энциклопедии». Уже сама идея подготовки такого издания говорит о том, какого высокого уровня достигло в стране еврейское национальное самосознание. В редакции исторических разделов энциклопедии и в написании основополагающих статей приняли участие С. М. Дубнов, Ю. И. Гессен, С. Л. Цинберг, П. С. Марек, И. М. Чериковер. Но Гаркави в этом мероприятии принял лишь самое эпизодическое участие. Ведущие специалисты в области еврейской истории были привлечены и к преподаванию

на Высших курсах востоковедения в С.-Петербурге. Среди преподавателей были и те, кто «прошел школу Гаркави». Но он сам, несмотря на то, что основателем этого учебного заведения был знакомый ему с детства гебраист Д. Г. Гинцбург, не вошел в число преподавателей.

Подъем национального самосознания российского еврейства сопровождался и его повышенным, массовым интересом к своей истории. Уловив эту тенденцию, молодое сионистское движение, опираясь на идеи и труды Дубнова, начало, в популярном изложении, активно пропагандировать достижения национальной историографии. По уверению Н. Соколова: «...в синагогах, в сотнях городов, читались лекции по еврейской истории» (Соколов 1901: 12)²².

На рубеже веков появилась историография на идише. В «Фолксбиблиотеке», издаваемой Шолом-Алейхемом, имелся раздел: «Научные, публицистические и другие статьи». В этом разделе определенный интерес вызывает статья М. Литинского «К истории евреев в Подолии». В альманахе М. Спектора «*Hoysz-fraynd*», периодически появлявшемся в свет с 1888 по 1896 г., тоже был раздел «Исторические и научные статьи». И здесь также печатался М. Литинский, но уже в качестве публикатора документов по истории евреев Украины. Им же в 1895 г. был выпущен в свет специальный том источников

на иврите по истории евреев Подолии²³. Исторические материалы публиковались и в еженедельнике «Ди Идише Велт».

В первые десятилетия XX в. стала следовать научным канонам историография на иврите. Особенно заметно это было по публикациям на страницах сборников «Ха-Меассев», «Сефер ха-шана» и журнала «Ха-Шиллоах». Большую известность в научном мире получила созданная на иврите монография бывшего вольнослушателя Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Б.-Ц. Каца «К истории евреев России, Польши и Литвы в XVI–XVII вв.» (1898)²⁴. Накануне Первой мировой войны труд по истории саббатинского и хасидского движений («Тольдот а-мекубалим а-шабтайм ве а-хасидим» [Одесса, 1913–1914]) издал известный историк литературы и филолог Д. И. Коган. Этот труд он создал на основе огромного семейного раввинского архива, который впоследствии был утерян в лихолетье войн и революций.

Русскоязычным столичным адвокатам и врачам, активным общественным и политическим деятелям, проникнутым социалистической и народнической идеологией, идеями русского либерализма, претили подчеркнутая религиозность Гаркави, его консерватизм. В условиях роста государственного антисемитизма Гаркави казался им слишком

²² Как известно, специальный обзор историографии евреев был сделан Н. Соколовым и на 5-м Всемирном сионистском конгрессе в 1902 г.

²³ Указано А. С. Френкелем.

²⁴ Годы спустя часть этой книги была использована автором при написании глав соответствующего тома коллективной монографии «История еврейского народа» (История еврейского народа 1914).

лояльным в отношении к официальным государственным структурам. Габбай Петербургской хоральной синагоги²⁵, многолетний сотрудник Императорской Публичной библиотеки, он к концу века имел звание действительного статского советника, ордена Св. Владимира, Св. Анны и Св. Станислава различных степеней. С 1901 г. Гаркави — потомственный дворянин. Дворянское достоинство он получил по выслуге лет и в соответствии с занимаемой им должностью (*Сахаров* 2012: 6: 23–31). Ему претили политическая активность молодых коллег, их попытки использовать исторические изыскания в своих политических целях, а также их исторический романтизм. К тому же новое поколение историков, согласно «политической повестке дня», в основном сосредоточило свое внимание на истории еврейского вопроса, т.е. на истории отношения государства к еврейскому населению.

Еще в 1882 г. Гаркави, оставаясь для руководства ОПЕ «главным ученым-историком», выдвинул специальную программу. В предисловии к первому тому «Русско-еврейского архива» он писал: «Задача составления полной и общей истории еврейского народа только тогда может быть выполнена, когда предварительно будут исполнены некоторые необходимые работы, а именно будут собраны и обработаны исторические документы о евреях, хранящиеся в государственных архивах, и в частных

собраниях; сделано будет описание всех сохранившихся материальных памятников, принадлежавших евреям, как, например, надписи на надгробных камнях, на рукописях, на зданиях; будет составлен свод летописных известий о евреях на всех европейских и восточных языках, будут сгруппированы исторические известия и данные о евреях, рассеянные по литературным памятникам всех народов» (Там же).

К началу XX в. стало ясно, что подобная конструкция уже не соответствовала требованиям нового времени, темпам радикализации еврейского национального сознания и, соответственно, интерпретации его исторической составляющей. Эта программа была подхвачена и доработана С.М. Дубновым (*Дубнов* 1891).

16 ноября 1908 г. в помещении Петербургской хоральной синагоги состоялось открытие Еврейского историко-этнографического общества. Первое слово было предоставлено... С.М. Дубнову. Избранный главой этого объединения М.М. Винавер, излагая ход создания данного общества, лишь вскользь упомянул А.Я. Гаркави.

Так, в начале XX в. А.Я. Гаркави по сути оказался вне нового научного сообщества²⁶. Только в 1910 г. в статье по случаю 50-летнего юбилея его научной деятельности И.З. Берлин отметил, что «он явля-

²⁵ Габбай — выборная должность в общинной структуре. Человек, ведающий организационными и финансовыми вопросами. А.Я. Гаркави был почетным габбаем.

²⁶ В журнале «Еврейская Старина» лишь однажды опубликовали его рецензию на книгу по истории Хазарии. Да и то, это выглядело как некий подарок ко дню 50-летнего юбилея его научной деятельности. В связи с этим в том же номере была опубликована и соответствующая случаю статья И.З. Берлина (Там же: 592–598).

ется первым исследователем древнего периода колонизации и культуры евреев в России и Польше». И его же Берлин назвал инициатором и автором программы издания источников по истории российского еврейства, осуществленной в 1880–1890-е гг. (Берлин 1910: 592–594). По сути огромный вклад А. Я. Гаркави в изучение истории российского еврейства тогда уже оказался не оценен по достоинству. Ученый, в свое время стоявший у истоков научного осмысления судеб еврейского народа в России, бывший неким «мостом» между историографией эпохи Гаскалы и современностью, оказался «забыт» на многие десятилетия²⁷.

К 1917 г. национальная историография российского еврейства прошла два этапа развития. В первый период, включающий в себя и так называемую «протоисторию», и работы «юридической школы», шло накопление и осмысление источников, формулировалось само понимание предмета исследования. В этот период, по сути, «еврейский вопрос» не был отделен от собственно истории народа, его непосредственной исторической памяти. Исторические труды в основном создавались не профессионалами-историками. Историография истории российского еврейства развивалась вне университетов и вне академической науки. На втором этапе, прошедшем под эгидой исторических воззрений А. Я. Гаркави и С. М. Дубнова, окончательно сформировалась своя шко-

ла национальной историографии. Была создана система, в которую вошли работы по отдельным проблемам и общие обобщающие труды. Историография российского еврейства отвечала всем основным критериям полноценного направления в науке. В свет выходили научные периодические издания, появились научные институты. Исследовательская школа истории российского еврейства отличалась концептуальным разнообразием. Еврейский вопрос, как предмет исследования, перестал доминировать среди иных проблем. Историография стала поистине национальной.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив РНБ — Архив Российской национальной библиотеки. Ф. 59. Оп. 1.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 6. 1880. Ед. хр. 501. Л. 2–3.

ЦГИАУ 1 — Центральный Государственный архив Украины. Ф. 997. Оп. 1. Д. 75. Л. 75.

ЦГИАУ 2 — ЦГИАУ. Ф. 321. Оп. 5. Д. 331 (950). Протоколы Комиссии по еврейской истории (1893).

ЦГИАУ 3 — ЦГИАУ. Ф. 321. Оп. 5. Д. 331 (950). Л. 1–5.

САНДР — Central Archives for the History of the Jewish People. Jerusalem. CD|341.02.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аграновский 1994 — Аграновский Г. Еврейское книгопечатание в Вильне в 60–70-е гг. XIX столетия // Вестник

²⁷ В 1919 г. в голодном Петрограде С. М. Дубнов записал в своем дневнике: «Умер на днях А. Гаркави. Умер и похоронен как все нынче: о его смерти я узнал из объявления в казенной газете... Говорят, что всего несколько человек провожали его на кладбище» (Дубнов 2004: 459). В начале ноября 1918 г., по дороге из библиотеки домой, А. Я. Гаркави был сбит машиной. После этого он так и не оправился и скончался 15 марта 1919 г.

еврейского университета в Москве. 1994. №1 (5). С. 115–126.

Берлин 1910 — *Берлин И.* Авраам Яковлевич Гаркави: К 50-летию юбилею его научно-литературной деятельности // Еврейская Старина. 1910. Т. 3. Вып. 4. С. 592–594.

Берхин 1883; 1888 — *Берхин И.М.* Из давно минувшего: Материалы и заметки по истории русских евреев // Восход. 1883. Т. 7/8. С. 148–155; Древнейшие известия о евреях в Киеве // Восход. 1888. Т. 11/12. С. 182–205.

Вихнович 1992 — *Вихнович В.Л.* А.Я. Гаркави и его труды по истории евреев в России // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. Сб. ст. Отв. ред. И. Крупник. М., 1992. С. 238–244.

Вихнович 1997 — *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб., 1997.

Гаркави 1865 — *Гаркави А.Я.* Об языке евреев живших в древнее время на Руси и о славянских словах встречаемых у еврейских писателей. (Из исследований об истории евреев в России). СПб., 1865.

Гаркави 1871 — *Гаркави А.Я.* Обзор материалов для истории евреев в России // Вестник русских евреев. 1871. №20–23; Рассвет. 1880. №9–12; 48, 50; 1881. №1, 3.

Гаркави 1871а — *Гаркави А.* Еврейское возмездие // Вестник российского еврейства. 1871. №10. С. 304–305.

Гаркави 1880 — *Гаркави А.Я.* Об истории изучения истории русских евреев // Рассвет. 1880. №9. С. 346–347.

Гаркави 1880а — *Гаркави А.Я.* Первобытная форма общей воинской повинности евреев на Вольны // Русский еврей. 1880. №50. С. 1984–1986.

Гаркави 1881 — *Гаркави А.Я.* Русь и русское в средневековой еврейской литературе. СПб., 1881.

Гаркави 1884 — *Гаркави А.Я.* Исторические очерки синода четырех стран // Восход. 1884. Кн. 2. С. 1–15; Кн. 4. С. 9–27.

Грец 1888 — *Грец Г.* История евреев: От эпохи Голландского Иерусалима до падения франкистов. 1618–1760. СПб., 1888.

Дубнов 1891 — *Дубнов С.М.* Об изучении истории русских евреев и учреждении Исторического общества. СПб., 1891.

Дубнов 1893 — *Дубнов С.М.* Что такое еврейская история? // Восход. 1893. Кн. 10/11. С. 105–120.

Дубнов 1909 — Разговорный язык и народная литература польско-литовских евреев в XVI — первой пол. XVII в. // Еврейская Старина. 1909. Т. 1. С. 7–40.

Дубнов 2004 — *Дубнов С.М.* Книга Жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. Иерусалим; М., 2004.

Иоффе 2003 — *Иоффе Д.* Еврейство и Русь на Rendez Vous межэтнического политеизма: о некоторых примечательных казусах современной историографии еврейского вопроса (на материале раннесредневековой Руси) // Ab Imperio. 2003. Т. 4. С. 581–603.

История еврейского народа 1914 — История еврейского народа / при ближайшем участии А.И. Браудо, М.Л. Вишницера, Ю.И. Гессена и др. Т. 11: История евреев в России. М., 1914.

Йерушалми 2004 — *Йерушалми Й.-Х.* Захор: Еврейская история и еврейская память. М.; Иерусалим, 2004.

Кельнер 1996 — *Кельнер В.Е.* Русско-еврейская интеллигенция: Генезис и проблемы национальной идентификации // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. №3 (13). С. 4–20.

Кельнер 2008 — *Кельнер В.Е.* «Миссионер истории»: Жизнь и труды С.М. Дубнова. СПб., 2008.

Кельнер 2018 — *Кельнер В.Е.* Щит: М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2018.

Маркиш 1995, 1996 — *Маркиш Д.* Стоит ли перечитывать Льва Леванду? // Вест-

ник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 89–104; 1996. № 2 (12). С. 168–193.

Натанс 2007 — *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007.

Носоновский 2008 — Носоновский М. Две школы гебраистики в Петрограде и каримская тема // Еврейская Старина. Альманах. 2008. № 3 (56).

Петрухин 2001 — *Петрухин В. Я.* В. Н. Татищев о евреях в Древней Руси и современная историография // Вестник еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 7–20.

Сахаров 2012 — *Сахаров И. В.* Иудеи в рядах российского дворянства: выдающийся семитолог, сотрудник Императорской Публичной библиотеки // История еврейской диаспоры в Восточной Европе. Труды по иуданке: история и этнография. Вып. 6. СПб., 2012. С. 23–31.

Соколов 1901 — *Соколов Н.* Вопросы духовного развития евреев в Восточной Европе. Доклад на 4-м всемирном сионистском конгрессе. Звенигородка, 1901. С. 12.

Станиславский 1887 — *Станиславский С. М.* К истории колонизации евреев в Новороссии (По архивным документам) // Восход. 1887. Т. 9. С. 116–126.

Хаеш 1995 — *Хаеш А. И.* Ранние годы А. Я. Гаркави // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 228–234.

Чериковер 2013 — *Чериковер И. М.* История Общества для распространения просвещения между евреями в России, 1863–1913. СПб., 2013.

Штамфер 2014 — *Штамфер Ш.* Семья, школа и раввины у евреев в Восточной Европе. М., 2014.

Glants 2010 — *Glants M.* Where Is My Home? The Art and Life of the Russian – Jewish Sculptor Mark Antokolsky, 1843–1902. N.-Y; Toronto, Plymouth, UK, 2010.

Dibre... 1876–1877 — *Dibre ha-jamim libne Israel.* Vol. 1. 1874; Vol. 2. 1877. Vilna, 1876–1877.

Finn 1860 — *Finn S.-I.* Kirya neemanah. Vilna, 1860.

Finn 1879 — *Finn S.-I.* Safah le-Neema. Vilna, 1879.

Jews and Slavs 2014 — Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / под ред. В. Московича, М. Членова, А. Торпусмана. М.: Иерусалим, 2014.

Czacki T. 1807 — *Czacki T.* Rasprava o Zy-dach I Karaitach. Vilna, 1807.

AVRAHAM GARKAVI AND THE HISTORICAL MEMORY OF RUSSIAN JEWRY

Kelner Viktor E. — Doctor of Historical Sciences, professor European University at St. Petersburg

Key words: Jews, Russia, Lithuania, university, education, national characteristics, oriental studies, Jewish organizations, Jewish national consciousness, Jewish historical memory.

Abstract. The work is devoted to the work of the famous Orientalist, Hebraist and Semitologist A. Ya. Garkavi on the study of the history of Jews in Russia. It actually determines for the first time its significance in the formation of the historical identity of Russian Jewry in the second half of the 19th – early 20th centuries. The article provides an analysis of a whole range of documents in the archives of Russia, Ukraine and Israel.

REFERENCES

Agranovskii G. Evreiskoe knigopechatanie v Vil'ne v 60–70-e gg. XIX stoletii. *Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve*, 1994, no. 1 (5), pp. 115–126.

Berkhin I.M. Iz davno minuvshogo: Materialy i zametki po istorii russkikh evreev. *Voskhod*, 1883, vol. 7/8, pp. 148–155; Drevneishie izvestiia o evreiax v Kieve. *Voskhod*, 1888, vol. 11/12, pp. 182–205.

Berlin I. Avraam Iakovlevich Garkavi: K 50-letnemu iubileiu ego nauchno-literaturnoi deiatel'nosti. *Evreiskaia Starina*, 1910, vol. 3, vyp. 4, pp. 592–594.

Cherikover I.M. *Istoriia Obshchestva dlia rasprostraneniia prosveshcheniia mezhduevreiiami v Rossii, 1863–1913*. St. Petersburg, 2013.

Czacki T. *Rasprava o Zydach I Karaitach*, Vilna, 1807.

Dibre ha-jamim li-bne Israel, vol. 1, 1871; vol. 2, 1877. Vilna, 1876–1877.

Dubnov S.M. Chto takoe evreiskaia istoriia? *Voskhod*, 1893, kn. 10/11, pp. 105–120.

Dubnov S.M. *Kniga Zhizni. Vospominaniia i razmyshleniia. Materialy dlia istorii moego vremeni*. Ierusalim; Moscow, 2004.

Dubnov S.M. *Ob izuchenii istorii russkikh evreev i uchrezhdenii Istoricheskogo obshchestva*. St. Petersburg, 1891.

Finn S.-I. *Kirya neemanah*. Vilna, 1860.

Finn S.-I. *Safah le-Neema*. Vilna, 1879.

Garkavi A.Ia. Istoricheskie ocherki sinoda chetyrekh stran. *Voskhod*, 1884, kn. 2, pp. 1–15; kn. 4, pp. 9–27.

Garkavi A.Ia. *Ob iazyke evreev zivshikh v drevnee vremia na Rusi i o slavianskikh slovakh vstrechaemykh u evreiskikh pisatelei*. (Iz issledovaniia ob istorii evreev v Rossii). St. Petersburg, 1865.

Garkavi A.Ia. Ob istorii izuchenii istorii russkikh evreev. *Rassvet*. 1880, no. 9, pp. 346–347.

Garkavi A.Ia. Obozrenie materialov dlia istorii evreev v Rossii. *Vestnik russkikh*

evreev, 1871, no. 20–23; *Rassvet*, 1880, no. 9–12; 48, 50; 1881, no. 1, 3.

Garkavi A.Ia. Pervobytnaia forma obshchei voinskoi povinnosti evreev na Volyni. *Russkii evrei*, 1880, no. 50, pp. 1984–1986.

Garkavi A.Ia. *Rus' i russkoe v srednevekovoi evreiskoi literature*. St. Petersburg, 1881.

Garkavi. A. Evreiskoe vozmezdie. *Vestnik rossiiskogo evreistva*, 1871, no. 10, pp. 304–305.

Glants M. *Where Is My Home? The Art and Life of the Russian – Jewish Sculptor Mark Antokolsky, 1843–1902*. N.-Y; Toronto, Plymouth, UK, 2010.

Grets G. *Istoriia evreev: Ot epokhi Gollandskogo Ierusalima do padeniia frankistov. 1618–1760*. St. Petersburg, 1888.

Ierushalmi I.-Kh. *Zakhor: Evreiskaia istoriia i evreiskaia pamiat'*. Moscow; Ierusalim, 2004.

Ioffe D. Evreistvo i Rus' na Rendez Vous mezhetnicheskogo politeizma: o nekotorykh primechatel'nykh kazusakh sovremennoi istoriografii evreiskogo voprosa (na materiale rannesrednevekovoi Rusi). *Ab Imperio*, 2003, vol. 4, pp. 581–603.

Istoriia evreiskogo naroda, pri blizhaishe m uchastii A.I. Braudo, M.L. Vishnitsera, Iu.I. Gessena i dr., vol. 11: *Istoriia evreev v Rossii*. Moscow, 1914.

Kel'ner V.E. *"Missioner istorii": Zhizn' i trudy S.M. Dubnova*. St. Petersburg, 2008.

Kel'ner V.E. Russko-evreiskaia intelligentsiia: Genesis i problemy natsional'noi identifikatsii. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*, 1996, no. 3 (13), pp. 4–20.

Kel'ner V.E. *Shchit: M.M. Vinaver i evreiskii vopros v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* St. Petersburg, 2018.

Kenaanity: *Evrei v srednevekovom slavianskom mire*, pod red. V. Moskovicha, M. Chlenova, A. Torpusmana, Moscow: Ierusalim, 2014.

Khaesh A.I. Rannie gody A.Ia. Garkavi. *Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve*, 1995, no. 3 (10), pp. 228–234.

Markish D. Stoit li perechityvat' L'va Levandu? *Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve*, 1995, no. 3 (10), pp. 89–104; 1996, no. 2 (12), pp. 168–193.

Natans B. *Za chertoi: Evrei vstrechaiutsia s pozdneimperskoi Rossiei*. Moscow, 2007.

Nosonovskii M. Dve shkoly gebraistiki v Petrograde i karaimskaia tema. *Evreiskaia Starina*. Al'manakh, 2008, no. 3 (56).

Petrukhin V.Ia. V.N. Tatishchev o evreiakh v Drevnei Rusi i sovremennaia istoriografiia. *Vestnik evreiskogo universiteta*, 2001, no. 5 (23), pp. 7–20.

Razgovornyi iazyk i narodnaia literatura pol'sko-litovskikh evreev v XVI — pervoi pol. XVII v. *Evreiskaia Starina*, 1909, vol. 1, pp. 7–40.

Sakharov I. V. Iudei v riadakh rossiiskogo dvorianstva: vydaiushchiisia semitolog, so-trudnik Imperatorskoi Publichnoi biblioteki. *Istoriia evreiskoi diaspori v Vostochnoi*

Evrope. Trudy po iudaike: istoriia i etnografiia, vyp. 6, St. Petersburg, 2012, pp. 23–31.

Shtamfer Sh. *Sem'ia, shkola i ravviny u evreev v Vostochnoi Evrope*. Moscow, 2014.

Sokolov N. *Voprosy dukhovnogo razvitiia evreev v Vostochnoi Evrope*. Doklad na 4-m vseмирном sionistskom kongresse. Zvenigorodka, 1901, p. 12.

Stanislavskii S.M. K istorii kolonizatsii evreev v Novorossii (Po arkhivnym dokumentam) // *Voskhod*, 1887, vol. 9, pp. 116–126.

Vikhnovich V.L.A.Ia. Garkavi i ego trudy po istorii evreev v Rossii. *Istoricheskie sud'by evreev v Rossii i SSSR: nachalo dialoga*. Sb. st. Otv. red. I. Krupnik. Moscow, 1992, pp. 238–244.

Vikhnovich V.L. *Karaim Avraam Firkovich: Evreiskie rukopisi. Istoriia. Puteshestviia*. St. Petersburg, 1997.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ПАМЯТНИКИ ИВАНУ ГРОЗНОМУ?

Ключевые слова: Иван Грозный, Московское царство, историческая политика, монументальная культура, монументальная пропаганда.

Аннотация. Автор статьи размышляет над отношением в современной России к личности царя Ивана IV Грозного, почитанием его в определенных кругах российского общества и анализирует связанную с этим коммеморативную практику. Более всего его занимает проблема соотношения между научным знанием и общественным восприятием фигуры первого русского царя. DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-48-73

Немцы по Гитлеру пусть сами решают. А мы даем всем. Всем поставить! Степашину поставьте, Медведеву, Зюганову – пусть он успокоится. Моя скульптура уже готова.

(В. В. Жириновский)

– Силы небесные! – воскликнул я вне себя от изумления. С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

– Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку – основное качество сыщика.

– Поразительно! Как будто его портрет!

– Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическом и в духовном отношении.

Вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, увернешь в переселение душ. Он тоже Баскервиль, это совершенно очевидно.

– И метит в наследники.

(А. Конан Дойл.

«Собака Баскервиль»)

Год 2019 принес России еще один памятник Ивану Грозному, а точнее — перенос с Аллеи правителей России, установление и торжественное открытие уже два года назад изготовленной скульптуры на постаменте в Александрове. Церемония открытия памятника состоялась 7 декабря. Как и ранее, на мероприятии отметились имперское лобби, овеванные славой популярные лидеры национал-патриотической фронды¹. Ком-

© К. Ю. Ерусалимский, 2020

Ерусалимский Константин Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ (Москва); kjerusalimski@gmail.com

¹ Памятник создан при поддержке фонда «Русский витязь», в котором за установку скульптуры высказалось 10 из 11 экспертов. Кто эти эксперты? Как проходил конкурс? Это тайна. Подготовка

ментируя это событие, попробуем увидеть в нем тенденции в развитии политической культуры наших дней, дискурсов власти, идеологических форм, которые сегодня в чем-то более предсказуемы, чем вчера, а в чем-то все еще незаметны для широкого зрителя, потребителя знаков и символов растущих вокруг нас сооружений монументальной пропаганды. Ниже мы покажем, что памятники Ивану Грозному не имеют научно-исторической ценности в качестве визуальных репрезентаций «России XVI века», не отражают они и разделяемых широкими массами коллективных значений, вокруг которых могло бы сложиться какое-либо общественное согласие. Наконец, мы увидим, что строительство новых идеологических объектов предназначено для утверждения идеалов и истин, просто-таки вредных для профессиональной научной истории, гражданского отношения к прошлому нашей страны, для культивирования региональной самобытности и туристического бизнеса. Сразу отметим, что нас не будут интересовать отдельные художественные решения при исполнении памятников Ивану Грозному. Вопрос художественных качеств в данном случае вторичен по отношению к более общим задачам, которым подчинены композиционные решения скульпторов и их прямых заказчиков.

Прежде всего, памятник историческому деятелю — это воспроизведение реалий прошлого, сочетающее элементы художественного вымысла с работой по воссозданию реальности. В нашем распоряжении всего — «всего», но этого не так уж мало — шесть групп источников, позволяющих судить о том, как выглядел Иван Грозный. Сразу назовем их. Первая группа — изображения XVI в., а также спорная по датировке Копенгагенская «парсуна». К ним примыкают портреты отца Ивана Васильевича, великого князя Василия III, и потомков — царя Федора Ивановича и убиенного в Угличе царевича Дмитрия Ивановича. Вторая — словесные описания современников и авторов более позднего времени, возможно, опиравшихся на свидетельства тех, кто видел царя и знал его. Третья — останки царя, а по сути — материалы их вскрытия и исследования 1963 г. К ним примыкают скульптурные портреты-реконструкции М.М. Герасимова и выводы о психосоматическом состоянии царя, полученные из различных источников, но в первую очередь — также благодаря изучению его костных останков. Четвертая — визуальные посмертные репрезентации «портрета Ивана Грозного» вплоть до становления российской художественно-академической традиции. Пятая, и, пожалуй, последняя из всего, что имеет смысл хоть как-то

торжество легла на Министерство культуры и администрацию Александровского района. Боролся за возвращение памятника из Москвы и «Совет избирателей Александровского района», из соображений развития местного туризма и пользуясь митингами против создания на месте памятника городской мусорной свалки. В церемонии открытия памятника приняли участие также представители Изборского клуба и РПЦ. Благодаря переносу из Москвы памятник был еще и «спасен» от вандалов. В Москве его изуродовали, после чего две недели восстанавливали на литейном заводе. Этот факт накладывает на возвращение Ивана Грозного в Александров печать символического бегства из Москвы, знаменующего в свою очередь юбилейный жест памяти о спасении Ивана Грозного из Москвы и учреждении причиныны в декабре 1564 г. См. подробнее: (Про Владимир 2019; Зебра 2019).

комментировать в контексте истории XVI в., группа источников — это опыты изображения царя Ивана Васильевича в живописи и скульптуре XIX — середины XX в. (скажем, до того же Герасимова и Глазунова). Наконец, шестая — предположения о внешнем облике царя, почерпнутые из не прямых описаний, например, из сочинений самого Ивана Грозного или наших — любых — представлений о его «личности».

Почему это важно знать, когда обсуждается монументальная пропаганда наших дней? Прежде всего, потому что все названные выше группы образов расходятся между собой. Те усилия, которые прикладываются, чтобы воссоздать облик царя, построены не на его «образе как таковом», а на определенных исторических ситуациях, которые художник наших дней в силах разве что наметить в полете своей фантазии. Ответственность художника все же в том, чтобы история оставалась историей, даже в условиях, когда композиция «я и Иван Грозный» звучит вполне легитимно. Звучала бы еще уверенней, если бы на месте Василия Селиванова был Альберто Джакометти или Леонид Соков. Проблема, однако же, в том, что у г-на Селиванова нет выбора — его произведения претендуют на гораздо менее выразительные формы и концептуальные решения, чем скетчи скульпторов-авангардистов и постмодернистов. И чтобы понять почему, обратимся к свидетельствам о том, как выглядел Иван Грозный, почерпнутым из источников. Они хорошо изучались историками,

искусствоведами и антропологами, и было бы нелепо не знать этих исследований, если берешься за историко-реалистический скульптурный портрет. И тем более — если скульптор создает «канонический образ», что надо понимать не иначе как попытку учредить в своем роде светский канон изображения. А ведь именно эту амбицию озвучил скульптор наших дней — В. Н. Селиванов: «Канонический образ царя, чтобы он не был похож на Бориса Годунова, чтобы он не был похож, допустим, на Николая II и Александра III и так далее. То есть этот символ, этот стержень, этот образ царя Ивана — он читается у меня и в скульптуре, и в постаменте» (см.: Телеканал «Россия Культура» 2019).

Как Иван Грозный должен быть «не похож» на Бориса Годунова и в чем величие цели портретно отличить Ивана Грозного от Александра III — пусть останется на совести говорящего. Обратимся к исследователям, не позволявшим себе громких заявлений, чьи мнения невозможно не учитывать, если мы создаем хоть какой-то «канон».

1. Благообразный портрет Ивана Васильевича из Национального музея Дании в Копенгагене сегодня не вызывает ни у кого из специалистов тех восторгов, которые звучали еще в середине XX в. Это «парсуна» не ранее рубежа XVI–XVII вв., дошедшее изображение не прижизненное, а, весьма вероятно — созданное уже поколение спустя после смерти Ивана Грозного (т.е. после марта 1584 г.)¹.

¹ Ф. Кемпфер склоняется к датировке концом правления царя Алексея Михайловича, т.е. 1670-ми гг. (*Kämpfer* 1985: 187–204). Оценка скептиков еще более сурова: конец XIX — начало XX в. (*Красилин* 1999: 503–513; *Самойлова* 2010: 644–645).

Высокий открытый лоб, кучерявые волосы, большие уши, толстые губы, большой слегка искривленный нос, богатая и окладистая борода с усами, спокойный взгляд — все это навеяло исследователям предположения, что портрет или его источник возник до мятежного 1565 г. Вывод этот усложняется тем фактом, что художественный метод в данном случае близок к иконописному, перед нами не портрет, а условность, для которой все названные признаки царя отражают задачи, далекие от того, что в наши дни принято считать реалистическим воспроизведением. Конрад Онаш и Франк Кемпфер указывали, что образ царя Ивана Васильевича на «парсуне» стилизован под формы, производившиеся в Москве того времени на иконах Иоанна Богослова, а Кемпфер указал на сходство «портрета Ивана Грозного» с образом совсем другого великого князя из Титулярника 1672 г., хоть и предка первого царя — Василия I Дмитриевича (*Onasch* 1961: 395; *Kämpfer* 1985: 188–189, 195–196; см. также: *Kämpfer* 1978: 172–175). Конечно, еще дальше от портретной точности множество образов первого царя в Лицевом летописном своде XVI в., на одном из клейм иконы Тихвинской Богородицы, на европейских гравюрах того же времени. Миниатюристы Лицевого свода работали в условной художественной системе, которая не была нацелена на точное воспроизведение предметов описания, а лишь маркировала самые общие представления о них, иногда доводя язык иконографии, более или менее

точно передавая детали и атрибуты персонажей, особенно известных в середине — второй половине XVI в., почерпнутые из доступных миниатюристам источников. «Портреты» Ивана IV в Лицевом своде — самые условные: лицо юного, а с 1558 г. бородатого мужчины, царский венец, одеяние царя, позы, жестикация руками. Популярный в Европе портрет «Московита», «Тирана Васильевича» основан на гравюре, изображающей его же отца (гравюра Ганса Вейгеля 1579 г. — реплика гравюры Эрхарда Шёна 1529 г.) (*Калугин* 1998: 211–212). Несомненно, это важное направление поисков — близкий к портретному лик престарелого великого князя Василия III обнаружен на иконе под условным названием «Святой Василий Великий и великий князь Василий III в молении Богородице Знамение», датируемой первыми десятилетиями правления его сына Ивана IV (из собрания Государственного исторического музея). Т. Е. Самойлова отмечает, что именно этот образ великого князя «стоит у истоков традиции создания надгробных портретов иконного типа, которая существовала при царском дворе в XVI–XVII вв.» (*Самойлова* 2004: 122–123). В то же время известны изображения, также в немалой мере условные, детей Ивана Грозного: образ царя Федора на Царь-пушке (1586 г.) и на реконструкции по костным останкам и рака царевича Дмитрия (1628–1630 гг.)². Два художественных опыта претендуют на большее. Образ на винграде орудия «Ревельский лев» 1559 г. (ныне — в Военно-историческом музее

² См., например: (*Kämpfer* 1978: 198–199; *Lehtovirta* 1999: 192–193). См. также: («Золотой гроб царевича Дмитрия» 2018).

артиллерии Санкт-Петербурга) — предполагали, что это царь Иван Васильевич, да еще и в «шапке Мономаха». Хотя очертания лица переданы условно, они отчасти совпадают с другими визуальными репрезентациями царя и с сообщениями письменных свидетельств, что позволило А.Н. Лобину высказать сомнения, не лежит ли в основе изображения «Московита» какой-то печатный источник (например, та же гравюра Шёна)³. Сенсацией наших дней стало раскрытие при помощи мультиспектральной съемки портрета Ивана Грозного на верхней крышке переплета экземпляра «Апостола» Ивана Федорова 1564 г. (также из собрания ГИМ) (Уханова и др. 2019: 13–29)⁴. Борода, спокойный властный взгляд и крупный нос — вот что видно на вероятном портрете царя Ивана Васильевича. Впрочем, видно с трудом даже после высокотехничного проявления медальона на книге, и исследователи еще потратят время, чтобы сопоставить этот прижизненный набросок с образами царя Ивана Васильевича из других источников.

2. Образ царя Ивана Васильевича многократно припоминали встречавшиеся с ним дипломаты, путешественники, авторы Смутного времени, из которых кое-кто мог видеть его вживую или слышать о его внешности от свидетелей. Некоторые фольклорные традиции и песни уходят корнями в ранний XVII в. и, может быть, даже в более раннюю эпоху. Но с датировками песен о царе Иване Васильевиче ранее XVII в. я бы

всерьез не считался. Допустим, это когда-то будет доказано: прижизненные свидетельства в песнях. Вряд ли художнику и скульптору наших дней без помощи историков что-то скажут такие характеристики, как «образ нелепый» или «нос протягновен и покляп», «сухо тело» и т.д. У нас множество сообщений, причем из очень разных источников, о том, что царь Иван Васильевич бывал в «ярости». Или в одной из «народных песен» царь «зревел, как лев да зверь» (Кобрин 1989: 3–4; Флоря 2009: 429–435). На эти и подобные оценки, заметим, за неимением лучшего опиралась художественная традиция XIX — начала XX в., а вслед за ней — опытный ученый-антрополог М.М. Герасимов. Однако проблемой для искусства классической эпохи было не только внешне передать лик, облик царя, во всей точности следуя источникам, но и отразить его умонастроение, наполнить драматизмом, увидеть за действиями царя эмоции, черты характера: беспокойный и бурный нрав, подозрительность и мстительность. Это очерняет светлый лик? Для начала: это в чем-то не соответствует источникам? Забудем пока про «лик царя» в описаниях современников и людей рубежа XVI–XVII вв. Да, среди них были ангажированные послы, которые в своих впечатлениях о царе отражали минутные ощущения — неприязнь, брезгливость, церемониальное негодование, готовность отстаивать дело своего государя перед лицом «московского варвара». Были «изменники», бежавшие от царя. Скажем,

³ Предположение о портретном изображении Ивана Грозного на пушке высказал К.В. Шмелев. См.: (Богатырев 2011: 176–178). Дискуссия вокруг гипотезы К.В. Шмелева — С.Н. Богатырева продолжается. См.: (Игина 2014: 104–129; Лобин 2019).

⁴ См. также: («Ученые выявили...» б/д).

перебежчик Давыд Бельский рассказывает о царе, и его слова донесутся до римского папы Григория XIII: каждые пять лет московский царь меняет фаворитов, при этом казнит предыдущих. Были и явные инсургенты, сами беспокойные не менее Ивана Грозного: они вешали на него всех собак, обвиняли в разжигании внутренней вражды и Смуты, одним словом — очерняли... Правильно, мы же не возводим памятники тому, что думал об Иване Грозном какой-нибудь князь Семен Шаховской!

3. И вот мы устремляемся к самому «объективному» источнику — костным останкам Ивана Грозного, которые к апрелю 1963 г. сравнительно неплохо сохранились и после вскрытия гробницы позволили сделать немало ценных выводов о внешности царя и его психосоматическом состоянии на момент смерти. Трудностей для художественных реконструкций наших дней при работе с этим источником немало. Первая — данный источник больше недоступен. А это значит, источником для нас служат решения комиссии Министерства культуры СССР (по вскрытию и исследованию четырех гробниц Архангельского собора Кремля). Надо признать, очень детальные и на многие вопросы давшие недвусмысленные ответы. Вторая трудность — останки царя позволили представить состояние его тела к 18 марта 1584 г., но вряд ли художник или скульптор в наши дни стремился бы увековечить именно такое тело царя: «По заключению ученых, царь был очень силен, смолodu хорошо тренирован — об этом свидетельствует степень развитости рельефа костей его скелета. Правда, обнаружилась серьезная асимме-

трия торса царя Ивана — правая его ключица была короче, левая лопатка больше и массивней. Прослеживалась у этого человека и асимметрия лица. В последние годы жизни царь Иван, этот некогда мощный и сильный мужчина, вел малоподвижный образ жизни, располнел и обрюзг» (Панова 2017: 130). Напрашиваются же скульптурные композиции «Тело Вождя», «Мертвый государь» или «Смерть и Царь»... Но мы пытаемся создать канон! М.М. Герасимов, конечно, представил ценную реконструкцию, проведя исследования и попытавшись срастить науку и искусство, а точнее — антропологическое и научно-медицинское сравнение останков царя с известными его портретами, как прижизненными, так и восходящими к русскому искусству XIX–XX вв. (Герасимов 1965: 139–142). Третья загвоздка — царь на момент своей смерти был, безусловно, болен. Однако до конца непонятно, каков полный диагноз и каков анамнез. Его мучали остеофиты, и он, вероятно, страдал расстройствами, которые сегодня диагностируют как болезнь Бехтерева или как диффузный идиопатический гиперостоз скелета (Панова 2017: 133). Патологические изменения личности, отразившиеся и на здоровье детей царя, начались значительно раньше и отчасти имели генетическое происхождение (Столярова, Белоусов 2014: 7–10). Вряд ли образ сгорбленного старца, еще далекого от маститой старости, был бы привлекателен для скульпторов имперско-шовинистической элиты наших дней. А в нашем распоряжении тело, испытывавшее все последствия остеофитов, которые откладываются долго и неизбежно осложняют характер,

и так не ангельский, искривляют позвоночник, делают неэластичными суставы. Это непривлекательный образ первого царя, не так ли?

4. Репрезентации Ивана Грозного в рукописях, иконных композициях и различных других церемониальных формах XVII–XVIII вв. носят, как правило, условный характер и восходят в каждом случае к источникам, требующим специального изучения. Сведенные брови царя в Титулярнике 1672 г. отражают представление художника конца XVII в. о «грозном царе», худощавое лицо Ивана IV в композиции «Древо государей российских» (1689 г.) соответствует иконографическому канону, а не подлинной внешности царя (Самойлова 2010: 645–646). Никакого «канона» в этих портретах мы не обнаружим. Пожалуй, к этой группе примыкают предполагаемые поздние реплики (например, имеющий явные поздние черты и весьма отдаленное сходство с образами и описаниями групп 1–3 иконописный портрет царя 1882 г. в Грановитой палате). А ведь это два столетия, отделяю-

щие нас от «оригинала»! Насколько далеки усилия художников и скульпторов XIX в. и более поздних эпох от предмета своей художественной реконструкции!

5. Большую работу по сбору и сравнению изображений Ивана Грозного в XIX–XX вв. провела Н.Н. Мутья. Это тщательное исследование показало, как складывались и претворялись замыслы, внесшие в русскую культуру самые различные представления о том, «как выглядел Иван Грозный». Вывод, который следует из детального историко-искусствоведческого изучения множества артефактов, не оставляет сомнений. Репрезентации царя Ивана Васильевича в русском искусстве не отражают не только государственного культа, но и преклонения перед фигурой «первого царя» (Мутья 2010; см. также: Самойлова 2010: 646–648). Это можно было бы объяснить относительной свободой художников распоряжаться образом монарха, который был лишь условно «предком» правящей в России XVIII — начала XX в. династии⁵. В советский период культиви-

⁵ Об этом же неоднократно писал и говорил в устных выступлениях А.И. Филюшкин, отмечая, что государственный имидж Ивана Грозного в эпоху последних Романовых был далек от культа (Филюшкин 2016: 123–130; 2017: 382–397). Н.М. Карамзин невыгодно для первого царя противопоставлял Ивана IV его деду, Ивану III, а историки после Карамзина нередко эпатировали радикальной критикой в его адрес, доказывая, что Иван Грозный — великий исторический деятель. Впрочем, эта тенденция, выросшая как бы из оппозиционной историографии XIX в., была весьма востребована в тех кругах Советской России и СССР, где сформировался первый настоящий государственный культ мудреца и провидца на троне. Возвращаясь к репрезентациям царя в государственной культурной памяти XIX в., важно помнить, что его образ формально отсутствует, а фактически есть, но закамуфлирован в скульптурной композиции «Тысячелетие России» М.О. Микешина, И.Н. Шредера и В.А. Гартмана (памятник открыт в Великом Новгороде 8 сентября 1862 г.). Никаких особых торжеств самому Ивану Грозному в России не было вплоть до первых лет XX в., когда возник первый план создать ему памятник и начался сбор средств на его установку, запланированную на... 1952 г. Казанское Царско-народное общество обратилось еще в 1909 г. с ходатайством о создании памятников русским правителям, среди них — Ивану Грозному: «Казанское Царско-народное Русское Общество, с благовейною умильной благодарностью вспоминая великого государя, покорителя Казанского царства, Иоанна Васильевича Грозного, осмеливается повергнуть к Священным Стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшую просьбу о всемилостивейшем соизволении на сооружение в Казани памятника Царю Иоанну Васильевичу

ровать этот образ попытались только в короткий промежуток времени примерно с 1939 по 1953 г. Причины культа были далеки от научно-исторических⁶. Однако для «диагностирования» обновленческого движения в культе Ивана Грозного данный период очень значим. Именно тогда Иван Грозный на общегосударственном уровне предстал как политик «с волей и характером», его опричное войско было прямо названо «прогрессивным», а в числе его ошибок была названа неспособность добить врагов централизации. Историки немедленно поняли, что перед ними культ, требующий не только по-новому снимать кино, но и переписывать исследования. Едва ли не единственным смельчаком, который методично вслух опровергал вымыслы художественных романов, пьес и кинофильмов, был С.Б. Веселовский⁷. Однако в те годы не могло быть и речи о достоверном монументальном мемориале Ивану Грозному, потому что это шло вразрез с советской политикой художественной пропаганды, в которой не было места царизму. В наши дни таких препятствий художники и скульпторы не испытывают.

6. Соединение всех пяти указанных направлений в поисках канона приведет нас лишь к попыткам воссоздать тот образ, который ближе задачам са-

мого художественного опыта, но соблности научные конвенции не так уж трудно. Приложив руку к смерти сына, проигрывая поход за походом своим врагам в возобновившейся Ливонской войне, царь еще и драматизировал происходящее, незадолго до этих событий забрав в порыве гнева Лицевой свод, заказав при этом создание «Синодика опальных», продолжая переписку со своими врагами. В Англии безнадежно велись переговоры о женитьбе и так жена того царя. Переговоры с Рудольфом II все еще подавали надежду на вступление в войну Священной Римской империи, тогда как в Священный Престол приходилось направлять призывы уgomонить главного соперника — польского короля. Такой царь больше похож на статую «Иван Грозный» М.М. Антокольского (1870–1875 гг.), и не самый популярный в наши дни император прошлого высоко оценил ее, купив у скульптора для «Эрмитажа», тогда как сам Антокольский благодаря ей стал академиком. Скульптор наших дней не обязан воспроизводить тот портрет, который сложился из костных останков больного царя, визуальных источников XVI–XVII вв. и фантазий И.Е. Репина или В.М. Васнецова. Однако реконструкция ученого — это и не «канонический образ» неаккуратного идолища.

Грозному... Во создании памятника славным делам русского царя могут тогда принять участие все русские люди, любящие свое Отечество и хранящие память о минувших великих событиях» («Об открытии всероссийской подписки на сооружение в Казани памятника царю Ивану Васильевичу Грозному» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187, 1909 г. Д. 143. Л. 1–4 об. Цитируем по книге «Мобилизованное средневековье. Т. 2. Средневековая история на службе национальной идеологии в Российской империи, СССР и на постсоветском пространстве», подготовленной к выпуску в 2020 г. под ред. А.И. Филошкина в издательстве Санкт-Петербургского университета).

⁶ См. об этом: (Platt 1999: 635–654; Perrie 2001; Дубровский 2005; Юрганов 2011).

⁷ Атмосферу тех лет вокруг выступлений и трудов С.Б. Веселовского об Иване Грозном и опричнине описывает А.А. Зимин в своих воспоминаниях. См.: (Судьбы творческого наследия... 2015: 152).

Если бы мы попробовали восстано-
вить, как выглядел Иван Грозный
примерно в 30–40-летнем возрасте,
перед нами предстал бы, судя по до-
шедшим источникам, высокий, уже
слегка сгорбленный крепкий муж-
чина с высоким лбом, крупной че-
люстью, заметно выпяченной ниж-
ней губой, крупным искривленным
носом, глаза немного навывкате, глу-
бокие мимические морщины, голо-
ва острижена, лицо асимметричное
с немало поредевшей раздвоенной
бородой и усами. Он мог быть при-
ветлив, но нередко его черты иска-
жались от гнева и наследственного
психосоматического заболевания,
которое проявлялось то в форме па-
ранойи или маниакального психоза,
то как дисфункция, похожая на па-
ническую атаку или на «падучую бо-
лезнь». Поиск исторического облика
царя Ивана Васильевича должен про-
двигаться от описаний и реконструк-
ции М. М. Герасимова в направлении
портрета на «Апостоле» 1564 г. с уче-
том изображений отца и детей царя
Ивана, а также письменных свиде-
тельств. Вместо этого мы на скульп-
турах в Орле и Александрове видим
мужчину с орлиным носом, глубоко
посаженными глазами, далекими
от всех свидетельств формами челю-
сти и узким лицом. Нетрудно обна-
ружить источники этой портретной
традиции — это фольклорно-теа-
тральный Иван Грозный русского
модерна и в чем-то примыкающего
к нему национального возрождения
советского времени. Таким его рисо-
вали В. М. Васнецов (1884–1897 гг.),
С. М. Эйзенштейн (1941–1958 гг.),
И. С. Глазунов (1974 г.) (*Мутья*
2010: 280–282, 338–349, 376–388,
398–401). Конечно, всем назван-
ным художникам и многим другим

деятелям культуры до конца XX в.
были неизвестны наиболее близкие
к эпохе источники о внешности ца-
ря. В то же время все они переоце-
нивали источники, которые должны
считаться в данном вопросе вторич-
ными. В наши дни невнимание к от-
крытиям и исследованиям научного
сообщества — это осмысленный вы-
бор, за которым многолетнее неува-
жительное отношение к историче-
ской науке, потребительное чтение
источников и обилие макулатурной
публицистики, в которой подчас
приходится находить крупницы науч-
ного знания.

И здесь отступление о научной исто-
рии. Если бы заказчики и создатели
памятников Ивану Грозному уделя-
ли хоть немного внимания этой небез-
ызынтересной для них отрасли, они бы
очень скоро пришли к удивительным
для себя открытиям. За последние го-
ды вокруг Ивана IV и «его» времени
очень шумно. Эпоха «на виду», хотя
отношение к научным исследовани-
ям все такое же унижительное, как и в
поздние советские годы. Достаточно
сравнить пышные издания Лицевого
свода наших дней с качеством бума-
ги, тиражами и машинным исполне-
нием текстов в изданиях разрядных
и родословных книг, описи государ-
ственного архива Российского цар-
ства XVI в.! Опубликованы у нас —
почти незаметными тиражами — или
за рубежом и очень дорого обобщаю-
щие работы о времени Ивана Грозно-
го последних двух-трех десятилетий:
Б. Н. Флоря, Изабель де Мадарья-
га, А. Л. Хорошкевич, А. П. Павлов,
Морин Перри, Пьер Гонно, Дьюла
Свак, Яакко Лехтовирта, Чарльз
Гальперин, В. Д. Назаров, И. В. Ку-
рукин, А. Л. Юрганов, М. М. Кром,

С. Н. Богатырев, А. И. Филошкин, В. В. Шапошник, А. А. Булычев... Можно было бы долго обсуждать расхождения историков во взглядах, однако никто из этих авторов никогда не поддерживал идею прославления Ивана Грозного. Ее не поддержали бы ни автор «Царства террора» Р. Г. Скрынников, ни тем более автор «Исследований по истории опричнины» С. Б. Веселовский или один из самых ярких историков позднего советского периода В. Б. Кобрин, автор очень необычной для своего времени и актуальной до наших дней биографии Ивана Грозного. Хуже того: историки уже многие десятилетия солидарны в сопротивлении мифам, отравившим не одну научную гипотезу, не говоря уже о жизнях и карьерах самих историков. Наследие конца 1930-х — начала 1950-х гг. и сталинского «исторического ампира» ощущается до сих пор. Одно из лучших исследований о мотивах казней царя, высоко оцененное С. Ф. Платоновым, написано А. П. Приклонским к середине 1930-х гг. и до сих пор ждет своей публикации в фонде академика М. М. Богословского — его автор был уничтожен в сталинских репрессиях⁸. Исследования А. А. Зимины о времени Ивана Грозного переизданы лишь частично. А это было бы важно сделать, поскольку Зимин после дискуссии о «Слове о полку Игореве» оказался опальным ученым, публиковался реже и не успел закончить пересмотр своих ранних концепций, которые существенно уточнял, внося в свои монографии

конца 1950-х — начала 1960-х гг. правку, еще ждущую своих издателей⁹. Докторская диссертация (1964–1965 гг.) одного из лучших специалистов по эпохе и биографии царя Ивана IV Васильевича, С. О. Шмидта, никогда в полном виде не публиковалась из-за советских издательских порядков и до сих пор известна полностью только в машинописи¹⁰. На возобновление научной мысли и оздоровление атмосферы исследований нужны годы дружных усилий многих специалистов. Только откуда взять эти усилия и самих специалистов? Вместо многолетних исследований и взвешенных аналитических оценок проще вытащить из идеологического небытия топорную монументальную пропаганду, неумные комментарии к спешно состряпанному вымыслу и напыщенные издевательства в отношении профессиональных ученых.

Сколько открытий совершается годами в крайне неблагоприятной для научной работы обстановке! Постоянным научным праздником для исследователей стали конференции в музее-заповеднике «Александровская слобода». Многие доклады и дискуссии на них посвящены эпохе Ивана Грозного. В 2006–2008 гг. фирма «АКТЕОН» во главе с Х. Х. Мустафиным провела подготовительные работы, а затем осуществила проект издания гигантского Лицевого летописного свода (в подготовке проекта участвовали специалисты и сотрудники древлехранилищ, где и хранятся

⁸ См. подробнее: (Ерусалимский 2009: 245–248).

⁹ См., например: (Хорошкевич 2001: 5–17).

¹⁰ Автором этих строк при поддержке А. В. Мельникова подготовлено сравнительное исследование текста диссертации и отдельных ее частей, опубликованных в виде монографий и статей.

фрагменты свода)¹¹. В 2011 г. прошла конференция в Мюнхене по проблемам его изучения, и сборник статей по ее результатам до сих пор так и не вышел. Международный коллектив подготовил к новой научной публикации «Степенную книгу царского родословия» (во главе с академиком Н.Н. Покровским). Этот крупнейший памятник царской идеологии плодотворно изучался Гейл Ленхофф, А.В. Сиреновым и А.С. Усачевым и опубликован на новом научном уровне (2007–2012 гг.). Новыми изданиями, выполненными при участии И. Ауэрбах, В.В. Калугина, Ю.Д. Рыкова, К.Ю. Ерусалимского, охвачены и сочинения главного оппонента Ивана Грозного — князя Андрея Курбского (его взгляд на правление Ивана Грозного идеологи нового имперского величия картинно отвергли на открытии одного из памятников). За последние годы изданы отдельные жития из тома его переводов «Симеон Метафраст», закончено многолетнее издание «Нового Маргарита» (буквально в 2019 г.), переизданы на новой научной базе «Сборник Курбского» (2009 г.) и «История о делах великого князя московского» (2015 г.). В 2016–2018 гг. большим коллективом исследователей велась — и еще не закончена — работы по подготовке к изданию дипломатической переписки Российского государства в правление Ивана Грозного. На поприще межгосударственных отношений яркие новые слова — впервые изданные посольская «Выписка» 1573 г., переписка российских властей первых лет правления Ивана IV с Великим княжеством Литовским,

переписка воевод и наместников времен Ливонской войны, возобновление издания посольских книг, повторное открытие «Титулярника» конца 1570-х гг. Правление «первого царя» было и периодом расцвета контактов с европейскими странами, оно отмечено многочисленными записками иностранцев о России, которые переиздавались и впервые вводятся в научный оборот в наши дни усилиями многих ученых, прежде всего, под руководством недавно скончавшейся А.Л. Хорошкевич. Стремительно совершенствуются методы визуальных, археологических, историко-архитектурных, музыковедческих исследований памятников XVI в., в которых среди прочего воплотились представления о миссии имперской власти, месте православного царства в мире и отношениях подданных с властью. Здесь должны быть ссылки в нашем тексте на сотни публикаций по всему миру, мы их опустим, их несложно добавить.

Вокруг государственного управления, опричных порядков, многих других сфер жизни России XVI в. не умолкают споры. В чем был смысл «реформ Ивана Грозного» и репрессий (и был ли он)? Какие территории, когда и почему вошли в состав опричнины? Где располагался опричный двор в Москве? В чем проявился татарский фактор в войске Ивана IV, в степной политике, в создании и возобновлении опричнины? Можно ли считать Ливонскую войну единым событием, или ливонских войн было более одной в годы его правления? Что представлял

¹¹ См., например: («Лицевой свод Ивана IV» 2014).

институт государевой службы, что означало для российского общества и культуры служить и воевать за царя? Как и почему менялся институт государственной измены? Сколько воинов участвовало в боевых действиях? Существовал ли институт регентства в детстве Ивана IV Васильевича? Как складывался герб и другие символы Российского царства? Как формировалась царская канцелярия, делопроизводство и административные учреждения, местное и церковное управление? Что такое царство и царская власть в восприятии Ивана Грозного и его современников и наследников на российском престоле?

Не сказать, чтобы история монументальной скульптуры обошла все эти события стороной. Скорее — пристроилась. Из дискуссий, разворачивающихся в рядах профессиональных ученых, творцов новой исторической идеологии интересуют, пожалуй, только последние два вопроса. Причем ни исторического драматизма, ни какого-либо участия профессиональных историков и широкой научной общественности в разработке концепции создаваемых памятников мы не обнаружим. Сторонники культа Ивана Грозного заявляют, что не канонизируют ца-

ря, а отстаивают правду. Как заметил С. Ю. Шокарев, эти признания не более чем лукавство (Шокарев 2017: 67–74).

Вернемся к последним событиям. Уже к 2015 г. ходили слухи о памятнике Ивану Грозному в Ярославской области. Его планировали воздвигнуть по невинной причине — с целью развития туристического бизнеса региона (Еремеева 2015: 445–446). Усилия сторонников прославления царя увенчались успехами уже в следующем году. Памятник Ивану Грозному появился в Орле (2016 г.) (Интерфакс 2016; РИА Новости 2016)¹², затем был запланирован в Рузе (2017 г.) (Интерфакс 2017; РИАМО 2017а; 2017б; РБК 2017; Дилетант 2017; Москва 24 2017)¹³. В Александрове и Москве (2017 г.), а ныне вновь в Александрове (2019 г.) и был воздвигнут монумент, вызвавший недовольство, перенос в Москву, а затем возвращение на прежнее место¹⁴. Это повальное, принимающее эпидемические формы увлечение далекой эпохой поддержано не туристическим бизнесом и не профессиональным сообществом, а приближенными к властной вертикали почитателями «гения» царя Ивана Васильевича. И здесь следовало бы

¹² Множество частных откликов и отчетов показывают, что памятник в Орле был крупным торжеством для монархических и правоконсервативных сил (Царьград 2016; ЖЖ 2016). Недовольство граждан все же было частично учтено: памятник был поставлен не рядом с Театром юного зрителя, а рядом с Богоявленским собором на набережной. Открытие памятника было приурочено одновременно к 450-летию основания Орла и к празднованию Покрова Пресвятой Богородицы и сопровождалось торжествами, в которых приняли участие министр культуры Владимир Мединский, губернатор Орловской области Вадим Потомский и др.

¹³ Подробный отчет о дискуссии в Государственном историческом музее см.: (Шокарев 2017: 67–74).

¹⁴ Скульптура из Орла, выполненная группой мастеров под надзором О.И. Молчанова, вызвала ответную, протестную, акцию Владислава Гулятьева, который в Канске Красноярского края воздвиг памятник Ивану Грозному в виде окровавленного кола. Монумент позднее спилили. Надо признать, что это был и яркий ответ на пропаганду, и успешная постмодернистская акция. См.: (ТВК 2016; Радио Свобода 2017; Мослента 2017).

различить научную историографию и активистов скульптурного бума. Почитатели ничего не сделали для изучения эпохи, никак не вложились в осмысление дошедших от нее исторических источников. Их представления об истории и культуре уже не раз звучали в эфире и говорят лишь об одном: «памятники Ивану Грозному» не имеют ничего общего с теми свидетельствами, которые во множестве доносят до наших дней образ исторического правителя XVI в. Как и его внешность, его «качества» и «роль в истории» воплощены в композициях из Орла, Рузы и Александрова. Очарование Ивана Грозного XVI в. видится, прежде всего, в «радении» против «врагов России». Главные качества выточенного в камне и отлитого в бронзе монарха — его регалии, «гроза», царственное величие покорителя и «собирателя» страны. Это лишь внешняя оболочка тех взглядов, которые кроются за волной «народной любви» к Ивану Грозному.

О времени правления царя и о нем самом высказывания первых лиц государства и РПЦ недвусмысленно закладывают камни в основание уже поставленных и только запланированных (обсуждается — в Рузе, Казани и Коломне) памятников. Патриарху РПЦ Кириллу принадлежат слова о Полоцком походе Ивана Грозного 1562–1563 гг., сказанные во время освящения храма Рождества Пресвятой Богородицы в московском Крылатском: «Известно, что царь Иван IV Грозный посещал это место, когда направлялся в по-

ход на Полоцк. Многие уже не знают, что от этого похода зависела во многом судьба России. И русское воинство тогда победило и остановило опасную агрессию, которая, как всегда, несла по отношению к России не только попытку получить материальные блага, закабалив народ, но, что самое главное, всегда были попытки, как мы бы сказали современным языком, переформатировать наше сознание, изменить наше культурное, национальное и религиозное самопонимание. Тогда Иван Грозный не позволил этого сделать» («В неделю 2-ю Великого поста...» 2014). Иван Грозный, по мысли патриарха Кирилла, сумел не только остановить «опасную агрессию», спасти народ от «кабалы», но и уберечь наше «сознание» и «культурное, национальное и религиозное самопонимание». Это значит, что рецепт спасения от опасных заражений нашего времени в той эпохе. Мы должны учиться у великого царя, быть достойными наследниками Ивана Грозного и его подвига. Это ответственное заявление если и имеет опору в историографии, то разве что в точке зрения, озвученной некогда в книге Д.Н. Александрова и Д.М. Володихина. Авторы этой работы не отреагировали на критику в свой адрес, хотя и за выводы из их построения в духе «конфликта цивилизаций» ответственности не несут. Угрозу нации и культуре России, исходящую будто бы от врагов Ивана Грозного в 1563 г., создал патриарх Кирилл и до сих пор не узрел в источниках XVI в. ни один профессиональный историк¹⁵.

¹⁵ Об угрозе ересей на границе с Московским государством, о якобы существовавшей «партии доброжелателей Москвы» в Полоцке и о том, что будто бы во время Полоцкой кампании Ивана Грозного поляки отбивали город более деятельно, чем литвины, пишет до сих пор Д.М. Володихин.

Уже на фоне «войны памятников» В.В. Путин, долгое время обходивший стороной в своих речах российский XVI в., наконец, отозвался и об этой эпохе, позволив многим вздохнуть с облегчением. Многие стало понятно — кому-то в истории XVI в., кому-то — в истории наших дней. Отвечая на вопрос рабочего Ивана Лапченко, озадаченного тем, что историки и не историки в наши дни «коверкают нашу историю», президент сказал: «Возьмите известную легенду о том, что Ivan the Terrible — Иван Грозный — убил своего сына. Это еще неизвестно, убивал он своего сына или нет. Многие исследователи считают, что никого он не убивал вообще, а придумал это все папский нунций, который приехал к нему на переговоры и пытался Русь православную превратить в Русь католическую. И когда Иван Васильевич ему отказал и послал его по известному адресу, возникли всякие легенды и прочее и прочее. Из него сделали Ивана Грозного, такого супержестокоего человека. Хотя если посмотреть в тот период времени на другие страны, все то же самое было везде. Время было такое, достаточно жестокое. И я сейчас не хочу говорить, что он был такой весь белый и пушистый,

Иван Грозный, наверное, он был человеком жестким, наверное» («Посещение...» 2017). Вопрос об убийстве сына не раз остро звучал в рядах имперской фронды, поклонников и почитателей Ивана Грозного. Чувства обиды за царя прорвались в октябре 2013 г. в обращении лидера движения «Святая Русь» В.В. Бойко-Великого и профессора И.Я. Фроянова и др. деятелей науки и искусства к министру культуры В.Р. Мединскому с требованием убрать из экспозиции Третьяковской галереи картину Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 г.»¹⁶. Инициатива исходила из кругов митрополита Санкт-Петербургского и ладожского Иоанна (Снычева), в которых давно обсуждался вопрос канонизации Ивана IV, а в связи с этим — столь знакомые по последним скандальным событиям в научном мире России достоверность записок иностранцев, виновность Ивана Грозного в убийстве духовных лиц и своего сына, а также приговор (он звучит в книге митрополита Иоанна) об атеистическом ходе мыслей оболгавших царя историков (начиная с Н.М. Карамзина и заканчивая С.Б. Веселовским, Д.Н. Альшицем и Р.Г. Скрынниковым) (*Иоанн (Снычев), митр. 2017: 185–247*)¹⁷.

Однако этому исследователю свойственно не реагировать на критику, которая в его адрес давно прозвучала. Конечно, нельзя исключать, что концепция Володихина оказывает влияние на церковных деятелей, однако это предположение вряд ли требуется, учитывая, что и сама концепция Володихина, и усилия по прославлению образа Ивана Грозного являются по своей сути «компромиссным» жестом в адрес учения митр. Иоанна (Снычева). См.: (*Александров, Володихин 1994; Володихин 2010: 71–77. Ср.: Янушкевич 2007: 53–74*).

¹⁶ К началу 2013 г. публичный Рунет наполнился фотожабами на тему «Иван Грозный убивает...». См., например: (Н. Подосокорский 2013). Юмор и креатив не заслоняют того, что Иван Грозный с картины Ильи Репина был перенесен на многочисленные художественные объекты, «убивая» девочку с персиками, Ленина и т.д. Это не было частью какой-либо идеологической кампании, но может быть и не случайно совпало по времени со зреющим недовольством тем образом прошлого, который был воссоздан на картине Репина.

¹⁷ Ответ на церковные притязания «свидетелей Ивана Грозного» дал патриарх Алексей II. Существеннее, что оценки митр. Иоанна свидетельствовали о невежестве в подходе к историческим источникам и самосознанию людей XVI в., о чем многократно уже говорилось: (*Коробын 2003:*

Конечно, зримое и популярное среди посетителей Третьяковки обличение в убийстве сына набило оскомину почитателям грозного царя. Просьба убрать картину не была поддержана в министерстве, дело было замято. Почитание Ивана Грозного до его воцарения на городских постаментах России почти незаметно для окружающих и не вызвало бы особых эмоций (например, все причастные хорошо знают, что «парсуна» Ивана Грозного выставлена в Соборе Василия Блаженного на Красной площади, и к ней регулярно ходят молиться почитатели)¹⁸. Но вот вечером 25 мая 2018 г. на картину в Третьяковской галерее было совершено нападение ее ненавистником в состоянии или под видом помешательства (ТАСС 2018). Трудно не связать нападение с тлевшим в рядах фанатиков негодованием, однако никаких юридических результатов этот ход мысли, конечно, не даст¹⁹. Внимание к репертуару картин, несомненно, исходит из правительственных верхов наших дней — и это круги настоящих борцов, готовых жертвовать за свои убеждения тем, что кто-то называет «произведениями искусства» (Сатирическое издание 2019).

Впрочем, был ли нападавший из Третьяковской галереи под впечатлением от высказываний В.В. Путина, инициатив Народного движения

«Святая Русь» или воином-одиночкой, не столь важно. Показательно, что в самих словах Путина отразилось осторожно-пренебрежительное отношение к исторической науке как таковой. В словах: «Это еще неизвестно, убивал он своего сына или нет», — прозвучала холодная нота, которую уже слышали из уст президента: «Это совсем не факт, что человека нужно убивать» (Youtube 2015). В словах В.В. Путина об Иване Грозном звучит опровержение всякой и любой ответственности за убийства («никого он не убивал вообще»). Но даже если оно распространяется на одного царевича Ивана Ивановича и отражает порывистость и эмоциональность устной речи, за смертью царевича для Путина — репутация всей России. Если убивал — то царь преступник, если нет — то заслуживает... Но чего именно заслуживает? Патриарх Кирилл уже дал понять, что Иван Грозный — спаситель православной России. Это же подчеркивает президент Путин. По его словам, Антонио Поссевино приехал, чтобы «Русь православную превратить в Русь католическую», и придумал убийство царем своего сына, видимо, чтобы осуществить свой план. По этой логике, царь Иван Васильевич, «послав» Поссевино «по известному адресу», вновь спас православие. Но рассказ движется дальше: после этого и, следовательно, как бы

216–234; Шапошник 2006: 456–458) (здесь нелепая двусмысленность — хвалебная общая оценка трудов митр. Иоанна (Снычева) при несовместимых с ней источниковедческих замечаниях, в список литературы книга митр. Иоанна также не включена); (Кноппе 2011: 503–528 и др.).

¹⁸ «Парсуна» Ивана Грозного выставлена в экспозиции на паперти храма рядом с макетом собора Василия Блаженного. Она создана в 1920-е гг. Е.И. Брягиным. Источником для реплики послужил Титулярник 1672 г. (Портреты... 1903: Л. 26). Свидетелями религиозного почитания были сотрудники музея, которые и сообщили мне об этом неформальном культе (Сарачева 2013: 38–39, 47–48, 82–83).

¹⁹ Об этом см.: (Шокарев б/д; Ерусалимский б/д).

из-за — выдуманного, как мы помним, — убийства царевича из царя сделали «супержесткого человека». И резюме мы понимаем уже только как признание «жесткости» Ивана Грозного позитивным качеством. В словах Путина понятие «жесткий» заслуживало бы специального дискурс-анализа, пока же по доступным контекстам можно судить, что слово *жесткий* в языке «силового» политика позитивное качество, внушающее озабоченность и уважение. Более того, оно звучит в тех случаях, когда речь заходит об оправданных убийствах, без которых не удастся обойтись²⁰. Смерть царевича Ивана Ивановича нелепа на фоне таких обычных «жестких» действий, но эта смерть как бы и не на совести царя. Настоящих врагов можно убивать, причем не менее «жестко», чем это делали современники Ивана Грозного. Правитель даже должен быть жестким, спасая православную Русь от посягательств католиков-прозелитов. В этом качестве царь проявил себя как настоящий миротворец, он всего лишь этого католика «послал по адресу». Чего еще заслуживает католик, не только стремившийся совратить Русь в католицизм, но и оболгавший царя, обвинив его в убийстве своего сына? Профессиональные историки высказались

и на эту тему. Связь между задачами миссии Поссевино и его сообщением о смерти царевича Ивана Ивановича вымышлена, как и вообще идея, согласно которой легат римского папы Григория XIII стремился очернить Ивана Грозного, хотя в публицистике и конспирологической литературе встречаются и взгляды, изложенные Путиным²¹, и даже безумная «точка зрения», что сам Поссевино убил царевича (*Шокарев 2017а: 12–27*)²².

Значит ли «спасительная» роль Ивана Грозного в защите православия и русской идентичности, что он заслуживает памятников? Воздвигнутые царю Ивану Васильевичу идолы мало чего сообщают вообще. Они не только создают ложный «канон» в образе деятеля XVI в., но и злоупотребляют минимальными требованиями к исторической достоверности. Все три памятника Ивану IV объединены в самих замыслах идеей самодержавной опричной политики (Орел основан на второй год опричнины, Руза вошла в опричный «удел», а Александровская слобода — его «столица»). Это даже не «Иван Грозный вообще» и не «Россия Ивана Грозного», а именно *опричная Россия*, вызывающая восторг у силовых политиков и структур России наших дней. Достаточно прочитать школьные

²⁰ Ср. высказывание В. В. Путина об убитом в Германии «гражданине Грузии», известном под именем Зелимхан Хангошвили: «Это боевик, причем очень жесткий, кровавый человек» (Интерфакс 2019). Конечно, «жесткость» террориста означает только то, что «жестко» надо было поступить с ним самим. По «делу Скрипалей» В. В. Путин вел «жесткий» диалог с Терезой Мэй (Радио Свобода 2019).

²¹ См., например, слова в лекции В. В. Пенского, одного из защитников памятника в Орле, о том, что Иван Грозный «никого не убивал». Это вряд ли что-то большее, чем оговорка и цитата из В. В. Путина. См.: (Эра познания б/д). В других высказываниях В. В. Пенской не раз отмечал, что царь виноват в убийствах. Например: «Безусловно, Иван Грозный ни в коем случае не ангел, и руки его, как, впрочем, любого правителя той эпохи, обгарены кровью. Увы, и невинной тоже» (Tsargrad 2016). См. также: (*Bushkovitch 2014: 119–134*).

²² См. также: (Лекция 2019; Журнал «Историк» б/д; Медиапортал 2019).

учебники истории, чтобы понять, чего стоил стране опричный эксперимент (возможно, в полной мере не завершённый). На торжественных открытиях памятников Ивану Грозному говорят, как правило, одни и те же далекие от научных представлений оценки, восходящие к «строительной» доктрине Русского единого централизованного государства. Царь, согласно этому учению, был в своем роде гениальным инженером, который создал или прозрел сверхзадачу — создать единую, неделимую, величайшую в мире Православную Русскую империю²³. Абсурдность этого и подобных взглядов в свете исторических источников уже многократно отмечалась (Эхо Москвы б/д; Историк б/д)²⁴. Современные отзвуки имперской доктрины еще более нелепы: Россия не является империей ни по государственному устройству, ни по правовой букве межрегиональных отношений. Нельзя создавать экзальтированный образ Ивана Грозного, забывая при этом, какие потрясения принесло его правление окружающим Россию и окраинным на то время народам в составе самого Российского государства, а также представителям

иных конфессий, международному имиджу России. История не является линейным процессом, а потомки покоренных народов имеют равные права со всеми остальными гражданами России, в том числе и на память о своем прошлом, которая может быть в нашей стране только драматичной, травмированной, компромиссной. Невозможно представить более безвкусное политическое решение, чем установку величественного истукана, который в местной памяти ассоциируется с войной не за единую и разноликую страну, а за захват тех территорий, которые в результате его политики сегодня находятся в составе Российской Федерации. Это уничижительный и оскорбительный жест, определяемый не согласием среди граждан, не социальным контрактом, а чьей-то верховной волей. И мы уже видели, что это воля верховной власти современной нам России, самовольно и в нарушение конституционных принципов акцентирующей в прошлом объединительную функцию великокняжеской и царской власти, киевского и московского православия и московско-русской нации²⁵.

²³ Эти высказывания во всех подобных случаях следуют канве, проложенной патриархом РПЦ Кириллом и президентом РФ В. В. Путиным. Согласно В. В. Потомскому, Иван IV «великий русский государь, собиратель земель русских, человек, который сохранил для нас с вами православную веру и не позволил никому посягать на нашу с вами территорию». Об укреплении единства Русского государства при Иване Грозном говорил и В. Р. Мединский. Цена вопроса была значительно ниже, чем в эпоху религиозных войн во Франции, хотя, конечно, Иван Грозный, по словам министра, не «мать Тереза и Махатма Ганди» (ТАСС 2016). А. А. Проханов восхвалял Ивана Грозного за возрождение страны «из праха». Искать глубинные основания этих заявлений в исторических фактах, политико-философской традиции или в дискуссиях о политике памяти было бы такой же вторичной задачей, как изучение источников знаний патриарха Кирилла и Путина о царе Иване IV. С другой стороны, взгляды и высказывания всех указанных чиновников важны для понимания композиции воздвигнутых в России памятников Ивану Грозному.

²⁴ В дискуссии точку зрения, близкую к официальной, высказывает И. Я. Фроянов. Специалист по истории XVI в. И. В. Курукин оспаривает политические переосценки Ивана Грозного, хотя и иронизирует, что памятники можно ставить кому угодно).

²⁵ Этот сдвиг хорошо заметен в знаменитом указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

Власть старательно прикрыла свои инициативы плебисцитом. В ноябре 2016 г. фонд «Общественное мнение» провел социологический опрос, показавший, что 71% россиян «положительно оценивают» роль Ивана Грозного в истории (в Орле за установку памятника высказалось 72,6% респондентов), а 65% согласны с тем, чтобы ему поставили памятник у них в городе (против — 15%) (РИА Новости 2016а). Выводы этого опроса означают, что при желании памятники Ивану Грозному можно было бы поставить в каждом городе, заменив ими, например, Ленина или Сталина советской эпохи²⁶. Люди уже высказались за²⁷. Однако культ Ивана Грозного сегодня в своих крайних проявлениях мало отличается от почитания Сталина или Путина,

и социологический факт «народной любви» выступает на фоне плебисцитарной гигантомании в своем новом качестве²⁸. Проблема, видимо, в том, что само исследование «оценки» Ивана Грозного в народе проводилось под влиянием лобби, которое не только заказывало музыку в исследовании, но и создало всю повестку «народной любви». В этом смысле социология давно вызывает подозрения не только в осмыслении «эффекта Церетели», но и в родственных монументальной пропаганде «срезах» электорального поведения или проектах референдумов. Провести «инициативу», сформулированную сверху, да еще и звучащую на фоне упомянутых выше высказываний патриарха и президента, не составляет труда. Механизм «пусть сами люди

²⁶ В Орле, к примеру, памятник Ивану Грозному и был своеобразной компенсацией за отказ от инициированного КПРФ и орловским отделением «Детей войны» восстановления памятника Сталину, против которого в 2015 г. прошли протесты горожан и в целом граждан России. В протестных петициях указывалось, что на Орловщине 20 тыс. человек стали жертвами сталинских репрессий, а победы Сталина в масштабах страны не являются его личной заслугой. Памятник Сталину был и в Рузе, и как раз после общественных протестов против памятника «примерному семьянину Ивану Грозному» всплыла на поверхность идея восстановить в Рузе памятник Сталину или заменить его памятным камнем (Salt Zone 2017). См. также: (Бордюгов 2019).

²⁷ Впрочем, даже на центральном телеканале «Россия 1» корреспондент признает, что статистику голосования «подвергают сомнению» (Youtube 2016). «Против» памятника в Орле была создана петиция, которая набрала на ресурсе Change.org около 550 подписей (отметим, что это примерно в десять раз меньше, чем собранных накануне подписей против памятника Сталину). Позднее на том же Change.org собрано 719 подписей под петицией против памятника в Рузе. Эти цифры не имеют никакого значения, а сам названный ресурс вызывает не меньше вопросов, чем официальная социология в современной России.

²⁸ Имперские репрезентации заполняют городские ландшафты России. Среди них имперский бюст из камня, покрашенный под бронзу, выполненный по заказу казачьего атамана Андрея Полякова из поселка Агалатово Ленинградской области и привлекающий журналистов, паломников и туристов. По словам самого заказчика памятника «императору Путину», он уведомил Администрацию президента о своем художестве и получил даже ответ: «Ваше обращение принято к сведению» (<https://sobesednik.ru/obshchestvo/20161028-kult-putina-kakie-pamyatniki-est-u-naclidera>). Только что образ Путина «в теле» Цезаря Октавиана Августа появился в Санкт-Петербурге на фасаде торгового центра «Европа». Интересно, что замечена новация была буквально в те же дни, когда происходили торжества по случаю открытия памятника в Александрове (<https://openmedia.io/infometer/v-pitere-postavili-statuyu-putina-v-obraze-imperatora-avgusta-ona-poyavilas-na-fasade-izvestnogo-dolgostroya/>). Подсознательная тяга к имперским величинам видна и в высказываниях президента В. В. Путина, и в мемориальной политике — один за другим в стране возводятся именно императоры дореволюционной эпохи, и опекается память об имперских амбициях Сталина, в целом отданная на откуп коммунистам.

скажут» в безальтернативных обсуждениях напоминает политическую жизнь в чрезвычайной ситуации. Общественное обсуждение памятников в Орле, Рузе и Александрове началось уже после того, как были проведены конкурсы, выполнены заказы и возник вопрос об использовании городских площадей под уже созданные памятники. Их заказчики хорошо понимали, что при открытой гласной дискуссии на стадии замысла их планы не получат поддержки, а, возможно, за самой идеей воздвигать тайно обдуманное изваяние был экспериментальный авантюризм в духе «а что если». Нельзя исключать, что и дискуссия вокруг сравнительно вегетарианской композиции, предполагавшейся к установке в Рузе, была дана на откуп научным кругам с целью имитации компромисса. В любом случае не следует обольщаться: чтобы оплатить, создать и воздвигнуть памятники Ивану IV в Орле и Александрове, не требовалось ничего предварительного согласия — ни специалистов по эпохе, ни художественных экспертов, ни граждан России.

Удивление вызывает архаизм самой концепции «памятника Ивану Грозному». Памятник в эпоху всеобщего недоверия, прежде всего, легко превращается в объект насмешек и иронии. Этот механизм запускается моментально, если художественный объект основан на агрессивной идеологии, китче или далеком от жизни пафосе. В народе бродят рассказы о том, как замерз кран, когда «ставили» Фридриха Энгельса на Кропоткинской. Множество наименований конкурируют за лучшее ерничество по поводу «железного человека»

на Гагаринской площади в Москве. Как только не называли «Пик коммунизма» в Питере! Снос «Ленинов», едва намеченный дискуссиями 2008 г. и взрывом у Финляндского вокзала в том же Санкт-Петербурге в апреле 2009 г., поутих после начала украинского «Ленинопада». Впрочем, кое-где и в России Ленина то перекрашивают, то высмеивают, но воспринимается это все еще как покушение на святое. Сколько усилий предпринималось, чтобы убрать из Москвы убожество «В ознаменование 300-летия российского флота»! Ни о какой мыслимой эстетике не может быть речи, когда обсуждается Владимир Святой на Боровицкой площади! Сотни «памятников святым» представляют интерес с точки зрения соединения несоединимого, например, православной святости и идолопоклонства. Складывается ощущение, что лобби безвкусицы много лет назад получило секретное задание засорять городские ландшафты в нашей стране выдающимися нелепостями и гигантскими выражениями невыразимого. Может быть, православные иерархи видят в этом средство преодоления атеистических культов? По крайней мере, говорить о туристических целях не приходится. Памятники нового ампира засоряют культурный эфир теми шумами, с которыми на словах борется само же имперское лобби: Россия в этих истуканах предстает как страна гипертрофированного империализма, эстетической невоспитанности и прямолинейной пропаганды. В заключение процитируем еще раз работу С. А. Еремеевой о взлете и падении монументальной пропаганды в СССР. Монография «Памяти памятников» была закон-

цена буквально за год до появления первого Ивана Грозного в каменной России: «Последовательная работа церкви в направлении монументальной коммеморации смущает души представителей светской власти: не так широко и последовательно, но вполне регулярно они на всякий случай открывают похожие друг на друга памятники русским царям и отмечаются в символически важных местах; вот и в Александровском саду после Гермогена появился памятник Александру I (одновременно напоминаящий не только всех недавних бронзовых Романовых, но и памятник Александру Невскому, восходящий к Эйзенштейну, в Усть-Ижоре)» (Еремеева 2015: 451).

На этом фоне трудности скульптора В. Н. Селиванова в наши дни вполне объяснимы: ему приходится создавать «канонический образ» Ивана Грозного, чтобы он был «не похож» на определенных царей, но при этом был в полной мере похож на них как на великих царей. Желательно, чтобы изображения компенсировали заказчикам еще и неудовлетворенную тягу к памяти об И. В. Сталине и неудовлетворенные имперские надежды на В. В. Путина, за которые Ивану IV приходится отдуваться... Зритель на реке Оке или на реке Серой не должен вглядываться в скульптурные черты, ища сходство с тем, что никому не известно, но как-то наверняка отличается от Бориса Годунова... Не обязательно знать историю, потому что это может помешать проникнуться теми эмоциями и идеями, которыми наполнены новые царственные кумиры... Допустим, нас ждет еще памятник Ивану IV в Казани или на пути в Белую Русь в Рузе.

Хорошо бы не знать, глядя на них, как именно поступили воины Ивана Грозного с татарами, отказавшимися принять христианство после взятия Казани в 1552 г., с католическими монахами, православными еретиками и иудеями в Полоцке в 1563 г. или с сотнями оговоренных по «слову и делу» в Александровской слободе в годы опричнины и после ее официального упразднения. Сколько можно было бы поставить памятников, если бы хотелось хоть кого-то вспомнить, кроме величественного царя-объединителя!.. Лучше не задумываться, не лучше ли было всех погибших и умерших в том далеком XVI в. сразу жестко послать по известному адресу: ведь они не справились, а он — справился. Или иначе: ведь это не они справились, а он справился, в том числе расправляясь с ними... Но, конечно, можно просто смотреть на эти не очень художественные воплощения нескольких незамысловатых идей, скорбеть по чему-то утраченному, чему-то недостигнутому и не слишком напряженно думать о дальнейших судьбах Родины...

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ:

«В неделю 2-ю Великого поста...» 2014 — «В неделю 2-ю Великого поста...», 16 марта 2014 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/3607063.html.

Дилетант 2017 — Дилетант: «Памятник Ивану Грозному появится в Рузе», 19 февраля 2017 г. URL: diletant.media/news/34237043/.

Ерусалимский б/д — Ерусалимский К. Ю. Дело о картине Репина. URL: istorex.ru/page/erusalimskiy_kyu_delo_o_kartine_repina.

ЖЖ 2016 — ЖЖ блогера: URL: pantv.livejournal.com/1236795.html (18 октября 2016 г.).

Журнал «Историк» б/д — Журнал «Историк». С. Ю. Шокарев «Иван Грозный и его сын». URL: xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%d1%83%d0%b1%d0%b8%d0%b2%d0%b0%d0%bb-%d0%bb%d0%b8-%d0%b8%d0%b2%d0%b0%d0%bd-%d0%b3%d1%80%d0%be%d0%b7-%d0%bd%d1%8b%d0%b9-%d1%81%d0%b2%d0%be%d0%b5%d0%b3%d0%be-%d1%81%d1%8b%d0%bd%d0%b0/.

Зебра 2019 — Зебра: «Иван Грозный вернулся в Александров. Скульптуру царя установили на постамент, торжественное открытие памятника намечено на субботу, 7 декабря», 20 декабря 2019 г. URL: zebra-tv.ru/novosti/jizn/ivan-groznyu-vernulsya-v-aleksandrov-skulpturu-tsarya-ustanovili-na-postament-torzhestvennoe-otkryti/.

«Золотой гроб царевича Дмитрия» 2018 — «Золотой гроб царевича Дмитрия», 12 сентября 2018 г. URL: <https://www.ridus.ru/news/282785>.

Интерфакс 2016 — Интерфакс: «Памятник Ивану Грозному открыли в Орле», 14 октября 2016 г. URL: www.interfax.ru/russia/532502.

Интерфакс 2017 — Интерфакс: «Памятник Ивану Грозному собрались установить в подмосковной Рузе», 16 февраля 2017 г. URL: www.interfax.ru/russia/550240.

Интерфакс 2019 — Интерфакс: «Путин сообщил о причастности убитого в Берлине грузина к теракту в московском метро», 10 декабря 2019 г. URL: www.interfax.ru/world/687332.

Историк б/д — Историк: «Иван Грозный: за и против». URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D0%B8%D0%B2-%D0%B0%D0%BD-%D0%B3%D1%80-%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B-%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82-%D0%B8%D0%B2/>.

Лекция 2019 — Лекция А. И. Филошкина «Иван Грозный и сын его Иван», Третьяковская галерея, 2 июня 2019 г. URL: www.youtube.com/watch?time_continue=53&v=dXBzjdZLQPE&feature=emb_title.

«Лицевой свод Ивана IV» 2014 — «Лицевой свод Ивана IV», 2 апреля 2014 г. URL: ruvera.ru/articles/licevoiy_svod_ivana_groznoho.

Медиапортал 2019 — Медиапортал Государственного исторического музея. С. Ю. Шокарев. Лекция «Иван Грозный и сын его», 4 декабря (лекция состоялась 13 ноября) 2019 г. URL: mediashm.ru/?p=15586&fbclid=IwAR3rfBuTIsLSFWJSDxANiOcrbzk7yJa6pwHv0hNouaLAM2qI05VCjE85YPk#15586.

Москва 24 2017 — Москва 24: «Появится ли в Рузе памятник Ивану Грозному», 22 марта 2017 г. URL: www.m24.ru/videos/pamyatniki/22032017/140322.

Мослента 2017 — Мослента: «В Мосгордуме сочли незаконной установку памятника Ивану Грозному», 27 июля 2017 г. URL: moslenta.ru/city/v-mosgordume-sochli-nezakonnoy-ustanovku-pamyatnika-ivanu-groznomu-27-07-2017.htm.

Н. Подосококорский 2013 — Н. Подосококорский, 8 января 2013 г. URL: philologist.livejournal.com/3269493.html.

«Посещение...» 2017 — «Посещение Лебединского горно-обогатительного комбината», 14 июля 2017 г. URL: kremlin.ru/events/president/news/55052.

Про Владимир 2019 — Про Владимир: «Памятник Ивану Грозному вернулся на постамент в Александров», 6 декабря 2019 г. URL: provladimir.ru/2019/12/06/pamyatnik-ivanu-groznomu-vernulsya-na-postament-v-aleksandrov/.

Радио Свобода 2017 — Радио Свобода: «В Москве установили памятник Ивану Грозному», 26 июля 2017 г. URL: www.svoboda.org/a/28639124.html.

Радио Свобода 2019 — Радио Свобода «Песков: разговор Мэй с Путиным по делу Скрипалей был жестким»,

30 июня 2019 г. URL: www.svoboda.org/a/30028715.html.

РБК 2017 — РБК: «В Рузе заявили о планах установить памятник Ивану Грозному», 17 февраля 2017 г. URL: www.rbc.ru/rbcfreeneews/58a62e449a794730675ca529.

РИА Новости 2016 — РИА Новости: «С крестом и на коне — первый в РФ памятник Ивану Грозному открыли в Орле», 15 октября 2016 г. URL: ria.ru/20161015/1479301739.html.

РИА Новости 2016а — РИА Новости: «Россияне рассказали, как они оценивают роль Ивана Грозного в истории», 8 ноября 2016 г. URL: ria.ru/20161108/1480880186.html.

РИАМО 2017а — РИАМО: «Памятник Ивану Грозному хотят установить в Рузе», 16 февраля 2017 г. URL: riamo.ru/article/193830/pamyatnik-ivanu-groznomu-hotyat-ustanovit-v-ruze.

РИАМО 2017б — РИАМО: «Памятник Ивану Грозному в Рузе будет добрым и семейным», 21 февраля 2017 г. URL: riamo.ru/article/194774/pamyatnik-ivanu-groznomu-v-ruze-budet-dobrym-i-semejnym.

Сатирическое издание 2019 — Сатирическое издание ИА «Панорама»: «Картину Матисса “Танец” уберут из экспозиции Эрмитажа из-за пропаганды сексуальных оргий», 5 октября 2019 г. URL: panorama.pub/23882-kartinu-matissa-uberut.html.

ТАСС 2016 — ТАСС: «Первый в России памятник Ивану Грозному открыли в Орле», 14 октября 2016 г. URL: tass.ru/v-strane/3705649.

ТАСС 2018 — ТАСС: «В Третьяковке вандал нанес серьезные повреждения картине Репина “Иван Грозный”», 26 мая 2018 г. URL: tass.ru/proisshestiya/5238382.

ТВК 2016 — ТВК: «В Красноярском крае художник поставил памятник Ивану Грозному в виде кола», 25 октября 2016 г. URL: tvk6.ru/publications/news/21912/.

Телеканал «Россия Культура» 2019 — Телеканал «Россия Культура», 9.12.2019. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/353585/.

«Ученые выявили...» б/д — «Ученые выявили единственный прижизненный портрет Ивана Грозного». URL: artchive.ru/news/2682~Uchenye_vyjavili_edinstvennyj_prizhiznennyj_portret_Ivana_Groznogo (дата обращения: 16.12.2019).

Царьград 2016 — Царьград «Памятник Ивану Грозному: В преддверии открытия», 31 июля 2016 г. URL: tsargrad.tv/articles/pamyatnik-groznomu_19302.

Шокарев б/д — Шокарев С.Ю. О новом нападении на картину И.Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года». URL: istorex.ru/page/shokarev_syu_o_novom_napadenii_na_kartinu_ie_repina_ivan_grozniy_i_ego_sin_ivan_16_noyabrya_1581_goda.

Эра познания б/д — Эра познания З. Виталий Пенской «Эпоха Грозных царей. Становление Российского государства». URL: www.youtube.com/watch?v=ViE8KX8WL8.

Эхо Москвы б/д — Эхо Москвы: «Кому нужны памятники Ивану Грозному», диалог с В.Д. Назаровым. URL: echo.msk.ru/programs/diletanti/1821092-echo/.

Salt Zone 2017 — Salt Zone: «В подмосковной Рузе на месте памятника Сталину могут установить памятный камень», 3 октября 2017 г. URL: salt.zone/news/9627.

Tsargrad 2016 — URL: tsargrad.tv/articles/pamyatnik-groznomu_19302 (31 июля 2016 г.).

Youtube 2015 — URL: www.youtube.com/watch?v=QU4Dk6FdS3k (17 декабря 2015 г.).

Youtube 2016 — URL: www.youtube.com/watch?time_continue=268&v=TiQMkeуBKS&feature=emb_title (14 октября 2016 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров, Володихин 1994 — *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1994.

Богатырев 2011 — *Богатырев С.Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *SSBR*. 2011. № 1 (9). С. 176–178.

Бордюгов 2019 — *Бордюгов Г.А.* Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М., 2019.

Володихин 2010 — *Володихин Д.М.* Иван IV Грозный. М., 2010.

Герасимов 1965 — *Герасимов М.М.* Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения института археологии Академии Наук СССР. 1965. Вып. 100. С. 139–142.

Дубровский 2005 — *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

Еремеева 2015 — *Еремеева С.А.* Памяти памятников: практика монументальной коммеморации в России XIX — начала XX в. М., 2015.

Ерусалимский 2009 — *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1.

Игина 2014 — *Игина Ю.Ф.* Шлем Ивана Грозного? К вопросу о владельческой надписи // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2014. Вып. 11. С. 104–129.

Иоани (Снычев), митр. 2017 — *Иоани (Снычев), митр.* Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. М., 2017 (1-е изд. — 1994 г.).

Калугин 1998 — *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.

Кнорре 2011 — *Кнорре Б.* Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм // Религия и российское многообразие / под ред. С. Филатова. М.; СПб., 2011.

Кобрин 1989 — *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989.

Коробьин 2003 — *Коробьин Г.* Трактовка личности Иоанна Грозного в книге «Самодержавие Духа» // Искушение наших дней. В защиту церковного единства. М., 2003.

Красилин 1999 — *Красилин М.М.* Портрет царя Ивана Грозного. Век XVII и век XX // Пространство жизни. М., 1999. С. 503–513.

Лобин 2019 — *Лобин А.Н.* Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019.

Мутья 2010 — *Мутья Н.Н.* Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.

Панова 2017 — *Панова Т.Д.* Яды в борьбе за власть. Россия. XI — начало XVII в. М., 2017.

Портреты... 1903 — Портреты, гербы, печати большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.

Самойлова 2004 — *Самойлова Т.Е.* Василий III Иоаннович. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 122–123.

Самойлова 2010 — *Самойлова Т.Е.* Иоанн IV Васильевич. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23.

Сарачева 2013 — *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора. К 90-летию открытия музея / отв. ред. А.Д. Яновский. М., 2013.

Столярова, Белоусов 2014 — *Столярова Л.В., Белоусов П.В.* Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: новая версия // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 7–10.

Судьбы творческого наследия... 2015 — Судьбы творческого наследия отече-

ственных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015.

Уханова и др. 2019 — Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А., Ильин В.А. Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественнонаучными методами // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 2. С. 13–29.

Филошкин 2016 — Филошкин А.И. Сотворение Грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 123–130.

Филошкин 2017 — Филошкин А.И. Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси? // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7. С. 382–397.

Флоря 2009 — Флоря Б.Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009.

Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А.Л. Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» // Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 5–17.

Шапошник 2006 — Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006.

Шокарев 2017 — Шокарев С.Ю. Прение о царе Иване в Историческом музее // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 67–74.

Шокарев 2017а — Шокарев С.Ю. Убил ли Иван Грозный своего сына? // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 12–27.

Юрганов 2011 — Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

Янушкевич 2007 — Янушкевич А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007.

Bushkovitch 2014 — Bushkovitch P. Possesino and the Death of Tsarevich Ivan Ivanovich // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55. № 1–2. P. 119–134.

Kämpfer 1978 — Kämpfer F. Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen: Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978.

Kämpfer 1985 — Kämpfer F. Die “parsuna” Ivans IV. in Kopenhagen — Originalporträt oder historisches Bild? // Essays in Honor of A. A. Zimin / ed. by D. C. Waugh. Columbus, Ohio, 1985. S. 187–204.

Lehtovirta 1999 — Lehtovirta J. Ivan IV as Emperor. The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom. Turku, 1999.

Onasch 1961 — Onasch K. Ikonen. Berlin, 1961.

Perrie 2001 — Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Houndmills, 2001.

Platt 1999 — Platt K.-M.-F., Brandenberger D. Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under IV Stalin // Russian Review. 1999. Vol. 58. № 4. P. 635–654.

WHY DO WE NEED MONUMENTS TO THE TSAR IVAN IV THE TERRIBLE?

Erusalimsky Konstantin Yu. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Center for scientific design, professor of the Department of history and theory of culture, Russian State University for Humanities (Moscow)

Key words: Ivan the Terrible, Moscow kingdom, historical politics, monumental culture, monumental propaganda.

Abstract. The author of the essay reflects on the attitude in today's Russia to the personality of Tsar Ivan IV the Terrible, reverence for him in certain circles of Russian society and analyzes the commemorative practice associated with this. Most of all he is occupied by the problem of the relationship between academic knowledge and public perception of the figure of the first Russian Tsar.

REFERENCES

Aleksandrov D.N., Volodikhin D.M. *Bor'ba za Polotsk mezhdu Litvoi i Rus'iu v XII—XVI vekakh*, otv. red. V.L. Ianin. Moscow, 1994.

Bogatyrev S.N. Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentatsiia vlasti i dinasticheskaia politika pri Vasiliu III i Ivane Groznom. *SSBP*, 2011, no. 1 (9), pp. 176–178.

Bordiugov G.A. *Stalin: kul't iubileev v prostranstvakh pamiati i vlasti*. Moscow, 2019.

Bushkovitch P. Possevino and the Death of Tsarevich Ivan Ivanovich. *Cahiers du monde russe*, 2014, vol. 55, no. 1–2, pp. 119–134.

Dubrovskii A.M. *Istorik i vlast': istoricheskaia nauka v SSSR i kontseptsiiia istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)*. Briansk, 2005.

Eremeeva S.A. *Pamiati pamiatnikov: praktika monumental'noi kommemoratsii v Rossii XIX — nachala XX v.* Moscow, 2015.

Erusalimskii K.Iu. Sbornik Kurbskogo: issledovanie knizhnoi kul'tury. Moscow, 2009, vol. 1.

Filiushkin A.I. Kogda i zachem stali stavit' pamiatniki istoricheskim personazham Drevnei Rusi? *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, 2017, vyp. 7, pp. 382–397.

Filiushkin A.I. Sotvorenie Groznogo tsaria: zachem N.M. Karamzinu byl nuzhen "tiran vseia Rusi"? *Tetrad' po konservatizmu*, 2016, no. 4, pp. 123–130.

Floria B.N. *Ivan Grozniy*. 4-e izd. Moscow, 2009.

Gerasimov M.M. Dokumental'nyi portret Ivana Groznogo. *Kratkie soobshcheniia instituta arkhologii Akademii Nauk SSSR*, 1965, vyp. 100, pp. 139–142.

Ianushkevich A.M. *Vialikae Kniastva Litov'skae i Inflantskaia vaina 1558–1570 gg.* Minsk, 2007.

Igina Iu.F. Shlem Ivana Groznogo? K voprosu o vladel'cheskoi nadpisi. *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, pod red. G.E. Lebedevoi. St. Petersburg, 2014, vyp. 11, pp. 104–129.

Ioann (Snychev), mitr. *Samoderzhavie dukha: Ocherki russkogo samosoznaniia*. Moscow, 2017 (1-e izd. — 1994 g.).

Iurganov A.L. *Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma*. Moscow, 2011.

Kalugin V.V. *Andrei Kurbskii i Ivan Grozniy: (Teoreticheskie vzgliady i literaturnaia tekhnika drevnerusskogo pisatel'ia)*. Moscow, 1998.

Kämpfer F. *Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Piter dem Grossen: Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis*. Recklinghausen, 1978.

Kämpfer F. Die "parsuna" Ivans IV. in Kopenhagen — Originalporträt oder historisches Bild? *Essays in Honor of A.A. Zimin*, ed. by D.C. Waugh. Columbus, Ohio, 1985, pp. 187–204.

Khoroshkevich A.L. Aleksandr Aleksandrovich Zimin i ego kniga "Oprichnina Ivana Groznogo". *Zimin A.A. Oprichnina*. Moscow, 2001, pp. 5–17.

- Knorre B. Dvizhenie za kanonizatsiiu Ivana Groznogo i pravoslavno-monarkhicheskii tsezarizm. *Religiia i rossiiskoe mnogoobrazie*, pod red. S. Filatova. Moscow; St. Petersburg, 2011.
- Kobrin V. B. *Ivan Groznyi*. Moscow, 1989.
- Korob'in G. Traktovka lichnosti Ioanna Groznogo v knige "Samoderzhavie Dukha". *Iskushenie nashikh dnei. V zashchitu tserkovnogo edinstva*, Moscow, 2003.
- Krasilin M. M. Portret tsaria Ivana Groznogo. Vek XVII i vek XX. *Prostranstvo zhizni*, Moscow, 1999, pp. 503–513.
- Lehtovirta J. *Ivan IV as Emperor. The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom*. Turku, 1999.
- Lobin A. N. *Artilleriia Ivana Groznogo*. Moscow, 2019.
- Mut'ia N. N. *Ivan Groznyi. Istorizm i lichnost' pravitel'ia v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* St. Petersburg, 2010.
- Onasch K. *Ikonen*. Berlin, 1961.
- Panova T. D. *Iady v bor'be za vlast'. Rossiia. XI – nachalo XVII v.* Moscow, 2017.
- Perrie M. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia*. Houndmills, 2001.
- Platt K.-M.-F., Brandenberger D. Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under IV Stalin. *Russian Review*, 1999, vol. 58, no. 4, pp. 635–654.
- Portrety, gerby, pečati bol'shoi gosudarstvennoi knigi 1672 g.* St. Petersburg, 1903.
- Samoilova T. E. Ioann IV Vasil'evich. Ikonografiia. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, 2010, vol. 23.
- Samoilova T. E. Vasilii III Ioannovich. Ikonografiia. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, 2004. T. 7, pp. 122–123.
- Saracheva T. G. *Muzeinaia letopis' Pokrovskogo sobora. K 90-letiiu otkrytiia muzeia*, otv. red. A. D. Ianovskii. Moscow, 2013.
- Shaposhnik V. V. *Ivan Groznyi: Pervyi russkii tsar'*. St. Petersburg, 2006.
- Shokarev 2017a — Shokarev S. Iu. Ubil li Ivan Groznyi svoego syna? // Tsentri i periferiia. 2017, no. 1, pp. 12–27.
- Shokarev S. Iu. Prenie o tsare Ivane v Istoricheskom muzee. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, no. 2, pp. 67–74.
- Stoliarova L. V., Belousov P. V. Smert' tsarevicha Dmitriia v Ugliche 15 maia 1591 g.: novaia versiiia. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2014, no. 1, pp. 7–10.
- Sud'by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka*, sost. A. L. Khoroshkevich. Moscow, 2015.
- Ukhanova E. V., Zhizhin M. N., Andreev A. V., Poida A. A., Il'in V. A. Prizhiznennyi portret Ivana Groznogo: vizualizatsiia ugasshego pamiatnika estestvennonauchnymi metodami. *Drevniaia Rus': voprosy medievistiki*, 2019, no. 2, pp. 13–29.
- Volodikhin D. M. *Ivan IV Groznyi*. Moscow, 2010.

«СОБСТВЕННОСТЬ, КОТОРАЯ БЫЛА ОТНЯТА У КРЕСТЬЯН, СТАЛА ЧАСТЬЮ ПАМЯТИ».

Интервью с И. Л. Щербаковой

Ключевые слова: общество «Мемориал», публичная история, историко-просветительская деятельность, историческая память, репрессии, травмы памяти.¹

Аннотация. Тема беседы — просветительский проект общества «Мемориал», цель которого — приобщить подрастающие поколения к знанию трагических страниц отечественной истории новейшего времени.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-74-88

И. Л. Щербакова — редактор-составитель 20 сборников работ победителей школьного конкурса «Человек в истории. Россия XX век» (2000–2018, <http://urokiistorii.ru/raboty>), автор книг: *Nur ein Wunder konnte uns retten. Leben und Überleben unter Stalins Terror. Aus dem Russischen von Susanne Scholl.* Campus Verlag: Frankfurt am Main, 2000 («Нас могло спасти лишь чудо. Жить и выжить во времена сталинского террора»); Hrsg.: *Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten.* Edition Körber-Stiftung: Hamburg, 2003 (Память России — молодые люди возвращают забытые судьбы, редактор-составитель); Hrsg.: *Unruhige Zeiten. Lebensgeschichten aus Russland und Deutschland.* Edition Körber-Stiftung: Hamburg, 2006 (Неспокойные времена. Истории жизни людей из России

и Германии, редактор-составитель); *Zerrissene Erinnerung: der Umgang mit Stalinismus und Zweitem Weltkrieg im heutigen Russland.* Wallstein: Göttingen, 2010 (Разорванная память. Отношение к сталинизму и Второй мировой войне в сегодняшней России); Hrsg.: *Gulag. Spuren und Zeugnisse 1929–1956.* Wallstein: Göttingen, Weimar, 2012 (ГУЛАГ. Следы и свидетельства. 1929–1956, редактор-составитель, совместно с Юлией Ландау); *Irina Scherbakowa/Karl Schlöge. Der Russland-Reflex: Einsichten in eine Beziehungskrise.* Edition Körber-Stiftung: Hamburg, 2015 (Рефлекс России. Понимание кризиса отношений, совместно с Карлом Шлөгелем); *Die Hände meines Vaters. Eine russische Familiengeschichte.* Droemer: München 2017 (Руки моего отца. История одной российской семьи).

Беседовал С. Е. Эрлих.

© Историческая Экспертиза, 2020

Щербакова Ирина Лазаревна — кандидат филологических наук, председатель научно-информационного просветительского центра «Мемориал» (Москва)

С. Э. Последнее время модным стало направление публичной истории. Как я понимаю, публичная история подразумевает некий интерактивный процесс, взаимодействие с аудиторией. Ваш проект «Человек в истории» — это очень удачный пример такого взаимодействия, когда аудитория участвует в освоении истории. Расскажите, как появился этот проект?

И. Ш. Наш исторический конкурс исследовательских работ для старшеклассников называется «Человек в истории. Россия XX век», но подзаголовок «Россия XX век» мы постепенно расширяем — не так много времени осталось до того момента, как закончится первое двадцатилетие XXI в., и историю нынешнего столетия можно будет «официально» включать в рамки этого конкурса. События десятилетней давности кажутся иногда слишком близкими (впрочем, это зависит от их переломного характера — например, десятилетие 1969–1979 — совсем не то, что 1989–1999). Но как бы там ни было, после появления нового поколения все, происходившее пятнадцать-двадцать лет назад, уже становится частью истории.

Мы объявили конкурс в середине 1999 г., конечно, еще не зная, что вскоре в стране произойдут существенные политические изменения. «Мемориал» с момента своего создания в 1989 г. одну из своих главных задач видел не только в сохранении исторической памяти (прежде всего, о политических репрессиях и нарушениях прав человека), но и в том, чтобы способствовать развитию исторического сознания у молодых.

Всерьез о развитии этого сознания можно говорить в том случае, когда молодой человек вступает в прямое соприкосновение с историческими фактами, пытается их осмыслить и найти ответы на поставленные им самим вопросы. Тогда возникает ощущение *себя* в истории — в контексте истории своей семьи, своего города, своей деревни. Мы хотели, чтобы старшеклассники обратили внимание на реальную историю советской повседневности, которая исчезала с уходом «последних» свидетелей. Было очевидно, что они сталкиваются с очень противоречивым образом прошлого — с новыми и старыми мифами, с растущей ностальгией. Нам представлялось, что разобратся в феномене советской жизни школьники смогут, если начнут сами расспрашивать свидетелей, копаться в архивах, читать старые газеты; если смогут заняться самостоятельной исследовательской деятельностью. Мы надеялись, что участие в конкурсе даст подросткам такую возможность.

«Мемориал» создавался с самого начала как сеть региональных организаций, и нам всегда было важно понимать, что происходит в провинции с исторической памятью. Вплоть до середины 1990-х многое шло в русле процесса десталинизации, десовветизации, который начался во время перестройки. Но уже со второй половины 90-х стало очевидно, что эти темы вызывают в обществе все меньше интереса и подогреваются СМИ ситуативно, в связи с политическими задачами, которые ставила власть: например, во время выборов 1996 г., когда надо было победить коммунистов и Зюганова. И мы не знали, что в головах у тогдашних

школьников — какой образ прошлого? Ведь в 1999-м они уже почти десять лет учились по новым учебникам, по новым программам. Этих учебников было много, и учитель, впервые за многие десятилетия, мог выбрать тот, который казался ему наиболее подходящим.

С.Э. Когда вы говорите про угасание интереса, вы имеете в виду интерес к теме репрессий, т. е. к темам, которыми занимается «Мемориал»?

И.Щ. Прежде всего, конечно, об этом. Когда к концу 90-х мы почувствовали, как ослабевает к этим темам интерес, как мало его поддерживает власть, то стали ощущать себя в роли Давида, который в этом случае с Голиафом справиться не может. Или в роли Кассандры, когда пытались всех убедить, что не заниматься «проработкой» коммунистического прошлого, не заниматься историей террора — пагубно для общества. Мы понимали, что тема репрессий огромна, что «Мемориал» в одиночку не может решить эту задачу. Мы работали, но не имели ни экономической, ни политической поддержки от государства, ни заинтересованности. И даже от людей из либерально-демократического лагеря мы слышали, что «все это уже известно, вы повторяете свои мантры про коммунистическое прошлое, а это прошлое уже обществом преодолено». И у многих искусствоведов и культурологов сложилась тогда точка зрения относительно советского периода, что к нему нужно относиться как к далекому и преодолённому прошлому, примерно как к египетским пирамидам.

На этом фоне нам очень важно было «пробиться» к молодежи, и особенно в провинции.

В это время я часто бывала в западных странах, у меня была гостевая профессура в Австрии, в Германии. Я старалась понять, что там происходит с исторической памятью — с образовательными проектами, с музеями, выставками, и как это отражается на учительском сообществе. В 1998 г. меня пригласили на учительский семинар, организованный немецким Фондом Кёрбера в Гамбурге, который был посвящен 1968 г. Семинар проводился в рамках исторического конкурса для старшеклассников, который Фонд Кёрбера (это большой частный фонд) объявил в начале 1970-х гг., когда в Западной Германии у молодого поколения возникла потребность в рефлексии по отношению к нацистскому прошлому. Первой темой этого конкурса была «Повседневность при национал-социализме» — и она была трудной, вызвала даже скандалы — когда школьники стали распутывать разные истории и при этом обнаружались такие вещи, о которых многим хотелось забыть. Но сама тема была сформулирована умно — она призывала вроде бы писать про повседневную жизнь, но за этим вставала история «обыкновенного фашизма»...

Я увидела, что это не просто конкурс, а большой образовательный проект, который сопровождается серьезной методической работой, учительскими семинарами, проработкой тем. Узнала, что в Гамбурге в Фонде Кёрбера собран архив конкурсных работ, занимающий целое здание.

И поняла, что конкурс в Германии — важный элемент публичной истории и вовлечения в нее школьников. Мне показалось, что такой проект было бы полезно реализовать у нас. Я пришла с этой идеей к председателю международного «Мемориала» Арсению Рогинскому. Он сказал: «Давай попробуем». Потом нам помог Фонд Кёрбера, в том числе и методически. Выяснилось, что в Польше тоже проводится такой конкурс, причем общественной организацией «Карта», близкой «Мемориалу». Так постепенно возникла сеть европейских конкурсов — EU-story, в нее входят сейчас почти все европейские страны.

С.Э. Имеются в виду страны Восточной Европы или Евросоюза?

И.Щ. И Евросоюза, и страны вне Евросоюза, в том числе и все бывшие соцстраны. Недавно присоединилась Грузия. В течение 20 лет мы ежегодно проводим общие встречи всех участников сети, обмениваемся опытом, обсуждаем методические вопросы, темы конкурсов. Есть много общих проблем, связанных с отношением к прошлому, особенно в посткоммунистических странах.

Есть темы, которые даже десятки лет спустя воспринимаются в странах, переживших диктатуру, очень болезненно и до сих пор сопровождаются вытеснениями и умолчаниями. Поэтому, например, первой темой испанского конкурса стала не гражданская война, казалось бы, ключевое событие для Испании в XX в., а повседневная жизнь в 50-е гг., когда режим Франко стал более вегетарианским. Мы и поляки

были самыми решительными в выборе «трудных» тем.

Мы долго придумывали название нашего конкурса, хотя сегодня оно кажется таким простым и очевидным. Мы не стали специально задавать тему, посвященную репрессиям: во-первых, это бы отсекло часть людей, а во-вторых, направило бы участников сразу в определенную сторону. А нам хотелось, чтобы у них возникал собственный, не навязанный образ прошлого — на основе документов, которые они найдут, на основе историй и судеб, которым они посвятят свои работы. Хотелось, чтобы они сами пришли к каким-то выводам. Поэтому название «Человек в истории» стоило нам долгих размышлений. Оно отвечает задачам «Мемориала» — вернуть человека в историю; мы считали, что в центре работы должна быть судьба, причем самого обычного, не знаменитого человека. Второй важный момент: работа, представленная на конкурс, должна быть исследовательской, и в ее основе должен лежать исторический источник. Это может быть и устный источник, и документы из личных и государственных архивов, фотографии, личные вещи.

Конкурс стал региональным в большой степени благодаря мемориальским организациям. У нас есть координаторы, которые связаны с «Мемориалом»; они работают с учителями и школьниками. Вначале мы думали, что основными участниками будут школьники из больших городов. Но этого не произошло. И, как выяснилось, это общая черта всех исторических конкурсов нашей

европейской сети: в них активнее участвует провинция.

С. Э. Чем это, на ваш взгляд, объясняется?

И. Щ. Во-первых, школьники в больших городах больше загружены. Ведь это старшекласники — в основном 14–18 лет. Расстояния, длинная дорога до школы, кружки и многочисленные возможности, которые может предложить большой город, — все это имеет значение. У них просто масса других дел. Во-вторых, должна быть «приманка» — ведь это конкурс. Что мы могли предложить? Мы могли предложить победителям приезд в Москву, где они проведут несколько учебных и праздничных дней; небольшие призы-подарки; поездки в международные школы. Публикацию в ежегодном сборнике работ победителей. Для Москвы и отчасти для Питера — это, вероятно, не такие серьезные бонусы. Здесь большинство школьников часто куда-то ездит. Так что те, кто живет в больших городах, в участии в нашем конкурсе не очень заинтересованы.

С. Э. А областные центры?

И. Щ. В большей степени. Но вообще-то многое зависит от учителя. Сейчас, например, активнее участвует Питер, потому что там появилось несколько учителей, которым это интересно. Также многое связано с семейной традицией — если есть интерес к прошлому в семье, то школьник чаще участвует в конкурсе. Мы с самого начала понимали, что надо вовлекать и родителей, и учителей.

С. Э. Дети из сел тоже участвуют?

И. Щ. Да, конечно. Треть участников — из малых городов, сел, поселков. Для них это выход на другой уровень, возможность себя проявить. Мы видим это на примерах биографий наших победителей. Например, школьник из маленького уральского города написал хорошую работу про коллективизацию, стал победителем, поехал в международную школу. Прошли годы, и сегодня он — заместитель декана истфака. Есть и другие подобные примеры. Первая победа — в 14–16 лет — очень важна, тем более если ты приезжаешь из маленького города или села в Москву и тебя поздравляют, хвалят. У нас до своей смерти председателем жюри был Сигурд Оттович Шмидт. Это имя много значило для учителей, для местных краеведов. Сейчас наше жюри возглавляет Людмила Улицкая, в нем Николай Сванидзе, Александр Архангельский, Никита Соколов, Александр Даниэль и другие известные люди. Сознание того, что эти члены жюри будут читать твою работу, очень стимулирует.

С. Э. Есть ли какие-то определяющие темы, которые чаще всего появляются в работах?

И. Щ. Когда мы начали конкурс, стало ясно, что будет несколько главных тем в работах по российской истории XX в.: цена победы; человек и власть (сюда входят репрессии); малая родина (история церквей, зданий, то, что можно назвать микроисторией); и самое важное — история семьи.

Мы не ожидали, что конкурс уже в первый год вызовет такой отклик. Предполагали получить около трехсот работ. Но их было сразу почти

2 тысячи. Мы сидели, заваленные мешками, привезенными на саночках с почты. (Ведь это еще происходило до цифровой эпохи.) Теперь все работы приходят к нам по Интернету.

Мы были первым историческим конкурсом в России. Потом их стало довольно много. Некоторые уже закрылись, другие еще живы, но наш конкурс один из последних, где все не только делается бесплатно, но мы приглашаем победителей в Москву, возим их на экскурсии, водим в театры и музеи, организуем дискуссии и т. д. Каждый год на конкурс приходит 1,8–2 тысячи работ. И эта цифра по-прежнему остается такой высокой, хотя все знают, каким нападкам подвергался наш конкурс со стороны так называемых «патриотических» организаций, а международный «Мемориал» в 2016 г. был объявлен «иностранным агентом».

Конечно, трудно говорить о том, насколько полученные за эти годы результаты репрезентативны для такой огромной страны. И все же год за годом мы имеем возможность наблюдать, как реагируют молодые люди на меняющуюся «историческую политику» на те сдвиги, которые происходят в российской коллективной и культурной памяти.

Когда мы начали читать конкурсные работы, выяснилось две вещи, сначала неочевидные. Во-первых, что есть две главные темы и две трагедии, которые определили судьбу российских семей, — раскулачивание и война. Это то, что затронуло очень многих. Конечно, и Большой террор 1937–1938 гг., но раскулачивание

в истории семей преобладало. Хотя часто бывало, что бывшие «кулаки» подверглись новым репрессиям спустя семь-восемь лет: они были сосланы в начале 30-х, а потом в 1937–1938 гг. арестованы и расстреляны. Недаром первая операция Большого террора называлась «кулацкой». Может быть, если бы в нашем конкурсе преобладали школьники из больших городов, угол зрения был бы иной. Но 80% населения к 1917 г. было крестьянским, и раскулачивание коснулось очень многих.

Наш конкурс показал, какое значение имеет региональная память. В Петербурге это, прежде всего, память о блокаде; на Дальнем Востоке — о Гражданской войне; в Сибири, в Тамбовской области — о крестьянских восстаниях. Для Ростова — история казачества (которого там почти не осталось, но память о нем жива); в Новочеркасске — рабочая демонстрация и ее расстрел в 1962 г. У нас было несколько хороших работ из Новочеркасска, где подробно описывались и сами события, и трагические судьбы их участников. В нулевые годы наши конкурсанты еще легко могли найти живых свидетелей в своих собственных семьях: «Мой дедушка видел это, моя бабушка участвовала в той демонстрации».

Эти две темы — раскулачивание и война — остались главными и сегодня, с той разницей, что сейчас ушли живые свидетели. Наши школьники, работая над своими исследованиями, успели, к счастью, еще застать очевидцев исторических событий первой половины XX в. Это были обычные люди из глубинки, которых никто никогда не спрашивал

об их жизни. И сами они долгое время молчали, многолетний страх отнял у них «язык». Бывает такое: школьники берут интервью у старушки, которая была военным подростком. Она не сидела в лагере, но у нее была тяжелая жизнь: голод, оккупация. И они говорят: «Наша бабушка Ася — она ни одного предложения не может закончить, она говорит — ну, жили мы, жили, и все такое». В этом «и все такое» сказывается эта «немота».

С. Э. Когда я был в Музее ГУЛАГа, то обратил внимание, что там есть материалы о Большом терроре, но о раскулачивании ничего нет. И это не случайность. Интеллигенцию больше затронул Большой террор. Поэтому она прежде всего сохраняет память о репрессиях 1937–1938 гг., хотя и тогда большинство репрессированных были крестьянами и рабочими. Но простых людей в гораздо большей степени затронули раскулачивание и голод...

И. Щ. Мы не могли представить себе, что получим столько работ о прошлом крестьянской России, где речь идет о раскулачивании, коллективизации и голоде. Очень цепко сидят в памяти и передаются из поколения в поколение (для наших школьников это история прабабушек и прадедушек) многие детали и подробности. Какой дом удалось построить вернувшемуся с Гражданской войны прадеду, сколько окон в нем было, сколько комнат, какую скотину держали, когда купили мельницу, какие платья шили и т.д. И с такими же подробностями описывается раскулачивание — как и что отнимали. И поскольку письменных источни-

ков, а главное, воспоминаний об этом сохранилось мало по сравнению с масштабами этой народной трагедии, то получилось, что российские школьники выполнили исторически очень важную и «взрослую» задачу: сумели в «последнюю минуту» записать передававшиеся из уст в уста семейные истории.

Голод — это постоянный фон рассказанных историй — он сопровождает героев многих работ вплоть до 50-х гг. минувшего века. Это очень тяжелая тема для подростков, очень депрессивная и «физиологическая». Мы могли бы составить книгу рецептов о том, что ели в голод, которые не снились нашим европейским коллегам. Нет ни одной страны вне СССР, которая бы пережила такой голод.

С. Э. Я хотел бы еще уточнить: про голод и раскулачивание участники конкурса расспрашивали своих родственников?

И. Щ. Не только. Это учителя, соседи, просто жители их города или деревни.

Забегая вперед, скажу, что, как мне кажется, школьники, которые участвуют в конкурсе, очень часто люди не случайные. Почему такой большой процент среди них — из раскулаченных семей? Да, он большой в целом в России, но почему он именно в нашем конкурсе такой большой? Потому что, несмотря на тяжелейшие условия ссылки, на смерть детей, сохранялась традиция и, если хотите, наследственность, ведь это были очень крепкие хозяйства и трудолюбивые семьи.

Конкурсные работы, посвященные деревенской жизни, были своеобразным ответом на привычные рассуждения о том, что советский человек — самый духовный, что он ни к чему материальному не привязан. Это миф, который породила советская идеология. На самом деле крестьянин, как никто другой, привязан к предметам своего труда, к земле, к дому, который он создал своими руками. Да, крестьянский труд, быт, даже у крепких крестьян, был очень тяжелым. Чтобы поднять хозяйство, нужно было работать от зари до зари. Но время НЭПа осталось в семейной памяти почти как «золотой век» — люди получили землю, смогли отстроиться, создать крепкое хозяйство.

С. Э. О НЭПе у меня был семейный источник — моя бабушка — крестьянка из Архангельской области, 1898 года рождения. Я спрашивал ее, когда была лучше, при царе или в советское время, и она отвечала: «Лучше было, когда царя уже свергли, а колхозов еще не было».

И. Щ. Работы нашего конкурса подтверждают, что в крестьянской памяти это именно так закрепилось. Коллективизация была страшным ударом. Возникали стихийные бунты, в том числе и женские. Но срабатывала извечная крестьянская психология: действия власти воспринимались как враждебная стихия, как удар грома. Не было рациональных объяснений происходящего.

С. Э. Сталин ведь очень продуманно действовал: сначала арестовали потенциальных главарей, семьдесят тысяч человек — и сорок тысяч из них расстреляли.

И. Щ. Да, репрессии сначала коснулись глав семей, поэтому было трудно сопротивляться — остались женщины и дети. Старались, как могли, прятать зерно, другие продукты от изъятия. Много есть рассказов о том, как удалось обмануть тех, кто приходил с реквизицией, например, повторяется сюжет, как спрятали в навозной куче.

С. Э. Об этом тоже пишут в работах?

И. Щ. Да-да, это очень живая память!

А когда деревня чуть-чуть ожила после разгрома, сразу началась война. Война — вторая сквозная тема, особенно в первые годы конкурса, когда были еще живы свидетели. Большинство наших авторов — школьники из маленьких городов, поселков, деревень. Их деды и прадеды — рядовые, обычные красноармейцы, из которых сложились миллионные цифры военных потерь. Среди крестьянских дедов и прадедов наших авторов мало было добровольцев, сразу бросившихся на призывные пункты. Но когда призвали — пошли выполнять тяжелый долг. Хорошо, если успели написать одно-два корявых письма домой, и погибли. Большое счастье для семьи, когда известно, где похоронены.

А если повезло выжить и вернуться, то возвращались с войны деды и прадеды наших школьников инвалидами, за которых пошли замуж их бабушки и прабабушки, других-то женихов не было. Эта война коснулась всех, каким бы разным ни был передаваемый через три поколения семейный опыт. И тех, кто был в оккупации, и кто

пережил плен и угон на работу в Германию, был депортирован в Сибирь и Казахстан, чудом выжил в блокаду. Надрылся в трудармии, на рытье окопов, на лесозаготовках, в ГУЛАГе. «Вытянули войну, напрягая все силы» — это, вероятно, один из главных лейтмотивов большинства работ, посвященных войне. Чаще всего эта память передавалась подросткам на коммуникативном уровне через женщин — прабабушек и бабушек. И поэтому в их работах мало фронтовых эпизодов, описаний боев. А в женских рассказах возникают картины советской военной повседневности. Голод и холод, непосильный труд по 12–14 часов, в том числе подростков, на военных заводах (где награда, стахановская прибавка к пайку — сто грамм хлеба), и никуда не уйти, не убежать. Вернут с милиционером и еще посадят на полгода, на год... Многие откровенно рассказывали, как во время войны «попадали под указы», как получали срок за невыполнение трудовой, за опоздание на фактически принудительные работы, за так называемую «спекуляцию». Как прабабушке дали восемь лет за буханку хлеба, вынесенную с завода голодным детям, а сестра прадеда, мать троих детей, за торговлю сахарином с рук получила пять лет и умерла в лагере. Все эти негероические семейные сюжеты военного времени вызывают у наших авторов только сочувствие.

С. Э. Как влияли идеологические, политические изменения последних десятилетий на работы, которые присылали на конкурс?

И. Щ. До 2004–2005 гг. нарратив, рассказ о прошлом, оставался в основном таким, каким он сформировался

в 90-е гг. Да, он был условным, он плохо поддерживался государственной политикой. Но все же в те годы на этот нарратив работало телевидение, новые учебники, учителя. Этот рассказ о первой половине XX в. выглядел примерно так: была великая Россия, которую мы потеряли... Сначала Первая мировая война (в зависимости от того, есть ли в семьях память о ней — были ли погибшие или, наоборот, прадеды и прапрадеды, которые выдвинулись именно на Первой мировой). А потом большевистский переворот, Гражданская война, затем Сталин, коллективизация и террор.

Что касается Отечественной войны, то к 2005 г. стали уходить последние живые свидетели, и заметно изменились векторы исторической политики. Конечно, уже в 1995 г. празднование 50-летия Победы напоминало советский государственный праздник, но с 2005 г. начался апофеоз Победы. Не ее непомерной цены — так звучала военная номинация нашего конкурса. С тех пор главная тема конкурса, где возвращается советский взгляд на прошлое, — военная. Мы стали получать довольно много написанных как под копирку работ о «героическом подвиге моего прадеда». Как будто нажали на кнопку — и вдолбленный десятилетиями советский пропагандистский образ Великой Отечественной войны вернулся и начал воспроизводиться.

С. Э. Благодаря телевизору?

И. Щ. Благодаря телевизору и общей атмосфере и тем импульсам, которые исходят от власти. Тем более что все мы с детства живем среди знаков и символов официальной советской

памяти о войне — однотипных памятников, «вечных огней» и т. д.

С. Э. После 2005 г. эти символы «воспрями»?

И. Щ. Власть к ним вернулась, потому что это очень удобно для патриотической доктрины.

С. Э. До 2005 г. в сочинениях не было восхваления Сталина?

И. Щ. Почти не было. Думаю, во многом потому, что живые свидетели играли важную роль. На нас в первое пятилетие конкурса просто сыпались рассказы о том, что война — это не картинные подвиги, а тяжелая работа; о том, какой трудной была жизнь в тылу.

С. Э. А потом Великая Отечественная война стала не историей жертв, а историей победителей?

И. Щ. Я бы сказала — историей жертв, принесенных людьми для Победы. Конечно, до сих пор мы получаем очень разные работы, и среди них есть разные истории — истории трагических судеб, поисков могил, репрессий, которые не прекращались и во время войны. Школьники вместе с учителями находят потрясающие источники, письма, дневники... Но в целом вектор стал меняться в сторону официального патриотизма и державности. Парадоксально еще вот что: мы постоянно сталкиваемся с тем, что работы начинаются с дежурного патриотического зачина о великой стране и великой истории, а после начинается рассказ о такой тяжелой жизни и судьбе, о такой несправедливости и жестокости к лю-

дям со стороны государства, что это совершенно не совпадает с тем, что написано в начале работы. Но как когда-то использовали цитаты из классиков марксизма-ленинизма, так сейчас обрамляют работы словами о величии и героизме.

С. Э. Они начинают с державности и потом переходят к реальным материалам?

И. Щ. Именно так. И реальные материалы противоречат тому, что пишется в «державном» зачине.

С. Э. Они это противоречие не улавливают?

И. Щ. Есть те, конечно, кто улавливает. Но, к сожалению, за последние годы удалось вдолбить школьникам, что этот зачин надо повторять, как мантру, что это признак лояльности.

Примерно с 2005 г. начался период, когда в связи с войной стал «вылезать» Сталин как положительная фигура, как автор Победы. Этот период длился несколько лет, до 2009–2010 гг. Наверное, главная причина — это новое огосударствление взгляда на историю. Россия сильна, когда у нее сильный лидер. А кто у нас самый сильный лидер? Конечно, Сталин. Как только нажали на эту кнопку, Сталин вылез как черт из табакерки.

Наши участники прямо об этом не писали, но подспудно это стало проявляться — стало видно, что они затрудняются с тем, как относиться к советскому прошлому. Тот нарратив, о котором я говорила выше, стал разрушаться.

И была еще одна важная вещь, которая формировала негативное отношение к реформам 90-х, к Горбачеву, к Ельцину. Школьники не понимали, почему распался СССР. Это болевая точка в истории многих семей, потому что они оказались в 90-е в России в роли беженцев, и им было очень трудно выживать. Таких в нашем конкурсе достаточно. Школьная история не предлагала никаких объяснений, почему это произошло. И подростки оказались в пространстве мифов и ностальгии — как хорошо все жили до развала СССР. Поскольку умных ответов они не получали, то усваивали то, что предлагали взрослые — что Союз распался из-за происков врагов или чьей-то злой воли, а вот Сталин, наоборот, был «собирателем земель» и победителем в войне. Он стал почти что скрепой. И мы увидели, что у наших школьников клиповое сознание и когнитивный диссонанс, когда в их головах совмещаются взаимоисключающие вещи.

С. Э. А как они переходили от репрессий в своей семье к теме великой России, построенной Сталиным, как это обосновывалось? Они писали, что репрессии — это было необходимое условие для создания империи?

И. Щ. Многие писали, что у нас была великая страна, замечательная промышленность, прекрасная пионерская организация, что все нации и народы жили дружно... Но те из конкурсантов, кто оказался способен к рефлексии, увидел противоречия между мифами и реальностью, особенно в бытовой жизни. И тогда возникали характерные для нового

поколения прагматические вопросы о бессмысленности сталинских репрессий. Зачем надо было уничтожить крепкое хозяйство моего прадеда, ввергнуть в голод процветавшую до коллективизации деревню, зачем надо было арестовать, отправить в ГУЛАГ, расстрелять моих предков, по совершенно диким и бессмысленным обвинениям? Для чего все это было сделано? Идея, что это было нужно для мобилизации общества, для создания тяжелой промышленности, не работала — возможно, потому, что участники конкурса жили уже на развалинах этой промышленности. И видели, насколько она оказалась неконкурентоспособной. Начиная с джинсов и кончая самолетами.

С. Э. А не было таких пассажиров, что «моего дедушку правильно репрессировали», или, наоборот, «это была ошибка»?

И. Щ. Про ошибку — да, это было.

С. Э. А что «моего дедушку репрессировали по ошибке, а остальных — нет»?

И. Щ. Нет, такого не было. Но что были ложные доносы от односельчан, а власть не то чтобы не виновата, но далеко, а вот конкретные односельчане могли написать конкретный донос. Но все равно те, кто писал свои работы в номинации «человек и власть», приходили к выводу, что власть в России изначально несправедлива, что она давит на человека, постоянно нарушает его права.

Хотя среди конкурсных работ преобладали крестьянские истории, много в эти годы было сюжетов,

связанных с трагическими судьбами священников, в массовом порядке подвергшихся репрессиям. В лучшем случае — ссылка, в которой их семьи умерли с голода. Что же касается купеческих и дворянских семей — это тоже репрессии, гибель в Гражданскую войну или арест в 30-е из-за «плохого» происхождения. Была, например, работа одной девочки из Владимира, ее прапрадед — богатый купец, выстроил огромные торговые ряды в центре города, мимо которых она постоянно ходила. Но после революции семья не только все потеряла, но была на две трети уничтожена.

Надо еще сказать о том, что мы получали довольно много работ не только из православных семей. Не говоря уже о старообрядческих семьях. Религиозная составляющая утрачивается, но традиция сохраняется, даже если сами дети не осознают принадлежности к старообрядчеству. В первые годы конкурса было больше смелости в этом отношении — приходили работы из семей протестантов, баптистов, федоровцев, которые тоже впервые вышли на поверхность, заговорили, рассказали житийные истории.

После 2010 г. положительный образ Сталина стал постепенно гаснуть. Он как будто надоел. Не то чтобы Сталин стал снова отрицательной фигурой, как в конце 80-х, но его образ перестал быть, как мне кажется, таким привлекательным. А потом ударил 2014 г. И школьники оказались в поле милитаристской и антиукраинской пропаганды. На них тоже действовал ура-патриотический накал, насаждение патриотизма

в школах, разделенные украинским и крымским вопросом семьи, члены которых не знали, как им относиться к Украине, к украинским родственникам.

С. Э. Милитаристский угар начался еще до Крыма?

И. Щ. Да, еще до Крыма. Грузия прошла немного стороной, но милитаризм все равно постепенно усиливался.

С. Э. Крым был ответом на запрос общества на державность?

И. Щ. Запрос в какой-то мере был, но через год, полтора-два мы почувствовали другие настроения. Наступил кризис, который продолжается. Он затрагивает и школьников, и учителей. Появляется ощущение утраты перспективы. Родители школьников были вынуждены закрыть свой небольшой бизнес, который начал подниматься в 2000-е гг. Крошечные зарплаты, ухудшение жизненного уровня, отсутствие перспективы — все это начинает действовать и на подростков.

В последние годы, с 2015–2016 гг., история семьи начинает играть для детей большую роль, чем раньше. Опора ищется в семье. Больше внимание придается вещам из прошлого: реликвиям, фотографиям, тому, что можно найти в Интернете, например, историям их деревень. У подростков появляется желание выстроить свою идентичность на каком-то реальном материале — на частном, а не на государственном. Идентичность, как мне кажется, сужается сегодня до локальной, семейной.

Опыт 2000-х гг., когда начали выплачиваться и расти зарплаты, когда люди поверили в обещанную властью «стабильность», стал как бы «схлопываться», теряя свое значение. Возможно, наша выборка сюжетов нерепрезентативна, и выводы вызывают сомнение, возможно, к ней могут быть претензии со стороны социологов — насколько по этой выборке можно вообще о чем-то судить. Но для меня, учитывая, что я читаю конкурсные работы уже двадцать лет, это своего рода термометр. Подростки многие вещи хорошо улавливают, иногда формулируют то, что не решаются сделать взрослые. Взгляд на прошлое формируется сложным образом — идет от семьи, берется из того, что тебя окружает, из идеологических установок власти, которым ты вынужден следовать, если хочешь сделать сегодня чиновничью карьеру.

Последнее время мне кажется, что эти установки теряют для школьников смысл: как бы ты ни подлаживался к официальной точке зрения, это тебе не поможет. Социальный лифт нарушен, и никакая «Единая Россия» не предлагает реальной карьеры молодому человеку из российской глубинки. Поэтому опору ищут в семье, среди близких.

С. Э. Были ли какие-то истории, связанные с послевоенным временем — с военными вторжениями в Венгрию, в Чехословакию, в Афганистан, с двумя чеченскими войнами?

И. Щ. Конечно, у нас в конкурсе есть истории людей, которые участвовали в этих событиях. Что же более всего

заинтересовало школьников, обратившихся к этой теме? Что нового они для себя открыли? Прежде всего — то, о чем сегодня едва ли можно прочесть в учебнике: в каких странах проходили службу, находились с «ограниченным контингентом» советских войск их родственники, соседи, земляки. Оказывается, что таких мест было много — призывники только из одной деревни Воронежской области оказывались в ГДР и Чехословакии, Венгрии и Афганистане. А в других работах возникают, например, Вьетнам и Куба. Это рождает вопросы — не только о том, как в этих местах несли свою службу их собеседники, но и для чего они там находились?

Далекие и абстрактные события холодной войны наполняются реальным содержанием, когда в них втянуты не только главы ядерных держав, но и простые солдаты и моряки, рискующие своей жизнью. Так звучит записанный школьницей рассказ очевидца, который вспоминает, как их, вместе с ракетами, в самый разгар Карибского кризиса везли на Остров свободы. Спрятанные в трюмах, страдающие от жары, мучимые неизвестностью, они лишь на полпути догадываются, куда направляются со своим смертельным грузом.

Что касается Венгрии, Чехословакии: у школьников есть затруднения с оценкой того, что там делали советские части. Хотя были работы, в которых они со слов участников событий описывали, что их никто с распростертыми объятиями не встречал. Что касается участников Афганской войны, то были работы с большей

критикой и с большим уровнем рефлексии. Конкурсантам легче было найти очевидцев, расспросить их. И как показывают работы, эти очевидцы были довольно откровенны. Конечно, реакция собеседников бывала очень болезненной — им до сих пор трудно примириться с тем, что эта война многим представляется бессмысленной, и значит, бессмысленными были жертвы. Здесь молодые авторы сталкиваются с умолчаниями, недоговоренностью, вытеснением мучительных воспоминаний. Потому что, несмотря на все попытки героизировать эти события в фильмах, мемориальных досках и т.д., вопрос о бессмысленности больших потерь, о неоправданности жертв, о дегуманизации и жестокости, которые порождает война, возникает со всей неизбежностью. И в том числе на бытовом и семейном уровне — когда речь идет о близких людях, которые не могут справиться с прошлым, подорвавшим их физически и нравственно. Есть примеры, когда подростки не просто сталкиваются с последствиями пережитого, но и сами становятся в какой-то степени жертвами войны, потому что их отцы принесли свои физические и психические травмы в семейную жизнь.

Про Чечню истории тоже есть, и в основном совсем не героические. Если с Афганистаном войну можно прикрывать какой-то идеей солдатского братства, «киплинговщиной», «Девятой ротой», то с Чечней это труднее, особенно когда речь идет о начале первой чеченской войны. Призывники попадали туда неподготовленными, в ситуации армейской нищеты. Голодные, раздетые...

Наш конкурс показывает: есть хорошие учителя и научные руководители у школьников. Есть много хороших работ, но нет общего рассказа, нарратива, который им могли бы предложить взрослые. Существует глубокая разорванность в обществе по отношению к прошлому. И мы тоже ответственны за то, в каких условиях они оказались; за то, что им трудно понять, в какой стране они живут и что их ждет.

Но с другой стороны, у нас, организаторов этого конкурса, есть повод для оптимизма — каждый год мы получаем много хороших работ, потому что есть много хороших школьников, которые хотят и могут о чем-то размышлять, вести исследования, думать о своей семье и сопереживать ей, разбираться с прошлым.

С. Э. Какое отражение получила тема «лихих девяностых»? Взрослые спорят, было ли это десятилетие эпохой прогрессивных реформ или социальной катастрофой. А как воспринимают это время школьники?

И. Щ. Я уже в какой-то мере ответила на этот вопрос выше, когда говорила, что взрослые не могут предложить школьникам общего рассказа о прошлом. Это относится и к образу 90-х. Школьники в большинстве своем, к сожалению, судят об этом времени по тем историям, которые слышат в семье. И это истории в основном о том, с каким трудом выживали в эти годы их близкие, как вынуждены были переселяться из среднеазиатских республик, из горячих точек и т.д. А что принесли демократические преобразования — подростки с этим затрудняются, не ценят, как

не ценят их близкие. Думаю, что это одна из ключевых точек, и каждый год, когда победители приезжают

к нам в Москву, мы стараемся говорить с ними именно о 90-х.

С. Э. Спасибо за интервью.

“THE PROPERTY THAT WAS TAKEN FROM THE PEASANTS BECAME PART OF THE MEMORY”.
Inetrview with I.L. Shcherbakova

Shcherbakova Irina L. — candidate of philological sciences, Chairman of scientific information and educational centre “Memorial” (Moscow)

Key words: Society Memorial, public history, historical and educational activities, historical memory, repression, memory trauma.

Abstract. The topic of the conversation is the educational project of the Memorial society, the purpose of which is to introduce the younger generations to the knowledge of the tragic pages of modern Russian history.

М. В. Кирчанов

ВЕЛИКИЙ ГОЛОД В ИРЛАНДСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФОРМА «ПРОРАБОТКИ ПРОШЛОГО» И ИСТОРИЧЕСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Ключевые слова: Великий голод в Ирландии 1845–1849 гг., ирландский национализм, историческое воображение, ревизионизм, изобретения традиций

Аннотация. Автор анализирует особенности и основные направления ирландской исторической политики в контексте образов Великого голода. Ирландские интеллектуалы и историки, как и их коллеги в других странах Европы, имеют уникальный опыт политически и идеологически мотивированного использования истории. Ирландская историография успешно справлялась с политическими историографическими манипуляциями до конца 1990-х гг. Виртуализация культуры и рост влияния националистических активистов вынудили власти Ирландии начать использовать методы исторической политики, или политики памяти, для развития компромиссного канона национальной идентичности. «Историческая политика» Великого голода включает несколько социальных и культурных практик и стратегий. Монументализация, музеефикация, литературизация, перформанс могут быть определены как основные тактики, используемые элитами и интеллектуалами для контроля истории. Автор полагает, что Ирландия, в отличие от других европейских стран, стала активным игроком исторической политики поздно — элиты только во второй половине 2000-х попытались перехватить инициативу и ослабить националистических активистов, интегрировав их в государственные ритуалы и церемонии коммеморации голода.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-89-103

© М. В. Кирчанов, 2020

Кирчанов Максим Валерьевич — доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж); maksymkirchanoff@gmail.com

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ

Эпоха модерна в европейской истории не только положила начало эре наций, наций-государств и триумфу национализма, но и вдохновила политические элиты на многочисленные манипуляции с историческим прошлым и фактами истории, которые постепенно начали воображаться как национальные и обслуживать в зависимости от ситуации мифы нации или социальных классов. Политические мотивированные мифологизации и идеологизации истории в XX в. стали повсеместным явлением на территории Европы. Мотивы элит, которые вдохновляли использование истории в политических целях и стимулировали интеллектуалов, конструировавших новые коллективные образы прошлого для новых государств, могли быть различными, но национализм, комплекс национальной обиды и исторические травмы, унаследованные от догосударственного периода истории, явно или скрыто присутствуют практически во всех современных попытках манипуляции с историей.

В современной историографии сложился стереотип, а среди исследователей национализма и исторической памяти утвердился неформальный консенсус относительно того, что политические спекуляции с историей, с одной стороны, характерны преимущественно для относительно новых государств, которые не успели или только в недавней хронологической перспективе смогли стать нациями. С другой стороны, частью историографической мифологии следует признать и идеи о том, что политизации истории подвержены только

бывшие империи, где политические элиты болезненно переживают изменение статуса и утрату территорий, которые они склонны воспринимать и воображать как свои, игнорируя многочисленные факты возникновения других политических и этнических наций (Korzeniewski 2008; Saryusz-Wolska 2009).

Если мы попробуем выйти за границы и пределы Центральной и Восточной Европы, которые в историографии традиционно воспринимаются как лаборатории исторической политики, то мы найдем многочисленные факты манипуляций с прошлым в интеллектуальном опыте и историографии стран Европейского Запада от Германии до Ирландии. В российской исторической литературе Ирландия имеет репутацию страны с яркой историей национального и освободительного движения, хотя некоторые проблемы интеллектуальной истории, истории идей и археологии идей современной модерной ирландской идентичности в контексте исторической политики нередко пребывают вне сферы внимания современных историков в постсоветских государствах.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СТАТЬИ

В силу вышесказанного в центре авторского внимания в этой статье будут находиться проблемы исторической политики в Ирландии в контексте изучения истории Великого голода 1845–1849 гг. (Donnelly 2005; Gray 1995; Hayden, O'Connor, Harty 1998) и его социальных, культурных и исторических последствий. Рассматривая восприятие голода

в ирландской историографии как одну из сфер существования исторической памяти, автор полагает, что необходимо проанализировать несколько аспектов этой проблемы, включая тактики и стратегии работы с прошлым как части формирования образов голода в ирландской идентичности; формы коммеморации памяти о голоде в ирландской политической культуре, культурном и общественном пространстве; попытки осознания культурных и социальных последствий и результатов голода в ирландской исторической памяти в контексте формирования современной нации. Автор статьи анализирует только культурные активности и интеллектуальные практики на территории Ирландии. Он понимает, что феномен ирландской эмиграции привел к появлению ирландских сообществ в Северной Америке, представители которых также стали участниками исторической политики, связанной с формированием образа голода (художественная литература, памятники, музеи, траурные мероприятия), но их вклад в этой статье не рассматривается.

ГОЛОД: ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Практически сразу после завершения Великого голода 1840-х гг. те события начали активно использоваться как аргумент в политической и идеологической борьбе. Стереотипное, мифологизированное и популярное понимание голода в ирландской идентичности и исторической памяти развивается в рамках

традиционной националистической парадигмы. В рамках этой модели «вина» и «ответственность» за голод и его жертвы практически всегда возлагается на британское правительство и местных лендлордов, которые были протестантами и использовали английский язык. В рамках этого понимания голод интерпретируется как часть одновременно антиирландской и антикатолической политики британских властей.

Если до 1922 г. эти идеи были составными элементами идеологии ирландского национализма (*Boycse* 1995) и ранней ирландской историографии, которая больше была похожа на политическую публицистику, а не на академическую литературу, то после появления на политической карте Европы Ирландии как независимого государства эти настроения стали частью официального канона исторической памяти. Начиная с середины 1920-х гг. ирландская система среднего образования и преподавания истории в школе активно культивировала эти мифологемы (*Kinealy* 1995). Национализация истории в Ирландии сформировала одновременно героический (частично — этноцентричный), но упрощенный взгляд на ирландскую историю, которую его форматоры предпочитали писать в черно-белой системе координат, деля ее участников как ирландцев и англичан, католиков и протестантов.

Если первые описывались и воображались как добрые христиане и невинные жертвы, то вторые — как палачи и злодеи. Великий голод, с одной стороны, стал одной из центральных линий в написании

истории Ирландии в этой системе методологических координат, что превращало историю в продолжение идеологии ирландского национализма. С другой стороны, процессы постепенного усложнения культурной ситуации в Ирландии и актуализация ее гетерогенного характера привели к фрагментации памяти о голоде. Поэтому к середине 2000-х гг., когда государственная историческая политика в Европе начала все чаще подменять собой академические штудии или стихийные националистические манипуляции историей, тема голода в ирландской идентичности уже успела стать «жертвой» нескольких практик и стратегий ирландских интеллектуалов и националистических активистов (от литературизации до перформанса), которые они использовали для формирования образа голода в ирландской идентичности и его локализации в исторической политике.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ИРЛАНДИИ: ПОЗДНЯЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

В научной литературе существует устойчивый стереотип о том, что историческая политика, или политика памяти, является уделом тех государств, которые относительно недавно появились на политической карте и принадлежат к числу национализирующихся обществ с нерешенными языковыми, социальными и религиозными проблемами.

Ирландия вряд ли может быть отнесена к числу таких новых стран, хотя значительная часть ее истории

в XX в. прошла под знаком национализации политических, культурных и лингвистических пространств. История ирландского национализма, в отличие от некоторых национализмов Восточной и Центральной Европы, насчитывает на несколько десятилетий больше, и в этой ситуации логично предположить, что ирландские националисты уже должны были преодолеть крайности этнического национализма, а Ирландия стать политической нацией-государством с устойчивыми социальными и культурными институтами и традициями, включая историческую память. Однако реальная ситуация все же далека от этой политически корректной либеральной идиллии. Ирландский национализм продолжает оставаться важным фактором политической и культурной жизни страны.

Ирландские националисты, как и любые другие националисты, активно используют историческое прошлое для реализации своих политических целей и задач. Если до 2000-х гг. интеллектуалы вполне успешно справлялись с функциями «контроля над прошлым», то в начале XXI в. европейские страны пережили исторический поворот, который привел к активному использованию истории в политической борьбе как формы легитимации. В этой ситуации элиты и интеллектуалы постепенно пришли к компромиссному пониманию того, что одних националистических манипуляций с прошлым явно недостаточно.

Поэтому дефицит символических ресурсов был преодолен через использование таких методов, которые

в современной историографии известны как инструменты «исторической политики».

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ЕГО ИРЛАНДСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Анализируя особенности ирландской исторической политики, логично сравнить ее с «классическими» европейскими случаями политически и идеологически мотивированного использования истории и прошлого, обобщив результаты сравнительного анализа в таблице.

Таким образом, Ирландия использует большинство методов европейской континентальной исторической политики, исключая активное вмешательство государства в тематику исторических академических исследований и практикуя не столь значительный объем индоктринации населения через историческое образование, как это характерно для некоторых стран Центральной и Восточной Европы, которые могут быть отнесены к числу национализирующихся обществ с незавершенными процессами политического транзита.

Континентальные европейские методы исторической политики	Ирландские методы исторической политики
Создание специальных научных и исследовательских институтов национальной памяти и прочих учреждений, которые имеют аналогичные задачи, функции и принципы организации	Институт национальной памяти как академическая (неакадемическая) организация или его аналог в Ирландии отсутствует, но National Famine Commemoration Committee имеет аналогичные функции
Создание музеев под патронатом политических сил	Национальный ирландский музей голода является культурной институцией, которая фактически занимается исторической политикой и формированием канона национальной памяти
Принятие законов, направленных на канонизацию той или иной (как правило — официальной) трактовки исторических событий, что предусматривает уголовную или административную ответственность за публичное выражение альтернативной точки зрения	Не практикуется
Финансовая поддержка тех проектов и мероприятий, которые актуализируют официальную точку зрения	Музеи и культурные памятные мероприятия получают поддержку со стороны государства или местных органов власти
Ограничение доступа к архивам	Не практикуется
Контроль над СМИ в освещении исторической тематики	Не практикуется
Контроль системы среднего и высшего исторического образования	Среднее и школьное образование, генетически связанное с университетской исторической наукой, используется как инструмент для воспроизводства компромиссного канона исторической памяти
Символические действия и политические ритуалы (учреждение памятных дней и проведение акций памяти)	Регулярная организация памятных мероприятий (дней, шествий), связанных с жертвами Великого голода

ЛИТЕРАТУРИЗАЦИЯ ГОЛОДА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Великий голод стал одной из тем в ирландской литературе, а периодические попытки ирландских интеллектуалов, поэтов и прозаиков культивировать образы голода привели к тому, что события, связанные с голодом, в ирландской исторической и социальной памяти стали темой для мифологизации истории.

Различные ирландские авторы периодически обращались к проблемам голода в своих текстах, однако эта тема все же не стала частой в ирландской литературе. Детская литература (Whyte 2011) явилась одной из сфер развития коллективных представлений о голоде в ирландской идентичности. Историческая трилогия «Children of the Famine», которая включает романы «Под деревом боярышника», или «Under the Hawthorn Tree» (Conlon-McKenna 1990), «Девушка — полевой цветок», или «Wildflower Girl» (Conlon-McKenna 1991), и «Родные поля», или «Fields of Home» (Conlon-McKenna 1996) писательницы Мариты Конлон-МакКенны (Marita Conlon-McKenna), стала попыткой литературного отображения голода в современной прозе, явившейся частью массовой культуры потребления. Текст романа актуализировал одновременно образы голода и ценности этничности, которые были одинаково важны для ирландского современного национализма. С одной стороны, сюжет романа развивается вокруг событий Великого голода, жертвой которого стала семья О’Дрисколл: отец семейства вынужденно отправляется на строительство дороги, его жена пыта-

ется его разыскать, а их трое детей, Эйли, Майкл и Пегги О’Дрисколл, после смерти младшей сестры Бриджит отправляются на поиски родственников. Сюжет романа строится именно вокруг этого путешествия детей на фоне голода в Ирландии. С другой стороны, текст обращается и к некоторым мотивам ирландской этничности: родственники похоронили Бриджит под боярышником, связанным, как верили языческие кельтские предки ирландцев и их католические (формально и фактически) потомки и наследники, с погусторонним миром мертвых.

В целом если мы будем искать отражение проблем голода в ирландской литературе, то мы в лучшем случае сможем найти только несколько текстов. Например, известный критик-неомарксист Терри Иглтон патетически вопрошал: «Где же голод в литературе Возрождения? Где он у Джойса?» (Eagleton 1994). Некоторые исследователи пытались ответить на вопрос о причинах вынужденного забывания голода в исторической памяти. Так, ирландский историк Колм Тойбин, комментируя вытеснение и «забывание» голода, полагал, что «Ирландия была склонна обращать больше внимания на миф, народную жизнь и культурную деанглизацию, чем на горечь, и [после того как] мечтательный национализм начал расцветать, голоду просто не нашлось места» (Toibin 2004).

События голода, с точки зрения исторического воображения, обладали потенциалом для политической мобилизации масс в условиях, когда другие европейские национализмы,

например, успешно справились с задачами политической и этнической консолидации, используя память о национальных травмах и военных поражениях наций-предков в борьбе с коварными внешними врагами. Однако ирландские националисты предпочли проигнорировать мобилизационный потенциал голода, идеализируя возрождение ирландского языка или попытки вооруженных восстаний против англичан. Ирландские авторы начиная со второй половины XIX в. предпочитали писать о других проблемах, полагая, что Кельтское возрождение или Пасхальное восстание 1916 г. заслуживают большего внимания со стороны интеллектуалов, как события, способные консолидировать нацию, что отличает их от исторической памяти о голоде, которая не формировала позитивный образ ирландцев, превращая их в нацию-жертву.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ГОЛОДА КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Если в современных обществах, которые активно менялись и модернизировались, стремясь изменить свой статус и стать политическими нациями граждан, музей явился важным элементом различных практик и стратегий визуализации национальной идентичности, то в современном мире музеи актуализируют и свои политические, и идеологические задачи, участвуя в государственной политике форматирования и редактирования национальной и исторической памяти. Ирландия не является исключением из этой универсальной логики политически и идеологически мотивированного использования и при-

менения музея не как социальной и культурной институции, но как механизма исторических манипуляций.

Национальный ирландский музей голода, или National Irish Famine Museum / Músaem Náisiúnta an Ghorta Mhóir (*Meagher 2013*), расположенный в Троукстаун Парк, стал крупнейшей институцией в официальной ирландской исторической политике памяти о голоде. Кроме музея в национальном парке находится и архив, где содержатся многочисленные документы о периоде Великого голода. И музей, и архив фактически стали фабриками смыслов современной ирландской политической идентичности и исторической памяти потому, что эти две институции играют свои роли в визуализации памяти о голоде и ее периодической актуализации в академическом дискурсе — именно архив дает возможность историкам работать с оригинальными документами и поддерживать нарративы о голоде, постоянно воспроизводя в идентичности образы ирландцев как жертв британской колониальной политики.

МОНУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ГОЛОДА КАК ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Если ирландская литература отторгала коллективные воспоминания о голоде как негативном национальном историческом опыте, если ирландские интеллектуалы понимали, что голод не является тем историческим событием, которое может консолидировать ирландцев как политическую и этническую нацию, то другие виды современной культуры

смогли интегрировать образы голода в образы и концепты ирландской идентичности, предложенные нации, чей коллективный опыт подспудно содержит травматическую память о голоде как социальной катастрофе. На территории современной Ирландии находится несколько памятников (Quinn 2018), которые призваны актуализировать негативный исторический опыт голода и его роль в ирландской идентичности.

Самым известным монументом, который воспроизводит коллективную память о голоде, является «Famine Memorial» в Дублине Роувэна Джиллеспи (Rowan Gillespie), открытый в 1997 г. (Seifert 2013). На территории современной Ирландии находятся и другие памятники, призванные визуализировать и монументализировать ирландскую идентичность в контекстах исторической памяти о жертвах голода. Так, в долине Дулуг установлен мемориальный крест, посвященный жертвам голода. Кроме этого, в долине Дулуг ежегодно организуется крестный ход (Ryan 2011), призванный актуализировать как историческую память, так и католическую религиозную идентичность ирландцев, обращаясь к образам голода. Эта тема является настолько актуальной и болезненной для ирландской идентичности, что власти современной Ирландии сознательно и активно стремятся обратить в монументы память о событиях, связанных с голодом. Например, в 2015 г. в парке Бейлик (Мидлтон, графство Корк) была установлена скульптурная композиция «Родственные Духи» (O'Reilly-Coates 2015), напоминающая о помощи жертвам голода со стороны индейцев племени чокто.

«ПЕРФОРМАНС» В АРСЕНАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИРЛАНДСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Литературизация, монументализация и музеефикация голода являются важными составными элементами исторической политики в современной Ирландии, но набор тех методов, практик и стратегий, которые ирландские политические и интеллектуальные элиты используют для сохранения, поддержания и актуализации памяти о голоде, не ограничивается только этими методами. Современная политическая и этническая идентичность требует от ее носителей как членов политической нации периодического участия в национально и эмоционально значимых церемониях, которые подчеркивали связь между различными историческими поколениями ирландской нации.

«National Famine Way Walk» (Collins, King 2017), регулярно организуемый в тех регионах Ирландии, что пострадали от голода, стал формой политического «перформанса», участники которого актуализируют различные формы и пласты национальной памяти о трагедии Великого голода в ирландской истории. Первая попытка организации мемориального и траурного шествия датируется 1987 г., когда в графстве Мейо местными активистами был организован марш от Луисбурга до Дулоу, в местах, особенно пострадавших от голода в 1849 г. Участники траурного шествия могут пройти 165-километровый путь, известный как «Национальная тропа наследия». Шествие, которое начинается от Национального ирландского музея голода, завершается

рядом с Музеем ирландской эмиграции (Irish Emigration Museum), что призвано подчеркнуть роль голода как фактора, который стимулировал человеческие потери и утраты Ирландии, вынуждая и заставляя ирландцев эмигрировать.

«ВИРТУАЛИЗАЦИЯ» ГОЛОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИРЛАНДИИ И СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ

На протяжении второй половины 1980-х — начала 2000-х гг. (*English* 2009) попытки коммеморации голода имели стихийный характер, а их вдохновителями были националистические энтузиасты и местные культурные и социальные активисты. Во второй половине 2000-х гг. власти Ирландии попытались поставить под контроль формы коммеморации голода в ирландской идентичности. Так, в июле 2008 г. Эмон Куив, министр по делам сообществ, сельских районов и гэлтахтов², учредил Национальный комитет по увековечиванию памяти голода. Различные тактики и стратегии политических и интеллектуальных элит, призванные актуализировать память о голоде в национальной идентичности, начиная с 2008 г. дополняются ежегодными Национальными днями памяти (National Famine Commemoration Day / Lá Cuimhneacháin Náisiúnta и Ghorta Mhóir). Место проведения Национальных дней памяти меняется ежегодно, а программа предусматривает

организацию и проведение лекций, художественных мероприятий, выставок и посещение мест, связанных с Великим голодом.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ГОЛОДЕ И АНГЛО-ИРЛАНДСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Новый этап манипуляций с памятью о голоде начался с активным развитием Интернета и появлением международных виртуальных проектов энциклопедической направленности. Википедия стала одним из этих проектов, которые, хотя и начинались как политически нейтральные, в дальнейшем стали жертвами идеологизации и националистических манипуляций с историей.

Статьи о голоде существуют как в английской, так и в ирландской Википедии, но общая направленность и тональность этих текстов отличаются. Тексты статей о голоде в английской и ирландской Википедиях актуализируют различные точки зрения и восприятия этих событий в двух исторических памятях. Если английская Википедия описывает голод относительно нейтрально с претензией на объективность, то ирландская Википедия более радикальна и эмоциональна. Анонимные авторы английской Википедии воспринимают Великий голод как «период массового голода и болезней в Ирландии с 1845 по 1849 г., когда наиболее пострадавшими районами стали запад и юг Ирландии,

² **Гэлтахт** (ирл. *Gaeltacht*, гэльск. *Gàidhealtachd*) — в Ирландии и Шотландии обозначение районов, где соответственно ирландский и шотландский (гэльский) языки сохраняются как языки повседневного общения значительной части жителей. В Республике Ирландия статус определенных территорий как гэлтахтов определен в законодательном порядке, в Шотландии это название является неформальным.

где доминировал ирландский язык... во время голода погибло около миллиона человек, и еще миллион эмигрировал из Ирландии, в результате чего население острова сократилось на 20–25%» (Great Famine 2019). Ирландские же пользователи Интернета настаивают на том, что голод «поразил Ирландию с 1845 г. и убил несколько миллионов ирландцев... большинство бедных крестьян зависело от урожая картофеля как основы их питания, многие ирландцы умерли. Эта массовая смерть и разрушительная эмиграция продолжали уничтожать социальные структуры, которые лежали в основе ирландского языка, до тех пор, пока он не начал отступать, сохранившись только в нескольких районах гэлтахта на западном побережье страны. Власти не стремились обеспечить продовольствием жертв голода, что усиливало кризис» (An Gorta Mór 2019).

Если английская Википедия утверждает, что «точно неизвестно, сколько людей умерло в период голода, хотя больше умерло от болезней, чем от голода» (Great Famine 2019), то ирландская Википедия более эмоциональна и акцентирует внимание на социальных последствиях голода, доказывая, что население страны значительно сократилось, а каждый четвертый ирландец умер или эмигрировал (An Gorta Mór 2019). Статьи о голоде периодически становятся жертвами «войн правок», но в этой виртуальной конфронтации ирландской и английской версий исторической памяти больше страдает английская версия Википедии, потому что мало кто из англичан владеет ирландским языком, да еще на таком уровне, который позволял бы им ре-

дактировать и изменять текст статьи о голоде, размещенный в ирландской Википедии.

КОМПРОМИССНЫЙ КАНОН ГОЛОДА И ПОПЫТКИ ЕГО РЕВИЗИИ

События голода стали важной и чрезвычайно болезненной темой для ирландских националистов и интеллектуалов; некоторые из них старались ее избегать, полагая, что другие моменты истории и прошлого могут стать, как уже отмечалось, более эффективными в деле политической и гражданской консолидации нации. Начиная с 1960-х гг. в ирландской историографии стали звучать голоса сторонников ревизии традиционной националистической интерпретации истории Великого голода. Ревизия голода в ирландской исторической памяти имела две формы, проявляясь как в массовой культуре, так и в академической историографии. Попытки ревизии канонизированной и компромиссной версии восприятия голода существовали в нескольких проявлениях, которые можно локализовать в сфере массовой культуры: например, ирландская комик-группа «AMS Productions» поставила скандальную пьесу «Е...! Я ж... хочу»: исторический портрет Великого голода», а в 1997 г. поэт Пол Деркан написал поэму с не совсем корректным, с точки зрения ирландских националистов, названием — «Дорогой, что мне надеть к Великому голоду» (Walsh 2007).

Сторонники ревизионизма в ирландской историографии (Boyce 1996; Bradshaw 2016; Brady 1995; Perry 2013) настаивали на том, что значение голода преувеличено и что ирландский

голод не был уникальным явлением, предпочитая избегать болезненных и неприятных вопросов о численности жертв. Современная культура памяти в Ирландии, историческая политика элит и интеллектуалов, массовые представления о голоде в современной культуре памяти общества потребления превратили голод в конструкт и историографический миф. Отказы от этого канона стали фактически формами историографического ревизионизма, хотя общество стремится поддерживать неформальный консенсус относительно голода как коллективной национальной трагедии и исторической травмы, которую пережили ирландцы в середине XIX в., когда традиционные религиозные (католические) и социальные (крестьянские) группы начали динамично меняться, встав на путь трансформации из крестьян в нацию. Именно голод позволил ирландскому национализму стать тем, чем он стал к началу XX в. Голод, с одной стороны, стимулировал эмиграцию и развитие ирландских сообществ за пределами Ирландии. С другой стороны, именно голод окончательно превратил английский язык в политический язык ирландского национализма потому, что основными жертвами голода стали ирландскоязычные крестьяне-католики, которые сталкивались со значительными трудностями, интегрируясь в ирландскую политическую нацию, начавшую динамично формироваться и развиваться с середины XIX в.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Подводя итоги нашим размышлениям, необходимо принимать во внимание несколько факторов, которые опреде-

ляют основные векторы и траектории развития образов голода в ирландской исторической памяти и культуре политической коммеморации.

Голод в ирландской исторической памяти воспринимается как коллективная национальная трагедия и травма, которую ирландцы как нация пережили в XIX в. В этой ситуации было совершенно естественно, что голод стал общим местом ирландской культуры — от литературы до кинематографа. Во-вторых, относительно голода в ирландской исторической памяти и культуре памяти существует неформальный компромисс — голод признается и воображается как трагедия, спровоцированная британской политикой в Ирландии. Голод стал фактором консолидации ирландской исторической памяти — в этой ситуации любые попытки ревизии истории голода воспринимаются как формы ревизионизма и попытки покушения на национальный и исторический миф, который консолидировал нацию.

События голода были интегрированы в политическую память, а рост национализма неизбежно содействовал идеологизации голода, вдохновляя мифологизацию прошлого, — поэтому события Великого голода активно использовались в политической борьбе между ирландскими националистами и их британскими политическими оппонентами. Кроме того, голод в ирландской исторической памяти и в исторической политике Ирландии стал изобретенной историографической традицией. Несколько поколений ирландских националистов (историков и интеллектуалов) явились не только активными участниками

исторической политики, но и фактически форматорами и создателями коллективных представлений о голоде как коллективной мифологеме ирландской идентичности.

Воспоминания о Великом голоде стали фактором политизации истории, что стимулировало как ирландских политических националистов-активистов, так и их британских оппонентов (а позже также несколько поколений ирландских интеллектуалов и политиков в независимой Ирландии) к тому, чтобы постоянно рефлексировать и размышлять о голоде, визуализировать его в исторической памяти и общественных публичных пространствах Ирландии. Это фактически интегрировало некоторые формы исторической памяти в контексты ирландского культурного пространства и ландшафта. Завершая статью, автор полагает необходимым все-таки признать, что национальный консенсус и канон исторической памяти о голоде стал фактически политическим, интеллектуальным и идеологическим конструктом, воображенной историографической традицией.

Трагедия голода середины XIX в. стала тем фактором, который, с одной стороны, стимулировал процессы консолидации ирландской современной нации. Автор все же полагает, что современная ирландская современная политическая идентичность своим появлением обязана именно голоду потому, что социальные и демографические результаты и последствия голода значительно повлияли на векторы и траектории социального, политического и культурного развития ирландского национализма. Голод, который уничтожил от 20 до 30% католического

ирландского населения, существенно повлиял на дальнейшее развитие национализма, ослабив, во-первых, роль ирландского языка в обществе, где численность его носителей значительно сократилась, и, во-вторых, став стимулом для социальной и культурной модернизации ирландского общества. Ведь голод уничтожил преимущественно крестьян, которые представляли традиционную культуру, сдерживавшую модернизацию.

Если в других регионах Европы национальное и религиозное угнетение и подавление меньшинств, военные и религиозные конфликты и противоречия стимулировали генезис социальных и культурных изменений и трансформаций, формируя героический и романтический канон национальных героев и националистов как политических активистов, то стартовые условия и стимулы для развития современной ирландской идентичности в середине XIX в. были принципиально иными. Хотя история ирландского национализма знает случаи активной политической борьбы и вооруженных восстаний и протестов против английского доминирования, коллективные представления о прошлом как национальной трагедии и негероической истории ирландской нации как нации-жертвы также стали важными факторами, которые существенно повлияли на процессы трансформации и модернизации ирландской идентичности.

ВОЗМОЖНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА

Политика памяти в отношении голода является важным компонентом исторической политики и манипуля-

ции с историей в Ирландии, однако тактики и стратегии ирландских интеллектуалов в их стремлении к последовательной национализации истории и «проработке прошлого» не ограничиваются только манипуляцией памяти относительно событий голода, что предусматривает их литературизацию, монументализацию, музеефикацию и другие формы интеграции истории в официальный компромиссный канон национальной истории как комплекса «больших нарративов». Как полагает автор, вопросы формирования историографических мифов и интеллектуальных традиций на ирландском материале имеют перспективы для более детального и системного изучения в российской историографии. Это касается генезиса и трансформации национальных гранд-нарративов в английской, ирландской, шотландской и валлийской историографиях, историзации этничности (Кельтское возрождение, изобретение английскости), постановки вооруженной борьбы и насилия (Пасхальное восстание, англо-шотландские войны) в контекст исторической политики и политики памяти.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

An Gorta Mór 2019 — An Gorta Mór. URL: https://ga.wikipedia.org/wiki/An_Gorta_Mór

Conlon-McKenna 1990 — *Conlon-McKenna M.* Under the Hawthorn Tree. L.: O'Brien Press Ltd, 1990. 160 p.

Conlon-McKenna 1991 — *Conlon-McKenna M.* Wildflower Girl. L.: O'Brien Press Ltd, 1991. 176 p.

Conlon-McKenna 1996 — *Conlon-McKenna M.* Fields of Home. L.: O'Brien Press Ltd, 1996. 192 p.

Great Famine 2019 — Great Famine (Ireland). URL: [https://en.m.wikipedia.org/wiki/Great_Famine_\(Ireland\)](https://en.m.wikipedia.org/wiki/Great_Famine_(Ireland))

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Boyce 1995 — *Boyce D.G.* Nationalism in Ireland. L.: Routledge, 1995. 504 p.

Boyce 1996 — *Boyce D.G.* The Making of Modern Irish History: Revisionism and the Revisionist Controversy. L.: Routledge, 1996. 256 p.

Bradshaw 2016 — *Bradshaw B.* 'And so began the Irish Nation': nationality, national consciousness and nationalism in pre-modern Ireland. L.: Routledge, 2016. 336 p.

Brady 1995 — *Brady C.* Interpreting Irish History: The Debate on Historical Revisionism, 1938–1994. Dublin: Irish Academic Press, 1995. 358 p.

Collins, King 2017 — *Collins M., King J.* National Famine Walk: "Remember your soul and your liberty" // The Irish Times. 2017. May 25.

Donnelly 2005 — *Donnelly J.* The Great Irish Potato Famine. NY.: Sutton Publishing, 2005. 320 p.

Eagleton 1994 — *Eagleton T.* Heathcliff and the Great Hunger: Studies in Irish Culture. L.: Verso, 1994. 386 p.

English 2009 — *English E.* Famine town first to honour victims // Irish Examiner. 2009. 7 May.

Gray 1995 — *Gray P.* The Irish Famine. NY: Harry N. Abrams, Inc., 1995. 192 p.

Hayden, O'Connor, Harty 1998 — Irish hunger: personal reflections on the legacy of the famine / eds. T. Hayden, G. O'Connor, P. Harty. L.: Roberts Rinehart Publishers, 1998. 303 p.

Kinealy 1995 — *Kinealy Ch.* Beyond Revisionism: reassessing the Great Irish Famine // History Ireland. Ireland's History Magazine. 1995. Vol. 3. No. 4. URL: <https://www.historyireland.com/18th-19th-century-history/beyond-revisionism-reassessing-the-great-irish-famine/>.

Korzeniewski 2008 — *Korzeniewski B.* Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej. Poznań: Instytut Zachodni, 2008. 160 s.

Meagher 2013 — *Meagher M.* Museum eye : Ireland's Great Hunger Museum // *History Ireland. Ireland's History Magazine.* 2013. Vol. 21. No. 2. URL: <https://www.history-ireland.com/18th-19th-century-history/museum-eye-irelands-great-hunger-museum-2/>

O'Reilly-Coates 2015 — *O'Reilly-Coates Sh.* A famine-time kindness repaid in Cork to Native American Indians // *Irish Examiner.* 2015. March 2.

Perry 2013 — *Perry R.* Revisionist Scholarship and Modern Irish Politics. L.: Routledge, 2013. 192 p.

Quinn 2018 — *Quinn E.* "At the altar of memory": Great Irish Famine Memorials in Words and Images // *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage.* 2018. Vol. 6. No. 2. 98–118.

Ryan 2011 — *Ryan A.* Annual Famine walk held in Mayo // *The Irish Times.* 2011. May 23.

Saryusz-Wolska 2009 — *Saryusz-Wolska M.* Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka. Kraków: Universitas, 2009. 500 s.

Seifert 2013 — *Seifert K.* Memorials to the Great Famine // *IMA Fungus.* 2013. Vol. 4. No. 2. P. 50–54.

Toibin 2004 — *Toibin C.* The Irish Famine. L.: Profile Books, 2004. P. 36.

Walsh 2007 — *Walsh I.* History and memory in modern Irish literature // *Collective memory in Ireland and Russia* / eds. E. Genieva, G. Harman. Moscow: Rosspen, 2007. P. 147–156.

Whyte 2011 — *Whyte P.* Irish Childhoods: Children's Fiction and Irish History. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 220 p.

THE GREAT FAMINE IN IRISH MEMORIAL POLITICS: CULTURAL PRACTICES AS A FORM OF "VERGANGENHEITSBEWÄLTIGUNG" AND HISTORICAL REVISIONISM

Kyrchanoff Maksym V. — doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and economics of foreign countries, Faculty of international relations, Voronezh State University (Voronezh)

Key words: Great Famine, Irish nationalism, historical imagination, revisionism, inventions of traditions.

Abstract. The author analyzes the features and main directions of Irish historical politics in contexts of the images of the Great Famine. Irish intellectuals and historians, like their colleagues in other European countries, have the unique experience of politically and ideologically motivated use of history. Irish historiography was successful in its political manipulations until the end of the 1990s. The virtualization of culture and the rising influence of nationalist activists forced the authorities to change the tactics of imagination and invention of history. The political elites of Ireland began to use the methods of historical politics or politics of memory in their attempts to develop and maintain compromise canon of national identity. The "historical politics" of the Great Famine include several social and cultural practices and strategies. Monumentalization, museification, literaturization, performance can be defined

as the main tactics, elites and intellectuals use in their collective attempts to control history. The author presumes that Ireland, unlike other European countries, became an active player in historical politics too late: the elites tried to seize the initiative and weaken the nationalist activists, integrating them into the state rituals and commemoration ceremonies of the Famine in the second half of the 2000s only.

REFERENCES

- Boyce D.G. *The Making of Modern Irish History: Revisionism and the Revisionist Controversy*. L.: Routledge, 1996. 256 p.
- Boyce D.G. *Nationalism in Ireland*. L.: Routledge, 1995. 504 p.
- Bradshaw B. 'And so began the Irish Nation': *nationality, national consciousness and nationalism in pre-modern Ireland*. L.: Routledge, 2016. 336 p.
- Brady C. *Interpreting Irish History: The Debate on Historical Revisionism, 1938–1994*. Dublin: Irish Academic Press, 1995. 358 p.
- Collins M., King J. National Famine Walk: "Remember your soul and your liberty", *The Irish Times*. 2017. May 25.
- Donnelly J. *The Great Irish Potato Famine*. NY.: Sutton Publishing, 2005. 320 p.
- Eagleton T. *Heathcliff and the Great Hunger: Studies in Irish Culture*. L.: Verso, 1994. 386 p.
- English E. Famine town first to honour victims, *Irish Examiner*. 2009. 7 May.
- Gray P. *The Irish Famine*. NY: Harry N. Abrams, Inc., 1995. 192 p.
- Irish hunger: personal reflections on the legacy of the famine* / eds. T. Hayden, G. O'Connor, P. Harty. L.: Roberts Rinehart Publishers, 1998. 303 p.
- Kinealy Ch. Beyond Revisionism: reassessing the Great Irish Famine, *History Ireland. Ireland's History Magazine*, 1995, vol. 3, no. 4. URL: <https://www.historyireland.com/18th-19th-century-history/beyond-revisionism-reassessing-the-great-irish-famine/>
- Korzeniewski B. *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej*. Poznań: Instytut Zachodni, 2008. 160 p.
- Meagher M. Museum eye : Ireland's Great Hunger Museum, *History Ireland. Ireland's History Magazine*, 2013, vol. 21, no. 2. URL: <https://www.historyireland.com/18th-19th-century-history/museum-eye-irelands-great-hunger-museum-2/>.
- O'Reilly-Coates Sh. A famine-time kindness repaid in Cork to Native American Indians, *Irish Examiner*. 2015. March 2.
- Perry R. *Revisionist Scholarship and Modern Irish Politics*. L.: Routledge, 2013. 192 p.
- Quinn E. "At the altar of memory": Great Irish Famine Memorials in Words and Images, *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 98–118.
- Ryan A. Annual Famine walk held in Mayo, *The Irish Times*. 2011. May 23.
- Saryusz-Wolska M. *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*. Kraków: Universitas, 2009. 500 p.
- Seifert K. Memorials to the Great Famine, *IMA Fungus*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 50–54.
- Toibin C. *The Irish Famine*. L.: Profile Books, 2004. P. 36.
- Walsh I. History and memory in modern Irish literature, *Collective memory in Ireland and Russia*, eds. E. Genieva, G. Harman. Moscow: Rosspen, 2007. P. 147–156.
- Whyte P. *Irish Childhoods: Children's Fiction and Irish History*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 220 p.

«ЗИМНЯЯ ВОЙНА ВСЕ ЕЩЕ ВОСПРИНИМАЕТСЯ В ФИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И СИМВОЛ НАШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ».

Интервью с Х. Мейнандером

Ключевые слова: русификация Финляндии, обретение независимости Финляндией, гражданская война в Финляндии, Зимняя война 1939–1940 гг., Финляндия во Второй мировой войне, Карл Густав Маннергейм, советско-финские отношения, финская историческая память.

Аннотация. Известный финский историк в эксклюзивном интервью для ИЭ рассуждает о ключевых проблемах исторической памяти своего народа в XX веке.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-104-111

Книги Х. Мейнандера на русском языке: История Финляндии / пер. со швед. З. Линден. М.: Весь мир, 2008. 238 с. (новое издание — 2017);

Финляндия, 1944: Война, общество, настроения / перевод З. Линден. М.: Весь мир, 2014. 395 с.

Беседовал А. С. Стыкалин

А. С. Как оценивается сегодня в финской исторической литературе период пребывания Финляндии в 1809–1917 гг. в составе российского государства при сохранении особого, автономного статуса? Сохранялась ли некоторая преемственность между «шведским» и «русским» периодами финской истории? Насколько благоприятными были в XIX в. условия для

национального культурного развития? И насколько сильно повлияла на настроения в финском обществе, на его устремления к независимости начавшаяся в конце XIX в. русификация? Судя по тому, что сегодня Финляндия по всем параметрам занимает одно из первых мест в числе самых благополучных стран мира, более чем 100-летнее пребывание Финляндии под скипетром россий-

© Историческая Экспертиза, 2020

Мейнандер Хенрик — финский историк, иностранный член Шведской королевской академии наук (Финляндия)

ской короны не слишком затормозило ее национальное развитие...

Х. М. Да, так называемая русификация, естественно, усилила попытки Финляндии защитить автономию Великого княжества, но процессы, о которых идет речь (усиление акцента на собственном национальном развитии, выявление специфики отдельных наций), происходили по всей Европе. 108 лет пребывания Великого княжества под властью России решающим образом повлияли на развитие Финляндии, причем в положительном плане. Если бы Финляндия оставалась частью Шведского королевства, то подобные устремления к независимости никогда бы не получили столь же большой поддержки, как это произошло при российском правлении, ведь Финляндия и финское общество многое переняли от Швеции и ее традиций, достаточно вспомнить о том, что объединяет эти страны — лютеранство, социал-демократия, социальный либерализм, сила закона, развитое гражданское общество.

А. С. Как объясняют сегодня в финской историографии тот факт, что в 1917 г. не временное, а именно большевистское правительство предоставило Финляндии полную независимость?

Х. М. Ленин предоставил Финляндии независимость, чтобы заставить финских социал-демократов начать революцию, а отнюдь не в целях создания независимой Финляндии. Ни Временное правительство, ни Белая Россия никогда бы не пошли на такое соглашение с Финляндией. Поэтому победа большевистского прав-

ления была выгодна Финляндии, а не русскому народу, и не отвечала интересам долгосрочного развития русского общества.

А. С. Какое внимание финских историков привлекает сегодня гражданская война в Финляндии, проходившая в январе — мае 1918 г. (в ходе нее погибло как минимум 35 тыс. человек)? Рассматривается ли она сегодня в категориях экспансии большевизма в отношении Финляндии, как попытка экспорта мировой революции и ответная реакция финского общества на нее? И как оценивается сегодня не только красный, но и белый террор в Финляндии периода гражданской войны? (Около 80 тыс. прошло через аресты и концлагеря, более 7 тыс. было казнено вследствие белого террора, многие умерли в заключении.)

Х. М. Да, сегодня финские историки все чаще понимают войну как цепную реакцию на Первую мировую войну и ее следствие — революцию в России. Белый террор в Финляндии стал предметом тщательного изучения в рамках большого национального проекта, см. англоязычный сайт: <http://vesta.narc.fi/cgi-bin/db2www/sotasurmaetusivu/main?lang=en>.

А. С. Какие оценки даются сегодня историками межвоенному периоду финской истории, был ли этот период успешен с точки зрения экономического роста, развития национально-государственных институтов? Как оцениваются меры по ограничению левых движений, шумные судебные процессы над активистами компартии (например, процесс

по делу Т. Антикайнена, имевший международный резонанс)? В какой мере учитывались во внутренней политике и доходившие из советской Карелии вести о массовых сталинских репрессиях, жертвами которых, кстати говоря, становились и представители финской коммунистической эмиграции?

Х. М. Страх перед новой коммунистической революцией и войной с Советской Россией оказывал сильное влияние на финское общество вплоть до начала Зимней войны. Подобные меры антикоммунистической направленности имели место также и в других новых государствах, возникших на пространстве переставшей существовать Российской империи. Но Финляндию от них отличало то, что благодаря своему культурному наследию (верховенство закона, сильное гражданское общество, скандинавские связи) и более периферийному географическому местонахождению она сумела сохранить парламентскую демократию. Что же касается сталинского террора, то он, естественно, не мог не остаться незамеченным в Финляндии и, более того, оказал решающее влияние на волю финнов к сопротивлению возможной экспансии с Востока.

А. С. Какое место в финской национальной памяти занимает Зимняя война 1939–1940 гг.? Вспоминают ли в Финляндии о том, что нападению СССР предшествовали длительные и оказавшиеся безрезультатными переговоры, в ходе которых Советский Союз вначале предлагал договориться о совместном отпоре в случае высадки в Фин-

ляндии гитлеровских войск, а затем просил в аренду ряд островов, предлагая в качестве компенсации некоторые территории советской Карелии? А в сентябре 1939 г., уже после заключения советско-германского пакта Советским Союзом предлагалось Финляндии заключить пакт о ненападении, предполагавший создание на финской территории советских военных баз. Переговоры с выдвижением СССР новых требований (в том числе об отодвижении границы от Ленинграда с определенными территориальными компенсациями) продолжались и далее. Не ставится ли в финской историографии вопрос о том, что, может быть, Финляндии стоило бы во избежание нападения СССР принять условия Сталина? Тем более что ни одна страна не выразила готовности оказать Финляндии прямую военную поддержку в случае нападения СССР. Кстати сказать, ведь даже и Маннергейм призывал правительство к поискам компромиссного решения. Учитывают ли также финские историки, говоря о советском давлении, и фактор обеспечения безопасности Ленинграда в условиях начавшейся мировой войны? В этой же связи: в том, что позиция Финляндии оказалась настолько бескомпромиссной, не сыграло ли решающей роли давление общественного мнения?

Х. М. Начнем, пожалуй, с последнего вопроса. Правительство Финляндии действительно испытывало сильное давление со стороны своего общественного мнения в 1938–1939 гг. и в силу этого считало неприемлемыми для себя даже небольшие компромиссы с Москвой. Доверие к Совет-

скому Союзу было просто слишком мало после 20 лет довольно враждебных с ним отношений. Что же касается Маннергейма, то он, исходя из сугубо военных соображений, избрал вначале стратегию отступления, но его позиция не получила поддержки общественного мнения. Да, в краткосрочной перспективе сделка с Советским Союзом осенью 1939 г. могла бы принести успех. Но в конечном итоге это закончилось бы так же, как в случае с тремя балтийскими государствами, т.е. привело бы к трем оккупациям и возымело бы катастрофические последствия для гражданского населения. Поэтому Зимняя война все еще воспринимается в финской культуре памяти как экзистенциальный опыт и символ нашей независимости.

А. С. Насколько серьезно СССР преследовал в 1939 г. цель советизации Финляндии, пойдя на создание марионеточного правительства Куусинена? Т.е. в отношении Финляндии уже в 1939 г. преследовались примерно те же цели, которые были реализованы в 1940 г. применительно к Прибалтике? Или создание правительства Куусинена было ситуативной мерой, принятой ввиду неуступчивости хельсинкского правительства, и это был не более чем один из инструментов давления на Финляндию, и Советскому Союзу важнее было не экспортировать коммунизм, а склонить любое финское правительство, каким бы оно ни было, к уступкам, к принятию определенных условий? А может быть, Сталин отказался от планов советизации, убедившись в полной поддержке населением страны своего законного правительства и опа-

саясь к тому же вмешательству в конфликт западных держав и по сути начала войны с Великобританией и Францией? И почему СССР так и не решился на советизацию страны в иных условиях, в 1944–1945 гг.? Реальная оценка расклада внутривосточных сил? Но в Польше, Венгрии или Румынии он был столь же неблагоприятным для коммунистов. А может быть, решающую роль сыграло как раз осознание опыта Зимней войны?

Х. М. Основным источником для любого анализа этой проблемы должно служить секретное приложение к пакту Молотова — Риббентропа, которое четко указывает на то, что Сталин планировал восстановить Финляндию в качестве российской буферной зоны. А раз так, то зачем он должен был позволить Финляндии сохранить свою либеральную демократию и независимость? Но в 1944–1945 гг. ситуация была иной: Красная армия была вынуждена сосредоточиться на войне против Гитлера. И это позже предопределило коренное различие между Финляндией и всеми другими малыми государствами, расположенными между Россией и Германией. Финляндия не была оккупирована Красной армией и поэтому была гораздо лучше подготовлена к возможной партизанской войне, что, конечно, ослабило желание Москвы испытывать на практике волю финнов к защите своего отечества.

А. С. Рассматривается ли как предмет национальной гордости для финнов решительное вооруженное противостояние советской военной экспансии на Карельском

перешейке? И кстати, можно ли, по мнению финских историков, рассматривать Зимнюю войну 1939–1940 г. как неотъемлемую составную часть Второй мировой войны, или это был некий изолированный конфликт? Какую роль в успешном отражении агрессии сыграла помощь, поступавшая извне (поставки вооружения, добровольцы)? И насколько реальным, по мнению финских историков, было бы открытие в начале 1940 г. западными державами второго фронта против СССР?

Х. М. Да, успешная защита финской независимости в этот период все еще является ключевым моментом для нашей национальной идентичности. Я принадлежу к тем финским историкам, которые предпочли бы рассматривать войны в более широком контексте. Что же касается внешней поддержки, то она была для нас довольно важна, особенно из Швеции. Западные державы действительно ставили целью не поддержать Финляндию, а занять шведские железорудные месторождения, которые имели решающее значение для военной промышленности Германии. Как считает мой коллега Киммо Рентола, Сталина ввели в заблуждение его шпионы в Великобритании, которые утверждали, что британцы планируют бомбардировать нефтяные месторождения на Кавказе, а отсюда — и желание положить конец Зимней войне.

А. С. Как оценивается сегодня в финской исторической литературе личность Маннергейма, его историческая роль как в 1918 г., так и в 1939–1940 гг.? И какую роль

в обороне страны сыграла известная линия Маннергейма? Не становилась ли она потом предметом некоторой мифологизации?

Х. М. Я не могу дать вам краткий ответ на этот вопрос. Прочтите мою биографию Маннергейма, которая будет опубликована на русском языке издательством «Весь мир» в 2020 г.

А. С. Какие оценки даются сегодня финскими историками советско-финской войне 1941–1944 г. (согласно финской историографии, «войне-продолжению»)? Предпринимались ли попытки сохранить нейтралитет? И как оцениваются сам факт участия Финляндии в войне в качестве союзника нацистской Германии, согласовывавшего с ней свои военные планы, оккупация ею обширных территорий Карелии и ее участие в блокаде Ленинграда, вызвавшей огромные жертвы мирного населения? Мы помним о том, что попытки финских войск перерезать стратегическую дорогу на Мурманск привели к объявлению Великобританией войны Финляндии, хотя сначала в Лондоне сочувственно воспринимали стремление Финляндии восстановить границы 1939 г. И рассматривается ли историками неудобный вопрос о жестокости отношении финских войск к мирному населению на оккупированных территориях и к военнопленным (тысячи людей умерли от голода)?

Х. М. Это также огромные вопросы, на которые я частично отвечаю в работе, прилагаемой к нашей беседе (опубликовано в книге: *Joining Hitler's Crusade. European Nations and the Invasion of the Soviet Union*,

1941. Cambridge University Press, 2017). После Зимней войны правительство Финляндии пыталось держаться в стороне от мировой войны, искало лишь союза со Швецией, но ни Москва, ни Берлин не приняли такой стратегии. Поэтому единственным реальным выбором для Финляндии в ее стремлении сохранить свою независимость был союз с Германией, особенно с учетом информации, полученной финским руководством из Берлина. Речь идет о том, что Молотов в ноябре 1940 г. при посещении Берлина заявил претензии на еще больший кусок Финляндии. Что же касается жестокого обращения с советскими военнопленными и гражданскими лицами, то эта проблема была тщательно исследована в рамках большой исследовательской программы, см. сайт на английском языке: <http://kronos.narc.fi/frontpage.html>.

А. С. Поговорим о новом курсе Паасикиви — Кекконена, который Финляндия проводила на протяжении ряда десятилетий, выстраивая особые отношения с СССР и дистанцируясь от НАТО. Как он оценивается историками сегодня и что за ним стояло? В основе курса лежало стремление нейтрализовать советскую угрозу, заплатив за это определенную цену? Или в некоторой мере также экономический расчет? (Кстати сказать, советскими лидерами Финляндия всегда воспринималась как надежный экономический партнер, не говоря уже об использовании советско-финляндских отношений в качестве витрины для демонстрации миру открытости СССР к развитию довольно дружественных отношений

и тесных экономических связей с некоммунистической страной.) Считают ли сегодня у вас этот курс оптимальным? И были ли альтернативы этому курсу? При этом следует иметь в виду, что особые отношения с СССР вполне сочетались с активной европейской политикой, роль Финляндии в инициировании общеевропейского процесса была, как мы знаем, весьма велика, а первое совещание ОБСЕ прошло в 1975 г. именно в Хельсинки, где и был подписан базовый общеевропейский договор. И все-таки не считают ли сегодня некоторые историки, что Финляндия пошла на слишком большие уступки СССР? И считают ли сегодня в Финляндии актуальным ее внешнеполитический опыт второй половины XX в.?

Х. М. Это также очень большой вопрос, который становился предметом многочисленных исследований и публичных обсуждений. Да, новые, прагматические отношения с Советским Союзом были необходимостью, и это в экономическом и социальном плане вполне благоприятствовало развитию Финляндии. При этом влияние Советского Союза на финскую внутреннюю политику иногда было проблематичным. Некоторые финские политики (особенно бывшие коммунисты) утверждают и верят в то, что Финляндия могла бы и сегодня поддерживать с Россией такие же отношения, какие у нее были с соседней страной в эпоху холодной войны. Однако на практике Финляндия настолько сильно связана через ЕС и Швецию с НАТО, что это невозможно. Финляндия идет по шведскому пути. И хотя формально она не является членом

НАТО, но с 1994 г. систематически укрепляет свой военный потенциал в сотрудничестве с США и их европейскими партнерами по НАТО. Все это хорошо известно российскому правительству.

А. С. И более частный вопрос в той же связи. Как оценивается сегодня политическая роль в 1950–1980-е гг. финской компартии, которая едва ли не до самого конца хранила наследие Куусинена (мы знаем о его роли в 1939–1940 гг.), а при его жизни получала от него непосредственные советы? Была ли это только агентура Москвы, или также и фактор, способствовавший налаживанию нормальных межгосударственных отношений с СССР? Сегодняшние финские левые дистанцируются от этого наследия? И можно ли говорить о том, что сложившаяся во времена коммунизма в СССР благоприятная тенденция в развитии добрососедских отношений двух стран была до некоторой степени нарушена уже в XXI в.?

Х. М. Финские коммунисты сохраняли тесные связи с Москвой вплоть до конца 1980-х гг., хотя у большинства партийцев не было никаких иллюзий о том, как на практике функционировала советская система. В силу этого в нашем обществе никогда не может быть полного доверия к финским коммунистам. Начиная с 1990-х гг. большинство наших левых дистанцировалось от своего наследия времен холодной войны, но имеется и некоторое количество сторонников жесткой линии, получивших образование в партийной школе в Москве. Эти люди, вероятно, не изменили своих позиций.

Наиболее проблемные аспекты финско-российских отношений связаны с трениями между Россией и ЕС. Тем не менее в целом Финляндия оказалась способна поддерживать довольно хорошие отношения с Россией, несмотря на санкции ЕС в отношении Москвы и свое углубляющееся сотрудничество с США и НАТО.

А. С. Какое место в финской исторической памяти занимают территории, ныне входящие в состав России? Культивируется ли в каких-то политических кругах идея Великой Финляндии? И занимается ли кто-то из финских историков процессами национального строительства в Советской Карелии? Какие даются оценки?

Х. М. Потерю Карелии, естественно, до сих пор помнят в тех семьях, которые (если иметь в виду предков сегодняшних финнов) были вынуждены покинуть свои дома, но в целом это больше не проблема для Финляндии. Есть несколько правых радикалов, которые все еще предаются мечтам о Великой Финляндии, но это точно не показатель настроений в финском обществе. Нельзя забывать и о том, в какую огромную сумму обошлось бы Финляндии восстановление сильно разрушенных инфраструктур в Карелии.

А. С. Есть ли в сегодняшней Финляндии отклик на спекуляции в современной России (к ним причастно и проправительственное Российское военно-историческое общество) относительно урочища в Сандармохе в Карелии, где захоронены якобы не жертвы сталинского террора, а советские военно-

пленные, расстрелянные финскими войсками?

Х. М. Эта тема получила освещение в финских СМИ, но финские историки рассматривают ее как часть российской исторической полити-

ки. Вопросы, связанные с гибелью и убийствами советских военнопленных и мирных жителей, включая места захоронения, получили разработку в рамках вышеупомянутого исследовательского проекта: <http://kronos.narc.fi/frontpage.html>.

“WINTER WAR IS STILL UNDERSTOOD AS THE EXISTENTIAL EXPERIENCE AND SYMBOL OF OUR INDEPENDENCE WILL IN THE FINNISH MEMORY CULTURE”.

Interview with H. Meinander

Meinander Henrik — Finnish historian, professorship in history at Helsinki University, foreign member of the Royal Swedish Academy of Sciences (Finland)

Key words: Russification of Finland, independence of Finland, the civil war in Finland, the Winter war of 1939–1940, Finland in the Second World War, Carl Gustaf Mannerheim, Soviet-Finnish relations, Finnish historical memory.

Abstract. A famous Finnish historian in an exclusive interview for the Historical Expertise discusses the key problems of the historical memory of his people in the 20th century.

«УЧАСТЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ПОДНЕВОЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ НЕДОСТАТОЧНО ПРЕДСТАВЛЕНА В НЕМЕЦКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ».

Интервью с А. Хильгером

Ключевые слова: немецкая национальная память, советские и немецкие военнопленные, остарбайтеры, «война на уничтожение», послевоенная депортация немцев.

Аннотация. В интервью, посвященном проблемам немецкой национальной памяти, Андреас Хильгер прежде всего рассказывает о памяти о немецких и советских военнопленных, так называемых остарбайтерах (насильно угнанных на работу в Германию жителях Восточной Европы), и немцах, депортированных после окончания войны из ряда восточноевропейских стран.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-112-118

Андреас Хильгер является автором монографий: *Der Feind im eigenen Land. Abwehrideologien und Einflussnahmen im geteilten Deutschland, Berlin* (in Vorbereitung); *Internationale Geschichte von 1945 bis heute, Stuttgart* (in Vorbereitung); *Sowjetisch-indische Beziehungen 1941–1966. Imperiale Agenda und nationale Identität in der Ära von Dekolonisierung und Kaltem Krieg, Köln* 2018; *“Das ist kein Gerücht, sondern echt”. Der BND und der “Prager Frühling” 1968. Marburg, 2014* (gemeinsam mit Armin Müller); *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung, Essen* 2000.

Беседовал С. Е. Эрлих.

© Историческая Экспертиза, 2020

Хильгер Андреас — приват-доцент, доктор, заместитель директора Германского исторического института в Москве (Германия)

С. Э. Вы специализируетесь на исследованиях о судьбе немецких военнопленных в советских лагерях. Существует ли у немцев память об этом, и какие формы она принимает? Много ли опубликовано мемуаров бывших пленных? Насколько широко методы устной истории прилагаются к этой теме? Какой образ России создается бывшими пленными?

А. Х. Да, история немецких военнопленных в Советском Союзе является одной из тем моих исследований наряду с изучением истории советских военнопленных в Германии, других вопросов германо-советских отношений и проблем международной истории.

Сегодня непосредственная актуальность темы немецких военнопленных в СССР и конкретные воспоминания об этом увядают вместе с так называемым военным поколением. Тем не менее образы и «культурные коды» плена сохраняют важное общественное значение. Они сосредоточены на личном опыте немцев, на немецких страданиях и способах выживания. Документальные и художественные фильмы, а также фотографии возвращения так называемых «последних пленников» в 1955 г., которое было приурочено к визиту Конрада Аденауэра в Москву, передают в насыщенной эмоциями форме общие идеи лишений и страданий за колючей проволокой, чрезвычайно долгого плена, ожидания и тревог родственников и друзей по поводу судьбы пленников, гибели многих из них в советских лагерях. Внутри этого общего нарратива важную роль играют попытки советской администрации превратить немецких военнопленных в активных «антифашистов».

В рамках этих «мест памяти» не задаются вопросами предпосылок и причин плена, более дифференцированные описания встречаются редко.

Вместе с тем, наряду с поверхностной интерпретацией условий жизни и труда немецких военнопленных и рассуждениями о советской ответственности, заметно также стремление различать представителей советской власти и гражданское население. Время от времени речь даже заходит об истории сталинских репрессий, которым немецкие военнопленные подвергались наряду с советскими гражданами.

В западной части Германии коллективная память была в значительной мере сформирована благодаря мемуарам военнопленных, публиковавшимся со второй половины 1940-х, в 1950-е и 1960-е гг., а также под влиянием более или менее официальных мемориальных мероприятий, активно проводившихся до конца 1950-х. Кроме того, научная комиссия по изучению истории немецких военнопленных времен Второй мировой войны подготовила многотомное издание, посвященное этой проблеме. Поскольку советские власти отказывались предоставлять архивные материалы, комиссия опиралась на письменные или устные сообщения бывших военнопленных о советских лагерях.

В 1960-е и особенно в 1970-е тема утратила актуальность в западногерманском публичном пространстве.

Ее оживление произошло в конце 1980-х в ситуации международного сближения и в связи со стремлением военного поколения подвести жизненные итоги. Кроме того, рост интереса к истории повседневности (Alltagsgeschichte) привел к новым исследовательским вопросам и проектам по поводу опыта и памяти военнопленных, включая подходы устной истории. Работы Альбрехта Леманна, опубликованные в 1980-х, представляют наиболее выдающиеся примеры исследований такого рода

Насколько я могу судить, число мемуаров о советском плене значительно возросло в конце 1980-х и в 1990-е. Удивительным образом их аргументация и нарративы мало отличаются от подобных публикаций 1950-х.

Также нет значительной разницы между мемуарными описаниями, опубликованными в Восточной Германии после 1990 г., и оценками, присутствующими в западногерманских мемуарах.

Сегодня, когда последние представители военного поколения уходят из жизни, конкретные воспоминания все больше становятся семейным делом их детей и внуков. Вероятно, можно говорить о живом интересе представителей третьего поколения к этой части семейной памяти, но нельзя утверждать, что это внимание к прошлому порождается более общим критическим подходом к немецкой и/или международной истории.

В целом вышеупомянутые образы и творческие фантазии на эту тему широко, хотя и в неявной форме (subcutaneous), распространены в немецком обществе, что подтверждается недавними кинофильмами.

С.Э. Всемирно знаменитые немецкие исследователи Конрад Лоренц и Райнхарт Козеллек находились в советском плену. Я думаю, что этот список можно расширить. Существует ли специфика воспоминаний ученых — бывших военнопленных по поводу их военного опыта?

А.Х. Действительно, много немецких и австрийских ученых того поколения имели прямой или не прямой опыт плена. Тем не менее, насколько я могу судить, невозможно говорить о специфическом «академическом дискурсе» опыта плена. Например, несколько членов вышеупомянутой научной комиссии по изучению

истории немецких военнопленных времен Второй мировой войны были в советском плену, включая долговременного главу этой комиссии Эриха Машке. Тем не менее они старались отделить свои личные воспоминания от порученной им работы в рамках комиссии, а также в целом от своих научных исследований.

С.Э. Какие следы в немецкой памяти оставили миллионы советских военнопленных и так называемых остарбайтеров?

А.Х. Даже сегодня участь советских военнопленных и подневольных работников недостаточно представлена в немецкой коллективной памяти и коммеморации. Существует значительное число удачных и впечатляющих местных, индивидуальных и региональных инициатив, которые стремятся создать и поддерживать мемориалы и институты, достойные памяти советских военнопленных и подневольных работников, и тем самым включить их историю в публичную германскую культуру и политику памяти на национальном уровне, но пока они добились лишь ограниченных успехов. Несколько лет назад бывший федеральный президент Йоахим Гаук сформулировал в этой связи выражение «Erinnerungsschatten», что означает «невидимая» или «скрытая память». Эта характеристика, к сожалению, до сих пор действительна. В 2013 г. бывший директор Германо-российского музея «Берлин-Карлсхорст» Петер Ян и другие предложили учредить в Берлине центральный мемориал, посвященный в том числе и советским военнопленным и подневольным работникам, но эта иници-

циатива не вызвала большого энтузиазма и пока канула в Лету.

С.Э. В советское время во многих семьях память о родственниках, ставших жертвами сталинских репрессий, вычеркивалась из страха, что наличие репрессированных родственников затруднит карьеру детям. Многие сегодняшние молодые сталинисты не догадываются, что их предки были репрессированы Сталиным. Какова ситуация с немецкой семейной памятью о родственниках, павших на Восточном фронте во время, используя термин немецкой историографии, «войны на уничтожение»? Помнят ли немцы о павших солдатах, принято ли разыскивать и посещать места их гибели?

А.Х. Насколько я могу судить, в Германии подобных опасений не было. Начиная с 1945/1949 гг. федеральные земли обязаны заботиться о кладбищах на территории Германии, а учрежденный еще в 1919 г. Народный союз Германии по уходу за военными могилами (Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge) поддерживает в порядке зарубежные захоронения. Народный союз также организует посещения кладбищ и мемориалов. В целом эти поездки рассматриваются как частное дело, им не придается политического значения, и они не оказывают отчетливого влияния на коллективную память.

Память о войне на уничтожение поднимает другие серьезные вопросы. Дискуссии по поводу хорошо известной «Выставки Вермахта» (Wehrmacht-Ausstellung) в 1990-е продемонстрировали проблемы, возникшие в ходе «проработки

прошлого». Тогда стали очевидны мировоззренческие разрывы различных поколений, широкий диапазон исторических подходов и различные уровни интеллектуальной и эмоциональной готовности или способности иметь дело с германскими преступлениями и признавать ответственность за них.

Сегодня атмосфера воспоминаний и дискуссий в Германии сильно изменяется. Общественный консенсус по этому вопросу, а также научные находки относительно германского прошлого встречаются с откровенными вызовами.

С.Э. Согласно ялтинским соглашениям 1944 г. миллионы немцев были депортированы с нынешних территорий России, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и бывшей Югославии. В ходе депортаций местные власти и население совершили множество жестоких преступлений против немецких соседей: грабежи, изнасилования и даже убийства. Каким образом память об этой трагедии циркулирует сегодня? Насколько влиятельна в немецком обществе ностальгия по поводу Восточной Пруссии, Силезии, Померании, Судетов и других территорий, где немцы до конца Второй мировой войны составляли этническое большинство? Насколько активны «сообщества памяти» депортированных и их потомков?

А.Х. На мой взгляд, память о бегстве и изгнании демонстрирует те же тенденции, что и память о военнопленных. Она приобретает все более частный характер, существующие организации и группы интересов (pressure

groups) теряют своих членов, общественную значимость и влияние. После открытия границ в Европе ностальгия теряет свою политическую взрывоопасность. Разумеется, здесь, как и всегда, существуют исключения. Упомянутые изменения в сегодняшней политической и культурной атмосфере Германии могут повлиять и на этот комплекс.

С.Э. Послевоенная политика денацификации протекала в обеих частях — ГДР и ФРГ — разделенной Германии. Чем эти процессы различались между собой? Влияют ли они на сегодняшнюю политическую ситуацию, когда крайне правые более популярны в восточных регионах объединенной Германии?

А.Х. В обеих частях Германии усилия по денацификации были сложным и долгим процессом с переменной акцентов и с противоречивыми целями. Поэтому детальное обсуждение сходств и особенно различий в политике денацификации, как со стороны союзных держав, так и властей Западной и Восточной Германии, потребовало бы отдельной монографии. Говоря самым общим образом: советская и восточногерманская схемы использовали денацификацию как инструмент советизации Восточной Германии. Западные союзники и западные немцы рассматривали денацификацию как неотъемлемую часть утверждения структур демократии и капитализма, дополненных тенденцией в сторону консервативного элитизма. Но, повторяю, это сжатое и чрезвычайно упрощенное описание.

С точки зрения многочисленных перемен послевоенного развития Гер-

мании на Западе и Востоке — от серьезных изменений политики боннских правительств с 1960 г. вплоть до объединения, или поворотов внутренней и международной политики СДПГ — невозможно изолированно рассматривать, как именно долговременные отголоски и последствия более ранних решений и подходов относительно денацификации влияют на современное общество.

Было бы интересно проанализировать взаимозависимости между изменениями политических рамок, текущей внутренней и внешней политики, социальной и экономической динамики и смены поколений. Но обозреватели склоняются к тому, что современное политическое развитие Германии и усиление правых и крайне правых в большей мере связаны с опытом современной жизни, чем с традициями и обстоятельствами, порожденными эпохой разделения на две страны. При этом давние традиции и ментальные особенности, которые не были затронуты конкретными политиками денацификации, могут сейчас и впоследствии играть роль социального фона.

В целом участники политических дискуссий стремятся использовать, а то и злоупотреблять различными версиями истории Второй мировой войны и Третьего рейха ради доказательства справедливости своих позиций, в то время как добываемое нами историческое знание далеко не всегда становится источником информации для авторов этих политических интерпретаций.

С.Э. Могли бы вы вкратце охарактеризовать, как современная не-

мецкая историография трактует такие важные вопросы, как «война на уничтожение», план «Ост» и так называемый план голода?

А. Х. Этот интересный вопрос чрезвычайно широк. Современная немецкая историография все еще выясняет и старается заполнить важные пробелы в изучении этих взаимосвязанных сюжетов. Среди многих других важнейшими являются: проблемы взаимосвязи между планом голода и судьбой советских военнопленных, взаимоотношение идеологии и принятых в германской армии способов ведения войны, действия вермахта в ходе оккупации и во время отступления после 1942 г., условия жизни разных социальных групп на оккупированной территории, вопросы коллаборационизма, взаимодействия и сопротивления и др. В целом серьезные исследователи не сомневаются в том, идеология имела огромное значение для стратегии и практики военных действий вермахта, в том, что между вермахтом и германским нацизмом существовали тесные связи, и в том, что вермахт принимал активное участие в военных преступлениях беспрецедентного размаха.

С. Э. Германский исторический институт в Москве, в котором вы трудитесь, оцифровал огромный массив немецких документов времен Второй мировой войны, находящихся в советских архивах. Могли бы вы привести примеры того, каким образом эти документы могут изменить наши представления о войне?

А. Х. Продолжающаяся оцифровка этих документов породила новые

исследования в нескольких направлениях. Германский исторический институт приступил к осуществлению двух проектов, базирующихся на упомянутых коллекциях. Один из них увеличит наше знание об истории отступления вермахта в 1944 и 1945 г. Другой — позволит реконструировать историю коллекций германских документов в советских архивных учреждениях. Оба проекта вносят серьезный вклад в наше понимание важных аспектов Второй мировой войны: динамики идеологии и военного дела, а также послевоенного конструирования и сохранения памяти, коллекций документов и исторического знания в специфических условиях холодной войны и внутривосточных процессов.

С. Э. Вы участвовали в ряде проектов, посвященных Холокосту и советским военнопленным, в том числе и в совместном проекте с российским исследователем Павлом Поляном. Вы могли бы рассказать об этом проекте?

А. Х. Наш совместный проект был посвящен истории плена, репатриации и реабилитации советских военнопленных. История евреев-военнопленных образует важное направление общей темы. Мы старались представить и рассмотреть основные вопросы истории советских военнопленных: условия жизни, так называемые «Приказ о комиссарах» (Kommissarbefehl) и «Приказ об отделении политически вредных элементов» (Aussonderungen), подневольный труд, женщины-военнопленные, различные этнические группы военнопленных, коллаборационизм

и сопротивление, репатриация и механизмы фильтрации и т.д. Для этого были использованы документы из, прежде всего, российских и германских, а также американских, британских и швейцарских архивов. Несколько сотен документов были

опубликованы в 2012 г. в Германии. В этом году мы надеемся получить финансирование для перевода этих документов на русский язык.

С. Э. Большое спасибо за насыщенное информацией интервью!

“THE FATE OF SOVIET POWS AND FORCED LABORERS IS UNDERREPRESENTED
IN GERMAN PUBLIC MEMORY”.

Interview with A. Hilger

Hilger Andreas – German historian, Dr., Deputy Director of the German historical Institute in Moscow (German)

Key words: German national memory, Soviet and German POWs, Ostarbeiters, The war of extermination, German deportees.

Abstract. In his interview regarding problems of German national memory Andreas Hilger is focusing on the memory of German and Soviet POWs, so called Ostarbeiters (forced laborers from Eastern Europe) and postwar German deportees from East European countries.

А. С. Тулбуре

БЕССАРАБСКАЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ О СУДЬБЕ АЛЕКСЕЯ ТУЛБУРЕ, ЧЛЕНА СПЕЦКОНТИНГЕНТА ЛАГЕРЯ № 0302

Ключевые слова: семейная память, Бессарабия, Советская Молдавия, репрессии, депортация, советизация, Вторая мировая война.

Аннотация. На основе архивных документов и источников личного происхождения прослеживается одна из человеческих судеб на фоне большой истории XX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-119-133

I

О необходимости фиксирования устных воспоминаний людей, живущих рядом с нами, — родственников, соседей, знакомых, односельчан, сослуживцев и т. д., — я не устаю повторять. И буду это делать и впредь. Помимо того, что это интересное и увлекательное занятие, устные воспоминания — это прекрасная возможность восстановить (до известных пределов) неповторимую историческую ткань, реконструировать прошлое своей семьи, местной общины, села, города, события, процессы и т. п. Часто (в условиях отсутствия других источников или

доступа к ним) устные свидетельства очевидцев — единственная возможность воссоздать историческое событие или биографию человека.

Сегодня у меня нет большего сожаления, чем то, что в детстве и юности был не очень внимателен, не расспрашивал и не записывал то, о чем мне рассказывал дед Алексей (я назван в его честь) о войне. Сегодня, имея диплом историка, профессионально занимаясь устной историей и вопросами памяти, я знаю до запятой, какие вопросы задал бы деду и как бы мне его ответы помогли воссоздать его «историю». Но деда давно нет, спрашивать

некого, а я мучительно вспоминаю, воссоздаю по крупицам его рассказы, расспрашиваю отца, других родственников старших поколений о том, что помнят, знают, слышали о том периоде жизни деда и его семьи.

Это эссе написано на основе того, что я помню из рассказов деда, а также воспоминаний его сына Сергея (моего отца), его сестры Видении, племянницы Александры (дочь Герасима) и других знавших и помнящих деда людей. Однако в этой работе есть и документальная составляющая — «Личное дело» Тулбуре Алексея Григорьевича, которое я обнаружил в Национальном архиве Республики Молдова (НАРМ). Это дело было заведено на него по факту побега из места спецпоселения, куда его определили после расконвоирования из лагеря для военнопленных. Другие «личные дела» на Тулбуре Алексея были заведены в лагерях, в которых он сидел в период 1944–1953 гг. Однако доступа к ним пока нет. После изучения этих «личных дел» в данную работу будут внесены уточнения, исправления и дополнения. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что и на этом этапе данная работа является достоверной историей одного из периодов жизни моего деда, Тулбуре Алексея Григорьевича.

II

У меня с дедом Алексеем были совершенно особые отношения. Отношения безусловной взаимной любви. Я не помню, чтобы он хоть раз повы-

сил на меня голос. Даже в моменты самого сильного гнева — были ситуации, когда его выводили из равновесия бабушка Феодосия (Тодосья), которая ревновала его, либо какие-нибудь другие люди или обстоятельства, — дед Алексей ограничивался одной негромкой «крушка медна». И даже тогда, когда ему было за 80. Его все любили за характер, трудолюбие, терпение, мудрость и врожденную интеллигентность. К тому же он был высок, строен, статен и красив лицом.

Мы всегда с дедом что-то вместе делали. Ничего такого особенно — все, что положено делать в крестьянском хозяйстве. Обработывали землю, ухаживали за домашней скотиной. Раз или два раза за сезон (весна — осень), когда овцы находились в общем сельском стаде, мы с дедом ходили к пастухам на большую овчарню, находящуюся за селом, забирать полагающуюся нам брынзу (количество брынзы рассчитывалось от количества твоих овец в общем стаде). Собирали грибы в лесу или заготавливали древесину. В лесу (на полянах) мы также косили, а потом собирали сено — дед дружил с лесником и имел право заготавливать в лесу сено для своего хозяйства, за что половину заготовленного сена отдавал леснику. Ходили с дедом в церковь, но не на богослужения, а считать свечки и разрывать бумажные банковские упаковки монет, похожие на сосиски, которые я видел только в тот период своей жизни. Дед, полагаю, был церковным старостой и обязан был выполнять какие-то административные функции¹.

¹ На воскресные богослужения в соседнее село (Вэрзэрешть) меня забирала с собой бабушка (отказаться почему-то было совершенно невозможно). Мне эти воскресные церковные службы не нравились, не из-за бабушки, которую я тоже очень любил, а потому что с утра до полудня, пока

Дома читали с дедом его знаменитый календарь предсказаний, изданный еще в досоветское время, пытаюсь правильно интерпретировать цифры, даты, слова, «вычислить» далекое, кажущееся недостижимым будущее.

От всего этого я получал огромное удовольствие. Я нежился в потоках дедовой любви. Сегодня, с определенной временной дистанции, мне кажется, я понимаю природу этого отношения к себе со стороны деда. Вероятно, дед отдавал мне не только свою, но и нерастраченную отцовскую любовь, умножая мое счастье на два, на бесконечность. Нерастраченную любовь к сыну (к моему отцу), который до 11 лет рос без отца. Без отца, который не мог быть рядом.

III

Дед Алексей родился в 1915 г., в пос. Ниспорены Ниспоренской волости Кишиневского уезда Бессарабской губернии Российской империи в семье Григория и Ирины Тулбуре (в де-

вичестве — Попа). До него родились Василий, Герасим и Ион (Ваня — так его все звали), после — Петря, Костя, Вера, Видения и Мария².

После 6 мальчиков на свет появилась девочка — Вера. Это стало большой радостью для родителей. Семейное предание гласит, что на крестинах играл знаменитый тогда оркестр из села Шишкань (fanfara din Siscani), а маленькая Вера получила 40 пар крестных родителей (nănași). Экономическое положение семьи — Григорий закупал оптом и продавал в розницу мясо — позволяло такое количество крестных.

Родной брат Григория Профирий (Прощире) Тулбуре³ около 4 лет был заместителем, а с 1936 г. — мэром (primar) пос. Ниспорены от Национал-либеральной партии (НАРМ: Д. 21. Л. 18). Поскольку братья жили в мире и согласии, политическая деятельность Профирия и должность мэра, полагаю, только способствовали развитию мясного бизнеса Григория.

служба не заканчивалась, нельзя было ничего есть. И играть в церковном дворе, куда меня бабушка изредка из церкви выпускала, было не с кем. Бабушка в церковь со мной ходила в соседнее село, потому что нас там не знали, и тем самым уменьшалась вероятность того, что кто-то донесет в какой-нибудь «орган партийной и советской власти» о том, что сына члена КПСС Сергея Тулбуре (отец был коммунистом) во воскресениям водят в церковь. К поведению родителей коммуниста партия относилась более терпимо.

² После Василия родились еще Сава и Екатерина, но они умерли в младенчестве.

³ В июне 1941 г. Профирий Тулбуре, по обвинению в том, что занимал пост заместителя, а потом примара Ниспорен от Национал-либеральной партии, «жестоко обращался с крестьянами», был кулаком и т. п., был арестован и отправлен в лагерь. Его жена Мелания и дочь Вера (1929 г.р.) были депортированы на «вечное поселение» в г. Кызыл-Орда КазССР. Профирий из лагеря не вернулся, умер от истощения и болезней. Меланья и Вера в 1941 г. совершили побег из ссылки и до 1944 г. проживали в «различных регионах РСФСР». В 1944 г. вернулись в Ниспорены. В 1948 г. Мелания была арестована и осуждена за побег из ссылки на 3 года исправительно-трудового лагеря (ИТЛ). Веру, которая успела в Ниспоренах выйти замуж, не судили (в момент побега из ссылки была несовершеннолетней). Она в 1949 г. в административном порядке была депортирована на место изначальной ссылки, в Кызыл-Орду. Туда же, после истечения срока заключения в ИТЛ, была послана и Мелания. Более подробно история репрессий в отношении этой семьи будет описана в отдельном исследовании. См. (НАРМ: Д. 19, 21, 23)

У меня нет точных данных о том, чем занимался Алексей до войны. Однако есть серьезные основания полагать, что он посещал и окончил начальную школу (обязательное 4-летнее обучение — «*patru clase la români*»), где его научили читать, писать и считать⁴. В остальное время, очевидно, помогал отцу в его мясном деле. Григорий (Grigore) был доволен сыном и стремился удержать его рядом с собой как можно дольше. В 1936 г. Алексей достигает призывного возраста (21 год), но не уходит в армию, всеми правдами и неправдами избегая (думаю, отец был автором идеи) призыва.

В какой-то момент «уклонительству» Алексея власти положили конец, и его ждал трибунал. Помог избежать наказания дядя Профирий, использовавший свои политические связи в Национал-либеральной партии. Полагаю, мы вправе считать, что это произошло до установления диктатуры короля Карола II в 1938 г., и политические связи Профирия еще «работали». Итак, Алексея не судят и призывают в армию.

Из его рассказов следовало, что, будучи в армии, он участвовал во встрече

высшего руководства Польши после его эвакуации на территорию Румынии в сентябре 1939 г.⁵ Это дает нам временной репер — в сентябре 1939 г. Алексей еще находился на срочной службе в румынской армии.

Известно, что встречей, а фактически интернированием польских беженцев в 1939 г., включая высшее руководство Польши, занималась румынская жандармерия. Это с большой вероятностью указывает на то, что Алексей служил в жандармерии.

У нас пока нет точных сведений о том, когда он демобилизовался из румынской армии (срок службы — 2 года), где находился и что делал в период с 28 июня 1940 г. по 22 июня 1941 г. (т. е. в период между вхождением Бессарабии в СССР и новым приходом румынских войск), что делали и где находились его родители и братья, за исключением Василия, старшего брата Алексея, который в 1941 г. был мобилизован в Красную армию, в которой провоевал до конца войны⁶.

В 1941 г. (вероятно, осенью) Алексей женится на Феодосии Быткэ,

⁴ Писал и читал (любил фантастику) на кириллице. Очевидно, переучивался с латиницы на славянские буквы в советское время.

⁵ 1 сентября Германия атакует Польшу, вооруженные силы которой оказывают агрессору сопротивление. Тем не менее вермахт быстро приближается к Варшаве. 17 сентября без объявления войны с востока на территорию Польши вступают советские войска. В тот же день высшие руководители Польши принимают решение об эвакуации на территорию Румынии. Уже вечером 17 сентября президент Игнаций Мосцицкий и члены польского правительства пересекают польско-румынскую границу и прибывают в г. Черновцы. Оттуда президент, премьер и члены правительства на литерных поездах развозятся по различным городам Румынии и интернируются. Других польских беженцев — военных и гражданских — тоже интернировали, но на литерных по Румынии не возили. В декабре 1939 г. Игнация Мосцицкого, сложившего свои президентские полномочия еще в сентябре, румынские власти по причине болезни выпускают в Швейцарию. Остальные польские высокие чины были интернированы на территории Румынии до конца войны.

⁶ По словам Александры (1940 г.р.), дочери Герасима, вся семья в этот период находилась в Ниспореках. Она же утверждает, что братья Тулбуре в июне 1941 г. прятались в лесу, поэтому избежали мобилизации в РККА (возраст позволял) и/или депортации в Сибирь (кулаки и т. д.).

а 28 июля 1942 г. на свет появляется мой отец, Сергей Тулбуре. Все это время Алексей находится дома, в Ниспоренах. Румынское правительство Антонеску не очень доверяло лояльности бессарабцев и на первых этапах войны не мобилизовывало их в действующие на Восточном фронте войска.

Алексея и трех его братьев, Герасима, Ивана и Петра, румынское правительство мобилизовало и отправило на фронт в части полевой жандармерии⁷ в феврале-марте 1944 г.⁸ Практически сразу же в окрестностях города Одесса все, кроме Петра, попадают в плен⁹. Думаю, это произошло в ходе или сразу после Одесской наступательной операции советских войск (26 марта — 14 апреля 1944 г.). Во время пленения Алексей получил огнестрельное ранение, пуля попала в рот и вышла через шею с левой стороны.

После захвата со стороны нескольких советских офицеров была предпринята попытка расстрелять пленных жандармов на месте. Однако быстро

выяснилось, что взятые в плен жандармы — это недавно мобилизованные бессарабцы, которые не имеют отношения к военным преступлениям (массовое уничтожение евреев), совершенным румынской жандармерией на оккупированных и находящихся под румынским контролем территориях. Бессарабцам сохранили жизнь, и их ждала отправка в лагерь для военнопленных.

Были ли альтернативы?

Румынские военнопленные, не замешанные в совершении военных преступлений, после начала формирования в 1943 г. 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии им. Тудора Владимиреску¹⁰ получили возможность покинуть лагерь для военнопленных и стать военнослужащими РККА, воевать на стороне СССР в составе этой дивизии. Эту возможность получили далеко не все румынские военные, находившиеся в советском плену. С начала боевых действий на территории СССР до марта 1944-го советские войска

⁷ Это следует из архивных материалов, в которых Алексей Тулбуре упоминается как «служивший в армии противника», в другом месте — как «полицейский», что с очевидностью указывает на то, что Алексей и его братья были мобилизованы в начале 1944 г. в части полевой жандармерии (НАРМ: Д. 18. Л. 2, 9).

⁸ Единственный временной указатель периода мобилизации — свидетельство бабушки Феодосии о том, что деда забрали на войну, когда их сыну Сергею, родившемуся 28 июля 1942 г., был год и 8 месяцев. Что же касается Герасима и Ивана, мы знаем, что после пленения Алексей, Герасим и Иван оказались в одном лагере. Это дает основание думать, что и мобилизовали их вместе.

⁹ Петр в августе 1944 г. отступил в составе румынской армии за Прут. После переворота 23 августа Петр дезертировал и, перейдя Прут вплавь, вернулся в Ниспорены. Через два дня был мобилизован в РККА и отправлен на фронт. Через некоторое время был ранен и комиссован по ранению. Самый младший брат, Константин, мобилизован осенью 1944 г. в РККА во вспомогательные войска (действовали в тылу боевых частей), в которых служил до конца войны. После демобилизации был отправлен на фабрично-заводское обучение (ФЗО).

¹⁰ 1-я румынская добровольческая пехотная Краснознаменная Дебреценская дивизия им. Тудора Владимиреску (известна как дивизия «Тудор Владимиреску») — соединение (дивизия) РККА, позднее ВС Румынии, укомплектованная из румынских военнопленных и воевавшая в составе 2-го Украинского фронта в Румынии, Венгрии и Чехословакии. На такой же основе в СССР была сформирована и 2-я румынская добровольческая пехотная дивизия «Хория, Клощка ши Кришан».

взяли в плен 50 696 румынских военнослужащих (см.: Prizonieri... 2013: 20), а в дивизию «Тудор Владимиреску» попали всего около 9000 человек. Надо иметь в виду и то, что не все взятые в плен выживали, смертность была очень велика, а учет велся только тех, кто доставлялся в лагеря живыми.

Формирование дивизии, включая обучение личного состава, завершилось в конце марта 1944 г., и у взятых в плен в 1944 г. румынских военнослужащих, не прошедших соответствующей, в том числе идеологической подготовки, попасть не в лагерь, а в дивизию «Тудор Владимиреску» шансов не было. Еще несколько месяцев оставалось до переворота 23 августа, в результате которого Румыния и ее вооруженные силы перешли на сторону антигитлеровской коалиции¹¹. Тут, однако, необходимо отметить, что и после переворота, до конца августа 1944 г. советскими войсками в плен было взято около 97 000 румынских военных (см.: Prizonieri... 2013: 21).

Итак, наши бессарабцы, взятые в плен в апреле 1944 г. под Одессой, были отправлены в лагерь для военнопленных. Все три брата — Герасим, Иван и Алексей — добрались до лагеря живыми.

IV

Место, куда были доставлены братья Тулбуре, называлось Специальный проверочно-фильтрационный лагерь

0302 НКВД СССР (НАРМ: Д. 18. Л. 2). Находился он в г. Кизел Молотовской области РСФСР¹².

Лагерь был создан в июне 1943 г. С июня 1943 г. по июль 1944 г. подчинялся Управлению по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. 19 июля 1944 г. был передан в ведение ГУЛАГа. В апреле 1944 г. в лагере находилось 8970, а к 1 января 1945-го — 14 302 заключенных, которые делились на три категории:

1. Бывшие военнослужащие Красной армии, находившиеся в окружении у противника и вышедшие из окружения.
2. Бывшие военнослужащие Красной армии, находившиеся в плену у противника.
3. Лица из гражданского населения СССР, остававшиеся на оккупированной противником территории и служившие в армии противника, в том числе в полиции и жандармерии.

Среди заключенных имелось большое количество офицеров Красной армии, коммунистов, комсомольцев, орденосцев, инвалидов войны. После прохождения проверки большая часть из них передавалась в основном в «постоянный кадр управления угольной промышленности». Остальная часть направлялась для комплектования воинских подразделений по охране других лаге-

¹¹ Государственный переворот в Румынии 23 августа 1944 г. против Иона Антонеску, организованный и проведенный королем страны Михаем I и оппозиционными партиями. В результате Ион Антонеску был свергнут и арестован, а Румыния встала на сторону стран антигитлеровской коалиции. Новым премьер-министром и фактическим руководителем страны стал генерал Константин Сэнэтеску.

¹² С 1957 г. — Пермская область РСФСР.

рей, воинских частей, для отправки на фронт (офицеры) и для комплектования штата самого управления лагеря № 0302 и его охраны. Таким образом, люди, временно оказавшиеся в лагере, не считались преступниками и в большинстве своем, благополучно проходя проверку, его покидали¹³.

Производственная деятельность заключенных: добыча каменного угля в Кизеловском угольном бассейне, полевые работы, строительные горные работы и заготовка леса¹⁴.

О состоянии дел в лагере и условиях содержания спецконтингента¹⁵ в 1944 г. мы узнаем из Докладной записки исполняющего обязанности начальника лагеря Аксеньева на имя второго секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Хмелевского К. М. «О работе спецконтингента Кизеловского бассейна...» (датирована 15 января 1945 г.)¹⁶ и из Докладной записки специальной бригады Молотовского обкома ВКП(б) и областной прокуратуры на имя первого секретаря обкома ВКП(б) Н. И. Гусарова о результатах проверки состояния спецлагеря № 0302 НКВД СССР, распо-

ложенного в Кизеловском угольном бассейне Молотовской области¹⁷.

В своей работе «Жизнь заключенных ГУЛАГа в годы Второй мировой войны (на примере спецконтингента лагеря № 0302)»¹⁸ Андрей Бушмаков, доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры, проводит анализ докладной на имя Н. И. Гусарова. Ниже я привожу большой отрывок из этой работы.

«Согласно типовому договору между спецлагерем № 0302 и комбинатом “Молотовуголь”, последний обязан был предоставить для каждого лагерного отделения жилые помещения, оборудованные нарами вагонного типа, с жилой площадью по 2,2 метра на 1 человека, бани с пропускной способностью 50–75 человек в час, дезкамеры с такой же пропускной способностью, прачечные, сушилки, столовые, кухню, оборудованную необходимым инвентарем, кубовую, санчасть или лазарет, умывальники, водопровод и транспортные средства. Комбинат был обязан обеспечить спецконтингент постельными принадлежностями — матрацами, подушками, одеялами, простынями,

¹³ См. сайт Пермского краевого отделения общества «Мемориал» (URL: pmem.ru/index.php?id=2940).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Изначально спецконтингент — это все категории репрессированных, включая депортированных, переселенных, заключенных лагерей (з/к) и т. д. С 1943 г. — заключенные фильтрационных лагерей (с/к), которые формально не считались осужденными, но положение которых мало чем отличалось от обычных з/к.

¹⁶ (ПермГАНИ: Л. 1–17). Документ см. на сайте Пермского краевого отделения общества «Мемориал» (URL: pmem.ru/index.php?id=2940).

¹⁷ Документ (ГАПК: Л. 2–40) упомянут на сайте Пермского краевого отделения общества «Мемориал» (URL: pmem.ru/1882.html).

¹⁸ Андрей Бушмаков. «Жизнь заключенных ГУЛАГа в годы Второй мировой войны (на примере спецконтингента лагеря № 0302)». См. на сайте Пермского краевого отделения общества «Мемориал» (URL: pmem.ru/1882.html).

наволочками, спецодеждой по нормам ВЦСПС и необходимым количеством топлива.

Реальные условия существования обитателей лагеря были далеки от нормальных: «Помещения ветхие, разваливаются, непригодны для жилья. В помещениях холодно, т.к. во многих окнах нет тепловых рам, печи развалены и требуют немедленного ремонта. Кроме того, запаса топлива в л/отделении нет совсем. В выходные дни топливо <...> также не привозится. Прачечная, сушилки и дезкамера в л/о отсутствуют. Имеющаяся в зоне баня не отвечает необходимым требованиям. В результате отсутствия необходимого количества воды, мыла, белья и постельных принадлежностей среди с/к имеется большая заболеваемость. <...> В бараках установлены сплошные 2-этажные нары, на которых спит с/к по очереди, т.к. на нижних нарах из-за холода спать нет возможности».

Эффективное использование спецконтингента было затруднено неудовлетворительным обеспечением спецодеждой: «На 1/1¹⁹ лагерю недостает 3047 комплектов спецодежды и гораздо большее количество резиновых чуней. Выдаваемая комбинатом "Молотовуголь" и трестами спецодежда сроков носки не выдерживает, в результате с/к ходит без последней, к тому же имеются случаи, когда с/к из-за отсутствия спецодежды не выводится на работу или выходит на работу без спецодежды. Имеет большое количество травматических повреждений.

¹⁹ На 1 января 1945 г.

Некоторые лица из с/к по 7–9 месяцев не получали спецодежды, в результате чего она превратилась в лохмотья. Так с/к Осадчий, работающий кузнецом на рудоремонтном заводе, с апреля месяца 1944 г. не получал спецодежды.

В лаготделении №5 на шахте Рудничной с/к были выданы чулки без носок и портянок, в результате чего имелись массовые простудные заболевания. На шахте им. Урицкого 600 человек из с/к, работающие на подземных работах, не имеют спецодежды».

Недостаток спецодежды усугублялся тем, что отпущенный на ее изготовление брезент разворовывался, а также тем, что с/к был вынужден продавать свои шинели или обменивать их на еду. Проверка выявила, что только на шахтах Гремячего в течение декабря месяца продано 100 шинелей. Причем шинели покупали не только вольнонаемные рабочие и работники л/отделения, но и руководители шахт.

У значительной части обитателей не было нательного белья. Очень плохо обстояло с питанием. Из-за отсутствия в лагере крупы и овощей, при замене их мукой, супы, приготовляемые для питания с/к, представляли из себя «...безкусную мучную болтушку. Там, где крупа заменяется горохом, суп жидкий, почти одна вода». Только в одном л/отделении после обеда давался чай — в других отсутствовал не только чай, но и вода для питья.

Внимание проверяющих привлекло неудовлетворительное «трудовое использование с/к»:

“Зачастую выведенный на работу с/к работает не полностью, часть его укрывается по укромным уголкам в шахте, спит или просиживает смену. Незначительная часть с/к преждевременно оставляет работу, а потому лишается смены. Учет выхождаемости [так в тексте. — А.Т.] с/к на некоторых шахтах поставлен неточно, а потому периодически не отражаются рабочие с/к, работающие на поверхностных работах. Значительный процент неработающих составляет заболевший с/к (в среднем от 7 до 9% к трудовому фонду)...

Начальник конвойной службы л/отделения №13 Половко свои обязанности ограничил только сопровождением рабочих до места работы и обратно в зону. В результате конвоиры расставляют рабочих на места работы не в интересах производства, а исключительно в интересах облегчения своей службы, и нередко нач. шахт вынуждены заниматься подачками конвою, чтобы последний расставил рабочих для более производительной работы. Кроме того, имеют место случаи отлучки рабочих с места работы в присутствии конвоя. Так, например, 27.XII в 1-ю смену на шахте №66 отлучился с места работы рабочий Вулаев и возвратился к месту работы в совершенно пьяном виде и не был способен самостоятельно дойти до зоны”.

Таким образом, в работе на шахтах был слабо заинтересован не только подневольный спецконтингент, но и лагерное начальство. Это приводило к падению производительности тру-

да: если в октябре месяце она составляла 1,65 тонны в сутки на одного рабочего, то в ноябре она падает — 1,42 тонны, а в декабре до 1,38 тонны.

Картину жизни спецконтингента дополняют выявленные комиссией массовое рукоприкладство и издевательства над людьми со стороны охраны на всех уровнях, воровство, обвешивание и обмеривание, а также другие вопиющие случаи — вплоть до имитации расстрела “провинившегося”.

<...> Конечно, обком и прокуратуру лагерь заинтересовал именно из-за снижения производительности труда работавшего на шахтах спецконтингента. Следует отметить, что ранее на заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б) 16 мая 1944 года уже обсуждался вопрос о неудовлетворительной работе руководителей спецлагеря №0302, допустивших “высокую заболеваемость спецконтингента, массовое освобождение людей от работы по истощению” и, как следствие этого, “резкое понижение производительности труда”. Бюро обкома тогда приняло специальное постановление об улучшении трудового использования и условий жизни спецконтингента, содержавшее детальный перечень мер, которые руководство лагеря должно было предпринять в первой половине 1944 года²⁰. Цитированные выше материалы повторной проверки показывают, что в лагере мало что изменилось».

Благодаря вышеупомянутым докладным запискам и другим опубликованным материалам мы многое

²⁰ (Политические репрессии... 2004: 358–363). См. статью Бушмакова на сайте Пермского краевого отделения общества «Мемориал» (URL: pmem.ru/1882.html).

знаем о спецлагере № 0302 НКВД СССР, другим лагерям «повезло» меньше.

Алексея Тулбуре, его братьев и сослуживцев, очевидно, отнесли к третьей категории спецконтингента. Сам факт попадания в этот лагерь, который в июле 1944 г. переходит из ведомства Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР) в ведение ГУЛАГа, говорит о том, что Алексея и других из с/к не считали военнопленными. Это подтверждается и тем, что в личном деле Алексея в графе национальность написано «молдаванин», а в графе подданства — «СССР», что исключает статус военнопленного (НАРМ: Д. 18. Л. 1).

V

В январе 1945 г. от истощения и болезни один за другим в лагере умирают Герасим и Ваня²¹. Из материалов проверки лагеря № 0302 мы убедились, что условия содержания в нем были бесчеловечны, и поэтому не удивительно, что многие заключенные, в их числе два брата Тулбуре, не смогли пережить первую зиму заключения. Братья знали, что находятся в одном лагере, но содержались они порознь — Герасим и Иван

были в одном отделении, Алексей — в другом. Потом выяснилось, что содержались через стенку, но выводились на работу в разные места²².

Алексею повезло больше, он был моложе братьев и более вынослив. К тому же он, в отличие от братьев, не курил, и когда была возможность, свою табачную пайку менял на хлеб. Это, по его словам, помогло ему не умереть с голоду.

Были еще обстоятельства, которые помогли Алексею выжить. Вот история, которая своим сюжетом больше похожа на кинематографическую, — такие совпадения в реальной жизни случаются редко. В один из дней в первый период пребывания в лагере, в момент конвоирования колонны спецконтингента по городу (Кизел) Алексей вдруг слышит, что кто-то из горожан его окликает по имени. Это был Копел Трахман, его друг детства, с которым Алексей вместе рос в Ниспоренах — они были из одной магалы²³. Копел и его жена Майка в 1941 г. успели эвакуироваться, добрались до Сталинграда²⁴. Дальнейшая эвакуационная судьба привела семью Трахман в г. Кизел, где Копел работал на шахте. Жили Трахманы, как и большинство семей в тот период, очень бедно, однако даже в этих условиях Копел старал-

²¹ Видения, младшая сестра Алексея, рассказывает, что они умерли с разницей в один день на Рождество 1945-го. Александра (1940 г.р.), дочь Герасима, утверждает, что в 1947 г. из лагеря № 0302 в Ниспорены вернулся человек, сидевший вместе с братьями Тулбуре, который и сообщил о смерти Герасима. По словам Александры, мать только тогда справила по ее отцу поминки. Личные дела Герасима и Ивана Тулбуре, если они есть, находятся в российских архивах, скорее всего в ПермГАНИ. После получения доступа к ним я смогу узнать больше сведений об их заключении, в том числе дату и причину смерти.

²² Об этом после лагеря рассказывал Алексей Тулбуре.

²³ Улица, квартал, часть предместья.

²⁴ По словам Григория Трахмана, сына Копела, только в Сталинграде советские военные у них конфисковали телегу, на которой он с беременной женой ехал с самих Ниспорен.

ся помочь своему другу. Любая помощь — иголка, нитки, старое тряпье, картофельные очистки и т.п. — помогала заключенному выжить.

В 1945 г. Трахманы вернулись в Ниспорены.

VI

Нам не известно, проходил ли Алексей Тулбуре формальную проверку, предусмотренную для спецконтингента проверочно-фильтрационных лагерей, и каковы были ее результаты. Однако мы знаем, что в марте 1946 г. он был «расконвоирован из лагеря 0302 и, как служивший в армии противника, был передан на работу в Кизеловский горкомхоз с зачислением на с/поселение в Кизеловский район на 6 лет» (НАРМ: Д. 18. Л. 2). Очевидно, какую-то проверку Алексей прошел, и прошел ее успешно — ничего, кроме «служил в армии противника», за ним не числилось (Там же: Л. 17). Он фактически был выпущен из лагеря и отправлен на спецпоселение. Режим спецпоселения предусматривал периодическую регистрацию в спецкомендатуре и запрет покидать место

проживания без разрешения коменданта²⁵. Таким образом, прошедшие проверку заключенные из спецконтингента лагеря № 0302 не только отправлялись в «кадр угольной промышленности», в охрану лагерей и на фронт, но и переводились в категорию спецпоселенцев.

Алексей работает «на свободе» 9 месяцев и в декабре 1946 г. «совершает побег из места с/поселения» (НАРМ: Д. 18. Л. 2). Это мы узнаем из материалов личного дела Алексея Григорьевича Тулбуре, которое хранится в Национальном архиве Молдовы. Именно из материалов этого дела нам удалось узнать и номер лагеря, в котором содержались Алексей и его братья²⁶.

VII

В феврале 1947-го кишиневское милицейское начальство (нач. Кишиневского ГОМ²⁷ МВД подполковник Лебедев) направляет на адрес Ниспоренского РО МВД²⁸ «Отношение Начальника Кизеловского ГОМ МВД Молотовской области о розыске дезертира Тулбуре А. Г. для производства розыска».

²⁵ Спецкомендатура — низовое звено системы управления спецпоселениями ГУЛАГа, которое в лице коменданта и его помощников осуществляло надзор за жизнедеятельностью спецссыльных. На всех спецпоселенцев, достигших 16-летнего возраста, были заведены личные дела. Они являются одним из документальных воплощений тотального контроля, установленного в отношении репрессированных, и на сегодняшний день представляют ценный исторический источник. Личное дело спецпереселенца Алексея Тулбуре, вероятно, находится в ПермГАНИ. Только в Кизеловском районе было около 30 спецкомендатур, а во всей области в 1952 г. — 123.

²⁶ Розыск «дезертира» (неявка на работу расконвоированного спецпоселенца считалась дезертирством), переписка различных структур МВД, запросы в адресные столы и бюро, донесения секретных агентов, разного рода *отношения* и другие документы «произвели» личное дело Алексея Григорьевича Тулбуре. См.: (НАРМ: Д. 18. Л. 1–18). Лагерные дела Алексея я не видел, они, как и дела других заключенных, вероятно, находятся в архивах г. Пермь.

²⁷ Городской отдел милиции.

²⁸ Районный отдел МВД.

В *Отношении* помимо общих сведений (*был расконвоирован в марте 1946-го, определен на работу в горкомхоз г. Кизела, переведен на спецпоселение, покинул место поселения в декабре 1946 г.*) содержится информация о родственниках беглеца, проживающих в Ниспоренах, и просьба «установить (местонахождение. — А. Т.), после чего арестовать и этапировать в распоряжение Кизеловского ГОМ МВД Молотовской области» (НАРМ: Д. 18. Л. 2 об.).

Из материалов «личного дела» становится ясно, что Ниспоренский РО МВД очень активных розыскных мероприятий не проводил. Беглый спецпоселенец Тулбуре, видимо, особой опасности не представлял. Тут также необходимо отметить, что на первую половину 1947 г. пришлось самые страшные месяцы голода в Бессарабии (МССР), спровоцированного налоговой политикой (госзаготовки) советской власти. В результате этой политики советского правительства у крестьян в Бессарабии (и в некоторых других регионах СССР) в условиях засухи и, соответственно, низких урожаев отбирались последние запасы питания, что обрекло десятки тысяч человек на голодную смерть. Во второй половине 1947 г. республика приходила в себя после голода. Очевидно, у милиции, в том числе Ниспоренского района, были совсем другие приоритеты.

До декабря 1947 г. (по материалам «дела») Ниспоренский РО МВД по розыску Алексея Тулбуре пред-

принял только одно действие — сделал запрос в адресный стол с просьбой сообщить, не проживает ли оный в Верхних Ниспоренах. Ответ был получен 10 марта 1947 г. о том, что «сейчас не проживает» (Там же: Л. 4).

План агентурно-оперативных мероприятий по учетно-розыскному делу на Тулбуре Алексея Григорьевича утверждается в декабре 1947 г. и содержит следующие пункты:

«1. Через агентурно-осведомительную сеть агентов “Цыганка” и “Счастливого” установить все родственные связи Тулбуре на территории Ниспоренского района, так как он может скрываться у родственников.

2. Поручить участковым уполномоченным озадачить доверенных лиц на предмет выявления возможного укрытия Тулбуре А. Г.

3. Завербовать одного из родственников Тулбуре А. Г. и направить его на выявление возможного его проживания» (Там же: Л. 9).

В декабре пошли донесения местных «агентов». Вот донесение агента по кличке «Цыганка»: «Примерно одну неделю назад мне пришлось выпивать вино с матерью гр. Тулбуре Алексея Г., жительницы села Ниспорены. Звать ее Ирина, и в разговоре она мне рассказала, что ее сын вместе с другими²⁹ сбежал из Молотовской области. Ирина мне проговорила, что она посылала ему посылку,

²⁹ Из материалов дела нам известно имя одного из сбежавших вместе с Алексеем Тулбуре — Зубку Андрей Филиппович (НАРМ: Д. 18. Л. 12).

но посылка почему-то вернулась. Адрес мне не известен...» (Там же: Л. 5).

В другом донесении «Цыганка» дает список родственников А. Тулбуре. В этом списке есть и старший брат Алексея Василий Тулбуре, который на момент донесения занимал пост зампреда Ниспоренского сельского совета³⁰.

В донесении от 25 декабря 1947 г. «Цыганка» пишет, что через мать Алексея Ирину ей удалось достать конверт с адресом, по которому находится Алексей. В этом конверте якобы было письмо Алексея к матери. Письмо датировано 10 октября 1947 г. По словам осведомителя, Ирина просила про письмо никому не говорить, она также сказала, что готовит для сына посылку (Там же: Л. 7). Адрес был следующим: г. Молотов (областной), п/я 381ж, Тулбуре Алексею Григорьевичу (Там же: Л. 8).

Через два дня, 27 декабря Ниспоренский РО МВД отправляет в адресное бюро г. Молотова Молотовской области запрос с просьбой информировать, не проживает ли Алексей Тулбуре по адресу, указанному на упомянутом конверте, сообщая, что ранее он проживал в г. Кизел той же области (Там же: Л. 10).

Ответ Молотовского адресного бюро датирован 14 января 1948 г. В нем

сообщается, что Тулбуре А. в учетах бюро не значится, а п/я 381ж — это колония УИТЛК³¹ в г. Молотове (Там же: Л. 15). Это указывает на то, что письмо Алексея от 10 октября пришло из тюрьмы. Видимо, этот ответ Молотовского адресного бюро добрался до Ниспорен не в январе, а позже, потому что розыскные мероприятия Ниспоренского РО МВД в отношении А. Тулбуре продолжались еще несколько месяцев. Например, агент «Иванов», как и предыдущие осведомители, получает от начальника Ниспоренского РО МВД капитана Евдокимова задание на установление родственных связей и местонахождения бежавших из спецпоселения Андрея Зубку и Алексея Тулбуре в январе 1948 г. (Там же: Л. 12).

В феврале 1948 г. в донесениях осведомителей появляется информация, добытая от родственников Алексея Тулбуре, которая должна была поступить в Ниспоренский РО МВД из официальных источников. Осведомитель «Счастливый» сообщает о том, что в разговоре с женой А. Тулбуре он выяснил, что ее муж за побег из лагеря для военнопленных (так в донесении. — А. Т.) осенью 1947 г. был осужден на 6 лет лишения свободы (Там же). В другом донесении этот же осведомитель говорит о том, что видел письмо, которое А. Тулбуре прислал жене, и в нем упоминался Соликамский район Молотовской

³⁰ Василий был мобилизован в РККА в 1941 г. Воевал, был ранен. Вернулся в Ниспорены после войны. В 1946 г. женился на Марице Яким. Марица в 1944 г. находилась в составе партизанского отряда, действовавшего в 1944 г. в ниспоренских лесах. К партизанам Марицу привела радистка отряда Вера Бабурина. Марица за участие в партизанском движении была отмечена советскими правительственными наградами.

³¹ Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) — территориальное подразделение ГУЛАГа, дислоцировавшееся в областном или краевом центре СССР в 1930–1950-е гг.

области, из чего осведомитель дела-ет вывод, что А. Тулбуре находится в лагере в г. Соликамск (Там же: Л. 13).

Последнее агентурное донесение датировано 8 апреля 1948 г., автором его является агент «Куручка». «Куручка» пишет, что ему (ей?) удалось выяснить, что бежавший со спецпоселения Алексей Тулбуре «дорогой был задержан и находится в тюрьме. Жена Тулбуре зимой 1947 года получила из тюрьмы письмо, чтобы ему прислали теплые вещи» (Там же: Л. 16).

Постановление о прекращении розыска Алексея Тулбуре и о передаче дела в архив начальник Ниспоренского РО МВД капитан Евдокимов подписывает 10 мая 1948 г. (Там же: Л. 17).

VIII

Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют очень точно воспроизвести хронологию побега Алексея Тулбуре со спецпоселения. Однако с большой долей вероятности мы можем утверждать, что Алексей и другие беглецы были довольно быстро задержаны и большую часть 1947 г. находились в тюрьме. В какой, мы пока не знаем. Осенью этого же года Алексей Тулбуре был осужден за побег на 6 лет лишения свободы (Там же: Л. 12).

Алексей уже получил срок за побег, а Ниспоренский РО МВД свыше полугода его еще «разыскивал» в подведомственном районе. Это указыва-

ет либо на межведомственную неразбериху, либо на то, что учреждения ГУЛАГАа не всегда уведомляли органы МВД о «попавших» к ним беглецах, объявленных в розыск.

Где и как сидел 6 лет Алексей Тулбуре начиная с 1947 г., мы узнаем тогда, когда получим доступ к его личным делам, находящимся в архивах г. Пермь. И тогда мы дополним эту историю. Сегодня другой информации нет, расспросить деда в свое время мне не хватило ни времени, ни ума.

Домой, в Ниспорены, Алексей Григорьевич Тулбуре вернулся осенью 1953 г., и в его лагерном сидоре были ботинки 25-го размера для его маленького сына. Для сидевшего в лагере отца время остановилось. Сыну было уже 11 лет.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАПК — Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р-1366. Оп. 1. Д. 104.

НАРМ — Национальный архив Республики Молдовы (НАРМ). Ф. 3397. Оп. 7.

ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 11. Д. 163.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Политические репрессии... 2004 — Политические репрессии в Прикамье 1918–1980-е гг. Сборник документов и материалов. Пермь, 2004.

Prizonieri... 2013 — Prizonieri de război români în Uniunea Sovietică: Documente 1941–1956. București: Monitorul Oficial R. A., 2013.

BESSARABIAN STORY, OR THE FATE OF ALEXEI TULBURE, A MEMBER OF THE SPECIAL
CONTINGENT OF CAMP NO. 0302

Tulbure Alexey S. — master of history, Director of the Institute for oral history of
Moldova (Moldova)

Key words: family memory, Bessarabia, Soviet Moldova, repression, deportation,
Sovietization, World War II.

Abstract. One of human destinies can be traced on the basis of archival documents
and sources of personal origin in the context of the great history of the
20th century.

REFERENCES

*Politicheskie repressii v Prikam'e 1918–
1980-e gg.* Sbornik dokumentov i materialov.
Perm', 2004.

*Prizonieri de război români în Uniunea Sovietică:
Documente 1941–1956.* București:
Monitorul Oficial R. A., 2013.

А. В. Шубин

НЕФОРМАЛЫ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Ключевые слова: перестройка, неформальное движение, Клуб социальных инициатив, «Память», ФСОК, «Община», «Народный фронт».

Аннотация. В статье рассматривается история политической неформалов — сети легально действующих общественно-политических организаций второй половины 80-х гг. Рассматривая их становление, первые кампании, расколы и уход с авансены общественного движения, автор делает вывод, что именно политические неформальные организации второй половины 80-х гг. стали создателями современного гражданского общества в России и оказали важное воздействие на процесс перестройки и, следовательно, современную политическую культуру России.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-134-156

Когда в СМИ и учебниках речь заходит о перестройке, то, как правило, говорится о политике Горбачева как источнике изменений этой эпохи. И лишь ближе к концу истории является новый герой Ельцин, который могучей дланью поворачивает колесо истории России в сторону ее современного состояния. Однако без десятков тысяч людей на улицах советских городов Ельцин не имел шансов на успех в борьбе с КПСС, да и весь ход перестройки был бы другим.

В 1985 г. СССР в политическом отношении напоминал снежную пустыню, среди которой возвы-

шался ледяной монолит КПСС. Диссидентское движение было подавлено, и только глубоко под снегом журчали незримые ручейки. Уже через пять лет на этом пространстве расцветало множество цветов самых разных расцветок. В стране возникло то, что называется гражданским обществом — система самостоятельных от государства и капитала общественных структур. Эту работу проделали политические неформалы.

Перестройка не была результатом только импульсов сверху. Она была двусторонним процессом, в котором импульсы сверху и снизу были одинаково важны.

© А. В. Шубин, 2020

Шубин Александр Владимирович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); historian905@gmail.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕФОРМАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Первоначально неформалами называли неконтролируемые партией и государством общественно-культурные молодежные инициативы и течения, такие как панки и хиппи. В дальнейшем на авансцену общественного движения вышли политизированные группы, и слово «неформалы» перешло на них. В дальнейшем мы будем говорить об общественно-политических неформалах.

От социально-культурных неформальных движений 50–70-х гг. политические неформалы отличаются своей политизированностью, которая не могла проявиться до второй половины 80-х гг. До 1986 г. политизация вела либо к репрессивному разгрому, либо к вытеснению в диссидентскую сферу с ее правилами и ограничениями. Так что исторически явление политических неформалов могло возникнуть только во второй половине 80-х гг., когда несколько снизился уровень репрессивности. Теперь за высказывание оппозиционных идей уже не отправляли в лагерь, но вполне могли выгнать с работы или из института, что означало запрет на профессию.

Став новым для СССР общественным явлением, политические неформалы имели ряд важных отличий как от предшественников, так и от последующих общественных генераций.

В отличие от диссидентов, неформалы, если рассматривать их как явление в целом, обнаруживают очень мало «табу» и этически окрашенных ограничителей. Несмотря на то, что

каждая неформальная группа имела свои мифы, стереотипы и «табу», общего идеологического контура практически не существовало (за исключением общих с диссидентами принципов ненасилия, разделявшихся большинством). В неформальной среде довольно спокойно общались «демократы», «патриоты», анархисты, монархисты, коммунисты, социал-демократы и либерал-консерваторы различных оттенков. Первоначально группирование неформалов происходило совсем не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — защитники памятников, педагоги, экологи и др.

Отношения основной части неформалов и их меньшинства, наследовавшего взгляды диссидентов, были натянутыми. Неформалы затем, как правило, скептически относились к Демократическому союзу, стремившемуся наследовать диссидентам. Характер отношений неформалов и бывших диссидентов характеризует полемика Д. Волчека — редактора «Митина журнала» и ленинградских неформалов. Д. Волчек обвинял неформалов в нерешительности, локальности требований, «стремлении выстроить свои органы по уже существующей советской бюрократической схеме», в «губительной тяге к компромиссам», «желании любой ценой, в том числе и ценой прямого раскола, отгородиться от правозащитного движения» (По страницам самиздата 1990: 51). Е. Зелинская, редактор журнала «Меркурий» отвечала ему: «Говорить о расколе между никогда не сливавшимися движениями также некорректно, как сообщать о разводе двух людей, не только не состоявших в браке ранее,

но говорящих на разных языках» (Там же: 58).

Вопреки мнению авторов, которые пытаются вывести генеалогию политических неформалов 1986–1988 гг. из диссидентского движения¹, большинство лидеров неформальных групп (в том числе в Москве и Ленинграде) не имело опыта оппозиционной деятельности до 1985 г. Число диссидентов, которые уже в 1986–1987 гг. приняли участие в строительстве политического неформального движения, крайне мало. Прежде всего люди с оппозиционным опытом группировались в семинаре «Демократия и гуманизм» (В. Новодоворская и др.). А. Подрабинек, Л. Тимофеев и С. Григорьянц занялись перезапуском самиздата. Но для большинства неформалов эти люди были чужаками, которых тогда было принято критиковать за грубую «антисоветчину», противостоявшую перестройке. «Своими» смогли быстро стать приверженные социалистическим идеям участники дела «молодых социалистов» Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин, а также Г. Павловский и В. Игрунов. За ними, правда, тянулся шлейф доперестроечных конфликтов, повлиявший и на атмосферу в неформальных структурах, в которых они участвовали². Но в таких крупных неформальных сетях, как Федерация социалистических общественных клубов, Заочный социально-политический клуб, Социально-экологический союз, преобладали другие люди. Это были, во-первых, участники допере-

строечных неполитических неформальных движений, во-вторых — создатели маленьких подпольных левацких групп, вдохновленных вовсе не диссидентством, а чтением доступной марксистской и революционно-демократической литературы, в-третьих — коммунисты-ревизионисты (иногда — с партбилетом КПСС), желавшие активизировать перестройку, и только в-четвертых — неортодоксальные диссиденты, к которым примыкали более молодые люди, резко отрицательно относившиеся к советскому строю, читавшие самиздат и тамиздат, но прежде не участвовавшие в общественной деятельности в силу возраста.

Неформальное движение в целом вовсе не было изолировано от советского общества и не противопоставляло себя ему. Для неформального движения было характерно стремление к социальному творчеству, горизонтально-сетевая структура, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное «делание» при большом интересе к тому, как конкретно можно преобразовать общество.

В 1986–1987 гг. по всей стране возникали десятки политизированных неформальных клубов, официально выступавших в поддержку перестройки. Для многих активистов это был только первый шаг в борьбе с существующим режимом за коренное преобразование общества. Не зная о существовании других подобных клубов, участники первых неформальных организаций ориентирова-

¹ См., например: (Сигман 2014: 56–58). К. Сигман даже пытается вывести «основу будущего неформального движения» из попыток инакомыслящих В. Игрунова и Г. Павловского наладить диалог с властью.

² Подробнее см. (Шубин 2006: 17–18).

лись на то, что им предстоит сагитировать чуть ли не всю страну. В этих условиях особое значение приобрели организации, стремившиеся создать для начала сеть из разрозненных и полуподпольных политических кружков.

Такой работой целенаправленно занимался Клуб социальных инициатив (КСИ). В отличие от лидеров других группировок, появившихся в это время, инициатор КСИ Г. Пельман поставил своей задачей не убедить остальных в своей правоте, а перезнакомить неформалов между собой. И здесь возникает тема административной «крыши» первых неформальных групп, из наличия которой соблазнительно сделать вывод об их управляемости сверху.

Через свои контакты с академиком Т. Заславской — президентом Советской социологической ассоциации (ССА), Пельман сумел получить доступ к зальчику на Арбате, где КСИ проводил круглые столы, на которых выступавшие говорили «кто во что горазд» — ведь раньше можно было высказываться только в узком кругу знакомых, а теперь — публично³. 12 мая 1987 г. КСИ стал коллективным членом ССА, получив таким образом официальный статус и роль «канала» к реформистским «верхам» — через президента ССА Т. Заславскую.

Характер отношений неформалов с реформистами в руководстве страны был противоречивым. Французская исследовательница К. Сигман пишет о нем: «Неформалы по боль-

шому счету являются оппозиционерами, надеются изменить систему, и некоторые надеются сделать это с помощью тактического сговора с реформистским крылом партии. Тем не менее подобные взаимодействия делают их уязвимыми по отношению к некоторым акторам политического пространства. Поэтому они должны постоянно демонстрировать независимость, непокорность своим союзникам» (Сигман 2014: 38). Впрочем, и Заславская не проявляла заметного желания «управлять» неформалами. В результате контакты с «верхами» по этому каналу сводились к информированию и по своему характеру были равноправными. Стремясь защищаться от возможных репрессий, часть неформалов на этом этапе была заинтересована в установлении таких контактов даже в большей степени, чем высокопоставленные реформаторы.

КСИ установил контакты с несколькими неформальными организациями: «Перестройкой», «Общиной», Прибалтийском клубом социально-активных людей (КСАЛ), Заочным социально-политическим клубом, «Гражданским достоинством». Это привело к формированию целой сети контактов между неформалами.

Другой площадкой, где могли знакомиться и высказываться неформалы, стал клуб «Перестройка», проводивший дискуссии в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ). Фактически «Перестройка» возникла на заседании клуба друзей «ЭЖО» (экономический журнал, пользовавшийся популярностью

³ Подробнее см. (Там же: 37–42).

у либерально-коммунистической интеллигенции) в феврале 1987 г., в котором приняли участие сотрудник Центрального экономико-математического института В. Перламуртов, экономист-коммунист Е. Гайдар, ленинградцы П. Филиппов, В. Монахов и др.

В. Перламуртов договорился о предоставлении помещения для клуба в его институте, и ЦЭМИ стал одним из центров общественной жизни. Публика не собиралась удерживаться в академических рамках. Ведь она получила место, где можно говорить обо всем, что наболело. Гайдар «охладел» к клубу, другие видные либерально-коммунистические деятели заходили на заседания как почетные гости, но именно гости, а не руководители.

Приглашали видных ученых и публицистов: Б. Курашвили, М. Айвазяна, В. Данилова-Данильяна, Н. Петракова, И. Клямкина и др. Послушать их собиралось до 300 человек, которые участвовали в обсуждении услышанного. Рассказывает завсегда «Перестройки» В. Прибыловский: «На “Перестройке” заметно проявлялось то, что потом стали называть “демшиза”. Туда ходило много людей, которым не хватает общения — сейчас они все в интернет-чатах сидят. А президиум, куда более разумный, пытался это регулировать. Я чувствовал, что это — атмосфера якобинского клуба, когда он только зарождался»⁴.

Одновременно с москвичами действовали и ленинградские «друзья

ЭКО». П. Филиппов и В. Монахов инициировали в мае 1987 г. создание «Перестройки» в Ленинграде.

В Ленинграде, городе, перенасыщенном оппозиционно настроенной интеллигенцией, быстрее, чем в Москве, начался характерный для перестройки процесс «размножения делением» организаций. В это время в городе уже возник крупный неформальный центр — в начале года при литературном Клубе-81 возник Совет по экологии культуры, в котором участвовали культурозащитные и экологические группы («Спасение», «Дельта», редакция журнала «Меркурий» и др.). «Перестройка» также стала участвовать в Совете, претендуя на политическое лидерство. Однако выяснилось, что вся эта система состоит из людей разных взглядов и темпераментов. В апреле 1987 г. из Совета выделился более политизированный «Эпицентр». «Перестройка» одно время пыталась политически руководить «культурниками», но вскоре выяснилось, что в рядах «политиков» тоже нет единства. Обсуждение консолидации общественного движения в «Перестройке» и вокруг нее кончилось скандалом в конце августа 1987 г. Выделилась более радикальная «Рабочая группа Культурно-демократического движения», которая обвиняла «Перестройку» в соглашательстве. Аналогичный процесс назревал и в Москве.

К осени 1987 г. во всех крупных клубах Москвы (КСИ, «Перестройка», «Община») возникли похожие проблемы. Группы стали уже достаточно

⁴ Прибыловский В. Беседа с автором. 2 апреля 1994 г.

многочисленными и деятельными. Им было мало одних дискуссий, количество контактов и людей росло. Группы стали почковаться на секции, занятые «практическими делами». В результате между секциями стало ослабевать взаимодействие, они не очень хорошо знали о работе друг друга и обвиняли друг друга в бездействии. Если КСИ распался тихо, а «Община» после кризиса во время «дела Ельцина» смогла сохраниться, то «Перестройка» шумно раскололась в ноябре 1987 г. на «Демократическую перестройку» и «Перестройку-88», радикальный актив которой затем вошел в Демократический союз.

При этом из «Перестройки» выделилось несколько проектов, ставших самостоятельными организациями. Так начинались общество «Памятник» (затем «Мемориал») и Межклубная партийная группа, к 1990 г. выросшая в «Демократическую платформу в КПСС».

КСИ и «Перестройки» были прежде всего столичными. Но и в провинции возникла сеть контактов политических активистов — Заочный социально-политический клуб (ЗСПК). В 1986 г. оренбургский инженер А. Сухарев создал сеть обсуждения общественно-политических проблем по переписке в 50 человек, которая в дальнейшем выросла до нескольких сотен адресов. Переписка была организована «таким образом: один излагает свою точку зрения в виде статьи, краткого письма, следующему; тот — третьему, и так далее. В результате, письмо, пройдя цепочку адресов, превращается в рукописный журнал» (*Кузнецов* 1990: 40). Эта си-

стема была похожа на интернет-дискуссию, только медленные. Теперь люди могли поделиться идеями, которые вынашивались годами в безнадежном политическом вакууме. Все эти идеи, первоначально удивительно похожие из-за общности марксистско-ленинского источника, столкнулись в острой дискуссии.

Часть быстро находящих между собой взаимопонимание людей стало формировать в ЗСПК марксистско-ленинское ядро (центрами этой тенденции стали Киев, где переписку координировал И. Купка, а затем Москва). Небольшое количество старых членов ЗСПК, включая Сухарева, вышли за рамки марксизма-ленинизма. В августе 1987 г. заочный клуб переименовался более серьезно — во всесоюзный (ВСПК).

Политические неформалы с недоверием относились к бывшим диссидентам, сохранившим открыто антисоветские взгляды, и к националистам. В результате у ядра неформалов сложились натянутые отношения с организациями «Демократия и гуманизм» и «Память».

В 1987 г. по инициативе участниц диссидентского движения Е. Дебрянской и В. Новодворской возник правозащитный семинар «Демократия и гуманизм». «Демократия и гуманизм» стала основным наследником диссидентского движения в неформальной среде. Несмотря на участие в семинаре группы молодых «младомарксистов» (А. Грязнов, А. Элиович и др.), основное направление пропаганды семинара было либеральным в собственном смысле слова. Летом 1987 г. участники

семинара попробовали провести несколько уличных акций. Но они были малочисленными (10–20 участников) и либо напоминали прогулки по Тверскому бульвару, либо пресекались милицией. Как правило, в присутствии милиции Новодворской и ее товарищам удавалось агитировать прохожих лишь несколько минут. Так сформировался их митинговый стиль — разъяснение своей программы окружающим гражданам не так важно, митинг ориентирован на демонстрацию радикально-либеральных лозунгов (плакатов вроде «Долой КПСС!»), после которой милиция «задерживала» смутьянов, доказывая на практике тем самым репрессивный характер режима.

«Демократия и гуманизм» стал организационным ядром первой крупной неформальной организации, которая 8 мая 1988 г. провозгласила себя партией «Демократического союза» (ДС). Партия (точнее протопартия, причем первая, как мы увидим), программой которой стала многопартийность как таковая, бескомпромиссно критиковала тоталитарный режим КПСС, октябрьский переворот 1917 г. и выдвинула наиболее радикальные формулировки либеральной программы: «Сложившийся за 70 лет советский общественный строй характеризуется следующими реалиями: жесткой идеологической однозначностью, хронической бедностью населения, закрытостью общества, безраздельным господством партаппарата КПСС, преследованием инакомыслящих и бесправием народа.

Предлагаемые нами реформы приведут к замене этих реалий качест-

венно иными: парламентской демократией, плюрализмом, свободной от бюрократического диктата экономикой с допущением частной собственности на средства производства и возможностью свободной агитации за иной общественный порядок» (Демократический союз 1988).

I съезд ДС проходил 7–9 мая в Москве, а затем в Кратово. ДС стал постоянным «политическим раздражителем», классическим образцом «политического экстремизма» времен перестройки, когда верхом экстремизма считалось не применение оружия (ДС до 1991 г. категорически выступал за ненасильственный характер своей борьбы), а демонстративное непризнание существующего режима и его законов. Принципы ДС были просты и вполне соответствовали настроениям общедемократической общественности, но были сформулированы в гораздо более радикальной, шокирующей форме.

Особняком в неформальном движении стояла «Память». Она вызывала отторжение у большинства неформалов своими ксенофобскими шовинистическими лозунгами (борьба с «сионо-масонским заговором» в КПСС и во всем мире).

Всесоюзную известность «Память» приобрела после демонстрации в Москве 6 мая 1987 г. Объединение «Память» стало первой неформальной организацией, которая смогла провести в столице настоящую несанкционированную демонстрацию, хотя и не оппозиционную. Поводом стала выставка проектов памятника на Поклонной горе.

Набрав «критическую массу» в несколько сот человек на Манежной площади, где проходила выставка, колонна патриотов и любопытствующих двинулась по ул. Горького к Моссовету. Во главе колонны развевался красный флаг. Милиция получила указание не препятствовать выступлению, движение по улице было перекрыто. Когда демонстрация дошла до здания Моссовета, ее пригласили внутрь. Там с демонстрантами встретился первый секретарь горкома КПСС Б. Ельцин. Он согласился, что в прежние годы было разрушено множество памятников истории и культуры, но утверждал, что теперь положение изменилось. Обсуждалась необходимость обеспечения конституционного права на митинги и демонстрации.

После акции началась кампания травли «Памяти» в прессе, которая принесла ей дополнительную известность и популярность в среде националистической общественности.

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Возникновение и выход из подполья десятков общественно-политических организаций неизбежно вел к возникновению политического поля — системы взаимодействующих политических организаций различных идеологических направлений. Собственно, именно этого поля не хватало в СССР, чтобы возникло полноценное гражданское общество. Его элементы уже возникли, но в единую систему их могло соединить только политическое поле.

Большинство неформальных организаций осознавало, что заметного успеха их направление может добиться только в союзе с родственными группами по всей стране. Поэтому общественные клубы вели борьбу за собрание (как правило, вокруг себя) коалиций и объединений с прицелом на создание всесоюзных организаций.

20–23 августа в ДК «Новатор» под эгидой Черемушкинского и Севастопольского райкомов КПСС прошла Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в Перестройке» (такое сложное название было выбрано, чтобы избежать опасного для властей понятия «конференция», которая могла бы что-то учредить). Собрались представители 50 клубов из 12 городов — в зале сидело более 300 человек. Участники не знали, повторится ли возможность вот так «вывалить наболевшее» перед публикой.

«Августовская встреча производила впечатление нереальности того, что происходит. Такого не может быть. Слишком много свободы, люди раскованно говорят»⁵, — вспоминает П. Кудюкин. Иные ощущения были у С. Станкевича, присутствовавшего здесь в качестве молодого коммуниста: «Там было много такого, что казалось какой-то нелепостью, аномалией, чем-то несерьезным и экстравагантным. Я не почувствовал, что есть некая политическая сила, которая может чего-то достичь. Но в то же время целый ряд выступлений, оценок, интерпретаций показались очень интересными»⁶.

⁵ Кудюкин П. Беседа с автором 23 сентября 1994 г.

⁶ Станкевич С. Беседа с автором 10 июня 1993 г.

«Интригой первого дня встречи было: давать ли слово Новодворской. Социалисты говорили, что нас всех прихлопнут и закроют. Она же с ее сторонниками — объективные провокаторы. На что мы начали возражать: “Демократы мы в конце концов или не демократы. Ей нужно дать слово. А как же иначе мы будем с ней спорить”»⁷.

«Вышла Валерия Ильинична Новодворская и начала гвоздить КПСС. И затем продолжает: “Тут создается секция политклубов. Мы, семинар “Демократия и гуманизм”, намерены записаться в эту секцию. Нам нужны помещения, чтобы проводить в них собрания”. С места ей кричат: “Вам дадут помещения!” Но Валерия Ильинична проигнорировала эту ремарку: “Что же, мы так собрались и разойдемся? Предоставим возможность партократам поплясать на наших костях? Я предлагаю провозгласить это заседание Учредительным собранием России!” Гриша Пельман, который упрасивал представителей парторганов предоставить под это дело помещение, не знал, куда деваться. Если эта толпа вдруг провозгласит себя учредительным собранием, посадят одного»⁸. Несмотря на то, что неформалы в большинстве своем не одобряли речи Новодворской, но они голосовали за то, чтобы «экстремисты» продолжали говорить. Это было пока непривычно и потому интересно.

«Идею самопровозглашения себя Учредительным собранием почти никто

не поддержал, но и расходиться просто так неформалы не хотели. Пора было создавать “большую организацию”. Поскольку мнения были самые разные, то решили создать специальную группу для выработки решения. Эта группа скоро распалась на две. Одна — мы с Кагарлицким — решила создать Федерацию социалистических общественных клубов (ФСОК). Мы заготовили резолюцию, частично переписав ее из декларации “Общины”. Тактическая часть о КПСС была прописана Кагарлицким»⁹, — рассказывает А. Исаев.

Декларация ФСОК стала компромиссом между идеями «общинников» и левых марксистов (прежде всего Б. Кагарлицкого). В Декларации ФСОК множество текстуальных совпадений с декларацией «Общины», но первая более умерена и не ссылается на народнических авторитетов. Идеологи ФСОК пророчески утверждали: «Вопрос победы перестройки является вопросом жизни и смерти социализма в СССР»¹⁰.

Также на встрече была провозглашена общедемократическая Ассоциация «Кольцо объединенных инициатив», которая так и осталась идеей. Но идея общедемократической (не только социалистической, лишенной определенной идеологии) организации имела большое будущее в 1989–1990 гг.

Встреча заканчивалась в ощущении изнеможения от наговоренного. «Ког-

⁷ Кудюкин П. Беседа с автором.

⁸ Исаев А. Беседа с автором 5 апреля 1999 г.

⁹ Исаев А. Беседа с автором.

¹⁰ Архив Шубина А. В. Ф. 1987. Декларация Федерации социалистических общественных клубов.

да все заканчивалось, вообще все, слово брал Жириновский и при свете гаснущих ламп уходящим людям что-то вещал. И, в отличие от нынешних времен, мало кто его слушал»¹¹, — вспоминает В. Гурболиков.

ФСОК стала первой в стране всесоюзной политической организацией с оппозиционной идеологией, существовавшей вполне легально. Первоначально в нее вошли «Община», КСИ (реально участвовала только группа Кагарлицкого «Социалистическая инициатива»), Московская группа ВСПК, московская и ленинградская «Перестройки» (реально участвовала только небольшая группа московских «перестройщиков»), «Лесной народ» (близкая по взглядам к «Общине» педагогическая группа, лидеры которой вскоре присоединились к «общинным социалистам»), «Альянс» (молодежная секция ФСОК, созданная «Общиной»), несколько интернациональных бригад (молодежных групп, специализирующихся на интернациональной работе), педагогическая группа Юные коммунары-интернационалисты, клубы «Альтернатива» из Архангельска и «Планета» из Оренбурга и еще несколько клубов, позднее фактически не участвовавших в работе ФСОК. До конференции ФСОК был создан оргкомитет Федерации, которым фактически руководили демократический марксист Б. Кагарлицкий и анархист из «Общины» А. Исаев. В конце 1987 — начале 1988 г. ФСОК вобрал в себя десятки организаций.

1–2 мая 1988 г. ФСОК провела «слет» (слово из словаря допере-

строечных неформальных движений), на который прибыло 118 делегатов из 39 организаций общей численностью (по данным делегатов) свыше тысячи человек. Поскольку в Москве для всесоюзного форума такой организации нельзя было найти помещения, слет прошел в лесу недалеко от г. Дедовска Московской области. Главная задача слета заключалась в том, чтобы принять политическую программу и таким образом окончательно превратить ФСОК в реальную политическую организацию. «Общинники» и марксисты сумели согласовать программные документы. В то же время ни «общинники», ни левые марксисты не считали необходимым вставать в резкую оппозицию к КПСС. Их стратегия заключалась в давлении на КПСС, рассчитанном на поддержку левосоциалистических сил в партии. Поэтому программные документы ФСОК получили название «Обращение к XIX партконференции» и «Возможные предложения перестройки в СССР». Однако издания ФСОК не скрывали, что будут бороться за эти принципы независимо от того, учтет ли их КПСС.

Социалистическим идеологам ФСОК было важно совместить свои социалистические принципы (самоуправление трудящихся, коллективное распоряжение средствами производства, синдикалистский принцип делегирования при формировании системы власти) и возможности создания широкого демократического блока. Программа включала радикально сформулированные

¹¹ Гурболиков В. Беседа в автором.

требования свободы слова, печати, собраний¹².

ФСОК отказался называться партией по принципиальным соображениям — входившие в его состав «общинники» выступали против как однопартийной, так и многопартийной системы.

Новые политические организации не были партиями в классическом смысле слова, и поэтому их правильнее называть протопартиями. ФСОК была социалистической протопартией. Социалистической партией ФСОК так и не стала — в конце 1988 г. она раскололась на сторонников «Народного фронта» и неонародников (социалистов-федералистов), в дальнейшем — анархо-синдикалистов.

Кроме ФСОК и постепенно оформлявшегося в марксистско-ленинскую протопартию ВСПК в 1987 г. возникла и «зеленая» протопартия — Социально-экологический союз (СоЭС). Создателями СоЭС стали участники и союзники движения Дружин охраны природы (ДОП).

3–9 августа 1987 г. в Кавказском биосферном заповеднике Гужерипль прошла конференция, на которой было провозглашено создание СоЭС и заявлено о подготовке полномасштабной учредительной конференции крупной экологической организации.

На конференцию, которая прошла 24–26 декабря 1988 г., съехались представители 150 групп из 90 городов страны, которые приняли устав

Социально-экологического союза (СоЭС). В него вошли группы, возникшие на волне акций протеста против вредных производств. Костяк организации составили бывшие «дружинники». В кулуарах конференции по инициативе С. Фомичева был создан оргкомитет будущей партии «Зеленые». СоЭС в 1989–1990 гг. сам фактически стал партией «Зеленые» и провел 6 своих членов в депутаты.

Уход части профессионалов усилил социально-экологическое течение в СоЭС. В 1989–1990 гг. организация быстро росла за счет местных «непрофессиональных» групп, и экологическое движение добилось крупных успехов (решения об остановке строительства ГЭС, АЭС и химзаводов, канала Волга-Чограй и др.).

Города России, Украины и Белоруссии отставали в формировании политического поля от Москвы и Ленинграда на несколько месяцев. В 1987 г. в нескольких городах возникли активные неформальные группы, но только в 1988 г. и в провинции возникли свои «политические спектры», в целом соответствовавшие спектру в столицах, хотя и со своими особенностями.

Так, в Апатитах 26 июня 1987 г. на базе Полярного геофизического института было создано Добровольное общество содействия перестройке. Первоначальная численность — 8 человек, которые пропагандировали общедемократические и социал-демократические идеи. В июле 1988 г. общество попробовало участвовать в местных выборах, с октября — проводило ми-

¹² Подробнее о ФСОК см. (Шубин 2006: 117–119, 151–163, 241–250).

тинги. В 1989 г. при поддержке движения был избран депутат СССР А. Оболенский.

В Барнауле осенью 1987 г. несколько полуподпольных групп приняли участие в инициированной экологами кампании против строительства Катунской ГЭС. Экологи включились в работу СоЭС, а политики создали Политцентр, в который вошли: группа студентов-историков «Устная история», группа «творческой молодежи» «Авангард», «Движение 5 мая» (студенты-экономисты, критиковавшие КПСС с марксистско-ленинских позиций), «Красные неформалы» (сторонники «военного коммунизма»). В 1988 г. Политцентр подключился к кампании «Мемориала» и протестам против номенклатурного подбора кандидатов на партконференцию. Марксисты-ленинцы ушли из Политцентра, создав коммунистическую группу «25 октября». Демократы создали более широкое общедемократическое «Общество активных сторонников перестройки».

В Красноярске еще в 1983 г. друзья Н. Клепачева, уволенного с работы за критику, стали бороться за его восстановление на работе. В мае 1987 г. они создали «Комитет за реабилитацию Н.А. Клепачева», который в 1988 г. добился победы — Клепачев был восстановлен на работе. Тогда организация была переименована в Комитет содействия перестройке, КСП. Комитет боролся за демократизацию жизни в трудовых коллективах, против злоупотреблений должностных лиц, направлял письма с критикой местных властей, за что подвергся «проработке» в прессе. КСП проводил митинги

(первоначально в союзе с экологами, затем — на общедемократической основе). Лидер КСП В. Масанский был исключен из КПСС. Комитет вошел во ФСОК. Затем вместе с политклубом «Отечество» (существовал с 1986 г.) и экологами КСП вошел в краевую ассоциацию политклубов, затем — в общедемократическое движение.

Демократическое движение в Свердловске около года представляла группа «Митинг-87» (названа в честь митинга в защиту Ельцина). Она объединяла ельцинистов и членов ДС, проводила митинги против сталинизма и произвола номенклатуры КПСС, часто разгонявшиеся. Не входившая в ДС часть членов «Митинга-87» была затем поглощена общедемократическим движением. Дискуссионной площадкой, аналогичной московской «Перестройке» был клуб «Дискуссионная трибуна», организованный Г. Бурбулисом.

К весне 1988 г. неформальное движение после бурного развития конца 1986 — начала 1988 г. столкнулось с кризисом. Ему стало тесно в кружках и клубах, которые объединяли несколько тысяч человек по всей стране. Неформалы считали, что пора познакомить с их идеями широкие слои населения. Но доступа в СМИ у неформалов не было. Выход был один — прорыв на улицу.

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ УЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Поводом для первичного выступления неформалов стал конфликт в ЦК КПСС, вызванный выступлением

Б. Ельцина 21 октября 1987 г. Официально о конфликте пока не сообщалось, и неформалы узнали о нем от знакомых журналистов.

4 ноября в их среде началась бурная дискуссия о возможности и необходимости включаться в этот конфликт. Часть лидеров неформалов во главе с Б. Кагарлицким и А. Исаевым настаивали на поддержке Б. Ельцина, часть (В. Корсетов, А. Шубин и др.) считали, что это недопустимо. Противники поддержки Ельцина настаивали на том, что, во-первых, неизвестна его программа, во-вторых, вызов большинству ЦК со стороны маломощных неформальных групп ничего не изменит и только разрушит уже освоенные направления работы. Сторонники поддержки считали, что необходимо как можно активнее участвовать в политической жизни страны, поддерживать раскольников в руководстве КПСС с тем, чтобы формирующееся гражданское движение смогло действовать в союзе с партийными оппозиционерами.

Сторонники выступления попытались добиться разрешения на легальный митинг, но неудачно. «Община» обсуждала возможность самостоятельного несанкционированного властями выступления. Результатом споров было компромиссное решение — проводится пикет и сбор подписей не в поддержку Ельцина, а в защиту гласности в деле Ельцина. 9 ноября пикет, собиравший подписи у метро «Улица 1905 г.» («общинник» В. Гурболиков и лидер ленинградской группы «Спасение»

А. Ковалев, с этого момента тесно сотрудничавший с «Общиной»), собрал вокруг себя несколько сот интересующихся людей и был задержан нарядом милиции во главе с председателем Краснопресненского райисполкома. Власти опасались дальнейшей эскалации конфликта и отпустили задержанных без последствий. Волнения студентов в защиту Ельцина произошли в МГУ¹³. По крупнейшим городам — Москве, Ленинграду, Свердловску — прокатилась волна малочисленных демонстраций и митингов.

После того, как весной 1988 г. реформаторы, воспользовавшись письмом Н. Андреевой, нанесли новый идеологический удар по консервативному крылу КПСС, начался прилив нового актива в неформальные организации. Неофиты 1988 г., которые уже в 1989 г. стали ветеранами демократического движения, в массе своей меньше интересовались конструктивной программой преобразований общества. Идеологи неформалов, чувствуя, что перед ними благодатная почва для пропаганды, принялись убеждать новичков в правоте именно их идей, а не демократически окрашенных марксистско-ленинских стереотипов. Эта работа была благодатной в среде молодежи, но взрослые люди со сформировавшимися стереотипами отмахивались от этих споров и искали действия, которые могут нанести «поражение бюрократам». В общественном движении набирали силу стереотипы, распространенные в массовом сознании со времен начала перестройки: достаточно отстранить от власти

¹³ Подробнее см. (Шубин 2006: 127–140).

нынешнюю бюрократию — некомпетентную и идеологически догматичную. Это придаст новому чиновничеству профессионализм и демократизм, готовность служить на благо народа.

Весной 1988 г. неформалы пришли к выводу о необходимости развернуть кампанию массовых демократических политических манифестаций, в которые будут вовлечены не только сами неформалы, но и люди, прежде не принадлежащие к оппозиции. Копившееся в обществе недовольство торможением реформ могло, по мысли лидеров движения, через эту кампанию оказать воздействие на политический курс.

Народ ходил по улицам, но неформалам путь туда был заказан «Временными правилами» о проведении митингов и демонстраций, которые были введены после демонстрации «Памяти» и вводившие разрешительный порядок уличных мероприятий.

Для того чтобы запустить цепную реакцию митингового протеста, нужно было провести такую акцию, которую власти хотя бы сначала не смогут разогнать. Проведение такой акции задумали лидеры «Общины» и «Гражданского достоинства».

Главным требованием несанкционированной демонстрации была сама свобода митингов как таковая — т. е. отмена «временных правил». Предлагалось устроить свободу явочным

порядком и уже в ходе митинга говорить, кто о чем хочет: излагать программы, обсуждать текущую политическую ситуацию, в том числе выборы на партконференцию. Неформалы относились к выборам на конференцию скорее как к поводу для критики КПСС. Недемократичность выборов доказывала недемократичность правящей партии.

Первая массовая демократическая демонстрация 80-х гг. была подготовлена тщательно. Участники скрытно собрались в трех местах, и в условленный час вышли на площадь перед Большим театром, где их ждали оповещенные заранее корреспонденты. Демонстранты прошли по улице Горького до Пушкинской площади, власти не решились на разгон.

Наблюдатель С. Митрохин писал: «Процессия тронулась в путь, являя притихшему обывателю центральных улиц весьма колоритное зрелище: впереди и по бокам колонны, ракообразно пятясь и неимоверно извернувшись всем телом, роятся обладатели съемочной аппаратуры. Шествие возглавляет Андрей Исаев. Вкрадчиво вышагивая и немного пригибая голову, он сжимает в своих руках древко черной хоругви¹⁴. Следом за ним, на соответствующем расстоянии от лидера 5 или 6 человек несут красное полотнище с желтыми буквами: “Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, социализм без свободы — это рабство и скотство”...

¹⁴ С. Митрохин ошибся. Из фотографий, сделанных «обладателями съемочной аппаратуры», следует, что А. Исаев нес красное знамя. Черное знамя несли «альянсисты». В своем описании Митрохин «вручил» красное знамя Исаеву ближе к концу шествия, чтобы таким образом продемонстрировать его «оппортунизм».

Затем приступаем к своеобразному политическому бадминтону. Зычный голос назойливо выкрикивает (словно подбрасывая) злободневное словцо в дательном падеже: «Перестройке!..» — и изготовившиеся партнеры парируют эту подачу немудреным и односложным «Да!!!», «Бюрократии!..» «Нет!!» «Конституции!..» «Да!!!» «Временным правилам!!!...» «Нет!!»» (Митрохин 1988).

На Пушкинской площади состоялся большой по тому времени митинг — полчаса и около тысячи людей. Настроение собравшихся хорошо характеризует выступление А. Золотаревой из «Гражданского достоинства»: «Господа, мне восемнадцать лет, но за все семьдесят лет я никогда такого не видела... Давайте споем «Интернационал!»!»¹⁵ Было решено еженедельно собираться здесь на московский «Гайд-парк».

В этот же день в Ленинграде Демократический союз собрал митинг за многопартийность перед Казанским собором. После того, как несколько участников митинга были задержаны, неформалы прошли демонстрацией до отделения милиции с пением «Интернационала» и «Варшавянки». Задержанных отпустили. Перед Казанским собором возник ленинградский «Гайд-парк».

С 28 мая митинги в московском «Гайд-парке» стали проводиться каждую субботу. Темы выступлений

были самыми разнообразными — от текущей политической ситуации и программ реформ до событий в Новочеркасске в 1962 г. Здесь пропагандировалась идея «Народного фронта». На этих митингах выступали представители большинства столичных неформальных организаций, а среди слушателей были многие известные в будущем политики, включая В. Жириновского, С. Юшенкова, С. Станкевича¹⁶. После самого митинга слушатели разбивались на множество «тусовок» и долго еще не расходились.

Площадка перед «Известиями» стала местом встречи интересующейся общественности не только Москвы, но и других городов. Люди, побывавшие в «Гайд-парке», переносили «прогрессивный опыт» домой.

«По примеру Москвы митинги стали проводиться в других городах. Здесь мы установили контакты с ярославцами, которые тоже решили организовать Народный фронт. Меня пригласили в Ярославль, и я там выступал на митинге. Народ радовался, что «человек из Москвы приехал», хотя я был совершенно никто»¹⁷, — вспоминает В. Гурболик. 8 июня был проведен первый митинг за лишение первого секретаря обкома Ф. Лощенкова мандата делегата партконференции (и он действительно был отозван). Было собрано 7000 подписей против него. 18 июня в «Народный фронт» записалось более 400 чело-

¹⁵ Видеостенограмма встречи ветеранов общественного движения в ДК «Медик». 1997. В «Общине» приведен отредактированный вариант: «Мне 18 лет, все эти годы я живу в СССР, и никогда такого не видела. Как хорошо, что это стало возможным...» (Община 1988: 20).

¹⁶ (Община 1988: 18–21; Рябов 1988; Неформалы б/д: 118; Юшенков 1990: 521–539); Материалы фильма «День откровения». Реж. Кибкало А. В. 1988.

¹⁷ Гурболик В. Беседа с автором.

век. Власти сочли за лучшее решать дискуссии «фронтовиков» и даже предоставили им помещение.

22 июня куйбышевская группа ФСОК «Перспектива» приняла участие в организации массового митинга перед обкомом, направленного против первого секретаря Муравьева. Все началось с того, что три парторганизации (университет, пединститут и аэропорт) отказали Муравьеву в доверии как делегату на партконференцию. Недовольные обкомом партийцы и неформалы из «Перспективы» создали группу в 30–40 человек, которая распространила листовки и созвала народ на митинг протеста. Самарский «Гайд-парк» перед обкомом продолжал действовать до июля, собирая по 200–300 человек, приучая людей к тому, что на митинги можно ходить и обсуждать там все, что наболело. Было собрано 5000 подписей против Муравьева. 30 июля Муравьев ушел в отставку. Это «свержение» главы обкома в ходе митинговой кампании показало неформалам их силу. В Куйбышеве начал формироваться «Народный фронт». В то же время при сохранении существующей политической системы митинговая волна вела лишь к смене поколений партократов, к замене консерваторов более гибкими представителями номенклатуры.

Не замечая, что их движение выгодно части номенклатуры, неформалы ждали, что их будут жестоко разгонять, и удивлялись запаздыванию контрудара. Поведение куйбышевской милиции явно определяется формулой «вам надо, вы и разгоняйте» (Солонин 1988), — писал лидер

«Перспективы» М. Солонин. Он заметил, что «существует какой-то “пороговый уровень” (500–1000–2000 человек), выше которого разгон силами обычных подразделений МВД и без применения оружия и техники становится невозможным» (Там же). С поправкой на порядок это предположение оказалось верным — когда митинги стали достигать численности в десятки тысяч людей, их уже нельзя было разогнать без жертв. А жертвы означали международный скандал и перспективу гражданской войны.

Чтобы превзойти «пороговый уровень», нужно преодолеть пассивность масс. По мнению Солонина, широкие массы уже осознали противоречие интересов с бюрократией, но выходить из состояния пассивности будут «не через борьбу “за” (экологию, цены, расценки, жилье и прочие жизненно необходимые вещи), а через взрыв возмущения “против» (особенно если действует, как это было в Ярославле, Южно-Сахалинске, Куйбышеве, фактор “персонификации ненависти”))» (Там же).

В соответствии с тем же механизмом возникнет и «персонификация добра» — выдвижение фигуры, которая отождествляет противостояние «злу» безотносительно конструктивной программе. Именно в программном вакууме «общедемократических требований», возобладавших в 1990–1991 гг., возникнет возможность для подмены целей демократического движения. Наиболее гибкая часть номенклатуры, стремящаяся преодолеть свое отчуждение от ответственности, получить свою долю капитала, поняла, что народный гнев

можно направить против фракции конкурентов.

Но в Москве, где на митинги в 1988 г. собиралось 1–2 тысячи человек, 18 июня милиция предприняла попытку разогнать «Гайд-парк». Митинг начался как обычно, но в его разгар появились оцепления милиции. Когда толпа стала скандировать «Долой Сайкина!» (председатель исполкома), в мегафон офицер милиции стал повторять формулу, которая затем стала привычной: «Граждане, ваш митинг незаконен, расходитесь, не мешайте проходу граждан!» По наблюдению очевидца С. Митрохина, «манifestация стала представлять собой некий архипелаг, омываемый тускло-мундирной голубизной милицейского моря» (Хронограф 1988).

Если бы милиция подождала еще минут пятнадцать, митинг и так закончился бы, но она начала разгон. Милиционеры произвели набег на «трибуну» митинга — небольшую тумбу, где теснились ораторы и плакаты.

Подчиниться требованию разойтись в этих условиях значило «потерять лицо». Да и расходиться было некуда — войска МВД блокировали площадку. Лидеры лихорадочно обсуждали, что делать. Решили попробовать прорваться с площадки, после чего разойтись. Ядро митинга с оставшимися плакатами и знаменами двинулось в сторону памятника Пушкину, скандируя: «Жандармы!» Произошло столкновение, сопровождавшееся потасовками. В конце концов милиция отошла, оставив

«поле боя» демонстрантам. Но 12 активных демонстрантов были задержаны и затем оштрафованы за административное правонарушение (хотя очевидное сопротивление милиции могло квалифицироваться и по уголовной статье).

С возникновением «Гайд-парка» неформалы превратились в фактор «большой политики». Теперь неформалы стали быстро обрастать народом, могла начаться цепная реакция массового движения.

ФОРМИРОВАНИЕ «НАРОДНОГО ФРОНТА» И РАЗМЕЖЕВАНИЕ ОППОЗИЦИИ

При всем их стремлении быть самостоятельными, неформалы были частью более широкой системы: «Неформалы действовали по принципу “Реформы сверху под давлением снизу”. А какую более успешную тактику в этих условиях можно было предложить? И до 1990–1991 гг. эта тактика была вполне оправданной, потому что еще не было видно, что элита переходит к либерализации»¹⁸, — считает Б. Кагарлицкий.

Казалось, что давление неформалов на власть может быть успешным, если сложить относительно небольшие силы неформальных групп вместе. Поэтому одновременно с митинговой кампанией началась консолидация оппозиционных движений различных направлений в широкое народно-демократическое движение.

С началом митинговой кампании на Пушкинской площади неформа-

¹⁸ Кагарлицкий Б. Беседа с автором 30 октября 1999 г.

лам пришел «сигнал сверху». Директор НИИ культуры В. Чурбанов, возглавлявший в Советской социологической ассоциации комиссию по проблемам самодеятельных объединений, предложил созвать конференцию неформалов. Партийные организации оказали этому мероприятию живейшее содействие.

Быстрота, с которой решались вопросы организации форума, прежде «пробивавшиеся» с огромным трудом, показала, что манифестациями неформалы доказали власти свою дееспособность. Их, конечно, не столько боятся (всегда можно разогнать), сколько используют для создания какой-то организационной структуры «в поддержку перестройки», на которую могли бы опереться реформаторы в руководстве КПСС в борьбе с консерваторами. И это было привлекательно, тем более что внутренний плюрализм в «Народном фронте» позволил бы пользоваться ресурсами (например, помещениями и доступом к прессе), не «поступаясь принципами» неформалов.

Поводом для встречи стало составление «наказа» к XIX партконференции. Теперь это должен был быть объединенный «наказ» всех «конструктивных» неформалов (т.е. кроме ДС и «Памяти»), что придавало ему более весомый статус, чем предыдущие «наказы». Для самих неформалов «наказ» должен был стать программой организации — широкого фронта демократов.

5 июня форум демократической общности открылся во Дворце молодежи. Для составления «Общественного наказа» была создана

редакционная комиссия, которая одновременно стала и Организационным комитетом по созданию Московского народного фронта (ОК МНФ). В него вошли представители «Общины», «Социалистической инициативы», «Гражданского достоинства», «Мемориала», «Перестройки-88», КСИ и «Демократической перестройки». Затем ОК был дополнен представителями всех групп Московской организации ФСОК и новыми группами, возникшими на волне манифестаций. В его работе участвовали связанные с неформальным движением ученые — Г. Ракитская и С. Станкевич. Однако в ходе конференции не поступало каких-то указаний «сверху» по поводу содержания «наказа». Реформаторам из руководящих кругов КПСС, санкционировавшим проведение этого мероприятия, был важен сам факт его проведения.

7 июня ОК МНФ начал обсуждать формы новой организации. События развивались так быстро, что неформалы рассматривали будущий МНФ как часть «Народного фронта» СССР. Не вызывало сомнений, что как в Москве, так и во многих других городах возникнут массовые организации. Предполагалось за лето договориться с большинством неформальных групп страны, с которыми уже есть контакты.

На конференции 12 июня, проходившей в ДК «Энергетик», был принят «Общественный наказ», представлявший собой свод демократических и правозащитных требований, который с теми или иными вариациями повторялся в программах демократических движений и партий до 1991 г.:

«Преобразовать партию из организации, управляющей “от имени народа” при помощи переродившейся касты “партократов” в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 конституции должна быть соответствующим образом изменена... Вся полнота власти должна быть передана Советам... Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма» (Общественный наказ... 1988). Здесь было и разделение КГБ на три ведомства, и политическая амнистия, и полный набор гражданских свобод. От документов ДС «Общественный наказ» принципиально отличался экономическим разделом, отданным «на откуп» «Общине» и представлявшим собой описание синдикалистской системы самоуправления на предприятиях и демократической координации их работы в условиях рынка. Поскольку команда Горбачева в это время как раз билась над проблемой перехода к рынку, неформалы надеялись быть услышанными.

Совещание неформальных организаций заявило о создании организационного комитета МНФ — широкого движения сторонников перестройки.

Однако в этот период единое движение демократической общественности не возникло — оргкомитет раскололся. На то были и объективные, и «субъективные», чисто человеческие причины. В основе раскола ле-

жал переход от неформального к новому этапу общественного движения. Так же как в 1986–1987 гг. неформалы в качестве доминирующей силы освободительного движения сменили диссидентов (частично поглотив их, отчасти сосуществуя с остатками диссидентского движения), так и популистское «общедемократическое» движение в 1989–1990 гг. сменило неформалов.

Но этот переход шел постепенно и в 1988 г. еще проявлялся в сложных отношениях между неформальными лидерами, на которых все сильнее давили массы новых активистов, стремившихся сплотиться вокруг демократических лозунгов и вождей без обсуждений конкретных программ преобразований. Возник вопрос о том, каким быть «Народному фронту». Приток новых людей, еще политически неопытных, приверженных шестидесятническим марксистско-ленинским стереотипам, насаждавшимся в это время реформистской прессой, способствовал росту влияния лидеров марксистского крыла ФСОК Б. Кагарлицкого и М. Малютина. В дальнейшем произойдет переход популистского движения на антисоциалистические позиции вслед за либеральными коммунистами в 1989–1990 гг., а социалисты будут оттеснены на обочину общественного движения. Старые группы, такие как «Община» и «Гражданское достоинство», стремились защититься от популистского большинства с помощью установления широкой автономии групп внутри МНФ.

Таким образом, противоречия в оргкомитете МНФ нарастали по двум линиям. С одной стороны, между

сторонниками узкосоциалистического и общедемократического характера МНФ (вторые придерживались как либеральной, так и социалистической ориентации). С другой стороны — защитники широкой автономии клубов и приверженцы общеобязательности решений оргкомитета для всех групп, входящих в МНФ. Противоречия нарастали и из-за разного понимания перспектив «Гайд-парка» после разгона митинга 18 июня, степени уступок, на которые можно идти ради проведения легальных митингов¹⁹.

3 июля из ОК МНФ вышли «Община», «Гражданское достоинство» и еще 4 группы (в том числе 2 социалистические). Оргкомитет покинули также «Мемориал» и «Демократическая перестройка» (*Прибыловский* 1992: 155).

Этот раскол породил две модели политической организации, которые получили развитие в последующие годы. ОК МНФ продолжил создание общедемократической структуры, которая в 1989 г. сориентировалась на проведение предвыборной борьбы. «Ушедшие» занялись созданием всесоюзных идейно-политических организаций. «Гражданское достоинство» в 1989 г. сформировало партию кадетов, «Община» вместе со своим крылом ФСОК — Конфедерацию анархо-синдикалистов, «Мемориал» — крупнейшую в стране историко-правозащитную организацию. Раскол неформалов в 1988 г. на деле не дал пальму первенства ни одной из фракций — каждая пошла своим путем. Но концепция МНФ была приемле-

ма для популизма (хотя ведущие лидеры неформалов-«большевиков» после победы популизма были отсеяны новым руководством «демократов»), а концепция «ушедших» исходила из сохранения традиций именно неформального движения.

Мир неформальных организаций представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники «играли в большую политику», растрачивая энергию на борьбу за места в «координационных органах», отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона. Конечно, и в этом был смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы тысячи людей, а их издания превратили «гласность» в свободу слова. Но и «внутриполитические» страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. Это был беспрецедентный «тренинг», когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили плюралистическую политическую культуру, характерную для обществ с давними политическими традициями.

Это был первый опыт публичной политики, которая моделировала парламентскую культуру и создавала традиции гражданского общества в России. С теми или иными вариациями политические сценарии этого времени повторялись затем в сотнях партий, движений, комитетов, советов и прочих представительных органах.

¹⁹ Подробнее см. (*Шубин* 2006: 220–223).

В ходе предвыборных кампаний неформалы 1989–1990 гг. постепенно были вытеснены на обочину политической жизни «демократическим» движением с популистской структурой. Если неформальное движение представляло собой горизонтальную сеть равноправных групп, то «демократическое движение» возглавляли депутаты, которым подчинялся аппарат, не мудрствовавший лукаво о конструктивной программе. Которую предстоит осуществлять после победы над КПСС. Задача заключалась в том, чтобы заменить «коммунистическую» правящую элиту на «демократическую». Неформалы приняли участие в этом процессе, все больше профессионализируясь вне собственно политической сферы — в журналистике, социальных организациях и других структурах гражданского общества.

ЧТО ЭТО БЫЛО И ЗАЧЕМ?

На фоне грандиозных потрясений XX в. неформалы выглядят несолидно. Ведь они никого не убили, и жертвы с их стороны были невелики. Что такое события 1986–1990 гг. в сравнении с Великими революциями, гибелью древних империй или даже небольшими эпизодами вроде экспедиции Че Гевары? По счету пролитой крови — ничто. Но, может быть, для потомков должно быть важнее другое — соотношение масштаба перемен и количества жертв. В этом отношении большое уважение вызывают методы борьбы Махатмы Ганди, сэкономившие немало жизней на пути истории.

Любой результат исторического действия вызывает споры — во благо это

было сделано или во зло. Но гибель людей всегда поддается учету, и если можно прийти к результату с минимальными жертвами — это лучше, чем горы трупов.

Масштаб перемен конца 80-х гг. ставит события перестройки в один ряд с важнейшими вехами мировой истории. Поражает бескровность перемен — во всяком случае на территории «славянских» республик. Перемены, которые, как казалось, могли стать результатом только кровопролитнейшей войны (в том числе гражданской), произошли без потоков крови.

Именно неформалы сумели ввести в российскую практику методы ненасильственной массовой политической борьбы (митинги, демонстрации, массовый самиздат и др.) и затем обучили ей официальных «либералов». Эта технология «бархатной революции» (как затем назвали ее в Восточной Европе) могла быть использована в самых разных целях, как показал опыт начала XXI в. — и вовсе не революционных. Но она имела очевидное отличие от более привычных методов свержения режима. Это количество крови.

В 1988–1989 гг. ненасильственная митинговая революция была не просто технологией, не просто шоу ради смены одного президента другим. Речь шла об основах социального устройства, о переменных во всех сторонах жизни. Тысячи людей приходили на эти митинги, несмотря на опасность преследований, чтобы услышать новое слово, чтобы продемонстрировать властям «силу народа».

В этом отношении неформалы выиграли — они запустили процесс крушения коммунистического режима и снизили издержки эпохи перемен. Без неформалов ненасильственный характер перемен был бы невозможен. Так что если коммунистическому режиму суждено было пасть, хорошо, что ему бросили перчатку неформалы, а не военные заговорщики или бунтующие массы.

Неформалы стали «стартером» массового движения. Уличная оппозиция активизировала действия своих союзников в правящей элите. Неформалы играли роль группы давления в 1988–1989 гг., после чего популистское движение приобрело уже собственную инерцию, и от неформалов мало что зависело. Можно было делать карьеру или пытаться выстраивать структуры гражданского общества. Гражданское общество в современной России — это продукт работы неформалов.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Демократический союз 1988 — Демократический союз. Пакет документов. Москва, 9 мая 1988 г.

Митрохин 1988 — Митрохин С. Рождение «Гайд-парка» // Хронограф. 1988. № 7.

Неформалы 1990 — Неформалы. Социальные инициативы. М.: Московский рабочий, 1990.

Общественный наказ... 1988 — Общественный наказ партийной конференции // Открытая зона. Август 1988 г. № 7.

Община 1988 — Община. 1988. № 11.

Рябов 1988 — Рябов П. Вылазка из подполья, или социалистический плюрализм мнений на площадях Москвы (размышления об итогах майско-июньской митинговой кампании). Архив Шубина А. В. Ф. Июнь-август 1988.

Солонин 1988 — Солонин М. Разведка боем. // Архив Шубина А. В. Ф. 1988.

Хронограф 1988 — Хронограф. 1988. № 8.

Юшенков 1990 — Юшенков С. Прощай Гайд-парк на Пушкинской // Хронограф-90.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кузнецов 1990 — Кузнецов И. История создания Всесоюзного социально-политического клуба. «Спектр». № 1. 1988 // По страницам самиздата. М., 1990.

По страницам самиздата 1990 — По страницам самиздата. М., 1990.

Прибыловский 1992 — Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1992.

Сигман 2014 — Сигман К. Политические клубы и перестройка в России. Оппозиция без диссидентства. М., 2014.

Шубин 2006 — Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989. М., 2006.

INFORMALS IN PERESTROIKA

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: perestroika, informal movement, Club of social initiatives, “Memory”, FSOK, “Community”, People’s Front.

Abstract. The article discusses the history of political informals — a network of legally operating socio-political organizations of the second half of the 80s. Considering their formation, the first campaigns, splits and withdrawal from the forefront of the social movement, the author concludes that it was the political informal organizations of the second half of the 80s that became the creators of modern civil society in Russia and had an important impact on the Perestroika process and, therefore, the modern political culture of Russia.

REFERENCES

- Kuznetsov I. *Istoriia sozdaniia Vsesoiuznogo sotsial'no-politicheskogo kluba. "Spektr"*, no. 1. 1988. *Po stranitsam samizdata*. Moscow, 1990.
- Po stranitsam samizdata*. Moscow, 1990.
- Pribylovskii V. Slovar' novykh politicheskikh partii i organizatsii Rossii*. Moscow, 1992.
- Shubin A. V. *Predannaia demokratiia. SSSR i neformaly. 1986–1989*. Moscow, 2006.
- Sigman K. *Politicheskie kluby i perestroika v Rossii. Opozitsiia bez dissidentstva*. Moscow, 2014.

М. В. Новикова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Г. КОЛЯ И М. С. ГОРБАЧЕВА: «СПОР ИСТОРИКОВ» И ВОСПОЛНЕНИЕ «БЕЛЫХ ПЯТЕН»

Ключевые слова: историческая политика, Вторая мировая война, «спор историков», «белые пятна», «Московские новости», переосмысление прошлого.

Аннотация. Эта статья — попытка охарактеризовать два процесса переосмысления прошлого, проходившие в СССР и ФРГ во второй половине 1980-х гг., — восполнение «белых пятен» истории (СССР) и «спор историков» (ФРГ). Автор ставит перед собой цель: выяснить, что общего и что уникального было в каждой кампании, каким образом они влияли друг на друга и на общественное сознание. Т.к. обе дискуссии развернулись в средствах массовой информации, то источниковую основу статьи в первую очередь составили публикации перестроечной и немецкой прессы, а также мемуары участников обоих процессов.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-157-178

Во второй половине 1980-х гг. в ФРГ и Советском Союзе почти синхронно развернулись масштабные процессы по переосмыслению недавнего прошлого. В них были вовлечены как научные, так и широкие круги общественности. В статье рассматриваются два процесса, проходившие в двух странах накануне глобальных исторических потрясений: в СССР — на пороге его распада, в ФРГ — в преддверии объединения Германии. Что общего и что уникального было в каждой кампании, и каким образом они влияли друг на друга?

Еще с послевоенных лет в ФРГ говорили о «преодолении прошлого» (1950-е), «обработке прошлого» (Т. Адорно, 1959), «политике относительно истории» (Эдгар Вольфрум), позже появилось понятие «культура памяти» (Петер Райхель, сер. 1990-х), в 2000-е гг. Х. Кёниг снова обращается к концептам «преодоление прошлого» и «политическое сознание» (Кёниг 2012). В современный российский исторический дискурс понятие «преодоление прошлого» ввел историк А.И. Борозняк (*Вашкау, Хавкин* 2017: 136).

© М. В. Новикова, 2020

Новикова Марина Валентиновна — кандидат исторических наук, начальник информационно-аналитического сектора управления реализации проектов департамента социальных проектов и коммуникаций администрации города Нижнего Новгорода; marina.novikova@mail.ru

Острые дискуссии по вопросам преодоления прошлого, развернувшиеся в ФРГ, вошли в историографию как «спор историков». К масштабному процессу переосмысления советского прошлого, реализованному в рамках политики гласности, применялись понятия — «восполнение “белых пятен” истории», «выбор исторического пути», «поиск исторической альтернативы».

Мы используем термин «историческая политика», вошедший в российский научный лексикон благодаря ситуации, сложившейся в ФРГ. В 1986 г. в ФРГ впервые было использовано новое понятие «историческая политика» — «в смысле возможности влияния исторических интерпретаций на политические дебаты» (Шерер 2009: 95). В современной историографии под «исторической политикой» понимают ситуацию, при которой властвующие элиты, используя принадлежащие государству ресурсы, продвигают определенную интерпретацию прошлого.

По мнению А. Миллера, который в нулевые годы актуализировал термин «историческая политика», необходимо разделять «политизацию истории, с одной стороны, как явление, существующее издавна и в той или иной степени неизбежное, и историческую политику как плод вполне сознательной и целенаправленной инженерии — с другой» (Миллер 2009: 6–24), т.е. более агрессивное вторжение власти в трактовку исторических событий для решения политических задач. И то и другое, на наш взгляд, присутствовало в исторических ситуациях, сложившихся в двух странах во второй половине 1980-х гг.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

ФРГ. В 1982 г. канцлером ФРГ был избран Г. Коль. По образованию историк, он с молодости считал, что «нельзя отказываться от истории, какой бы она ни была», и по этой причине нельзя «преодолеть прошлое» (Петелин 2017: 65–85). В своей первой речи после избрания, произнесенной 13 октября 1982 г., Коль заявил, что «осознание германской истории подлежит обновлению» (Kohl 1982–1990: 53).

При канцлере Коле в общественно-политических кругах ФРГ вновь актуализировалась тема, что значит быть немцем, в чем суть немецкой нации. Новый кабинет хотел видеть Германию сильной страной, играющей ключевую роль в европейской политике, но этому «мешало» прошлое.

В ФРГ формировался запрос на такую картину немецкой истории, которая не была бы отягощена «нацистским прошлым». Так, например, лидер Христианско-социального союза Франц Йозеф Штраус говорил: вечное преодоление прошлого, длительное покаяние парализует народ, который «больше ничего не хочет слышать об Освенциме», и нужно «выйти наконец-то из тени Третьего рейха» (Борозняк 2014: 151).

В 1983 г. на конгрессе историков, посвященном 50-й годовщине назначения Гитлера рейхсканцлером, философ и историк Герман Люббе говорил о важности «всеобщего замалчивания нацистского прошлого как гражданской обязанности». Иначе, по его словам, воинственный

антифашизм 70-х, уже ставший благодатной почвой для становления леворадикального терроризма и деструктивного чувства вины, окончательно превратится в главного врагом Западной Германии. Советник Г. Коля Михаэль Штюрмер, также историк по образованию, именовал ФРГ «страной без истории». Поэтому цель была — ее вернуть. Одним из компонентов в кампании возвращения гордости за страну стал показанный в 1984 г. на немецком телевидении сериал Эдгара Рейца «Родина». История Германии была показана с патриотических позиций. Кроме 12 мрачных лет нацизма, было немало страниц в истории страны, которыми можно гордиться: дорогой сердцу традиционный жизненный уклад, семейные ценности. Сериал стал настолько популярным, что 13 его серий показывали в кинотеатрах.

Наиболее неоднозначным в плане экспериментов с переформатированием прошлого стал 1985 г., когда был сделан следующий шаг на пути примирения с бывшими противниками Германии в войнах. К этому времени весь мир уже облетела фотография взявших за руки канцлера ФРГ Гельмута Коля и президента Франции Франсуа Миттерана, во время церемонии в 1984 г., посвященной памяти жертв двух мировых войн, проходившей в Вердене. Этот жест стал символом примирения немецкого и французского народов после Первой мировой войны. Еще важнее для Гельмута Коля было теперь рубцевать более глубокие раны, нанесенные его страной в годы Второй мировой войны. Одним из таких шагов в направлении примирения, по его мнению, должно было стать

совместное посещение им и президентом США Рональдом Рейганом кладбища солдат вермахта в Битсбурге, на котором были похоронены также и 47 солдат и офицеров СС. Этот шаг вызвал бурю негодования по всему миру. Немцы устраивали массовые манифестации в Дахау, а весь трехкилометровый путь от кладбища до Битсбурга был заставлен полицейскими баррикадами (Горчаков 1988: 432). Американские СМИ проводили опросы общественного мнения, зам. пресс-секретаря Белого дома Л. Спикс сообщил, что 6 из 10 американцев осудили американский вояж (Иванов 1985). В Советском Союзе назвали посещение Битсбурга «закономерным плодом популярных в Вашингтоне взглядов о необходимости нового антикоммунистического крестового похода» (Тучин 1985), «примирением палачей с жертвами на антикоммунистической основе» (Бовкун 1985). Писатель Генрих Бёлль, с горечью констатируя наметившуюся в ФРГ тенденцию «замалчивать вклад Советского Союза в освобождение Европы от фашизма», говорил, что Рональду Рейгану следовало бы побывать не на битсбургском, а на Пискаревском кладбище в Ленинграде (Бёлль 1985а).

«И все-таки канцлер со свойственным ему упрямством настоял на церемонии “примирения” между ФРГ и США в Битсбурге, — писал в перестроечных газетах советский германист А. Френкин. — Он позвонил Рейгану и уговорил его отбросить сомнения и принять участие в церемонии» (Френкин 1988). От имени вермахта сопровождать канцлера и возлагать венок на кладбище

выделили одного из бывших «асов» Геринга И. Штейнхоффа. Ссылаясь на одного из боннских биографов Коля, А. Френкин объясняет настоятельность в проведении этой церемонии канцлера ФРГ тем, что «он в особенности боялся гнева со стороны бывших немецких солдат и их родственников, если бы отказался от этого посещения» (Там же).

Еще одним важным событием, предшествовавшим «спору историков», стал скандал вокруг пьесы кинорежиссера и драматурга Райнера Вернера Фассбиндера «Мусор, город и смерть», премьера которой была запланирована на осень 1985 г. в театре Каммершпиле во Франкфурте-на-Майне. Общественность обвинила пьесу в открытом и агрессивном антисемитизме, премьере не дали состояться приехавшие в театр члены еврейской общины Франкфурта. Вот как описывает в своей автобиографии «Моя жизнь» этот эпизод Марсель Райх-Раницкий, ведущий немецкий публицист и литературный критик, бывший в это время сотрудником «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг»: «Я, сидевший в зрительном зале, был охвачен ужасом и ошеломлен, пребывал в беспомощности, как и большинство присутствующих — в основном критиков, репортеров и журналистов. В конце концов, я решился вмешаться, сколь ни малы были шансы уладить дело, поднялся на сцену и поговорил с председателем общины Игнацем Бубисом. Сказал, что члены общины добились своей цели, заняв сцену на несколько часов. Удалось воспрепятствовать показу спектакля, и в то же время было продемонстрировано новое еврейское самосознание. Теперь, на мой

взгляд, пришло время освободить сцену, чтобы корреспонденты, приехавшие из многих городов, а также из-за границы, смогли посмотреть пьесу. Бубис ответил, что он и другие участники демонстрации, прежде всего пожилые люди, выжившие в концлагерях, связаны решением совета общины» (*Райх-Раницкий* 2002). Как заключает Райх-Раницкий, пьеса при отсутствии всякой литературной ценности оказалась «характерным для своего времени документом», свидетельствующим о существовании в ФРГ серьезной проблемы — отношения к евреям. «Тогда и возникло понятие “конец времени запрета”. Оно должно было означать, что пришло время говорить о евреях и их роли в этой стране открыто и откровенно — не связывая себя запретами» (Там же).

И еще одним событием, вероятно, самым значительным для общественного сознания в его оценках прошлого, стала знаменательная речь президента ФРГ Рихарда фон Вайцеккера, произнесенная в бундестаге 8 мая 1985 г., в которой он обозначил свою позицию по отношению к этому дню, сказав о вине немцев перед миллионами жертв, о честной памяти: «Гитлер первым применил силу. Начало Второй мировой войны будет и впредь связано с именем Германии». Впервые политик такого уровня в ФРГ призывал к покаянию.

Речь Вайцеккера была встречена эмоционально и противоречиво. Газета «Зюддойче цайтунг» писала, что речь президента, явившая немцам «мужество постижения правды», произвела на них «очищающее воздействие, равное катарсису». В то же

время депутат бундестага от ХСС Лоренц Нигель (демонстративно — вместе с тридцатью другими депутатами фракции — покинувший парламентский зал при появлении на трибуне президента) назвал речь Вайцзеккера «новой несправедливостью», продолжением «психических травм немецкого народа» (*Борозняк* 2014: 157).

Вот на этом фоне, раздираемом противоречиями, и разгорелся «спор историков».

СССР. Особенностью исторической политики М. С. Горбачева стала кампания по восполнению «белых пятен» истории, развернувшаяся в рамках политики гласности. Контуры исторической политики, так же как и соответствующая инфраструктура пространства памяти, начали формироваться в 1986 г. В докладах М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева на встречах с профессиональным историческим сообществом, с творческой интеллигенцией, руководителями средств массовой информации, в Постановлении ЦК КПСС «О журнале “Коммунист”» зафиксированы установки на изменение работы с прошлым, актуализацию определенных исторических периодов, плюрализм в методологических подходах.

В 1986 г. были определены основные акторы в пространстве памяти. Ими стали: во-первых, творческая интеллигенция. Первыми острые проблемы подняли писатели, когда было прекращено «молчание памяти» и из письменных столов достали произведения, созданные в период от оттепели до перестройки. Кинематографисты, в первую очередь фильмом

«Покаяние», определили лейтмотив в работе с прошлым.

Следующий важный актор — профессиональные историки, которым был дан социальный заказ на создание нового нарратива советской истории. В докладе, прозвучавшем 21 октября 1986 г. на Общем собрании АН СССР, академик С. Л. Тихвинский говорил: «Советские историки с партийной принципиальностью обязаны подойти к выполнению этого социального заказа» (*Тихвинский* 1986: 3–7). Очерчивая круг тем, в которых предстояло разобраться профессиональному сообществу, ученый отметил, что есть «много спорных вопросов и в оценках отдельных этапов Великой Отечественной войны, и тут историкам предстоит большая работа». Социальный заказ предусматривал создание привилегированных условий для ряда ученых, у них появилась возможность работать с закрытыми ранее архивами. Так, Е. А. Котеленец рассказывает, как историки Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов, работавшие в Академии наук, перешли работать в ИМЛ, «прельщенные заманчивыми предложениями о доступе к закрытым архивам партии» (*Котеленец* 2017: 52–53).

Ведущим актором становились СМИ. Для этого в кратчайшие сроки во главе тех изданий, которые должны были встать в авангарде перестроечных процессов, были назначены новые редакторы. 13 мая 1986 г. — главным редактором «Нового мира» назначен Сергей Залыгин, 31 мая — главным редактором журнала «Огонек» — Виталий Коротич, 13 августа — редактором «Московских новостей» поставлен Егор Яковлев,

осенью 1986 г. редакцию журнала «Знамя» возглавил Григорий Бакланов. Этот неполный перечень назначений демонстрирует, насколько быстро формировалась инфраструктура в пространстве памяти.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию с «Московскими новостями» («МН»), изданием, которому суждено было сыграть особую роль, можно сказать, что, наряду с «Огоньком», ведущую роль в переформатировании массового исторического сознания. И если «Огонек» хотя бы имел миллионные тиражи, то «МН» в 1985 г. выходил тиражом всего 124 тыс. экз. Тем не менее перед редактором этого издания была поставлена задача «сделать такую газету, которая бы писала о том, о чем остальные советские газеты не пишут», и влияние «МН» на формирование общественного сознания позднесоветского общества было колоссальным (Новикова 2019). Несмотря на то, что «МН» были общественно-политическим изданием, историческая тематика заняла в них значительное место. В газете появился ряд исторических рубрик: «Былое», «История и современность», «Пережитое». Быстро определился круг историков, регулярно выступавших на страницах издания. Среди них Ю.Н. Афанасьев, В.Г. Сироткин, А.М. Самсонов, В.А. Логинов, Г.Л. Смирнов, Ю.А. Поляков, Г.З. Иоффе и др. Стали регулярно публиковаться интервью или отрывки из работ известных западных советологов, таких как Роберт Конквест, Р. Сервис, Роберт Такер, Стивен Коэн. Подобный рост публикационной активности по исторической тематике стал характерен и для других перестроечных изданий.

СУТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

ФРГ. Большинство исследователей сходятся во мнении, что триггером для разгоревшегося в национальном масштабе диспута о «национал-социализме» стала статья историка Эрнста Нольте в газете либерально-консервативного толка «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» «Прошлое, которое не хочет уходить» в июне 1986 г. Соучредителем издания в это время был биограф Гитлера историк Иоахим Фест. Ему и принес свою статью Э. Нольте.

В автобиографии Марселя Райх-Рапицкого есть воспоминания о том времени, когда разгорелся «спор историков»: «Я испытывал стыд, ибо исходил этот спор со страниц “Франкфуртер Альгемайне”, которая играла в нем совсем не похвальную роль. Я стыдился потому, что он был инспирирован, а временами и прямо организован Иоахимом Фестом» (Райх-Рапицкий 2002: 494). Тезисы Нольте соответствовали ревизионистским взглядам в историографии: Холокост не является чем-то уникальным, это злодеяние сопоставимо с преступлениями в других странах. Наибольшую ответственность за преступления гитлеровцев несут, по его мнению, большевики. Преступные акции Гитлера были обусловлены, будто бы, его страхом стать потенциальной жертвой «азиатских акций» большевиков. «Нольте стремился защитить национал-социализм, преуменьшить немецкие преступления и свалить вину за них на других, в особенности на Советский Союз» (Там же: 496).

Чтобы быть точными в хронологии событий, важно упомянуть серию ста-

тей профессора университета в Кельне Андреаса Хильгрубера, вышедших в газете «Ди Вельт». Их суть заключается в том, что «защитники Восточного фронта» в конце 1944 — начале 1945 г. своей «героической борьбой» спасли всю Европу от «большевистского потока» (Черкасов 1990: 173).

Тезисы, заключенные в работах Э. Нольте, А. Хильгрубера, были поддержаны рядом историков право-консервативного толка и составили сердцевину ревизионистской позиции в «споре историков». Ответом на них стало резкое выступление с критикой подобных высказываний либерального философа и социолога Ю. Хабермаса в еженедельнике «Ди Цайт» — «Апологетические тенденции в германской историографии новейшего времени». В ней он предельно четко дал понять, что концепция Нольте «позволяет лишить нацистские преступления их исключительности, предоставив их лишь как ответ на угрозу со стороны большевиков», но есть опасность в утрате «памяти, отягощенной виной».

После этих выступлений историки разделились на два лагеря, в острых дебатах между которыми оттачивались следующие тезисы:

— считать ли преступления Третьего рейха беспрецедентными, или они сопоставимы со злодеяниями, происходящими в других странах и в другое время;

— «Летом 1941 г. у одного агрессора Гитлера была последняя возможность опередить другого агрессора»; операция «Барбаросса» была превентивным ударом (Хоффман.

Frankfurter Allgemeine Zeitung, 16.10.1986);

— главной причиной войны и поводом для обороны явилась победа большевистской революции в России в 1917 г. (Э. Нольте).

Важно отметить, что на содержание «спора историков» влияло много факторов. Так, говоря об уникальности преступлений Третьего рейха, которые консервативные историки пытались в ходе спора «уравнять» со злодеяниями других народов, не стоит забывать, в каком состоянии было в этот момент общественное сознание немцев. Максимально болезненным восприятие преступлений нацистов стало после демонстрации в январе 1979 г. американского телесериала «Холокост». Как отмечает Ютта Шерпер, «хотя в немецких документальных и художественных фильмах времена национал-социализма освещались довольно обстоятельно, лишь этот четырехсерийный телесериал, собиравший у экранов от 10 до 20 млн зрителей — больше, чем любая историческая программа, смог потрясти сознание массового зрителя и пробудить готовность к критическому анализу национал-социалистического прошлого. Общество немецкого языка объявило “Холокост” словом 1979 года» (Шерпер 2009: 94–95).

Среди факторов, влиявших на формулирование тезиса о превентивном ударе Гитлера по СССР, не стоит снимать со счетов публикации В. Суворова. В 1985 г. в Париже, в газете «Русская мысль» перебежчик из Советского Союза бывший разведчик ГРУ В. Б. Резун публикует

под псевдонимом Виктор Суворов статьи, в которых изображает Советский Союз не жертвой, а виновником войны, утверждая, что в июне 1941 г. Гитлер только опережает Сталина, который готовится к неожиданному нападению на нацистскую Германию. К этому времени у Резуна уже готов «Ледокол», написанный еще в 1981 г., и вот спустя четыре года «Русская мысль» соглашается опубликовать некоторые его главы (Суворов 1994: 12).

Затем статья была опубликована в Англии, но не вызвала интереса в академических кругах и была бы забыта, если бы, по мнению израильского ученого Габриэля Городецкого, ее выход не совпал с дебатами в ФРГ о природе германского национализма. «В этих условиях идеи Суворова, полностью отвергнутые в Англии, были подхвачены в Германии и вызвали бурные споры, которые привлекли внимание известных немецких ученых. Аргументы Суворова были привлечены для поддержки утверждений Нольте о рациональности и обоснованности политического курса нацистской Германии» (Городецкий 1995: 9).

Городецкий призывал к тому, что не стоит недооценивать влияние идей Суворова, объясняя это тем, что метаморфозы, которые претерпела немецкая историография войны на Востоке к середине 1980-х гг. — поразительны. «Покойный профессор Хильгрубер, один из ведущих немецких историков, неожиданно заговорил об угрозе, которую Советский Союз представлял для Германии в 1941 году, хотя в 1965 году, пользуясь теми же самыми источниками,

он рисовал образ индифферентного Сталина, стремящегося умиротворить Гитлера, до самого начала войны перевыполняя обязательства перед Германией» (Там же: 11).

У. Херстер-Филиппс исследовал, на какие источники опирался научный директор Военно-исторического исследовательского ведомства во Фрайбурге Йоахим Хоффман, называя «Сталина поджигателем мировой войны на Западе и на Востоке, а Гитлера — политиком, который вел против Советского Союза превентивную войну» (Хоффман 1986). При этом выяснил, что «Хоффман строит концепцию об агрессивных устремлениях СССР на высказываниях генерала-власовца (так у автора. — М.Н.) Виктора Суворова» (Херстер-Филиппс 1988: 50).

Этот же тезис развивает в своих публикациях редактор «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» Гюнтер Гиллесен. Главный посыл его статьи в том, что за развязывание Второй мировой войны несет ответственность не только Гитлер, но и Сталин (Frankfurter Allgemeine Zeitung 1986). К слову, Городецкий считает закономерным, что именно «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» создала условия для развернувшихся дебатов. «Не удивительно с учетом того, что один из ее редакторов Йоахим Фест развивал подобные теории в книге: Hitler, eine Biographie. Frankfurt, 1973, p. 878».

Историки и в СССР, и в Германии отмечали, что существует прямая связь между теми событиями, которые происходят в Советском Союзе в ходе перестройки, и характером, те-

матикой дискуссии, развернувшейся среди историков ФРГ. «В то время как в СССР начинают по-новому, самокритично анализировать и освещать свое прошлое (и в первую очередь сталинские годы), в ФРГ предпринимаются усилия по реидеологизации истории и оживлению старого образа врага», — пишет Р. Д. Мюллер (Muller R. D. Der “andere Holocaust”. Die Zeit. 1.07.1988). Время разворачивания «спора историков» весьма примечательно, отмечает коммунист К. Бахман, это время призыва к перестройке и гласности в Советском Союзе (Unsere Zeit. 2.11.1988). Наличие параллелей между проблематикой «преодоления прошлого» в германской истории и критической переоценкой истории советского общества, происходящей в Советском Союзе, отмечает в докладе «Перестройка и советское общество», сделанном на конгрессе историков ФРГ в Бамберге (октябрь 1988), Д. Гейер (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 18.10.1988)¹.

СССР. Основные векторы политики памяти, требующие переосмысления, были озвучены в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Некоторые реперные точки стратегии памяти при ее разработке вызывали споры среди ее авторов, в том плане, какие этапы советской истории в первую очередь подвергать критическому анализу. Так, В. А. Медведев, бывший с 1986 г. секретарем ЦК КПСС, а с ноября 1988 г. — председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС и входивший в ближайший круг Горбачева,

в мемуарах вспоминает о внутренних дискуссиях, происходивших весной 1987 г. по вопросам оценки прошлого. «Я высказался против массивного перенесения огня с брежневского периода на 20–50-е годы» (Медведев 1994). Согласно параметрам исторической политики, работа с прошлым происходила в следующем направлении: во-первых, новыми смыслами наполнялась коммеморация Октября. Перестройку было необходимо рассматривать как продолжение революционных событий. Второй вектор был заключен в развернувшемся процессе десталинизации. Третий вектор касался пересмотра некоторых оценок Второй мировой войны. При этом официальный статус приобретал методологический плюрализм исторического познания.

По мнению Н. В. Елисейевой, тема переосмысления прошлого вначале, в 1986 г., входила в общественное сознание с положительным знаком и была напрямую связана с движением по охране исторических памятников и духовного наследия, возвращения из небытия имен российских деятелей литературы и искусства. Однако ряд тем, активно муссировавшихся в СМИ, например, о злоупотреблениях чиновников в брежневские времена, «усиливал психологическую нагрузку на общество». А ключевой причиной для развернутого процесса пересмотра советской истории «явилась не столько переоценка прошлого, сколько выбор позитивного периода в этом прошлом, чтобы обосновать курс на реформы» (Елисейева 2001: 100).

¹ Цит. по: (Черкасов 1990: 180).

Однако в ходе обсуждения исторического прошлого из позитивного опыта были изъяты сначала брежневские годы, названные «застоем», затем сталинский период советской истории и, наконец, сама Октябрьская революция была названа главной ошибкой России. 1989 г. стал рубежным, когда сворачивается «проект памяти», предложенный властью на старте реализации исторической политики. К этому моменту внедрение в общественное сознание идеологием «обновленного социализма», «назад к Ленину», теряет свою актуальность, т. к. за прошедший период произошла существенная трансформация образа Ленина. Это выглядело примерно следующим образом: 1987 г. — «назад к Ленину», 1988 г. — дихотомия «хороший Ленин» — «плохой Сталин», 1989 г. — коррекция идеального образа Ленина, 1990–1991 гг. — «Ленин и Сталин — явления одного порядка», Октябрь — трагическая ошибка России.

Реализация принципа плюрализма, о котором много говорилось на начальных этапах перестройки, сделала возможным появление институций, отстаивающих право на свою стратегию памяти, таких, например, как общество «Мемориал». Новые компоненты в проекты памяти интегрировались благодаря работе всей инфраструктуры: созданной 28 сентября 1987 г. «Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов»; деятельности комиссии Съезда Народных депутатов СССР по пакту Молотова — Риббентропа, которую возглавлял академик А. Н. Яковлев, а заместителем председателя был

историк Ю. Н. Афанасьев; комиссии советских и польских историков по «катынскому делу».

В результате деятельности всех участников коммеморационного пространства создавался новый нарратив советской истории, в котором значительным компонентом становилась история жертв. Новый нарратив конструировался в критическом ключе. Главной темой, стержнем перестроечного дискурса этого периода становится переосмысление ряда оценок и итогов Великой Отечественной войны.

КОРРЕКЦИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХОДЕ РАБОТЫ С ПРОШЛЫМ В СССР И В ФРГ

Как показали обе дискуссии, тема Второй мировой войны являлась в конце 1980-х гг. главным компонентом коллективной памяти в ФРГ и СССР, но помнили о ней в обеих странах по-разному. Позиция победленного и победителя определяла вектор воспоминаний. По мнению профессора А. Г. Здравомыслова, «для немецкого национального самосознания поражение в войне с Советским Союзом остается загадкой и тайной. Оно готово признать поражение от союзников — как силы более цивилизованной и родственной, но поражение от России — от “неправильного” союзника — всячески вытесняется из памяти» (*Здравомыслов* 2003: 489). Для Советского Союза 9 мая являлось главным событием, цементирующим нацию, и любимым народным праздником. И весь фронт идеологической работы был сконцентрирован вокруг Дня Победы.

В Германии отношение к этой дате иное. В ГДР эту дату всегда отмечали как день освобождения, а вот в общественном сознании немцев из ФРГ по отношению к ней были полярные точки зрения. Свою знаменитую речь президент Рихард фон Вайцзеккер начинает с обращения к этой дате, отмечая, что 8 мая для немцев — не праздник: «8 мая — это и день воспоминания о том, что людям пришлось выстрадать... эта дата является поводом для того, чтобы задуматься над ходом нашей истории. Чем честнее мы отнесемся к этому дню, тем свободнее мы будем для того, чтобы с чувством ответственности предстать перед его последствиями».

«Неудобная памятная дата» — именовал ее еженедельник «Ди Цайт». По мнению председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Альфреда Дреггера, день 8 мая 1945 г. «стал датой одной из величайших, если не величайшей, катастроф германской и европейской истории»². В «Письме моим сыновьям», которое Бёлль написал весной 1985 г., есть такие строчки: «Вы всегда сможете различать немцев по тому, как они называют 8 мая: днем поражения или днем освобождения» (Бёлль 1985б: 15).

Одним из компонентов исторической политики в ФРГ было изменение отношения как к прошлому страны, так и к немецким солдатам. «Вновь и вновь раздавались призывы покончить с “неуважением к доблестным солдатам рейха”» (Борозняк 2014: 151). В октябре 1984 г. председатель бундестага Райнер Барцель в день своего ухода с поста

выступил по телевидению и помянул немцев, ставших жертвами войны и «изгнания», отдал долг чести немецким офицерам, воевавшим на фронтах Второй мировой (*Нунхаммер* 2012: 469). Частью исторической политики стало формирование нового монументального нарратива: в июне 1986 г., к 45-летию с момента нападения на Советский Союз, в Бонне, около бундестага, был сооружен памятник всем погибшим на войне. Председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге А. Дреггер сказал про новый памятник: «Всем, кто был убит. Не упоминая ни имени, ни убеждений. Да и неизвестно, кто был убийцей, а кто — жертвой. Почтить надо особенно немецких солдат, их моральный уровень, честные убеждения, безукоризненное поведение. Знаю, о них говорят и другое, но я не допущу никаких оскорблений» (Бонн 1986). Таким образом, в 1980-е гг. в ФРГ прослеживается явная тенденция приравнивать немецких солдат к таким же жертвам войны, какими были советские, польские, французские, англо-американские жертвы.

В СССР в это время в историографии и массовом историческом сознании шло активное осмысление некоторых неисследованных аспектов истории Великой Отечественной войны. Многие вопросы первыми ставили представители творческой интеллигенции. Так, например, летом 1986 г. поэт Е. А. Долматовский обратил внимание на проблему военнопленных и призвал считать пропавших без вести погибшими на Великой Отечественной войне

² Цит. по: (Борозняк 2014: 153).

(Долматовский 1986). Его в этом поддерживает военный историк академик А. Самсонов. Одним из ориентиров в постановке новых проблем стала работа К. Симонова, опубликованная в 1987 г. (Симонов 1987: 45–49). К. Симонов в посмертной публикации проследил связь между предвоенными репрессиями командного состава Красной армии и трагическими событиями начала войны: «Не будь 1937 года, не было бы и лета 1941-го. Мы к лету 1941 года были бы, несомненно, сильнее во всех отношениях» (Там же: 45). Публикацию сопровождала статья академика А. Самсонова (Самсонов 1987: 49–51), в которой автор проводил параллель между взглядами писателя-фронтовика и переосмыслением военной истории, которую предстоит сделать историкам-«перестроечникам». «Еще 20 лет назад Симонов, с присутствующими ему мужеством и гражданственностью, выполнил работу, к которой, по сути, еще только приступают историки: проанализировал связь между трагическими событиями 1937–1938 годов, следствием которых был разгром и уничтожение наиболее квалифицированных военных кадров, и жестокими неудачами первых лет войны, многими нашими бессмысленными и ничем неоправданными потерями» (Там же: 50). Одним из первых вопросов, который предложил к рассмотрению академик А. Самсонов, был: «Все ли потери в Великой Отечественной войне были неизбежны?» (Самсонов б/д).

В это время на страницах перестроечных СМИ начинают активно публиковаться материалы, в которых война показывается под непривычным для советского читателя углом

зрения. Например, о тяжелой послевоенной женской доле вчерашних защитниц Родины: как после войны они «относили в ателье шинели перешивать, потому что тяжело было выдерживать взгляды окружающих», как многие из них всю жизнь живут в коммуналках, как «после четырехлетних ночевков на снегу многие из них так и не смогли иметь детей, как не имели женского счастья, ослепшие от ожогов и изуродованные ранениями» (Чудаева 1989). Трагедия искалеченных войной жизней, мысль о завышенной цене победы, трагическая судьба военнопленных, насильственные депортации — все эти истории высвобождали контрпамяти, которые в конечном итоге приводили к конфликту в пространстве памяти с доминирующим до этого героическим представлением о прошлом. С 1989 г. в связи с 50-летием начала Второй мировой войны обостряются дискуссии вокруг вопросов, связанных с датировкой и причинами начала войны, советско-финской войной, пактом Молотова — Риббентропа и его последствиями для судьбы Польши и прибалтийских республик.

К концу перестройки трансформируется коммеморация Победы. В качестве примера можно проследить, как менялись коммеморативные практики в освещении праздничных событий в номерах «Московских новостей», приуроченных к 40-летию Победы. Во-первых, в газете уже нет привычных материалов в патриотическом духе. Вместо этого самый масштабный материал номера посвящен теме военнопленных. Его основная мысль: не только Гитлер, но и Сталин виноват в том, что

столько людей погибло: «На Западе считают: миллионы наших погибших пленных — жертвы не только фашизма, но самой сталинской системы. Половину умерших от голода (самое малое) можно было бы спасти, если б Сталин не назвал их изменниками и не отказался бы послать им продовольствие через Международный Красный Крест» (Тепляков 1990).

На первой полосе газеты мы видим две фотографии площади перед Рейхстагом: на одной — послевоенная разруха мая 1945-го, на второй — май 1990-го, когда по всей площади расставлены столы, немцы празднуют. Заголовок: «Две Берлинских весны» и подпись: «В последние дни войны над горящим Рейхстагом затрепетало знамя Победы. Через 45 лет пришла, наконец, как говорят — одна весна на два Берлина». В начале мая перед зданием Рейхстага прошел первый праздник «Берлинской весны». Мы видим, как акцент смещается с Победы в сторону недавнего события — падения Берлинской стены.

Стремительный поступательный процесс в осмыслении новых аспектов военной проблематики в перестроечный период не мог не сказаться на массовом сознании советских людей. Форсированное формирование образа «другой войны» приводило к нарастанию конфликтного потенциала общества. Как утверждал М. Хальбвакс, «общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах» (Хальбвакс 2007: 336). Поэтому общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов,

отдалять друг от друга группы: в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их временными факторами своего равновесия (Там же: 337).

«Расколотое общественное сознание» можно проследить по письмам, которые приходили в редакцию «МН». Так, например, генерал В. Варенников, прошедший войну от Сталинграда до Берлина, в своих размышлениях на страницах «Московских новостей» писал: «Мне больно, когда сегодня говорят, что наша победа была достигнута таким количеством крови, что ее и за победу-то уже нельзя считать» (Варенников 1989). На страницах другого издания можно было прочесть: «Победа далась огромной ценой. Советское командование: Сталин, Жуков не жалели солдат, немцы своих берегли. В итоге: за одного убитого немца — 5–6 русских солдат. Слова “разгром советских войск под Москвой” должны остаться на совести тех, кто их сказал» (Портнов 1991).

Отметим, что 1980-е гг. — это еще период коммуникативной памяти о войне. Живы были многие ее участники. Для фронтовиков из Советского Союза участие в Великой Отечественной войне было главным воспоминанием, самым важным событием жизни, о своих переживаниях в связи с пересмотром оценок войны они писали в газеты. «Сейчас говорят: “Зачем воевали? Что толку от Победы?” Я этого слушать не могу», — пишет пенсионерка А. Сидорова. «Получил приглашение от однополчан на встречу, на Украину, только предупредили: руховцы сейчас у ветеранов медали срывают. После Победы

нам бы тогда и в голову не пришло, что докатимся до такой жизни... Обидно бывает, что уже и не верят тем, кто воочию видел войну и прошел фашистский ад», — отмечает в своем рассказе В. Воронин, бывший в годы войны командиром танка танковой дивизии, воевавшей на Киевском направлении. «Обидно, что в наше время нашлись святотатцы, что ради своих корыстных, далеко идущих целей стараются оболгать и принизить этот всенародный подвиг, некоторые из них договорились до того, что-де нужна ли была Победа, не лучше ли было сдать на милость врагу?» — сокрушается в своем письме участник войны А. Цветнов (Белик, Киселев 1991).

К концу перестройки смещается акцент с тезиса «победа благодаря», и далее в зависимости от политического контекста, благодаря Сталину, руководящей партии коммунистов и т.д., к тезису «победа вопреки». В публикациях о Великой Отечественной войне ее теперь называют: «другая война», «неизвестная война» («Так это было...» 1991).

Доминирующими становятся тезисы, оказавшиеся в центре внимания и вызвавшие критику во время «спора историков» в ФРГ. Показательным в этом плане является опрос ВЦИОМ. Он охватывал 2054 человека из 10 союзных республик. На вопрос, чем вызвано, что потери Советского Союза превышают потери Германии, только 6% опрошенных ответили, что жестокостью гитле-

ровцев, 20% объяснили это внезапностью нападения и 35% — тем, что сталинское руководство действовало, не считаясь с жертвами³. В сопроводительном комментарии к опросу, подготовленном социологами Ю. Левадой и Л. Гудковым, авторы говорят, что переоценка давних стереотипов в отношении войны проходит «с трудом, преодолевая инерцию, но все-таки изменения происходят», «ведь комплекс триумфатора, характерный для нашей страны на протяжении десятилетий, утрачивает смысл, едва мы посмотрим на уровень жизни в странах-победителях и побежденных» (Гудков, Левада 1991). Но самое важное, по мнению авторов, это — «пересмотр моральных оценок войны, победы, жертв. Итогом могут служить суждения о памятнике всем павшим». Один из вопросов в данном соцопросе звучал следующим образом: «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы поставить в нашей стране памятник павшим с обеих сторон во Второй мировой войне?» 52% опрошенных ответили на этот вопрос положительно, 26% — отрицательно, 22% — затруднились ответить (Там же). Это полностью коррелирует с мнением ряда германских политиков, в частности, позицией председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге А. Дреггера, внедрявшего в общественное сознание концепцию «равнозначности героизма и жертвенности солдат по обе стороны».

Либеральная часть советского общества активно восприняла реви-

³ В целом ответы на данный вопрос выглядят следующим образом: 20% — внезапностью нападения, 17% — военным и техническим превосходством Германии, 11% — слабостью, неумелостью советского командования, 6% — жесткостью гитлеровцев, 35% — тем, что сталинское руководство действовало, не считаясь с жертвами, 11% — затрудняюсь ответить (Московские новости 1991).

сионистские установки сторонников правоконсервативных взглядов в ФРГ. Тезисы, которые в большей степени продвигали в ходе исторических дебатов Й. Фест и К. Хильдебрандт (о сходстве национал-социалистического режима при Гитлере и социалистического при Сталине и о первичности большевистских преступлений), а также тезис Э. Нольте о вторичности гитлеровских преступлений активно поддерживались в СССР сторонниками праволиберального толка. Так, например, В.И. Новодворская в апреле 1990 г., выступая в городе Горьком на митинге, организованном горьковской организацией «Демократического союза», членом координационного совета которого она была, называла Ленина людоедом и говорила о том, что «не приди большевики к власти, не было бы и фашизма, а Вторая мировая война не началась бы. Большевики насадили террор и насилие» (Горьковский рабочий 1990).

В новой парадигме «неудобным» прошлым становилась память о героических страницах Великой Отечественной войны, ее героях, с чем в том числе связан и вал публикаций в 1990-е гг., в которых подвергались сомнению подвиги молодогвардейцев, Зои Космодемьянской, Александра Матросова и других героев, имевших сакральное значение для многих поколений советских людей. В итоге наиболее радикальные в своих взглядах ревизионисты в какой-то момент потребовали отмены Дня Победы. Как вспоминал германист В.М. Фалин, «кое-кто (из советских парламентариев) год-два спустя перевернулся в ниспровергателей Победы. 9 мая 1992 года они потребова-

ли отказаться от возложения венков к памятникам “сталинским фанатикам” и отмены дня не “их победы”» (Фалин 2016: 432).

Важно отметить, что были факторы, которые в равной степени влияли как на перестроечный дискурс, так и на содержание «спора историков». Одним из таких факторов является советская литература. Она оказала влияние на формирование исторической мысли перестроечников, но к ней обращались и участники «спора историков». Речь идет об «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына, задавшего направление в лагерной тематике, и обращение к которому было постоянным в выступлениях Э. Нольте и других ревизионистов, продвигавших тезис о вторичности фашистских лагерей.

Написанный в 1960 г. роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба», запрещенный советским идеологом М.А. Сусловым со словами: «Публикация этого произведения нанесет вред коммунизму, Советской власти, советскому народу» (Липкин 1990), в 1974 г. был передан за границу. Пять лет зарубежные издатели отказывались его публиковать, объясняя это тем, что «роман о Второй мировой войне теперешним читателям не интересен, а о лагерях уже написал Солженицын» (Там же: 120). Наконец, после того, как он вышел небольшим тиражом на русском языке в швейцарском издательстве, его заметили французы, и уже после успеха книги во Франции его перевели на английский и немецкий языки.

Историческое ядро романа — Сталинградская битва. Главный фактор,

из-за которого роман был арестован КГБ в 1961 г., это попытка сравнения в романе двух тоталитарных режимов, о чем автору и сказал Сулов: «В Вашей книге имеются прямые сопоставления нас с гитлеровским фашизмом. <...> Ваша книга полна Ваших сомнений о правомерности нашей советской системы» (Бочаров 1990: 189).

В перестроечном дискурсе роман актуализировал сразу несколько тезисов: во-первых, о взаимосвязи предвоенных репрессий в армии с трагическими страницами первого этапа войны. Во-вторых, что «войну выиграл не Сталин, а народ». Устами изгнанного меньшевика Чернецова, ненавидящего большевизм, но жаждущего победы Красной армии, автор артикулирует перечень «белых пятен», которые восполнялись в перестроечный период: Великий террор, пакт Гитлера — Сталина, захват прибалтийских государств и война против Финляндии (Гроссман 1999: 316).

А в беседе представителей двух идеологий, когда комендант Лисс, нацист, излагает свои взгляды о родственности сталинского и нацистского режимов, Мостовской, коммунист, ловит себя на мысли, что «он должен, однако, признать, что это ведет последовательно не только к ненависти к ГУЛАГу, Лубянке и сталинской диктатуре, но, сверх этого, также и к отречению от Ленина. В этом Мостовской видит путь в пропасть».

По такой траектории происходила в Германии переоценка прошлого.

В ФРГ роман «Жизнь и судьба» вышел на 4 года раньше, чем в СССР, и сразу привлек к себе большой интерес. По мнению историка и писателя Льва Копелева, который, так же как Генрих Бёлль, откликнулся на роман сразу после его выхода, Гроссман изобразил в высшей степени различные, но принципиально схожие античеловеческие государственные системы, при этом ни в коем случае не оправдывая нацистский рейх⁴.

В разгар «спора историков», в 1987 г. в ФРГ вышла в свет книга Вильгельма Раймунда Байера «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна». Это первая работа в немецкой историографии Сталинградской битвы, написанная с позиции «маленького человека». С одной стороны — это воспоминания о Сталинградской битве солдата, «одного из многих, обреченных на гибель своим режимом и своими командирами», и в его памяти — ежедневная гибель однополчан, голод, болезни и вши. А с другой стороны — воспоминания философа, «ощутившего на склоне лет потребность в осмыслении роли, которую сыграла Сталинградская битва в его судьбе и в судьбе его поколения» (Борозняк 2014: 167–168). Отмечая, что Гроссман, как автор сталинградских репортажей, наиболее близок ему, Байер дает и высокую оценку роману «Жизнь и судьба». Есть одна позиция, которая явно сблизила обоих свидетелей сталинградских событий и в дальнейшем повлияла на состояние общественного сознания немцев. Они уверены, что после Сталинграда в умах ряда немецких солдат началась переоценка ценностей.

⁴ Цит. по: (Борозняк 2014).

Гроссман размышляет в романе о том, что в сталинградском котле начались изменения в немецких головах и душах, зачарованных бесчеловечностью национального государства: «В мучениях голода, в ночных страхах, в ощущении надвигающейся беды медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью... Кто из гибнущих и обреченных мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности» (Гроссман 1999: 587).

По мнению российского историка А. И. Борозняка, результат анализа долговременных изменений травматической памяти немецких солдат совпадает у Байера с доводами Гроссмана (Борозняк 2014: 170–171). Как отмечал Байер, те, кто оказался в котле, стал другим человеком, и «это определило нашу жизнь», «сформировало нас и наше мировоззрение». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать». В людях пробуждалось человеческое начало: «И у тех, кто послушно участвовал в преступных акциях, потому что они должны были участвовать, возникала мысль, а не является ли ошибкой этот общественный порядок, если им порождено все происходящее»? (Там же: 171).

Осмысление гроссмановского взгляда на войну среди немецких ученых происходит до сих пор. По мнению мюнхенского историка Юргена Царуски, Гроссман был хорошим историком, он дал модель того, как взаи-

модействовали сталинизм, нацизм, Холокост. «Он задал историкам задачу, и, может быть, никогда не будет ни одного историка, владеющего всеми этими темами, ведь на уровне исторической науки это очень сложная проблематика» (Царуски б/д). Подробно исследуя все творчество Василия Гроссмана («Треблинский ад», «Украина без евреев», «За правое дело», «Жизнь и судьба»), Юрген Царуски призывал больше читать Гроссмана именно как историка. Гроссман сумел показать главное — при всех сложностях решающую роль в победе над фашизмом, освобождении концлагерей сыграла именно Красная армия: «Гроссман описал правомочность и значимость победы Советского Союза в войне против нацистской Германии, не замалчивая тоталитаризма» (Царуски 2011: 214).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим характерные черты процессов по переосмыслению прошлого, проходивших в СССР и ФРГ во второй половине 1980-х гг. В обоих случаях идея переоценки прошлого имела политическую окраску, за всеми спорами об истории просматривалось идеологическое противостояние. В обеих странах кампания по переоценке прошлого была активно поддержана профессиональным сообществом, журналистами, творческой интеллигенцией и более широкими кругами общественности. Несмотря на то, что историческая политика М. С. Горбачева на первом этапе была направлена на возрождение «ленинских принципов» и отмежевание от сталинских, основным и наиболее

эмоциональным компонентом исторических дискуссий в итоге стали дебаты о цене Победы, переоценке ряда событий Великой Отечественной войны. Реализация исторической политики показала, что тема Второй мировой войны являлась в конце 1980-х гг. главным компонентом коллективной памяти в ФРГ и СССР.

Обе кампании по работе с прошлым объединяют масштаб и резонанс, который они имели, их влияние на общественно-политический климат в своих странах и за рубежом. Несмотря на то, что споры об оценке национал-социализма велись в ФРГ на протяжении всего послевоенного времени, обостряясь в переломные моменты в жизни страны, такие как подъем демократического движения в конце 1960-х или в связи со значительными датами, как 50-летняя годовщина прихода к власти Гитлера, «спор историков» побил «все рекорды по ожесточенности и интенсивности дискуссий» (Черкасов 1990: 171).

Схожую оценку давали и процессам в СССР. Так, социолог Ю. Левада в 1988 г. констатировал, что исторический спор на тот момент занимал в общественном сознании позднесоветского общества такое место, какое не занимал еще никогда и ни в какой стране мира. «И, несмотря на предупреждения типа: “Хватит, сколько можно”, он еще будет набирать силу» (Егоров 1990).

В ходе двух дискуссий произошла трансформация в трактовках определения характера Великой Отечественной войны. В советском дискурсе

появились понятия «неизвестная война», «другая» война, говорили об «украденной» победе. В ФРГ «зачинщик» спора Э. Нольте в новой работе, опубликованной год спустя после начала дискуссий, писал, что считает неуместным употреблять по отношению к войне против СССР термин «агрессивная», и называл ее «оправданной», «неизбежной» и даже «освободительной», поскольку он полагал ее частью «мирового движения против большевизма»⁵.

Оценивая особенности немецкой общественно-политической дискуссии, историк У. Херстер-Филиппс отмечал, что при всех различиях в трактовках событий Второй мировой войны есть ряд общих черт, которые объединяют правоконсервативное крыло историков. Среди причин войны ими не называются «присущая фашизму агрессивность, германский милитаризм и шовинизм с их экспансионистскими внешнеполитическими программами», и главные причины и предпосылки войны они видят в «победе социализма и существовании Страны Советов» (Херстер-Филиппс 1988: 51).

Независимо от того, что кампании имели ряд схожих черт, историческая политика в двух странах была различной. В ФРГ целью исторической политики было стремление создать для немцев приемлемое прошлое, в котором 12 мрачных лет нацизма не занимали бы больше главенствующее место и которое не препятствовало бы стране занять лидирующие позиции в Европе. В СССР кампания по десталинизации, по вос-

⁵ Цит. по: (Борозняк 2014: 163–164). А сама работа (Nolte 1987: 16, 370, 460, 495, 505, 534).

полнению «белых пятен» началась с тезиса «сказать всю правду», однако в дальнейшем она трансформировалась в острую дискуссию вокруг оценок Второй мировой войны и послужила созданию нового нарратива в негативистском ключе. Как задавался вопросом А.И. Борозняк, «почему разоблачения сталинизма, необходимые и благотворные — стали питательной средой для “обезвреживания” национал-социализма» (Борозняк 2014: 161).

В ходе «спора историков» проявилось стремление его участников ввести в дискурс концепции «превентивной войны», «равной ответственности Германии и СССР за ее развязывание», «тождество тоталитарных режимов». Все эти тезисы быстро «перекочевали» в перестроенный дискурс, горячо обсуждались и во многом разделялись в первую очередь либеральной частью общества. Таким образом, получилось, что тезисы правоконсервативного крыла немецких историков были в первую очередь приняты праволиберальным крылом российских историков. В целом к концу перестройки в СССР официально был принят либеральный проект памяти. В ФРГ моральную победу одержали сторонники Ю. Хабермаса. Как отмечал Ю. Царуски, дискуссии 1986–1987 гг. закончились явной победой либеральных историков (Царуски б/д).

Одновременно отличительным и объединяющим Германию и СССР стал тот фактор, что после обеих кампаний страны ждали глобальные изменения: в Германии произошло объединение, в СССР — распад.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Белик, Киселев 1991 — *Белик В., Киселев В.* И память с сердцем говорит // Горьковский рабочий. 08.05.1991.

Белль 1985а — *Белль Г.* Рональд Рейган знает о Пискаревском кладбище? // Литературная газета. 8 мая 1985.

Белль 1985б — *Белль Г.* Письмо к моим сыновьям, или Четыре велосипеда // Литературная газета. 1985. № 27. 3 июля. (пер. Е. Кацевой).

Бовкун 1985 — *Бовкун Е.* Вашингтонская история. Берген-Бельзен и Битбург // Известия. 7 мая 1985.

Бонн 1986 — *Бонн.* 22 июня. 45 лет спустя // Литературная газета. 26.06.1986.

Бочаров 1990 — *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман. Жизнь. Судьба. Творчество. М.: Советский писатель, 1990.

Варенников 1989 — *Варенников В.* «Не хочу победы» // Московские новости. 7.05.1989.

Горчаков 1988 — *Горчаков О.* От Арденн до Берлина. М.: Советский писатель, 1988.

Горьковский рабочий 1990 — *Горьковский рабочий.* 4 мая 1990.

Гроссман 1999 — *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба: Роман / предисл. и коммент. Л.И. Лазарева; худож. В.В. Медведев. М.: СЛОВО / SLOVO, 1999.

Гудков, Левада 1991 — *Гудков Л., Левада Ю.* Главное событие XX века // Московские новости. 23.06.1991.

Долматовский 1986 — *Долматовский Е.* Самый длинный день в году // Литературная газета. 1986. 25 июня.

Егоров 1990 — *Егоров А.* Что дано и что еще нужно взять. Интервью с социологом Ю. Левадой // Литературная газета. 26 октября 1990.

Иванов 1985 — *Иванов Б.* Поклон палачам // Известия. 6 мая 1985.

Липкин 1990 — Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. А. Берзер. Прощание. М.: Книга, 1990.

Медведев 1994 — Медведев В.А. В команде Горбачева: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994. [Электронный ресурс]. URL: detectivebooks.ru/book/8862543/?page=12 (дата обращения: 10.11.2015).

Московские новости 1991 — Московские новости. 23.06.1991.

Портнов 1991 — Портнов А. Разгром советских войск под Москвой // Ленинская смена. 9.12.1991.

Райх-Раницкий 2002 — Райх-Раницкий М. Моя жизнь / пер. с немецкого В. Брун-Цехового. М.: Новое литературное обозрение. 2002.

Самсонов б/д — Самсонов А. Смотреть правде в глаза // Московские новости.

Суворов 1994 — Суворов В. День — М. Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть-документ. Книга вторая. М.: АО «Все для Вас», 1994.

«Так это было...» 1991 — «Так это было...» // Московские новости. 23.06.1991.

Тепляков 1990 — Тепляков Ю. По ту сторону фронта // Московские новости. 13.05.1990.

Тучин 1985 — Тучин Р. Эхо Битбурга // Известия. 20 мая 1985.

Фалин 2016 — Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016.

Френкин 1988 — Френкин А. Эффект Гельмута Коля // Литературная газета. 19 октября 1988.

Хоффман 1986 — Хоффман. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 16.10.1986.

Царуски б/д — Царуски Ю. Сталинские преступления vs Холокост. Исторические дискуссии и мемориальная политика в частично объединенной Европе. URL: urokiistorii.ru/article/51924.

Чудаева 1989 — Чудаева В. «Живу и помню» // Московские новости. 7.05.1989.

Frankfurter Allgemeine Zeitung 1986 — Frankfurter Allgemeine Zeitung. 20.08.1986.

Kohl 1982–1990 — Kohl H. Erinnerungen. 1982–1990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борозняк 2014 — Борозняк А.И. Жесточкая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Вашкау, Хавкин 2017 — Вашкау Н.Э., Хавкин Б.Л. Александр Иванович Борозняк: историк и время // Новая и новейшая история. 2017. № 4.

Городецкий 1995 — Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны / пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1995.

Елисеева 2001 — Елисеева Н.В. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. 2001. № 2.

Здравомыслов 2003 — Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

Кёниг 2012 — Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ / [пер.с нем. Л.Ю. Пантинной]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Котеленец 2017 — Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017.

Миллер 2009 — Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4.

Нитхаммер 2012 — Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти: статьи по уст-

ной истории / пер. с нем. М.: Новое издательство, 2012.

Новикова 2019 — *Новикова М.В.* Историческая проблематика в советской газетной периодике в годы перестройки: сравнительный анализ центральной и региональной прессы (на материалах Нижегородской (Горьковской) области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 2019. 174 с. URL: www.dissercat.com/content/istoricheskaya-problematika-v-sovetskoi-gazetnoi-periodike-v-gody-perestroiki-sravnitelnyi-a.

Петелин 2017 — *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: отвечая на вызов времени // Журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 2. С. 65–85.

Самсонов 1987 — *Самсонов А.* Главное в истории правда // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 49–51.

Симонов 1987 — *Симонов К.* Уроки истории и долг писателя // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 45–49.

Тихвинский 1986 — *Тихвинский С.Л.* Некоторые вопросы работы советских исто-

риков // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 3–7.

Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер.с фр. и вступит. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Херсттер-Филлипс 1988 — *Херсттер-Филлипс У.* «Спор историков» в ФРГ // Новая и новейшая история. 1988. № 3.

Царуски 2011 — *Царуски Ю.* «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана: к возникновению и концепции романа века // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2011. № 1.

Черкасов 1990 — *Черкасов Н.Г.* ФРГ: «спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

Шерер 2009 — *Шерер Ю.* Германия и Франция. Проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 94–95.

Nolte 1987 — *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, 1987.

HISTORICAL POLICY OF HELMUT KOHL AND M. S. GORBACHEV: "DISPUTES OF HISTORIANS" AND COMPLETION OF "WHITE SPOTS"

Novikova Marina V. — candidate of historical sciences, Head of the Information and Analytical Sector of the Project Implementation Management Department of Social Projects and Communication of the Administration of Nizhny Novgorod

Key words: historical politics, World War II, “dispute of historians”, “white spots”, Moscow News, rethinking the past.

Abstract. In the article an attempt is undertaken to characterize two processes of rethinking the past that took place in the USSR and the Federal Germany in the second half of the 1980s: the replenishment of the “blank spots” of history (USSR) and the “dispute of historians” (FRG). The author sets a goal: to find out what was common and what was unique in each campaign, how they influenced each other and the public consciousness. Since both discussions unfolded in the media, the main source of the article was primarily publications of the Perestroika and German press, as well as memoirs of participants in both processes.

REFERENCES

- Borozniak A.I. *Zhestokaia pamiat'. Natsist-skii reikh v vospriatii nemtsev vtoroi poloviny XX i nachala XXI veka*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014.
- Cherkasov N.G. FRG: "spor istorikov' prodolzhaetsia? *Novaia i noveishaia istoriia*, 1990, no. 1.
- Eliseeva N.V. Sovetskoe proshloe: nachalo pereotsenki. *Otechestvennaia istoriia*, 2001, no. 2.
- Gorodetskii G. *Mif "Ledokola': Nakanune voiny*, per. s angl. Moscow: Progress-Akademiiia, 1995.
- Kenig Kh. *Budushchee proshlogo: National-sotsializm v politicheskom soznanii FRG*, [per.s nem. L.Iu. Pantinoi]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2012.
- Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamiati*, per.s fr. i vstupil. st. S.N. Zenkina. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007.
- Kherster-Filipps U. "Spor istorikov' v FRG. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1988, no. 3.
- Kotelenets E.A. *Bitva za Lenina. Noveishie issledovaniia i diskussii*. Moscow: AIRO-XXI, 2017.
- Miller A.I. Rossiia: vlast' i istoriia. *Pro et Contra*, 2009, no. 3–4.
- Nitkhammer L. *Voprosy k nemetskoj pamiati: stat'i po ustnoi istorii*, per. s nem. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2012.
- Nolte E. *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*. Berlin, 1987.
- Novikova M.V. *Istoricheskaiia problematika v sovetskoj gazetnoi periodike v gody perestroiki: sravnitel'nyi analiz tsentral'noi i regional'noi pressy (na materialakh Nizhegorodskoi (Gor'kovskoi) oblasti)*: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. N. Novgorod, 2019. 174 p. URL: www.dissercat.com/content/istoricheskaya-problematika-v-sovetskoj-gazetnoi-periodike-v-gody-perestroiki-sravnitelnyi-a.
- Petelin B.V. Gel'mut Kol': otvechaia na vyzov vremeni. *Zhurnal regional'noi istorii*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 65–85.
- Samsonov A. Glavnoe v istorii pravda. *Nauka i zhizn'*, 1987, no. 6, pp. 49–51.
- Sherer Iu. Germaniia i Frantsiia. Prorabotka proshlogo *Pro et Contra*, 2009, no. 3–4, pp. 94–95.
- Simonov K. Uroki istorii i dolg pisatel'ia. *Nauka i zhizn'*, 1987, no. 6, pp. 45–49.
- Tikhvinskii S.L. Nekotorye voprosy raboty sovetskikh istorikov. *Voprosy istorii*, 1986, no. 12, pp. 3–7.
- Tsaruski Iu. "Zhizn' i sud'ba' Vasiliia Grossmana: k vozniknoveniiu i kontseptsii romana veka. *Forum noveishei vostochno-evropeiskoi istorii i kul'tury*. Russkoe izdanie, 2011, no. 1.
- Vashkau N.E., Khavkin B.L. Aleksandr Ivanovich Borozniak: istorik i vremia. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2017, no. 4.
- Zdravomyslov A.G. *Nemtsy o russkikh na poroge novogo tysiachelet'ia. Besedy v Germanii: 22 ekspertnykh interv'iu s predstaviteliami nemetskoj intellektual'noi elity o Rossii — ee nastoiashchem, proshlom i budushchem — kontent-analiz i kommentarii*. Moscow: "Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia" (ROSSPEN), 2003.

«ГАВЕЛ, ВАЛЕНСА МОГЛИ ПРЕКРАСНО ОТНОСИТЬСЯ К МИХАИЛУ ГОРБАЧЕВУ, НО ВОТ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС ИМ БЫЛО НЕ ПО ПУТИ...».

Интервью с Т. А. Джалиловым

Ключевые слова: внешняя политика СССР, Совет экономической взаимопомощи, Организация Варшавского договора, Восточная Европа, перестройка, кризис коммунистических режимов, окончание холодной войны, объединение Германии, М. С. Горбачев, Лех Валенса, Вацлав Гавел.

Аннотация. Тема беседы двух историков — конкретные обстоятельства падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы в конце 1980-х гг. в контексте перестройки и кардинальных перемен, происходивших в СССР.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-179-191

Беседовал А. С. Стыкалин

А. С. Была ли у М. С. Горбачева и его окружения ясная и четкая программа преобразований не только внутри страны, но и в пределах советского лагеря? Были ли четкие представления о неэффективности работы Организации Варшавского договора, СЭВ, необходимости реформирования этих структур в том или ином направлении? Что говорят об этом ваши документы?

Т. Д. В первую очередь, как мне кажется, история СЭВ требует дальнейшего очень тщательного рассмотрения. На мой взгляд, вышедшие в последние годы исследования М. А. Липкина стали важным шагом

в изучении этого вопроса. Липкин убедительно показывает: СЭВ вовсе не был «мертворожденной» организацией, навязанной СССР своим «сателлитам» и перманентно пребывающей в кризисе. На определенных этапах СЭВ был весьма эффективной и привлекательной организацией, участвовать в работе которой стремились не только ортодоксальные коммунистические режимы, но и развивающиеся страны и даже европейские капиталистические государства. Другое дело, что каждая из стран по-своему понимала задачи, стоявшие перед организацией: ЧССР была заинтересована в сырье и рынках сбыта, СССР и ПНР на первый

план выдвигали углубление в разделении труда, БНР стремилась получить прямые инвестиции и т.д. Гармонизировать эти разновекторные устремления было не просто, судьба «Комплексной программы» 1971 г. — яркое тому свидетельство (при этом подчеркнем, СССР в полной мере не использовал свой «политический ресурс» для того, чтобы «продать» и «оборвать» своих партнеров). Да и в самом политическом руководстве Советского Союза СЭВ воспринимали неоднозначно. Для Хрущева экономическая интеграция социалистических стран в рамках СЭВ была фундаментальным вопросом, от решения которого зависела дальнейшая судьба мировой системы социализма. 6 июня 1962 г., выступая на заседании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-участниц СЭВ, первый секретарь ЦК КПСС говорил: «...жизнь настоятельно требует от нас действенных и безотлагательных решений. Дело обстоит теперь так: либо мы смело пойдем по пути дальнейшего сотрудничества <...> либо столкнемся с серьезными трудностями, которые могут отрицательно сказаться на развитии мирового социализма». Судя по всему, Хрущев считал, что даже если на определенном временном отрезке СССР придется пожертвовать своими интересами, в дальнейшем кооперация в рамках СЭВ придаст столь мощный импульс развитию экономик всех стран народной демократии, что это положительным образом скажется и на Советском Союзе. Однако не все члены советского политического руководства разделяли эту точку зрения. Голос противников хрущевского подхода стал звучать

в аппарате ЦК КПСС более весомо после его отставки. Подтверждение этому можно найти в докладе Института экономики мировой социалистической системы АН СССР под названием «О развитии и укреплении экономического сотрудничества социалистических стран и совершенствовании форм этого сотрудничества». Как указывалось в сопроводительной записке, «при подготовке доклада были использованы материалы и консультации работников отдела ЦК КПСС». Судя по многим косвенным признакам, документ отражал позицию советского «экономического блока». Пересказывать 92-страничный материал в данном случае нет возможности, однако применительно к нашей теме важно отметить: авторы документа достаточно откровенно дают понять — дальнейшая интеграция в рамках СЭВ может негативно сказаться на советской экономике. По мнению составителей доклада, открытие внутреннего рынка СССР для стран народной демократии может подорвать целый ряд секторов советского народного хозяйства и снизить темпы его развития. С этой точки зрения оказывалось «выгодней» оказывать экономическую помощь нуждающимся в ней партнерам, нежели углублять разделение труда в рамках СЭВ...

Можно ли говорить о том, что у М.С. Горбачева и его соратников была продуманная концепция трансформации СЭВ, ОВД и мировой системы социализма в целом? Нет, нет и еще раз нет. Можно лишь согласиться с М.Ю. Прокуменщиковым, писавшим о «крайне неадекватной оценке большей частью советских партийных руководителей ситуа-

ции в странах Восточной Европы. <...> “Перестроечные” идеи, замешанные на старых коммунистических иллюзиях, привели к тому, что события в странах Восточной Европы фактически застали врасплох руководство СССР». Показательно, что если в 1989 г. прорабатывались планы работы Военного совета Объединенных вооруженных сил ОВД и концепция его совершенствования вплоть до 2000 г., готовилось широкомасштабное празднование 35-летия Варшавского договора, то уже год спустя — 7 июня 1990 г. — выступая на совещании Политического консультативного комитета ОВД, Горбачев заговорил о том, что сохранение ОВД не является для СССР самоцелью. События развивались с калейдоскопической скоростью, и советское руководство явно не успевало за ними. Справедливости ради надо сказать, что и новые руководители, приходившие на смену партийным элитам социалистических стран, в тот момент еще не ясно сознавали дальнейшие перспективы. На том же совещании ПКК ОВД 7 июня 1990 г. В. Гавел вполне серьезно предлагал план реформ ОВД, кажется, не отдавая себе отчет в том, что существовать этой организации осталось считанные дни.

А.С. При Горбачеве происходил ли процесс постепенного переноса центра тяжести в принятии решений с партийных органов на государственные, в том числе Президентский совет? Когда этот процесс начался? Очевидно, что осенью 1989 г., когда происходили коренные перемены в Восточной Европе, основные решения, и в том числе в декабре 1989 г. о принципиальном отказе

от «доктрины Брежнева», все еще принимались на Политбюро. Отражают ли материалы заседаний Политбюро 1986–1990 гг. некую эволюцию взглядов советских лидеров на происходящее в Восточной Европе, как и эволюцию их представлений о том, какой должна быть оптимальная советская политика в регионе?

Т.Д. Президентский Совет СССР появился в марте 1990 г., и сама эта дата во многом содержит ответ на ваш вопрос. Невозможно «с листа» создать эффективно работающий бюрократический аппарат, обладающий всем необходимым «инструментарием» для реализации своих задач. «Становым хребтом» советской системы, вплоть до распада СССР, был аппарат ЦК КПСС. Именно здесь готовились и принимались все ключевые решения. При этом аппарат ЦК КПСС был весьма сложной, «многоуровневой» структурой, механизм функционирования которой, даже применительно к 60-м гг. XX в., мы еще только начинаем описывать. Большую роль тут сыграло издание трехтомного сборника документов «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления». Сейчас мы готовим к изданию серию — «Рабочие и протокольные записи Секретариата ЦК КПСС», — приоткрывающую завесу тайны над работой второго в иерархии «структурного подразделения» аппарата ЦК КПСС. Материалы Политбюро ЦК КПСС, относящиеся к «горбачевскому периоду», по сей день находятся на закрытом хранении и недоступны исследователям. На сей

день мы просто не имеем фундамента под ногами в виде рассекреченных документов, чтобы рассуждать о том, как эволюционировали взгляды членов Политбюро, какие позиции сталкивались...

А. С. Что решающим образом повлияло на отказ Москвы от «доктрины Брежнева», фактически еще до начала процесса смены систем в Восточной Европе? Убедились уже в ходе польских событий 1980–1981 гг. в ограниченных возможностях ее использования? Сложное положение в Афганистане, где «по уши завязли» без перспективы выхода? Или прежде всего сложное экономическое положение в самой стране?

Т. Д. Прежде всего, необходимо определиться, что мы понимаем под «доктриной Брежнева». В значительной мере мы по-прежнему оперируем тезисами, изложенными в давнишней статье М. Латыша «“Доктрина Брежнева” и “пражская весна” 1968 года (реализация тоталитарных принципов через партийную дипломатию)». В «грубом виде» «доктрину Брежнева» сводят к понятию об «ограниченном суверенитете» и готовности защищать свою «зону влияния» любыми методами, вплоть до применения силы. Не трудно заметить, что в такой трактовке «доктрина Брежнева» практически идентична «Ялтинско-Потсдамской системе», как ее понимали по обе стороны железного занавеса. Как мне представляется, «доктрина», безусловно, включала эти постулаты, но была значительно шире. Помимо «держат и не пуцать» Брежнев стремился создать разветвленную

систему коллективной выработки и принятия решений, включавшую элиту социалистических стран. Частью этой системы должны были стать СЭВ, ПКСК ОВД, Международные совещания коммунистических и рабочих партий, неформальные встречи лидеров стран «народной демократии». В этом контексте очень показательны Крымские встречи лидеров социалистических стран, проводившиеся с 1970 г. в Ялте на регулярной основе. В ходе этих встреч обсуждался очень широкий круг важнейших проблем, в решении которых были кровно заинтересованы элиты социалистических стран. Создавалось ощущение их сопричастности к выработке глобальной стратегии советского блока. Однако еще показательнее то, что осталось за рамками Крымских встреч: тема реформ социализма на них не поднималась. Методы и практики сталинизма уже не соответствовали духу времени и были осуждены еще XX съездом КПСС. Несмотря на определенный «неосталинистский тренд», всерьез возможность полномасштабной реставрации никто уже не рассматривал. Однако полноценной альтернативы сталинизму не было создано. Взамен «брежневское руководство» лишь предложило эклектичный набор во многом противоречащих друг другу идеологем. В качестве «модели будущего» провозглашалась малопопулярная концепция построения развитого социализма и ставилась задача неуклонного роста благосостояния граждан. При этом, только предложив обществу «стран народной демократии» привлекательную модель будущего, пойдя на подлинную замену отжившего новым, выработав систему необходимых реформ и возгла-

вив их, ЦК КПСС мог рассчитывать на реальное преодоление кризисных явлений. Пока все внимание фокусировалось лишь на взаимодействии элит, подлинная болезнь лишь «загонялась вглубь» и неминуемо должна была вспыхнуть с новой силой. Именно это и произошло во второй половине 80-х гг. XX в. Выступления Горбачева полны рассуждений о том, что «мы простились с той моделью, которая загоняла наши страны и народы в тупик, вышли на основе уверенного выбора каждой страны на новый путь развития». Но в чем была суть этого нового пути развития в понимании генерального секретаря? По словам Горбачева, «истинные интересы Советского государства заключаются в том, чтобы окончательно преодолеть раскол континента и вместе с нашими союзниками интегрироваться в единую Европу». Звучит сколь красиво, столь и наивно... Как мне представляется, главной проблемой Советского Союза было не отсутствие возможности использовать силу для реализации своей политики. Сил все еще было довольно. А вот чего недоставало, так это понимания того, в чем суть советской политики, во имя чего «махать кулаками»...

А. С. Насколько адекватно советские лидеры оценивали ситуацию в странах Восточной Европы в канун эпохальных перемен в регионе, и в том числе настроения элит и обществ этих стран? Не питали ли они поначалу чрезмерных иллюзий относительно готовности коммунистических лидеров Восточной Европы последовать советскому примеру в деле перестройки и «нового политического мышления»? А если

говорить уже о 1989 г., то не создается ли у вас на основе документов представление о том, что они все время запаздывали в оценках обстановки в регионе? И не стало ли сокрушительное поражение коммунистов на свободных выборах в Польше 4 июня 1989 г. для кого-то в Москве холодным душем, заставившим более трезво взглянуть на ситуацию и заняться корректировкой прежней линии?

Т. Д. Интересно, что накануне выборов в Польше в ЦК КПСС были абсолютно уверены, что худшим исходом для польских коммунистов будет тот, при котором придется «поделиться властью с оппозицией». Возможность сокрушительного поражения даже не рассматривалась. Так же оценивалась ситуация в ЧССР — в ноябре 1989 г. член Политбюро ЦК КПСС Н. Н. Слюньков писал о том, что руководство КПЧ «владеет положением и идет курсом осторожных реформ». И это за неделю до начала «бархатной революции»! Это к вопросу об адекватности оценки ситуации... В отличие от низового аппарата ЦК КПСС, отлично информированного и хорошо разбиравшегося в происходящем в регионе, высшее политическое руководство СССР проявляло удивительное непонимание. Нежелание лидеров стран социализма слепо следовать в фарватере советской политики оказалось для Москвы неприятным сюрпризом. 2 октября 1989 г. секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев был вынужден констатировать: «прежнего, механического единства между нашими партиями нет и не будет». Его возмущало то, что часть лидеров коммунистических партий «стремятся в основном

и главным сохранить традиционные порядки и подходы, а о перестройке и обновлении если и говорят, то понимают под этим лишь необходимость некоторого ремонта существующей модели». Указания лидеров социалистических стран, что у них уже давно реализовано на практике многое из того, что составляло «советскую перестройку», а дальнейшая «демократизация» приведет к краху режимов, не находили понимания в Кремле и вызывали лишь желание «надавить» и «подтолкнуть в нужном направлении». Результат такой политики каждый раз оказывался «совершенно неожиданным» для советского руководства.

А. С. Мемуаристы зафиксировали уничтожительные высказывания командующего войсками стран-участниц ОВД маршала В. Г. Куликова «мой кукольный театр», сказанные применительно к военному совету с участием генералитета стран-союзниц. Представления о том, что все решения принимаются в Москве, а союзники выступают в роли не более чем статистов, были, наверно, прочно укоренены в сознании советской элиты, не только военной. Когда начался и как происходил, судя по документам, процесс избавления от иллюзий, согласно которым Москва могла полностью контролировать происходящее в советской сфере влияния?

Т. Д. Корнею Ивановичу Чуковскому приписывают замечательную фразу: «врет, как очевидец...». Возможно, это тот самый случай. Ну а если говорить серьезно, процесс изменения отношения советского руководства к элитам стран социа-

листического лагеря — составная часть процесса десталинизации. Избавление от «сталинского наследия» было делом долгим и мучительным, по сути, оно так и не было закончено. Незавершенная десталинизация, по мнению многих, стала одной из причин крушения Советского Союза. Вот один из характерных примеров: в 1955 г., во время знаменитой встречи Хрущева с лидерами Югославии первый секретарь ЦК КПСС рассказывал югославским коллегам, в какой недопустимой манере Сталин общался с лидерами социалистических стран... В то же время сам Хрущев продолжал вести себя точно так же, даже не отдавая себе отчет в своих действиях: «Хрущев не любил, когда ему возражали, — говорил в октябре 1964 г. В. Гомулка Л. И. Брежневу, — был нетерпим к мнениям других товарищей. Всякий раз, когда мы пытались говорить с ним по вопросам, где наши взгляды не совпадали, он реагировал нервно и грубо». О том же рассказывал 17 октября 1964 г. советскому послу М. В. Зимянину первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный. Он упрекал Хрущева в отсутствии уважения к суверенитету и национальным особенностям социалистических стран: «Хрущев дал такую характеристику отношениям СССР и КПСС с некоторыми братскими странами и партиями, в частности, ГДР, Польши, Румынии, а также характеристику руководителям этих стран и партий, что при разглашении его высказываний был бы нанесен определенный ущерб интересам КПСС и Советского Союза». Придя к власти в октябре 1964 г., Л. И. Брежнев столкнулся с «коллективной фрондой» лидеров ключевых европейских стран со-

циалистического лагеря. Я. Кадар, А. Новотный, В. Гомулка в один голос уверяли новое советское руководство в своей «преданности генеральной линии ЦК КПСС» и в то же время повели борьбу за завоевание новых политических полномочий в рамках уже сложившейся мировой системы социализма; требование консультироваться «по важнейшим внешнеполитическим акциям Советского Союза и вопросам отношений между социалистическими странами» — лейтмотив высказываний лидеров социалистических стран в период обсуждения отставки Хрущева. Смена власти в СССР стала удобным поводом, чтобы озвучить свои позиции, и Брежнев, вынужденный вступить в диалог, оказался перед лицом новой политической реальности. Однако понимание сути этой новой «политической реальности» могло различаться: только время могло дать ответ, что стояло за обещаниями Брежнева найти «новые формы взаимоотношений с социалистическими странами», данными им в ходе переговоров с Кадаром 9–10 ноября 1964 г. Как мы уже говорили, определенные шаги в этом направлении Брежневым были сделаны. Казалось бы, Горбачев, столь много рассуждавший о «перестройке», «гласности», «демократизации», «уважении национального суверенитета», должен был бы пойти гораздо дальше своих предшественников. В действительности мы видим изумление советского руководства, когда в конце 80-х оно столкнулось с тем, что лидеры социалистических стран не спешат «взять под козырек». Попытки Э. Хонеккера объяснить Горбачеву, что слепое копирование советской «перестройки» несет угрозу не толь-

ко общественному строю, но существованию самого государства, наталкивались на плохо скрываемое раздражение генерального секретаря ЦК КПСС.

А. С. Как в среде советской партократии, в том числе в аппарате ЦК, был воспринят столь скорый крах коммунистических режимов Восточной Европы, а через некоторое время и прекращение существования СЭВ и ОВД? На основании разных источников (в том числе мемуарных) у меня складывается впечатление, что такой ход событий застал как горбачевское руководство, так и партаппарат врасплох, что они не были готовы к этому и пытались в своей политике идти по пути непродуманных импровизаций. Какие объяснения падению коммунизма в Восточной Европе пытались давать в аппарате ЦК КПСС? И стремились ли как-то извлечь уроки, чтобы не допустить краха коммунистического режима в собственной стране?

Т. Д. Приведу вам цитату из записки международного отдела ЦК КПСС от 20 марта 1990 г. «О линии КПСС и мерах в поддержку коммунистических и рабочих партий в восточноевропейских странах»: «Кризис, в котором оказались правящие компартии в странах Восточной Европы, неразрывно связан с кризисом сложившейся там командно-административной модели социализма. Стремление прежних руководителей во что бы то ни стало продлить существование политической структуры, созданной по сталинской матрице, и таким способом сохранить власть, их нежелание дать старт давно

назревшим реформам или свести их к полумерам подрывали авторитет компартий». Золотые слова. Только вот из чьих уст они звучат? Какова ответственность за все происходящее ЦК КПСС? Авторы записки об этом умалчивают, взваливая всю вину на головы «ретроградов» из компартий социалистических стран. Получается, ЦК КПСС полностью самоустранился и в течение многих лет никак не влиял на ситуацию в Восточной Европе. Руководство стран народной демократии само долгие годы проводило неверную политику и теперь за это расплачивается, а ЦК КПСС «умывает руки» — вот такой взгляд на события предлагают нам авторы процитированной записки. Позиция, мягко говоря, полная лукавства. И это не случайно. В качестве первоочередной меры в том же документе предлагается «не потерять время» и срочно установить контакты с «новыми силами», пришедшими к власти в Восточной Европе. Перед нами не только «программа капитуляции», но и полное непонимание того, на кого ориентировались «новые силы», какова была их политическая программа, наконец, непонимание настроения общества... Не берусь судить, был ли это цинизм или оторванность от реальности, или нечто иное, но когда читаешь десятки подобных документов, становится очевидным: все должно было закончиться крахом.

А. С. Создается впечатление, что некоторые из коммунистических лидеров Восточной Европы довольно легко, фактически без сопротивления отдали власть своим оппонентам. Чем это можно объяснить? Деморализацией перед лицом новых

вызовов, с которыми уже было невозможно справиться в одиночку? Ведь Советский Союз декларировал отказ от «доктрины Брежнева», и из Москвы шли отчетливые сигналы о том, что на серьезную помощь из СССР в деле удержания власти представителям прежних коммунистических элит рассчитывать едва ли придется. Хотя бы потому, что советским лидерам к 1990 г. все труднее было контролировать ситуацию и в собственной стране... И все-таки Москва хоть что-то делала, чтобы уже позже, в 1990–1991 гг. облегчить процесс адаптации своих недавних партнеров, теперь утративших власть в своих странах, к новой ситуации?

Т. Д. Москва декларировала, что «ни по политическим, ни по нравственным причинам, значение которых сегодня в политике возрастает, мы не можем бросать партии, прошедшие с нами столь долгий путь, на произвол судьбы...». Однако, по сути, эти декларации остались лишь благими пожеланиями. В тот момент КПСС была не в состоянии позаботиться о себе, что уж говорить о «братских партиях». Я не думаю, что была хотя бы гипотетическая возможность сохранения пусть и «перелицованных» коммунистических режимов в Восточной Европе. И дело тут не в экономике. В конце концов, Куба и Северная Корея долгие годы живут в режиме «осажденной крепости». Также неверно представлять Кадара, Гусака, Гомулку или Ярузельского ничтожными марионетками Кремля. Это были сильные люди, несломленные тюрьмами, способные отстаивать свои взгляды. Мне кажется, основная причина быстрого падения

коммунистических режимов заключалась в том нравственном кризисе, который пережили общества стран социалистического лагеря после подавления Пражской весны, провала попыток реформ в Венгрии, Польше... Трагедия заключалась в том, что искренние попытки десталинизации каждый раз упирались в невозможность трансформации системы. Возможно, Гусак, в 1968 г. бывший одним из лидеров чехословацких реформаторов, и Кадар, автор венгерского «Kádárizmus», понимали это как никто другой...

А. С. Насколько осознавали в Москве с началом перестройки и позже, что вопреки декларируемому на протяжении десятилетий единству социалистический лагерь раздираем противоречиями, что показало обострение венгерско-румынских, болгарско-югославских противоречий, не говоря уже о начавшемся в 1990 г. и сопровождавшемся кровавыми конфликтами процессе развала Югославии? Когда в Москве почувствовали угрозу столь драматических событий в Югославии? Осознавалась ли вообще на Старой площади угроза «балканизации» международных отношений не только в Юго-Восточной, но отчасти и в Центральной Европе? И предпринимали ли что-то в интересах смягчения национально-территориальных и прочих споров, которые все более начали выходить на поверхность? В конце концов, ведь речь шла об угрозе нестабильности вдоль западных рубежей СССР. К тому же нельзя было исключать и выдвижения территориальных претензий к СССР на фоне резкого усиления центробежных

тенденций в Советском Союзе (это касалось, в частности, позиции новой румынской элиты в отношении Молдавской ССР).

Т. Д. В своих выступлениях Горбачев очень много говорил об «общем Европейском доме», «единой Европе», наступлении «новой эры в истории человечества»... Мне кажется, в данном случае он был вполне искренен. Мы уже говорили, что советское руководство «витало в облаках» и, конечно, не предвидело «балканизации», так же как и не предвидело роста национализма в СССР. Ключ к вашему вопросу кроется в советской национальной политике. Эту проблему в значительной мере проспали. Но это предмет отдельного разговора о внутренней политике Горбачева.

А. С. Какой проступает из документов вашего архива роль Запада в тех кардинальных переменах в Восточной Европе, которые произошли в конце 1980-х? И был ли Запад в полной мере подготовлен к такому развитию событий? Какие цели ставили перед собой, судя по документам, в Вашингтоне? Победа в холодной войне отождествлялась с развалом советского блока? А складывается ли из документов впечатление, что американская администрация изначально или с какого-то времени была нацелена на ликвидацию СССР? И как в Москве, насколько адекватно оценивали перспективы интеграции восточноевропейских стран в западное сообщество?

Т. Д. Для ответа на ваш вопрос необходимо обратиться к архивам стран

Западной Европы и Америки. Мы привыкли сетовать на закрытость наших архивов. Но, изучая данную тему, приходится признать, что «на западе» положение дел значительно хуже. Ключевые источники по этому периоду до сих пор недоступны исследователям. В этом смысле мы «далеко обогнали Запад», процесс рассекречивания в нашей стране продвинулся значительно дальше. Но и у нас, и в США стенограммы переговоров лидеров государств недоступны исследователям. Горбачев неоднократно уверял других в своей уверенности в том, что «в политических кругах США растет понимание выгоды для Америки, чтобы Советский Союз был сильным демократическим современным государством, интегрированным в мировую экономику, в мировую цивилизацию». Похоже, что советский лидер искренне в это верил. Видимо, западные лидеры также не были готовы к столь радикальным и скоротечным изменениям. Договоренности, достигнутые с Советским Союзом, с их точки зрения, теряли всякий смысл в быстроменяющемся мире. Однако чтобы подробно проследить динамику взаимоотношений СССР со странами Запада в тот период, у нас просто нет достаточного количества информации. Увы, это задача не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня...

А.С. Обратимся к характеристике источников. Насколько объективную картину ситуации в отдельных странах давали дипломатические донесения, отчеты о поездках разных делегаций, записки экспертов академических институтов? Существовал ли на Старой площади при

Горбачеве запрос на правду, или некоторые составители записок, как и в прежние времена, старались подлаживаться под ожидания и смягчали картину? Насколько верны были прогнозы дипломатов и экспертов? И как влияла поступавшая информация на принимавшиеся решения, насколько учитывались мнения экспертов?

Т.Д. Я абсолютно убежден, что на всех этапах аппарат ЦК КПСС располагал исчерпывающей, достоверной информацией. Все разговоры о том, что в ЦК не знали, «проспали» и тому подобное, не соответствуют действительности. Я достаточно много писал об этом на примере событий в Чехословакии в 1968 г. Ситуация не изменилась и в «горбачевский период». Другое дело, как накопленная информация интерпретировалась и использовалась высшим политическим руководством, какие выводы делались на ее основании. Вот с этим всегда существовали серьезные проблемы: и во второй половине 60-х, и во второй половине 80-х гг. XX в. Обращу ваше внимание на опубликованную записку В. Фалина, главы международного отдела ЦК, от 23 января 1991 г. «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе». «Прежняя модель отношений Советского Союза с восточноевропейскими странами рухнула, но на смену старой системе новой системы не пришло. <...> советская политика в Восточной Европе действует без четкой стратегической концепции, без ясного определения целей», — пишет Фалин. Он выступает в роли провидца, удивительно точно описав дальнейшее развитие событий. При

этом, как представляется, сам хорошо сознавая, что пишет скорее «для истории», нежели в надежде подвинуть руководство страны на конкретные действия. Видимо, есть в нашей истории такой особый жанр мрачных пророчеств... Записка П. Н. Дурново в 1914 г. Записка В. М. Фалина в 1991 г. При всем далеко не восторженном отношении к авторам этих документов, скажу, что их роднит проявленная неспособность высшего руководства страны своевременно отреагировать на поступающие «тревожные сигналы». Что следует за подобной слепотой, мы хорошо знаем.

А. С. Как складывались, судя по вашим документам, отношения горбачевского руководства с новыми лидерами восточноевропейских стран, овладевшими ключевыми позициями в своих странах после падения коммунистических режимов? Ведь, не считая разве что выходца из своей партноменклатуры румына И. Илиеску, это были, как правило, антикоммунисты (при всех кардинальных различиях между, например, рафинированным интеллигентом Гавелом и рабочим Валенсой). Насколько готова была Москва к диалогу с ними? Какие цели ставила перед собой советская внешняя политика на этом направлении? И как они соотносились с целями новых посткоммунистических элит в самих странах?

Т. Д. Судя по всему, на личном уровне политики «новой волны» Восточной Европы и советские реформаторы испытывали взаимные симпатии друг к другу. Как это ни парадоксально, но отторжение у Горбачева и его соратников как раз вызывали

«старые партократы» — Гусак, Якеш, Хонеккер. Другое дело, что личные симпатии и большая политика — явления совершенно разных уровней. Гавел, Валенса могли прекрасно относиться к Михаилу Горбачеву, но вот с генеральным секретарем ЦК КПСС им было не по пути. Если Москва была открыта к диалогу, то новым элитам восточноевропейских стран было просто не о чем разговаривать с советской элитой, разве только об условиях скорейшего развода (вывод войск и т. п.).

А. С. На декабрьском пленуме ЦК КПСС 1989 г. Горбачев говорил, что СССР принципиально выступает за сохранение ГДР, своего стратегического союзника. Когда и почему в Москве осознали, что воспрепятствовать объединению Германии не удастся, и отказались от борьбы за сохранение ГДР? Согласие Горбачева на включение объединенной Германии в НАТО было обусловлено отсутствием политических альтернатив или, скорее, объясняется идеализмом советского лидера, всерьез верившего в реализуемость своих идеалов создания единой Европы от Атлантики до Урала? Так, что в рамках этой новой парадигмы и новой конфигурации общеевропейской системы безопасности, якобы принимаемой и западными политиками, блок НАТО утратит свое прежнее значение, а затем и отойдет в прошлое вслед за ОВД...

Т. Д. На данный момент нет достаточного количества рассекреченных документов, для того чтобы проследить историю объединения Германии во всех нюансах. Доступные нам материалы красноречиво

свидетельствуют о том, что до последнего момента советское руководство верило (или, по крайней мере, стремилось верить) в то, что ФРГ и СССР станут частью новой единой Европы, в которой не будет места блоковому противостоянию, в которой возобладает «новое мышление». Не хотелось бы сейчас спекулировать на тему данных «Западом», но не выполненных обещаний относительно будущего НАТО (в конце концов, в большой политике обещания действуют ровно до тех пор, пока противоположная сторона способна «настоять» на их выполнении).

А. С. Более общий вопрос. Историки много занимались выявлением роли советского фактора в установлении к концу 1940-х гг. коммунистических режимов в Восточной Европе. А как бы вы вкратце оценили роль советского фактора в крахе коммунизма в Восточной Европе?

Другой вопрос, еще более общий: судя по документам, был ли предопределен крах СССР и советского блока уже с началом горбачевских реформ?

Т. Д. Объединю эти два ваших вопроса. Как представляется, коммунизм, в том виде, в котором мы его знаем, — наш, отечественный продукт. Существовать длительное время в Восточной Европе он мог, только опираясь на Советский Союз. Был ли предопределен крах СССР? Вполне можно допустить, что если бы в 1990 г. «закрутили гайки», мы по-прежнему «строили бы светлое будущее». Анализ экономического потенциала СССР на основании доступных нам материалов не рисует столь уж без-

надежную картину. В конце концов, мы и по сей день не достигли того, советского уровня социально-экономического развития. Однако советский коммунизм, как это ни парадоксально звучит применительно к людям, называвшим себя марксистами и материалистами, скорее вера, чем экономическая система. И вот с этой точки зрения крах советской системы был рано или поздно неизбежен. Приведу лишь один пример — воспоминания и дневники А. С. Черняева. Удивительный документ эпохи. Человек был помощником Горбачева, играл одну из ключевых ролей в системе власти. При этом его воспоминания рисуют полную духовную опустошенность, состояние безысходности. Если верить автору, он готов был покинуть работу в ЦК КПСС и бежать в «вагоновожатые». Лишь бы вырваться из нравственного тупика. То, как быстро в лексиконе советских руководителей времен перестройки ссылки на Ленина и Маркса уступили место рассуждениям об общечеловеческих ценностях, лишь подтверждает нашу мысль. Советская элита утратила ориентиры, «модель будущего» — это очень четко видно по документам.

А. С. Несколько лет назад РГАНИ опубликовал фундаментальный сборник «Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы». По сути это был первый вышедший в России труд, позволивший поставить изучение восточноевропейской истории того переломного периода на прочную документальную базу. Есть ли шанс представить научному сообществу и какие-то новые, раскритиченные с тех пор документы,

раскрывающие те или иные стороны советской политики в Восточной Европе? И соответственно, какими вам видятся дальнейшие перспективы изучения темы? Кроме того, нет ли в ваших планах подготовки столь же фундаментального документального сборника, посвященного процессу распада СССР?

Т.Д. На данный момент большинство рассекреченных материалов по теме было уже опубликовано в упомянутом вами сборнике. Вряд ли стоит ожидать в ближайшее время появление нового обширного массива документов, доступного для исследователей. Однако это не повод для уныния. Сегодня все более и более очевидным становится то, что истоки большинства процессов, приведших к событиям 1989–1991 гг., следует искать в «брежневской эпохе», а то и в «хрущевском периоде». Настало время для их скрупулезного анализа. Мы многое делаем для этого. Сейчас готовится большой проект, посвященный встречам и переговорам лидеров

СССР и Венгрии с 1956 по 1981 г. В 2020 г., совместно с Институтом всеобщей истории РАН, начнется работа по подготовке сборника документов, рассказывающего об участии СССР в Совете экономической взаимопомощи. Несколько лет назад мы запустили серию под общим названием «Наследники Коминтерна», в рамках которой планируется публикация материалов Международных совещаний коммунистических и рабочих партий. По независящим от нас причинам эта работа несколько «замерла», но мы обязательно ее активизируем. В 2003 г. РГАНИ был подготовлен сборник документов «КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х гг.», давно уже ставший библиографической редкостью. Настало время вернуться к этой теме уже на новом уровне... У нас обширные планы. Если удастся реализовать задуманное, спустя некоторое время мы вернемся к изучению периода «заката» социалистического лагеря, вооруженные новыми знаниями.

“HAVEL, WALESKA COULD HAVE A GREAT RELATIONSHIP WITH MIKHAIL GORBACHEV, BUT WITH THE SECRETARY GENERAL OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU THEY WERE NOT ON THE WAY...”.

Interview with T. A. Dzhalilov

Jalilov Timur A. — candidate of historical sciences, Head of the Department, Russian state archive of contemporary history (Moscow)

Key words: USSR foreign policy, Council for Mutual Economic Assistance, Organization of the Warsaw Pact, Eastern Europe, Perestroika, the crisis of communist regimes, the end of the Cold War, the unification of Germany, M. S. Gorbachev, Lech Wałęsa, Václav Havel.

Abstract. The topic of conversation between the two historians is the specific circumstances of the fall of communist regimes in Eastern Europe at the end of the 1980s in the context of Perestroika and the cardinal changes that took place in the USSR.

«НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ ЯВЛЯЮТСЯ В ЧЕШСКОЙ ИСТОРИИ ТРАДИЦИЕЙ».

Интервью с М. Махачеком

Ключевые слова: интервенция 21 августа 1968 г в Чехословакию, Густав Гусак, режим нормализации в Чехословакии, перестройка в СССР, кризис социализма в Чехословакии, «бархатная революция» в Чехословакии, Вацлав Гавел, Александр Дубчек, распад чехословацкой федерации.

Аннотация. Чешский историк рассуждает об особенностях исторического развития Чехословакии в 1970–1980-е гг., о «бархатной революции» 1989 г. и распаде единого государства чехов и словаков.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-192-207

Вопросы подготовил А. Стыкалин

Ответы переведил С. Слоистов (Институт славяноведения РАН)

А. С. Господин Махачек, главная ваша работа, вызвавшая немалый резонанс, — это биография Густава Гусака, стоявшего во главе Чехословакии два десятилетия после августовской интервенции 1968 г. Известно, что в отличие, например, от Василя Биляка, занимавшего очень влиятельное положение в чехословацком политбюро, и ряда других функционеров, «пригласивших» иностранные войска для подавления Пражской весны, Гусак не был крайним коммунистическим ортодоксом и сталинистом. Это был человек весьма образованный, в свое время не чуждый реформаторских идей. Он имел определенные заслуги перед словацким национальным движением 1940-х гг. на его левом

фланге и пользовался в Словакии определенной популярностью. Кроме того, он прошел в 1950-е гг. через репрессии и воспринимался как одна из жертв коммунистического режима. Можно предполагать, что многие в чешском и тем более словацком обществе связывали с Гусаком определенные надежды на сохранение некоторых завоеваний Пражской весны и продолжение хотя бы части реформ. Почему эти надежды не оправдались и значительная часть лучших представителей интеллигенции (особенно чешской и чуть в меньшей степени словацкой) были вытеснены из официальной культурной жизни, лишались работы, на долгие годы потеряли возможность заниматься интел-

© Историческая Экспертиза, 2020

Махачек Михал — чешский историк, Ph.D., автор фундаментальной биографии Густава Гусака (Чехия)

лектуальным трудом? Что, на ваш взгляд, сыграло главную роль — давление Москвы или собственных радикалов? Сказались ли на ситуации какие-то личные качества Гусака, человека по своей природе склонного к далеко идущим компромиссам?

М. М. Сначала разрешите поблагодарить за разговор и интерес к моей работе, возможность поделиться своими соображениями и результатами моих продолжающихся исследований с вашими читателями. Думаю, что сегодня, во время вызванных в значительной степени искусственно чешско-русских споров, это может принести большую пользу.

В истории мало когда все решает только один фактор. По моему мнению, и в этом случае речь шла о переплетении разных влияний.

Это действительно правда, что Гусак хотел «нормализации» (он сам обычно использовал понятие «консолидация»), исходя из умеренной позиции, вернее, он принимал во внимание временный характер сложившихся отношений. Т. е., как и в Венгрии после 1956 г., хотя сначала и придется «затянуть гайки», зато потом отпустить. Однако в итоге он так и не стал чехословацким Кадаром. Многие годы занимавший должность министра иностранных дел Чехословакии Богуслав Хноупек вспоминал, как подавленный Гусак однажды за рюмкой коньяка признался, что это тяжело дается, когда он должен только разрушать, и что он не представлял себе такого развития событий.

Это было связано с сущностью начального этапа так называемой нор-

мализации (1969–1971 гг.), когда под советским давлением, а также и под влиянием некоторых чехословацких радикалов были приняты жесткие решения, кардинально отрицавшие реформы и направленные против самого духа Пражской весны, — процесс либерализации и перемен был официально определен как ползучая контрреволюция, которую должны были остановить дружественные армии. Коммунистическая партия Чехословакии этим приковала к своим ногам очень тяжелую гирию, которую затем с собой волочила. Коммунистическое руководство не могло от этой гири избавиться без того, чтобы не подпилить сук, на котором сидишь. Такая ситуация продолжалась и в период 80-х гг., когда советская политика уже не мешала переменам и даже сама к ним призывала.

По причине спонтанного выхода и партийных проверок было исключено или вычеркнуто из списка членов партии (что было более умеренной мерой взыскания) около 500 тысяч членов КПЧ. В результате чего освободились многие руководящие должности, которые могли занять новые люди, часто молодые, которые затем стали опорой режима. В случае пересмотра решений проверок (а согласно российским архивным материалам, в 1973 г. Гусак пробовал организовать такую работу) возникла бы тяжело разрешимая ситуация, т. к. если бы была проведена партийная реабилитация, то восстановленные в КПЧ члены претендовали бы на свои старые, уже занятые должности. Не говоря уже о несогласии членов проверочных комиссий, которые пересмотр решений о взыскании воспринимали

как недоверие к ими проделанной работе и опасность для себя самих. К тому же исключение членов партии часто было не только вопросом борьбы за идеологическую чистоту, но проявлением существовавших ранее разных личных конфликтов между функционерами, оно могло быть обусловлено стремлением к карьерному росту, а для многих также было средством для решения своих частных проблем. Чехословацкие коммунисты часто могли быть и святее папы римского, чтобы продемонстрировать Москве свою принципиальность и лояльность.

Однако действия Гусака, который был от всех обособлен, определялись его личностными особенностями — он был большим индивидуалистом. В первую очередь важную роль играла позиция, которую он занимал в партийном аппарате и руководстве. В руководстве партии он действовал как первый среди равных. Гусак не имел неограниченной власти и непререкаемого авторитета, он должен был считаться с другими членами президиума, а также и с Москвой. Василь Биляк, которому она доверяла, был практически в любой момент готов в случае нежелательного развития ситуации заменить Гусака, и вначале он сам стремился к этому. Биляк имел сильные позиции в партийном аппарате, например, он был секретарем по идеологии или международной политике, в то время как положение Гусака ослабили партийные проверки, которые коснулись и его политических союзников. В большей степени он должен был ориентироваться на СССР, в первую очередь на Леонида Ильича Брежнева, который стал его постоянным патроном.

Да, Гусак возглавил процесс нормализации, но не как его главный инициатор, а скорее выполняя пропагандистскую функцию. Его демагогические выступления были логичны и несентиментальны, ориентированы на низменные чувства людей, будучи одновременно более понятными в сравнении с высказываниями погружавшихся в философствование оппонентов. Его радикализм и воинственность нередко воспринимались как игра напоказ Москве, чтобы под прикрытием этого чего-то все же добиться. Гусак полагал, что если ему удастся стабилизировать ситуацию, то последует вывод советского вооруженного контингента и ослабление принятых в процессе нормализации мер, тем самым он смог бы получить поддержку чешского и словацкого населения. Он жил, как и общество, пребывая в иллюзии о временном характере сложившегося положения, что, конечно, с другой стороны, им и использовалось, поскольку этим была нейтрализована гражданская активность. Его воспринимали как политика, действовавшего по принципу меньшего зла. Немногие знают, что нормализация могла проходить еще в более резких формах, достаточно снова вспомнить то, что перед этим происходило в Венгрии, где были и казни. Чего-то похожего боялись и главные действующие лица Пражской весны 1968 г., страх испытывал, как ни удивительно, и Густав Гусак. Даже он не мог быть уверен, учитывая его прежние прорепорформенные позиции, не случится ли это с ним.

Мне хотелось бы еще заметить, что Гусак также проделал определенную идейную эволюцию и был полити-

ком, который может приспособиться. Об этом свидетельствует и его высказывание, когда ему припомнили, что он изменяет свои взгляды: «Когда идет дождь, я открываю зонтик, но когда тучи рассеялись, я его закрываю, ведь в противном случае я бы выглядел идиотом».

А.С. Была ли разница между Чехией и Словакией в осуществлении в 1970-е гг. политики так называемой «нормализации», проводилась ли эта политика в Словакии (в том числе в сфере культуры) менее жесткими методами, и если да, то почему? Сказалась ли федерализация Чехословакии после 1968 г. на снижении протестного потенциала словацкого общества?

М.М. Как это ни удивительно, по данной проблеме научной работы пока нет. Конечно, да, мы можем говорить о двойственности в развитии и во взглядах. В Чехословакии действительно совместно или, лучше сказать, рядом друг с другом существовали по крайней мере два отдельных общества — чешское и словацкое. Каждое из них обладало своим историческим опытом и менталитетом, в каждом проявлялись и различия. При этом на словаков влияли, бесспорно, высокий уровень социально-экономического роста и возникновение федерации чехов и словаков. Она была создана прежде всего благодаря Гусаку 1 января 1969 г. и в значительной мере удовлетворила национальные чувства словаков, а также открыла им более широкие возможности для самореализации. До этого в Чехословакии функционировала модель асимметричного централизованного государственно-

го устройства, что не подходило словакам. Во время Пражской весны они стремились добиться в этом вопросе принципиальных изменений. Чехи по отношению к таким их устремлениям традиционно относились без должного понимания, вернее, считали более важным делом демократизацию.

По-разному также воспринималась военная интервенция. Некоторые словаки полагали, что ввод советских войск в Чехословакию является второй по счету оккупацией, т.к. для них оккупацией уже были само освобождение Чехословакии в конце Второй мировой войны и ликвидация словацкого государства, которое было ориентировано на нацистскую Германию. С другой стороны, по причине большей географической и ментальной близости у части словацкого населения были более сильные про-русские симпатии. У словаков также сильнее проявлялась способность адаптироваться к новым условиям, больше было и взаимозависимости между людьми внутри общества, хотя и у них имели место случаи преследований и интеллектуальной дискриминации (в сравнении с Чехией этого было меньше). Как говорится в одной из словацких поговорок: «Что политика разделяет, то сливовица соединяет». Это было давней практикой.

Следующим важным фактором был вопрос кадров. Например, пост министра культуры Словакии многие годы занимал поэт Мирослав Валек. Личность очень сложная и интересная. Он смог использовать свой авторитет и автономное положение в словацких властных кругах, причем, не являясь догматиком.

В сравнении с чешским министром культуры Миланом Клусаком его преимуществом было наличие сильной позиции в словацком партийном аппарате, поддержка влиятельных сотрудников в центральном аппарате партии, и даже сверх того, если вести речь о Валеке как о зяте советского дипломата и члена ЦК КПСС Валериана Зорина. Личные связи и сетевые контакты внутри социума, конечно, играют ключевую роль не только в политике.

А.С. Давайте поговорим с вами о Хартии-77, программном документе чешской оппозиции, возникшем в тот исторический период, когда в повестке дня европейской и мировой политики большое место заняла правозащитная тематика — даже коммунистические страны, подписав в августе 1975 г. Хельсинкскую декларацию, приняли на себя определенные обязательства в этой области. Известно, что Хартия-77 была сугубо интеллигентской инициативой и не стала массовым движением. И все-таки сыграла ли она сколько-нибудь значительную роль во встряхивании деморализованного общества от «спячки», в мобилизации протестного движения в Чехословакии? И почему рабочий класс не выступил синхронно с интеллигенцией и не произошло чего-либо подобного польской «Солидарности»? Объясняется ли это только несколько более высоким уровнем жизни в Чехословакии в сравнении с Польшей, или были и другие причины? (Причем этот фактор мог играть свою роль вплоть до 1989 г., ведь на фоне соседней Польши экономическое положение казалось более благоприятным.)

М.М. В первые годы разочарование после августовских событий и существовавшие тогда иллюзии о временном характере сложившихся во власти отношений сумели существенно затормозить гражданскую активность. Критически рассуждавшие ушли в себя, а продолжавших действовать подавляли. Этому способствовала и сложившаяся ситуация: отсутствие реальной альтернативной программы и реализующих ее лидеров, а в конце концов и желания претворять ее в жизнь при осознании возможных санкций.

Однако к концу первой половины 1970-х гг., когда так ничего и не изменилось, снова стали проявлять себя отдельные активисты — интеллектуалы и бывшие политики. Они писали открытые письма, в которых критически анализировали и описывали потворствующий лицемерию режим. Это был не только Вацлав Гавел, но и, например, Александер Дубчек или Зденек Млынарж. В дальнейшем начали действовать Хельсинкские соглашения о правах человека, обязательства по которым взяли на себя в 1975 г. и социалистические страны, включая Чехословакию и СССР.

Значение Хартии-77 было в том, что речь шла о ясной политической платформе, лучше сказать, активном сообществе, формирующемся из разных идейных течений. Кроме исключенных коммунистов, из которых поначалу было больше половины подписантов, были представлены и некоммунисты, в том числе христианская интеллигенция. Хартия-77 вместе с Комитетом защиты несправедливо осужденных стали тем зер-

калом, где можно было увидеть, как нарушаются нормы права, тем самым привлечь внимание к преследуемым. Также удалось добиться гласности и как за границей, так и дома мобилизовать общественность (а с этим и финансовые ресурсы). Но дело было не в массовости. Хотя Хартию подписали только несколько сотен человек (в середине 1980-х гг. было примерно 1200 подписавших), режим решился на массовую, доходящую до истерики кампанию противодействия, в которой приняли участие и популярные деятели культуры. Да, конечно, это имело также и противоположные последствия, т.к. одновременно власть легитимизировала оппозицию и повышала информированность простых людей о ее существовании, при этом существующий режим находился в состоянии мобилизации, что ухудшало позиции умеренного крыла его представителей. Это давало аргументы догматикам, которые призывали к бдительности и бескомпромиссности. Однако ключевую роль представители Хартии сыграли в конце 1980-х гг., во время передачи политической власти, т.к. у коммунистов был партнер для переговоров. Многие из них стали профессиональными политиками, некоторые остаются на политической сцене и сегодня.

Существует вопрос, что представлял собой в то время рабочий класс. Может вызвать удивление, но этот вопрос ставил в конце 1980-х гг. на одном из заседаний президиума ЦК КПЧ также и Гусак. Но по логике ведь деятельностью Хартии-77 больше всего была увлечена интеллигенция, пусть уже в большей или меньшей степени как-то пострадавшая и в

это время осваивавшая рабочие профессии. Обычные люди тогда чувствовали рост уровня жизни. Если они и сталкивались с какими-то проблемами в сфере материального обеспечения, то не страдали от отсутствия продуктов питания и социальных гарантий. Коммунисты в первую очередь старались заботиться именно о том, чтобы повышался жизненный уровень, и были весьма осмотрительны в плане повышения цен на продукты и товары широкого потребления. Не будем забывать, что значительная часть общества помнила войну. И сегодня немало людей говорят, что тогда было лучше. Хотя на такое восприятие влияют и другие факторы, особенно то, что это воспоминания о их молодости.

Философ Славой Жижек написал об этом, эффектно рассуждая, что люди были больше всего счастливы в Чехословакии при Гусаке, т.к. в бытовом плане не страдали, а недостатки были смягчены фальшивым знанием о «рае» в лице Запада, с которым можно было иногда соприкоснуться. В 1989 г. это закончилось.

В свою очередь, если сравнить ситуацию с Чехией, в Словакии Хартия не имела поддержки по другим причинам, там доминирующей силой была нелегальная оппозиция, связанная с Католической церковью.

А.С. В 1985 г. в СССР пришел к власти М. Горбачев, взявший курс на перестройку. Как отреагировало на внутривнутриполитические изменения в Советском Союзе чешское и словацкое общество? Возникли ли ожидания того, что реформаторские процессы затронут

и Чехословакию? И насколько сильно было недовольство собственной номенклатурой, саботировавшей реформы?

М. М. Вначале как и обычные граждане, так и политики не знали, что от этого ожидать, точнее, в какой степени речь идет не более чем о риторике. Когда же стало более ясно, что это не пустые слова, то значительная часть общества, включая коммунистов, смотрела на Горбачева с большой надеждой, что он не только даст системе новый импульс улучшить отношение СССР к Пражской весне. В этом смысле большие ожидания были от визита Горбачева в Чехословакию в апреле 1987 г., однако в результате возникло сильное разочарование.

Чешский человек вообще к политикам особого почтения не испытывает и подсмеивается над ними, и думаю, что это вдвойне имело место по отношению к своему политическому руководству того периода, которое к тому времени находилось у власти почти два десятилетия, некоторые из них даже дольше. Поэтому говорят о власти геронтократии. Вдобавок нового генерального секретаря Милоша Якеша, который в декабре 1987 г. сменил Гусака, дискредитировало ставшее достоянием гласности его выступление, в котором он говорил примитивно и путано. Юмор обезоруживает и подавляет страх. Люди мечтали о переменах, хотя их представления о дальнейшем развитии и новой элите и не были радикальными. В конце концов, например, в это время большинство людей вообще не знали Вацлава Гавела.

А. С. Понятно, что в эпоху так называемой «нормализации» КПЧ была нещадно вычищена от потенциальных реформаторов. И тем не менее: имелись ли какие-то разногласия в коммунистической элите ЧССР в вопросе о реакции на советскую перестройку? Были ли в ней сторонники некоторого смягчения внутренней политики, осознававшие необходимость определенных перемен? И были ли предприняты еще до ноября 1989 г. какие-то попытки в интересах улучшения имиджа режима вернуть в общественную и культурную жизнь кого-то из, условно говоря, «людей 1968 г.»? И в той же связи вопрос: если бы команда М. Якеша заняла более компромиссную позицию, проявив еще до ноября готовность к диалогу с усиливавшейся оппозицией, как бы это могло повлиять на ход событий?

М. М. Да, некоторые чехословацкие политики полностью приняли перестройку, например, ее горячими сторонниками были председатель федерального правительства Любомир Штроугал или министр иностранных дел Богуслав Хноупек. Идеи перестройки также поддерживали молодые функционеры — чехословацкие комсомольцы (члены Социалистического союза молодежи). Некоторые в этом также почувствовали возможности для карьерного роста или средство сохранить свои должности. Гусак тоже старался мыслить в этом направлении, когда кресло генерального секретаря под ним закачалось. Конечно, другие ведущие политики, опасаясь дальнейших перемен, с курсом Горбачева согласны не были. Хотя о преобразованиях и говорили все,

в практическом плане делалось мало, и по факту до ноября 1989 г. в полной мере их реализовать не успели. Например, готовили новую конституцию, постепенно происходила либерализация, облегчающая путешествия за рубеж, или в экономической области — снова разрешили мелкое предпринимательство. Перемены успели ясно проявиться в культуре, были поставлены очень критические произведения и изданы некоторые ранее запрещенные авторы. С другой стороны, советская пресса во многом была более открытой, и это чехословацких коммунистических политиков неоднократно ставило в тяжелое положение. Парадоксом тогда было то, что консервативные и совершенно просоветские политики, которые ранее горячо претворяли в жизнь лозунг «СССР — наш образец», снова стали добиваться реализации специфического чехословацкого курса.

Переговоры с оппозиционными кругами до ноября 1989 г. прежде всего велись с движением Возрождение, куда входили деятели 1968 г. (исключенные ранее из компартии высокого ранга функционеры), также и с Дубчеком, но unsuccessfully, ведь их слишком многое разделяло. Люди, которые перед этим были вместе, а затем оказались по разные стороны баррикад, сделать многого не могли. Они более чем достаточно о себе знали, и в их сознании присутствовал страх возможности реванша. Естественно, что также имела место и борьба за власть, за должности, которых было ограниченное количество, вернее, претендентов было больше, чем постов.

Полагаю, что в случае более быстрой ревизии у коммунистической пар-

тии был шанс на лучшее положение. Я не фаталист. В конце концов, имеется хороший пример: если события в чешских землях мы сравним с ситуацией в Словакии, где коммунисты смогли сохранить более сильные позиции, по моему мнению, благодаря меньшим чисткам и специфическому развитию. После ноября 1989 г. мог существовать переходный период, в условиях которого коммунисты играли бы более яркую роль, чем это было в реальности. Конечно, рассуждая так, мы становимся на зыбкую почву гипотезы.

А. С. Летом 1989 г. чехословацкие коммунистические лидеры могли наблюдать за поражением коммунистов на полусвободных выборах в Польше, как и за постепенной трансформацией коммунистической власти в иное качество в другой соседней стране — в Венгрии. Осенью они могли видеть бурные процессы в Восточной Германии и падение Берлинской стены. Как реагировало на все это руководство КПЧ? Было ли оно охвачено паникой? Не был ли свидетельством начавшейся паники уже жесткий разгон оппозиционных демонстраций на Вацлавской площади в начале 1989 г.? Какие меры принимало руководство, чтобы удержаться на плаву? И насколько неожиданными оказались студенческие выступления, начавшиеся во второй половине ноября 1989 г. в самой Праге? Было ли в пражских верхах ощущение, что это начало конца и в целях собственного сохранения придется уступить место оппозиции (этим во многом объясняется и «бархатный» характер революции)?

И как вы относитесь к версии, что некоторые более гибкие представители коммунистической элиты, включая премьера Л. Адамеца, были причастны к организации беспорядков, желая подтолкнуть крайне ортодоксальное руководство к умеренным реформам системы в горбачевском духе?

М. М. К перечисленным событиям я бы еще добавил, как Прагу летом 1989 г. заняли автомобили граждан ГДР, которые хотели эмигрировать на Запад через посольство ФРГ.

Коммунистическое руководство, оглядываясь на международную повестку, было ошеломлено и перепугано. С другой стороны, когда историк читает записи заседаний президиума ЦК и других органов, может показаться, что ничего такого страшного не происходит — а-ля «собака лает, а караван идет». Гусак в своем кругу как-то высказался: «Все идет к черту, пусть что-нибудь делают!» При этом он чувствовал, что разговаривает с глухими, которые как будто рассчитывали на то, что благодаря относительно хорошему материальному благополучию ничего не произойдет. Радикальное выступало лишь меньшинство функционеров, которое призывало к более глубоким и быстрым переменам.

Недеспособности коммунистического режима способствовало еще несколько факторов. С конца 1980-х гг. на самых высоких постах шла замена кадров, что многих функционеров настроило друг против друга и углубило личную неприязнь. Одновременно жили большими ожиданиями и тактическими комбинациями, т.к.

в мае 1990 г. должен был состояться съезд КПЧ и в воздухе витала информация, что он бы мог состояться раньше.

Массовые демонстрации по случаю разных исторических дат происходили в больших городах уже начиная с предыдущего года. Правда, манифестация в связи с 20-летием саможжения Яна Палаха, состоявшаяся в январе 1989 г., была разогнана более жестко, чем потом 17 ноября, где также действовали грубо и были десятки серьезно раненых. Речь шла о стремлении показать, что силы безопасности и полиции держат ситуацию под контролем. Однако 17 ноября случилось нечто другое — готовилась студенческая демонстрация, официально приуроченная к 50-летию репрессий немецких оккупантов-нацистов против чехословацких студентов и закрытия чешских университетов. Т.е. речь шла об очень чувствительном вопросе, и само коммунистическое руководство было против использования силы, но затем пошли слухи о смерти в результате разгона демонстрантов студента... Хотя органы безопасности вели себя агрессивно, на самом деле никто не погиб. В том числе поэтому вокруг данных событий вплоть до сегодняшнего дня идут спекуляции, чаще всего говорят о провокации со стороны части сотрудников государственной безопасности и некоторых коммунистических политиков, вероятно в координации с Москвой (в те дни в Праге находилась делегация КГБ). Хотя комиссия парламентского расследования в конечном итоге исключила версию о подготовленной провокации, но сомнения остаются. 17 ноября уже несколько дней как

пала Берлинская стена и ожидалась встреча американского президента Джорджа Буша и М.С. Горбачева на Мальте. Чехословакия, причем вместе с Румынией, были последними странами восточного блока, где не наступили еще радикальные политические изменения.

Были ли или нет события 17 ноября спланированными, они, активизировав общественные массы, послужили спусковым механизмом кардинальных перемен: через неделю после этого прекратил исполнять должность генерального секретаря Милош Якеш, еще через пять дней парламент отменил положение о ведущей роли коммунистической партии, затем последовали извинения за военную интервенцию в августе 1968 г. и неправомерные действия в прошлом, и наконец, 29 декабря президентом республики был избран принадлежавший к Хартии-77 Вацлав Гавел. «В Польше это длилось десять лет, в Венгрии — десять месяцев, в ГДР — десять недель, а в Чехословакии это, возможно, продлится десять дней», — острил в своих прогнозах осенью 1989 г. в Праге английский историк Тимоти Гартон Эш.

А. С. Можно ли говорить о том, что в ноябре 1989 г. именно неприятие существующего, установленного после августа 1968 г. режима было главным фактором консолидации политически активной части общества на новой платформе? И насколько легко удавалось находить общий язык людям разных убеждений в политической элите — например, В. Гавелу с А. Дубчеком и близкими ему партийными

реформаторами 1968 г.? Можно ли говорить также о том, что присутствовавшая в сознании многих людей живая память о Пражской весне 1968 г. во многих отношениях оказалась слабее, нежели живший в исторической памяти более абстрактный идеал масариковской демократической Чехословакии?

М. М. Конечно, память о Пражской весне присутствовала в сознании: известны плакаты с перевернутыми числами — 68 и 89. Символы функционировали, но в первую очередь среди более старших поколений. Молодежь относилась к этому как-то по-другому. Не думаю, что речь шла о неприятии режима нормализации в чистом виде. В конце концов тогда даже Гавел говорил о том, что он хочет социализма с еще большим социальным обеспечением. И люди в большинстве своем высказывались за сохранение социализма, вернее, свою роль сыграли нереализованные ожидания. Везде вокруг что-то происходило, а в Чехословакии о переменах в основном только говорили. Ведь важно, что закончился послевоенный этос созидания. Тезис, что будущие поколения будут жить при коммунизме, уже мало кого мог воодушевить. Лучше воспринимались обещания о том, что через пять лет догоним Австрию. Люди, естественно, хотели свободы, но не меньше желали и повышения материального благосостояния. Чехословацкому обществу уже тогда были присущи сильные черты общества потребления.

Даже оппозиция не была едина, ведущая роль в ней принадлежала Гражданскому форуму во главе

с Гавелом и его аналогу в Словакии — организации «Общественность против насилия». Парадоксальным образом со временем они, проводя политику определенных тактических шагов, пришли к сотрудничеству с лидерами режима нормализации против деятелей 1968 г., движения Возрождения. Хотя некоторые из них и получили политические или дипломатические должности, в целом они были оттеснены на вторые роли. В качестве примера можно привести Дубчека, имя которого поначалу больше всего звучало в связи с избранием нового президента, но в итоге он стал только председателем парламента. Потом важную роль начали играть также люди из так называемой серой зоны, особенно экономисты из Института прогнозирования Чехословацкой академии наук, которые готовили радикальную экономическую реформу. Например, Вацлав Клаус (федеральный министр финансов с декабря 1989 г., затем премьер-министр и президент Чешской Республики).

А.С. Насколько сильны были в чешском обществе рубежа 1980–1990-х гг. настроения мести и насколько сказались они на положении людей, активно поддерживавших режим «нормализации»?

М.М. Сначала часто звучал лозунг «Мы не такие, как они» и говорили о ненасильственной революции. Среди прочего это подтверждает факт, что во время демонстраций ведущий манифестацию представитель католического духовенства иронически высказался о президенте Гусаче, а затем студенты потребовали снятия этого священника. Стремались

демонстрировать примирение, например, на манифестацию пришли публично простить сотрудников сил безопасности за разгон митингов 17 ноября. А популярный певец и участник кампании против Хартии-77 Карел Готт и представитель протестной музыки эмигрант Карел Крыл совместно исполнили государственный гимн.

Обостренный антикоммунизм начал проявляться только в конце, правда, призывов организовывать политические процессы слышно не было, однако снова возникли проверочные комиссии. Ряд коммунистических функционеров несколько месяцев провели в тюрьме, был принят закон о люстрации (запрещающий причастным к бывшей власти и работе органов безопасности занимать публичные должности). Например, последнему генеральному секретарю ЦК КПЧ Карелу Урбанеку отказали в месте дежурного по станции на железной дороге. Проявилась агентомания, часто имеющая цель затруднить деятельность политическим противникам. Немало бывших функционеров решили заняться предпринимательством, некоторым ничего другого не оставалось, при этом одни были более успешными, другие менее. Также был принят закон о противоправности и преступном коммунистическом режиме. В 2007 г. возник Институт исследований тоталитарных режимов, работа которого во многом носит политический характер, его сотрудники должны исследовать прошлое и просвещать о нем граждан. В публичном пространстве представители некоторых кругов снова и снова призывают «рассчитаться с прошлым», хотя ма-

ло кто способен дать определение, что конкретно под этим подразумевается. Прошлое, как это, впрочем, всегда и было, также используют в политике, для реализации политических целей.

А. С. Как в Чехословакии, так и в Румынии действующий коммунистический режим оказался в состоянии крайней изоляции от общества и прекратил свое существование в считанные дни, когда для этого созрели внешние и внутренние предпосылки. Почему у вас удалось осуществить переход к другой власти бескровно, тогда как в Румынии ценой гибели более тысячи человек?

М. М. Ненасильственные политические перемены являются в чешской истории традицией. Чехословацкие политические лидеры, так же как и аппарат органов безопасности, были готовы к передаче власти. В результате чего они не были склонны защищаться, приступить к конфронтации. Политическое руководство было недееспособно, поскольку его сотрясали внутренние споры. Это было связано с тем, что оно сильно зависело от Москвы, привыкло к приказам. Однако в конце концов она выкинула их за борт и поддерживала ненасильственную передачу власти оппозиции, вернее, приобщение оппозиции к власти. Николае Чаушеску, наоборот, действовал самостоятельно и против воли СССР, даже в начале декабря он был единственный, кто на встрече руководителей стран советского блока выступал против ревизии, т. е. критики военной интервенции в Чехословакию в 1968 г., хотя Румыния в ней и не участвовала. Напротив, в 1989 г.

Чаушеску требовал совместных, под руководством СССР, действий в защиту социализма. Это было уже бесполезно.

А. С. Насколько быстро в этот период вышла на первый план проблема чешско-словацкого урегулирования, и были ли альтернативы тому решению вопроса, которое произошло? Может ли мирный чешско-словацкий развод при сохранении хороших дружеских отношений между соседними странами и близкими народами восприниматься как идеальный образец, модель для разрешения подобных проблем, существующих в других полиэтничных странах?

М. М. Первый конфликт был предотвращен еще в декабре 1989 г., когда наметился разлад из-за выборов президента. Однако словак Дубчек уступил чеху Гавелу, хотя он и имел сильную поддержку, не только в Словакии. Поначалу люди на улицах чаще скандировали имя Дубчека.

Спокойствие, правда, потом сохранялось лишь несколько недель, когда вопрос взаимных отношений чехов и словаков вышел на поверхность в связи с заменой государственного герба и новым названием государства. Это произошло в конце января 1990 г. Затем споры становились все более запутанными и затяжными. Было принято решение о том, насколько сильной должна быть федерация в целом и насколько самостоятельными республики в отдельности (с момента создания федерации в 1969 г. Чехословакия состояла из Чешской социалистической республики и Словацкой

социалистической республики). Также речь шла об экономике, вопросе перераспределения бюджетных средств и модели экономической трансформации. Разделение Чехословакии также поддерживалось некоторыми политическими кругами за границей, а именно из Германии и частью американских словаков.

По моему мнению, такому развитию ситуации существовала альтернатива. Например, могли функционировать механизмы более свободной федерации, вплоть до конфедерации, но для этого были необходимы поддерживаемые обеими сторонами политические договоренности. Однако с высокой степенью вероятности можно считать, что споры между чешской и словацкой сторонами на этом бы не прекратились. Всегда могла найтись какая-то сила, которая могла их использовать в рамках политического противостояния. Вдобавок расстроенный в такой ситуации государственный организм плохо бы функционировал и был бы мало жизнеспособным.

Позволю себе утверждение: сегодня отношения между чехами и словаками развиваются отлично. Однако этому способствовало то, что со Средних веков они имеют между собой четкую государственную границу, т. е. для территориального спора нет оснований. Для Европы это в общем исключительный случай. С другой стороны, распад государства привел к нашему геополитическому ослаблению, а также потерям в области культуры. Культурное взаимодействие идет преимущественно в одном направлении. Это наглядно видно при посещении книжных ма-

газинов в Словакии, где обычно можно купить книги чешских авторов, и наоборот, в Чешской Республике в лучшем случае можно натолкнуться на переводы со словацкого языка, который для молодого поколения чехов чем дальше, тем больше становится чужим языком. К сожалению. Более того, Чехословакия в мире, в котором она существовала, кое-что значила, была, как говорится, страной со знаком качества. Но, может быть, я просто сентиментален...

А. С. Расскажите об образе Вацлава Гавела в современной чешской исторической памяти и как воспринимается этот выдающийся человек, последовательно отстаивавший идею сохранения общей чехословацкой государственности, словацким сознанием? В силу каких личных качеств именно этот человек, представитель творческой интеллигенции, был востребован в роли общенационального лидера, оказался центральной фигурой в событиях конца 1989 г.? Сыграла ли определенную роль и недалековидная травля Гавела властями, в конечном счете только повышавшая его авторитет?

М. М. Вацлав Гавел, так же как и Гусак, стал символом, в котором отображаются эмоции, воззрения и опыт людей, поэтому в его восприятии так много иррационального. Вдобавок символы имеют собственную жизнь.

Гавел выступал в роли прирожденного лидера, имел харизму и вызывал положительные эмоции. Много лет он участвовал в оппозиции, привлекая внимание к нарушению прав человека и гражданина не только со стороны режима нормализации. Конечно,

факт пребывания в тюрьме добавлял ему авторитета. В заключении он был не раз: самое долгое — почти три года, последнее — весной 1989 г. Сверх того, он имел поддержку главных геополитических игроков, в том числе и Горбачева, который хотел, чтобы положение в Чехословакии стабилизировалось. Но также и со стороны США и других заграничных кругов (хотя, с точки зрения Горбачева, лучшим кандидатом на место хозяина Пражского града был бы чешский коммунистический политик Зденек Млынарж, который был его товарищем по учебе в МГУ, но он не имел поддержки на родине). Существуют доказательства, что Павел Тигрид, один из самых известных представителей чехословацкой эмиграции, кроме того, поддерживавший тесные контакты с американскими спецслужбами, продолжительное время представлял Гавела как политика будущего. Тигрид также издал в своем журнале «Сведецтви» в начале 1989 г. статью, в которой в качестве кандидатуры на пост президента поддерживался Гавел. Вероятно, стремились проверить реакцию народа. Ведь не исключалось, что президент Гусак, имевший плохое здоровье, скоро умрет, а левая оппозиция в лице «Возрождения» говорила о кандидатуре Александра Дубчека, который пользовался большой популярностью в обществе. Тигрид поэтому пытался перехватить инициативу, даже заказал изготовление значков с надписью «Havel for President», которые затем распространял через Венгрию в Чехословакии. Гавелу удалось, конечно, не только благодаря этому, за короткий период стать более популярным. Так что определенные круги ставили на Вацлава Гавела еще до событий ноября 1989 г.

В чешском сознании образ Гавела более позитивный, чем в Словакии, но, к удивлению, разница не так драматична. Согласно недавнему опросу общественного мнения, 69% словаков оценивают Гавела положительно, чехов — 84%. Однако различие связано с тем, что часть словаков воспринимала его как чешского националиста. Негативно оценивалось и то, что из-за своего изначального пацифизма он способствовал закрытию оружейных заводов в Словакии, что подняло безработицу. Это, конечно, упрощенный взгляд.

Сегодня уже существует ряд работ о Вацлаве Гавеле, в Праге открыта библиотека его имени (см.: www.vaclavhavel.cz), которая стремится сохранить оставленное им наследие. По моему мнению, это по большей части граничит с агиографией, избыточно и контрпродуктивно. Гавел был, несомненно, одним из самых значимых деятелей чешской истории XX в., но было бы преувеличением делать из него святого Вацлава. Однако существуют и более критические работы, мемуарная литература. Например, книжные биографии, написанные чешским журналистом Даниелом Кайсером, чешским историком Иржи Суком или австралийским политологом Джоном Кеаном, который очень критичен и даже дал книге подзаголовок «Политическая трагедия». Интересна также книга друга Гавела, политика и психолога Михаила Жантовского.

Недавно своеобразной сенсацией стали воспоминания психолога Йитки Воднянской, которая несколько лет была подругой Гавела (хотя он и продолжал поддерживать

отношения с супругой Ольгой), она даже ждала от него ребенка и т.п. Конечно, не только такие факты делают образ ставшего после «бархатной революции» президентом Гавела более сложным. Но, с другой стороны, это показывает, что Гавел был только человеком, из плоти и крови. Естественно, наблюдая за ним, можно отметить различия между тем, что он говорил и что делал, особенно как политик. Чехию еще ждет открытая дискуссия о последнем периоде в ее новейшей истории и о Гавеле.

А.С. Каково доминирующее ощущение в чешском и словацком обществе результатов пути, пройденного нациями за 30 лет? Не пришлось ли части общества пройти на этом 30-летнем пути и через определенные разочарования? Это касается, в частности, и роли Чехии в современном глобализирующемся мире (мы ведь знаем, что лозунг «назад в Европу» имел широкое хождение в 1989 г.)?

М.М. Согласно ранее упомянутому опросу, примерно 80% как чехов, так и словаков позитивно относятся к «бархатной революции». В 1989 г. общество характеризовалось сильным этосом, большинство людей имели большие ожидания, которые, однако, по-разному реализовались. Лозунги типа «назад в Европу» или «за пять лет догоним Австрию» говорят скорее о жажде большего материального благосостояния, чем о желании свободы. Эти лозунги были, естественным образом, более популярны, чем предшествующие обещания того, что будущие поколения будут жить при коммунизме, т.е. лозунги, которые апеллировали к тому,

что лежит за горизонтом восприятия обычного человека, и приводили скорее к анекдотам. Эта «эпохальная иллюзия», говоря вслед за французским историком Франсуа Фюре, быстро закончилась.

Конечно, тяжело судить обо всем том, что сводит людей с ума и касается как прошлого, так и настоящего. По моему мнению, речь идет об индивидуальном и коллективном опыте. Все зависит от чувств, которые испытывает вышеупомянутый индивид в данный момент, воспринимает ли он себя победившим или проигравшим в этой всеобщей трансформации. За прошедшие тридцать лет, хотя в основе чешского общества лежат уравнилельные традиции, стало очень большим социальное расслоение, можем даже сказать, что существуют несоизмеримые между собой социальные миры.

Годы нормализации были временем определенной стабилизации общества, причем рос уровень жизни и была социальная защищенность. Люди не должны были особенно о чем-то беспокоиться, за них все решало государство. Они жили, целиком погружившись в комфорт частной жизни, и так продолжалось, пока они держались политики стороной и не выражали какого-то недовольства.

Трансформация и сегодняшний день часто открывают прямо невероятные возможности. Однако людям не всегда так просто дается их реализовать, если у них нет сильной поддержки со стороны семьи, связей и желания работать семь дней в неделю, чтобы иметь возможность хоть как-то отдохнуть.

Сейчас появился новый феномен: долги домохозяйств, штрафные санкции и чувство отчужденности. Сознание того, что человек не имеет какого-либо влияния на общественные дела и свою жизнь, и что Москву фактически заменили Берлин и Брюссель, Варшавский договор — НАТО и т.п. Как я думаю, это в первую очередь связано с технологическим развитием и индивидуализацией. У молодого поко-

ления в большей степени, чем это было в прошлом, можно наблюдать сильный разрыв в преемственности исторической памяти. Поэтому существует более сильное отчуждение между поколениями, которое будет усиливаться. Попросту говоря, каждая эпоха по-своему абсурдна, у нее свои ограничения и возможности. Оценки же всегда сильно зависят от нашего личного опыта и сегодняшних условий.

“NON-VIOLENT POLITICAL CHANGES ARE A TRADITION IN CZECH HISTORY”.

Interview with M. Macháček

Macháček Michal — Czech historian, Ph. D., author of a fundamental biography of Gustáv Husák (Czech)

Key words: August 21, 1968 intervention in Czechoslovakia, Gustáv Husák, normalization regime in Czechoslovakia, perestroika in the USSR, socialist crisis in Czechoslovakia, “velvet” revolution in Czechoslovakia, Václav Havel, Alexander Dubček, collapse of the Czechoslovak Federation.

Abstract. The Czech historian discusses the peculiarities of the historical development of Czechoslovakia in the 1970s and 1980s, the “velvet revolution” of 1989 and the disintegration of a single state of Czechs and Slovaks.

РУМЫНИЯ 30 ЛЕТ СПУСТЯ: ОТ ТОТАЛИТАРНОЙ ДИКТАТУРЫ К «ПАРАЛЛЕЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ»? Размышления свидетеля румынской декабрьской революции

Ключевые слова: Румыния, декабрьская революция 1989 г., крах коммунизма в Восточной Европе, Европейский союз, Н. Чаушеску, И. Илиеску, Т. Бэсеску, К. Йоханнис.

Аннотация. В статье, сочетающей в себе анализ партийно-политической системы посткоммунистической Румынии с изложением впечатлений непосредственного свидетеля важнейших для страны исторических событий, прослеживается политическая эволюция Румынии за последние 30 лет — после декабрьской революции 1989 г., приведшей к свержению тоталитарного режима Чаушеску. Проведен обзор политических партий и альянсов, который может иметь практическую пользу для исследователей, занимающихся этим периодом в истории Румынии. На основе многочисленных источников и непосредственных бесед с румынскими политиками выявляются некоторые специфические характеристики политического процесса в стране. Предпринята попытка показать механизм политической власти, сформировавшийся после обвала прежней тоталитарной системы.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-208-223

Когда солнечным днем 22 декабря 1989 г. по Бухаресту разнеслась весть о бегстве Чаушеску, город охватила настоящая эйфория.

По улицам мчались самосвалы, переполненные повстанцами, которые размахивали флагами и выкрикивали лозунги. Ликовавшие румыны

обнимались и целовались, даже пытались танцевать. Легковые машины ехали с протяжными гудками, а смеющиеся водители в знак победы показывали из окна два поднятых пальца — V (Victoria).

Официанты выносили из ресторанов ящики с минеральной водой

© Н. Н. Морозов, 2020

Морозов Николай Николаевич — кандидат филологических наук, корреспондент ТАСС в Румынии (Москва)

и ставили на тротуар, продавщицы в булочных раздавали горячие батоны, не требуя денег, таксисты везли пассажиров бесплатно, а в больницах доноры, спешившие отдать кровь раненым революционерам, ссорились из-за места в очереди. Это были самые чистые и счастливые минуты в жизни многих румын!

ВАКУУМ ВЛАСТИ

«За последние 20 лет мы разучились радоваться свободе, — сказал мне на диктофон 22 декабря в студии телевидения румынский диссидент, поэт Мирча Динеску. — Происходящее сейчас — это безумие, вулкан, бред свободы. Через несколько дней мы успокоимся, похороним наших героев и будем строить новую жизнь».

Между тем отнюдь не все румыны тогда безоглядно предавались «бреду свободы», многие хладнокровно прикидывали, как лучше использовать открывающиеся возможности.

Вечером того же дня в здании ЦК РКП собрались все, кто рассчитывал получить роль в новом спектакле на румынской сцене. В разных кабинетах предпринимались лихорадочные попытки сформировать будущее правительство страны. Там были как революционеры с городских баррикад, так и члены бывшей коммунистической номенклатуры (Илие Вердец, Константин Дэскэлеску, Юлиан Влад). Газета «Румыния либерэ» приводила тогда отчаянно-курьезные слова одного из участников: «Я работал в милиции, предлагаю назначить меня министром внутренних дел!»

Таким образом, борьба за место у стола на празднике будущей румынской демократии началась всего через несколько часов после бегства диктатора, если не еще раньше.

РУМЫНИЯ КАК ДОБЫЧА

В 1970-е гг. известный румынский писатель Марин Преда опубликовал автобиографический роман под названием «Жизнь как добыча» (*Viața sa o pradă*, 1977). Именно так — как некий охотничий трофей! — рассматривали оставшуюся без хозяина Румынию практически все участники политического процесса в стране после краха диктатуры Чаушеску, несмотря на каскады высокопарной патриотической риторики.

Этот подход оставался неизменным на протяжении всех истекших с тех пор трех десятилетий, сохраняется он и сегодня. Об этом свидетельствует, например, название сборника статей, который вышел в начале 2020 г. в яском издательстве «Polirom» — «Победители и побежденные» («*Revoluția din 1989. Învinși și învingători*»), координаторы Аннели Уте Габаньи, Александру Мурару, Андрей Мурару, Даниел Шандру).

Название можно толковать по-разному. Координаторы, судя по их call for papers, исходят из идеи, что в результате декабрьских событий 1989 г. в стране бывшие коммунисты победили румынский народ. С другой стороны, румынский народ вряд ли могли представлять появившиеся вдруг ниоткуда на политической сцене цэрэнисты и либералы, гордо именовавшие свои партии «историческими».

В реальности постреволюционная Румыния превратилась для всех политиков в арену борьбы за власть со всеми вытекающими из этой власти выгодами. Другими словами, личный интерес решительно возобладал над общественным или государственным, а привычка стыдливо прятать этот личный интерес в условиях свободы вдруг куда-то исчезла.

В результате три последних десятилетия в Румынии выглядят как перманентная гражданская война, или, как ее называют современные публицисты, «румыно-румынская война». Впрочем, может быть, именно такова суть современного политического процесса, который в Румынии зачастую приобретал почти гротескные черты.

ПАРТИИ

1. После декабрьской революции 1989 г. в Румынии возникли три основные политические силы. Это, прежде всего, — Фронт национального спасения (FSN), который Ион Илиеску назвал «эманацией революции», т.к. он был образован частью лидеров декабрьских событий.

Это — так называемые «исторические партии», действовавшие в Румынии до установления в стране коммунистического режима и восстановленные после декабря 1989 г., — Национал-либеральная партия (PNL), Национал-цэрэнистская партия (PNT), Румынская социал-демократическая партия (PSDR). В них вошли как приехавшие из-за границы эмигранты, так и оставшиеся в Румынии бывшие члены молодежных организаций этих партий.

Это, наконец, — Демократический союз венгров Румынии (UDMR), а также другие созданные на месте политические партии, которые, как правило, носили конъюнктурный характер и не играли значительной роли в политической жизни страны.

2. FSN во главе с Илиеску, получивший на волне декабрьской революции преобладающее влияние в стране, без труда выиграл майские выборы 1990 г.

В 1992 г., однако, FSN раскололся на Демократический фронт национального спасения (FDSN во главе с Илиеску), который принято называть «консервативным», и FSN во главе с Петре Романом, считающийся «реформистским».

В 1993 г. FDSN, «проглотив» ряд мелких партий, сменил название на Партию социальной демократии Румынии (PDSR), а в 2001 г., после поглощения «исторической» PSDR стал называться Социал-демократической партией (PSD), как и сегодня.

3. В этом же 1993 г. FSN, «проглотив» ряд мелких партий, стал называться Демократической партией (PD).

В 2007 г. PD объединилась с Либерально-демократической партией (PLD во главе с Теодором Столожаном), отколовшейся в 2006 г. от PNL, став Демократической либеральной партией (PDL), а в 2014 г. влилась в PNL, растворившись в этой партии, которая сохранила свое «историческое» название. Таким образом, часть первоначального FSN сегодня находится в составе PNL. Другими словами, бывшая левоцентристская

партия, называвшая себя социал-демократической, идеологически развернулась, став правоцентристской. Этот разворот стал очевиден, когда PD в 1996–2000 гг. встала у власти вместе с правой Демократической конвенцией Румынии и в 2001 г., когда ее лидером стал Траян Бэеску.

4. Восстановленная в Румынии в 1990 г. PNL пережила первый раскол в этом же году, когда от нее отпочковалась партия PNL — молодое крыло, которая, сменив ряд названий, в 1998 г. вернулась в PNL. В 2006 г. из PNL выходит Столожан и создает PLD, которая в 2007 г. объединяется с PD, образовав Демократическую либеральную партию (PDL). В 2014 г. из PNL выходит Кэлин Попеску-Тэричану и создает Либерально-реформистскую партию (PLR), которая в 2015 г. вместе с Консервативной партией образует Альянс либералов и демократов (ALDE). В 2014 г. PNL поглотила PDL, сохранив свое название. Другими словами, в PNL перешла часть FSN и вернулись либералы-ренегаты из бывшей PLD (Столожана). Некоторые обозреватели считают, что речь идет о перерождении PNL, т. к. фактически власть в новой «исторической» партии оказалась у PDL во главе с Бэеску.

5. В 2014 г. Попеску-Тэричану выходит из PNL и учреждает эфемерную Либеральную реформистскую партию, которая в 2015 г. объединяется с Консервативной партией, образовав ALDE. Это — партия лидера Попеску-Тэричану. В 2016–2019 гг. ALDE входил в правящую коалицию.

6. Восстановленная в Румынии в 1990 г. PNT, позднее Национал-

цэрэнистская, христианская и демократическая партия (PNTCD) формально значительной роли не играла и в настоящее время практически исчезла с румынской политической сцены. Зато она сумела стать связующим элементом при формировании в 1991 г. политического и предвыборного альянса Демократическая конвенция Румынии (CDR), направленного против FSN. В рамках CDR эта партия играла доминирующую роль.

В 1995 г. CDR заключила соглашение о сотрудничестве с Социал-демократическим союзом (USD), в который входили PD и PSDR, а затем привлекла к партнерству и UDMR, заложив таким образом основы будущего парламентского большинства. В 1996 г. CDR уверенно выиграла парламентские, местные и президентские выборы, впервые после 1989 г. отодвинув от кормила власти в Румынии левые силы (PDSR). Получение в результате серии выборов правоцентристскими силами подавляющего большинства вселяло большие надежды на успех их правления, однако объективные экономические трудности и главным образом распри внутри коалиции привели к фактическому провалу, и в 2000 г. CDR развалилась.

7. «Историческая» PSDR была восстановлена в Румынии в 1990 г. и вошла в парламент. В 1992 г. вступила в CDR, из которой позднее вышла. В 1995 г. составила предвыборный альянс (USD) с PD. В 2001 г. была поглощена PDSR, новая партия стала называться PSD, как и сегодня.

8. Учрежденная в день казни Чаушеску 25 декабря 1989 г. «этническая партия» UDMR («Демократический

союз венгров Румынии») представляет венгерское меньшинство — крупнейшее национальное меньшинство в Румынии (6,1% населения страны, согласно переписи 2011 г.). UDMR представлена в парламенте Румынии, где вступает в любые альянсы и коалиции с единственной целью — защищать интересы проживающих в Румынии этнических венгров и добиваться местной автономии в рамках румынского государства.

9. Партия «ПРО-Румыния» (*PRO România*) учреждена в 2017 г. бывшим премьер-министром Виктором Понтой, который вышел из PSD в результате разногласий с партийным руководством. По сути, это фракция «инакомыслящих» социал-демократов, которая состоит большей частью из бывших членов PSD.

10. Партия «Великая Румыния» (*România Mare*) основана в 1991 г. писателями Корнелиу Вадимом Тудором и Эудженом Барбу на основе одноименного еженедельника. «Великая Румыния» — националистическая и евроскептическая, анти-системная и популистская партия, которая превозносила Чаушеску и привлекала в свои ряды бывших сотрудников Секуритате. Несмотря на скандальную репутацию, «Великая Румыния» пользовалась существенной поддержкой в румынском обществе. Талантливый и темпераментный литератор Корнелиу Вадим Тудор, которого называли «румынским Ле Пенем», регулярно выступал с оскорбительными нападениями на оппонентов, неоднократно привлекался к суду за расистские и антисемитские высказывания.

На президентских выборах 2000 г. он, однако, набрал около 20% голосов и вышел во второй тур, где уступил Иону Илиеску. «Великая Румыния» — типичная партия своего лидера, которым бессменно был Корнелиу Вадим Тудор и со смертью которого в 2015 г. она практически сошла с политической арены.

11. Партия «Союз за спасение Румынии» (USR) учреждена в 2015 г. и по результатам парламентских выборов в 2016 г. стала третьей политической силой страны. В прессе загадочный успех едва появившейся на свет «из пробырки» партии объясняется тем, что она представляет интересы либо глобальных политических игроков типа Джорджа Сороса (ее нередко сравнивают с «La République en marche» Эмманюэля Макрона), либо молодого поколения сотрудников румынских спецслужб.

«Партия Свобода, Единство и Солидарность — ПЛЮС» (*Partidul Libertate, Unitate și Solidaritate — PLUS*) создана в 2018 г. бывшим премьер-министром Дачианом Чолошем, который возглавил кабинет технократов после отставки правительства Понты в результате пожара в 2015 г. в бухарестском ночном клубе «Colectiv», где погибли 64 человека. В прессе характеризуется примерно так же, как и USR. Обе партии выступали альянсом (*Alianța 2020 — USR-PLUS*) на выборах в Европарламент в мае 2019 г.

Партия «Народное движение» (PMP) создана в 2014 г. сторонниками президента Траяна Бэеску, которые в 2014 г. вышли из PDL. Фактически это «карманная» партия

Бэеску, который сейчас является ее почетным председателем.

Гуманистическая партия Румынии (PUR) была учреждена в 1991 г. предпринимателем Даном Войкулеску. С 2005 г. переименована в Консервативную партию (PC). Когда в 2015 г. она объединилась с Либерально-реформистской партией, образовав ALDE, группа членов во главе с Марией Грапини, не согласившись с этим решением, учредили новую Партию гуманистической власти (социал-либеральную) — PPUSL.

Были и остаются мелкие партии с эфемерным существованием, главная задача которых, по сути, — обеспечить «прибавочную стоимость» крупным партиям для получения парламентского большинства, — Альянс за Румынию (ApR), Национальный союз за прогресс Румынии (UNPR), Румынская экологическая партия (PER), Партия единства румынского народа (PUNR), «Либеральные правые» (Dreapta liberală), «Альтернатива за национальное достоинство» (ADN), «Румынская нация» (Națiunea Română), «Новая Румыния» (Noua Românie) и др.

АЛЬЯНСЫ

1. В 1991 г. многочисленные политические партии, гражданские движения и ассоциации образовали CDR — политический и предвыборный альянс оппозиции, который противостоял доминировавшему на политической сцене FSN.

2. В 1996 г. PSDR, вышедшая из CDR, вступила в предвыборный союз с PD,

образовав Социал-демократический союз (USD). (Легко спутать с одноименным союзом, который создали в 2014 г. PSD, UNPR и PC.)

3. В 2003 г. PD и PNL образовали предвыборный альянс «Справедливость и правда» (Dreptate și Adevăr — DA), направленный против PSD. Прекратил существование в 2007 г.

4. В 2008 г. PDL, с одной стороны, и PSD + PC — с другой, которые набрали на парламентских выборах практически одинаковое количество голосов, заключили соглашение о сотрудничестве «Партнерство для Румынии» и сформировали правящую коалицию. Союз распался менее чем через год, т. к. из кабинета вышли социал-демократы.

5. В 2011 г. PNL (Крин Антонеску) и PSD (Виктор Понта) образовали политический, парламентский и предвыборный Социально-либеральный союз (USL), направленный против президента Бэеску. Альянс противоположных идеологически партий комментаторы назвали «чудовищной коалицией» по образцу союза между румынскими консерваторами и либералами в 1866 г. с целью устранения правителя Александру Иоана Кузы. Это был самый крупный политический альянс с начала 2000-х гг. (на местных и парламентских выборах 2012 г. он получил 60% голосов). Правительство USL просуществовало два года — в 2014 г. либералы вышли из кабинета, и союз распался.

6. После парламентских выборов в 2016 г. PSD и ALDE (Попеску-Тэричану) заключили соглашение

о партнерстве и образовали правящую коалицию. В августе 2019 г. коалиция распалась в результате выхода из нее ALDE.

Подводя черту, можно сказать, что на протяжении истекших трех десятилетий PSD и оппозиция (включая независимых) статистически провели у власти примерно одинаковое время (PSD на 3–4 года больше).

Такие подсчеты, однако, затруднены тем, что кабинеты нередко имели смешанную партийно-идеологическую конфигурацию или возглавлялись так называемыми независимыми политиками. В определенные периоды было в принципе неясно, какую политическую окраску имеет правительство.

Кстати, в Румынии нередко говорят, что в стране нет либерального, демократического или цэрэнистского электората, а есть только избиратели PSD и анти-PSD (UDMR является особым случаем).

ПРЕЗИДЕНТЫ

1. После декабрьской революции 1989 г. у Фронта национального спасения и его лидера Иона Илиеску в Румынии не было достойных соперников, так что он был дважды подряд (в 1990 и 1992 гг.) избран президентом практически «по умолчанию». Общее впечатление сводится к тому, что Илиеску, подобно английской королеве или Франсуа Миттерану, «правил, но не управлял» (в 1990–1996 гг.). Другими словами, ограничивался благодушными

призывами, закрывая глаза на зачастую неблагоприятные дела, которые творили другие лидеры социал-демократов и местные «бароны», фактически самоустраняясь. Некоторые комментаторы, характеризуя место Илиеску в политической жизни, не без иронии употребляли выражение «Иисус среди разбойников».

2. Политический износ сделал свое дело, и в 1996 г. президентом стал лидер оппозиционной Демократической конвенции (CDR) Эмиль Константинеску (1996–2000). Университетский профессор геологии не был, по сути, готов к исполнению этой роли, ничем особенным не отличился и в результате признал, что «был побежден системой». Константинеску принадлежат исполненные глубокого смысла слова: «Мы выиграли выборы, но не взяли власть».

3. Поэтому следующий четырехлетний промежуток (2000–2004) вновь президентствовал Илиеску. С 2003 г. продолжительность мандата румынского президента составляет 5 лет, а парламента — 4 года (до этого сроки были одинаковыми).

4. В 2004 г., когда Илиеску уже не имел права баллотироваться, победу на выборах одержал Траян Бэеску, представлявший альянс «Справедливость и правда» (DA). Он провел во дворце Котрочень (бухарестская резиденция главы государства) два мандата — целых десять лет (2004–2014).

Авторитарный Бэеску стал «президентом-игроком». Очевидным образом он обладал призыванием к политической деятельности — некоторые

комментаторы, вспоминая Аристотеля, называли его «политическим животным». Умело взбаламутив стоячие воды румынской политики, Бэеску оседлал страну. Его упрекали в превышении полномочий, но зато он реально управлял Румынией, и существующий сегодня в стране режим был во многом сформирован в годы президентства Бэеску. Именно личность «президента-игрока» стала в этот период полюсом, вокруг которого размежевались политические партии.

Этот бурный стиль дважды поставил его на грань импичмента. В 2007 г. Бэеску был отрешен от должности парламентом, однако по итогам референдума в этом же году вернулся в президентское кресло, а на выборах 2009 г. получил второй мандат. В 2012 г. парламент вновь отрешил его от должности, и снова был проведен референдум, большинство участников которого на этот раз высказалось за отставку президента. Конституционный суд, однако, признал народную консультацию несостоявшейся из-за отсутствия кворума (приняли участие 46,24% зарегистрированных избирателей вместо необходимых 50% + 1), и Бэеску вернулся в Котрочень до конца мандата. В Румынии существует мнение, согласно которому результаты выборов и референдума были фальсифицированы под воздействием «внешнего фактора».

5. В 2014 г. президентом был избран этнический немец, мэр Сибиу Клаус Йоханнис (PNL). Он был вынужден сосуществовать с социал-демократическим парламентским большинством и правительством, с которыми

ведет непримиримую войну (даже принял участие в антиправительственной манифестации, хотя статус главы государства требует равноудаленности от всех партий). Пресса упрекает Йоханниса в бездеятельности, его первое президентство выглядело достаточно бесцветно, тем не менее в ноябре 2019 г. он был переизбран главой государства на второй срок.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРУСЕЛЬ

В результате всех этих головокружительных расколов и слияний за прошедшие три десятилетия политики смешались друг с другом, а идеологическая окраска партий утратила отчетливость, так что левых в сегодняшней Румынии трудно отличить от правых. Один из видных политиков откровенно сказал как-то автору этих строк: «Сегодня лучше не иметь определенной идеологии и программы, потому что это сужает возможность маневра и уменьшает избирательную базу».

Появилось множество мелких партий, созданных либо под того или иного лидера, либо из политтехнологических соображений — уводить электорат, играть роль «джокеров» при создании коалиций, обеспечивать лидерам места в структурах власти. Возникали противоестественные политические коалиции, альянсы, комбинации, оправдываемые замысловатыми политическими расчетами, использованием одномоментных ситуаций, в которых личные интересы тесно переплетались с групповыми. Ничто не ново под луной: еще в 1907 г. классик румынской

литературы Ион Лука Караджалес писал: «Политические партии в европейском смысле слова, то есть основанные на традиции, на старых или новых классовых интересах и, соответственно, на программах принципов и идей, не существуют в Румынии».

Один советский историк заметил, что деятельность каждого политика можно условно разделить на две части: одна посвящена тому, что он хочет осуществить в стране, другая — сохранению собственной позиции в государственной иерархии, т. к. в противном случае он ничего не сможет реализовать. У румынских политиков в этом уравнении произошел решительный перекосяк: впечатление таково, особенно если судить по результатам социально-экономического развития Румынии за прошедшие 30 лет, что их деятельность посвящена политической борьбе полностью. «В 2015 г. Румыния — это мафиозное государство, где несколько кланов с корнями в секуритате и в номенклатуре делят между собой ресурсы страны при соучастии ряда международных трестов», — утверждал политолог и писатель Стелиан Тэнасе (*Tanase* 2015).

Возникло понятие «политического трасеизма» («трасеистками» в Румынии называют секс-работниц, которые ждут клиентов на обочинах автотрасс), относящееся к политикам, которые легко переходят из одной партии в другую, невзирая на политические цвета, в зависимости от получаемых выгод.

Вся эта политическая карусель происходит на глазах румынского обще-

ства, в котором вместе с желанной свободой утвердилась атмосфера всеобщего недоверия и раскола, возобладали циничный принцип: «Каждый за себя». Примечательно, что в своем последнем романе («Самый любимый из землян», 1980) уже упоминавшийся Марин Преда называл наступившие времена (в произведении — 1950-е гг.) «эрой негодяев». Трудно сказать, конечно, идет ли речь о реальной деградации социально-политических нравов в стране или же об эволюции взглядов автора на жизнь под влиянием конфликта с властями либо просто возраста.

Единственной целью политиков стало выиграть выборы, сформировать кабинет министров, получить власть. Важен стал только результат, т. е. победа. Реальное содержание из политики было практически выхолощено, социально-экономические вопросы — отодвинуты на второй план. Политика приобрела сугубо технический характер, свелась к калейдоскопу альянсов между партиями без идентичности, к политической комбинаторике. В результате центральное место в этих бесконечных больших маневрах заняли политтехнологии и политтехнологи. Цель и средства слились воедино — как в экономике, где торговля взяла верх над производством.

Один из выводов, который можно сделать из этой ситуации, заключается в том, что традиционные политические этикетки устарели, не отвечают больше реальности, потеряли свое значение для анализа. Необходимы новая теория, терминология, аппарат, которые исходили бы из новой реальности, необходимы новые основоположники.

О МЕТОДЕ

Исследование бурных событий, подобных декабрьской революции 1989 г. в Румынии, сталкивается с особыми трудностями. Главная из них — нехватка достоверных источников.

Ведь документы, не говоря уже о свидетельствах очевидцев, могут раскрывать, но могут и скрывать истинный характер событий. Они могут отсутствовать, могут быть неполными или пустыми, могут, наконец, быть лживыми, созданными специально, чтобы фальсифицировать события, замести следы. Румынские историки, например, знают, что существуют две разные стенограммы заседания Политисполкома ЦК РКП под председательством Чаушеску от 17 декабря 1989 г.

Мотивации решений и поступков участников событий определяются множеством противоречивых, зачастую случайных факторов, резкими поворотами кризисной ситуации. Среди этих мотиваций — и вмешательство внешних сил, и материальные интересы, и политические амбиции, и личные комплексы, и всевозможные страсти, и попросту авантюризм. Многие из этих мотиваций — запутанные, чисто человеческие, даже абсурдные, и уже через несколько лет после событий становятся непонятными для большинства исследователей. Многие решения и поступки просто не оставляют следов, а только имеют последствия, которые остаются без объяснения. В результате написание истории «такой, какой она была», становится, по сути, невыполнимой задачей.

«Текущая жизнь чувствительно отличается и в любом случае значительно сложнее, чем то, что вытекает из официальных документов», — отмечал историк Лучиан Бойя, называя документы «бледными отблесками когда-то живых миров» (Boia 2013: 133).

Решения и поступки участников событий определяются также атмосферой эпохи, витающими в воздухе идеями, чувствами, представлениями — ментально-идеологическим контекстом. Когда-то мотивы этих решений были, может быть, объяснимы, но атмосфера событий с каждым днем растворяется, пережившие их люди уходят, и тогда, по выражению Н. Ульянова, «нерв событий, ясный для современников, но необычайно затемненный историками», теряется, а их смысл тонет в искусственных построениях исследователей, которым недоступен «дух эпохи» (Ульянов 1996: 37).

Историк-медиевист, сейчас президент Румынской академии Иоан Аурел Поп спросил однажды выдающегося, ныне покойного историка, академика Флорина Константиу: «Что такое прошлое?» «И он сказал мне без колебаний: прошлое — это жизнь, живая и полная жизнь для тех, кто его пережил, то есть это настоящее, — рассказывает Иоан Аурел Поп. — Мы ошибаемся, когда трактуем его как прошлое и не переносимся в миры, которые восстанавливаем, чтобы стать современниками с теми, о ком пишем» (Pop 2013: 541).

В Румынии до сих пор задаются риторическим вопросом: «Когда мы будем знать правду о декабрьских

событиях 1989 г.» Пока историки обычно отвечали на него в традиционном духе, что, мол, мы будем знать все о румынской революции, когда нам станут доступны факты и источники, позволяющие строго восстановить декабрьские события. Сегодня же велик соблазн сказать, что по мере удаления от событий мы будем знать все меньше и меньше, так что вскоре от них останется просто этикетка, смысл которой будет определять правящий политический режим. Другими словами, прав был Джордж Оруэлл, написавший: «Нет ничего более непредсказуемого, чем прошлое».

ТЕОРИЯ КОНСПИРАЦИИ?

В Румынии существует твердая убежденность, что результаты выборов в стране подтасовываются, а также некая фатальная примиренность с этой ситуацией. Главный аргумент гласит, что подсчетом голосов на румынских выборах занимается Служба спецсвязи с собственным софтом.

Бывший директор Румынской службы информации (РСИ) Вирджил Мэгуриану в интервью радио «Свободная Европа» однозначно утверждал, что румынские спецслужбы могут влиять на результаты выборов в стране. «Могут влиять и даже решающим образом, поскольку определенные части избирательного процесса процеживаются и через этот фильтр, — сказал он. — У нас говорят <...>, что Служба спецсвязи отвечает за окончательные результаты голосования и т.д. Я не хочу вникать в детали, но повсюду в мире, не только у нас, спецслужбы имеют большое пространство для маневра

в отношении результатов голосования». «Есть также лидеры общественного мнения в политическом или экономическом мире, и спецслужбы обладают хорошими возможностями влиять на них и побуждать их склонить чашу весов», — добавил Мэгуриану (*Magureanu* б/н).

Если верить СМИ, спецслужбы вообще играют весьма активную роль в румынской политике. Главная заслуга в этом принадлежит будто бы Бэеску, в период президентства которого были расширены их полномочия и увеличены бюджеты. Под предлогом интересов национальной безопасности был дан «зеленый свет» повсеместной слежке и прослушке. Спецслужбам было разрешено заниматься бизнесом и открывать собственные фирмы, были внедрены агенты в администрацию, юстицию, прессу.

Громкий скандал разразился в 2019 г. вокруг более 60 секретных протоколов о сотрудничестве, которые РСИ заключила с различными органами власти, главным образом судебной. Практика заключения таких документов подверглась жесткой критике, т.к., согласно местным обозревателям, на основе этих протоколов офицеры РСИ влияли на независимое правосудие, обслуживая определенные политические интересы. Председатель Национального союза судей Румынии Дана Гырбован назвала эти протоколы «самой большой угрозой в адрес независимости юстиции в посткоммунистический период: секретное вмешательство спецслужб в акт правосудия».

Любопытными замечаниями о роли Секуритате в Румынии поделился

известный журналист, до недавнего времени европарламентарий Траян Унгуряну. «Этот клуб, — писал он, — время от времени меняет адрес и вывеску у входа, но продолжает доминировать. Эта жуткая инерция заставляет задуматься. Она есть результат лишь репрессий коммунистического военно-политического корпуса или также коллаборационизма, в котором значительную роль играет знаменитая способность румын к биологическому выживанию?» (*Ungureanu* 2002).

«Румынское население видело в Секуритате не инородное тело или оккупанта, а хозяина, местного руководителя, — продолжает автор. — Эта идея имеет богатую историческую традицию. Она ведет к фигурам боярина, префекта, полицейского, примаря (мэра), которые могут делать почти все, что хотят, в обществе, которое глубоко убеждено, что именно таково предназначение власти».

«Поэтому проблема Секуритате в Румынии неразрешима, — заключает Унгуряну. — Она носит органический характер, является, скорее, частью румынского мира, в котором не подавляет противоположных ценностей, воспоминаний, устремлений».

Вот почему в Румынии не вызвало особенно большого удивления, когда стало известно, что информаторами Секуритате были такие столпы либерализма, как Дан Амедео Лэзэреску и Мирча Ионеску-Кинтус. Более того, не стало шоком, когда Апелля-

ционный суд в сентябре 2019 г. констатировал, что информатором Секуритате был экс-президент Траян Бэеску, который осудил коммунизм и открыл доступ к архивам Секуритате.

«Я вхожу в число тех, кто ни секунды не верит в существование правового государства, демократии в Румынии, — писал влиятельный публицист Ион Кристою. — Многие не верят в это и знают, что факты, представленные как победа демократии, в реальности всего лишь результат закулисных интриг, вмешательства спецслужб в политику» (*Cristoiu* 2019).

ЕСТЬ ЛИ В РУМЫНИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (DEEP STATE)?

«Почти бесполезно голосовать, поскольку они в совершенстве научились менять результат выборов, как непосредственно, так и путем жадного трасеизма, который мы наблюдаем сегодня, — сказал в ходе президентской кампании 2019 г. один из кандидатов, актер Мирча Дьякону. — Они формируют другое большинство. Мы все говорим об этом подземном, оккультном государстве, это государство существует и сегодня, оно функционирует безупречно с протоколами, с невероятными злоупотреблениями»¹.

Формально в Румынии действует традиционная политическая схема (партии — парламент — правительство — президент), однако практически

¹ URL: www.mediafax.ro/politic/mircea-diaconu-si-a-depus-candidatura-in-lipsa-lui-tariceanu-si-ponta-actorul-a-tinut-un-discurs-despre-statul-paralel-18408388.

все убеждены, что она представляет собой лишь ширму, за которой скрывается подлинный механизм власти.

В стране действует параллельное государство, которое «незаконно осуществляет государственные полномочия, подменяя власть, избранную демократическим путем», — заявил бывший лидер СДП Ливиу Драгна, ныне отбывающий 3,5-летний срок в тюрьме по обвинению в коррупции. По его словам, «параллельное государство составляют люди из спецслужб, часть прокуроров, часть судей», а одним из «главных его клиентов» является президент Клаус Йоханнис.

«В Румынии нет ни оккультных, ни подпольных сил и, конечно, нет параллельного государства», — сухо ответил Йоханнис. «Это выражение придумали люди, которые не в ладах с правосудием», — добавила представитель главы государства по печати Мэдэлина Добровольски².

Меня давно занимают отношения между формальной и неформальной властью, — комментировал политолог и писатель Стелиан Тэнасе. Это — «пьеса, где на афише значатся одни имена, а на сцену выходят другие актеры», это — «театр китайских теней», «кадриль, в которой дамы постоянно меняют кавалеров». «Политические драмы разыгрываются не в парламенте, не на съездах. Там только спектакль для публики. Реальная власть совсем в другом месте. Все решается за кулисами» (Tanase 2018).

Экс-президент Траян Бэеску говорил о «секте национальной безопасности», в которой РСИ — «мозг», а Национальное управление по борьбе с коррупцией — «исполнитель». Публицист Ион Кристоу ввел в оборот термин «бином», означающий альянс между РСИ и Национальным управлением по борьбе с коррупцией, который, по его словам, является настоящим хозяином страны.

«В Румынии власть находится в двух местах: в контроле над спецслужбами и в контроле над правящей партией со всеми сетями экономических и других интересов, которые предполагают эти структуры, — утверждал Траян Унгуряну. — Власть идет за людьми, которые контролируют эти структуры, независимо от должностей, которые они занимают».

В начале 1990-х гг. на бухарестском фестивале документального кино был показан вне конкурса короткометражный фильм «Хочу мою порцию правды», который остался тогда практически незамеченным. «Некая структура управляет из-за кулис Румынией, — говорил за кадром голос диктора. — Это не партия или не только одна партия. Структура состоит из людей, связанных между собой густой паутиной отношений, которые ведут во все терминалы власти. Эти люди находятся среди нас всегда».

«В Румынии как будто несколько партий, — писал бывший премьер Раду Василе в книге «Гонка по встречной полосе» (2002). — В ре-

² URL: www.mediafax.ro/politic/traian-basescu-in-romania-se-instaleaza-la-putere-o-secta-a-securitatii-nationale-corupta-15263367.

альности есть лишь одна партия — партия структур, а под структурами мы понимаем социальные матрицы, состоящие из бывших сотрудников Секуритате и кадровых работников аппарата компартии. Эти матрицы, настоящие рычаги власти в обществе, проникли повсюду — в СМИ, в мир бизнеса, в частную и государственную банковскую сеть и, естественно, во все партии» (*Vasile* 2002: 26, 28, 242).

«Политик, который хочет иметь хоть какую-то свободу действий, не только вынужден подчиниться давлению структур, но более того — должен стать их частью». Эта книга, — писал скончавшийся в 2013 г. Р. Василе, — «попытка описать румынский политический феномен на протяжении короткого интервала времени», «показать, что подлинная власть (в Румынии) принадлежит структурам».

СУХОЙ ОСТАТОК

Прощаясь в 1989 г. с режимом Чаушеску, румыны свято верили, что их ждет светлое будущее. Реальность оказалась иной. В клубе западных стран Румыния оказалась «бедным родственником», внутреннюю жизнь захлестнули коррупция и политиканство. Хотя у кормила власти за прошедшие годы побывали и левые, и правые, никто из политиков не внушил доверия румынам. Об этом красноречиво свидетельствует традиционно низкая явка на выборах всех уровней и растущая эмиграция. Очевидно, что интересы политиков и избирателей расходятся все сильнее, ожидания румын от будущего становятся все более песси-

мистическими. Таков пока неутешительный итог развития Румынии в течение трех десятилетий, прошедших после самого кровопролитного в Европе расставания с тоталитаризмом.

Когда отмечалось 10-летие декабрьской революции 1989 г., Мирча Дьякону сказал: «22 декабря 1989 г. все румыны обнимались на улицах, и жизнь нам казалась понятной и ясной. Сегодня же мы дезориентированы, охвачены усталостью и грустью. И все же румынам есть что праздновать. Это — то состояние души, которое мы пережили 22 декабря 1989 г. и которое останется с нами навсегда». Достаточно слабое утешение!

В результате отношение к основополагающему событию в истории современной Румынии — декабрьской революции 1989 г. — меняется. Громогласные требования рассказать «правду о революции» уже мало кого обманывают: все понимают, что важна не правда, а группировка, которой ты принадлежишь или которую поддерживаешь. Поэтому споры о революции перекочевали из академических сфер в кабинеты прокуратуры и в залы суда: ряду ее лидеров, в том числе 90-летнему экс-президенту Иону Илиеску, предъявлено обвинение в преступлении против человечности.

Меняется отношение даже к Николае Чаушеску. Так, в одном из опросов общественного мнения (провела 13–21 ноября 2018 г. среди 1400 лиц старше 18 лет компания ST&Research по заказу Университетского фонда Черного моря) респонденты назвали бывшего лидера

румьнской компартии, расстрелянного по приговору революционного суда, «крупнейшим историческим деятелем в новой и новейшей истории Румынии».

На могиле Чаушеску на бухарестском кладбище Генча по памятным датам лежат живые цветы и горят свечи. Ностальгия по «золотой эпохе»? «Я здесь не потому, что тоскую о прошлом, — сказала автору этих строк женщина, которая пришла сюда в день святого Николая, — а потому что мне невыносимо настоящее».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Cristoiu 2019 — *Cristoiu I.* Cine i-a copt-o lui Traian Bănescu? Nu cumva Marele Licurici?! 23.09.2019. URL: www.cristoiublog.ro/cine-i-a-copt-o-lui-traian-basescu-nu-cumva-marele-licurici/.

Magureanu б/н — *Magureanu V.* Sunt absolut convins că și azi informațiile ajung la fel de repede la Moscova ca pe vremea lui Ceaușescu, interview Europa libera. URL: romania.europalibera.org/a/m%C4%83gureanu-sunt-absolute-convins-c%C4%83-%C8%99i-azi-informa%C8%99biile-ajung-la-fel-de

repede-la-moscova-ca-pe-vremea-lui-ceau%C8%99escu/30162395.html.

Tanase 2015 — *Tanase S.* Un cacapitalism romanesc, 15 mai 2015. URL: www.stelian-tanase.ro/cacapitalism-de-ocazie/.

Tanase 2018 — *Tanase S.* Soferul pe bancheta din spate, 4 martie 2018. URL: www.stelian-tanase.ro/soferul-de-pe-bancheta-din-spate/.

Ungureanu 2002 — *Ungureanu T.* Secu — Cornu — Corfu (istoria Romaniei trece in soapta) // Revista “22”, 29.04.2002. URL: revista22.ro/opinii/traian-ungureanu/secu-cornu-corfu-istoria-romaniei-trece-in-soapta.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ульянов 1996 — *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996.

Boia 2013 — *Boia L.* Jocul cu trecutul: Istoria intre adevar si fictiune. București, Editura Humanitas, 2013.

Pop 2013 — *Pop I.-A., Florin Constantiniu,* contemporanul nostru perpetuu si irevocabil // In memoriam. Acad. Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credinta, Editura Enciclopedica. București, 2013.

Vasile 2002 — *Vasile R.* Cursa pe contrasens. Amintirile unui prim-ministru. București, Editura Humanitas, 2002.

ROMANIA 30 YEARS LATER: FROM A TOTAL DICTATURE TO A “DEEP STATE”?
REFLECTIONS OF A WITNESS TO THE ROMANIAN DECEMBER REVOLUTION

Morozov Nikolay N. — candidate of philological sciences, TASS correspondent in Romania (Moscow)

Key words: Romania, December 1989 revolution, collapse of communism in Eastern Europe, European Union, Nicolae Ceaușescu, Ion Iliescu, Traian Bănescu, Klaus Johannis.

Abstract. The essay, combining an analysis of the party-political system of post-communist Romania with a sketch of the impressions of a direct witness to the country's most important historical events, traces the political evolution

of Romania over the past 30 years – after the December revolution of 1989, which led to the overthrow of the totalitarian regime of Ceaușescu. A review of political parties and alliances has been carried out, which may be of practical use to researchers involved in this period in the history of Romania. Based on numerous sources and direct conversations with Romanian politicians, some specific characteristics of the political process in the country are revealed. An attempt has been made to show the mechanism of political power that emerged after the collapse of the former totalitarian system.

REFERENCES

Boia L. *Jocul cu trecutul: Istoria intre adevar si fictiune*. București, Editura Humanitas, 2013.

Pop I.-A., Florin Constantiniu, contemporanul nostru perpetuu si irevocabil. *In memoriam*. Acad. Florin Constantiniu. Smere-

nie. Pasiune. Credinta, Editura Enciclopedica. București, 2013.

Ul'ianov N.I. *Proiskhozhdenie ukrainskogo separatizma*. Moscow: Indrik, 1996.

Vasile R. *Cursa pe contrasens. Amintirile unui prim-ministru*. București, Editura Humanitas, 2002.

«ИЗ ОДНОЙ ДИКТАТУРЫ МЫ ПОПАЛИ В ДРУГУЮ...» ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ «СМЕНЫ СИСТЕМЫ». ВЗГЛЯД ИЗ БУДАПЕШТА. Интервью с З. Биро

Ключевые слова: Венгрия, падение коммунизма в Восточной Европе, либеральные реформы, Европейский союз, миграция, национальные ценности, Виктор Орбан.

Аннотация. Видный венгерский консервативный политик и историк, умеренный евроскептик, излагает свое видение пути, пройденного его страной за 30 лет падения коммунизма.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-224-239

Бурный и чрезвычайно насыщенный переменами 1989 г. вошел в мировую историю как год начала «смены системы» командно-административного социализма в Восточной Европе. В разных странах это происходило по-разному. «Бархатная революция» в Чехословакии, разрушение Берлинской стены в ГДР, кровавые события и расстрел четы Чаушеску в Румынии. В Венгрии события 1989-го получили название «устав-

шей революции», очевидно, из-за немного замедленного и размеренного хода событий. Как это происходило в реальности и каковы результаты венгерских реформ спустя 30 лет после начала той самой «смены системы»? Об этом наш разговор с директором венгерского Института изучения истории «смены системы» (RETORKI), известным историком и политическим деятелем Золтаном Биро.

Беседовал Ф. Е. Лукьянов, Будапешт.

Ф. Л. Господин Биро, в 1989 г. вы были одним из лидеров Венгерского демократического форума (ВДФ) — партии, которая уже через год, в 1990-м, на первых свободных многопартийных выборах победила пра-

вившую до того 30 лет Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП-ВСП) и сформировала собственное правительство. В 1989-м Венгрия, по многим признакам, была застрельщиком перемен, возглавила

© Историческая Экспертиза, 2020

Биро Золтан — венгерский историк и политик, директор венгерского Института изучения истории «смены системы» (RETORKI) (Венгрия)

процесс изменений во всей Восточной Европе. Здесь оппозиция вышла на авансцену, когда в соседних странах: Румынии, Чехословакии, ГДР никто об этом даже и не заикался. Давайте вкратце попробуем восстановить картину событий 1989-го.

З.Б. На самом деле в Венгрии самые первые события, связанные со «сменой системы», начались намного раньше, еще в середине 80-х гг. Уже в 1987 г (точнее — 27 сентября) в местечке Лакителек создается Венгерский демократический форум, первое в Венгрии оппозиционное движение по отношению к режиму Яноша Кадара. Собственно, это событие я бы и назвал началом процесса «смены системы». Тогдашняя власть в лице Кароя Гроса поначалу не знала, что с этим делать. Такого ведь раньше не было, да и не могло быть. Это все быстро бы разогнали и на этом бы все закончилось. А тут собрались 180 представителей интеллигенции, создали свое неподконтрольное властям движение. И ничего. За нас сыграло много факторов. В том числе и присутствие в Политбюро ВСРП такого реформатора, как Имре Пожгаи. Собственно, все это и стало началом пути к многопартийной системе. Мы тогда не прокламировали, что создаем партию, а только движение, но подразумевалось, что со временем, по мере движения к многопартийности, это станет партией. Создание ВДФ основательно изменило политический ландшафт в стране. Конечно, это не означает, что все сразу пошло гладко и ровно. Нас долго пытались не замечать, пытались мешать. На высшем уровне были разные позиции относительно нашего движения. Скажем, Имре

Пожгаи нас поддерживал, Карой Грос был весьма осторожен, но даже Янош Берец, которого считали ультралевым товарищем, пытался нас понять... Кардинально все изменилось после того, как один из лидеров реформаторского крыла ВСРП Миклош Немет 23 ноября 1988 г. встал во главе правительства и с согласия Москвы возглавил процесс реформ. С этого момента правящая партия стала допускать, что помимо нее в стране будут и другие политические силы. Но она совсем не собиралась отказываться от власти. Напротив, планировали, что все процессы будут проходить под их контролем. Другое дело, что со временем события их опередили. Наступил 1989 г.

Ф.Л. Правда ли, что где-то в 1987 г. в Венгрию без особой шумихи приезжал идеолог перестройки Александр Яковлев, встречался с местными реформаторами и оппозицией, подбадривал и обнадеживал, обещая, что Москва теперь не будет вмешиваться в процесс перемен, как это было в 1956-м или в 1968-м?

З.Б. Откровенно говоря, я точно не знаю. По крайней мере, с тогдашней внесистемной оппозицией он не встречался. Скорее всего, это происходило внутри ВСРП, с ее реформаторским крылом в лице И. Пожгаи, М. Немета, Р. Ньерша. Очень интересной была реакция советского посольства на возникновение нашего движения. Тогдашний посол СССР в Венгрии в начале 1989-го лично приезжал к нам в нашу штаб-квартиру на улице О. Есть в Будапеште такая улица с самым коротким названием из одной буквы, означающим Старую улицу. Мы туда приглашали всех послов

ведущих стран: СССР, США, ФРГ, Италии. Запомнилось, что советский посол приехал с представительной командой и разговор получился очень интересный. Еще не было ясности — чем все это закончится, выведет ли СССР свои войска, будет или не будет вмешиваться? Хотя мы полагали, что пока Горбачев был у власти, пока продолжается перестройка, то вмешательства не будет, иначе это был бы конец этой самой перестройки. Посол нам подтвердил, что, если не будет никаких нападений на советские казармы, части Южной группы войск, находившиеся в Венгрии, не будут вмешиваться. Это был очень приятный, симпатичный человек, в отличие, скажем, от посла США Марка Палмера, который позволял себе грубым и наглым образом уже тогда пытаться лично решать — какая партия победит на выборах, кто придет к власти и т. д. Американцы, например, с самого начала делали ставку на либералов из Союза свободных демократов (ССД). Уже тогда вместе с господином Соросом американцы пытались сделать так, чтобы ВДФ слился с ССД и последние играли бы первую скрипку. Джордж Сорос лично приглашал нас на ужин, предлагал немалые деньги за поддержку и слияние с ССД. Самих свободных демократов Сорос с самого начала всячески поддерживал финансово и не только.

После того как мы отказались «вливаться» в ССД, в отношении нашего движения в западной прессе стали писать, что это националистическое, антисемитское явление, и западные журналисты из «Вашингтон пост» или «Гардиан», приезжая в Венгрию, первым делом спрашивали у нас: «Вы в самом деле — антисемиты и не сле-

дует ли ждать националистического переворота в стране после выборов?» Когда мы стали выяснять — откуда такая информация, то услышали, что эта информация идет от ССД. Стало понятно, откуда ноги растут. Позже мы узнали, что из тех же источников либералы получали не только финансирование, но и поддержку прессы.

Ф.Л. В начале своего хождения во власть ваша партия, насколько помню, выступала с программой так называемого «третьего пути», что-то типа конвергенции капитализма и социализма, другими словами, синтеза социализма и капитализма, но с человеческим лицом, без сверхбогатых и бедных. Что предполагала реализация такой программы, и не было ли это утопией?

З.Б. Мы серьезно продумывали такую программу, исходя из геополитического положения Венгрии. В ходе своей истории мы всегда находились между Западом и Востоком. Размышляя о своем будущем, мы полагали, что в новых условиях мы можем сохранить свою независимость и суверенитет, не примыкая полностью к тому или иному блоку, а выстраивая с ними прагматичные, ровные отношения. Это давний дискурс венгерской политической мысли, уходящий своими корнями в глубь нашей истории. Другими словами, мы хотели сохранить внеблоковый статус, который предполагал государственный нейтралитет. Мы не хотели ни Варшавского пакта, ни НАТО. Это касательно внешнеполитической части нашей программы.

Что касается внутривнутриполитической и экономической части нашей про-

граммы, то здесь предполагалось, что общество само должно решить — какие элементы капиталистической системы и какие элементы социалистической системы мы должны интегрировать в своем развитии. Это было существенным элементом нашей программы. А не бездумно бросаться, как говорят, из полымя в прорубь, или из одной системы в другую. Из диктаторского социалистического режима в диктаторский капиталистический режим, где в одном случае все диктует администрирование, а в другом деньги. Такой подход весьма осложнил наше движение. Либералы сразу не приняли такой подход. Многие социалисты готовы были нас поддержать, но среди них тоже оказалось немало либералов. После первых свободных выборов 1990 г. ситуация сложилась так, что, не получив абсолютного большинства голосов, ВДФ вынужден был пойти на коалицию с либералами, которые стали многое определять в правительстве нашего лидера Йозефа Анталла. Как следствие, Анталл в итоге отказался от идеи «третьего пути» в пользу либерального капитализма.

Ф. Л. Не была ли такая программа «третьего пути» немного утопичной?

З. Б. Наверное, была. Особенно после того, как победившие на выборах 1994 г. социалисты во главе с Дюлой Хорном стали на каждом углу кричать, что идем в НАТО и ЕС. Мы же поначалу предполагали, что не только Венгрия, но и вся Центральная и Южная Европа — Польша, Чехословакия, Югославия, Болгария, вслед за Австрией, станут нейтральными и создадут своего рода нейтральный

пояс между Западом, НАТО, с одной стороны, и бывшими странами СССР — с другой. На мой взгляд, такая идея была вполне осуществима при гарантиях сверхдержав, если бы она не шла вразрез с позицией стран Запада. Это было бы объединение наподобие нынешней «Вышеградской четверки» в составе Венгрии, Польши, Чехии и Словакии, только гораздо более широкое и влиятельное с выходом на все Балканы.

Ф. Л. Возможно, это было бы реально, если бы Советский Союз к этому времени был бы сильным и влиятельным, мог настаивать и добиваться. Но наступил 1991-й, и СССР не стало. Коллективный Запад на какое-то время устранил своего сильного оппонента с исторической арены, потратив на это десятки миллиардов долларов. Если бы идея «третьего пути» была реализована, то и странам Восточной Европы не пришлось бы жертвовать своим суверенитетом в пользу НАТО и ЕС. Сейчас, путем активизации «Вышеградской группы» внутри ЕС, эти страны пытаются вернуть часть своего суверенитета, но это уже непросто.

З. Б. На самом деле еще во второй половине 1989 г. стало понятно, что Запад уже держит в своих руках процессы, происходящие в Венгрии. Здесь не стоял вопрос — приватизировать или нет госсобственность, а главное, как приватизировать? Решали все толстосумы Запада, у которых были деньги, и местная партийная и комсомольская номенклатура, которая еще была при власти и которая выиграла от этого процесса. Простому населению же мало что досталось.

В мгновение ока полтора миллиона человек, а это 20 процентов трудового населения, стало безработными. Новые хозяева венгерской госсобственности зачастую покупали не для того, чтобы развивать местное производство, а для того, чтобы получить рынок для своих компаний, скупив и закрыв местные предприятия. Из-за этого начало венгерской «смены системы» трудно назвать удачным. Затем последовал резкий рост внешней задолженности страны. После развала рынка СЭВ и исчезновения СССР Венгрия потеряла свои традиционные рынки на Востоке. Рост задолженности начался еще в середине 70-х, в начале 90-х вырос еще больше. Премьер Й. Анталл не хотел просить о списании долгов, как поляки. Немцы могли бы пойти навстречу. Но он хотел остаться джентльменом, мол, выплатим все. В итоге госсобственность была распродана в ускоренном порядке, часто по низким ценам. Бюджет не получил больших денег, а долги и проценты по кредитам остались. Сейчас уровень задолженности Венгрии достиг 70 миллиардов долларов, или 70 процентов ВВП. Кредиты надо выплачивать. И это все тяжелым грузом до сих пор висит на наших плечах, мы и сейчас работаем в основном на выплату процентов по кредитам. Во внешней политике страна в итоге передала свой суверенитет отчасти Германии, отчасти США. Сейчас о национальном суверенитете страны нет и речи. И это стало ясно еще в 1989-м.

Сегодня и Венгрия, и другие страны региона как-то пытаются выправить ситуацию. Отсюда так называемая политика «борьбы за свободу», которую ведет венгерское правительство

за возвращение суверенитета в экономике и политике в отношениях с бюрократией Евросоюза. Приходится признать, что спустя 30 лет после начала «смены системы», едва успев освободиться от контроля Москвы, Венгрия попала под новый диктат, диктат международного капитала и обслуживающего его политиков и чиновников.

Ф.Л. Один ваш коллега, в прошлом тоже один из лидеров ВДФ, а ныне заместитель председателя Госсобрания (парламента) Венгрии — Шандор Лежак, на одной из научных конференций с участием российских историков также недавно признал, что страна из одной диктатуры попала в другую диктатуру... Если не возражаете, вернемся на минуту к 1989-му. Вспомним важнейшие для Венгрии события этого года, которые стали вехами истории. Началось все с начала февраля, когда Имре Пожгаи взорвал политическую обстановку своим заявлением о том, что события 1956-го были народным восстанием, а не контрреволюционным мятежом или «цветной революцией», как модно говорить сейчас...

З.Б. Да, эпохальное заявление И. Пожгаи, а это был член Политбюро ЦК ВСРП, подготовило почву для торжественного перезахоронения Имре Надя и его соратников, состоявшегося 16 июня 1989-го, их последующей реабилитации. Это было, пожалуй, самое зрелищное и самое символическое событие всего 1989-го. Не надо забывать, что реформаторское крыло ВСРП в лице И. Пожгаи, М. Сюреша, М. Немета не только присутствовало на церемонии перезахоронения, но

и подготовило почву для долгожданного пересмотра оценки событий 56-го. Это было очень важно с точки зрения дальнейшего развития страны. Ведь 1956 г. для нас, для венгров, символизировал, с одной стороны, неприятие всего того (репрессий и насильственной коллективизации. — *Прим. Ф.Л.*), что творил в стране в 1947–1953 гг. «лучший ученик Сталина» — Матяш Ракоши, с другой стороны, символизировал стремление страны к суверенитету и независимости от указаний из Москвы. Реформаторы из ВСРП постепенно приняли оценку «народного восстания», но в событиях осени 56-го был и сильный национальный и революционный дискурс. А вот эта сторона событий была для них довольно чуждой. Большая часть ВСРП до 1989-го считала события 56-го «контрреволюцией», которую следовало подавить, а ее участников репрессировать. Изменения произошли только весной — летом 1989-го, и это означало серьезный поворот в политике соцпартии. Вскоре после этого, в июле, последовала смерть Яноша Кадара, символа предыдущей эпохи. После этого переменны заметно ускорились. Конечно, без согласия Москвы это вряд ли могло произойти. Самое удивительное, что вскоре после этого все поменялось настолько, что уже без согласия Вашингтона в стране вряд ли что могло происходить... Как говорится, из огня да в полымя...

Ф.Л. Насколько я знаю, в Венгрии в это время, особенно в 1989-м, очень пристально следили за тем, что происходит в Москве, опасаясь, как бы процесс перестройки не пошел вспять и как бы это не отразилось на венгерских событиях...

З.Б. Были к тому достаточно веские основания. Когда Карой Грос в мае 1989-го поехал на переговоры в Прагу, к Густаву Гусаку, которого трудно было назвать реформатором, у многих в Будапеште возникли опасения, нет, не того, что советские войска вновь вмешаются в события, а того, что в ряде стран «соцлагеря» возникнет своего рода антиперестроечный Интернационал (Гусак, Хонеккер, Чаушеску, Живков), этакая оппозиция Горбачеву. И если это, не дай бог, произойдет, то может произойти и поворот в политике Москвы. Позднее, во времена московского путча 1991 г., выяснилось, что такие силы, пошедшие против Горбачева, действительно были, и наши опасения были не напрасны. Если бы антиперестроечные силы в Восточной Европе объединились, то неизбежно произошел бы поворот и в Венгрии. Тогда гражданская война, аресты, тюрьма и т. д.

Ф.Л. Надо сказать, что подобные опасения в Восточной Европе наблюдались не только в 1989-м, но и в начале 1991-го в связи с январскими событиями в Вильнюсе. Насколько я понимаю, ускоренное создание «Вышеградской тройки» (Венгрия, Польша, Чехословакия) в феврале 1991-го было реакцией на те события в СССР. Анталл, Валенса и Гавел решили сформировать своего рода «блок» на случай консервативного отката в Москве с непредсказуемыми последствиями. Другое дело, что сейчас «Вышеградская четверка» стала реальным инструментом в противостоянии с Брюсселем...

З.Б. Абсолютно верно, я с вами здесь полностью соглашусь. Больше

всего отката перестройки опасались поляки, они и сегодня опасаются какого-то негативного сценария от Москвы. По моему мнению, совершенно напрасно. Но в те дни во всех нас жило такое опасение, что нельзя предсказать, что может произойти в такой гигантской стране, как СССР, и когда может произойти поворот, переворот. И что может ждать нас в таком случае. Действительно, в те дни «Вышеградская тройка» затевалась не для защиты и противостояния с Западом, а это была попытка создать защитный барьер на случай непредвиденного развития событий на Востоке. К счастью, для защиты с Востока она не пригодилась, но пригодилась много позже уже для противовеса политике Брюсселя после вступления стран Восточной Европы в ЕС.

Ф.Л. Возвращаясь к событиям 1989-го, как бы вы оценили роль национального «круглого стола» с участием ВСРП и партий оппозиции в процессе мирного перехода от однопартийной кадаровской «мягкой диктатуры» к многопартийной системе и парламентской республике?

З.Б. Как ни странно прозвучит, я не был сторонником «круглого стола» с участием малозначительных партий с непонятной легитимацией. В одиночку Венгерский демократический форум мог бы сделать намного больше. Я был убежден, что договариваться о переходе и его условиях должно было конституционное национальное собрание. Собрать такое конституционное собрание можно было из представителей всех мало-мальски значимых партий. Они бы

выработали закон о выборах и новую конституцию страны. На этом бы его роль закончилась, и оно было бы распущено. Но процесс пошел не так. Возник «круглый стол» и начался компромиссный торг. Он был недостаточно публичен и прозрачен, каким могло бы быть национальное конституционное собрание. Было непонятно, кто получает там какую роль, на каком основании т.д. В итоге, я считаю, была упущена возможность не только созвать конституционное собрание, которое создало бы каркас правового государства, но и принять адекватную конституцию, которую позже пришлось многократно корректировать и дополнять.

Ф.Л. К осени 89-го наметился раскол и в самой ВСРП, который вскоре и произошел. Реформаторы выделились в отдельную партию — Венгерскую социалистическую партию (ВСП), и стало понятно, что процесс реформ внутри самой Венгрии уже никто не остановит...

З.Б. Да, ВСРП, в которой к тому времени образовалось несколько платформ, от коммунистической до либерально-буржуазной, раскололась. Но, как оказалось, новая партия — Венгерская социалистическая партия (ВСП) не захотела полностью рвать с прошлым ВСРП, считая себя главной наследницей ВСРП. Очевидно, из-за имущественных отношений. ВСП претендовала на долю имущества партии-предшественницы. Процесс расставания затянулся. Неопределенность сыграла свою роль в том, что социалисты, начавшие процесс реформ, проиграли на первых многопартийных выборах 1990 г. Правда, через 4 года,

уже в 1994-м они смогли вернуться во власть, но здесь им помогла слабость первого демократического правительства под руководством Йозефа Анталла.

Ф. Л. Ваша партия — Венгерский демократический форум — победила на выборах 1990 г. и в коалиции с христианскими демократами и Партией мелких хозяев сформировала первое некоммунистическое правительство Венгрии за последние 45 лет. Одновременно с этим вы подписали своего рода пакт со свободными демократами, фактически уступив им пост президента страны, который занял известный писатель и общественный деятель Арпад Гёнц. Играл ли какую-то роль Джордж Сорос в создании такой конструкции? Давайте вкратце проанализируем работу этого правительства и причину его неудач.

З. Б. Да, создалось довольно странное двусмысленное положение, в котором свободные демократы-либералы и как бы были во власти, и как бы нет. Они получили пост президента, управление прессой, руководство Центробанком и много чего еще, что не было обнародовано. Между прочим, руководство ВДФ не одобрило этот пакт. Фактически Й. Анталл сформировал пакт за спиной руководства партии. Почему он это сделал? Ответ простой. Запад и Сорос настояли. Многие процессы в Венгрии в это время уже направлялись с Запада. К тому же вскоре распался рынок СЭВ, потом СССР. Остановились многие предприятия, работавшие на восточный рынок, в ходе стихийной приватизации 1,5 миллиона людей потеряли работу. Вместе с се-

мьями это 3–4 миллиона, практически половина страны. Все это привело к тому, что уже через 3–4 месяца после формирования нового правительства большая часть общества отвернулась от новой власти, которая стремительно теряла популярность. Это было вполне объяснимо. Экономическая ситуация и состояние общественной безопасности быстро ухудшались. Стали расти цены на бензин и все товары. Из-за резкого скачка цен на бензин осенью 1990-го возникла «блокада таксистов», парализовавшая Будапешт на целую неделю. Жизнь большинства простых людей ухудшилась. Правительство оказалось не готово к такому развитию событий и просто не знало — что предпринять. Социалисты весьма умело использовали эту ситуацию, хотя во многом негативные тенденции в экономике начались еще при их правлении. В итоге демохристианская коалиция уже вскоре, осенью 1990-го вчистую проиграла муниципальные выборы. Возникла напряженность между правительством и президентом. Поражение правительства и коалиции уже тогда маячило на горизонте.

Ф. Л. Скажите, знало ли правительство Анталла, принимая те или иные решения, о том, насколько СССР в свое время дотировал венгерскую экономику путем поставок энергоносителей: нефти, газа, электроэнергии и другого сырья по ценам, значительно более низким, чем мировые цены? По некоторым данным, сумма дотаций оценивалась в 3 миллиарда тогдашних долларов в год. По нынешним ценам это было бы в несколько раз больше. Для сравнения: в последние годы

Венгрия получала от ЕС годовые дотации на инфраструктурные проекты на 3 миллиарда евро, при этом миллиард выплачивая в бюджет ЕС.

З. Б. Мне трудно ответить на этот вопрос. К тому же из-за полной неразберихи после роспуска СЭВ венгерское правительство сделало выбор в пользу полной переориентации на Запад, на западные рынки и практически не рассчитывало на восточные рынки. Насколько оно было в курсе того, что значил огромный советский рынок для венгерской экономики, трудно сказать, ибо у правительства не было сколько-нибудь внятной экономической политики. Скорее всего, оно уже просто не рассчитывало на то, что советский рынок в то время может быть реально притягательным. Нынешнее правительство Венгрии во главе с В. Орбаном, пусть и запоздало, но, к счастью, исправляет эту ошибку, пытаясь восстановить утраченные во время «смены системы» позиции на российском рынке.

Ф. Л. В 1994-м демохристианская коалиция во главе с ВДФ вчистую проиграла выборы. Вернувшиеся во власть социалисты принимают решение вступать в ЕС. Начинаются переговоры, продлившиеся целых 10 лет, и в 2004 г. Венгрию вместе с еще рядом стран Восточной Европы, наконец, принимают в ЕС. В этом году, кстати, отмечается и 15-летие пребывания стран Восточной Европы в Евросоюзе. Как бы вы оценили этот опыт «хождения в Европу»? Что страна выиграла, что потеряла за эти годы? Отношение венгров к ЕС до сих пор неоднозначное. По опросам, половина венгров недовольна теми или

иными аспектами пребывания в ЕС, а треть вообще выступает за выход страны из Евросоюза. По крайней мере, из его политических структур. Ведь вступала страна в союз экономический, а потом вдруг оказалось, что Брюссель уже строит чуть ли не федеративное государство типа Соединенных Штатов Европы...

З. Б. К тому времени у венгров просто не оставалось другого выбора. Восточный блок развалился. Лидер социалистов Дюла Хорн был весьма искусным политиком. Его главной задачей в то время было сделать так, чтобы Запад, Брюссель, Вашингтон, а главное — Германия приняли возвращение социалистов во власть. Все бы ничего, но для «возвращения в Европу» социалисты принимают решение в ускоренном порядке продать остатки госсобственности, все, что еще оставалось после стихийной приватизации начала 90-х. Даже то, что вообще, возможно, не следовало продавать. В частности, предприятия энергетики, что сделало страну полностью зависимой от новых хозяев-иностранцев. Таким образом, лидер социалистов как бы пытался смыть с себя имидж правоверного коммуниста, который приклеился к нему после событий 1956-го. На мой взгляд, был здесь такой личный мотив «расставания с прошлым». Мол, мы уже совсем другие. Компенсировали это тем, что шли на все уступки Западу. Кончилось это тем, что через четыре года, на следующих выборах, социалисты тоже проиграли. Им не удалось выправить ситуацию. Во всем этом процессе было очень много неопределенного и у левых, и у правых. В свое время, когда решался вопрос о вступлении в ЕС, я лично

тоже голосовал «за». Вопрос тогда не стоял — вступать или не вступать. Люди чувствовали, что нельзя было не вступать, нельзя было отстать от «локомотива». Без вступления в ЕС Венгрия осталась бы в одиночестве на обочине мировой истории. Можно сказать, что для страны в тех обстоятельствах и в тех условиях это был вынужденный шаг. Какую пользу получила страна от членства в ЕС? В экономике есть позитив. Страна получила новые рынки, финансовые дотации, инвестиции. Экономика растет. Темпы роста в последние годы доходят до 3–4 процентов в год. С другой стороны, ЕС ведет политику санкций в отношении России, и это наносит нам существенный урон. Мы несем серьезные потери от сокращения торговли с Москвой. Потери исчисляются миллиардами и миллиардами евро. Во всем есть свой баланс. Надо смотреть все плюсы и минусы. В политике позитива меньше. В одиночку определять европейскую политику мы не можем, но мы можем, объединившись с другими странами «Вышеградской четверки», отстаивать свои интересы. К примеру, после недавних выборов в Европарламент нам удалось заблокировать приход во властные структуры ЕС двух наихудших кандидатов на высшие посты. Я отношусь к этому прагматично. Если же мы увидим, что членство в ЕС становится тормозом на пути развития страны, то тогда надо будет выходить. Другое дело, что сейчас для этого нет предпосылок. Надо оставаться и искать новых союзников. Помимо стран «Вышеградской четверки», чьи позиции в ЕС нам ближе всего, политика нынешней Италии, выход Британии, все это говорит о том, что Евросоюз все-таки

пока не в состоянии стать «диктаторским» в той мере, в которой ему хочется, создавая Соединенные Штаты Европы.

Ф. Л. Приватизация в Венгрии началась еще в конце 80-х, при последнем правительстве социалистов под руководством Миклоша Немета. Потом продолжилась при демохристианском правительстве и ускорила при социалистическом правительстве Д. Хорна, когда социалистам за счет доходов от приватизации даже удалось в два раза снизить госдолг страны: с 20 до 10 миллиардов долларов. Как бы вы оценили венгерскую приватизацию в целом и отдельные ее моменты в частности? Насколько социально справедливой оказалась приватизация в Венгрии?

З. Б. Действительно, первый закон, регламентирующий процесс приватизации, «Закон о трансформации» был принят правительством Миклоша Немета еще в 1989-м. Продолжилась приватизация при Й. Анталле, но своего пика и апогея достигла уже при правительстве Д. Хорна, тогда же фактически и закончилась к 1998-му. То есть фактически она заняла около 10 лет. Я бы не сказал, что приватизация в Венгрии прошла удачно и была социально справедливой. Произошла огромная потеря собственности. Зачастую продавалось имущество по заниженным ценам, лишь бы сделать это побыстрее. Покупали в основном иностранцы, поскольку у венгров еще не было больших денег на приватизацию, за небольшим исключением. Это все потом сказало и на уровне жизни населения, и на уровне бедности. Скажем, чехи сделали лучше в ходе

своей так называемой «купонной приватизации», при которой местное население получило несравнимо больше. Вопрос еще связан с вопросом задолженности. Скажем, Польша поставила вопрос о списании своих долгов и добилась большего по части уровня жизни населения. Венгрия не стала ставить так вопрос. Поэтому в Венгрии доля иностранного капитала в экономике страны сегодня достигает 60–70 процентов. Другими словами, 60–70 процентов ВВП производится на предприятиях, которыми владеют иностранные собственники. Это не было бы проблемой. Но проблема в том, что иностранный капитал идет туда, где меньше издержки, где дешевле рабочая сила, и он не хочет платить рабочим столько же, сколько у себя в стране. Он хочет платить в два, в три раза меньше. Или он уходит. В Китай, Вьетнам или Индию. Куда угодно. Таким образом, консервируется низкий, недостаточно высокий по европейским меркам уровень зарплат. Новое правительство Виктора Орбана, пришедшее к власти в 2010 г., старается снизить долю иностранного капитала в экономике путем выкупа, ренационализации части стратегических предприятий. Кое-что получается. Но в больших масштабах это кардинально изменить вряд ли быстро удастся. Остается надеяться, что тот иностранный капитал, который приносит в страну деньги, технику, технологии, создает рабочие места, это в любом случае лучше, чем не было бы ничего. Позитивный момент в том, что сейчас в страну идет так называемый производственный капитал, который что-то создает и производит. В ходе приватизации шел в основном спекулятивный капитал.

Это огромная разница. Задача правительства в таких условиях — не отпугивая иностранный капитал, все же стараться повышать зарплаты в общественном секторе, в медицине, в образовании, снижать госдолг. Делать это таким образом, чтобы не отпугивать инвесторов и не нарушать их интересы. Это весьма щекотливый вопрос, здесь грубым напором ничего не сделаешь. Здесь требуется тонкая настройка, умелая тактика. Нельзя рисковать экономическим ростом и в то же время необходимо добиваться повышения зарплат, притока денег в общественный сектор. Суммируя все сказанное, приходится признать, что венгерская приватизация не стала «образцово-показательной», общество вправе было ожидать более существенных результатов для себя.

Ф.Л. Господин Биро, давайте посмотрим, как за последние 30 лет прошла земельная реформа в стране, что изменилось в венгерской деревне, как себя чувствует сегодня венгерский фермер, крестьянский «средний класс», как отразилось на крестьянстве доминирование на рынке крупных торговых сетей, диктующих сельским хозяевам низкие закупочные цены, и как отразилось на его положении разрешение иностранцам скупать земли сельскохозяйственного назначения? **Вопросов очень много. Венгрия начиная с середины XIX в. традиционно была крупным сельхозпроизводителем европейского масштаба. Что изменилось сейчас и как изменилось?**

З.Б. Начнем с того, что приход в Венгрию крупных международных торговых сетей во второй половине 90-х гг. очень сильно навре-

дил местному сельскому хозяйству. Достаточно сказать, что фермеры в странах Западной Европы получают из бюджета ЕС намного больше дотаций, чем венгерские фермеры. Соответственно, они могут продавать свою продукцию дешевле. Потом, венгерским фермерам труднее попасть со своей продукцией на полки иностранных гипермаркетов. Для этого приходится платить немалые деньги. Не все могут себе это позволить. Венгерские сети пока не могут конкурировать с иностранными гигантами. Но как-то выбираться из этой ловушки надо. На мой взгляд, следует кооперироваться со странами «Вышеградской четверки» и в этом вопросе.

Что касается положения венгерского фермера, то сегодня оно незавидно. Многие уже разорились. С тех пор как иностранцами была приватизирована и большей частью разорена венгерская сельхозпереработка, начиная с консервной промышленности и сахарных заводов, положение венгерского крестьянства резко ухудшилось. Пришли крупные международные торговые сети и фактически удушили венгерское сельское хозяйство. Это первый фактор. Второй фактор внутривосточный: в стране необоснованно, очевидно, по политическим причинам, как «пережиток» прежней системы, распустили сельхозкооперативы. Распустили даже там, где это было вопросом выживания для села. Как следствие, села стали пустеть, работы нет, началась безработица и миграция в города, особенно молодежи. Создалось такое положение, что молодежь уже и не хочет заниматься землей. Денег, стартового капитала

для фермерского хозяйства нет, жить среди животных, заниматься животными уже нет желания, да и нелегкий это труд. В городе прожить намного проще и легче. Мелкие животноводческие хозяйства разоряются, не выдерживая конкуренции. Прибыльно животноводством может заниматься лишь крупное предприятие. Но для этого нужны крупные земельные собственники. По-другому не получается. Вот и выходит, что мелкое крестьянство постепенно исчезает, продавая свои земли крупным собственникам. Я бы сказал, что мелкого крестьянства уже не существует. Сначала, при так называемом социалистическом строе, его загоняли в кооперативы (колхозы), потом, уже при новой системе, разгоняли. В итоге лишили основ существования. Конечно, где-то что-то осталось. Есть фермеры, ведут хозяйство, порой весьма успешно, но их все меньше и меньше. На селе просто не остается рабочей силы на период уборки урожая винограда или фруктов. В одиночку работать уже невозможно. Я знаю, о чем говорю, потому что у меня был небольшой виноградник. Такой виноградник еще можно обработать в одиночку. Но большой виноградник можно развивать, только если постоянно вкладывать деньги, строить завод по розливу в бутылки, осваивать зарубежные рынки и т.д. Для этого нужна рабочая сила, но копать землю уже никто не хочет.

Ф.Л. Что касается венгерского виноделия, то я, как потребитель, отметил бы очень существенный качественный прогресс за последние 10–15 лет. Все-таки требования Евросоюза к качеству вина сыграли свою позитивную роль. Плюс новые

технологии. Видно, как на рынке появляются все новые и новые производители, а венгерские вина все чаще берут золотые медали на международных смотрах.

З. Б. Да, это так. Только дело в том, что качественные вина могут производить большие хозяйства. У них есть деньги для инвестиций. Скажем, в винодельческих регионах Виллани, Эгера, Сексарда успешно работают в основном крупные хозяйства, у которых виноградники занимают большие территории. Они активно работают на рынке, где постоянно нужно развивать связи, маркетинг, экспорт и т.д. Это обеспечивает доход. Нет дохода, нет работы.

Ф. Л. Означает ли это, что сегодня венгерское сельское хозяйство в основном развивается на основе хозяйств крупных землевладельцев, а бывшие крестьяне из мелких хозяев земли превращаются в сельскохозяйственных рабочих?

З. Б. К сожалению, это так. Как я уже сказал, сначала одна бездумная коммунистическая система коллективизации, а потом другая бездумная система деколлективизации при «смене системы» сделали существование крестьянства в классическом смысле невозможным. И сегодня венгерская деревня пустеет.

Ф. Л. Схожее положение, кстати, сейчас и в русской деревне... Возвратимся, однако, к венгерским реалиям. До 2010 г., когда к власти вновь пришли демохристиане во главе с Виктором Орбаном, Венгрия под руководством социалистов и либералов успела погрузиться в новую долговую яму. Размер госдолга

страны превысил 70 миллиардов долларов, или 70 процентов ВВП, на выплату процентов по долгам сейчас уходят практически все собираемые в стране налоги. Дальше так продолжаться не могло, и народ на выборах в 2010 г. сказал: «Стоп». Что произошло в стране после 2010-го?

З. Б. Когда в 2010 г. партия «Фидес — Гражданский союз» во главе с Виктором Орбаном пришла к власти, они поняли, что многое надо менять. Даже та политика, которой они придерживались во время первого хождения во власть в 1998–2002 гг., никуда не ведет. Когда-то у них хватило силы порвать с Либеральным интернационалом, к которому они в свое время примыкали, и занять место в центре политического и идеологического спектра, которое когда-то занимал ВДФ. Это было естественно. Теперь настало время сдвигать экономику и политику в сторону национальных интересов и христианской идеологии. Надо сказать, им удалось сохранить баланс между идеологией и повседневной практикой. Это залог успеха. В начале разговора мы обсудили идеи «третьего пути», которые когда-то составляли программу ВДФ. Если отбросить какие-то утопические моменты той программы, то можно увидеть многие элементы «третьего пути» среди целей в работе правительства «Фидес». Это относится, в частности, к многовекторности внешней политики правительства В. Орбана. Программа «Открытие на Восток» предусматривала не только перезагрузку отношений с Россией, которые сейчас довольно хорошо развиваются во многих сферах, но и развитие многосторонних связей Венгрии с Китаем, Индией, Японией,

чего раньше никогда не было. До того все 20 лет после развала СССР в центре внимания был лишь Евросоюз.

Очень позитивный момент в работе нового правительства — поддержка семьи, в особенности многодетных семей. Это очень важный момент. Не нужно много говорить о том, что значит в жизни человека стабильная семья. Даже если у человека на работе не все нормально, семья дает ему чувство надежного тыла. Здесь можно много говорить. И о безвозмездном жилищном кредите на трех детей в размере 30 миллионов форинтов (около 100 тысяч евро), на которые уже можно купить квартиру, пусть и не очень большую, и о разного рода пособиях. Последний пример. Безвозмездный автомобильный сертификат на 7 тысяч евро для многодетных семей с 5 детьми. Пособие на рождение ребенка. Ребенок еще не родился, а мама уже получает 10 миллионов форинтов (30 тысяч евро) и может не бояться материальных трудностей после его рождения. Это уже серьезно. Все это должно помочь решать демографическую проблему, с которой сталкиваются многие страны Европы. Венгрия — не исключение. Только здесь правительство пытается решать проблему вместе со своим населением, а не путем приглашения иммигрантов из Африки или Азии, людей другой культуры и ментальности.

Переломить негативные тенденции совсем непросто даже новому правительству. Достаточно сказать, что за последние годы после открытия для «новичков» ЕС рынка труда на Западе страну в поисках лучшей жизни, в основном в Германии, Австрии, Англии, покинуло около 500

тысяч человек. В основном это люди с образованием и высокой квалификацией, знанием языков. Для венгерской экономики это серьезная потеря. Остается надеяться, что с развитием экономики и ростом уровня жизни они вернутся в страну. Позитивные примеры на этот счет есть. Многие из уехавших ранее за границу врачей и медсестер сейчас вернулись. Правительство серьезно увеличило их зарплаты.

Ф. Л. За последние 10 лет изменились в лучшую сторону и отношения Венгрии с Россией. Сотрудничество развивается по многим направлениям: торговля, энергетика, культура, христианский диалог и взаимодействие, регулярные контакты на высшем уровне, инвестиции, кооперация. Одним словом, стабильные, прагматичные отношения, чего так долго не хватало.

З. Б. Смотрите, я думаю, в том, что Венгрия и Россия сейчас активно взаимодействуют, существенную роль играет то обстоятельство, что схожие перемены в двух странах шли как бы параллельно, и одновременно менялось мировоззрение, менялись люди. Мне кажется, наши руководители — президент В. Путин и премьер В. Орбан — по ментальности похожи друг на друга. Их часто сравнивают и с президентом Трампом. В чем похожесть? Прагматизм, национальная ориентированность и христианские ценности. У них есть созвучность в нескольких основных вопросах. На этом фундаменте можно строить прагматичные отношения, развивая экономические и культурные связи. По моему мнению, у Венгрии нет другого пути кроме как развивать

отношения и с Западом, и с Востоком, соблюдая определенный баланс. Очень важно, что между нашими руководителями сохраняется личный контакт. Это внушает надежду.

Ф.Л. Сегодня из Брюсселя часто критикуют Венгрию за недостаток демократии, за ущемление свободы слова и т. п. Как в реальности обстоит дело с основными правами и свободами?

З.Б. На самом деле не может быть и речи о том, что в Венгрии нет правового государства, не хватает демократии или свободы слова. Если бы это было так, как представляют наши критики из Брюсселя, то тогда на улицах не было бы ни демонстраций, ни собраний, которые можно наблюдать каждый день. Я просто не понимаю, на чем основываются такие заявления. Думаю, что причина здесь в другом. Та либеральная политическая система, сложившаяся в ЕС, с которой мы часто входим в противоречия по разным вопросам, скажем, по вопросам миграции или санкций против России, используя подконтрольные СМИ, таким образом пытается дискредитировать нашу страну. В нашей прессе, напротив, о правительстве и власти можно писать все, что кто-то думает. Это один момент. Второй момент. Часто говорят, что у нас в стране автократия. По этому поводу могу сказать, что ни в одной стране управление обществом не может осуществляться без автократии. Веймарская республика в Германии показала, к чему приводит такая ситуация, когда все разваливается и нет никаких скреп. Особенно это относится к странам с переходной экономикой.

Ф.Л. По поводу миграции в ЕС сегодня Венгрию критикуют больше всего за ее позицию по защите границ Евросоюза. Мол, Венгрия идет против планов ЕС принять у себя миллионы мигрантов для улучшения демографической ситуации. В Венгрии этот план назвали «планом Сороса». Иногда можно прочесть о том, что где-то в 2009 г. глобалистские силы, или так называемое «глубинное государство», а Сорос — это как бы одно из ключевых лиц этой силы, приняли вроде бы план завезти в Европу 20 миллионов человек из Африки и Азии для создания в Европе новой идентичности без национальностей, границ и государств. Вскоре план начал выполняться. И в результате запыхал Север Африки, Ближний Восток, Сирия. Пошла волна миграции. В 2015-м Венгрия приняла на себя первые волны мигрантов на суше. До этого Италия приняла их с моря. С тех пор тема мигрантов буквально не сходит с повестки дня Евросоюза.

З.Б. По моему убеждению, миграцию в Европу действительно организуют и финансируют. А когда какая-либо страна, будь то Венгрия, Италия или Хорватия, начинают защищать свои границы и границы Евросоюза, то они моментально подвергаются атаке и критике именно из Брюсселя, как будто это мешает брюссельским бюрократам выполнить какой-то план. К сожалению, ультралиберализм и стоящая за ним система интересов настолько пронизали политические поры Европы, что перемен здесь ждать очень сложно. С моей точки зрения, необходима консолидация всех здоровых сил общества, чтобы это как-то преодолеть. Будем надеяться, что после послед-

них выборов в Европарламент что-то изменится.

Ф. Л. Вопрос последний. Ваш Институт изучения истории смены системы можно назвать институтом новейшей истории Венгрии. Расскажите хотя бы вкратце о его истории и его работе.

З. Б. Институт был создан в 2013 г. на основании решения премьер-министра. Меня попросили его возглавить. Сразу же началась организационная и исследовательская работа. В институте работает 26 сотрудников. Финансируется он из госбюджета. С начала нашей работы издано порядка 40 томов различного рода исследований по истории, экономике, социологии событий последних 30 лет. Ежеквартально издается журнал архивных материалов. Эти материалы относятся не только к новейшей истории. Скажем, нам предложили архив Партии мелких хозяев, которая была создана в 1908 г. и которая победила на первых послевоенных выборах 1945 г. Там, естественно, содержатся документы за всю послевоенную историю партии. Мы

стараясь сохранить целостность получаемых архивов, ибо только так можно исследовать процессы в динамике. У нас же сейчас ожидается поступление архива Имре Пожгаи, одного из лидеров ВСРП, возглавившего реформы. Естественно, огромный архив ВДФ, который сохранил один из наших лидеров, а ныне зампред Госсобрания — Шандор Лежак, тоже в полном объеме будет исследован в нашем институте. В местечке Лакителек находится основное здание архива ВДФ, но часть архива хранится у нас в Будапеште. В плане международных связей мы поддерживаем отношения со многими институтами, включая российские: Институт Европы, Институт славяноведения, Фонд Горбачева. Пробуем получать какие-то архивные данные из зарубежных архивов, в том числе и российских, но не всегда успешно, слишком долгие сроки секретности не всегда позволяют это сделать, даже в венгерских архивах. Но мы не отчаиваемся.

Ф. Л. Господин Биро, большое спасибо за обстоятельный разговор. Всего доброго.

“FROM ONE DICTATORSHIP, WE FOUND OURSELVES IN ANOTHER...”
THIRTY YEARS AFTER THE “SYSTEM CHANGE”. A LOOK FROM BUDAPEST.
Interview with Z. Bíró

Bíró Zoltán — Hungarian historian and politician, Director of the Hungarian Institute for the study of the history of the «change of the system» (RETORKI) (Hungary)

Key words: Hungary, the fall of communism in Eastern Europe, liberal reforms, the European Union, migration, national values, Viktor Orbán.

Abstract. A prominent Hungarian conservative politician and historian, a moderate Eurosceptic, sets out his vision of the path that his country has traveled in the 30 years of the fall of communism.

А. С. Стыкалин

Рец.: The Revolution of 1989. A Handbook / Wolfgang Mueller, Michael Gehler, Arnold Suppan, eds. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. 708 p.

Ключевые слова: Восточная Европа, перестройка, М. С. Горбачев, крах коммунистических режимов, окончание холодной войны, объединение Германии.

Аннотация. Рецензируется опубликованный Австрийской академией наук коллективный труд, посвященный кардинальным переменам в мире на рубеже 1980–1990-х гг. — падению коммунизма в Восточной Европе, окончанию холодной войны, объединению Германии и их последствиям для международных отношений.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-240-255

Рецензируемая книга, подготовленная как итоговый продукт большого международного проекта, выполненного под эгидой Австрийской академии наук, представляет собой по сути фундаментальную коллективную монографию с участием более двух десятков авторов из десятка стран. Предмет их исследования — революционные перемены конца 1980-х гг. в странах распавшейся системы мирового коммунизма, рассмотренные в самом широком историческом контексте как важнейшая составная часть более масштабных геополитических изменений, связанных с прекращением холодной войны, распадом биполярной системы международных отношений. Хотя в работе представлен также советский и китайский опыт, основное внимание уделено странам Центральной и Юго-Восточной Европы, вошедшим в 1945 г., по итогам Второй мировой войны в сферу влияния СССР и пребывавшим в ней до тех пор,

пока центр силы, коммунистическая сверхдержава, Советский Союз не утратил способности удерживать эти регионы под своим контролем.

Как показывает приведенный в книге огромный материал, падение коммунистических режимов на европейском континенте явилось закономерным следствием ослабления СССР, проигравшего прежде всего в экономическом соревновании с Западом и уже не способного к концу 1980-х гг. контролировать сферу своих непосредственных геополитических интересов — не столько силовыми средствами (хотя война в Афганистане показала лимиты и в этом отношении), сколько при помощи финансовых вливаний. Ведь пропорционально ослаблению советского влияния возрастало западное. Это хорошо понимали и в Москве. Так, М. С. Горбачев 1 ноября, уже после падения в ГДР команды Э. Хонеккера, в беседе с новым и через неделю

© А. С. Стыкалин, 2020

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

тоже обанкротившимся руководителем СЕПГ Э. Кренцем признал, что в первую очередь именно внешне-экономические факторы, в частности, растущая зависимость Польши и Венгрии от Запада и фактический проигрыш СССР в конкуренции с западными экономиками теперь уже и на восточноевропейском поле, делают неэффективной любую попытку силового воздействия Москвы на происходящие процессы: «В Венгрии и Польше сейчас сложилось такое положение, что им, как говорится, деваться некуда, настолько они погрузились в финансовую зависимость от Запада. Сейчас кое-кто нас упрекает: куда, мол, смотрит Советский Союз, почему он позволяет Польше и Венгрии «уплывать» на Запад. [Но] мы ведь не можем взять на содержание Польшу» (*Горбачев* 2010а: 373). Именно неконкурентоспособность социалистической экономики, невозможность даже в самых развитых из соцстран достичь уровня жизни, хоть сколько-нибудь сопоставимого с западным, окончательно делегитимизировали коммунистические режимы в глазах соотечественников. Граждане ГДР, в массовом порядке устремившиеся летом 1989 г. в Австрию через открывшуюся венгерско-австрийскую границу, ногами голосовали против «реального социализма», так же как это делали и многие тысячи людей из поколения их отцов до строительства Берлинской стены в 1961 г. При этом об обновлении, наполнении новым содержанием существующей системы, о построении «социализма с человеческим лицом» (как это пытались делать в Чехословакии 1968 г.) речь если где и шла, то только в кабинетах правящих партий, уже впол-

не готовых в сложившихся условиях поделиться властью со своими оппонентами, еще недавно находившимися вне закона. Доминирующим же был лозунг «возвращения в Европу», под которой понималась, разумеется, не довоенная Европа, а некая считавшаяся столбовой дорожкой развития, с которой народы региона свернули не по своей воле в конце 1940-х гг., оказавшись в сфере влияния сталинского режима. Представления о возвращении в Европу, т. е. к ценностям западного mainstream'a, связывались в массовом, но особенно в интеллигентском сознании с «нормальной» рыночной экономикой, гражданским обществом (которое в развитом виде ранее мало где существовало в географическом пространстве, о котором идет речь), с более высокими жизненными стандартами.

Роль внутренних оппозиционных движений в подготовке нового этапа в развитии восточноевропейских государств варьировалась от страны к стране. Маргинальные и по большей части разгромленные диссидентские группы в Румынии эпохи Чаушеску не могли идти, конечно, ни в какое сравнение с 10-миллионной польской Солидарностью начала 1980-х. При всем при этом показательное многообразие оппозиционных движений, зачастую только опосредованно носивших политический характер, как, например, сообщества экологические или же связанные с протестной молодежной субкультурой (так, роль неформальной музыкальной культуры в общественном подъеме конца 1980-х под лозунгами национальной независимости показана на примере республик Балтии в статье К. Брюггеманна).

Как бы то ни было, сугубо внутренние факторы не привели бы к столь быстрому краху восточноевропейских коммунистических режимов, если бы не совокупность внешних обстоятельств, среди которых решающее значение приобретали процессы, происходившие в главной стране социализма — в СССР. Как заметил один из видных французских политологов, Жак Левек, наиболее удивительным феноменом 1989 г. был не коллапс уже давно дышавших на ладан коммунистических режимов Восточной Европы, а изменившееся отношение руководства СССР к происходившему у его ближайших соседей. При этом надо сказать, что такой быстроты перемен западные наблюдатели, конечно, не ожидали.

Начало перестройки в СССР было воспринято на Западе с очевидным недоверием, однако к 1989 г. совершенно отчетливо проявляются свидетельства принципиальных изменений советской внешней политики на восточноевропейском направлении. Большую роль в поисках новых, несиловых методов решения проблем в отношениях с союзниками сыграл афганский опыт. 31 октября 1989 г. А. Н. Яковлев в беседе с З. Бжезинским довольно откровенно говорил о том, что именно события в Афганистане явились тем решающим фактором, который подвинул советских лидеров к отказу от дальнейшего использования своих вооруженных сил за пределами страны: «Афганистан, наверно, при всем негативе имеет один положительный момент для нас. На примере Афганистана мы пришли к выводу, что ни один советский солдат не должен находиться за рубежом в целях ведения боевых

действий» (Яковлев 2008: 375). Но об ущербности силовых решений говорили и китайский Тяньаньмэнь, произведший тем более сильное впечатление на Горбачева, что он посетил Китай в мае 1989 г., совсем незадолго до этой трагедии, и ввод войск в Тбилиси в апреле 1989 г., возымевший огромный общественный резонанс по всему СССР. Это не помешало, впрочем, дезориентированной власти в ее тщетном стремлении сохранить целостность союзного государства и дальше, уже после падения коммунизма в Восточной Европе, прибегать к силе в Баку (события черного января 1990 г.), Вильнюсе, Риге...

Очевидно, что и в самой власти (центральной и местной) сосуществовали и противоборствовали совершенно разные тенденции. При этом в глазах всего мира имела особое значение позиция того деятеля, с которым и ассоциировалась политика перестройки, и персональная роль которого действительно была велика. В центре внимания А. С. Грачева, одного из ключевых кремлевских спичрайтеров конца 1980-х — система взглядов М. С. Горбачева, осознававшего необходимость глубоких структурных реформ экономически неэффективной и по сути недемократичной общественной системы. Суть «нового политического мышления», возведенного с его подачи в ранг одной из базовых идеологий, заключалась во внешнеполитическом плане как раз в принципиальном отказе от силовой реакции на возникавшие вызовы. Новый советский лидер понимал (если даже на практике внутри страны в условиях начавшегося распада союзного государства и не

всегда был последователен), что силовые методы не только скомпрометируют перестройку в глазах международной общественности, но и не принесут желаемого эффекта с точки зрения долгосрочных интересов СССР, в том числе в непосредственной сфере его геополитического влияния. Они лишь еще более снизят доверие в мире к СССР, углубив также пропасть между народом и властью предрезающими в самих странах Восточной Европы и загнав вглубь, но не разрешив стоявшие перед этими странами внутриполитические проблемы (об этом более всего свидетельствовала активизация оппозиционных движений, требовавших среди прочего и коренной переоценки прежних советских силовых акций — в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г.). Конкретными шагами, направленными на снижение международной напряженности в духе нового политического мышления, стали отказ от конфронтационности и возобновление нормального диалога с США, прекращение войны в Афганистане, полная нормализация отношений с Китаем, отказ от давления на Польшу, где развернулась острая внутриполитическая борьба. С другой стороны, Горбачев (это следует из многих его выступлений перед зарубежными деятелями) не хотел, чтобы создалось впечатление о навязывании политики перестройки другим государствам, исходя из того, что никто лучше местных элит не может определиться с методами, подходящими для решения существовавших в самих этих странах проблем.

Подход Горбачева к внешнеполитическим вопросам, по мнению А. С. Грачева, свидетельствовал о возникнове-

нии в СССР в недрах советской системы альтернативной политической культуры, ориентированной на отказ от применения силы. Вместо достижения баланса сил на первый план все более выходило достижение баланса интересов. Этот процесс должен был в идеале приобрести и свое внутриполитическое измерение — в диалоге с собственным обществом, через организации, представляющие все многообразие общественных (в том числе национальных, региональных) интересов. Однако быстрое развитие центробежных тенденций, обострение межэтнических противоречий (армяно-азербайджанский конфликт и др.) и естественная заинтересованность центра в сохранении целостности союзного государства заставляли решать возникавшие острые проблемы в пожарном порядке, что совершенно не оставляло перспектив для перехода к новой модели отношений. Реальным практическим воплощением «нового политического мышления» стало, наряду с активизацией переговорного процесса с Западом, предоставление свободы выбора восточноевропейским странам, которым было предложено выискивать оптимальные решения с учетом их собственных экономических и геополитических интересов.

Надо иметь, однако, в виду, что вплоть до осени 1989 г. Москва фактически не давала сигналов о своем невмешательстве во внутренние дела восточноевропейских стран в случае, если в них возникнет угроза социализму. Лидеры оппозиционных протестных движений, нацеленные на взятие власти, не могли с уверенностью определить, где пролегает та грань терпимости, переход через

которую чреват силовой реакцией со стороны Кремля. В принципе такой реакции нельзя было исключать, учитывая неоднозначность настроений внутри советской элиты. Это показали и некоторые вышеупомянутые события в пределах СССР — в Прибалтике, Грузии, Азербайджане.

При этом ознакомление со всеми выступлениями Горбачева за осень 1989 г. и первые месяцы 1990 г. приводит к выводу об идеализме этого деятеля, долгое время ждавшего встречного движения от Запада в интересах создания «общеευропейского дома» при признании происходящих в Восточной Европе перемен именно как обновления социализма. Показательны его повторявшиеся на встречах с иностранными политиками филиппики в защиту якобы сохранявшейся социалистической перспективы, только более гуманной. Это касалось и его отношения к возможностям сохранения в Европе существующей блоковой конфигурации, которая если в будущем и изменится, то, по его мнению, только при одновременном роспуске обоих блоков в едином «общеευропейском доме». Так, даже после формирования в Польше некоммунистического правительства во главе с Т. Мазовецким он все еще надеялся, что заинтересованность польской элиты в статус-кво на международной арене (тем более в свете актуализации германского вопроса) гарантирует ее приверженность Варшавскому договору. Соответственно и министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе по итогам посещения Румынии в начале 1990 г. выразил мнение о том, что с падением одиозного режима

Чаушеску больше нет препятствий для реформирования как Организации Варшавского договора (ОВД), так и СЭВ. Все это воспринимается сегодняшним взглядом не столько как оппортунистическая склонность к сдаче позиций во имя воплощения неясных политических идеалов, сколько как запаздывание с оценкой ситуации, а часто и нежелание трезво взглянуть в глаза реальности. Советский лидер (а в определенной мере, наверно, и его ближайшее окружение) недооценил степени компрометации идеи социализма в сознании населения Восточной Европы, он долго не хотел признать очевидное: социализм как идеология и политическая практика проиграл соревнование в борьбе за умы и сердца людей, и любые прогнозируемые изменения в мире будут происходить теперь на основе западных ценностей. Показательна в этом смысле беседа Горбачева с новым чехословацким президентом В. Гавелом, посетившим в конце зимы 1990 г. Москву. У чехов на основании их исторического опыта, говорил советскому лидеру Гавел, само слово «социализм» ассоциируется прежде всего с навязанной им извне формой правления.

К этому времени полный крах общественной системы в ГДР и ускорившийся процесс объединения Германии открыли близкие перспективы коренной перекройке всей европейской конфигурации, при которой совсем не оставалось больше места не только для организаций типа СЭВ и ОВД, но и для такого феномена, как «реальный социализм». Полностью исчерпала себя к 1991 г. и идея перестройки, ибо к этому времени со всей определенностью

выяснилось, что система, сложившаяся в СССР, не подлежала реформированию. Встав на путь искреннего реформатора социализма, Горбачев объективно оказался его главным могильщиком, так, в сущности, и не успев осознать, находясь у власти, подлинную суть выпавшей на его долю исторической миссии. Несомненной заслугой его политики явилось то, что в большинстве европейских социалистических стран переход к новому качеству оказался бескровным. Как заметил крупный британский политический мыслитель Т. Гартон-Эш, если символом Великой французской революции была гильотина, то ровно через 200 лет символом восточноевропейских революций 1989 г. стал круглый стол, явившийся в Польше и Венгрии формой перехода к плюралистической системе и альтернативным выборам.

Явное исключение составила, конечно, Румыния — не только потому, что режим Чаушеску оказался слишком «перезревшим плодом» (в действительности не намного более перезревшим, чем режим «послеавгустовской нормализации» в Чехословакии с ее абсолютно бескровной «бархатной революцией» 1989 г.), но в силу целого ряда факторов, включая неподготовленность внепартийной оппозиции взять власть, ее явную слабость в сравнении с претендовавшими на ту же власть партаппаратчиками третьего эшелона и сило-

виками. Жертвами драматических декабрьских событий в Румынии стали более тысячи человек, и все же гражданских войн в странах Восточной Европы удалось избежать, в том числе в силу неукорененности коммунистических режимов в обществах соответствующих стран¹. В этом плане исключение составила уже не Румыния, а внеблоковая федеративная Югославия с ее замороженным, а не принесенным, навязанным извне коммунизмом. При этом в Югославии, где события приняли более трагический, чем где бы то ни было, включая СССР, характер, линия размежевания в основном совпала с линиями расселения этносов; в этом смысле тоже приходится говорить не о гражданской войне, а о череде конфликтов и даже войн межнациональных. В Югославии (как показано и в статьях рецензируемого сборника) развитие конфликтов сразу перешло в русло именно межнациональных противостояний, и даже раскол правящей партии принял форму расхождения по своим национальным «квартирам». При этом в Сербии коммунисты надолго сумели сохранить власть, позиционируя себя как национальная сила и проводя политику методами, которые только обостряли существующие на постъюгославском пространстве перманентные межэтнические конфликты. В той же связи можно было бы заметить, что посткоммунисты (хотя и в иных условиях) надолго остались у власти также в Румынии

¹ Возможно, сыграл определенную роль и страх перед повторением китайского Тяньаньмэня (см. очерк П. Вамоша). Если даже допустить, что Хонеккер в Восточном Берлине и еще более Чаушеску в Бухаресте восприняли на определенном этапе китайские методы как руководство к действию, трагические события 4 июня 1989 г. в Пекине в целом стали фактором, сдерживавшим и властные структуры, и оппозицию в странах Восточной Европы в их противостоянии. И те, и другие стремились избежать кровопролития.

и Болгарии, где развитие событий в каждом случае приобрело свой специфический характер с учетом как расклада внутривнутриполитических сил, так и этнической структуры населения. Повсеместно в Восточной Европе на рубеже 1980–1990-х гг. в условиях кризиса коммунистических режимов вышли на поверхность и межэтнические противоречия в политических движениях, затем в полной мере проявившиеся в настоящих войнах, сопровождавших распад Югославии, в резко контрастировавшем с ними мирном разводе Чехии и Словакии, в румыно-венгерских конфликтах 1990 г. в Трансильвании и др. Кстати, критика национальной политики режима Чаушеску в Румынии стала в конце 1980-х гг. одним из главных факторов консолидации внутривнутриполитической оппозиции в соседней Венгрии².

Национальный фактор играл решающую роль в переменах в республиках советской Балтии, где народным фронтам как широким движениям с ярко выраженными национальными целями оппонировали формирувавшиеся антиперестроечные движения, позиционировавшие себя как платформы противостоявших усилившемуся национализму неоднородных сил, не всегда четко прокоммунистической и просоветской ориентации. Дезинтеграционные процессы в экономике сопровождались «парадом политических суверенитетов», сознательным отмежеванием, а затем и прямым разрывом части местных элит с московским центром. В этих условиях раскол

охватил и компартии, что особенно отчетливо проявилось в Литве. При этом любые попытки восстановления статус-кво, поддержанные Кремлем, только усиливали в широких массах «титального» населения балтийских республик стремление «жить по собственным правилам». Немалую роль в конституировании оппозиции играла историческая память, воспоминания о собственной утраченной государственности. 50-летний юбилей начала Второй мировой войны, договоренностей между Сталиным и Гитлером и их последствий, включая ликвидацию государственности балтийских стран, дал идеологам новых национальных движений возможность активнее апеллировать к историческим традициям и привлечь к этим движениям большее международное внимание.

Коренные перемены в Восточной Европе происходили в эпоху, когда достижения научно-технической революции открывали новые, в 1956 и даже 1968 гг. (не говоря уже о более ранних эпохах) еще невиданные возможности не только позиционирования мировому общественному мнению политических программ, но и прямого транслирования самого хода событий. Конечно, процесс разрушения к востоку от Берлинской стены образа западного врага и тесно связанное с ним размывание идеологических устоев коммунистических режимов начались задолго до 1989 г., и здесь тоже главную роль сыграли СМИ. Так, фотография архитектора новой германской восточной политики В. Брандта, коленопреклоненного

² В книге приводится неверное мнение (с. 275) о том, что в Венгрии оппозиция формировалась прежде всего внутри правящей партии. Само складывание внутри ВСРП реформаторского крыла явилось на самом деле ответом на вызовы внепартийной оппозиции.

перед мемориалом жертвам Варшавского восстания, перевесила многие тысячи страниц пропагандистских текстов, разоблачающих западногерманских реваншистов. К концу 1980-х ситуация стала принципиальной иной. В августе 1989 г. миллионы людей во всем мире могли уже смотреть прямые телерепортажи с панъевропейского пикника на венгерско-австрийской границе в условиях ее открытия для тысяч устремившихся на Запад (через более либеральную Венгрию) восточных немцев. А еще через три месяца не только был анонсирован СМИ, но и широко транслировался по западногерманскому телевидению сам процесс падения Берлинской стены, воочию наблюдаемый на всех континентах.

Новые технические средства не только позволяли стирать грань между виртуальным миром телешоу и реальной действительностью. Они формировали мощнейший фактор прямого влияния на ход события. Репортажи западных телестудий, с прорывом железного занавеса все более доступные и в странах восточного блока, выводили к стене все больше и больше молодежи ГДР, побуждая ее непосредственно участвовать в историческом действе. Те же репортажи воодушевили и чехов, предпринявших начиная с 17 ноября решающее наступление на свой обветшавший «режим нормализации». Переданное западными СМИ и, как оказалось, ложное сообщение о гибели одного из студентов только радикализовало ситуацию в Праге. Трудно переоценить роль электронных СМИ и в делигитимизации и последующем падении режима Чаушеску, с началом перестройки полностью утратив-

шего свою прежнюю внешнеполитическую роль диссидента в советском блоке и теперь уже воспринимавшегося на Западе как фактор, препятствовавший позитивным переменам в мире. Дело не только в мобилизации масс на борьбу с репрессивным режимом радиостанцией «Свободная Европа» и другими носителями информации. Не будет преувеличением сказать, что Чаушеску потерял власть в стране в тот самый момент, когда миллионы румын, смотревших по государственному телеканалу репортаж с его выступления на митинге 21 декабря, увидели не просто его растущую неуверенность в себе, а поистине животный страх диктатора, полностью утратившего контроль над ситуацией. Кстати, в конкретном случае с декабрьской революцией в Румынии передаваемые западными агентствами преувеличенные данные о масштабах человеческих жертв лишь нервировали толпу, и это явно не способствовало нормализации положения в стране.

Революционные изменения в каждой из стран Восточной Европы не были изолированными явлениями в силу общности целей и задач. Каждая из сил, своими действиями определявших ход событий, испытывала немалые внешние влияния. Еще до начала бурных перемен оппозиционные диссидентские движения в разных странах поддерживали связи между собой, чему зачастую способствовала близость идейных программ, проектов реформирования экономики и политической системы (в той или иной мере это касалось и советских либеральных диссидентов, и активистов национальных движений в балтийских республиках).

По мере происходивших в 1989–1990 гг. подвижек на политической арене и приобщения бывших оппозиционеров к власти эти связи приобретали новое качество. В первые годы перестройки, вплоть до весны 1989 г., именно импульсы, исходившие из Москвы, стимулировали перемены в Восточной Европе, особенно важной вехой явились подготовка и проведение в мае 1989 г. первого съезда народных депутатов. Он, несомненно, повлиял на активизацию оппозиционных движений в странах Восточной Европы, включая Польшу, где как раз вступила в решающую стадию борьба за места на выборах в сейм. Однако с конца 1989 г. возобладало обратное влияние, т.е. воздействие событий в Восточной Европе на ситуацию в СССР, что стало одним из факторов, ускоривших крах Советского Союза (см. очерк Э.Г. Задорожнюк).

На Западе внимательно следили за событиями, и вопрос о том, на кого делать ставку на посткоммунистическом пространстве — на провластных партийных либералов или на более радикальные оппозиционные движения, не имевшие прочных институциональных опор в Болгарии, Румынии, Югославии, не всегда решался настолько легко, насколько это может показаться на первый взгляд. В период нового обострения холодной войны на рубеже 1970–1980-х западными фондами и СМИ оказывается более активная поддержка оппозиционерам в государствах восточного блока, выступавшим с правозащитными требованиями. Но даже в странах Средней Европы с более развитой внепартийной оппозицией западные спецслужбы про-

являли осторожность. Показательно, например, что во время бурных событий в Польше начала 1980-х они даже не предупредили в декабре 1981 г. польских оппозиционеров о готовившихся правительством В. Ярузельского мерах по введению военного положения. В более широком плане вопрос о роли Запада в расшатывании и конечном падении восточноевропейских коммунистических режимов до сих пор дискутируется. Из западноевропейских лидеров наибольшее влияние на ход событий в Восточной Европе оказал римский папа Иоанн Павел II. Огромная харизма поляка-понтифика была мощнейшим фактором, консолидировавшим оппозицию и постоянно присутствовавшим в польской общественной жизни. Начиная с его визита на родину в июне 1979 г., когда он при стечении невиданного количества слушателей заговорил о человеческом достоинстве как главной ценности, этот фактор оказывал воздействие на ход событий, не ограничивавшееся одной лишь Польшей. При этом в среде клира долгое время сохранялись опасения, что слишком резкое вмешательство Ватикана в восточноевропейские дела может только усилить ответное давление властей и создать угрозу положению церкви, а значит миллионов верующих.

Из очерков, собранных в книге, предстают во всем своем многообразии и динамике западные отклики на советскую перестройку. Так, М. Тэтчер с приходом к власти Горбачева ранее многих других политиков Запада предрекала скорую разрядку напряженности в международных отношениях. Однако другие были склонны

видеть в перестройке лишь некую аберрацию, отклонение от нормы, за которым вполне может последовать возвращение к прежним, устоявшимся принципам советской внешней политики. Сдержанное отношение к происходящему объяснялось и тем, что опасались жесткой советской реакции на возможное усиление западного вмешательства в дела восточного блока. Только осенью 1989 г., когда события в бывшей сфере влияния СССР приобрели необратимый ход, прежняя сдержанность сменяется повышенной активностью, оказывается мягкое, но вполне определенное давление на СССР в целях окончательного торжества западных представлений о будущем Европы, вызывавшее (это видно из записей многих бесед советского лидера с иностранцами) нервную реакцию Горбачева, не способного поступиться некоторыми принципами и видевшего себя реформатором, но отнюдь не разрушителем существующей системы.

Учитывая роль сталинской советизации стран Восточной Европы в возникновении холодной войны, вполне логичным было предположить, что с ослаблением советского контроля над регионом, а затем и фактическим уходом СССР этот тип конфронтации отойдет в прошлое, соответственно и Восточная Европа перестанет быть одним из фронтов холодной войны. Давление Запада на бывшие социалистические страны в целях принятия их новыми элитами определенных программ развития приобретает нефорсированные и преимущественно экономические формы. Опасаясь ослабления позиций Горбачева и его команды, западные дер-

жавы воздерживаются от слишком активного вмешательства во внутриполитическую жизнь этих стран, резонно полагая, что назревший отказ от однопартийности, легализация оппозиции с последующим проведением свободных выборов приведут и так к кардинальному изменению политических систем. Благодаря такой позиции стороны сумели избежать конфликтов при разрешении спорных ситуаций. Осенью 1989 г. западные эмиссары, включая З. Бжезинского, посетившего Москву и встречавшегося с М.С. Горбачевым в конце октября, не ставили вопроса о выходе Польши и Венгрии из ОВД, несмотря на существенные подвижки во власти в этих странах. Они также дистанцировались от поддержки устремлений некоторых политических сил в республиках Балтии вывести их из СССР. Новые лидеры стран Восточной Европы были радикальнее в постановке целей, выдвигая, в частности, требования о выводе советских войск и скорейшем роспуске ОВД.

Большое внимание в книге уделено германскому вопросу, его разрешению в контексте окончания холодной войны и распада биполярной системы. Ведь объединение Германии, коренным образом переформатировавшее политическую карту Европы, стало одним из главных следствий перемен рубежа 1980–1990-х гг. После отстранения в октябре одиозного Э. Хонеккера коммунистическая элита ГДР достаточно адекватно оценивала ситуацию, понимая, что силовые методы в сложившихся условиях безнадежны. Она фактически не оказывала больше сопротивления, что сделало возможным и быстрое

сношение Берлинской стены. При этом даже некоторые из оппозиционеров режима оказались не готовы к столь динамичному развитию событий. Часть из них (на левом фланге политической жизни) питала некоторые иллюзии относительно реформирования второго германского государства. Вообще в момент сношения стены мало кто за пределами страны ожидал, что вопрос объединения двух Германий настолько быстро встанет в повестку дня текущей политики. Однако в обществах обеих Германий тяга к воссоединению была настолько велика, что канцлер Г. Коль не мог не воспользоваться положением, чтобы воплотить мечту не одного поколения немцев о преодолении раскола нации. Уже в сентябре на съезде ХДС он говорил о том, что ускорившееся развитие событий в Европе может в недалеком будущем создать возможности для восстановления утраченного единства «фатерланда». А в свете некоторых его резонансных заявлений, сделанных начиная с конца ноября, германский вопрос в течение считанных недель выходит на первый план, так что внимание международного общественного мнения от восточно-европейских революций все более переакцентировалось на пути разрешения именно этого вопроса.

Реакция международного общественного мнения была насторожен-

ной. Нежелание смириться с новым вызовом стоило карьеры М. Тэтчер. «Железная леди» так и не смогла принять перспективу объединения Германии. В условиях, когда и позиция собственного, британского МИДа была более сдержанной, неспособность Тэтчер дать адекватный ответ на германский вызов, выработать более реалистический взгляд на возможности западноевропейской интеграции с участием Германии ослабила ее внутривнутриполитические позиции. Ее отставка произошла через неполные 2 месяца после германского объединения. Ф. Миттеран, как и подобает французскому политику, тоже очень сдержанно отнесся к планам объединения Германии и на этой почве нашел общий язык с Горбачевым³. Вместе с тем президент Франции проявил больше гибкости, нежели премьер-министр Великобритании, постаравшись использовать неминуемое объединение двух Германий в интересах ускорения процесса европейской интеграции.

Хотя европейское общественное мнение в целом настороженно восприняло перспективу объединения Германии, запущенный усилиями прежде всего Бонна процесс уже было невозможно остановить, по мере усиливавшейся политической нестабильности в ГДР росли масштабы вмешательства в ее дела западных соседей. Еще в декабре 1989 г. Горбачев

³ «Реальная проблема сегодня — Германия, — говорил он в телефонной беседе с Горбачевым 14 ноября 1989 г. — Ситуация здесь противоречива. Конечно, когда народ проявляет сильную волю, высказывает ее, — трудно это не учитывать. Точно так же трудно не учитывать то, что граница между двумя Германиями — это не то же самое, что граница, разделяющая разные народы. С другой стороны, в Европе никто не хочет, чтобы на континенте произошли глубокие пертурбации в результате объединения Германии, которое неизвестно что принесет. <...> Все считают, что германская проблема развивается слишком стремительно» (Горбачев 2010б: 530). О недопустимости искусственного подталкивания процессов, происходящих в Европе, постоянно говорил многим своим западным собеседникам Горбачев.

буквально в каждой своей беседе с иностранными политиками в довольно категоричной форме указывал на несвоевременность германского объединения, однако уже 20 января 1990 г. Шеварднадзе в ходе одной из встреч с представителями Западной Германии фактически признал, что такой перспективы не избежать. Усугубляющийся экономический кризис в СССР и усилившиеся центробежные тенденции внутри Союза (особенно процессы, происходившие в Балтии) не позволили Москве проявить активность в сдерживании процессов германского объединения. Как раскол Германии был неотъемлемой составной частью раскола Европы, так и ее объединение, в силу центрального положения страны на континенте, стало решающей предпосылкой создания Единой Европы и происходило в рамках общеевропейских процессов.

Роль исторической памяти в происходивших в Восточной Европе революционных изменениях также не избежала внимания составителей и авторов книги. Так, в чехословацкой «бархатной революции» присутствовала память как о 1918 г. (образование чехословацкого государства), так и о 1938–1939 гг. (мюнхенское соглашение и последовавший за ним крах Чехословакии), о 1948 г. (установление полной власти компартии вследствие путча), о 1968 г. (Пражская весна и ее подавление). На первый план выходили события, связанные с борьбой за национальную независимость, ее подавлением и последующим сопротивлением иноземному диктату. В Венгрии в центре общественного внимания находилась анти тоталитарная революция осени

1956 г. Торжественное перезахоронение казненного в 1958 г. на основании несправедливых обвинений мученика Имре Надя, центральной фигуры тех событий, было использовано для выдвижения оппозицией требования о выводе советских войск. Чересчур категоричным представляется утверждение о том (с. 17), что до самого конца существования СССР в нашей отечественной литературе сохранялась версия контрреволюции в отношении венгерских событий 1956 г., поскольку ее пересмотр мог обострить внутренние политические трения в странах Восточной Европы. В реальности некоторые подвижки в этом плане наметились уже в 1989–1990 гг. (см.: *Стыкалин* 2016: 259–280). Правдой является то, что в Москве не собирались пересматривать официальные оценки, бытовавшие в самих странах, и это касалось не только Венгрии 1956 г., но и Чехословакии 1968 г. Так, в марте 1988 г. в ЦК КПСС отклонили предложение итальянской компартии о пересмотре отношения к интервенции 21 августа. Пришлось ждать до «бархатной революции» ноября 1989 г., после которой в начале декабря было опубликовано официальное совместное заявление лидеров пяти стран, участвовавших в этой акции, о ее ошибочности. В Москве, несомненно, осознавали мобилизующую роль исторической памяти, что проявилось и в определенных попытках замолчать уже известную к 1989 г. правду о катынском расстреле до тех пор, пока это было возможно.

Много загадок и мифов остается в связи с декабрьской революцией 1989 г. в Румынии, продолжают споры среди историков, они касаются

и влияния внешних факторов на события. В самой стране в общественном сознании довольно силен образ «украденной революции», ставшей своего рода «первородным грехом» в процессе перехода Румынии к новому общественному состоянию, тормозившим этот процесс. Эта позиция в принципе близка и А. Габани, автору соответствующего очерка в рецензируемой книге — акцент в нем делается на захват власти группой Илиеску. Экономическое положение в Румынии второй половины 1980-х гг. было таково, что мощный социальный взрыв был вполне ожидаем, его прогнозировали в своих записках и советские эксперты. Но насколько прямой и исключительной поливариантность была связь между спецификой и особой политикой румынского коммунистического режима и, с другой стороны, характером смены власти в декабре 1989 г.? И могло ли произойти спонтанное появление в декабрьском хаосе новых лидеров, готовых взять валяющуюся на дороге власть без всякой предварительной подготовки?

Первый напрашивающийся ответ: к этому более других были готовы собственные силовики, особенно если они заручатся внешней поддержкой. В работе явно преувеличиваются (с. 206) возможности военного переворота в Румынии эпохи Чаушеску, в 1971 г. и позже, тем более переворота с советским участием. Ведь после проявления существенных советско-румынских разногласий по важным внешнеполити-

ческим и внешнеэкономическим вопросам ставленники СССР вытесняются со значимых постов не только в силовых органах, но вообще в номенклатуре, а те, что оставались, вроде бессарабцев А. Бырлэдяну или Л. Рэуту (Ойгенштейна), демонстративно не проявляли готовности работать по указке из Москвы⁴. Но правда и то, что национально ориентированный генералитет также к 1980-м гг. был крайне недоволен проводимой пагубной политикой, приведшей страну к полному экономическому банкротству. Режим теряет к этому времени поддержку во всех социальных стратах, включая интеллигенцию, которой поначалу весьма импонировал независимый внешнеполитический курс, особенно отчетливо проявившийся в августе 1968 г. (показательно резонансное интервью марта 1989 г. крупного поэта М. Динеску французской газете «Либерасьон», в котором он с острым сарказмом говорил о Румынии как о поистине уникальной стране, где даже желающий повеситься от безнадежности существования не сможет этого сделать, поскольку в магазинах нет ни веревок, ни мыла). Апелляция к национальным чувствам румын, сработавшая в обращении Чаушеску к народу в августе 1968 г., в новых условиях лишь усиливала раздражение подданных. Как бы то ни было, у румынских генералов имелись свои амбиции, проявившиеся в декабре 1989 г. в прямом неповиновении диктатору и попытках договориться с другими вышедшими на поверхность силами о смене

⁴ Некоторое исключение представлял многолетний председатель румынского Госбанка, тоже уроженец Бессарабии, В. Малинский, до середины 1970-х гг. поддерживавший тесные контакты с советским посольством, однако и это было формой сохранения в интересах Румынии связей с Москвой по альтернативным каналам в условиях ухудшения экономической ситуации в стране.

власти. Но генералы все-таки были отодвинуты на второй план, и вакуум власти был заполнен И. Илиеску и связанными с ним, более готовыми к своей миссии людьми. Вскоре после этого последовал неминуемый раскол в движении между умеренными посткоммунистами и сторонниками более радикальных перемен.

До сих пор нет однозначного ответа на ключевой вопрос: кто несет ответственность за массовое насилие? Только ли немногочисленные защитники Чаушеску из сохранявших верность ему силовиков (а может быть, и вовсе иностранных наемников)? Или также силы, боровшиеся за власть, стремившиеся закрепить ее в руках команды Илиеску, не дав оказаться во главе страны антикоммунистам? Имело ли место вмешательство извне (читай: Москвы) с целью приведения к власти именно Илиеску, т.е. сохранения у руля руководства страной в сущности коммунистов, только менее одиозных, нежели свергнутый диктатор? Иными словами, проявилась ли хотя бы в какой-то мере в насилии на улицах Бухареста борьба между более «просоветскими» и национально ориентированными силовиками за власть? (Не до конца прояснена роль генерала Н. Милитару, который подозревался в просоветских симпатиях и был отстранен Чаушеску по подозрениям в нелояльности. Генерал проявлял активность в дни декабрьской революции, поддержав приход к власти Илиеску, однако уже в феврале 1990 г. был отстранен с поста министра обороны по требованиям снизу —

он воспринимался в широких кругах как креатура Москвы, по сути как советский ставленник). Имеют хождение сомнительные версии о том, что террористические акции совершались целенаправленно с тем, чтобы создать удобный фон для скорейшего устранения Чаушеску или же дать повод для советского вмешательства в интересах закрепления у власти промосковских сил. Кстати, в Румынии насилие на улицах продолжалось около недели и после казни диктатора. Москва на самом деле вмешиваться явно не хотела — это было бы наилучшим подтверждением правоты звучавших в устах Чаушеску инсинуаций о подрывной деятельности, ведущейся из-за границы против его режима. Неоднократно приводившаяся в литературе запись приема в МИДе СССР посла США Дж. Мэтлока свидетельствует о попытке Вашингтона увязать свое согласие на вмешательство Москвы «в румынские дела» в интересах стабилизации там ситуации с согласием СССР поддержать американскую акцию по свержению режима М. Норьеги в Панаме. Однако это предложение было отвергнуто на Смоленской площади.

Революционные изменения в Восточной Европе, ограниченные узконациональными рамками, в своем комплексе привели к громадным геополитическим переменам, и прежде всего падению биполярной системы международных отношений, и в силу этого они вместе с крахом СССР в 1991 г. стали важнейшими по своим последствиям событиями мировой истории конца XX в.⁵ Глубокий

⁵ Перемены, вызванные крахом системы социализма, не ограничились Европой, они привели к скорому падению зависимых от этой системы режимов социалистической ориентации в третьем

кризис социализма в Польше с начала 1980-х и усиление центробежных тенденций в Югославии предвещали перемены, и все-таки столь быстрого окончания холодной войны и коренной трансформации отношений между Западом и Востоком западные эксперты не ожидали, в целом переоценивая внутренний потенциал восточноевропейских коммунистических режимов (см. очерк Х. Мёллера), и здесь встает вопрос о значении толчка, полученного из СССР, и роли субъективного фактора в лице М. Горбачева.

Цель «возвращения в Европу», поставленная перед собой восточноевропейскими реформаторами, была формально достигнута. Но несмотря на вхождение бывших социалистических стран в евроструктуры и достигнутое тем самым единство Европы, не оправдались ожидания относительно близкого конца (или, по крайней мере, коренной трансформации) самого феномена национальной государственности на континенте в связи с торжеством общеевропейских ценностей. Напротив, с первых лет перемен происходит оживление национализма в Центральной и Юго-Восточной Европе, в XXI в., на новом витке, приобретающего выраженную окраску евроскептицизма. Усиление межэтнических противоречий, миграций, рост социального неравенства, обеднение населения, безработица, рецессия производства, инфляция, падение уровня жизни — все это заставило быстро расстаться с эйфорией, породив ощущение нестабильности,

---

мире, а с другой стороны, и правых режимов, оправдывавших свое существование коммунистической угрозой.

а иногда и ностальгию по реальному социализму. Затянувшаяся война в Югославии подтвердила наихудшие опасения. Разочарование ходом реформ имело и свои политические последствия, проявившиеся в ходе новых выборов (довольно скорое возвращение к власти посткоммунистов в ряде стран). Заметное отставание Восточной Европы от западных стандартов, так и не преодоленное за 30 лет посткоммунистического развития, ставит под сомнение успехи состоявшейся модернизации. Осмысление итогов проделанного за эти десятилетия странами региона пути не позволяет отрешиться от осознания упущенных возможностей.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Горбачев 2010а — *Горбачев М. С.* Собрание сочинений. Т.16: Сентябрь — ноябрь 1989. М., 2010.

Горбачев 2010б — *Горбачев М. С.* Собрание сочинений. Т. 17: Ноябрь-декабрь 1989 г. М., 2010.

Яковлев 2008 — *Яковлев А. Н.* Перестройка. 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. М., 2008.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Стыкалин 2016 — *Стыкалин А. С.* Эволюция официальных советских оценок венгерского кризиса 1956 г. в условиях смены политических систем в Восточной Европе и пересмотра «доктрины Брежнев» // Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия / отв. ред-р Л. Е. Горизонтов. М., 2016.

Rev.: *The Revolution of 1989. A Handbook* / Wolfgang Mueller, Michael Gehler, Arnold Suppan, eds. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. 708 p.

Stykalin Aleksandr S.— candidate of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Eastern Europe, Perestroika, M. S. Gorbachev, the collapse of communist regimes, the end of the Cold War, the unification of Germany.

Abstract. The collective work published by the Austrian Academy of Sciences on the cardinal changes in the world at the turn of the 1980s–1990s is reviewed. The fall of communism in Eastern Europe, the end of the Cold War, the unification of Germany, and their consequences for international relations are considered.

REFERENCES

Stykalin A. S. Evoliutsiia ofitsial'nykh sovetskikh otsenok vengerskogo krizisa 1956 g. v usloviakh smeny politicheskikh sistem

v Vostochnoi Evrope i peresmotra "doktriny Brezhneva". *Vybor puti razvitiia: pol'skii i rossiiskii istoricheskii opyt kontsa XX stoletii*, otv. red-r L. E. Gorizontov. Moscow, 2016.

Б. Л. Хавкин

ЕВРЕЙСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: Еврейские организации нацистской Германии; «Центральное объединение немецких граждан еврейской веры» («Central-Verein deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens»); «Имперское представительство немецких евреев» («Reichsvertretung der deutschen Juden»), «Имперское представительство евреев в Германии» («Reichsvertretung der Juden in Deutschland»); «Общий союз раввинов в Германии» («Allgemeiner Rabbinerverband in Deutschland»); «Еврейский культурбунд» («Kulturbund Deutscher Juden», «Jüdische Kulturbund»); «Союз национально-немецких евреев» («Verband national-deutscher Juden»); «Имперский союз евреев-фронтовиков» («Reichsbund jüdischer Frontsoldaten»); левые сионистские и коммунистические молодежные группы Германии.

Аннотация. Немецкие евреи стали одной из первых жертв нацизма и объектом Холокоста. Однако при всем внимании современных исследователей к теме Холокоста, история еврейских организаций, существовавших в Германии после прихода нацистов к власти в 1933 г., недостаточно изучена в историографии ФРГ и практически не известна в России. В статье рассматривается история еврейских организаций в Третьем рейхе. Нацисты предприняли все возможное, чтобы отнять у немецких евреев возможность самовыражения, лишить их гражданских прав, имущества, источников к существованию, культурно-образовательных учреждений, свободы собраний и прессы, заставить балансировать на грани жизни и смерти, а затем отнять и саму жизнь.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-256-267

Немецкие евреи стали одной из первых жертв нацизма и объектом Холокоста. Однако при всем внимании современных исследователей к теме Холокоста (*Арад* 1990; *Vaier* 2001;

Михман 2001; Холокост 2003; *Альтман* 2002а; 2002б; Холокост 2005; Холокост на территории СССР 2011), история еврейских организаций, существовавших в Германии

© Б. Л. Хавкин, 2020

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор ИАИ РГГУ, редактор отдела журнала «Новая и новейшая история»; novistor@mail.ru

после прихода нацистов к власти в 1933 г., не достаточно изучена в историографии ФРГ и практически не известна в России.

Вопреки нацистскому террору, немецкие евреи и в Третьем рейхе сохранили религию и культуру: они имели свои социокультурные, религиозно-образовательные, спортивные организации, самоуправляемые, но подконтрольные нацистским властям.

В январе 1933 г. было создано «Имперское представительство немецких евреев» (Reichsvertretung der deutschen Juden), во главе с председателем «Общего союза раввинов в Германии» (Allgemeiner Rabbinerverband in Deutschland) берлинским раввином и философом доктором Лео Беком¹. «Имперское представительство немецких евреев» в первые годы нацистской диктатуры явно недооценивало нарастающей опасности. В начале 1934 г., когда нацистский антисемитизм уже проник во все сферы жизни Германии, один из лидеров этой организации Отто Хирш выступал против «поспешной эмиграции»; он верил, что в «новой Германии» евреи смогут вести достойное существование (Беркович 2008). В 1935 г. организация вынуждена была изменить название на «Имперское представительство евреев в Германии» (Reichsvertretung der Juden in Deutschland):

по «Нюрнбергским законам» евреям было отказано в праве быть немцами.

Отношения этой организации с сионистским движением были весьма напряженными. Если сионисты призывали евреев без промедления переселяться в Палестину, то их противники называли такую эмиграцию «преждевременной» и даже, как сказал один из руководителей существовавшей с 1893 г. старейшей и самой крупной еврейской организации Германии, «Центрального объединения немецких граждан еврейской веры» (Central-Verein deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens) Альфред Хиршберг, «преступлением против сионизма» (Margalioth 1990). «Центральное объединение немецких граждан еврейской веры» боролось против нацизма и антисемитизма, за гражданские права немецких евреев вплоть до своего запрета нацистами 9 ноября 1938 г.

Последняя из еврейских организаций, «Имперское объединение евреев в Германии» (Reichsvereinigung der Juden in Deutschland), существовавшая под полным контролем министерства внутренних дел и гестапо с 4 июля 1939 г. до 10 июня 1943 г., была, по существу, «ликвидационной комиссией по делам немецких евреев»; ее руководители во главе с Лео Беком были депортированы в концлагерь Терезиенштадт. Лидер немецкой консервативной оппозиции

¹ В 1955 г. в Нью-Йорке был основан Институт имени Лео Бека, (Leo Baeck Institute), занимающийся изучением истории немецких евреев. Отделения Института есть в Берлине, Лондоне и Иерусалиме. Архив института включает 25 тыс. фотографий, 2 тыс. неопубликованных мемуаров и множество редких изданий преимущественно на немецком языке, содержащих сведения о жизни евреев Германии, Австрии и других европейских стран за последние пять веков. 3,5 млн страниц оцифрованных документов архива Института находятся в свободном доступе в библиотеке «DigiBaeck».

Карл Гёрделер просил Лео Бека подготовить доклад об уничтожении нацистами евреев, который участники заговора против Гитлера собирались опубликовать после государственного переворота. Однако доклад не был написан, а военный путч против Гитлера провалился 20 июля 1944 г.

До Второй мировой войны в Германии действовали еврейские благотворительные общества, которые оказывали помощь нуждающимся за счет местных пожертвований и поступлений от американской благотворительной организации «Джойнт». Благотворители разносили по домам продовольствие и одежду, опекали стариков и больных, создавали курсы переквалификации для тех, кому нацисты не позволяли работать по специальности.

В июле 1933 г. в Берлине был основан «Еврейский культурбунд» (Kulturbund Deutscher Juden, с апреля 1935 г. Jüdische Kulturbund) — ассоциация, созданная в связи с увольнениями еврейских деятелей культуры из государственных учреждений в соответствии с «арийским параграфом» закона от 7 апреля 1933 г. «О восстановлении профессионального чиновничества» с целью вынужденной изоляции еврейской культуры от «арийской» и организации независимой еврейской культурной жизни. Проект создания союза деятелей еврейской культуры разработали ассистент режиссера Курт Бауман и невролог и музыковед Курт Зингер. Первоначально в 1933 г. «Еврейский культурбунд» насчитывал

более 1300 мужчин и 700 женщин художников, музыкантов, актеров, уволенных из немецких государственных институтов культуры. «Культурбунд» создавал симфонические и народные оркестры, хоры, камерные ансамбли, театральные труппы, устраивал выставки, концерты и литературные вечера, предоставляя работу актерам и музыкантам, которые могли теперь выступать только перед еврейскими зрителями. В 1935 г. существовало уже 36 региональных отделений «Еврейского культурбунда» в 100 немецких городах; организация насчитывала около 70 000 членов. Ко времени ликвидации этой организации в ней состояло до 180 000 человек (Geschlossene Vorstellung 1992).

11 сентября 1941 г. распоряжением гестапо «Еврейский культурбунд» был закрыт, за исключением издательского отдела, переданного в «Имперское объединение евреев в Германии».

Центром еврейской жизни Германии был Берлин: в 1933 г. в нем жили более 160 000 евреев². «В городе выходили книги и газеты на идиш и иврите, существовали благотворительные, спортивные, студенческие еврейские общества, детские дома, школы, больницы. В Берлине работали евреи — знаменитые на весь мир писатели, художники, режиссеры и ученые, не мыслившие себя вне немецкой культуры и науки». В 1933 г. в Берлине был открыт еврейский театр: «его актеры, режиссеры, художники и гримеры, осветители и капельднеры, его зрители были евреями,

² 19 мая 1943 г. Берлин был объявлен нацистами «юденфрай» — территорией, полностью «очищенной» от евреев (Jüdische Geschichte in Berlin 1995).

а немцам запрещалось посещать их спектакли. В Высшей школе иудаизма занимались студенты, изгнанные из университетов, и преподавали уволенные профессора. Философ М. Бубер стал директором Центра еврейского образования для взрослых, где читали лекции по еврейской культуре и традициям народа. Был создан Народный еврейский университет, в Берлине работала раввинская семинария; евреи шли в синагоги, даже те, кто позабыл туда дорогу, — там можно было найти поддержку, почувствовать себя среди своих. Молодежные сионистские организации устраивали экскурсии, фестивали песен, сборы у костра, спортивные соревнования и театральные представления, отмечали еврейские праздники. Молодежь обучалась на фермах сельскохозяйственным работам, готовясь к переезду в Эрец Исраэль; в многочисленных кружках слушали лекции по еврейской истории и изучали язык иврит» (Кандель 2005)³.

Попытки немецких евреев приспособиться к национал-социализму окончились печально. В этом плане показательна история «Союза национально-немецких евреев» (Verband national-deutscher Juden).

«СОЮЗ НАЦИОНАЛЬНО-НЕМЕЦКИХ ЕВРЕЕВ»

Ни одна из еврейских организаций Германии не была темой стольких еврейских анекдотов, как «Союз национально-немецких евреев». В начале 1930-х гг. о членах этой орга-

низации в шутку говорили, что они участвуют в нацистских шествиях под лозунгами «Бей нас!», «Долой наше иго!», «Мы — наше несчастье» (по аналогии с антисемитским высказыванием немецкого историка XIX в. Г. фон Трейчке «Евреи — наше несчастье»). Словом, эта организация, созданная в 1921 г., заслуженно пользовалась дурной славой «еврейских нацистов». Однако члены союза воздерживались от изображения свастики, пения нацистского гимна «Хорст Вессель» и нацистского приветствия. На митингах «Союза национально-немецких евреев» возвышались портреты рейхспрезидента Гинденбурга, реяли имперские черно-бело-красные флаги, звучала «Песня немцев» — «Германия, Германия превыше всего».

Основателем организации был Макс Науман, юрист по образованию и капитан по воинскому званию, участник мировой войны, кавалер двух Железных крестов. Науман был воспитан в семье, придерживавшейся правоконсервативных взглядов, состоял в умеренно-правой Немецкой народной партии и был ярким антикоммунистом. Еще в 1920 г. Науман опубликовал статью «О национально-немецких евреях», где отверг постулат сионизма о том, что все евреи связаны узами религии и истории и составляют единый народ, который должен выйти из стран рассеяния и собраться на горе Сион. Науман считал, что в Германии есть национально-немецкие евреи, патриоты немецкого отечества, и есть сионисты, преданные еврейской нации;

³ Писатель и историк Феликс Кандель под псевдонимом Феликс Камов был соавтором сценария знаменитого советского мультфильма «Ну, погоди!». Его имя было удалено из титров фильма после того, как Кандель в 1977 г. эмигрировал в Израиль.

большинство же немецких евреев — это «промежуточники», не решающиеся избавиться от пережитков еврейского «племенного чувства». Коренные немецкие евреи, утверждал Науман, расово близки немцам-арийцам и могут войти в немецкую «народную общность». Но из этой общности исключаются три группы: «ост-юден» (евреи-иммигранты из стран Восточной Европы, составлявшие 1/5 всех немецких евреев); сионисты, которые сами отказались от членства в немецкой нации; и евреи-левые, от социал-демократов и коммунистов до художников-авангардистов, ибо приверженность левым взглядам и космополитизм — это не немецкая черта.

«Союз национально-немецких евреев» не был большой и влиятельной организацией: в нем никогда не было больше 3500 членов. Отношение Наумана и его сторонников к религии не было последовательным. С одной стороны, «Союз национально-немецких евреев» не принимал крещеных евреев и безбожников, чтобы не прослыть организацией выкрестов. С другой стороны, Науман заявлял, что Бог Израиля не существует для национально-немецкого еврея, который должен верить в «немецкого бога». Что касается культурной общности, «Союз национально-немецких евреев» видел свою задачу в том, чтобы «углублять чувство укорененности в немецкой почве и укреплять связь с немецкой культурой».

В августе 1932 г., в преддверии выборов в рейхстаг, Науман заявил, что партия Адольфа Гитлера — единственная политическая организация, способная возродить немецкую на-

цию, и призвал евреев голосовать за нацистов, игнорируя «досадные побочные проявления» нацистского антисемитизма. Он считал, что антисемитизм — это средство, которым Гитлер пользуется для мобилизации масс, и лишь только «национальная консервативная революция» закончится, у нацистов не будет причин исключать национально-немецких евреев из своего движения.

Письма и телеграммы Наумана нацистским вождям начались в 1933 г., как только Гитлер был назначен рейхсканцлером. Апогея «писательская активность» Наумана достигла в марте 1935 г., когда в нарушение Версальского договора был издан закон об обороне, предусматривавший введение всеобщей воинской повинности в Германии. Науман направил письмо к Гитлеру, где он поздравлял правительство с принятым решением и выражал тревогу по поводу того, что планируется «исключить всех неарийцев из участия в воинской обязанности». Науман уверял Гитлера, что национально-немецкие евреи все как один готовы выполнить свой воинский долг; он призвал различать национально-немецких евреев и иностранных. В качестве эксперта, способного отличать «настоящих» немецких евреев от восточноевропейских, он предложил себя. Гитлер не ответил Науману: он никогда не отвечал евреям.

Даже после бойкота еврейских магазинов в апреле 1933 г. и антисемитской кампании в печати, сторонники Наумана призывали евреев, «несмотря на отдельные проявления антисемитизма в стране, неуклонно придерживаться немецкого образа

мыслей», поддерживать новый режим и «национальное пробуждение» Германии.

После того как 14 ноября 1935 г. вступил в силу нюрнбергский закон об имперском гражданстве, все еврейские организации, настаивавшие на принадлежности евреев к немецкой «народной общности» и агитировавшие против эмиграции евреев, попали в число противодействующих этому закону. 20 ноября 1935 г. приказом гестапо «Союз национально-немецких евреев» был распущен. Макс Науман был арестован и помещен в тюрьму гестапо. В мае 1939 г. Науман умер. Часть членов его организации вошла в «Союз евреев-фронтовиков».

«ИМПЕРСКИЙ СОЮЗ ЕВРЕЕВ-ФРОНТОВИКОВ»

«Имперский союз евреев-фронтовиков» (*Reichsbund jüdischer Frontsoldaten*) был основан в 1919 г. и существовал до 1939 г. Союз насчитывал до 55 000 членов; его возглавлял выдающийся немецкий химик и физик, кавалер Железного креста I степени капитан доктор Лео Лёвенштайн (изобретение, за которое он получил Железный крест, — звуковая разведка, т.е. определение местонахождения артиллерийского орудия по звукам выстрелов). Органом Союза был еженедельник «Щит» (*Der Schild* 1921–1938).

Факт существования в Германии столь крупной организации евреев — ветеранов Первой мировой войны опровергал провокационные утверждения нацистов, что во время Пер-

вой мировой войны немецкие евреи в большинстве своем отсиживались в тылу. Неумолимая статистика говорила об обратном: с 1914 по 1918 г. в кайзеровской армии было 96 тыс. евреев, из них 80 тыс. сражались на фронте. 10 тыс. евреев ушли в армию добровольно, 2000 было произведено в офицеры, 19 тыс. — в унтер-офицеры. В армии служили 30 военных раввинов (*Segall* 1921).

Немецкие евреи были не меньшими патриотами Германии, чем сами немцы. Во время Первой мировой войны 35 тыс. немецких евреев-воинов были награждены орденами и медалями, из них 18 тыс. — Железным крестом (1 тыс. — Железным крестом 1-го класса и 17 тыс. — Железным крестом 2-го класса). Точно таким же, каким был награжден и ефрейтор Адольф Гитлер, награду которому вручал его командир — лейтенант Хуго Гутман, еврей и кавалер Железных крестов 1-го и 2-го класса. Интересно отметить, что за 6 лет военной службы Гитлер так и не стал унтер-офицером. «У ефрейтора Гитлера не было никаких качеств руководителя», — отмечал его командир.

Кавалерами Железного креста были еврей-асы кайзеровских люфтваффе Вильгельм Франкль, Фриц Бекхардт, Вилли Розенштейн, Фридрих Рюденбург, Бертольд Гутман. Летчик лейтенант Йозеф Цюрндорфер, погибший в бою 19 сентября 1915 г., в завещании писал: «Я пошел на войну как немец, чтобы защитить мою страну, попавшую в беду. Но также и как еврей, чтобы добиться полного равноправия моих братьев по вере» (*Черкасский* 2014).

На фронтах Первой мировой войны за свою родину-Германию погибли 12 тыс. немецких солдат и офицеров-евреев и еще 32 тыс. получили тяжелые ранения или были отравлены газами (это больше, чем погибло евреев во всех войнах, которые вел Израиль).

В задачу «Союза евреев-фронтовиков» входило возведение памятников и уход за могилами павших на войне евреев, забота о здоровье ветеранов, их материальная поддержка, помощь вдовам и детям погибших солдат, особенно сиротам, а также социальная защита участников войны. Однако главная задача Союза состояла в том, чтобы говорить правду об участии евреев в мировой войне, разоблачать миф о том, что евреи нанесли Германии «удар ножом в спину». В 1932 г. Союз опубликовал «Книгу памяти», в которой были названы имена, даты и места рождения всех 12 000 погибших на войне немецких солдат-евреев.

Евреи-фронтовики протестовали против антисемитских акций нацистов. В городе Бремерхафен председатель местного отделения Союза Дагоберт Кан в апреле 1933 г. направил рейхспрезиденту генерал-фельдмаршалу П. фон Гинденбургу, покровительствовавшему ветеранским организациям, письмо протеста против организованного нацистами бойкота «еврейских товаров». Во время погрома Дагоберт Кан в офицерском мундире, украшенном Железным крестом 1-го класса и другими боевыми наградами, встал в витрине своего текстильного магазина. Штурмовики не посмели его тронуть; намалевав на стекле витрины звезду Дави-

да, они удалились. Дагоберта Кана арестовали в «Хрустальную ночь». Он был отправлен в концлагерь Дахау, где вскоре погиб.

Члены Союза считали оскорбительным отстранение нацистами немецких граждан-евреев от воинской службы и лишение их гражданских прав. Однако ответные действия Союза были весьма умеренными: это были поиски компромисса. В апреле 1933 г. Лёвенштайн составил на имя Гитлера послание по еврейскому вопросу в Германии, написанное в верноподданническом национал-патриотическом духе, в котором предложил, что «Союз евреев-фронтовиков» возьмет на себя допризывную подготовку еврейской молодежи. Лёвенштайн даже отправил в дар Гитлеру «Книгу памяти».

Министерский советник Винштайн «с почтением» ответил Лёвенштайну, что г-н рейхсканцлер поручил ему подтвердить получение письма и книги. Через две недели руководитель рейхсканцелярии Генрих Ламмерс даже принял делегацию евреев-фронтовиков, но после этого все контакты правительства с евреями-фронтовиками были прекращены. Власти взяли за правило не отвечать на письма еврейских организаций и игнорировать любые их обращения (Беркович 2013). Евреям запрещалось носить военные награды, инвалиды войны были лишены государственных пособий. К 31 декабря 1935 г. все евреи, даже герои Первой мировой войны, были изгнаны из армии.

9 октября 1936 г. Союзу были запрещены все виды деятельности, кроме

заботы о евреях — инвалидах войны. 4 ноября 1939 г. гестапо распустило «Имперский союз фронтовиков-евреев»; все его имущество, оцененное в 17,7 млн рейхсмарок, было «ариизировано», т.е. конфисковано и обращено в собственность «арийского» государства. Лео Левенштайн, несмотря на свои многочисленные связи и заслуги, был депортирован в концлагерь Терезиенштадт. Ему повезло: он выжил, после войны из ставшей ненавистной Германии уехал в Швейцарию. Лео Левенштайн умер в 1956 г. во время поездки в Израиль. В 2006 г. в ФРГ был создан «Союз еврейских солдат», продолжающий традиции «Имперского союза евреев-фронтовиков».

«ЧЕРНЫЙ ОТРЯД»

Еврейская молодежная организация «Черный отряд» (*Schwarzes Fenlein*) была организована в мае 1932 г. В нее вошли юноши в основном из состоятельных семей, которых из-за еврейского происхождения не принимали в нацистскую молодежную организацию Гитлерюгенд и другие «арийские» полувойенные организации. Члены «Черного отряда» (их было более 400 человек) сохранили некоторую атрибутику и терминологию этих организаций. Например, словом «фенляйн» (отряд) назывались подразделения Гитлерюгенда. Командиром «Черного отряда» был Гюнтер Баллин, племянник гамбургского пароходного магната Альберта Баллина. Члены отряда носили голубые шорты, темно-синие рубашки и армейские ремни с надписью «С нами Бог» на пряжке, а до 1933 г. также и ножи. Воспитывая себя как

немецко-еврейскую молодежь нового типа, «аристократическую по выправке и по убеждениям», черноотрядники надеялись, что им позволят служить в возрождавшейся немецкой армии. Они посылали петиции в имперскую канцелярию, устраивали демонстрации — все было, разумеется, напрасно. Тщетные попытки черноотрядников сблизиться с нацистами привели только к изоляции этой организации. Рядовые члены организации были подростками, которые не понимали целей режима, тем не менее «Черный отряд» как еврейская организация не разделяла нацистского расизма и, создавая еврейскую альтернативу нацистскому молодежному движению, противостояла ему. Мальчишек увлекала внешняя романтика — песни, костры, имитация армейской жизни в лагерях и походах. Возвращаясь в школу после лета, проведенного в лагере «Черного отряда», подростки-евреи с удовлетворением обнаруживали, что они не менее крепки, отважны и споровисты, чем их «арийские» соученики, которые провели лето в лагерях Гитлерюгенда. Руководители «Черного отряда» быстро поняли, что их отряд раздражает нацистов более, чем любая другая еврейская организация. Дело в том, что нацисты насаждали образ еврея как существа не способного к военному делу, слабого, трусливого и непатриотичного; а «Черный отряд» стремился доказать, что евреи ни в чем не уступают немцам. Тем самым он подрывал идеологическую основу нацизма — миф об арийском расовом превосходстве. В конце 1934 г. нацисты распустили «Черный отряд». Часть его членов перешла в другие молодежные движения, в том числе

и к сионистам. Немногие остались в Германии и, из-за того, что их родители не сумели эмигрировать, стали жертвой Холокоста (*Hambrock* 2003).

Считать «Имперский союз фронтовиков-евреев», «Черный отряд» и подобные им организации частью еврейского антигитлеровского Сопротивления, конечно, нельзя. Это были скорее попытки приспособиться к «новому порядку». Но многие участники еврейского Сопротивления прошли через эти организации.

МОЛОДЕЖНЫЕ ГРУППЫ ЛЕВЫХ СИОНИСТОВ

Специфической еврейской формой Сопротивления была деятельность левых сионистских групп «Хэшомер Хэцэр» («Молодежная охрана»), «Хэбоним Дроп» («Свободные строители»), «Верклёйте» («Трудящиеся люди»). Участники этих групп находились под сильным влиянием движения «разведчиков»-бойскаутов, основанного британским генералом Робертом Баден-Пауэллом, и немецкого молодежного туристского движения «Вандерфогель» («Перелетные птицы»), в котором существовала еврейская группа «Блау-Вайс» («Сине-белые» — цвета Израиля). В отличие от нееврейских бойскаутов и «Перелетных птиц», «Сине-белые» изучали сионизм, социализм, еврейскую историю и культуру (*Dertinger* 1987; *Klönne* 1993; *Trefz* 1999; *Bergbauer, Schüler-Springorum* 2002).

В 1933 г. нацисты объявили вне закона все молодежные организации, независимые от Гитлерюгенда и «Сою-

за немецких девушек». Однако этот запрет прежде всего коснулся коммунистических и социал-демократических объединений; христианские и еврейские молодежные группы просуществовали до 1936 г. К деятельности сионистов нацисты сначала относились терпимо: еврейская эмиграция из Германии пока отвечала их интересам — до «окончательного решения еврейского вопроса» было еще далеко.

«Сине-белые» стали частью сионистского молодежного движения и готовили еврейскую молодежь к иммиграции в Палестину. В 1934 г. первая группа немецких молодых сионистов выехала в «Эрец Исраэль»; в 1936 г. они основали киббуц «Хазорея». Еврейские молодежные организации составляли «Немецко-еврейское молодежное сообщество» (*Deutsch-Jüdische Jugendgemeinschaft*), которое в 1934 г. вошло в «Союз немецкой еврейской молодежи» (*Bund Deutsch-Jüdischer Jugend*), объединявший до 6000 человек. Этот союз был распущен гестапо 30 декабря 1936 г.

Оставшиеся в Германии молодые левые сионисты из «Хэшомер Хэцэр», «Хэбоним Дроп», «Верклёйте» участвовали, наряду с другими антифашистами, в акциях по изготовлению и распространению антинацистских листовок. Одни молодые сионисты сотрудничали с коммунистами, другие — с социал-демократами, третьи действовали самостоятельно, как, например, «Хуг Халузи» («Круг пионеров») директора берлинской еврейской школы «Алия» Ицхака Шверзенца и его подруги Эдит Вольф, которые помогали еврейской молодежи

бежать из нацистской Германии и спасали своих учеников, пряча их в 1942–1943 гг. в садоводческой школе в Берлин-Ванзее (*Schwersenz* 1988; *Möller* 2013: 164–165). «Круг пионеров» была единственной подпольной сионистской группой Германии.

Направленное против системы власти гитлеровской партии-государства внутривластическое еврейское Сопротивление в узком смысле — активное и пассивное, индивидуальное и коллективное Сопротивление немецких евреев было относительно невелико (*Хавкин* 2018: 113). Но было бы неверно видеть в этом проявление политического конформизма немецких евреев, их чрезмерной готовности к приспособлению. Нацисты предприняли все возможное, чтобы отнять у немецких евреев возможность самовыражения, лишить их гражданских прав, имущества, источников к существованию, культурно-образовательных учреждений, свободы собраний и прессы, заставить балансировать на грани жизни и смерти, а затем отнять и саму жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Альтман* 2002а — *Альтман И.А.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М., 2002.
- Альтман* 2002б — *Альтман И.А.* Анатолия холокоста. Жертвы ненависти. М., 2002.
- Арад* 1990 — *Арад И.* Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Иерусалим, 1990.
- Беркович* 2008 — *Беркович Е.* Смятение умов: свастика и звезда Давида // Заметки по еврейской истории. 2008. № 8 (99).

Беркович 2013 — *Беркович Е.* Смятение умов, или Как интеллигенция встречается исторические катаклизмы? // Слово. 2013. № 80.

Кандель 2005 — *Кандель Ф.С.* Очерки времён и событий из истории российских евреев [том 4] (Уничтожение еврейского населения, 1941–1945). Иерусалим, 2005. Очерк 45, п. 5. URL: profilib.com/chtenie/140007/feliks-kandel-ocherki-vremen-i-sobytyi-iz-istorii-rossiyskikh-evreev-tom-4-unichtozhenie-9.php.

Михман 2001 — *Михман Д.* Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 2001.

Хавкин 2018 — *Хавкин Б.Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М., 2018.

Холокост 2003 — *Холокост.* Убийство евреев в 1933–1945 гг. Документы. Свидетельства. Литература. Антология. Иерусалим, 2003.

Холокост 2005 — *Холокост.* Энциклопедия. М., 2005.

Холокост на территории СССР 2011 — *Холокост на территории СССР.* Энциклопедия. М., 2011.

Черкасский 2014 — *Черкасский Я.* Евреи, сражавшиеся за Германию // Русская Германия. 2014. № 27.

Bauer 2001 — *Bauer Y.* A history of the Holocaust. New York, 2001.

Bergbauer, Schüler-Springorum 2002 — *Bergbauer K., Schüler-Springorum S.* “Wir sind jung, die Welt ist offen”. Eine jüdische Jugendgruppe im 20. Jahrhundert. Haus der Wannsee-Konferenz, Berlin 2002.

Der Schild 1921–1938 — *Der Schild,* Zeitschrift des Reichsbundes jüdischer Frontsoldaten. Berlin 1921–1938. URL: sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/cm/periodical/titleinfo/4911661.

Dertinger 1987 — *Dertinger A.* Weiße Möwe, gelber Stern. Das kurze Leben der Helga Beyer. Berlin — Bonn, 1987.

Geschlossene Vorstellung 1992 – Geschlossene Vorstellung: Der Jüdische Kulturbund in Deutschland 1933–1941, Akademie der Künste (ed.), Berlin, 1992.

Hambrock 2003 – *Hambrock M.* Die Etablierung der Aussenseiter: der Verband nationaldeutscher Juden 1921–1935. Köln, 2003. S. 610–611.

Jüdische Geschichte in Berlin 1995 – Jüdische Geschichte in Berlin. Bilder und Dokumente. Hrsg. Reinhard Rürup. Berlin, 1995.

Klönne 1993 – Klönne I. Deutsch, Jüdisch, Bündisch. Erinnerung an die aus Deutschland vertriebene jüdische Jugendbewegung. Puls 21. Witzenhausen, 1993.

Margalioth 1990 – *Margalioth A.* Zwischen Rettung und Vernichtung. Studien zur Ge-

schichte des deutschen Judentums 1932–1938. Jerusalem, 1990.

Möller 2013 – *Möller L.* Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923 bis 1945. Wiesbaden, 2013.

Schwersenz 1988 – *Schwersenz J.* Die versteckte Gruppe. Ein jüdischer Lehrer erinnert sich an Deutschland. Berlin, 1988.

Segall 1921 – *Segall J.* Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914–1918. Berlin, 1921.

Trefz 1999 – *Trefz B.* Jugendbewegung und Juden in Deutschland. Eine historische Untersuchung mit besonderer Berücksichtigung des Deutsch-Jüdischen Wanderbundes Kameraden. Frankfurt am Main, 1999.

JEWISH ORGANIZATIONS IN NAZI GERMANY

Khavkin Boris L. – doctor of historical sciences, Professor of IAI RSUH, editor of the Department of the magazine “New and modern history”

Key words: Jewish organizations in Nazi Germany, Left Zionist and Communist youth groups in Nazi Germany.

Abstract. German Jews became one of the first victims of Nazism and the target of the Holocaust. However, with all the attention of modern scholars to the Holocaust, the history of Jewish organizations that existed in Germany after the Nazis came to power in 1933 has not been studied historically enough in Germany and is practically unknown in Russia. The article discusses the history of Jewish organizations in the Third Reich. The Nazis did everything possible to deprive German Jews of their ability to express themselves, deprive them of their civil rights, property, livelihoods, cultural and educational institutions, freedom of assembly and the press, force them to balance on the brink of life and death, and then take away life itself.

REFERENCES

Al'tman I. A. *Anatomiia kholokosta. Zhertvy nenasivisti.* Moscow, 2002.

Al'tman I. A. *Kholokost i evreiskoe soprotivlenie na okkupirovannoi territorii SSSR.* Moscow, 2002.

Arad I. *Kholokast. Katastrofa evropeiskogo evreistva (1933–1945).* Ierusalim, 1990.

Bauer Y. *A history of the Holocaust.* New York, 2001.

Bergbauer K., Schüler-Springorum S. “*Wir sind jung, die Welt ist offen*”. Eine jüdische Jugendgruppe im 20. Jahrhundert. Haus der Wannsee-Konferenz, Berlin 2002.

Berkovich E. Smiatenie umov, ili Kak inteligentsiia vstrechaet istoricheskie kataklizmy? *Slovo*, 2013, no. 80.

Berkovich E. Smiatenie umov: svastika i zvezda Davida. *Zametki po evreiskoi istorii*, 2008, no. 8 (99).

Cherkasskii Ia. Evrei, srazhavshiesia za Germaniiu. *Russkaia Germaniia*, 2014, no. 27.

Der Schild, Zeitschrift des Reichsbundes jüdischer Frontsoldaten. Berlin 1921–1938. URL: sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/cm/periodical/titleinfo/4911661.

Dertinger A. *Weißer Mönch, gelber Stern. Das kurze Leben der Helga Beyer*. Berlin – Bonn, 1987.

Geschlossene Vorstellung: Der Jüdische Kulturbund in Deutschland 1933–1941, Akademie der Künste (ed.), Berlin, 1992.

Hambrock M. *Die Etablierung der Aussen-seiter: der Verband nationaldeutscher Juden 1921–1935*. Köln, 2003, pp. 610–611.

J. *Jüdische Geschichte in Berlin. Bilder und Dokumente*. Hrsg. Reinhard Rürup. Berlin, 1995.

Kandel' F.S. *Ocherki vremen i sobytii iz istorii rossiiskikh evreev* [tom 4] (Unichtozhenie evreiskogo naseleniia, 1941–1945). Ierusalim, 2005. Ocherk 45, p. 5. URL: profilib.com/chtenie/140007/feliks-kandel-ocherki-vremen-i-sobytyi-iz-istorii-rossiyskikh-evreev-tom-4-unichtozhenie-9.php.

Khavkin B.L. *Rasizm i antisemitizm v gitlerovskoi Germanii. Antinatsistskoe Soprotivlenie nemetskikh evreev*. Moscow, 2018.

Kholokost na territorii SSSR. Entsiklopediia. Moscow, 2011.

Kholokost. Entsiklopediia. Moscow, 2005.

Kholokost. *Ubiistvo evreev v 1933–1945 gg. Dokumenty. Svidetel'stva. Literatura*. Antologiiia. Ierusalim, 2003.

Klönne I. *Deutsch, Jüdisch, Bündisch. Erinnerung an die aus Deutschland vertriebene jüdische Jugendbewegung*. Puls 21. Witzzenhausen, 1993.

Margalioth A. *Zwischen Rettung und Vernichtung. Studien zur Geschichte des deutschen Judentums 1932–1938*. Jerusalem, 1990.

Mikhman D. *Katastrofa evropeiskogo evreistva*. Tel'-Aviv, 2001.

Möller L. *Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923 bis 1945*. Wiesbaden, 2013.

Schwersenz J. *Die versteckte Gruppe. Ein jüdischer Lehrer erinnert sich an Deutschland*. Berlin, 1988.

Segal J. *Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914–1918*. Berlin, 1921.

Trefz B. *Jugendbewegung und Juden in Deutschland. Eine historische Untersuchung mit besonderer Berücksichtigung des Deutsch-Jüdischen Wanderbundes Kameraden*. Frankfurt am Main, 1999.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ГИТЛЕРА, СТАЛИНА И СТАЛИНСКОЙ «ТЕОРИИ ФАШИЗМА» (1930–1933)*

Ключевые слова: Лев Троцкий, Иосиф Сталин, Адольф Гитлер, КПГ, Коминтерн, социал-демократия, национал-социализм, фашизм, Август Тальхаймер, Георгий Федотов.

Аннотация. Беспрецедентные политические успехи национал-социалистов в 1930-е гг. обусловлены были не в последнюю очередь неспособностью их противников, но также и их союзников понять характер этого движения. Поэтому особенного внимания заслуживают аналитики, которые своевременно поняли суть этого нового вызова. К таким аналитикам принадлежал Лев Троцкий. Упорная борьба Троцкого против Сталина и сталинской «теории фашизма», которую бывший соратник Ленина вел начиная с 1929 г. вплоть до своей гибели в 1940 г., нетипична для тогдашнего большевизма. Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Полемике Троцкого с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов посвящена данная статья.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-268-283

Физическое уничтожение немалой части старой большевистской гвардии, которая после 1917 г. диктаторски властвовала в России, — одно из самых поразительных явлений новейшей истории. Внешне эта трагедия отчасти напоминает события во Франции времен якобинского террора. Но во Франции 9 термидора 1794 г. режим Робеспьера, просущест-

вовавший не более двух лет, рухнул. В Советском Союзе, напротив, «термидора» никогда не было, вопреки утверждениям некоторых авторов. Не могло быть и речи о сколько-нибудь последовательном сопротивлении тирану со стороны ленинской гвардии, за немногими редкими исключениями — такими как Мартеньян Рютин и некоторые другие.

© Л. Люкс, 2020

Люкс Леонид — профессор НИУ ВШЭ, католического университета Айхштетт-Ингольштадт (Айхштетт, Германия — Москва); leonid.luks@ku.de

* Письменная версия доклада, прочитанного 12 апреля 2019 г. в рамках семинара «Восток-Запад: универсализм культур» Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ. В статье получили развитие некоторые положения, нашедшие отражение в моих книгах: Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002; История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина. М.: РОССПЭН, 2009.

Вот что пишет в этой связи биограф Сталина, А. Антонов-Овсеенко: «Часто спрашивают, неужели на Сталина не было ни одного покушения? Да, ни одного... Да их не было у нас, заговорщиков, ибо уже к началу 30-х годов с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. И разгром “троцкизма”. И укрепление единства коммунистических рядов» (Антонов-Овсеенко 1989: 84).

Упорная борьба Троцкого против Сталина, которую бывший соратник Ленина вел начиная с 1929 г. вплоть до своей гибели в 1940 г., нетипична для тогдашнего большевизма. Высылка из СССР, которую так тяжело пережил Троцкий, в конечном итоге оказалась подарком судьбы, т.к. эффективная борьба с новой деспотией была возможна только из-за границы.

Но не только внутреннюю политику Сталина, но и его губительную для страны и для европейского рабочего движения внешнюю политику можно было после 1929 г. в сущности критиковать лишь из зарубежья. Это особенно касается абсурдной концепции «социал-фашизма», восторжествовавшей в Коминтерне окончательно в 1929 г., чуть ли не накануне захвата власти нацистами. Сталинское руководство Коминтерна беспощадно пресекало любую попытку немецких коммунистов объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма, клеймило этих коммунистов как беспринципных оппортунистов (см.: Luks 1985). Это о них сказал глава КПП Эрнст Тельман в декабре 1931 г., что они не видят из-за нацистских деревьев социал-демократического леса (Die Kommunistische Internationale

1931: 1906). О возможности единого фронта с социал-демократами стали говорить в Коминтерне лишь в середине 1934 г., когда рабочее движение в Германии было уже уничтожено Гитлером.

К числу немногих коммунистов, которые открыто боролись против отождествления социал-демократии с фашизмом и предостерегали от катастрофических последствий подобной тактики, в первую очередь принадлежал Троцкий. Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов — это блестящая и уничтожающая критика сталинского упрощательства.

***

Почему же руководство Коминтерна в начале 30-х гг. требовало от компартии Германии проведения политики, противоречащей интересам самой КПП? На этот вопрос можно ответить, проследив взаимозависимость тогдашней внутренней политики СССР и большевистской политики Коминтерна. Советский Союз находился в центре интересов сталинской фракции Коммунистического интернационала. К началу 30-х гг. усилилась тенденция проецирования процессов, проходивших внутри СССР, на развитие ситуации во всем мире. В этот период ВКП(б) была вынуждена напрячь все силы для проведения коллективизации сельского хозяйства. Для того чтобы сломить сопротивление крестьян, руководство партии требовало от ее рядовых членов особой твердости

и дисциплины. Но такой же твердости и дисциплины Москва требовала и от всех остальных секций Коминтерна, хотя положение коммунистических партий в других странах коренным образом отличалось от положения большевиков. В этом опять же прослеживается склонность Сталина упрощать сложные процессы. По мнению бывшего немецкого коммуниста Франца Боркенау, атмосфера гражданской войны, возникшая в России вследствие проведения коллективизации, была распространена на весь Коминтерн (*Borkenau* 1938: 339).

Сталинская фракция отделила себя от других политических группировок, провела «чистку» партии от всех других фракций и начала создавать предпосылки для «революционного наступления» в целях построения социализма в СССР. Такие же предпосылки должны были создать и все остальные коммунистические партии, в первую очередь КПГ. Политические группировки, не являвшиеся просталинскими, были исключены из коммунистических партий, а всем некоммунистическим партиям была объявлена непримиримая война. После «чистки» своих рядов зарубежные коммунисты, по примеру большевиков в России, стали претендовать на то, что только лишь они могут представлять истинные интересы своих наций. Эта провозглашенная Коминтерном тактика самоизоляции могла оказаться действенной лишь в том случае, когда компартия имела монополию на власть (а это было только в Советском Союзе). Только правящая партия, имевшая в своем распоряжении все средства принуждения государственного аппарата,

могла реализовать свои радикальные декреты в условиях политической самоизоляции. Не находившиеся у власти коммунистические партии, следовавшие в 1930–1933 гг. тактике Коминтерна, заключили себя в своего рода политическое гетто, потеряв при этом всякую связь с политической реальностью своих стран.

Троцкий прокомментировал тогдашнее поведение КПГ следующим образом: она пытается во всем подражать партии большевиков и ведет себя как единственная правящая партия. Но, в отличие от руководства ВКП(б), КПГ не имеет возможности арестовывать своих критиков и противников. Радикализм КПГ осуществляется только на словах и направлен на то, чтобы скрыть собственное бессилие (*Trotsky* 1971: 208–209).

Чтобы еще сильнее подчеркнуть разницу между коммунистами и некоммунистическими силами, сталинские теоретики распространили определение «фашизм» почти на все некоммунистические партии и группировки. Такая установка автоматически вела к недооценке нацистской угрозы.

Открытая критика этой абсурдной политики сталинского руководства внутри сталинского Коминтерна была невозможна. Критиковать самоубийственный курс можно было только извне. И это делали с особой остротой Троцкий, изгнанный в 1929 г. из СССР, и Август Тальхаймер, исключенный в это же время из КПГ.

Троцкий в 1930–1933 гг. неоднократно указывал на то, что бессмысленное

перенесение понятия «фашизм» на практически все некоммунистические силы в Германии автоматически приведет Коминтерн к недооценке нацистской угрозы (Троцкий 1932: 44–45). Огромные различия между буржуазной демократией и фашистской диктатурой, имевшие для рабочего движения жизненно важное значение, воспринимались Коминтерном как нечто несущественное. Бесчисленные рабочие организации, легально существующие в Германии, пишет Троцкий, будут запрещены и уничтожены после прихода к власти фашистов. Для сталинистов, однако, это не является достаточным доказательством существования той пропасти, которая разделяет парламентскую демократию и фашистский режим (Trotsky 1971: 199). По мнению Троцкого, массовое фашистское движение только тогда откроет свое истинное лицо, когда захватит власть над государственным аппаратом. Необходимо всеми силами препятствовать этому процессу, хотя сталинисты вряд ли окажутся в состоянии противостоять этому действенными методами (Ibid.: 156, 160).

Особенно резко Троцкий критиковал, как уже было сказано, теорию «социал-фашизма». Знак равенства между социал-демократией и фашизмом являлся, по мнению Троцкого, типичным для сталинского «вульгарного радикализма». Социал-демократия не может существовать без пролетарских организаций, для фашизма же основной целью является их уничтожение. Как полагал Троцкий, единственным способом для предотвращения захвата власти фашистами было выступле-

ние единым фронтом КПГ и СДПГ. Но сталинское руководство, писал он, признает только один вид Единого фронта — когда все остальные партии беспрекословно выполняют приказы лидеров Коминтерна (Ibid.: 205–206; Троцкий 1930; см. также: Broué 2003: 866–867).

В то же время Троцкий подверг беспощадной критике не только тактику Коминтерна, но и СДПГ. Он обвинил немецких социал-демократов в преувеличенной государственной лояльности. В январе 1932 г. он писал, что СДПГ никогда не верила в то, что фашисты когда-нибудь отважатся перейти от слов к делу. Свою тактику СДПГ автоматически переносила на методы фашистов. СДПГ всегда боялась решительных действий и полагала, что такая же нерешительность свойственна и фашистам (Trotsky 1971: 185). Троцкий осуждал неспособность немецких социал-демократов во время тяжелого кризиса оказать действенное сопротивление экстремистскому противнику (Ibid.: 185–192, 364–366, 399–401).

Однако тут надо добавить, что это качество было свойственно и русским социал-демократам и правым социал-революционерам, что и помогло большевикам в 1917 г. захватить власть. Троцкий в полной презрения к социал-демократам речи, произнесенной сразу же после большевистского переворота, отправил социал-демократических противников большевиков в «мусорную корзину истории» (Trotsky 1973; Deutscher 1962: 299). Но тринадцать лет спустя он же, Троцкий, видел единственный путь для предотвращения победы национал-социализма

в объединении с тем движением, которое он сам когда-то так высокомерно сбросил с политической сцены России. На этот раз беспомощность социал-демократов в столкновении с беспощадным противником сыграла на руку не коммунистам, а национал-социалистам. После захвата власти в Германии Гитлер почти дословно повторил слова Троцкого о том, что историческая роль социал-демократов уже сыграна. Но то же самое Гитлер заявлял и о роли коммунистов (*Domarus 1965: 232*; см. также: *Документы внешней политики СССР 1961–1973: 271*).

***

Т.к. руководство Коминтерна решительно препятствовало попыткам немецких коммунистов преодолеть изоляцию КПГ, оно таким образом демонстрировало отсутствие большого интереса в привлечении КПГ для существенного влияния на внутреннюю политику Германии. По всей вероятности, такое положение дел свидетельствует о том, что лидеры ВКП(б) не видели прямой угрозы для себя в тогдашней политической ситуации в Германии, по крайней мере, угрозы для советского государства, интересы которого всегда стояли для них на первом месте. С 1919 г. большевики не видели в немецком национализме силы, которая могла бы представлять опасность для Советской России. В Москве тогда считалось аксиомой, что немецкий национализм направлен только против Запада, против Версальской системы. Но т.к. большевики и себя считали ее противниками, то ничего не имели против ужесточившихся с 1929–1930 гг.

выступлений немцев против «оков Версаля». Нацистов они только изредка подвергали критике за то, что те недостаточно радикально выступают против Версальской системы. Так, например, Отто Куусинен, один из лидеров Коминтерна, на XII пленуме ИККИ (1932 г.) упрекал нацистов в том, что у них не хватает мужества потребовать от государств-победителей присоединения к Германскому рейху Австрии и областей, отошедших в 1918 г. к Польше (XII. пленум ИККИ 1934: 126). Агрессивную риторику нацистов большевистские лидеры воспринимали как фасад, призванный скрыть военное и политическое бессилие Германии. Советское руководство не только считало, что немецкий национализм направлен исключительно против Запада, оно было также уверено, что военная мощь Германии сломлена на поколения.

Это убеждение оставалось неизменным вплоть до захвата власти национал-социалистами. Хотя большевики и восхищались мощью немецкой промышленности, они, очевидно, не понимали, что именно благодаря ее потенциалу Германия имеет все предпосылки для возрождения своей военной машины. Советские руководители, как оказалось, не замечали, что вся инфраструктура, которая в России только создавалась путем индустриализации, чтобы снова сделать страну ведущей военной державой, уже давно существовала в Германии.

Эту недооценку нацистской угрозы сталинским руководством Троцкий считал вершиной легкомыслия. Он очень рано стал предсказывать

смертельную угрозу, какую нацистская Германия представит для Советского Союза. Лишь фашистская Германия может решиться на войну с Советским Союзом, чтобы отвлечь внимание народа от внутренних проблем, — писал Троцкий еще в 1932 г., до победы нацистов (Trotzki 1971: 152).

Троцкий советовал советскому руководству провести частичную мобилизацию, как только нацисты захватят власть в Германии (Р. 315. *Broué*. Vol. 2. P. 872–873). Сталинское руководство Коминтерна квалифицировало эти советы как провокацию. Отто Куусинен утверждал в сентябре 1932 г., будто Троцкий добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру и тем самым поставил на карту свою безопасность (XII. пленум ИККИ 1934: 6–8).

А как в действительности выглядела внешнеполитическая программа Гитлера? Ее основные положения Гитлер сформулировал еще задолго до прихода к власти. В так называемой «Второй книге», написанной в 1928 г., но опубликованной лишь в начале 60-х гг., он писал, что любой обладающий жизненной силой народ неизбежно склонен к экспансии за счет других. Отказ от экспансии означает стагнацию. Народ, пребывающий в состоянии стагнации, будет завоеван более витальными нациями. В этой борьбе разрешены все средства. Экспансия еще более оправдана для немецкого народа тем, что он не может прокормить себя на своей небольшой территории. Самым подходящим объектом для немецкой экспансии является Рос-

сия. «Русский хаос», писал Гитлер в 1928 г., откроет дорогу немецкой внешней политике к ее единственной цели — завоеванию жизненного пространства на Востоке (Hitlers Zweites Buch 1961).

Сразу же после прихода к власти Гитлер с захватывающей дух последовательностью стал осуществлять свои внешнеполитические цели, сформулированные еще в 1920-е гг.

***

Назначение Гитлера рейхсканцлером не вызвало беспокойства у руководства СССР. Тот факт, что его правительство представляло коалицию между НСДАП, Германской национальной народной партией и беспартийными консерваторами, действовал скорее умиротворяюще. В этом правительстве было много политиков, которые на протяжении ряда лет были хорошо знакомы Москве и служили гарантом продолжения Рапальской политики, например, министр иностранных дел Константин фон Нейрат или министр обороны Вернер фон Бломберг. От этих прусских консерваторов, представлявших большинство в правительстве, Москва ожидала сдерживающего влияния на Гитлера. Да и сами немецкие консерваторы чувствовали свое явное превосходство в коалиционном правительстве по отношению к НСДАП. Фон Папен, сыгравший заметную роль при утверждении нового правительства, сказал тогда: «Через два месяца мы загоним Гитлера в угол» (Thamer 1986: 232).

Даже Троцкий, как правило, очень четко оценивавший положение дел

в Германии, писал в одном из первых комментариев по поводу прихода к власти национал-социалистов, что Гитлер находится в руках Гугенберга (руководителя национал-консерваторов). По мнению Троцкого, не выскочка Гитлер, а представители немецкого капитала и немецкого государственного аппарата имели решающее слово в политике Германии (*Trotsky* 1971a: 439–448).

К немногим исключениям в лагере левых, адекватно оценивавшим положение в Германии, принадлежал Август Тальхаймер. Сразу после 30 января 1933 г. он определил консервативные группировки как слабейшего партнера в альянсе. По его словам, Гитлер располагал одновременно и массовой организацией, и исполнительной властью, которую использует против всех своих противников вне правительства, чьи организации он распустит и уничтожит. Свою массовую организацию и свою связь с массами Гитлер использует для оказания давления на консервативных партнеров по коалиции. Ситуация складывается таким образом, предсказывал Тальхаймер, что для завоевания единоличной власти национал-социалистам понадобятся месяцы, тогда как Муссолини потребовались годы для достижения той же цели в Италии (*Thalheimer* 1933a; 1933b).

В том, что национал-социалисты пришли к власти, не уничтожив предварительно рабочие партии в гражданской войне, руководство Коминтерна видело еще одну причину для оптимизма. В Италии, во время так называемого марша фашистов на Рим, ситуация складывалась сов-

сем по-другому. Муссолини пришел к власти после двухлетней гражданской войны, в ходе которой фашистам удалось почти полностью разрушить инфраструктуру итальянского рабочего движения. Организации же германского рабочего движения к моменту прихода к власти национал-социалистов продолжали существовать. 13 миллионов избирателей отдали свои голоса на последних (перед 30 января 1933 г.) выборах обеим немецким рабочим партиям, 6 миллионов из них голосовали за КПП. Разрушение этих мощных массовых организаций сверху в Москве считали невозможным. Когда сразу после поджога рейхстага КПП была запрещена, многие лидеры Коминтерна были убеждены, что она сможет успешно бороться против режима и в подполье. Вильгельм Кнорин, один из лидеров Коминтерна, писал в марте 1933 г., что даже десятилетний террор Муссолини не смог уничтожить Итальянскую коммунистическую партию. «Тем более никакие меры подавления не смогут уничтожить <...> Коммунистическую Партию Германии, <...> сломить волю 6 миллионов трудящихся Германии, готовых бороться за уничтожение капиталистической системы» (*Die Kommunistische Internationale* 1933: 31).

Троцкий сначала думал так же. В отличие от сталинистов, для него приход Гитлера к власти не был неожиданностью: Троцкий уже на протяжении нескольких лет считал это возможным. Даже форма прихода к власти — добровольная передача ее со стороны правящих группировок Гитлеру — была предсказана им как политическая возможность (*Trotsky*

1971: 164–165). И все же он был убежден, что такой приход национал-социалистов к власти неизбежно развяжет в Германии гражданскую войну. В его комментариях по поводу назначения Гитлера рейхсканцлером не чувствовалось пораженческих настроений. Вплоть до поджога рейхстага Троцкий считал революционную силу немецкого пролетариата несломленной и полагал, что решающие сражения в Германии еще предстоят. Более-менее пассивная капитуляция немецких рабочих партий перед национал-социалистическим террором совершенно потрясла Троцкого. В июне 1933 г. он расценивал это катастрофическое поражение как самое сокрушительное за всю историю рабочего движения. Теперь Троцкий осуждал сталинистов за неспособность правильно оценить реальные размеры их собственного поражения в Германии. Он писал, что скрытое за иллюзиями поражение означает гибель. Обещание КПП продолжать революционную борьбу против фашизма и в подполье Троцкий прокомментировал следующим образом: сталинская КПП, оказавшаяся полностью несостоятельной на свободе, точно так же окажется несостоятельной и в подполье (*Trotzki* 1971a; *Trotzki* 1988: 568–569).

Постепенно сталинисты тоже начали понимать, насколько недооценили опасность национал-социализма. В августе 1933 г. в печатном органе Коминтерна газете «Рундшау» можно было прочесть такие слова: «Путь, который итальянский фашизм прошел за пять лет, прибегая к сложнейшим маневрам, немецкий фашизм одолел за пять месяцев» (*Rundschau über Politik* 1933: 1119).

Несмотря на это, сталинское руководство Коминтерна не было готовым признать даже небольшие ошибки в тактике КПП и самого Коминтерна в 1930–1933 гг. По мнению Москвы, эта тактика была абсолютно верной, вплоть до мельчайших деталей. КПП предвидела развитие событий и предприняла все возможное, чтобы предотвратить приход к власти национал-социалистов. Партией, больше всех виновной в захвате Гитлером власти и потерпевшей наибольшее поражение в результате этого захвата, была, по мнению Москвы, СДПГ. Уже запрещенная СДПГ, руководители которой находились в концлагерях или в эмиграции, по-прежнему оставалась в глазах сталинистов главной опорой немецкой буржуазии. Даже спустя год после прихода Гитлера сотрудничество с социал-демократами было для руководства Коминтерна неприемлемо. До начала 1934 г. теория «социал-фашизма» оставалась неприкосновенной.

***

Непосредственно после прихода нацистов к власти Троцкий заявил, что их стремление к неограниченной экспансии можно подавить лишь силой. Пытаться вести с ними мирные переговоры бесполезно. На западные державы он, однако, в этой борьбе не слишком надеялся. Троцкий достаточно рано распознал политическую близорукость тогдашних западных руководителей. Западные державы, писал он в июне 1933 г., лелеют надежду, что национал-социалистическая экспансия устремится на Восток. Поэтому они и не возражают против вооружения

Германии. В действительности же национал-социализм стремится не только к завоеванию Востока, но и к мировому господству. Поэтому его война с западными странами тоже, рано или поздно, неизбежна (*Trotsky* 1971a: 555–566).

Ясное понимание того, что гитлеризм представляет собой небывалую опасность для европейской цивилизации, совмещалось у Троцкого, как ни странно, с определенной недооценкой Гитлера, не говоря уже о его презрении к личности нацистского вождя и к его «абсурдному», «сумбурному» и «ненаучному» мировоззрению (как выражался Троцкий). Подобно другим высокообразованным интеллектуалам, он недооценивал Гитлера — примитивного и полубразованного самоучку. Но также отнеслись к Гитлеру и Курцио Малапарте, и Освальд Шпенглер, и многие другие, видевшие в Гитлере лишь карикатуру на Муссолини (*Ibid.*: 573–574; *Malaparte* 1932: 219–232; *Spengler* 1953: 146–148).

Недооценка радикальности национал-социалистического мировоззрения затрудняла Троцкому и другим коммунистическим теоретикам понимание существенных различий между итальянским фашизмом и национал-социализмом. Уже в 1922 г. теоретики Коминтерна характеризовали итальянскую фашистскую партию как «буржуазную партию нового типа», которая значительно отличается от других, уже существующих «буржуазных партий». Гораздо труднее далось им понимание того, что НСДАП развивалась как «фашистская партия нового типа», которая отличалась от итальянского

фашизма не менее радикально, чем последний отличался от традиционных буржуазных партий.

Впрочем, в недооценке Троцким Гитлера сыграло роль еще одно обстоятельство. Троцкий — герой и вдохновитель русской революции, полководец гражданской войны и признанный лидер мирового коммунистического движения — долгое время был кумиром масс, объектом безмерного восхищения. Его судьба сложилась, однако, так, что сначала его изгнал за пределы страны один примитивный самоучка — Сталин, а затем ему пришлось пассивно наблюдать, как другой такой же самоучка — Гитлер — достиг абсолютной власти в Германии, в стране, которую Троцкий считал ключевой в мировой политике и в мировой революции. Троцкий не мог примириться с тем, что многие объясняли удивительные успехи Сталина и Гитлера их личными качествами и способностями. Ему казалось, что триумф этих жалких деятелей объясняется действием анонимных исторических сил, которые, так сказать, «воспользовались» Сталиным и Гитлером (*Trotsky* 1971b: vol. 1: 13, vol. 2: 233–234; 1971a: 233–234; см. также: *Brahm* 1963: 526–527). Когда Троцкий это писал, Сталин завершил коллективизацию — беспрецедентную по своим тоталитарным масштабам революцию сверху, а Гитлер стал единоличным правителем крупнейшей индустриальной державы Европы.

И все же Троцкий ставил Гитлера в определенном смысле выше Сталина. Троцкому до некоторой степени импонировал демагогический талант нацистского вождя. У Сталина

же, по его мнению, не было никаких сколько-нибудь выдающихся политических способностей. Как политик, Сталин, по мнению Троцкого, не идет ни в какое сравнение ни с Гитлером, ни тем более с Муссолини (Trotzki 1971b: vol. 1: 12–13, vol. 2: 260; см. также: Trotzki 1988: 192–223)¹.

Троцкий называет Сталина «термидорианцем» (Trotzki 1988: 47, 227, 403, 581). Тем самым он показывает непонимание сути сталинской революции сверху. Ведь когда мы говорим о сталинизме, речь отнюдь не идет о попытке покончить с утопически-террористической фазой революции, как это было в случае термидора. Наоборот, Сталин довел эту линию развития русской революции до логического предела. Троцкий же считал верность идее мировой революции неотъемлемой частью всякой «истинно-революционной» политики. Отсюда и его недооценка беспрецедентной динамики сталинской «революции сверху».

***

Советолог Исаак Дейчер, разделяющий по существу взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает, однако, тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Сталинский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 г. Именно Сталин создал в Советском Союзе ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невоз-

можным (Deutscher 1953: 97–98). И действительно, сталинской революции сверху, начавшейся в 1929 г., удалось в самом широком масштабе подогнать российскую действительность под большевистскую доктрину. Теперь было достигнуто то, чего без успеха добивался Ленин в первые годы после большевистского захвата власти (прежде всего в период военного коммунизма 1918–1921 гг.). Только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма — ликвидацию частной собственности (Marx K., Engels 1959: vol. 4: 475). В июле 1932 г., к моменту, когда экспроприация собственности у более чем 100 миллионов крестьян была почти достигнута, Сталин писал своим соратникам, Молотову и Кагановичу: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развивался бы и не окреп, если бы не объявил принцип частной собственности основой капиталистического общества <...>. Социализм не может добить и похоронить капиталистические элементы <...>, если он не объявит общественную собственность <...> священной и неприкосновенной» (Сталин и Каганович 2001: 240–241).

Нерешенный аграрный вопрос был из поколения в поколение одной из самых взрывоопасных проблем России. Лишь сталинскому руководству удалось смирить крестьянство, сломать его — и именно тем, что оно устранило крестьянство как таковое посредством его почти полной экспроприации. Частная собственность и свободный рынок — главные

¹ Биограф Троцкого, Дмитрий Волкогонов, пишет, что, работая в личном архиве Сталина, он убедился, что Сталин лично просматривал многие работы Троцкого, изданные в эмиграции, особенно те, в которых Троцкий писал о своем сопернике (Волкогонов 1992).

объекты ненависти ортодоксальных марксистов — были теперь вследствие сталинской революции сверху повсеместно отменены. Теперь режим мог непосредственно контролировать и управлять общим хозяйственным потенциалом страны, всеми ее материальными и человеческими ресурсами. Это было важнейшим результатом коллективизации сельского хозяйства, а не повышение урожая, что ожидалось прежде всего. Только теперь поборники централизованного планового хозяйства в стране могли приступить к действиям. Теперь был положен конец предельно сложному сосуществованию государственного и частного секторов хозяйства, что было причиной чрезвычайно многих напряженностей и конфликтов. Свободная игра экономических сил, которая была в глазах правоверных марксистов воплощением хаоса, была заменена государственным регулированием.

***

Однако сталинской революции сверху удалось положить конец не только хозяйственной, но также и политической спонтанности, и именно посредством дисциплинирования партии, которая со времени большевистской революции представляла собой единственный политический субъект в стране. О дисциплинировании партии мечтал еще Ленин. В своей программной работе «Что делать?» (1902 г.) он представил проект концепции строго дисциплинированной организации профессиональных революционеров, «партии нового типа». Эта партия должна была в первую очередь действовать, а не вечно дискутировать по различным осно-

воположениям. В 1904 г. Ленин пояснял, что социал-демократическая партия не есть семинар, на котором дебатировались разные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и четкой иерархией идей. Вступление в эту организацию влечет за собой безусловное признание этих идей (Валентинов 1972: 252–254).

Этот постулат Ленин никогда не мог осуществить. Большевики оставались дискутирующей партией. Провозглашенный на X партийном съезде большевиков в 1921 г. запрет фракций помог мало. Также и после 1921 г., на протяжении ряда лет партию сотрясали внутренние полемические раздоры, еще более значительного масштаба, нежели до прокламирования фракционного запрета.

Лишь сталинская революция сверху изменила характер партии. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм (Федотов 1932: 381–382).

Федотов описывает менталитет нового поколения большевистских функционеров, которым удалось выйти победителями из второй гражданской войны начала 1930-х гг. Этим «новым большевикам» была чужда революционная романтика своих предшественников. Партия пыталась уничтожить память о братстве по оружию времен гражданской

войны; симпатии к бывшим товарищам теперь считались святотатством. «Новый большевик» должен был всегда быть готов устраним даже самых честных и стойких товарищей, если они выступали против «генеральной линии партии». Партаппарат виртуозно использовал самые низменные инстинкты членов партии. На каждого из них было подготовлено досье, в котором были в мельчайших деталях перечислены слабости и недостатки «потенциальных преступников». Всеобщее недоверие и страх представляли собой важнейшие основы системы. Люди, не имеющие собственного мнения, или же те, которые не состояли защищать свои убеждения, являлись «безупречными» товарищами по партии, их легче было контролировать: «Отсюда эта постоянная гимнастика предательства своих убеждений, упражнения в покаянных письмах и доносах на единомышленников. Нужно унижить, скомпрометировать возможно больше членов партии, чтобы они не могли выйти из повиновения. Верность коммунизму, стойкость убеждений — лучшие качества бойца, последние остатки военно-революционной этики — сознательно разрушаются во имя партийной дисциплины» (Федотов 1991: 36).

Примерно за 4 года до первого московского показательного процесса Федотов описывает эту «новую большевистскую мораль». Он прозорливо предсказал покаянные выступления бывших ближайших соратников Ленина, которые предавали свои убеждения, товарищей и даже членов своих семей и оговаривали себя, признаваясь в самых отвратитель-

ных преступлениях. Это моральное разложение представляется почти неизбежным следствием изменения менталитета большевиков, о чем Федотов писал еще в начале 1930-х гг.

Федотов за 4 года до их начала предвидел и другую существенную черту будущих показательных процессов — их фиктивность, пропагандистскую заданность, основанную на «полезной лжи».

«В настоящее время можно сказать, что коммунизм уже потерял способность различения истины и лжи, как много раньше, — добра и зла. Истина приобрела чисто служебное, или тактическое, значение — для генеральной линии, для сегодняшнего дня. Это признается с наивным цинизмом издателями “Советской энциклопедии”, историками партии. История не может угнаться за политическим заказом, меняющимся каждый день. Вчерашние полубоги, в которых верили, на которых учились, сегодня втаптываются в грязь по указке свыше», — писал Федотов (Там же: 36–37).

Как же могла существовать эта описанная Федотовым саморазрушительная система? На чем основывалась ее несомненная эффективность, позволившая ей победить всех своих врагов, подчинить себе общество как таковое?

Федотов объясняет это существованием мифа коллективизма, ощущением каждого партийца, что он — составная часть гигантского механизма: «Связь с коллективом, с партией, с могущественным сверхличным организмом. Превратиться

в клеточку, не чувствовать, убить свою личность — единственный способ сохранить жизнь и способность к действию» (Там же: 37).

Как же на этом фоне выглядит ярко выраженный индивидуализм Троцкого? Об этом пишет в 1931 г. Николай Бердяев в своей рецензии на автобиографию Троцкого. Троцкий — типичный революционер высокого стиля, а не типичный коммунист, пишет Бердяев. Троцкий не понял самого важного для типичных коммунистов, а именно мистики коллектива. Троцкий придает еще большое значение героическому индивидууму, он — революционер старой школы, которая берет начало еще в XIX в. По этой причине этот организатор государственного переворота и организатор Красной армии не вызывает такого ужаса, как настоящие коммунисты, которые искоренили все индивидуальное из своего сознания и полностью отдались коллективу (*Бердяев* 1931).

Сам Троцкий считал, что Сталин был всего лишь симптомом этой эволюции большевизма, а не ее мотором. В своей биографии Сталина Троцкий пишет, что Сталин достиг власти не в силу своих личных качеств, а при помощи безличной машины. Не он создал машину, а машина создала его.

С этой точкой зрения категорически не согласен один из лучших знатоков сталинской системы Абдурахман Авторханов, который считает, что Сталин был главным инициатором этого нового этапа развития большевизма, а не всего лишь его симптомом (*Авторханов* 1959: 5).

***

Работы Троцкого, написанные в изгнании, изобилуют разного рода ошибочными оценками, но вместе с тем представляют собой оригинальный и своеобразный вклад в развитие марксистского политического мышления. В особенности это касается предложенного Троцким анализа фашизма.

В Советском Союзе эти работы долгие годы оставались практически неизвестными. Перестройка поначалу мало что изменила в этом отношении. Она лишь продолжила начатую еще в 1923–1924 гг. разгромную критику Троцкого. Характерно в этой связи, например, заявление литературоведа Юрия Карякина: «Я всегда Троцкого терпеть не мог. Троцкий — это Сталин вчера, а Сталин — это Троцкий сегодня», — писал Карякин в 1988 г. (Огонек 1988: 18).

С другой стороны, сотрудник журнала «Коммунист» Отто Лацис в том же 1988 г. вообще отказывал Троцкому в праве называться большевиком. Лацис считал, что большевистская партия всегда оставалась чуждой Троцкому (*Лацис* 1988: 124–178).

Между тем именно Троцкий тяготел к непомерному возвеличиванию партии и в высочайшей степени отождествлял себя с ней. В 1924 г., уже после того как против него началась партийная кампания, архитектор переворота 7 ноября 1917 г. говорил: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против партии. Партия в последнем счете всегда права» (Тринадцатый съезд РКП(б) 1963).

Как бы то ни было, ссылки на верность Троцкого Ленину и большевизму

не являлись лучшим способом поправить его репутацию в эпоху перестройки. В стране происходил тогда радикальный демонтаж культа Ленина, да и всех большевистских святынь. Причем это наступление велось главным образом с двух флангов: либерально-демократического и национал-патриотического. Для обоих лагерей Троцкий был абсолютно неприемлем.

И все же, как это ни удивительно, начиная с 1987 г. происходило «возвращение» Троцкого на Родину (см.: *Клямкин* 1987: 150–188; *Данилов* 1990: 47–62; *Подщеколдин* 1989: 45–50; *Старцев* 1989: 135–137; *Гусейнов* 1990: 127–136; *Панцов* 1990: 65–87). Интерес к Троцкому был вызван, как правило, не идеологическими или партийными соображениями, а скорее любопытством к этому деятелю, некогда преданному анафеме.

Идеи Троцкого вот уже в течение ряда десятилетий стимулируют многие идеологические и политические дискуссии на Западе. Во время перестройки к этим дискуссиям начали приобщаться и некоторые российские исследователи. Пробив окно в Европу, российские авторы нашли там, к своему удивлению, не только приверженцев рыночной экономики, но и поклонников Троцкого, которых немало в леворадикальных кругах Запада. О рецепции идей Троцкого в постсоветской России я здесь писать не буду. Эта тема выходит за рамки данной статьи.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Авторханов 1959 — *Авторханов А.* Технология власти. Процесс образования

КПСС (мемуарно-исторические очерки). Мюнхен, 1959.

Бердяев 1931 — *Бердяев Н.* Троцкий — Моя жизнь // Новый Град. 1931. № 1.

Валентинов 1972 — *Валентинов Н.* (Вольский). Встречи с Лениным. New York, 1972.

Данилов 1990 — *Данилов В.* Мы начинаем познавать Троцкого // ЭКО. 1990. № 1. С. 47–62.

Клямкин 1987 — *Клямкин И.* Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 11/1987. С. 150–188.

Лацис 1988 — *Лацис О.* Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124–178.

Огонек 1988 — Огонек. 1988. № 12.

Подщеколдин 1989 — *Подщеколдин А.* Новый курс. Пролог Трагедии // Молодой Коммунист. 1989. № 8. С. 45–50.

Тринадцатый съезд РКП(б) 1963 — Тринадцатый съезд РКП(б) 1924. Стенографический отчет. М., 1963.

Троцкий 1930 — *Троцкий Л.* Что есть Социал-фашизм? // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). Май 1930. № 15–16.

Троцкий 1932 — *Троцкий Л.* Немецкий бонапартизм // Бюллетень оппозиции. Октябрь 1932. № 32.

Die Kommunistische Internationale 1931 — Die Kommunistische Internationale. 10.12.1931.

Die Kommunistische Internationale 1933 — Die Kommunistische Internationale. März 1933.

Malaparte 1932 — *Malaparte C.* Technik des Staatsstreiches. Leipzig, 1932.

Marx K., Engels 1959 — *Marx K., Engels F.* Werke. Berlin, 1959 и сл.

Rundschau über Politik 1933 — Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. 25.8.1933. № 30.

Thalheimer 1933a — *Thalheimer A.* Die politische Lage // Gegen den Strom. 4/1933.

Thalheimer 19336 — *Thalheimer A.* Deutschland und Italien // Gegen den Strom. 4/1933.

Trotzki 1988 — *Trotzki L.* Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Vol. 1.1 (1929–1936).

Trotzki 1971 — *Trotzki.* Schriften über Deutschland. Ed. H. Dahmer. Frankfurt/Main, 1971. Vol. 1.

Trotzki 1971a — *Trotzki.* Schriften über Deutschland. Ed. H. Dahmer. Frankfurt/Main, 1971. Vol. 2.

Trotzki 19716 — *Trotzki L.* Stalin. Eine Biographie. Reinbek b. Hamburg, 1971.

Trotzki 1973 — *Trotzki L.* Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt/Main, 1973.

XII. пленум ИККИ 1934 — XII. пленум ИККИ. 27.8.1932–15.9.1932. Стенографический отчет. М., 1934. Т. 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов-Овсенко 1989 — *Антонов-Овсенко А.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 10.

Волгогонов 1992 — *Волгогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. В двух книгах. М., 1992.

Гусейнов 1990 — *Гусейнов А.* Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 127–136.

Документы внешней политики СССР 1961–1973 — Документы внешней политики СССР. М., 1961–1973. Т. 16.

Панцов 1990 — *Панцов А.* Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65–87.

Сталин и Каганович 2001 — Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

Старцев 1989 — *Старцев В.* Вопросы истории. 1989. № 7. С. 135–137.

Федотов 1932 — *Федотов Г.* Правда побежденных // Современные записки. 1932. № 51.

Федотов 1991 — *Федотов Г.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2.

Borkenau 1938 — *Borkenau F.* The Communist International. London, 1938.

Brahm 1963 — *Brahm H.* Trockijs Aufrufe gegen Hitler 1930–1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1963.

Broué 2003 — *Broué P.* Trotzki. Eine politische Biographie. Vol. II. Der Kampf gegen Stalinismus und Faschismus. Köln, 2003.

Deutscher 1953 — *Deutscher I.* Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair. London, 1953.

Deutscher 1962 — *Deutscher I.* Der bewaffnete Prophet. Stuttgart, 1962.

Domarus 1965 — *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. München, 1965. Vol. 1. Erster Halbband 1932–1934.

Hitlers Zweites Buch 1961 — Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Eingeleitet und kommentiert von G. L. Weinberg. Stuttgart, 1961.

Luks 1985 — *Luks L.* Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985.

Trotzki 1988 — *Trotzki L.* Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Vol. I. 1. (1929–1936). Eds. H. Dahmer, R. Segall, R. Tosstorff. Frankfurt/Main, 1988.

Spengler 1953 — *Spengler O.* Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1953.

Thamer 1986 — *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. Berlin, 1986.

THE STRUGGLE OF LEV TROTSKY AGAINST HITLER, STALIN AND THE STALINIST “THEORY OF FASCISMS” (1930–1933)

Luks Leonid – professor, HSE, the Catholic University of Eichstätt-Ingolstadt (Eichstätt, Germany – Moscow)

Key words: Lev Trotsky, Joseph Stalin, Adolf Hitler, The Communist Party of Germany, Comintern, Social democracy, National socialism, Fascism, August Thalheimer, Georgy Fedotov.

Abstract. Sweeping political successes of the NADAP in the 1930s were closely connected with the misjudgements of this political force by its opponents as well as by its allies. Among the few analysts of that time, who could recognize the extent of the Nazi threat, was the Communist dissident and the unbending opponent of Hitler and Stalin – Lev Trotsky. This article is dedicated to his warnings and forecasts.

REFERENCES

- Antonov-Ovseenko A. Stalin i ego vremia. *Voprosy istorii*, 1989, no. 10.
- Borkenau F. *The Communist International*. London, 1938.
- Brahm H. Trockijs Aufrufe gegen Hitler 1930–1933. *Jahrbücher für Geschichte Ost-europas*, 1963.
- Broué P. *Trotsky. Eine politische Biographie*. Vol. II. Der Kampf gegen Stalinismus und Faschismus. Köln, 2003.
- Deutscher I. *Der bewaffnete Prophet*. Stuttgart, 1962.
- Deutscher I. *Russia after Stalin with a post-script on the Beria affair*. London, 1953.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR*. Moscow, 1961–1973, vol. 16.
- Domarus M. *Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945*. München, 1965. Vol. 1. Erster Halbband 1932–1934.
- Fedotov G. Pravda pobezhdennykh. *Sovremennye zapiski*, 1932, no. 51.
- Fedotov G. *Sud’ba i grekhi Rossii*. St. Petersburg, 1991, vol. 2.
- Guseinov A. Moral’ i nasilie. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 5, pp. 127–136.
- Hitlers Zweites Buch*. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Eingeleitet und kommentiert von G. L. Weinberg. Stuttgart, 1961.
- Luks L. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935*. Stuttgart, 1985.
- Pantsov A. Lev Davidovich Trotskii. *Voprosy istorii*, 1990, no. 5, pp. 65–87.
- Trotsky L. *Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur*. Vol. I. 1. (1929–1936), eds. H. Dahmer, R. Segall, R. Tostorff. Frankfurt/Main, 1988.
- Spengler O. *Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung*. München, 1953.
- Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg*. Moscow, 2001.
- Startsev V. *Voprosy istorii*, 1989, no. 7, pp. 135–137.
- Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945*. Berlin, 1986.
- Volkogonov D. *Trotsky. Politicheskii portret*. V dvukh knigakh. Moscow, 1992.

ГУСТАВ МАННЕРГЕЙМ: ГЕРОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ?

Ключевые слова: К. Г. Маннергейм, Финляндия, Россия, гражданская война в Финляндии, Вторая мировая война, блокада Ленинграда.

Аннотация: В статье идет речь о значении К. Г. Маннергейма, бывшего свитского генерала русской армии, главнокомандующего финской армией в 1918 г. и в 1939–1944 гг., регента Финляндии в конце 1918–1919 г. и президента Финляндии в 1944–1946 гг., в истории России и Финляндии и российско/советско-финляндских отношениях. Особое внимание уделено оценке роли Маннергейма в событиях Второй мировой войны, в первую очередь как командующего в период участия Финляндии в войне против Советского Союза в 1941–1944 гг., традиционно именуемой в Финляндии «войной-продолжением». Прежде всего вопрос касается участия вооруженных сил Финляндии в блокаде Ленинграда. В статье отстаивается мысль, что чествование Маннергейма как героя русской истории не вполне уместно.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-284-298

В последние годы в нашей стране растет интерес по отношению к такой значительной и неоднозначной военной и политической фигуре не столь далекого прошлого, каковой является Карл Густав Эмиль Маннергейм. В истории нашего ближайшего географического соседа — Финляндии — этот деятель действительно сыграл выдающуюся роль: первый командующий вооруженными силами только что созданного государства (зима — весна 1918 г.), временный глава государства (конец 1918 — первая половина 1919 г.), маршал Финляндии (единственный в ее истории), главнокомандующий финской

армией (1939–1944 гг.), наконец, президент Финляндской республики (1944–1946 гг.), при котором страна вышла из Второй мировой войны и вернулась к мирной жизни. В Финляндии изучение биографии К. Г. Маннергейма, его военной и политической активности началось еще при жизни маршала (*Ignatius* 1918, *Beranek* 1942). На протяжении нескольких десятилетий увидели свет ряд монографических трудов, посвященных его жизни и деятельности. В частности, можно отметить двухтомную книгу бывшего начальника штаба финской армии Эрика Хейрикса, работавшего непосредственно

© В. И. Мусаев, 2020

Мусаев Вадим Ибрагимович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ СПбГПУ; ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН; vmusaev62@mail.ru

под началом Маннергейма (*Heinrichs* 1957; 1959). Особенно детально изучением биографии маршала Финляндии занимался Стиг Ягершёльд, автор нескольких книг, посвященных разным периодам жизни К. Г. Маннергейма (*Jägerskiöld* 1964; 1965; 1967; 1969; 1973; 1976; 1979; 1982). Из авторов, происходивших из-за пределов Финляндии, свой вклад в изучение жизни и деятельности маршала внес британский военный историк Дж. Скрин (*Screen* 1993). Были изданы мемуары самого Маннергейма (*Mannerheim* 1951–1952).

В нашей стране в советское время имя Маннергейма в научных работах и публицистике упоминалось крайне редко и лишь в негативном контексте. В этой связи рост интереса к биографии маршала Финляндии вполне понятен и объясним: необходимость дать более полную и объективную оценку этой незаурядной исторической личности существует. На данный момент на русском языке опубликовано несколько статей и монографий о Маннергейме, как переведенных с финского языка, так и оригинальных работ отечественных авторов (*Вирмавирта* 1994; *Мери* 1997; *Иоффе* 2005; Маннергейм — российский офицер, маршал Финляндии 2005). Мемуары маршала изданы, правда, с некоторыми сокращениями, на русском языке (*Маннергейм* 2003). Из работ российских ученых и публицистов особенно выделяются книги профессора Леонида Власова, в которых рассматривался преимущественно российский период жизни будущего финского лидера. Его же авторству принадлежит биография Маннергейма, изданная в серии «Жизнь замечательных лю-

дей» (*Vlasov* 1996; 1997; *Власов* 2003; 2005а; 2005б; 2005в; 2010).

В некоторых из изданных в России работ проявляется стремление охарактеризовать Маннергейма как героя не только финляндской, но и отечественной истории. Это также объяснимо, если учесть, что до 1917 г. будущий маршал и президент Финляндии около 30 лет находился на службе в императорской русской армии. Следует вспомнить, что Маннергейм проходил обучение в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге, участвовал в русско-японской войне, в 1906–1907 гг. совершил, по заданию Генерального штаба, свой знаменитый разведывательный вояж в Центральную Азию. Он состоял генералом свиты его императорского величества и лично был знаком с последним российским императором. В Первую мировую войну Маннергейм воевал на Юго-Западном, Западном и Румынском фронтах. Его последним чином в русской армии был генерал-лейтенант, а последней должностью — командир корпуса. Лишь в декабре 1917 г., после неудачи попыток организовать сопротивление пришедшим к власти в России большевикам, Маннергейм (как и ряд других офицеров русской армии финляндского происхождения) сделал выбор в пользу возвращения на родину.

Разумеется, «русский» период биографии Маннергейма определенным образом отразился на его дальнейшей жизни и деятельности в качестве военного и государственного деятеля независимой Финляндии. В отличие от некоторых других финских политиков, считавших врагами всех русских без разбора, Маннергейм

не был русофобом. Он сочувственно относился к русским беженцам в Финляндии, оказывал помощь Финляндской православной церкви, был готов поддержать русское белое движение в борьбе с большевизмом. Фактом является то, что Маннергейм не одобрял прогерманский курс политики первого финляндского правительства П. Э. Свинхувуда и после окончания гражданской войны ушел в отставку. Только в конце 1918 г., после поражения Германии в мировой войне и начала смены внешнеполитических ориентиров Финляндии, о нем вспомнили в Хельсинки как о последовательном стороннике внешнеполитической ориентации на западные державы, т. е. на членов одержавшего в войне победу военнополитического блока. В итоге Маннергейм вернулся в политику и стал временным главой государства (фин. *valtionhoitaja*, шв. *riksföreståndare*) до президентских выборов, которые были проведены в конце июля 1919 г. и которые он проиграл.

При этом нельзя обойти молчанием бездействие Маннергейма в случае с «выборгской резней» — одним из самых отвратительных эпизодов гражданской войны в Финляндии, когда в конце апреля — начале мая 1918 г. в ходе штурма Выборга, последнего оплота финляндских красных, белыми был устроен массовый террор по отношению к русским жителям города. В числе жертв оказались русские офицеры, отставные солдаты, ремесленники, гимназисты, рабочие фабрики Сергеева, даже буржуазные элементы. Большинство из них не имели никакого отношения к красным, а некоторые были настроены против них. Маннергейм,

зная о русофобских настроениях среди белых и о более мелких эксцессах подобного рода, имевших место ранее, как командующий армией мог принять меры для предотвращения такого хода событий, но ничего для этого не сделал. Лишь задним числом в газете «Ууси Суометар» было помещено его объявление, в котором признавалось, что «в некоторых случаях лица, не принимавшие участия в бою, находились на улице во время уличных боев, несмотря на опасность, и стали жертвами этих боев». То есть это были как бы случайные жертвы: люди пострадали по собственной вине, оказавшись «не в том месте не в то время». Далее сообщалось о сделанном командующим предписании «произвести строгое расследование» (РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 663). О результатах этого расследования, однако, ничего не известно. Скорее всего, дело было спущено на тормозах. Утверждение же о «случайном» характере жертв не согласуется со свидетельствами очевидцев, из которых явствует, что убийства производились целенаправленно. Одно из свидетельств приводила эсеровская газета «Дело народа»: «Расстрелы производились самым зверским образом: часто одна партия расстреливалась на глазах другой, причем раненные добивались...» (*Дубровская* 2000: 64). По свидетельству другого очевидца, вазаский батальон белых, войдя в Выборг, «стал врывать в частные квартиры, где живут русские граждане, и расстреливали их» (РГА ВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 4). Всего в выборгской кровавой бане, по данным газеты «Петроградский голос» и других источников, погибло не менее 500 русских (Петроградский голос. 1918. 9 мая).

Наиболее сложным является вопрос о влиянии прошлого опыта маршала Финляндии на его деятельность в качестве командующего финской армией в 1941–1944 гг., когда Финляндия принимала участие на стороне нацистской Германии в войне против Советского Союза. Оценка роли Финляндии во Второй мировой войне остается одной из самых скользких и противоречивых проблем с точки зрения истории финляндско-советских/российских отношений. В финской историографии действия Финляндии в 1941–1944 гг. традиционно характеризовались как борьба за возвращение территорий, утраченных в результате Зимней войны 1939–1940 гг. Война Финляндии против СССР до сих пор в Финляндии официально именуется как «война-продолжение» (*Jatkosota*), т.е. продолжение Зимней войны. Уже в 1941 г., вскоре после вступления Финляндии в войну, в стране стало вводиться в обиход понятие «особая», или «отдельная», война (*erikoissota*, *erillissota*). По отношению к немцам избегали применять термин «союзники» (*liittolaiset*), использовалась более обтекаемая формулировка «братья по оружию» (*aseveljet*) (*Vilkuna* 1962: 75, 79). В некоторых послевоенных публикациях можно также увидеть утверждения о том, что Финляндия не была союзницей Германии, что она вела свою особую войну и во Второй мировой войне не участвовала. Подобное мнение высказала, будучи президентом Финляндии, Тарья Халонен во время визита во Францию в 2005 г. (*Ojansuu* 2005).

В современной России в последнее время предпринимаются попытки пересмотра традиционных стереотипов в оценке истории Великой Оте-

чественной войны, звучат высказывания о необходимости избавляться от связанных с этим мифов и домыслов. К сожалению, однако, нередки случаи, когда не только падкие на сенсации публицисты-дилетанты, но и некоторые деятели, считающие себя серьезными исследователями, в борьбе со старой мифологией начинают создавать новую. Это в полной мере относится к истории участия Финляндии в войне в 1941–1944 гг. и личной роли в ней Карла Густава Маннергейма как главнокомандующего финской армией.

Как известно, первые три дня советско-германской войны Финляндия сохраняла формальный нейтралитет (хотя мобилизация была проведена заранее) и объявила о своем вступлении в войну 25 июня под предлогом защиты от советской агрессии (советская авиация действительно нанесла бомбовый удар по территории Финляндии, однако это было ответом на рейды немецкой бомбардировочной авиации, поднявшейся с финских аэродромов). В самый день нападения на Советский Союз, 22 июня, когда Финляндия официально еще сохраняла нейтралитет, А. Гитлер выразил уверенность в том, что германские войска будут продвигаться «бок о бок со своими финскими товарищами» и что германские завоеватели Норвегии «вместе с героями финляндской независимости, ведомыми своим маршалом», будут защищать Финляндию от любого вторжения (для руководства Финляндии, по утверждению С. Ягершёльда, это заявление оказалось неожиданностью) (*Jägerskiöld* 1979: 46). В работах ряда финских историков, которым затем стали вторить и некоторые российские авторы,

утверждалось, что со стороны Финляндии «война-продолжение» была такой же справедливой и оборонительной, как и Зимняя война, что агрессивных намерений в отношении Советского Союза Финляндия не имела. Особо говорится о роли Маннергейма. Пассивность финских войск на Карельском перешейке начиная с осени 1941 г., их уклонение от совместных с немцами активных действий под Ленинградом объясняется «доброй волей» финского командующего. Якобы Маннергейм, для которого это был почти родной город, остановил наступление на линии старой границы, а во время блокады запрещал обстреливать и бомбить осажденный город (по утверждению Л. В. Власова, без указания на источник этого утверждения, такой запрет был дан командующим в устной форме 5 сентября 1941 г.). В результате Маннергейм выставляется едва ли не главным спасителем Ленинграда, а город будто бы не был взят или разрушен благодаря его усилиям. К такому мнению склонялся даже Хельге Сеппяля, автор весьма объективных исследований об участии Финляндии во Второй мировой войне, в заголовке одного из которых Финляндия прямо называется «агрессором», а другого — «оккупантом» (*Вирмавирта* 1994: 69; *Иоффе* 200: 287; *Власов* 2005а: 266; *Serpälä* 1984: 229). Еще один автор, Э. Вала, утверждал, что «маршал Финляндии не участвовал в блокаде Ленинграда, и именно поэтому произошло чудо: Ленинград выстоял» (*Барышников* 2003: 175). Между тем финское руководство, включая Маннергейма, не могло не быть осведомлено о намерении Адольфа Гитлера «стереть Ленинград с лица земли»: этот замысел был доведен до сведения

первых лиц Финляндской республики уже 25 июня 1941 г. через Т. М. Кивимяки, финского посланника в Берлине (*Барышников* 2007: 55).

По поводу якобы отсутствия у Финляндии агрессивных устремлений по отношению к СССР надо заметить, что замыслы высшего финского политического и военного руководства отнюдь не исчерпывались отвоеванием утраченных территорий. Президент Ристо Рюти, премьер-министр Й. Рангелль, министр иностранных дел Р. Виттинг и другие члены правительства считали, что к Финляндии в результате войны должны отойти вся (!) Восточная Карелия, весь (!) Кольский полуостров и Карельский перешеек до Ленинграда. Финляндия, таким образом, должна была получить территорию вплоть до Белого моря, а южнее ее границы проходили бы по реке Свирь, южному берегу Ладоги и Неве. Этого не скрывают и финские авторы: о таких замыслах писал, в частности, известный историк Охто Маннинен (*Manninen* 1980: 154). В итоге территориальные приобретения Финляндии были бы примерно равны ее собственной территории. Подобные планы никак не вяжутся с тезисом об оборонительном характере «войны-продолжения». Едва ли можно с ним согласовать и тот факт, что на Петрозаводском направлении финские войска продолжили наступление далеко за линию старой советско-финляндской границы (на которую они вышли к 31 августа). К началу октября 1941 г. они заняли Петрозаводск и оккупировали всю Олонецкую Карелию, которую удерживали до лета 1944 г. В приказе маршала Маннергейма, отданном накануне наступления, 10 июля 1941 г.,

ясно звучало, что его целью является не только восстановление границы 1939 г., но и «освобождение» Восточной Карелии (*Langer, Glenson 1953: 550*). 30 августа и еще раз 4 сентября того же года Маннергейм публично заявил, что Финляндия не может удовлетвориться простым восстановлением границ 1939 г. и что ее территория будет расширена (*Mazour 1956: 151–153*). В своих мемуарах он писал: «Когда была достигнута государственная граница, я в приказе объявил войскам благодарность, подчеркнув одновременно, что нам предстоит затратить еще много сил и пока не время менять винтовку на плуг» (*Маннергейм 2003: 441*).

На Карельском перешейке успехи финского наступления действительно ограничились в основном отвоеванием «утраченных территорий». Однако остановка наступления была вызвана совершенно иными причинами, нежели якобы изначальное нежелание финского командующего его продолжать. Во-первых, финские войска 1 сентября вышли на линию старой границы, но не остановились на ней, а форсировав реку Сестру, заняли Белоостров и начали продвигаться к Сестрорецку. На подступах к Сестрорецку наступление финнов было остановлено, а Белоостров был отбит обратно в результате советского контрудара. На других участках финны также продвинулись на несколько километров вперед за линию границы 1939 г. В дальнейшем наступление застопорилось вследствие возросшего сопротивления советских войск. Наступавшие уперлись в мощные укрепления КАУР (Карельского укрепленного района), возведенные с советской стороны старой границы

в 1930-х гг. (*Олейников 1999: 259–260; Крюковских 1998: 160*) (о них широкой публике почему-то известно гораздо меньше, чем о «линии Маннергейма», строившейся в те же годы на финской стороне). Второй фактор, вызвавший остановку наступления, это нежелание многих финских солдат сражаться за линией старой границы: восстановив довоенный status quo, они считали свою миссию выполненной. Случаи отказа идти в наступление, неповиновения командованию, дезертирства становились все более многочисленными и грозили вызвать всеобщий разлад дисциплины в войсках. Особенно часто такие случаи имели место в частях 15-й и 18-й пехотных дивизий соответственно I и IV армейских корпусов на Карельском перешейке. Позднее столь же массовый характер стали принимать отказы финских солдат из частей VI армейского корпуса форсировать реку Свирь, что способствовало срыву плана соединения финских и немецких войск к востоку от Ладоги и образования второго кольца блокады Ленинграда (*Барышников 2002: 151*).

Наконец, финское руководство не могло не учитывать международную обстановку и в первую очередь позицию Великобритании, с которой у Финляндии тогда еще сохранялись дипломатические отношения. Британский премьер Уинстон Черчилль уже 22 июня заявил, что любое государство, сотрудничающее с Германией, будет расцениваться британским правительством как враг. 28 ноября Лондон недвусмысленно пригрозил, что, если финны не прекратят наступление к 5 декабря, британско-финляндские отношения будут разорваны и Финляндии будет объявлена

война (6 декабря это все же произошло, хотя и после этого каких-либо активных действий против Финляндии англичане не предпринимали). Разрывом дипломатических отношений с Финляндией угрожало и американское руководство (*Mazour* 1956: 164–165). Один из биографов Маннергейма, Я. Вирмавирта, высказал предположение, с которым вполне можно согласиться, что от попыток перерезать Мурманскую железную дорогу маршал Финляндии воздержался из опасений, что США в этом случае могут объявить войну Финляндии (*Вирмавирта* 1994: 69–70). Автор еще одной биографической работы о Маннергейме, В. Мери, пишет о плане квартирмейстера генерал-майора А. Ф. Айро по захвату станции Сорока, что позволило бы перекрыть железную дорогу и изолировать советские войска на Кольском полуострове. Маршал, как утверждает В. Мери, «немедленно начал ставить ему палки в колеса» (*Мери* 1997: 165–166). Именно совокупность всех этих факторов, а вовсе не ностальгические чувства Маннергейма по отношению к бывшей российской столице, заставила финского главнокомандующего приостановить наступление на Карельском перешейке и 9 сентября отдать приказ о переходе к обороне. «Гуманность» маршала Финляндии и его «любовь» к городу на Неве наглядно иллюстрирует разъяснение, которое было дано 4 сентября финским генштабом для МИДа. В нем, в частности, говорилось следующее: «Наступление на петербургские укрепления, имеющиеся между границей и Петербургом, потребуют, вероятно, больших жертв, поскольку они сильно защищены, и не лучше ли брать его с юга

или, вообще, не заставить ли жителей города капитулировать с помощью голода» (*Барышников* 2007: 64).

Переход финской армии к позиционной войне был вызван еще одним обстоятельством. К осени 1941 г. стало ясно, что германский план «молниеносной» войны против СССР не удался и что война принимает затяжной характер. Продолжение активных военных операций требовало бы от Финляндии крайнего напряжения. Для страны с немногочисленным населением и с не самой мощной экономикой это грозило невосполнимыми людскими и хозяйственными потерями. Еще в конце августа 1941 г. Маннергейм в письме фельдмаршалу В. Кейтелю, объясняя невозможность для финской армии продолжать наступление на Ленинград, ссылаясь на то, что уже 16% населения страны находилось под ружьем. Немецкому представителю при финской ставке генералу В. Эрфурту Маннергейм заявил в марте 1943 г.: «Я больше не наступаю. Я потерял уже слишком много людей» (*Барышников* 2002: 122–123, 165). Так что пассивность финнов и их командующего начиная с осени 1941 г. объяснялась прагматическими, а вовсе не гуманистическими соображениями. Тем более что и германское командование после первых боев на подступах к Ленинграду оставило замысел штурмовать город и перешло к тактике его блокирования и методичного разрушения посредством бомбардировок и обстрелов. Главнокомандующий германской армией В. фон Браухич в начале сентября 1941 г., еще до установления полной блокады Ленинграда, передал командующему группы армий «Север» В. Р. фон Леебу: «Ка-

сательно отношения к городу Ленинграду предусмотрено, что Ленинград не должен быть взят, а только окружен». 7 октября генерал А. Йодль, начальник оперативного штаба Верховного командования вермахта, подтвердил Браухичу недвусмысленный приказ Гитлера: «Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда или позднее Москвы не должна приниматься, даже если она будет предложена противной стороной. Ни один немецкий солдат не должен войти в эти города» (*Gaszenmüller* 2000: 184–185). В связи с этим утверждения, подобные тому, как было заявлено не так давно на страницах «Петербургского исторического журнала», что главнокомандующий финской армией «уклонился от участия в штурме Ленинграда» (*Черняев* 2018: 300), выглядят сомнительными: сложно участвовать или не участвовать в том, что, собственно, и не планировалось.

Упомянутое выше отсутствие формального союзного договора между Германией и Финляндией вовсе не означало, что действия не координировались и оперативные планы не согласовывались. При ставке финского главнокомандующего постоянно находился в качестве представителя вермахта генерал В. Эрфурт. Посещали ставку Маннергейма в Миккели также другие высокопоставленные германские военные, в частности генерал А. Йодль. Встречи проводились и на высшем уровне. 4 июня 1942 г., по случаю 75-летнего юбилея Маннергейма, в Финляндию лично прибыл рейхсканцлер Адольф Гитлер (вместе с ним приехал фельдмаршал В. Кейтель). По прибытии он был встречен президентом Финляндии Р. Рюти и главнокомандующим фин-

ской армией К. Г. Маннергеймом и затем принял участие в чествовании юбилера, проводившемся в специальном поезде вблизи финской ставки (*Kesäkuun neljäs päivä* 1942: 57–108). 27 числа того же месяца Маннергейм на личном самолете Гитлера летал с ответным визитом в Восточную Пруссию, где встречался с фюрером в его ставке Вольфшанце (где Гитлер познакомил маршала Финляндии и сопровождавших его лиц с планами летнего наступления вермахта на Восточном фронте). Состоялись также встречи с В. Кейтелем, Ф. Гальдером и Г. Герингом (*Jägerskiöld* 1979: 258–259). В конце июня 1944 г., когда в Берлине стало известно о поиске руководством Финляндии путей выхода из войны, в Хельсинки для оказания давления на финнов прибыл министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. Президент Р. Рюти передал через него Гитлеру письменное обязательство не идти за заключение мира с Советским Союзом и не позволять своему правительству начать мирные переговоры без согласия из Берлина. В историографии это событие получило наименование «соглашение Рюти — Риббентропа» (*Mazour* 1956: 165–166). Факт такого соглашения опять-таки не согласуется с тезисом о том, что Финляндия вела некую «особую» и «отдельную» от Германии войну. Еще один заслуживающий внимания факт: еще 25 ноября 1941 г. Финляндия официально присоединилась к «антикоминтерновскому пакту» (*Mazour* 1956: 149–150).

Воздерживаясь от активных действий, финские войска в то же время участвовали в блокаде Ленинграда и вплоть до лета 1944 г., т. е. даже

в течение нескольких месяцев после ее окончательной ликвидации, прочно держали фронт на ее северном участке. В этой связи нельзя не упомянуть еще об одном мифе о проявлении Маннергеймом гуманности по отношению к Ленинграду, который давно эксплуатировался в Финляндии, а в последние годы проник и в некоторые российские издания. Утверждалось, будто бы финский командующий, дабы щадить город, запретил обстреливать Ленинград из дальнобойных орудий и бомбить его с воздуха. Действительно, обстрелов и бомбардировок Ленинграда с финской стороны в период блокады не было. Причины этого раскрыты в ответе финского командования на запрос командующего группой армий «Север» фельдмаршала В. Р. фон Лееба, направленный в финскую ставку 2 октября 1941 г., о том, как могут финские батареи действовать против Кронштадта и может ли финская авиация участвовать в бомбардировках Ленинграда. В документе, предназначенном для ответа командующему группой армий «Север», указывалось, что финская армия располагает восемью орудиями калибра 153 мм, которые могли вести огонь на расстояние не более 20 км, и одним железнодорожным орудием калибра 180 мм с дальнобойностью 28 км, к которому, однако, не доставало зарядов. По поводу авиации в документе было записано следующее: «Из-за малочисленности бомбардировщиков воздушные силы Финляндии не могут распространять свои действия на значительную территорию за пределами своего переднего края и в этом смысле не могут участвовать в бомбардировке Ленинграда» (Барышников 2007: 71). Дело, таким

образом, было в отсутствии соответствующих возможностей, а опять же не в пресловутом гуманизме маршала Финляндии и его подчиненных. Финская бомбардировочная авиация между тем полностью не бездействовала. Х. Сеппяля упоминает о налетах финских бомбардировщиков в декабре 1942 г. на аэродромы в Касимово, Токсово и Левашово, делая, впрочем, оговорку об имевшихся у финнов сведениях о том, что с этих аэродромов советские бомбардировщики взлетали для атак на Южную Финляндию (Seppälä 2003: 142). Фактом является и то, что уже после ликвидации блокады, 4 апреля 1944 г., 35 финских самолетов, поднявшись с аэродрома в районе Йюэнсуу, попытались прорваться к Ленинграду со стороны Ладожского озера, но были вовремя обнаружены радиолокационными станциями и остановлены средствами ПВО (Барышников 2002: 196).

Имеются и другие факты совместных действий финских и немецких войск под Ленинградом. Такое взаимодействие имело место, в частности, весной 1942 г. в боях на льду Финского залива за острова. 8 апреля финны и немцы совместно отбили атаки советских частей на остров Тютяrsaари (Тютерс) (Seppälä 2003: 140). Именно с финской стороны в 1942 г. исходил замысел ужесточения блокады Ленинграда посредством перекрытия Дороги жизни. С этой целью офицер связи при ставке А. Гитлера генерал Пааво Талвела, человек, весьма близкий к Маннергейму, предложил план захвата острова Сухо на Ладожском озере, где располагался гарнизон, обеспечивавший прикрытие водного пути из Кобоны в Ленинград. Поскольку у самих финнов сил для

этого недоставало, была достигнута договоренность с вермахтом о переброске на Ладогу необходимого количества минных и торпедных катеров из Германии и Италии. Это не могло делаться без ведома главнокомандующего. 17 мая 1942 г. Маннергеймом был отдан приказ о формировании на Ладоге особой морской воинской части с кодовым обозначением «К» для подготовки соответствующей операции. Попытка захвата острова Сухо, предпринятая 22 октября того же года, однако, не удалась: гарнизон острова при поддержке кораблей Ладожской флотилии и авиации отбил все атаки финнов и немцев (*Seppälä* 2003: 142–146; *Ковальчук* 2001: 268–270). Характерно, что как немецко-финская десантная операция на острове Сухо в октябре 1942 г., так и попытка налета финской авиации на Ленинград в начале апреля 1944 г. долго замалчивались финскими историками (описание событий вокруг о. Сухо в работе Х. Сеппяля, вышедшей в 2003 г., было первым нарушением этого своеобразного обета молчания). Что касается версии о негласных контактах Маннергейма через Швецию с Кремлем и о том, что «сведения от Маннергейма помогли Красной армии сорвать планы Германии захватить... остров Сухо» (*Черняев* 2018: 303), эта версия нуждается в тщательной проверке и в более основательном подтверждении, чем то, которое представлено в фильме Льва Лурье «Маннергейм против Гитлера». Известно, что с 1943 г. негласные советско-финляндские контакты через Швецию действительно имели место, но связано это было с зондажем финляндским руководством почвы на предмет мирного урегулирования, поскольку после поражения немцев под Ста-

линградом и особенно на Курской дуге в Хельсинки становилось все очевиднее, что дальнейшее участие в войне на стороне Германии чревато катастрофой. О том, что при этом советской стороне передавались некие секретные сведения военного характера, не было ничего известно кому-либо из исследователей, изучавших историю Финляндии в соответствующие годы и биографию К. Г. Маннергейма. Ленинград спасли стойкость и мужество его защитников, а не «добрая воля» бывшего генерала русской армии, а в то время — главнокомандующего вооруженными силами державы, воевавшей против Советского Союза на стороне нацистской Германии.

Большинство финских авторов также старательно обходили некоторые особенности финского оккупационного режима в Олонекской Карелии, такие как сегрегация населения по национальному признаку и концентрационные лагеря для русских жителей оккупированных территорий. Вопрос об отношении к ним финского главнокомандующего столь же «изящно» обходился. Не слишком распространялся на эту тему и Л. В. Власов, описывая поездку Маннергейма в Петрозаводск в 1942 г. Сам Маннергейм в той части своих мемуаров, в которой он касался положения на оккупированной территории, предпочел не упоминать о концлагерях, которые создавались если не по его прямому приказу, то, во всяком случае, с его ведома. Более того, он утверждал о проявлении особой заботы о населении и завершал эту часть мемуаров следующим образом: «С полным основанием можно сказать, что на территориях, оккупированных финскими войсками, населению были предоставлены

не только права, оговариваемые международными контрактами, но о нем проявляли заботу, которая внесена в историю Второй мировой войны как единственный пример такого характера» (*Маннергейм* 2003: 481). Среди биографических трудов С. Ягершёльда том «Маршал Финляндии», посвященный периоду жизни и деятельности Маннергейма в 1941–1944 гг., — один из самых больших по объему. При этом ситуации в оккупированной Восточной Карелии в нем посвящено несколько строк, в которых говорится о помощи местному населению, которую Маннергейм организовывал при поддержке Красного Креста и Объединения по охране детства (*Jägerskiöld* 1979: 241). Вопрос о сегрегации и концлагерях опять же обходится. Между тем достаточно ознакомиться хотя бы с материалами книги Х. Сеппяля «Финляндия как оккупант» (*Seppälä* 1989) (если кто-то не доверяет российским авторам), чтобы увидеть, что организацией продовольственной, медицинской и других видов помощи местному населению финская оккупационная политика в Олонецкой Карелии отнюдь не ограничивалась.

Неоднократно поднимался вопрос о том, почему Маннергейм не был привлечен к ответственности по процессу над финскими военными преступниками, который проводился в Хельсинки в ноябре 1945 — феврале 1946 г. Отсутствие маршала на скамье подсудимых иногда выдвигается как аргумент в пользу того, что он во время войны действительно оказал некие весомые услуги советской стороне. Якобы И. В. Сталин лично вычеркнул Маннергейма из списка лиц, подлежащих суду (*Черняев* 2018: 303).

Вполне возможно, что в Москве действительно принимали во внимание роль Маннергейма как президента в выводе Финляндии из войны и быстрым достижении советско-финляндского перемирия, что позволило советскому командованию освободить значительные силы с Карельского и северного участка Ленинградского фронтов для действия на других фронтах. Можно предположить наличие некоего негласного соглашения нового финского руководства с Союзной (фактически советской) контрольной комиссией, возглавляемой А. А. Ждановым. Едва ли случайным был тот факт, что к процессу в качестве обвиняемых не был привлечен ни один из высокопоставленных финских военных, включая начальника штаба генерала Э. Хейнрикса и министра обороны генерала Р. Вальдена. В итоге «отдуваться» пришлось исключительно гражданским руководителям: на скамье подсудимых оказались бывший президент Р. Рюти, бывшие премьер-министры Й. Рангелль и Э. Линкомиес и еще четыре министра, а также бывший посланник в Берлине Т. М. Кивимяки.

Что касается возмущения по поводу «варварства политических маргиналов», совершивших нападения на памятную доску Маннергейму, установленную на Шпалерной улице в Санкт-Петербурге, то подобного рода акты вандализма, конечно, нельзя оправдывать. Однако ответственным лицам, принимавшим решение об установлении этой доски, следовало продумать последствия своих действий. Может быть, имело смысл предварительно провести опрос общественного мнения в городе. Подавляющему большинству нынешних

жителей Петербурга личность Карла Густава Маннергейма, скорее всего, вообще неизвестна. У людей же более или менее сведущих имя маршала Финляндии ассоциируется в первую очередь не с генералом русской армии и героем русско-японской и Первой мировой войн, а с командующим войсками, воевавшими на стороне нацистской Германии и участвовавшими в блокаде Ленинграда. Отсюда и такая резкая, но вполне предсказуемая реакция на установление памятной доски. Создание культа Маннергейма в нашей стране по меньшей мере неуместно. Разумеется, граждане Финляндии вправе чтить своего маршала как героя финской национальной истории. Однако приписывать историческим деятелям заслуги, которые им не принадлежат, — занятие бессмысленное и бесперспективное.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Маннергейм 2003 — *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М.: Вагриус, 2003. 573 с.

Петроградский голос. 1918. 9 мая.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 4; Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 663.

Kesäkuun neljäs päivä 1942. Suomen Marsalkan, varaaherra С. G. Mannerheimin 75-vuotispäivän juhlallisuudet. Helsinki: Otava, 1942. 158 s.

Mannerheim 1951–1952 — *Mannerheim С. G. E.* Muistelmat. 1–2. Helsinki: Otava, 1951–1952. 544 s. 526 s.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барышников 2002 — *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб. — Хельсинки: Ин-т Юохана Бекмана, 2002. 300 с.

Барышников 2003 — *Барышников Н.И.* Подход Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2003. С. 175–182.

Барышников 2007 — *Барышников Н.И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2007. 175 с.

Вирмавирта, 1994 — *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1.

Власов 2003 — *Власов Л.В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб.: «Блиц», 2003. 138 с.

Власов 2005а — *Власов Л.В.* Маннергейм. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2005. 309 с.

Власов 2005б — *Власов Л.В.* Женщины в судьбе Маннергейма. СПб.: Фонд «Отечество», 2005. 222 с.

Власов 2005в — *Власов Л.В.* Маннергейм и Польша. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2005. 221 с.

Власов 2010 — *Власов Л.В.* Долгий путь финского маршала. СПб.: Европейский Дом, 2010. 183 с.

Дубровская 2000 — *Дубровская Е.Ю.* Жизнь русской колонии в Финляндии весной 1918 г. (по материалам русской язычной прессы) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб., 2000.

Иоффе 2005 — *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб.: журнал «Звезда», 2005. 366 с.

Ковальчук 2001 — *Ковальчук В.М.* Магистраль мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда 1941–1943. СПб.: Вести, 2001. 517 с.

Крюковских 1998 — *Крюковских А.П.* Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 147–163.

Маннергейм — российский офицер, маршал Финляндии 2005 — Маннергейм — российский офицер, маршал Финляндии. СПб.: Славия, 2005. 193 с.

Мери 1997 — *Мери В.* Маннергейм — маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.

Олейников 1999 — *Олейников Г. А.* Начало битвы за Ленинград. Первые оборонительные операции 7-й и 23-й армий на юге Карелии и на Карельском перешейке в 1941 г. // Клио. 1999. № 3 (9). С. 257–264.

Черняев 2018 — *Черняев В. Ю.* 150 лет Маннергейму // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 298–303.

Beranek 1942 — *Beranek A.* Mannerheim: Leben und Werk. Berlin: Luken & Luken, 1942. 232 S.

Ganzenmüller 2000 — *Ganzenmüller J.* „Die Stadt dem Erdboden gleichmachen...“. Zielsetzung und Motive der deutschen Blockade Leningrads // St. Petersburg — Petrograd — Leningrad — St. Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 2000. 350 S.

Heinrichs 1957 — *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. 1. Valkoinen kenraali. Helsinki: Otava, 1957. 410 s.

Heinrichs 1959 — *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. 2. Suomen marsalkka. Helsinki: Otava, 1959. 487 s.

Ignatius 1918 — *Ignatius H.* Gustaf Mannerheim. Helsingfors: Söderström & co, 1918. 114 s.

Jägerskiöld 1964 — *Jägerskiöld S.* Nuori Mannerheim. Helsinki: Otava, 1964. 407 s.

Jägerskiöld 1965 — *Jägerskiöld S.* Gustaf Mannerheim 1906–1917. Helsinki: Otava, 1965. 416 s.

Jägerskiöld 1967 — *Jägerskiöld S.* Gustaf Mannerheim 1918. Helsingfors: Schildt, 1967. 410 s.

Jägerskiöld 1969 — *Jägerskiöld S.* Riksföreståndaren: Gustaf Mannerheim 1919. Helsingfors: Schildt, 1969. 334 s.

Jägerskiöld 1973 — *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Helsinki: Otava, 1973. 397 s.

Jägerskiöld 1976 — *Jägerskiöld S.* Talvisodan ylipäällikkö. Helsinki: Otava, 1976. 389 s.

Jägerskiöld 1979 — *Jägerskiöld S.* Marskalcken av Finland: Gustaf Mannerheim, 1941–1944. Helsingfors: Schildt, 1979. 447 s.

Jägerskiöld 1982 — *Jägerskiöld S.* Viimeiset vuodet: Mannerheim, 1944–1951. Helsinki: Otava, 1982. 383 s.

Langer, Glenson 1953 — *Langer W. L., Glenson S. E.* The Undeclared War, 1940–1941. New York: Harper & Brothers, 1953. 394 p.

Manninen 1980 — *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivät. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa 1941. Helsinki: Kirjayhtymä, 1980. 328 s.

Mazour 1956 — *Mazour A. G.* Finland between East and West. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand co, 1956. 298 p.

Ojansuu 2005 — *Ojansuu P.* Kävikö Suomi ”erillissotaa” 1941–44? // Tiedonantaja. 18. maaliskuuta 2005.

Screen 1993 — *Screen J. E. O.* Mannerheim: the Years of Preparation. London: Hurst & co, 1993. 159 p.

Seppälä 1984 — *Seppälä H.* Suomi hyökkäjänä 1941. Porvoo — Helsinki: Söderström, 1984. 312 s.

Seppälä 1989 — *Seppälä H.* Suomi miehittäjänä 1941–1944. Porvoo — Helsinki: Söderström, 1989. 309 s.

Seppälä 2003 — *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto. Helsinki — Pietari: Johan Beckman inst., 2003. 315 s.

Vilkuna 1962 — *Vilkuna K.* Sanan valvonta. Sensuuri 1939–1944. Helsinki: Otava, 1962. 188 s.

Vlasov 1996 — *Vlasov L. V.* Mannerheim — Tsaarin kenraali. Helsinki: Gummerus, 1996. 186 s.

Vlasov 1997 — *Vlasov L. V.* Mannerheim — upseeri ja tutkimusmatkailija, 1904–1909. Helsinki: Gummerus, 1997. 110 s.

CARL GUSTAF MANNERHEIM: HERO OF THE RUSSIAN HISTORY?

Musaev Vadim I. — doctor of historical sciences, Professor of the Department of international relations of the Institute of international educational programs of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; leading researcher of the SPbIH RAS (St. Petersburg)

Key words: C. G. Mannerheim, Finland, Russia, Finnish Civil War, World War Two, Siege of Leningrad.

Abstract: The article deals with the significance of C. G. Mannerheim, former Russian general, commander-in-chief of the Finnish army in 1918 and between 1939 and 1944, Finnish regent in late 1918 and 1919 and president of the Finnish republic between 1944 and 1946, in the history of Russia and Finland and in relations between these two countries. Special attention is paid to the part played by Mannerheim in the events of the World War Two, first of all as the commander-in-chief during the period of participation of Finland in the war against the Soviet Union between 1941 and 1944, traditionally referred to in Finland as the “Continuation War” (Jatkosota). The point is in the first hand about participation of the Finnish troops in the siege of Leningrad. The article maintains that commemoration of Mannerheim as a hero of the Russian history is not quite appropriate.

REFERENCES

Baryshnikov N.I. *Blokada Leningrada i Finlyandia 1941–1944*. St. Petersburg — Helsinki: Institute of Johan Beckman, 2002. 300 p.

Baryshnikov N.I. *Podkhod Finlyandii k voprosu o sud'be Leningrada (1941 g.)*. Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy. Materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. St. Petersburg, 2003, pp. 175–182.

Baryshnikov N.I. *Pyat' mifov v voennoy istorii Finlyandii 1940–1944 gg.*. St. Petersburg: SZAGS publishers, 2007. 175 p.

Beranek A. *Mannerheim: Leben und Werk.* Berlin: Luken & Luken publishers, 1942. 232 p.

Chernyaev V.Yu. *150 let Mannerheimu. Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2018, № 1, pp. 298–303.

Dubrovskaya E. Yu. *Zhizn' russkoy kolonii v Finlyandii vesnoy 1918 g. (po materialam russkoyazychnoy pressy)*. Zarubezhnaya Rossia. 1917–1939 gg. *Sbornik statey*. St. Petersburg, 2000.

Ganzenmüller J. „Die Stadt dem Erdboden gleichmachen...“. *Zielsetzung und Motive der deutschen Blockade Leningrads*. St. Petersburg — Petrograd — Leningrad — St. Petersburg. *Eine Stadt im Spiegel der Zeit*. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst. publishers, 2000. 350 p.

Heinrichs E. *Mannerheim Suomen kohtaloissa*. 1. *Valkoimen kenraali*. Helsinki: Otava publishers, 1957. 410 p.; 2. *Suomen marsalkka*. Helsinki: Otava publishers, 1959. 487 p.

Ignatius H. *Gustaf Mannerheim*. Helsingfors: Söderström & co publishers, 1918. 114 p.

Ioffe E. *Liniä Mannerheima. Pis'ma i dokumenty. Täiny i otkrytia*. St. Petersburg: Magazine “Zvezda” publishers, 2005. 366 p.

Jägerskiöld S. *Nuori Mannerheim*. Helsinki: Otava publishers, 1964. 407 p.

Jägerskiöld S. *Gustaf Mannerheim 1906–1917*. Helsinki: Otava publishers, 1965. 416 p.

Jägerskiöld S. *Gustaf Mannerheim 1918*. Helsingfors: Schildt publishers, 1967. 410 p.

- Jägerskiöld S. *Riksföreståndaren: Gustaf Mannerheim 1919*. Helsingfors: Schildt publishers, 1969. 334 p.
- Jägerskiöld S. *Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939*. Helsinki: Otava publishers, 1973. 397 p.
- Jägerskiöld S. *Talvisodan ylipäällikkö*. Helsinki: Otava publishers, 1976. 389 p.
- Jägerskiöld S. *Marskalken av Finland: Gustaf Mannerheim, 1941–1944*. Helsingfors: Schildt publishers, 1979. 447 p.
- Jägerskiöld S. *Viimeiset vuodet: Mannerheim, 1944–1951*. Helsinki: Otava publishers, 1982. 383 p.
- Kesäkuun neljäs päivä 1942. Suomen Marsalkan, vapaaherra C.G. Mannerheimin 75-vuotispäivän juhlallisuudet*. Helsinki: Otava publishers, 1942. 158 p.
- Koval'chuk V.M. *Magistrali muzhestvo. Kommunikatsii blokirovannogo Leningrada 1941–1943*. St. Petersburg: Vesti publishers, 2001. 517 p.
- Kryukovskikh A.P. *Oborona Leningrada: sentyabr' sorok pervogo. Novy chasovoy*. 2000, № 6–7, pp. 147–163.
- Langer W.L., Glenson S.E. *The Undeclared War, 1940–1941*. New York: Harper & Brothers, 1953. 394 p.
- Mannerheim — rossiyskiy ofitser, marshal Finlyandii*. St. Petersburg: Slavia publishers, 2005. 193 p.
- Mannerheim C. G. E. *Muistelmat*. 1–2. Helsinki: Otava publishers, 1951–1952. 544 p. 526 p.
- Mannerheim C. G. *Memuary*. Moscow: Vagrus publishers, 2003. 573 p.
- Manninen O. *Suur-Suomen ääri-vuodet. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa 1941*. Helsinki: Kirjayhtymä, 1980. 328 s.
- Mazour A.G. *Finland between East and West*. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand co, 1956. 298 p.
- Meri V. *Mannerheim — marshal Finlyandii*. Moscow: Publishing house of the New Literary Review, 1997. 208 p.
- Ojansuu P. *Kävikö Suomi "erillissotaa" 1941–44? Tiedonantaja*. 18. maaliskuuta 2005.
- Oleinikov G. A. *Nachalo bitvy za Leningrad. Pervye oboronitel'nye operatsii 7-y i 23-y armiy na yuge Karelii i na Karel'skom perezheike v 1941 g.* Klio. 1999, № 3 (6), pp. 275–264.
- Screen J. E. O. *Mannerheim: the Years of Preparation*. London: Hurst & co, 1993. 159 p.
- Seppälä H. *Suomi hyökkäjänä 1941*. Porvoo — Helsinki: Söderström publishers, 1984. 312 p.
- Seppälä H. *Suomi miehittäjänä 1941–1944*. Porvoo — Helsinki: Söderström publishers, 1989. 309 p.
- Seppälä H. *Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto*. Helsinki — Pietari: Publishing house of Johan Beckman inst., 2003. 315 p.
- Vlasov L. V. *Mannerheim — Tsaarin kenraali*. Helsinki: Gummerus publishers, 1996. 186 p.
- Vlasov L. V. *Mannerheim — upseeri ja tutkimusmatkailija, 1904–1909*. Helsinki: Gummerus publishers, 1997. 110 p.
- Vlasov L. V. *Gustav Mannerheim v Peterburge*. St. Petersburg: "Blitz" publishers, 2003. 138 p.
- Vlasov L. V. *Mannerheim*. Moscow: Molo-daya gvardia publishers, 2005. 309 p.
23. Vlasov L. V. *Zhenshchiny v sud'be Mannergeima*. St. Petersburg: Publishing house of «Otechestvo» foundation, 2005. 222 p.
- Vlasov L. V. *Mannerheim i Pol'sha*. St. Petersburg: Publishing house of the Russian military encyclopedia, 2005. 221 p.
- Vlasov L. V. *Dolgiy put' finskogo marshala*. St. Petersburg: Publishing house of "Evropeiskiy Dom", 2010. 183 p.

А. А. Тесля

СОВРЕМЕННОСТЬ И НАРОД*

Рец.: Капустин Б. Рассуждения о «конце революции». М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 144 с. (Серия: «Библиотека журнала "Логос"»)

Ключевые слова: демократия, модерн, народ, политическая философия, революция, современность.

Аннотация. В рамках обсуждения тезиса о «конце революций» анализируются ключевые проблемы, связанные с понятием «народа» и пониманием «революции» как ключевой характеристики «современности» (modern'a). DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-299-303

Эссе Бориса Капустина фактически делится на две части. Первая посвящена значению и смыслу «революции» для режима «современности» (modern), вторая — анализу аргументов, приводимых в обоснование тезиса о «конце революции». Хотя порядок изложения в самой книге идет от первого ко второму, нам представляется лучшим в рамках разбора текста воспользоваться обратным, а именно — начать с критики автором аргументов о «конце революции», чтобы в дальнейшем

вернуться к его рассуждению о «современности».

Исходная проблематика работы определяется широтой распространения тезиса о «конце революции», невозможности «[подлинной] революции» в нынешней реальности — при этом, как отмечает Капустин, у авторов, с той или иной степенью условности относимых к «левым» (или, скорее, к «левой традиции» политической мысли), этот тезис обычно звучит гораздо более радикально,

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

* Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

чем у «консерваторов», которые склонны делать оговорки, обозначающие скорее снижение вероятности, относительную деактуализацию «революции» для текущего состояния мира, нежели полное ее исключение из картины возможного. Используя в качестве рабочего определение «социальной революции», данное Тедой Скочпол (1979, рус. перевод: Скочпол 2017: 25), — «быстрые фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе», — автор сводит аргументы о «конце революций» к шести:

(1) *дисбаланс сил* — между революционерами и государственной властью, настолько сместившийся в пользу последней, что у первых нет никаких шансов силовым образом овладеть властью;

(2) *разочарованность* в революции как не только не дающей избавления от страданий, но зачастую оборачивающейся еще худшим положением вещей, чем то, что послужило ей обоснованием как «нестерпимое»;

(3) если рассматривать революции как «усилие *модернизации*», способ «вхождения в современность», то поскольку это вхождение уже осуществлено, революции оказываются достоянием прошлого. Этот аргумент тесно связан с

(4) аргументом о *глобализации*, согласно которому мир теперь настолько связан и един, что образует «единое историческое время», т. е. во всех сколько-нибудь значимых частях мира действует единый режим темпоральности;

(5) *международная система отношений* теперь устроена на принципах солидарности между основными участниками — противоречия между ними не доходят до того, чтобы пытаться подорвать политические системы друг друга;

(6) а что касается *демократии*, то она оказывается могильщиком революций — как за счет создания форм и возможностей «участия», так и путем блокировки актуализации «народа» за счет «электората», «групп», «множеств» и т. д.

Мы не будем входить в подробный критический анализ разбора и критики автором приведенных аргументов (с. 60–135), тем более что большая часть критических замечаний нам представляются истинными. Однако значительную часть силы этих замечаний отнимает сделанное самим автором замечание, приведенное в конце анализа им аргумента «о разочаровании в революции». Разбирая этот аргумент как придающий избыточное значение настроениям и фокусирующийся на позиции (бывших) «критических интеллектуалов», переоценивающий их роль¹, в итоге автор пишет:

¹ Что вполне естественно, поскольку производителями этих суждений являются в свою очередь интеллектуалы — для большинства которых рациональным поведением будет повышение значимости своих суждений и своей социальной роли, что дает возможность немногим другим из их числа сыграть на контрпозиции, интерес и ценность которой обуславливается успешностью производства исходной позиции.

«Неустранимость господина означает, несомненно, невозможность “окончательной” революции, завершения истории, невозможность “социальных эволюций”, навсегда освободившихся от пертурбаций “политических революций” и т. д. Но почему все это тождественно невозможности самих революций или же их деградаций в одни “видимости”? Разве не стоит ответить на все утверждения о неустранимости господина единственно верной в данном случае бодрой наивностью: “Ну и что? Почему нам не следует выкинуть несколько самых отъявленных негодяев, если мы не можем выкинуть их всех разом и окончательно? Почему вы называете революцию, добившуюся такого результата, “видимостью”? “Видимость” она или нет — судить не вам, разочарованным интеллектуалам, а только нам, тем, кто вкладывает в революцию душу, кто практикует ее, когда она превращает в нечто новое и большее, чем мы были до того, — в тех, кто “делает историю”» (с. 81–82).

«Бодрая наивность» данного пассажа оказывается проблематична двояко — во-первых, непонятно, кто те, от лица которых ведется речь, ведь, это уже во-вторых, сами «наивные» оказываются уже недостаточно наивны, чтобы верить в возможность «окончательной» революции, они оказываются включены в тот же режим «компромисса», довольствуясь результатом в виде нескольких «выкинутых негодяев». И если так, то, видимо, здесь же надо искать и ответ на вопрос — почему даже этот «наивный» персонаж оказывается разочарованным в революции, ведь его ответ больше похож на заклинание,

на создание уверенности в возможности принадлежать к «делающим историю», а отнюдь не на производство самого действия.

И здесь мы выходим на другую, тесно связанную, как увидим в дальнейшем, с разочарованными интеллектуалами, проблему — демократии, выступающей в роли «губителя революций». «Демократия», в современном истолковании (после Шумпетера) означающая власть процедуры, предполагает неинструментальные основания этого порядка — в итоге отсылая к первичному значению, как власти *demos*'а, затем переистолкованного Полибием и латинской традицией в качестве синонимичного *populus*'у, т.е. «народу». Здесь Капустин обращается к Лефору, напоминая, что тот «определял демократию как “движение, направленное на актуализацию образа народа”, но это движение, которому “препятствует отсылка к власти как к пустому месту, а также опыт социальных разделений”. “Движение” и “пустое место” являются ключевыми моментами этой формулировки. Первое означает то, что демократия может функционировать, лишь постоянно вызывая образ народа, “интерпеллируя” (по-альтюссеровски) его политическую субъектность. Второе означает то, что вызываемый народ остается “призраком”, что его субъектность не материализуется в чем-либо социологически описываемом (то, что описывается таким образом, остается ансамблем групп, образованных социальными делениями). Соответственно, народ-“призрак” не может занять пустующее место власти. Это место временно и условно занимают “его” представители, действующие

в логике демократии как режима контроля и управления именно потому, что они никоим образом не могут представлять отсутствующий народ, представляя в лучшем случае какие-то социологические группы (а в худшем — самих себя). Но все это они могут делать, лишь постоянно взывая/“интерпеллируя” народ» (с. 132–133).

Собственно, для революций в том смысле, в каком ведет речь автор, необходимо явление «народа» (с. 68–69) — чтобы некие группы были опознаны в таковом качестве, чтобы их действия оказались действиями «народа», а иные, противостоящие им, оказались частными, идентифицируемыми именно как действия групп и лиц, совершаемые не только в качестве своих собственных, но и, в предельном случае, противостоящие «народу». Но «агрегирование требований низов, их <...> “систематизация” посредством установления того, что Эрнесто Лаклау называет “цепочками эквивалентностей”, их гегемонная кристаллизация и репрезентация, создающая конструкт “народа”» (с. 76–77, прим. 10), осуществляются интеллектуалами — а ведь выше мы уже видели, что, даже описывая «бодрую наивность», автор не может исключить историчности/рефлексивности, сообщающей, что всякая революция обречена на то, чтобы в итоге в лучшем случае «выкинуть несколько самых отъявленных негодяев», т.е. пожрать собственных детей, а попутно еще многих не причастных.

Вопрос, который ставит автор в самом начале, — о пересмотре теории, о продолжении начатого, в частно-

сти, Вальтером Беньямином усилия мыслить революцию вне перспективы прогресса, заменив ее на актуализацию (с. 19), — ведет к другому вопросу: можно ли вообще мыслить революцию вне линейного, направленного времени, вне связи с прогрессом? Возвращаясь к основной проблематике своей первой работы (*Капустин* 1998), автор напоминает, во-первых, что «вся темпоральная организация Современности зависит от наличия “открытого будущего”, которое — в его отличии от пролонгированного в будущее настоящего — и обеспечивается возможностями революционных разрывов “хода истории”» (с. 36–37), и что, следовательно, во-вторых, «Современность не только начинается с революций, но является революционной по своему существу и перестает быть Современностью в той мере и постольку, в какой и поскольку это существо утрачивается» (с. 37). Сама логика капитализма, напоминает автор тезис Шумпетера, введенный в работе последнего о «предпринимательстве» (1911; рус. пер.: *Шумпетер* 1982), является революционной — и язык современного маркетинга об этом, кстати сказать, постоянно напоминает (по мере того, как соответствующее понятие если и сохраняется в языке политиков, то преимущественно как обозначение предельной угрозы).

Из этого следуют по меньшей мере два фундаментальных сюжета. Во-первых, если мы действительно говорим о «конце революции», то тем самым изменяется сам темпоральный режим — «современность» (modern), построенная на «открытом будущем», замещается «презен-

тизмом», «вечным настоящим» (о чем, собственно, размышления Гегеля, позже Кожева — в популярной версии знакомые по статье и книге Фукуямы). Во-вторых, если «современность» остается нашим режимом темпоральности — то тогда возникает вопрос: как возможно явление «народа» в современных условиях, какие ресурсы и инструменты для его сборки наличествуют и в какой степени «демократия» в первом значении, отсылающая к *demos*'у/*populus*'у, окажется способной отменить режим, называемый «демократическим» в современном расхожем политическом языке?

MODERNITY AND PEOPLE

Rev.: Kapustin B. *Rassuzhdeniia o "kontse revoliutsii"*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2019. 144 p. (Serii: Biblioteka zhurnala "Logos")

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: democracy, modern, people, political philosophy, revolution, modernity.

Abstract. In the framework of the discussion of the thesis about the “end of revolutions”, the key problems associated with the concept of “people” and the understanding of “revolution” as a key characteristic of “modernity” are analyzed.

REFERENCES

Kapustin B. *Sovremennost' kak predmet politicheskoi teorii*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 1998.

Shumpeter I. *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia: issledovanie predprinimatel'skoi*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Капустин 1998 — *Капустин Б.* Современность как предмет политической теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.

Скочпол 2017 — *Скочпол Т.* Государства и социальные революции / пер. с англ. С. Моисеева; науч. ред. перевода Д. Карасев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017 [1979].

Шумпетер 1982 — *Шумпетер Й.* Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко. М.: Прогресс, 1982.

pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'iunktury, per. s nem. V.S. Avtonomova, M.S. Liubskogo, A.Iu. Chepurenko. Moscow: Progress, 1982.

Skochpol T. *Gosudarstva i sotsial'nye revoliutsii*, per. s angl. S. Moiseeva; nauch. red. perevoda D. Karasev. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2017 [1979].

Н. П. Таньшина

САГА О БОНАПАРТАХ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ ПЬЕРА БРАНДА*

Рец.: *Branda P.* La saga des Bonapartes. Du XVIIIe siècle à nos jours. Paris: Perrin, 2018. 480 p.

Ключевые слова: Пьер Бранда, историография, Наполеон Бонапарт, Бонапарты, история Франции, историческая память.

Аннотация. Рецензия посвящена анализу книги известного французского историка, специалиста по истории Консульства и Первой империи Пьера Бранда «Сага о Бонапартах». Как справедливо отмечает Пьер Бранда, было бы абсурдным оспаривать центральную роль Наполеона, однако интересоваться только им и изолировать Наполеона от его семьи было бы столь же неправильным. Судьбы одних персонажей книги весьма изучены и хорошо известны читателю; биографии других представителей клана, особенно из XX–XXI вв., известны гораздо меньше. Однако и герои, казалось бы, весьма исследованные в историографии, предстают на страницах этой книги, если можно так выразиться, в обновленном виде. Автор книги воссоздал целую галерею образов Бонапартов, включая Карла Буонапарте, двух императоров: Наполеона I и Наполеона III и их сыновей, братьев и сестер Наполеона I, его племянницы Матильды и племянника по прозвищу Плон-Плон, представителей рода, современников XX в., а также нынешнего главу императорского дома, принца Шарля-Кристофа Бонапарта.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-304-312

Короля делает свита. На первый взгляд это утверждение едва ли корректно по отношению к Наполеону

Бонапарту, ведь он сам себя сделал. Но его невозможно понять без его семьи, без ближнего круга, без зна-

© Н. П. Таньшина, 2020

Таньшина Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); horoshovo@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственно-го задания РАНХиГС

чимых других. А такими людьми для него всегда была его многочисленная семья, его клан. И если о самом Наполеоне, как подсчитал известный французский историк-наполеоновед Жан Тюлар, работы появляются каждый день, то книги о семье Наполеона весьма редки, если не учитывать работы об отдельных представителях рода. Поэтому книга известного французского историка, крупного специалиста по эпохе Консульства и Первой империи, сотрудника «Фонда Наполеона» Пьера Бранда² «Сага о Бонапартах», вышедшая в парижском издательстве «Perrin» в 2018 г., является весьма важной и актуальной.

По словам самого историка, тот интерес, который всегда существовал и существует к самому знаменитому из рода Бонапартов, в некоторой степени заглушевывал интерес к остальным представителям рода. Бонапарты, по его словам, владеют особенным тотемом — Наполеоном, по сравнению с которым все другие члены клана кажутся лилипутами. Когда историк Фредерик Массон (1847–1923) написал историю восьми первых Бонапартов, он назвал свою монументальную серию из 13 томов «Наполеон и его семья». Т. е. Он и остальные в целом. По весьма остроумному замечанию Пьера Бранда, на манер Уолта Диснея работа мэтра могла бы быть озаглавлена следующим образом: «Наполеон и семь гномов» — такими мелкими родственники Наполеона казались в этой работе, равно как и в других трудах (р. 15).

Как справедливо отмечает Пьер Бранда, было бы абсурдным опас-

ривать центральную роль Наполеона, однако интересоваться только им было бы столь же неправильно. «Какой была бы история, если бы она рассматривалась исключительно сквозь призму одного персонажа, неважно, сколь значимого?» По словам историка, «изолировать Наполеона от его семьи было бы заблуждением, без нее его бы не существовало. Как и семья, очевидно, без него не поднялась бы столь высоко». Столь же ошибочно, продолжает Пьер Бранда, было бы противопоставлять Бонапартов друг другу, поскольку они были единым целым. При этом всем им пришлось приложить немало усилий, чтобы засиять рядом с звездой Наполеона. Каждый это делал в своей манере, со своим оружием и своими возможностями. Некоторые, по его словам, совершили значительный рост, дабы не оставаться в тени победителя Аустерлица. «Рискуя, они держали пари, иногда были близки к победе, иногда тотально проигрывали, но это не главное. Ведь эту борьбу, они становились если не более величественными, то более уважаемыми» (р. 15–16).

На страницах этой книги читатель познакомится с целой плеядой государей и не только: «два императора, три короля, королева, два принца, прекрасная муза, один Орленок страдающий, другой — погибший на поле боя, подруга поэтов, знаменитая невротичка, удивительный американский госсекретарь, герой Сопrotивления и, наконец, депутат Старого порядка», — так Пьер Бранда представляет своих героев (р. 16). При этом сага Бонапартов не только

² См. основные работы П. Бранда: (Branda 2007; 2011; 2014; 2015; 2016).

французская, она еще и итальянская, немецкая, голландская, английская, испанская, русская и даже американская.

Судьбы одних персонажей книги весьма изучены и хорошо известны читателю; биографии других представителей клана, особенно из XX–XXI вв., известны гораздо меньше. Да и герои, казалось бы, весьма исследованные в историографии, предстают на страницах этой книги, если можно так выразиться, в обновленном виде. Об этом говорят уже сами названия глав, которых в этой книге шестнадцать, не считая пролога и эпилога. Т. е. перед нами настоящая сага, эпопея, порой — драма, и названия — предельно лаконичные, но при этом образные и явно нестандартные. Например, Наполеон III фигурирует в книге вовсе не как император французов, а как «бонапартист»; его сын, погибший в Южной Африке, — как «Наполеон IV, последний император»; дочь Жерома, принцесса Матильда — «откровенная»; Полина — «танцующая»; сын Наполеона, Орленок — «Луи, страдающий»; Жозеф — «осторожный»; Люсьен — «эфемерный». Сам Наполеон значится как «тотем». Т. е. перед нами — слова-маркеры, раскрывающие, причем очень тонко, суть персонажа.

Как говорил Жан Тюлар, историк не может любить своих героев, иначе он не специалист. Конечно, исследователь должен быть объективным и беспристрастным, а любовь многое прощает. Но, на мой взгляд, историк может сопереживать своим героям, при этом стремясь к объективности восприятия и анализа. Пьер Бранда не идеализирует своих героев, он их,

действительно, стремится понять, со всеми их сложностями и противоречиями, подчеркивая, что «совершаемые ими ошибки делают их более человечными, а их парадоксальность — более сложными, порой даже трогательными» (р. 17).

В целом, по словам Пьера Бранда, династия Бонапартов представляет собой исключительный случай в истории монархических семей. В XIX в. они были везде, причем не только во Франции, но и по всей Европе. «Какая еще семья может похвастаться этим? — задается вопросом историк. — Конечно, династии Романовых, Габсбургов и Виндзоров имели выдающихся представителей, но Бонапарты — это особый случай» (р. 16). Они совершенно внезапно, вдруг, возникли на сцене большой истории; их власть была основана, прежде всего, на военной славе, отсюда и отношение к ним как к авантюристам, отсюда и оспаривание их легитимности и взгляд на них как на парвеню. Тем не менее, по словам историка, когда они были у власти, то вели себя как настоящие монархи (р. 17).

Более того, по словам автора книги, не только их взлеты, но и их падения — головокружительны. Даже после поражений им удавалось сохранить чувство величия, что вызывало уважение к их персонам. Поэтому, несмотря на все сложности, Бонапарты смогли войти в семью европейских династий, пусть, может быть, в XX в. эти связи были не столь явными (р. 17).

Перед читателем предстает галерея не просто государственных и об-

щественных деятелей. Бонапарты в описании Пьера Бранда — это, прежде всего, люди, с их достоинствами и недостатками, страстями и пороками, сильными и слабыми сторонами. «Государи и авантюристы, щедрые и скупцы, влюбленные и интригующие, расчетливые и страстные, величественные и смешные, очаровательные и вульгарные, трагические и патетические, наши Бонапарты являются замечательными персонажами, будто бы сошедшими со страниц романов Бальзака или Дюма» (р. 17). По словам историка, в них есть что-то от Растиньяка. Как и герой «Человеческой комедии», они были очень амбициозны, и амбиции увлекали их очень далеко, порой даже слишком. В них есть что-то и от Эдмона Дантеса, особенно у второго поколения Бонапартов, тех, что родились в изгнании, были изгоями и жаждали реванша (р. 17).

Какова источниковая и историографическая база этой работы? Работа носит научно-популярный характер. Автор использует опубликованные источники, как хорошо известные, так и вводимые в научный оборот в дополненном виде (речь идет, прежде всего, о полной переписке Наполеона Бонапарта, опубликованной «Фондом Наполеона» во главе с его директором, известным историком Тьерри Ленцем), а также новейшие исторические исследования. По словам Пьера Бранда, он «сражается против ложных представлений или мифов, которые со временем стали восприниматься, как истина» (р. 16). Это очень справедливое высказывание, ведь наполеоновская легенда и миф начали твориться самим Наполеоном, ветеранами Великой

армии, писателями и поэтами-романтиками, и со временем стало сложно отделить реальный персонаж от мифологического и легендарного. По словам историка, с Бонапартами литература и история переплетаются, и на страницах этой книги автор многократно проводит параллели с художественными персонажами и образами.

Кроме того, источниками, по словам Пьера Бранда, вполне могут являться и дела Бонапартов, т. е. непосредственные результаты их деятельности. Их следам, отмечает историк, легко следовать: повсюду, где они ступали, они оставили обширное наследие. За время правления двух Наполеонов Франция претерпела существенную трансформацию, и, как пишет Пьер Бранда, «объемного словаря едва ли хватит для того, чтобы рассказать обо всех их свершениях». Они были не только создателями, но еще и активными меценатами. Это Матильда Бонапарт, которую называли «Богородицей искусств»; это две сестры Наполеона Бонапарта, Элиза и Полина, прославившие свои имена в Италии, в Карраре и Помпеях. В Германии хранят память о реформах короля Жерома, а в Голландии — о преобразованиях Луи. И если в Испании с Жозефом все сложнее, то в Неаполе его вспоминают с благодарностью. В Австрии, в Шенбруннском дворце, туристы посещают комнату Орленка, где угасла его жизнь, а в Южной Африке — мемориал, посвященный имперскому принцу, сыну Наполеона III. И даже на американском континенте память о Бонапартах жива. Например, молодожены, приезжающие на Ниагарский водопад,

вероятно, и не знают, что зачинателями этой традиции были Жером и его американская супруга (р. 18).

В рамках краткой рецензии вряд ли возможно остановиться на биографиях всех персонажей, населяющих эту книгу. Да и, наверное, этого делать не нужно, ведь жизненные перипетии героев порой настолько увлекательны, что читатель сам захочет их изучить, да и раскрывать все тайны тоже не следует. Остановимся только на некоторых из них.

Например, автор позитивно оценивает деятельность императора Наполеона III, отношение к которому в исторической науке только в последнее время начало меняться. Пьер Бранда справедливо отмечает, что с тех пор, как Виктор Гюго охарактеризовал его как «Наполеона малого», этот эпитет из литературы переключался не только в массовое, но и в историческое сознание. По словам историка, как и его дядя, Луи-Наполеон знал часы славы и поражения. В момент своего апогея, как и Наполеон, он превратил Париж в столицу Европы, правда, при совсем иных обстоятельствах, чем Наполеон I. Со времени Крымской войны французское влияние было преобладающим в Европе. Анализируя деятельность Наполеона III, автор пишет больше не о войне, а о мире, в частности, о Всемирной выставке 1867 г. (р. 298), но справедливо отмечает, что именно поражение во франко-германской войне стало причиной того, что Наполеон III не покрыл свое имя посмертной славой. Однако, как пишет Пьер Бранда, «как вся Первая империя не может быть сведена к Ватерлоо, так и Седан не должен заслонить двадцать лет прогресса,

достигнутого Францией благодаря этому удивительному человеку». На похороны Наполеона III пришло 60 тыс. человек. По словам историка, ни один французский император не удостоивался такой чести (р. 328). Исключением является разве что возвращение праха Наполеона I, когда на церемонии 15 декабря 1840 г. присутствовал весь Париж.

Еще будучи принцем, Луи-Наполеон мог жениться на своей кузине, дочери короля Жерома, принцессе Матильде (1820–1904), и тогда Матильда могла бы стать французской императрицей. Равным образом она могла бы стать и русской государыней: отец Матильды после несостоявшейся помолвки с Луи-Наполеоном искал русского брака. И когда цесаревич Александр, сын Николая I, путешествуя по Европе в 1838 г., оказался во Флоренции, Жером ухватился за эту идею, быстро забыв, как пишет Пьер Бранда, что именно этой династии Европа обязана свержением Наполеона. Жером даже поспешил показать цесаревичу свой личный кабинет с коллекцией реликвий со Святой Елены. После этого краткого визита цесаревич показал себя расположенным в пользу этого брака, однако условия оказались невыполнимыми для французской стороны: Матильда должна была принять православие и согласиться жить в России. По словам историка, будь Матильда более уступчивой, все могло бы сложиться иначе (р. 335–336). Однако Матильду ждал другой брак, с русским меценатом и миллионером Анатодем Демидовым.

Семейная жизнь с Демидовым, правда, не задалась, и брак распался,

но Матильда сама вошла в историю как меценат. Пьер Бранда с явной симпатией описывает принцессу Матильду, прежде всего, ее деятельность как покровительницы искусств (сама Матильда была превосходной художницей).

Салон принцессы Матильды был одним из самых популярных во Франции в годы Второй империи. Она принимала с необыкновенной пунктуальностью, ужин начинался ровно в 19:30, и даже если принцесса всегда встречала гостей с «предельным радушием», не следовало к ней опаздывать. Однажды Альфред де Мюссе задержался на целый час, и на этом его визиты к принцессе окончились. По словам Пьера Бранда, чтобы лучше понять Матильду, надо перечитать работы братьев Гонкуров, Сент-Бёва и Марселя Пруста (р. 329).

Не менее яркой была судьба брата принцессы Матильды, Наполеона Жозефа Шарля Поля Бонапарта (1822–1891), по прозвищу Плон-Плон (считается, что это прозвище происходит от произношения им имени «Наполеон» в детстве). В 1848 г. Луи-Наполеон, ставший президентом, назначил Плон-Плона полномочным министром в Испании. Он участвовал в Крымской войне, был губернатором Алжира и командиром корпуса во французской Итальянской армии в 1859 г.

А внук Жерома Бонапарта, Чарльз Джозеф Бонапарт (1851–1921), Шарли, или Чарли, как его именует Пьер Бранда, стал военно-морским министром и генеральным прокурором США при президенте Теодоре

Рузвельте. В 1908 г. именно он учредил Бюро расследований, в 1935 г. переименованное в Федеральное бюро расследований. Противник технологий, он отказался от электричества и телеграфных линий в своем доме в Балтиморе и предпочитал конную упряжку автомобилю. По словам Пьера Бранда, Чарли был не только последним Бонапартом-министром, но последним из рода Бонапартов, повлиявших на ход истории, имея в виду созданием ФБР.

С фамилией Бонапартов было связано становление психоанализа во Франции. Речь идет о правнучке Люсьена, Мари Бонапарт (1882–1962). Писательница, переводчица, она была ученицей и подругой Зигмунда Фрейда, и именно она в 1938 г. вырвала основателя психоанализа из когтей нацистов: благодаря ее личным усилиям, связям с американским послом и огромному по тем временам финансовому вкладу почти в 5 тыс. долларов Фрейд смог эмигрировать в Англию.

А дедом нынешнего главы дома Бонапартов, Жана-Кристофа, был принц Луи (1914–1997), Наполеон VI, фигурирующий в книге как «Луи, голлист». Он родился в Бельгии, детство провел в Англии, где его воспитывала императрица Евгения, вдова Наполеона III. С началом Второй мировой войны он обратился с письмом к премьер-министру Э. Деладье, в котором выразил свое желание служить во французской армии. Его предложение было отклонено, и тогда он под псевдонимом Луи Бланшар присоединился к Французскому иностранному легиону, а затем вступил в ряды Сопротивления, был арестован,

освобожден и снова продолжил борьбу. В 1950 г., когда закон об изгнании всех членов королевских и императорской семьи был отменен, он со своей семьей вернулся из Швейцарии во Францию, где стал успешным. Вместе с президентом Шарлем де Голлем он готовил праздничные мероприятия, посвященные столетию Наполеона. Но в 1969 г. де Голль ушел в отставку, и юбилейные торжества пришлось уже на президентство Жоржа Помпиду. И именно принц Луи встречал в аэропорту Аяччо президента Помпиду и Мишеля Дебре. То, что первым человеком, которого президент приветствовал в Аяччо, стал принц Луи, Пьер Бранда считает очень символичным: «На самом высоком уровне государство тогда гордилось своей историей!» Историк с сожалением констатирует разницу между 1969 г. и 2005-м, началом празднований юбилея Первой империи: «Какая разница по сравнению с 2015 годом, когда Жак Ширак, называя себя наследником Помпиду, отказался достойно праздновать победу Аустерлица!» (р. 455). Как известно, президент Ширак практически свернул все официальные мероприятия³.

Принц Луи, которого Пьер Бранда именует «великим Бонапартом», в 1970-е гг. вел переговоры с властями о передаче государству наполеоновского наследия. В 1978 г. принц передал Национальным архивам Франции коллекцию семейных бумаг, и в целом, по словам историка, благодаря этому человеку история его семьи вновь с блеском возвратилась в национальную историю.

В своем завещании принц Луи передал трон своему внуку, Жану-Кристофу. Нынешнему главе императорского дома, прямому потомку Жерома Бонапарта, посвящен эпилог книги Пьера Бранда. Если официальные французские власти в 2015 г. не присутствовали на реконструкции битвы при Ватерлоо под предлогом, что они не празднуют поражения, то Жан-Кристоф произнес там речь о мире и примирении. В то время когда Пьер Бранда писал свою книгу, принц оканчивал учебу в престижном Гарварде и делал свои первые шаги в мире финансов. Добавлю уже от себя, что в августе 2019 г. Жан-Кристоф присутствовал на мероприятиях, посвященных 250-летию со дня рождения Наполеона Бонапарта. Высокий (198 см) элегантный красавец Жан-Кристоф держался очень демократично и доброжелательно и был объектом всеобщего внимания в родном городе Наполеона Бонапарта.

Т.е. история рода Бонапартов продолжается, как и их сага. И эта сага блестяще представлена на страницах книги Пьера Бранда. Книга читается как настоящий роман, причем читать его можно, как «Хазарский словарь» Милорада Павича, с абсолютной любого очерка, в любой последовательности. «Какой роман — моя жизнь», — эти слова «тотема», Наполеона Бонапарта, вполне применимы к жизни каждого из героев этой книги. И было бы замечательно, если бы книга Пьера Бранда «Сага о Бонапартах» была переведена на русский язык.

³ О Наполеоне в исторической памяти смотри: (Hazareesingh 2008; Demougin 2005; Pagé 2013; Kern 2016; Jospin 2014; Mauduit 2015; Тяньшина 2019).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Таньшина 2019 — *Таньшина Н.П.* Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 146–166.

Branda 2007 — *Branda P.* Le prix de la gloire: Napoléon et l'argent. P., 2007.

Branda 2011 — *Branda P.* Napoléon et ses hommes: la Maison de l'Empereur, 1804–1815, P., 2011.

Branda 2014 — *Branda P.* Les secrets de Napoléon. P., 2014.

Branda 2015 — *Branda P.* L'Île d'Elbe et le retour de Napoleon: 1814–1815. P., 2015.

Branda 2016 — *Branda P.* Joséphine: le paradoxe du cygnet. P., 2016.

Hazareesingh 2008 — *Hazareesingh S.* La légende de Napoléon. P., 2008.

Demougin 2005 — *Demougin J.* Napoléon, la légende. P., 2005.

Pagé 2016 — *Pagé S.* Le mythe napoléonien. P., 2013.

Kern E. Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire. P., 2016.

Jospin 2014 — *Jospin L.* Le Mal napoléonien. P., 2014.

Mauduit 2015 — *Mauduit X.* L'homme qui voulait tout. Napoléon, faste et propagande. P., 2015.

THE SAGA ABOUT THE BONAPARTES: REFLECTIONS ON PIERRE BRANDA'S BOOK

Rev.: Branda P. La saga des Bonapartes. Du XVIIIe siècle à nos jours. Paris: Perrin, 2018. 480 p.

Tanshina Nataliya P. — Dr. Hab. (History) professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: Pierre Branda, historiography, Napoleon Bonaparte, Bonapartes, the history of France, historical memory.

Abstract. The review is devoted to the analysis of the famous French historian's book "the Saga about the Bonapartes". The author, Pierre Branda, a specialist in the history of the Consulate and the First Empire, rightly points out that it would be absurd to dispute Napoleon's central role, but to be interested only in him and to isolate Napoleon from his family would be equally wrong. The fates of some of the characters in the book are highly researched and well known to a reader; but the biographies of other members of the clan, especially of the XX–XXI centuries, are much less known. However, the characters, seemingly very researched in historiography, appear on the pages of this book, so to speak, in an updated form. The author of the book recreated a gallery of images of Bonapartes, including Charles Buonaparte, two emperors (Napoleon I and Napoleon III) and their sons, the brothers and sisters of Napoleon I, his niece Matilda and nephew nicknamed Plon-Plon, the representatives of the family, contemporaries of the twentieth century, as well as the current head of the Imperial house, Prince Charles-Christophe Bonaparte.

REFERENCES

- Branda P. *Le prix de la gloire: Napoléon et l'argent*. Paris: Perrin, 2007.
- Branda P. *Napoléon et ses hommes: la Maison de l'Empereur, 1804–1815*. Paris: Fayard, 2011.
- Branda P. *Les secrets de Napoléon*. Paris: Librairie Vuibert, 2014.
- Branda P. *L'Île d'Elbe et le retour de Napoléon: 1814–1815*. Paris: Sotéca, 2015.
- Branda P. *Joséphine: le paradoxe du cygnet*. Paris: Perrin, 2016.
- Hazareesingh S. *La légende de Napoléon*. Paris: Seuil, 2008.
- Demougin J. *Napoléon, la légende*. Paris: Trésor du patrimoine, 2005.
- Pagé S. *Le mythe napoléonien*. Paris: CNRS éd, 2013.
- Kern E. *Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire*. Paris: Sotéca, 2016.
- Jospin L. *Le Mal napoléonien*. Paris: и Éd. du Seuil, 2014.
- Mauduit X. *L'homme qui voulait tout. Napoléon, faste et propagande*. Paris: Éditions Autrement, 2015.
- Tan'shina N. P. Napoleon Bonapart v istoricheskoi pamiati: mezhdu mifom, brendom i legendoi, *Novaia i noveishaia istoriia*, 2019, no. 3, pp. 146–166.

А. А. Тесля

О ФРАНСУА ГИЗО КАК ПОЛИТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФЕ*

Рец.: *Матвеев С. Р.* Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 232 с.

Ключевые слова: политическая философия, порядок, революция, свобода.

Аннотация. Анализируется интерпретация политической философии Франсуа Гизо 1810–1840-х гг., данная в монографии С. Р. Матвеева.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-313-316

Монография Сергея Матвеева, в основу которой положена его диссертация на соискание степени кандидата философских наук (*Матвеев 2014*), — первое отечественное исследование, целиком посвященное политической философии Франсуа Гизо. Как отмечает сам автор, в историографии возникла довольно специфическая ситуация — если для западных исследователей фигура Гизо как историка и политического мыслителя оказалась на долгое время, вплоть до 1980-х гг., на периферии интереса, то в отечественной науке, благодаря значению Гизо и других историков эпохи Реставрации для формирования марксистской классовой теории, а также благодаря напряженному вниманию «осново-

положников» к французской политике и социальным реалиям 1830–1850-х гг., Гизо вызывал достаточно устойчивый интерес. В частности, его воззрениям посвящены весьма содержательные разделы в хорошо известных монографиях М. А. Алпатовова (*Алпатов 1949*) и Б. Г. Реизова (*Реизов 1956*).

Но если преобладающий взгляд на философско-политические воззрения Гизо заключается в трактовке последних как по существу оппортунистических, призванных оправдать текущую политическую позицию, то Матвеев исходит из тезиса, что, вопреки вполне понятным политическим маневрам его персонажа, в основе его философских и исторических

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

* Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

воззрений лежит достаточно целостная система представлений, описываемая в первую очередь через систему ключевых понятий, к каковым относятся: свобода, цивилизация, провидение, средний класс, суверенитет, деспотизм и анархия.

Понятие «свободы» оказывается тесно связано с понятием «цивилизации», поскольку «цивилизация (или прогресс) невозможна без двух компонентов: усовершенствование общества и развитие личности» (с. 167), «свобода» же «имеет у Гизо два противоположных значения <...>. Первое <...> связано с социальным (актуальным) подходом к проблеме, второе — с нравственно-индивидуальным» (с. 145): два значения оказываются примиренными в развитии цивилизации, и тем самым история оказывается (в чем заметно влияние на Гизо немецкой философии, сильное в его молодые годы) историей свободы.

Историософия Гизо, в интерпретации Матвеева, идеологична в том смысле, что включает актуальное политическое видение — завершение революции и одновременно завершение классовой борьбы, составлявшей содержание предшествующей истории: быть верным революции теперь как раз означает занять умеренную позицию, поскольку революция снимает противостояние «франков» и «галлов», образует единую нацию/народ. Врагом для Гизо оказывается всякий радикализм — слева или справа, революционный или реакционный, поскольку он делает ставку на тотальную победу, и поскольку она невозможна, делает конфликт постоянным, вслед за победой одной из сторон обещающая реванш другой. Отказ от ре-

ванша, от надежды на тотальное преобладание — это и урок истории, и практическая программа, которую будет пытаться воплотить Гизо в своей политической деятельности с 1820-х и вплоть до февраля 1848 г., когда закончится его политическая карьера.

К сожалению, приходится посетовать на недостаточную редактуру текста, в котором встречаются досадные небрежности, которые наверняка устранил бы внимательный взгляд самого автора, — так, например, на с. 165 Тьерри и Барант поменялись сочинениями, «История герцогов Бургундских» оказалась приписана первому, а Барант сделался автором «Истории завоевания Англии» (при этом из заглавия труда, вышедшего в 1825 г., выпало последнее слово: «норманнами»), а в гл. 2, в кратком биографическом очерке Гизо, остается за пределами изложения его назначение на профессорскую должность, тогда как излагаются некоторые подробности, связанные с его пребыванием на ней (а за обстоятельствами назначения, как и временем самого назначения и последующего возвращения, приходится обращаться уже к гл. 3). На с. 33 Шарль-Морис Талейран имеет счастье, скончавшись в 1838 г., продолжать вести дневник уже в 1840 г. и судить о современной эпохе. Такого рода неточности, временами встречающиеся в тексте, производят досадное впечатление на читателя, взявшегося за медленное и вдумчивое знакомство с текстом, заставляя подозревать автора в торопливости письма, что по ассоциации распространяется и на мысли — а работа, проделанная Матвеевым, последнего подозрения никак не заслуживает.

А вот к существенным недостаткам работы, на наш взгляд, относится принципиальная недооценка значения юридических конструкций и их значимости для понимания политических позиций и принципов сторон. Анализируя процесс выработки и утверждения Конституционной хартии 1814 г. и преамбулы к ней, автор замечает по поводу октроированного характера акта: «это была исключительно формальная декоративная процедура» (с. 64, подобного рода суждения рассеяны на соседних страницах, посвященных истории Хартии). Такого рода оценка, делающая акцент на том, что «по существу и содержанию документ являлся государственным актом, в котором нашли выражение общественные требования, заявленные от имени народа представителями законодательной власти» (Там же), сдержит странное на наш взгляд противопоставление политических и социальных обстоятельств создания юридического акта и его конкретных политико-правовых конструкций, к тому же с утверждением о незначительности последних. Это тем более странно, что целый параграф работы, к тому же завершающий исследование, посвящен трактовке Гизо проблемы «суверенитета», во второй половине 1810-х — 1820-е находившейся в центре внимания политических теоретиков (к тому же во многом являвшихся и практическими политиками — или вскоре ими ставшими): как можно видеть из этого, для самих современников это никак не было лишь «формальной декоративной процедурой», а принципиальным вопросом, кто является источником власти, каково юридическое положение монарха (и, кстати, различие в этих трактовках

проявилось вполне в кризисе 1829–1830 гг., когда каждая из противостоящих сторон была убеждена в том, что право находится на ее стороне).

Гизо, как совершенно справедливо отмечает автор, в трактовке «суверенитета» пытался снять саму проблему: сувереном не является ни монарх, получающий свою власть от Бога, ни народ, наделяющий властью королей или каких-либо других репрезентатов себя. Вместо этой альтернативы, отражающей столкновение двух программ — революционной и консервативной, времен Священного Союза («народ» vs «трон и алтарь»), Гизо утверждает, что «суверенитет» принадлежит только «разуму», тем самым, как фиксировал еще в 1920-е гг. Карл Шмитт (*Шмитт* 2000: 22–29), в рамках логики либерального порядка стремится снять сам ключевой вопрос — и, как отмечает автор, следует логике снятия противопоставления «власти» и «общества», внеположенности первой последнему, растворяя власть в обществе (гл. 3, § 3). В этой конструкции основным преимуществом, историческим достоинством «средних классов» становится как раз их неспособность осуществлять «владычество над другими социальными группами» (с. 191): они *медиатор*, и тем самым власть, опирающаяся на «средние классы», оказывается управляющей (менеджеральной), если вспомнить, к примеру, работы М. Фуко.

В целом же приходится посетовать на сравнительно небольшой объем исследования — и что политическая философия Гизо оказывается изложенной вне его истории как политика и интеллектуальных дебатов того

времени: каждый из этих сюжетов оказывается рассказан отдельно, тогда как сама позиция автора, насколько мы ее понимаем, заключается в сложном переплетении автономной логики рассуждений Гизо с обстоятельствами места и времени. Так что остается надеяться на продолжение автором его исследований — и на то, что в обозримой перспективе появится обстоятельное изложение именно истории политической философии Гизо, включающее к тому же долгие годы, проведенные политиком в отставке, когда он утратил большую часть своего интеллектуального влияния, но вполне сохранил свои интеллектуальные амбиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алпатов 1949 — Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Матвеев 2014 — Матвеев С.Р. Философские истоки французского либерализма (Ф. Гизо, А. Токвиль): дис. ... канд. филос. наук. М., 2014.

Реизов 1956 — Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. Л.: Изд-во ЛГУ, 1956.

Шмитт 2000 — Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / пер. с нем. Ю. Коринца, А. Филиппова; заключ. ст. и сост. А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.

ABOUT FRANÇOIS GUIZOT AS A POLITICAL PHILOSOPHER

Rev.: Matveev S. R. Svoboda i poriadok: liberal'nyi konservatizm Fransua Gizo. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomki, 2019. 232 p.

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: political philosophy, order, revolution, freedom.

Abstract. The interpretation of the political philosophy of François Guizot of the 1810s–1840s is given in the monograph paper by S. R. Matveev.

REFERENCES

Alpatov M. A. *Politicheskie idei frantsuzskoi burzhuaznoi istoriografii XIX veka*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949.

Matveev S. R. *Filosofskie istoki frantsuzskogo liberalizma (F. Gizo, A. Tokvil')*: dis. ... kand. fil. nauk. Moscow, 2014.

Reizov B. G. *Frantsuzskaia romanticheskaia istoriografiia. 1815–1830*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1956.

Shmitt K. *Politicheskaia teologiya. Chetyre glavy k ucheniiu o suverenitete*, per. s nem. Iu. Korintsa in Shmitt K. *Politicheskaia teologiya*: Sbornik, per. s nem. Iu. Korintsa, A. Filippova; zakliuch. st. i sost. A. Filippova. Moscow: KANON-press-Ts, 2000.

М. В. Белов

ОБУСТРОЙСТВО «МЕСТА ПАМЯТИ»: «МЕМОРАНДУМ САНУ» ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ*

Рец.: *Михаилович К., Крстић В.* «Меморандум САНУ» после тридесет година. Београд: НИД Компанија «Новости» ад, 2017. 214 с.

Ключевые слова: «Меморандум САНУ» (1986), распад Югославии, Сербия, историческая политика.

Аннотация. «Меморандума САНУ» (1986) по прошествии тридцати лет остается инструментом текущей исторической политики и особым «местом памяти» для сербского общества. Этому есть множество причин: неоднозначность мотивов составления документа, особенности его огласки в условиях дестабилизации коммунистического режима, а также дальнейшее политическое использование с противоположными целями в ходе распада Югославской Федерации и военных столкновений 1990-х гг. Предметом анализа стали, по преимуществу, стратегии мемориализации документа, примененные его ключевыми авторами по официальной санкции САНУ.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-317-331

В 2017 г. в Белграде вышло третье (полу)официальное издание знаменитого «Меморандума САНУ» (1986), снабженное разъяснениями и полемическими комментариями на критику двух сербских академиков К. Михаиловича и В. Крстича. В отличие от предшествующих публикаций это издание имело сравнительно крупный тираж (8000 экз.) и ставило целью удовлетворить спрос заинтересованной публики.

Впервые Сербская академия наук и искусств (в сербской аббревиатуре — САНУ) опубликовала полный текст «Меморандума» в 1995 г. на сербском, английском и немецком языках. А в следующем 1996-м в издательстве «Наш дом» в Лозанне было напечатано и французское издание (каждая языковая версия — тиражом в тысячу экземпляров). Спланированное издание документа на трех европейских языках, помимо сербского,

© М. В. Белов, 2020

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Ниžний Новгород); belov_mihail@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

указывало на международную значимость данного предприятия в финале Боснийской войны. Именно тогда президиум САНУ поручил К. Михайловичу и В. Крстиичу составить официальные опровержения на злокачественное использование «Меморандума» в мировых СМИ, чтобы погасить репутационные издержки для Академии в мировом общественном мнении. Впрочем, смысл опровержений был значительно шире, поскольку САНУ представлялась, как это уже заявлялось в «Меморандуме» ранее, национальной институцией, действующей в интересах всего сербского народа.

Мотивы публикации «Меморандума» и сопровождающих его текстов разъясняются в предисловиях ко всем трем изданиям, и во многом они повторяются. В предисловии 1995 г. долгое молчание Академии объяснялось тем, что работа над текстом «Меморандума» в 1986 г. была прервана, а его незаконченный текст попал в печать нелегальным способом — в таком виде САНУ не могла признать его официальным и громкогласно защищать. После того как все обвинения уже были высказаны, Академия сочла возможным заявить о своей позиции и объяснить непредвзятому читателю, «<...> насколько безосновательны, [искусственно] сконструированы и злонамеренны нападки на САНУ как на разрушительницу Югославии и военную подстрекательницу» (с. 7).

Академики не пытались ответить каждому критику, поскольку об-

винения «<...> часто повторялись как слова в припеве, для лучшего запоминания», но намерены были разобраться в существе дела. «Авторы комментария не последовали за критиками, обвинителями САНУ и “Меморандума”, которые при недостатке доказательств бросали тяжкие и оскорбительные слова в высшую научную институцию сербского народа, ее отдельных членов и всю сербскую нацию. Имея в виду достоинство САНУ и располагая фактами, которые нельзя оспорить, авторы комментария старались ответить на памфлетные нападки стилем, языком и методом, которые присущи науке» (с. 8)¹. В то же время издание «Меморандума» виделось им не только откликом на несправедливую критику, но и вложением в историческую истину. В заключенные предисловия авторы выражали уверенность, что суд истории будет более справедливым, чем политические спекуляции. Та же мысль повторяется и в издании 2017 г., тем более что 30 лет являются достаточной дистанцией, чтобы «<...> объективно оценить этот документ». Однако к установлению исторической истины прибавляются и многие другие причины, объясняющие необходимость новой публикации: «моральные, национально-политические и государственные» (с. 6). Такое сочетание и делало «Меморандум» инструментом текущей исторической политики и особым «местом памяти» для сербского общества.

Предметом дальнейшего анализа станут, по преимуществу, стратегии

¹ Однако они не разъясняли, о какой отрасли научного знания идет речь и каково содержание научного метода.

мемориализации документа, примененные его ключевыми авторами по официальной санкции САНУ. Разумеется, такой подход предусматривает учет специфики содержательной части «Меморандума», однако в данном случае акцент сделан именно на избирательности его использования.

Хотели ли этого составители «Меморандума» или нет (вернемся к этому вопросу позже), как можно увидеть из комментариев Михаиловича и Крестича, этот документ сразу после его несанкционированной публикации в далеком 1986-м стал политическим орудием. Независимо от того, что с разных сторон ему приписывался разный смысл. В условиях вооруженного противостояния и перекладывания ответственности друг на друга за начало кровопролития, значение «Меморандума» как документального доказательства в противоположных аргументациях только возрастало. Вопрос об ответственности сохранял значение и с окончанием военных действий.

В предисловии, написанном к изданию 2002 г., выражена твердая уверенность в правоте САНУ, поскольку «Меморандум» и после 16 лет «<...> сохранил полную актуальность», в силу его «патриотической природы» и стремления, когда это казалось возможным, «<...> предупредить распад объединенного государства». Хотя «научного» опровержения документа комментаторы не увидели и после 1995 г., он вновь стал жупелом для тех, кто хотел бы

переложить с себя ответственность за разрушение Югославии и бомбардировки 1999 г. На этот раз особо подчеркивалось, что мишенью критиков «Меморандума» является, по преимуществу, сербская интеллигенция. «Этот документ стал поводом для более широкой кампании против Сербии, а одной из целей ее — ревизия всей прежней истории сербского народа» (с. 9). Такими стремлениями, в частности, руководствуется Гаагский трибунал, взявший на себя роль судьи сербского народа и его истории². «Меморандум», его авторы и комментаторы, очевидным образом, брали на себя роль его защитников.

Поскольку САНУ имеет правило не повторять свои издания, второе издание «Меморандума» вышло в «Борбе» под новым названием (*Михаиловић, Крестић* 2002), а кроме того, к нему был добавлен раздел «Семью годами позже», посвященный периоду после первой официальной публикации. В свою очередь в издании 2017 г. добавлены два приложения: «Информация», составленная в белградском горкоме и ЦК Союза коммунистов Сербии от 8 января 1987 г., и свидетельство В. Динича об обстоятельствах появления материала о «Меморандуме» в газете «Вечерние новости» 24 сентября 1986 г.

В первом разделе комментариев, составленных еще в 1995 г., их авторы пытаются разъяснить мотивы написания «Меморандума». Таковыми названо осознание членами САНУ

² Гаагский трибунал вновь упоминается и в предисловии, написанном для издания 2017 г. (с. 5). И ему уделяется львиная доля в комментариях 2002 г.

глубины и природы продолжающегося многие годы кризиса СФРЮ. Помимо кризиса в экономике и федеративном устройстве, если верить комментаторам, уже в середине восьмидесятых академики понимали, что, «исчерпавшаяся в идеологии и организационно разрозненная, Коммунистическая партия все менее была способна предложить адекватные решения нарастающим политическим проблемам. <...>

Как научная институция, которая уже целый век делила судьбу со своим народом, САНУ тяжело переживала ущемленное положение Сербии в Югославии» (с. 11). Кадровая политика хорвата И. Б. Тито и словенца Э. Карделя привела к неравноправному положению сербов в партийном и государственном руководстве. Два миллиона сербов за административными границами «материнской» республики стали жертвами национального давления. В Хорватии усиливался дух «государственного и исторического права». В Боснии и Герцеговине проводилась политика выдавливания сербов, а события в Косово сербы воспринимали как «возвращение османской оккупации».

Академики были убеждены, что поиск пути выхода из кризиса можно осуществлять только «в рамках федеративной Югославии». Они не питали иллюзий, что могут одним заявлением осуществить поворот, но надеялись вызвать размышления, поэтому формулировки предполагаемых решений в «Меморан-

думе» носят скорее имплицитный, чем эксплицитный характер. Члены САНУ понимали, что они бросают опасный вызов политической монополии Союза коммунистов Югославии (СКЮ). И хотя Устав Академии предписывал держаться подальше от политики, «но, ощущая себя морально обязанными в критическом историческом моменте высказаться и помочь народу, которому принадлежат, они были готовы вынести последствия своего поступка». Большинство академиков полагали при этом, что «<...> один документ, принятый в судьбоносный момент для всей страны, не означает вмешательства в текущую политику, но [принятие] ответственности, которой САНУ, как национальной институции, нельзя избежать» (с. 14–15)³.

В ходе работы над текстом «Меморандума» меньшинство членов комиссии по его разработке предлагали придать ему вид программы или хотя бы внести в него какие-то программные элементы, но эта позиция была отклонена большинством. «После исчерпывающей дискуссии комиссия заняла позицию: независимо от того, что “Меморандум” не имеет структуры научного исследования с соответствующим методом анализа, в этот документ не должно войти ничего, не изученного и не проверенного в научных исследованиях, независимо от того, где и кем они проводились» (с. 18).

После утечки текста «Меморандума» в СМИ исполнительный комитет САНУ в разъяснительном пись-

³ Со ссылкой на запрет Устава, против составления «Меморандума» выступили академики В. Чурилович и П. Савич.

ме зампреду Президиума Сербии В. Булатовичу от 30 сентября 1986 г. отверг намерение «выставить себя как некоего политического партнера» партии (с. 21). Несколько позднее, на заседании 21 октября Президиум САНУ высказал предложение о необходимости «<...> организовать научные конференции о фундаментальных проблемах общества и другие виды исследовательской работы в этой области». Иными словами, речь шла о возвращении в академическое поле, но с учетом актуальной повестки.

САНУ выдержала давление партийных органов, пытавшихся заставить академиков отмежеваться от «Меморандума», представив его как идеологическую диверсию не поддержанного меньшинства⁴, хотя работа над документом была заморожена. Защитная стратегия сводилась к тому, что тот текст, выдержки из которого попали в печать, был только черновиком, не получившим санкции руководящих органов САНУ. Да и сам «Меморандум» не предназначался для широкой огласки, и только из-за нее он вылился в политическое событие. В сложившейся ситуации Академия видела себя потерпевшей стороной, понесшей репутационный ущерб.

Между тем, как с гордостью свидетельствуют Михаилович и Крестич, «этот документ за одну ночь снискал огромную популярность. Его копировали, давали на время, продавали на улицах и в парках» (с. 25). Несмотря на направляемую партийными функционерами лживую газетную кампанию, «влияние САНУ в сербском обществе стремительно возрастало <...>, [поскольку она] вселила надежду, что есть еще те, кто думают и берут в расчет жизненные национальные и государственные интересы сербского народа и Сербии. Вопреки ожиданиям политиков “Меморандум” действовал на сербов как консолидирующий фактор» (с. 29)⁵.

Академиков воодушевила и реакция зарубежных дипломатов, которые приветствовали смелый вызов, брошенный САНУ идеологическим бастионам СКЮ. Во время празднования столетнего юбилея Академии в мае 1987 г., «тогда как союзное и республиканское руководство Югославии и Сербии игнорировали это скромное торжество, демонстрируя таким образом свое недовольство САНУ, дипломатический корпус Белграда прибыл на него чуть ли не в полном составе. Все улицы в окрестностях САНУ были заполнены машинами дипломатов из огромного

⁴ В качестве средств давления использовались угрозы сократить финансирование, отменить автономию САНУ, подчинив ее республиканским органам власти, попытки внести раскол в состав Академии, верное вынесение осуждающих резолюций в первичных партийных ячейках и т. д. Однако на внеочередной сессии САНУ в декабре 1986 г. ее руководство подтвердило свои полномочия, что стало пощечиной партийным органам (с. 23, 43).

⁵ В СМИ уже прозвучал репертуар обвинений, которые позднее будут бесконечно повторяться. «Меморандум» называли четнически-погромным документом, подстрекающим к братоубийственной бойне и разрушению всего, что было создано с таким трудом. Его рассматривали как вылазку тех, кто стремится дестабилизировать ситуацию в Югославии, будучи направляем «реакционными центрами из-за рубежа». Но как справедливо отмечают комментаторы, идеологическая формула СКЮ о неприкосновенном «братстве-единстве» югославских народов утратила смысл мгновенно с переходом к многопартийности (с. 26–27).

числа стран» (с. 43–44). Спустя некоторое время ситуация резко изменится, и те же дипломаты станут считать академиков зачинщиками резни.

Значительное пространство в комментариях занимает критика так называемого «хорватского Антимеморандума». Такое наименование получила изданная в 1987 г. эмигрантами в США тридцатистраничная брошюра «Хорватская позиция по Меморандуму Сербской Академии наук и искусств» (Хрватско становиште... 1987)⁶. Для авторов комментариев совершенно не важно, что этот текст был составлен за границей, поскольку «между тезисами и аргументами в “Хорватской позиции...” и теми, которые использовала официальная и неофициальная пропаганда Хорватии после отделения [в 1991 г.], существует временная, но не сущностная разница» (с. 30–31). Более того, по мнению комментаторов, та же аргументация послужила оправданием для известной «Декларации о Югославии» министров иностранных дел Евросоюза 17 декабря 1991 г., где республикам СФРЮ предлагалось обратиться с просьбой о признании их независимости. В результате такого временного смещения сиюминутная полемика превращалась в национальную вражду, ведущую отсчет от идеолога хорватских «правашей» А. Старчевича.

Поясняя причины своего особого внимания к «Антимеморандуму» в другом месте, комментаторы утверждали, что этот текст, во-первых,

стал главным «источником озлобленности» в критике САНУ, во-вторых, он оживил старые предрассудки в отношении сербов, которые «<...> десятилетиями повторялись независимо от хода событий и общественной действительности» (с. 38).

Центральное место в споре с авторами брошюры, и это третья причина особого внимания к ней, Михаилович и Крестич посвятили оспоренному здесь тезису «Меморандума» о политическом доминировании Хорватии и Словении в руководстве Югославии после 1945 г. Иными словами — политике подавления сербских кадров, проводившейся Тито и Карделем. Закономерно, что этот фрагмент превращается в исторический экскурс о судьбе Сербии и сербов в период коммунистического правления.

В начале 1989 г. политическая анафема, наложенная на САНУ партийными органами, была снята. А в конце того же года новый партийный вождь Сербии С. Милошевич в беседе с журналистами уже не увидел ничего зазорного в том, чтобы САНУ оказывала влияние на политику (с. 47, 91).

С обострением политического кризиса СФРЮ на рубеже 80–90-х гг. «Меморандум САНУ» вновь превратился в объект идеологических манипуляций, прежде всего со стороны хорватских сепаратистов. Приписываемые ему стремления к созданию «Великой Сербии», призывы к войне и этническим чисткам служили

⁶ Брошюру подписали руководитель эмигрантского Хорватского национального конгресса Мате Мештрович и публицист Радован Латкович.

прикрытием и оправданием собственного плана сессии. Быстро меняющаяся ситуация внутри СФРЮ изменила, под давлением той же хорватской пропаганды, и отношение к «Меморандуму» за ее пределами: «Первоначальное одобрение превратилось в пристрастное и политически ангажированное осуждение» (с. 48–49). Комментаторам трудно понять такую перемену, и они склонны почти полностью приписать ее дурному влиянию сецессионистов. С введением многопартийности и в Сербии «Меморандум САНУ» стал элементом идеологического выбора, а отношение к нему нередко менялось со сменой партийной позиции.

Важнейшей задачей комментаторов «Меморандума» стала защита его от обвинений в национализме. Как и в постсоветском русском языке, в результате усилий интернациональной пропаганды в современном сербском языке этот термин имеет устойчивую негативную коннотацию. Его позитивным двойником выступает патриотизм, приверженцами которого позиционируют себя комментаторы, относя к ним всех авторов «Меморандума САНУ». Попутно они вступают в борьбу против дурной разновидности современного интернационализма (глобализации), который сводится к доминированию великих держав Западного мира с их транснациональными компаниями и стремлением «регионализировать» суверенные государства, что на практике ведет к со-

кращению демократии и сужению гражданских прав под лозунгами в их защиту (с. 50, 136–137).

Столь же последовательно комментаторы опровергают тезис о том, что «Меморандум САНУ» можно рассматривать как сербскую «национальную программу» (с. 91, 93–95, 122–123), что вытекает из их установки на приверженность чистому патриотизму и обоснования «академической», т.е. статусной (экспертной и объективной) оценки кризиса СФРЮ в данном документе. «Стремление отвергнуть наслоения неправды вокруг “Меморандума” привело его составителей в положение обвиняемых, защищающих свою невиновность, вместо того, чтобы критики привели доказательства своих обвинений. Критики “Меморандума”, за редким исключением, не были учеными, с которыми можно спорить научно проверенными фактами и действительными аргументами» (с. 88)⁷.

Между тем, замысел авторов в полемике с оппонентами неизбежно расширяется, воплощаясь в претензии на изложение истинной и защищенной тем же статусом истории Югославии и Сербии внутри и вне ее. В комментариях, так или иначе, затрагиваются спорные сюжеты двух последних веков, хотя преимущественно внимание сосредоточено на закате и распаде СФРЮ. Именно в результате систематических

⁷ Оппонируя тому редкому разряду критиков, который упомянут в цитате, доценту философского факультета Белградского университета О. Милосавлевич (*Milosaavljević* 1995), комментаторы отказывают ей в профессионализме. Ее статья составлена, как утверждает здесь, по образу и подобию хорватской памфлетной литературы, а метод сопоставления «Меморандума САНУ» с более поздними высказываниями отдельных академиков на страницах общественно-политических изданий некорректен, поскольку вырван из соответствующего им контекста (с. 87–88, прим. 57).

опровержений предполагаемой лжи и ошибок и сам «Меморандум САНУ», и сопутствующие ему комментарии двух из его авторов становятся оформлением мемориальных усилий влиятельной части сербской элиты.

При этом авторы комментариев последовательно защищают экспертный иммунитет «Меморандума САНУ» от обвинения в том, что его идеи послужили вдохновением для воинственной политики 90-х. А критику национализма переадресуют политическим и интеллектуальным элитам республик, вставших на путь сецессии (первоначально — Хорватии и Словении, а затем — Боснии и Герцеговины и Македонии)⁸. Фаворитизация сербской интеллигенции, с которой себя отождествляют авторы комментариев, — это зеркальное отражение злобных нападок на нее в связи с «Меморандумом САНУ» и одновременно борьба за символический капитал в национальном поле: «Демократическая традиция Сербии выражалась посредством публичных выступлений интеллигенции, которая несравнимо больше, чем интеллигенция остальных республик, давала свои критические оценки общественной системы, из-за чего и более подвергалась репрессивным мерам» (с. 58). Злонамеренность критиков САНУ, в реконструкции коммента-

торов, воплощалась в планах опорочить сербскую интеллигенцию сначала перед Москвой, а затем перед Западом. Вера в коварный заговор не чужда такому мышлению.

Приводя внушительный набор высказываний из не лишенной хвастовства книги хорватского представителя в последнем составе Президиума СФРЮ и будущего президента Хорватии (2000–2010) С. Месича⁹, комментаторы в общем справедливо заключают, что «Меморандум САНУ» превратился для его критиков в политический джокер, позволяющий «<...> произвольно приписывать мотивы, намерения и действия [интеллектуалам и политикам Сербии], а по необходимости использовать [его] как доказательство обвинения» (с. 61). Однако специфика самого текста «Меморандума» с его скорее имплицитными, а не эксплицитными выводами при этом в расчет не берется.

Финальная часть первой серии комментариев (1995) состоит из перечня и опровержений наиболее распространенных ложных утверждений. Во-первых, САНУ не была связана с политической верхушкой Сербии. «Главными авторами текста [“Меморандума”] были академики из отделения общественных наук, истории и литературы, которые еще до приема

⁸ Направленность переадресации скорее ситуативная, однако авторы комментариев склонны к широкому обобщению, поэтому приписывают (впрочем, точно так же как и их оппоненты) дурные черты целым общностям как вневременные константы. Например, мы можем прочитать о «вошедшем в пословицы словенском эгоизме» (с. 55, 63–66). В свою очередь хорватские устремления, не всегда локализованные в определенных политических силах, вопреки всякой исторической дистанции, легко отождествляются с установками «правашей» и усташей. Более того, утверждает — и это явно зеркальное обвинение, — что «расизм и геноцид в отношении сербов в Хорватии продолжался с постоянством более чем сто лет» (с. 59, 101–103).

⁹ Книга вышла по горячим следам в 1992 г. с названием: «Как мы разрушили Югославию». Русский перевод, ориентированный на второе издание (1994) с измененным названием: (Месич 2013).

в САНУ вошли в конфликт с официальной политикой, независимо от того, принадлежали ли они Союзу коммунистов» (с. 90). Во-вторых, хотя в некоторых высказываниях или действиях С. Милошевича можно обнаружить сходство с положениями «Меморандума», вовсе не обязательно, что он руководствовался этим документом, а не пришел к ним самостоятельно. Авторы комментариев отмечают его сдержанность как партийного функционера в период нападок на Академию. Но если именно он после прихода к власти прекратил кампанию против нее, в большей степени это было связано с процессом демократических перемен. В-третьих, «ни одной существенной характеристики национализма нельзя найти в “Меморандуме”» (с. 92–93). В-четвертых, он не является ни национальной, ни политической программой, хотя академики допускали разработку таковой в будущем и даже сделали соответствующую попытку в 1990 г., не считая это тогда предосудительным для себя. Наконец, в-пятых, приписываемая «Меморандуму» идея Великой Сербии — это всего лишь идеологический конструкт, изобретенный около 1878 г. австро-венгерской пропагандой и перешедший по наследству хорватским националистам, их последователям и покровителям (с. 95–96).

Вторая серия комментариев «Семью годами позже» написана под впечатлением от военной интервенции стран НАТО в 1999 г., падения режима Милошевича и начавшегося суда над ним в Гаагском трибунале. Авторы не питали иллюзий, что их усилия

по опровержению нагромождений лжи вокруг «Меморандума САНУ», предпринятые семь лет назад, смогут кого-либо убедить. «Идеологически интонированные писания о “Меморандуме” множились и после 1995 г. с неизменной интенсивностью и достигли к 2002 г. внушительной величины», что, впрочем, не привело к расширению списка обвинений, который остался прежним (с. 105)¹⁰. Кумулятивная структура комментариев ведет к суггестивному повторению уже сформулированных ранее аргументов. Однако есть и некоторые отличия в расстановке акцентов.

Если в комментариях 1995 г. основной мишенью критики были две республики (Хорватия и Словения), прикрывавшие собственной стремление к сецессии жупелом великосербского шовинизма, то теперь уже говорится о «коалиции» четырех республик (к вышеупомянутым присоединяются Македония, Босния и Герцеговина), которые действовали сообща против сербской интеллигенции (с. 106, 125). Тем самым упрощается реальная расстановка сил в дебатах о переустройстве СФРЮ на рубеже 1980–1990-х. А «коперников переворот» в отношении западных держав к Сербии и сербам после 1991 г. уже увереннее связывается с их собственными «ошибочными шагами» по признанию Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины и желанием перенести вину за их последствия (с. 106–107). Но и в этом случае ситуация в Югославии и вокруг нее рассматривается изолированно от «внешних»

¹⁰ Суммарно они резюмированы так: «Меморандум САНУ» провозгласил великосербскую программу, он спровоцировал межнациональные конфликты, способствовал разрушению общего государства и настаивал на возвращении централизма.

процессов — крушения «мировой системы социализма» и распада СССР.

Комментарии 2002 г. распадаются на две части: критика западных авторов, писавших о распаде Югославии в 90-е (*Garde 1992, Cohen 1996*), и попыток инструментализировать историческую экспертизу для усиления обвинений против ряда фигурантов в Гаагском трибунале по бывшей Югославии¹¹. Общий замысел подобных усилий сводится к тому, чтобы распространить обвинения в геноциде и этнических чистках, выдвинутые против СРЮ, на удаленные в прошлые периоды, представив их имманентной склонностью сербов к агрессии, а их самих как народ с «геноцидными намерениями». «Речь о попытке провести ревизию истории сербского народа в соответствии с актуальными политическими потребностями и неясными долгосрочными целями...» (с. 110). Ниже допускается, что замысел сводится к возложению на сербов «коллективной вины», по образу и подобию Нюрнбергского приговора (с. 129)¹².

В действительности негативистский слепок национальной истории так же далек от истинного понимания прошлого, как и ее апологетическая версия. Однако хуже то, что такое противопоставление позиций блокирует или маргинализирует любые попытки беспристрастно критиче-

ского рассмотрения исторического материала, поскольку любое отклонение от утвердившегося канона квалифицируется как зловердная «ревизия».

Авторы комментариев закономерно занимают в таком режиме полемически реактивно-защитную позицию, не надеясь одержать верх в борьбе с превосходящими силами противника и повторяя уже сказанное ранее. Помимо последнего периода в существовании СФРЮ значительное место в полемике заняла история Второй мировой войны. В то время как в вышеуказанной книге Ф. Коэна сделана попытка освободиться от «мифа», изображающего сербов как символ антифашистского Сопротивления, а хорватов и мусульман как агентов коллаборационизма, комментаторы, замещая этнонимы на названия посткоммунистических государств, встают на защиту «исторической действительности», объявленной мифом (с. 112).

К более глубоким экскурсам в прошлое относятся возражения против наименования сербского просветителя и реформатора языка В. С. Караджича националистом за его трактат «Сербы все и повсюду» (1836), а известного «Начертания» (1844) — великосербской программой (с. 118–119, 130–131). Аргументы сводятся к уклонению от обидных клише и к нормализации в контексте.

¹¹ «Политические властители чаще всего, не считаясь с фактами и исторической правдой, фальсифицируют и перекраивают их. Гаагский суд взял себе это за правило...» (с. 129).

¹² В самом тексте «Меморандума» навязанное сербскому народу «чувство исторической вины» вытекает из установки Коминтерна. Национализм «угнетенных» наций, союзников в борьбе пролетариата за освобождение трудящихся, противопоставлялся шовинизму «господствующей» нации (в случае Югославии — сербской), с которым компартия обязана вести решительную борьбу (с. 157–158, 172, 174, 189).

Вопреки полемическому накалу комментариев, их авторы способны обнаружить нюансы в сочинениях своих оппонентов. В частности, они признают бóльшую компетентность одного из экспертов Гаагского трибунала О.Х. Баддинг, сотрудницы американского посольства в Белграде в 1987–1990 гг., защитившей по возвращении на родину диссертацию по теме: «Сербские интеллектуалы и национальный вопрос в 1960–1991 гг.». Если иные моменты в ее экспертном заключении признаны ошибочными или же идеологически заданными, то оценка «Меморандума САНУ» — в основном объективной, хотя и не до конца правильной (с. 133–134)¹³.

Не вполне проясненным и для самих авторов комментариев остается вопрос о прогностической функции «Меморандума САНУ», которую они часто подчеркивают. Какова же она в контексте его влияния (после незапланированной огласки) на обостряющуюся публичную дискуссию с переходом в открытые межнациональные столкновения и насилие на рубеже 80–90-х гг.? Могут ли прогнозы, в силу оглашения, пускай невольно, стимулировать события? «Меморандум», по утверждению комментаторов, отстаивал демократические перемены и права человека, но при этом они также настаивают на том, что документ вовсе не предназначался для широкой общественности и стал доступен ей только из-за интриги партийных функционеров, стремившихся опорочить Академию (с. 126–127, 134). И кто же тогда реально способствовал расширению

гласности? По-видимому, нехотя обе стороны, вступившие в конфликт. Свобода слова признается важной ценностью, но злоупотребление ею (а также демократией и правами человека) списано исключительно на внешние силы, «других» националистов и поборников глобализации. Отвергая навязываемую извне ответственность, комментаторы не склонны и к самокритике, даже по прошествии 30 лет. Их алиби — незавершенность работы над документом.

Заключительные страницы комментариев возвращаются к осуждению агентов глобализации и их организаций внутри Сербии. В качестве примера «фальсификаций и недопустимых искажений чужих текстов и высказываний» взята статья уже упоминавшейся О. Милосавлевич (*Милосављевић* 2002), выдержанная в еще большей степени, чем предыдущая, в духе политической сатиры. При этом стилистические расхождения между комментариями к «Меморандуму САНУ» и этими статьями не менее важны, чем различия во взглядах их авторов.

Если опустить старые возражения, то вопрос сводится к борьбе за символический капитал, поскольку Милосавлевич изобличает фиаско политических притязаний САНУ после падения режима С. Милошевича и отрицает за ней функцию «национального института памяти». Сначала в комментариях Михайловича и Крестича утверждается, что «<...> Академия не была интеллектуальным рупором государства, интеллигенции или всего народа. Между

¹³ Похвалы (с. 141, прим. 117) удостоился и итальянский исследователь: (*Mattuglia* 2001).

тем она не могла оставаться пассивной в судьбоносные дни для народа и государства». Но уже на следующей странице можно прочитать: «Стремление унижить Академию как высшую научную и национальную институцию приобретает порой чудовищные формы». И чуть выше: «Трудно вообразить себе какую-то другую страну, в которой бы могла существовать интеллигенция, внушающая собственному народу антипатриотические позиции и идейно идентифицирующаяся с врагами собственной страны» (с. 140–141). В этой сентенции слышны ноты отчаяния. А причины печальной ситуации находятся в фанатизме адептов, верящих в то, что «свет истины» исходит исключительно с Запада, или же в личной неприязни к отдельным академикам. Иными словами, за оппонентами отрицается способность на самостоятельное и рациональное высказывание.

В том месте своих комментариев (2002), где говорится о деятельности Гаагского трибунала, авторы, обильно цитируя своего единомышленника (*Чавошки 2002*), охотно присоединяются к обрисованной им идеальной модели выработки исторической истины в процессе свободного обсуждения и интерпретации источников историками-профессионалами (с. 129). Однако в последнем абзаце того же текста признается, что в отношении «Меморандума» объективное исследование застопорилось. «Одной из причин такой воздержанности [профессионалов] может быть краткая временная дистанция, а другой — атмосфера, созданная разрушением Югославии, и состояние духа, который формировался настойчивой

политической пропагандой, так что любая объективно данная научная оценка рисковала столкнуться с идеологическим осуждением» (с. 141).

Из контекста понятно, что речь идет о враждебной внешней пропаганде, давление которой испытывают «честные» исследователи на Западе. Сербскому читателю преподносилась историческая истина «из первых рук» — в виде свидетельства и комментариев двух авторов «Меморандума САНУ»; критика изнутри отбрасывалась как неадекватная. На этом месте в 2002 г. была поставлена точка, а полемическая ситуация законсервирована. В издании 2017 г., появившемся спустя 15 лет после предыдущего, нет новых комментариев — только короткое предисловие и два документа в приложении.

В самом тексте «Меморандума САНУ» можно встретить высказывания, способные подтвердить противоположные позиции, если их изолировать от целого. Какова причина противоречий внутри него? Комментаторы постоянно указывали на незавершенность документа. Можно предположить, что поскольку разные части «Меморандума» писались разными авторами, они могли придерживаться и разных взглядов на пути выхода из кризиса, диагностика которого их объединяла. Альтернативным вариантом интерпретации может стать «незаметность» противоречия между стремлением сохранить целостность Федерации и отстаиванием национальных интересов сербского народа для тех, кто писал этот текст в 1986 г. В таком случае следует понять, почему комментаторы не установили дистанции

между своими воззрениями «тогда» и «сейчас».

Спустя тридцать лет утратили актуальность выраженная в «Меморандуме» приверженность «демократическому социализму» и надежды на вхождение Югославии, в ряду передовых держав, в науку и технологию XXI в. (с. 161, 188, 191). Негативный сценарий развития событий, представленный в «Меморандуме» как опасность, которую необходимо предотвратить, напротив, оказался реализованным с превосходящим любое воображение результатом. Но к кому были обращены их алармистские предупреждения, и на какую реакцию они рассчитывали?

Если судить по комментариям, текст «Меморандума» предназначался, по замыслу, только для партийных чиновников. Авторы упорно называют их «политиками», что лишь теперь можно воспринять как лесть, а в то время, в узких рамках идеологически предписанного, скорее как призыв к нелояльности. Уже упоминалось выше, возможность одним, пускай и очень весомым заявлением изменить их позицию комментаторы аттестовали как нелепую, и многоопытные академики уже в 1986 г. хорошо понимали это. Иными словами, номинальный адресат «Меморандума» и его «идеальная» аудитория изначально не совпадали. В нем совмещались разные мотивы: экспертная инициатива ученых, выражение

гражданского свободомыслия, оппозиция политическому режиму, долг совести патриотов.

Именно это совмещение сделало «Меморандум САНУ» после его несанкционированной публикации обоюдоострым оружием в формирующемся поле открытого политического конфликта внутри Югославии, а затем и материалом военной пропаганды, в том числе за ее пределами. Вовлечение некоторых академиков, авторов «Меморандума», в общественные дебаты в качестве публичных интеллектуалов, проявляющих ту или иную степень лояльности национал-популистскому режиму С. Милошевича, делала этот текст, в одном случае, ценным политическим капиталом, поскольку он свидетельствовал о героическом правдолюбии его составителей, а в другом — свидетельством обвинения в развязывании гражданской войны¹⁴. Но такая поляризация и такая связка, равно как и противоречивость текста, превращали авторов «Меморандума» в заложников сказанного и стирали временной разрыв между «до» и «после».

В «Меморандуме» были намечены основные линии доминирующей исторической стратегии Сербии после разрушения Федерации и остаточной Союзной державы. Прежде всего, это касается опыта «второй», коммунистической Югославии, оцениваемого негативно, как унижение (а затем и избиение, геноцид) сербского

¹⁴ При желании, в нем можно отыскать полупризывы к использованию военной силы. События в автономии Косово и Метохия авторы характеризовали как неонацистскую агрессию и «геноцид» сербского народа. При этом «организованные политические силы нашей страны <...> показали себя не только неэффективными, не способными, но даже и не заинтересованными ответить на открытую войну как то и требуется: решительной защитой своего народа и своей территории» (с. 170, 176, 178–179).

народа, лишённого национальной государственности¹⁵. Однако в центр этого типичного повествования о народе-жертве, который повторяется во всех постъюгославских мемориально-исторических нарративах (с местной спецификой и разными, порой зеркальными, указаниями на обидчиков и преступников), авторы-комментаторы «Меморандума САНУ» поставили сербскую национальную интеллигенцию. Только намеченное в «Меморандуме», это положение в позднейших комментариях приобретает более важное место. Сама судьба документа как будто подтвердила и усилила его, поскольку число «врагов» сербского народа, на защиту которого встали академики, во время войн 90-х только увеличилось.

Соединение проводника исторической политики и ее оклеветанного героя в одном лице способствовало устройству оборонительного «места памяти» в посттравматическом и депрессивном общественном сознании. То же соединение санкционировало привилегированную позицию в конкурентном поле исторических интерпретаций.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Месич 2013 — Месич С. Как развалилась Югославия. М.: Альпина Паблицер, 2013.

Михаиловић, Крстић 2002 — *Михаиловић К., Крстић В.* «Меморандум САНУ» под ударама политике. Београд: Борба, 2002.

Хрватско становиште... 1987 — Хрватско становиште о Меморандуму Српске академије наука и уметности. Хрватско народно вијеће. Croation National Congress, 1987.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Милосављевић 2002 — *Милосављевић О.* Од Меморандума до «колективне» одговорности // Хелсеншке свеске. Бр. 1. Београд: Хелсеншки одбор за људска права у Србије, 2002.

Чавошки 2002 — *Чавошки К.* Пресуђивање историји у Хагу. Србиње: Универзитетска библиотека православни богослови; Београд: Хиландарски фонд; Ваљево: Задужбина «Николај Велимировић и Јустин Поповић», 2002.

Cohen 1996 — *Cohen J.P.* Serbia's Secret War: Propaganda and the Deceit of History. Texas A & M University Press, 1996.

Garde 1992 — *Garde P.* Vie et mort de la Yougoslavie. Paris: Fayard, 1992.

Mattuglia 2001 — *Mattuglia S.* Il Memorandum dell'Accademia Serba delle Scienze e delle Arti. Storia di un documento controverso // *Clio*. 2001. N. 4. P. 689–715.

Milosavljević 1995 — *Milosavljević O.* Употреба ауторитета науке. Јавна политичка делатност Српске академије наука и уметности (1986–1992) // *Republika*. Бр. 119–120, 1–31 јула 1995. URL: https://pescanik.net/wp-content/PDF/upotreba_autoriteta_nauke.pdf.

¹⁵ Кроме того, в «Меморандуме» содержится требование пересмотра отношения к «буржуазному» периоду в истории Сербии (с. 185). Ныне эпоха независимости (1878–1918) часто оценивается как «золотой век» сербской демократии, сделавшей «европейский выбор».

ARRANGEMENT OF A "PLACE OF MEMORY": SANU MEMORANDUM THIRTY YEARS LATER

Rev.: Mihailović K. Krestić V. "Memorandum SANU" posle trideset godina. Beograd: NID Kompanija "Novosti" ad, 2017. 214 p.

Below Michael V. — Ph.D., the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Key words: SANU Memorandum (1986), the collapse of Yugoslavia, Serbia, the politics of history.

Abstract. After thirty years, the SANU Memorandum (1986) is still an instrument of current politics of history and a special "place of memory" for Serbian society. There are many reasons for this: the ambiguity of the motives for compiling the document, the peculiarities of its publicity in the conditions of the destabilization of the communist regime, as well as further political use with opposite goals during the collapse of the Yugoslav Federation and military conflicts of the 1990s. The subject of analysis is, mainly, the memorialization strategies of the document applied by its leading authors under the official sanction of SANU.

REFERENCES

Cohen J.P. *Serbia's Secret War: Propaganda and the Deceit of History*. Texas A & M University Press, 1996.

Garde P. *Vie et mort de la Yougoslavie*. Paris: Fayard, 1992.

Mattuglia S. *Il Memorandum dell'Accademia Serba delle Scienze e delle Arti. Storia di un documento controverso*. *Clio*, 2001, 4.

Milosavljević O. Od Memoranduma do «kolektivne» odgovornosti. *Helsenške sveske*, 2002, 1.

Milosavljević O. Upotreba autoriteta nauke. Javna politička delatnost Srpske akademije nauka i umetnosti (1986–1992). *Republika*, 1995, 119–120. URL: pescanik.net/wp-content/PDF/upotreba_autoriteta_nauke.pdf.

Čavoški K. *Presuđivanje istoriji u Hagu*. Srbinje: Univerzitetska biblioteka pravoslavnih bogoslovi; Beograd: Hilendarski fond; Valjevo: Zadužbina «Nikolaj Velimirović i Justin Popović», 2002.

М. В. Батшев, А. А. Куницын

БИОГРАФИЯ БЕЗ ГЕРОЯ?

Рец.: *Зазулина Н. Н.* Князь А. Н. Голицын. Неизвестный во всех отношениях. М.: Бослен, 2019. 288 с.

Ключевые слова: князь А. Н. Голицын, эпоха Александра I, Отечественная война 1812 г., исторические биографии.

Аннотация. Рецензируемая биография князя А. Н. Голицына оставляет чувство неудовлетворенности, так и не решив поставленных автором перед собой задач.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-332-337

Издательство «Бослен» выпустило новую биографию А. Н. Голицына. В анонсе книги на канале «Россия 1» отмечалось, что «это скорее не книга о самом Голицыне, а книга об эпохе, в которой он жил» (Егор Серов б/д). В рекламе на федеральном канале «Культура» книга позиционировалась как работа об «особенностях политической и социальной жизни России первой половины XIX века» (Наталья Зазулина б/д 1). Т. е. смело можно сказать, что выход работы Н. Н. Зазулиной освещался на федеральном уровне и не мог остаться незамеченным как общественностью, так и профессиональным историческим сообществом. Автор,

вероятно, пытаясь укрыться от критических замечаний, называет свою книгу не монографией или биографией, а эссе. Как рассказала она на московской презентации в «Библио-Глобусе» 3 октября 2019 г. (Наталья Зазулина б/д 2), эта книга представляет расширенную версию ее статьи 2014 г. (*Зазулина 2014: 121–151*), посвященной А. Н. Голицыну, которая в свою очередь появилась в результате спора с экскурсоводом в Третьяковке вокруг портрета князя кисти К. П. Брюллова. Как заявила автор, «работающий в архиве историк, который работает в своей нише, обязательно находит сопутствующие породы. А имен-

© М. В. Батшев, А. А. Куницын, 2020

Батшев Максим Владимирович — научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru

Куницын Александр Александрович — независимый исследователь (Москва); alexandermartes@mail.ru

но находит данные, которые могут не пригодиться, но они есть. Они и дополнили эту книгу» (Наталья Зазулина б/д 2)¹. Для начала стоит остановиться на нестандартном оформлении и особенностях справочного аппарата.

К несомненному достоинству книги можно отнести огромное количество качественных иллюстраций и портретов всевозможных деятелей российской и европейской политики того времени. Но при этом хочется отметить довольно оригинальный дизайн самого издания — постраничные ссылки расположены не в конце страницы, а в середине, что делает чтение не всегда удобным. Издательство прибегло и к другим нестандартным художественным решениям — цитаты снабжены оригинальной подложкой, а в некоторых особо важных, по мнению автора, местах — присутствует еще и специальный значок NB. Огромное количество различных аляповатых знаков и эмблем, которые встречаются в тексте, придают книге характер, напоминающий детские энциклопедии, вероятно для того, чтобы «уважаемый читатель» все правильно понял и не запутался в весьма непростом оформлении. Цитаты, приводимые автором, не имеют ссылок на источники, что, наверно, по мнению автора и издателя, соответствует идее эссе. Однако книга изобилует огромным количеством восклицательных знаков, риторических вопросов к читателям и прочим, что добавляет раздражающую профессионалов и порою неуместную эмоциональность в повествование.

Автор в предисловии весьма справедливо сетует, что «многочисленным публицистам некогда изучать исторические документы, ссылаться на первоисточники и архивы, достаточно громко усомниться в чем бы то ни было и подкрепить свою точку зрения остроумным аргументом» (с. 10). На с. 70 она упрекает Е. Н. Кондакова в том, что в его исследовании о Голицыне «Придворный, чиновник, христианин» много голословных утверждений, не подкрепленных ссылками на источники. Но отсутствие в ее работе ссылок на конкретные документы Зазулину явно не смущает. Упрек Кондакову — это не единственное оригинальное прочтение историографии автором эссе. Каждый раз, когда она обращается к историографии, она фонтанирует новыми идеями и оценками относительно трудов предшественников. Так, оказывается, популярность работ А. Н. Пыпина у советских историков была связана только с тем, что он был двоюродным братом Н. Г. Чернышевского. Других достоинств у его книг, вероятно, по мнению автора, не было.

В именном указателе книги отсутствуют указания на страницы, к тому же список имен не полон, он ограничивается лишь наиболее знаменитыми и часто упоминаемыми в работе личностями, что заставляет усомниться в его целесообразности. Весьма оригинален и список использованных автором источников. Он носит название: «Список архивов, библиотек-корреспондентов и литературы» (с. 283). Не очень ясно, почему в списке архивов представлен

¹ См. с 3:30.

только ГАРФ, где составитель списка увидел в описях целых 6 (шесть) фондов, принадлежащих различным представителям императорской фамилии. В отсутствие конкретных ссылок на эти фонды в тексте работы можно было бы напихать и еще. Эффектней бы выглядело. В списке литературы интересен пункт за № 20: «Всепопданнейшие отчеты обер-прокуроров Святейшего Синода: царствование императоров Александра I и Николая I // РНБ Отдел рукописей» (с. 284). Архивный рукописный документ было бы, конечно, уместнее поместить в список использованных архивных источников.

Автор периодически упоминает с гордостью о своей работе в архивах. Однако на презентации она честно заявляет, что «в иностранных архивах... никто не сидит годами и десятилетиями» (Наталья Зазулина б/д 2)². С одной стороны, Н. Г. Зазулина восхваляет зарубежные архивы с их современными техническими возможностями по оцифровке документов. Но отсутствие ссылок на конкретные фонды этих архивов, как и путаница с Отделом рукописей РНБ, заставляет усомниться в компетентности автора в работе с архивными материалами. Вероятно, чтобы как-то завуалировать это, на титульной странице книги была добавлена фраза: «**С привлечением сведений** (выделено нами. — М.Б., А.К.) из архивов Австрии, Англии, Ватикана, Германии и Швеции» (с. 3). При отсутствии конкретных цитат из документов порою складывается впечатление, что приведенные сведения — это лишь информация, взятая из разного ро-

да справочных изданий, а не настоящий, живой архивный материал, с которым и работают историки.

Перейдем теперь к самой книге. Зазулина добросовестно сообщает давно известные основные биографические данные своего героя: кто родители, когда родился, какое получил образование. Останавливается на его первых шагах в свете во времена царствования Екатерины II. Но буквально с первых же страниц вместо рассказа о самом Александре Николаевиче на читателя выливается масса информации о различных перипетиях жизни русского императорского двора. Герой наш возникает в этом информационном море крайне эпизодически, и жизнь его представлена некоторым пунктиром.

При этом автор временами довольно безжалостна к своему герою. Сравнивая поведение А. Н. Голицына в начале Отечественной войны 1812 г. с поступком канцлера Н. П. Румянцева, который продал в казну все полученные им ордена иностранных государств с драгоценными камнями, а вырученные деньги отправил на помощь жертвам войны, она пишет: «Князь А. Н. Голицын никогда не допускал подобной щепетильности — не возвращал наград, не тратился на благотворительность, считая ее бесполезной» (с. 86). Утверждение, что князь А. Н. Голицын считал благотворительность бесполезной, представляется нам преувеличением. Достаточно вспомнить о поддержке им различных благотворительных проектов одного из своих сослуживцев по министер-

² См. с 14:40.

ству А. И. Тургенева. Князь ежегодно жертвовал 6 тыс. рублей «Благодетельному обществу» и завещал ему же еще 142 тыс. после своей смерти (Шпалтаков 2019: 37). Кроме того, сам князь Голицын был попечителем и активным участником «Общества призрения разоренных от неприятеля», основанного в декабре 1812 г. для оказания помощи жителям, пострадавшим во время нашествия Великой армии Наполеона.

Порой автор грешит сомнительной трактовкой исторических фактов. Так, например, Зазулина утверждает, что из-за скандала вокруг фаворитки Александра I М. А. Нарышкиной пострадал ее младший брат Б. Четвертинский, «прошедший военную кампанию 1812 года командиром 1-го конного казачьего полка» (с. 91). Конечно, Б. А. Четвертинский был, по словам его родственника и однополчанина П. Вяземского, «блестящим кавалерийским офицером в прежних войнах» (Вяземский 1882: 201), однако говорить, что он прошел кампанию 1812 г., на наш взгляд, весьма неуместно. Четвертинский был назначен полковником конного казачьего полка московского ополчения, сформированного М. А. Дмитриевым-Мамоновым. В связи с трудностями при комплектации (еще в марте 1813 г. полк не насчитывал и половины численного состава) и из-за потери обмундирования при отступлении из Москвы (Бескровный 1962: 89–90), полк не принимал участия в сражениях кампании 1812 г., ограничившись лишь прикрытием отступающих из Москвы войск. Да и однозначно связывать отставку Четвертинского со скандалом было бы весьма неправильно. «Известный

гусарский полковник», как называл его Ф. Вигель во втором томе своих известных записок, не смог справиться с поставленной перед ним задачей — скорейшим формированием полка, и более того, в полку весьма хромала дисциплина (Вигель 1928: 20).

В постскриптуме автор сообщает, что С. Ю. Беркгейм, которая часто навещала престарелого князя в Гаспре, писала об этих визитах своему брату П. А. Крюденеру, российскому посланнику в Швейцарии. Зазулина любезно сообщает читателям, что эти письма находятся в архиве коммуны Айхберга в Швейцарии (с. 276), но она так и не процитировала ни одного ее письма, которое смогло бы показать «любезному читателю», каким же предстал видный государственный деятель в последние месяцы своей жизни глазам живого свидетеля, отделившись лишь скупой сноской на них: См.: Письма С. Ю. Беркгейм из Крыма в Берн от 21.04. — 10.12.1844... (Там же). Однако при этом Зазулина с сожалением отмечает, что 6 марта 2019 г. в России осталось незамеченным 110-летие польского писателя и философа Станислава Ежи Леца.

В целом книга оставляет у читателей чувство разочарования. Казалось бы, во время работы над книгой автор до некоторой степени решила извечную проблему отечественных историков, а именно — получение доступа к зарубежным архивам. Однако Зазулина так и не смогла в полной мере использовать полученный ею материал. Виною тому, возможно, неудачный выбор жанра. Сам автор жанра эссе М. Монтень писал:

«Мне более близки историки, дающие жизнеописания, ибо они больше останавливаются на намерениях, чем на происшествиях, и больше задерживаются на том, что происходит внутри, чем на том, что совершается снаружи» (*Монтень* 1958: 104). Здесь же, нам кажется, мы узнаем гораздо больше о самом авторе, нежели о герое ее книги.

Князь А.Н. Голицын так и остался неизвестным во всех отношениях. А жаль...

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Вигель 1928 — *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 2. М.: Артель писателей «Круг», 1928.

Вяземский 1882 — *Вяземский П.* Воспоминания о 1812 году // Князь Петр Андреевич Вяземский. Полное собрание сочинений. СПб., 1882.

Егор Серов б/д — Егор Серов о книге Н. Зазулиной Князь А.Н. Голицын. URL: www.youtube.com/watch?v=-

2y2qO4Uksw (дата обращения: 02.01.2020).

Монтень 1958 — *Монтень М.* Опыты. Кн. 2. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958.

Наталья Зазулина б/д 1 — Наталья Зазулина. «Князь А.Н. Голицын». URL: www.youtube.com/watch?v=RQC1VKWHtT0 (дата обращения: 02.01.2020).

Наталья Зазулина б/д 2 — Наталья Зазулина в Главном книжном! URL: www.youtube.com/watch?v=fcpstV2cXPc (дата обращения: 02.01.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бескровный 1962 — *Бескровный Л. Г.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.

Зазулина 2014 — *Зазулина Н. Н.* К портрету А.Н. Голицына // Дом Бурганова. Пространство Культуры. 2014. №3. С. 121–151.

Шпалтаков 2019 — *Шпалтаков В. П.* Благотворительность и условия ее развития в досоветской России // Инновационная экономика и общество. 2019. №2.

BIOGRAPHY WITHOUT HERO

Rev.: *Zazulina N. N.* Kniaz' A. N. Golitsyn. Neizvestnyi vo vseh otnosheniakh. Moscow: Boslen, 2019. 288 p.

Batshev Maxim V. — researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Kunitsyn Alexander A. — independent researcher, MPGU (Moscow)

Key words: prince A.N. Golitsyn, era of Alexander I, Patriotic War of 1812, historical biographies.

Abstract. The reviewed biography of Prince A.N. Golitsyn leaves a feeling of dissatisfaction, not having solved the tasks set by the author.

REFERENCES

Beskrovnyi L.G. *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda*. Moscow, 1962.

Shpaltakov V.P. Blagotvoritel'nost' i usloviia ee razvitiia v dosovetskoi Rossii. *Inno-*

vatsionnaia ekonomika i obshchestvo, 2019, no. 2.

Zazulina N.N. K portretu A. N. Golitsyna. *Dom Burganova. Prostranstvo Kul'tury*, 2014, no. 3, pp. 121–151.

И. В. Лукоянов

Рец.: *Бородин А. П.* Верховная власть и общество Российской империи начала XX столетия глазами современников. Киров: Аверс, 2018. 558 с.

Ключевые слова: Российская империя, российское общество, российская элита начала XX в., Государственный совет Российской империи.

Аннотация. Рецензируемое издание посвящено восприятию глазами современников российской политической элиты начала XX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-338-343

Доктор исторических наук Анатолий Петрович Бородин, известный специалист по политической истории России начала XX в., автор монографий о пореформенном Государственном совете, политических биографий П. А. Столыпина и П. Н. Дурново (*Бородин* 1999; 2004; 2013), выпустил еще одну книгу, на сей раз оригинального жанра. Значительное по объему издание представляет собой свод, сделанный из фрагментов различных текстов, в основном мемуаров и дневников, встречаются также письма, изредка — исследования (к примеру, книга Н. И. Берберовой «Люди и ложи» (с. 458, 474)). Большая их часть уже была опубликована, но есть и архивный материал из нескольких российских хранилищ (преимущественно ГАРФ), а также размещенный в Интернете. Собственно авторский текст невелик, он в основном связывает цитаты и резюмирует некоторые оценки для сохранения стилистической цельности всего корпуса, чтобы он не выглядел как набор разрозненных фрагментов. Т. е. вклад автора скрыт в основном

в их подборе, а также — в биографических справках, которые содержат интересные сведения о судьбах героев, особенно членов Государственного совета, после 1917 г.

Цитаты сгруппированы в книге по персонам (в терминологии А. П. Бородина — это «крупные личности» (с. 30): В. К. Плеве, П. Н. Дурново, П. А. Столыпин, С. Е. Крыжановский и др. Следующее, более высокое их распределение по основной деятельности (придворные, армия, правительство и др.) кажется произвольным. П. Н. Милюков (с. 526–532), например, представлен как министр. Но для него эта должность — лишь краткий, на пару месяцев, эпизод политической карьеры, не сопоставимый по времени с думской деятельностью. А. И. Гучков (с. 457–469) проходит как член Государственного совета. Но он никогда не играл в верхней палате значительной роли, зато успел побывать в 1910–1911 гг. председателем Думы. Однако не они главные герои издания. Львиная доля места отведена

© И. В. Лукоянов, 2020

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, зам. директора по научной работе СПб ИИ РАН, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург); lukoianov@yandex.ru

мнениям мемуаристов о членах Государственного совета. В их число попали и те, кого на самом деле следовало бы охарактеризовать прежде всего как крупнейших бюрократов и политиков. Например, С. Ю. Витте, чья государственная деятельность протекала преимущественно вне стен Мариинского дворца. Разумеется, он также уделял известное внимание «звездной палате», но основной для него она стала лишь после его последней отставки с поста премьера в апреле 1906 г. Похожая ситуация с П. А. Столыпиным: непонятным выглядит определение его титульной роли как члена Государственного совета (с. 38, 339–369), хотя по значимости он был в первую очередь главой правительства и министром внутренних дел. Кроме членов верхней палаты и некоторых сановников, в книгу попали руководители нереволюционных политических партий, но в ней нет большинства думских лидеров, особенно эпохи 1906–1907 гг. Вообще депутатам Государственной думы уделено очень мало места (с. 91–96), особенно на фоне обширной информации о членах Государственного совета. Такое решение можно понять: многие думцы оказались в составе политической элиты на считанные месяцы (И. В. Жилкин, С. В. Аникин, И. Г. Церетели и др.).

В подобранных цитатах составитель привел весь спектр мнений, в том числе полярных, исходивший как от крайне правых, так и от либералов и революционеров. Как быть в такой ситуации читателю? А. П. Бородин не предлагает ему своих оценок, не дает он также и характеристики источника, например, в виде комментария об уровне информированности

мемуариста, а также о степени его субъективности. Однако некоторая избирательность составителя проступает, например, когда речь заходит о П. Н. Дурново (с. 197–201) либо П. А. Столыпине: в книге собраны по большей части комплиментарные отзывы о них, некоторые же их критики обойдены вниманием (для П. Н. Дурново это, например, мемуары С. Ю. Витте или И. И. Толстого, для П. А. Столыпина — воспоминания А. Н. Наумова). Впрочем, это не снимает главного вопроса: позволяет ли такая широкая палитра прийти к взвешенным оценкам исторических персонажей? С осторожностью можно утверждать, что разноголосица суждений дает возможность лишь убедиться в размахе мнений современников и взвесить чужие суждения и аргументы, но не более.

Центром, вокруг которого вращается большинство оценок, взята проблема «безлюдья», злободневная для современников, с которой согласен и составитель (с. 7). Здесь читатель может пожалеть об отсутствии в книге обстоятельной, соответствующей уровню поднятой проблемы вводной статьи. «Нет людей» — это как будто цитата из К. П. Победоносцева, позиция, очень для него характерная. Впрочем, сам-то он, судя по высказыванию людей его эпохи, — разве человек (с. 54–57)? Тем не менее, у обер-прокурора оказалась масса последователей, отказывавших России в наличии достойных государственных людей в канун краха империи. Это хорошо видно из текстов источников, собранных А. П. Бородиным.

Размах «безлюдья», представленный в цитатах, поражает, им охвачена

вся власть в империи сверху донизу. У министров — плохо (правда, об этом не так много суждений), у генералов — тоже «безлюдье» (с. 73–80). Не лучше и в церкви (с. 80–84). Но неужели Антоний Храповицкий или Андрей Ухтомский — это тоже «нет людей»? Еще интереснее — «безлюдье» в Думе (с. 91–96). Ведь институт народных представителей создавался под идею выбрать туда достойнейших. Как же так, почему туда попали другие, и не является ли утверждение К. П. Победоносцева о «величайшей лжи нашего времени» страшной правдой? Однако аналогично обстояло дело в Государственном совете, в том числе и в части назначаемых членов (с. 97 и далее). Причем в рецензируемой книге упор сделан именно на них — цитатами охвачены 180 из 202 сановников, побывавших в этом качестве. Они взяты из самого широкого набора источников: помимо уже отмеченных, это газетная публицистика, цитаты из стенографических отчетов Государственного совета. Если приглядеться, в тексте заметен акцент на оценках и суждениях правых, что задает определенный угол зрения. Например, по их мнению, «людей» не находилось и среди левой части избранных членов верхней палаты, т. е. академиков Императорской Академии наук и профессоров крупнейших российских университетов.

После этого уже не вызывает удивления то, что состояние оппонентов власти — лидеров оппозиции — также оценено мемуаристами критически (с. 85–91). Правда, скепсис выразили по преимуществу их антагонисты справа. Здесь, наконец, пора задаться вопросом: насколько серьезно следу-

ет относиться к многоголосице мнений и суждений, и могут ли все они вообще быть суммированы, стать точкой отсчета для каких-либо выводов? Все-таки о «безлюдье» хорошо бы высказываться прежде всего лидерам, а не их соратникам и просто свидетелям эпохи — их понимания и оценки должны различаться. Кроме того, какова психологическая подоплека подобных характеристик? Ведь подчиненным свойственно ругать своих начальников, но всегда ли заслуженно? Обиды, амбиции, зависть, поиск недостатков у тех, кто выше, — это свойственно человеческой натуре вообще, но имеют ли авторы критических оценок таких и других недостатков меньше?

Еще одна проблема — это существенно усложняющееся управление и публичность власти к началу XX в., когда в нее вовлекается все большее число людей, а сама функция становится более открытой. Это соответственно расширяло пространство для критики чиновников любого уровня. Вероятно, указанный процесс нашел отражение и в частоте появления скептических замечаний о носителях власти. Он многократно усилился в связи с обстоятельствами эпохи. Подавляющее большинство цитированных авторов пережили крах Российской империи, свои тексты они писали уже после 1917 г. Разумеется, почти все мемуаристы оказались на стороне проигравших, в эмиграции они долгие годы искали оправдания случившемуся, как в себе, так и в окружавших их людях. Им трудно, почти невозможно было признать, что режим большевизма, подвергавшийся столь острой критике, был лучше самодержавной власти

«их» эпохи. Большевики — плохие люди, значит ли это, что мы — проигравшие — были хуже их? Вероятно, такие или подобные им соображения стимулировали критические высказывания в адрес государственных персон поздней империи. Действительно, раз царская Россия рухнула, значит, в этом виновато ее руководство. А т.к. большинство по мемуарам состояло из совсем даже не плохих савонников, то, значит, лучше их просто не было — таков может быть психологический путь к утверждению о «безлюдье». Интересно, кстати: сколько было тех, кто не видел проблемы в кадрах или не рефлексировал по ее поводу остро, т.е. не считал, что «безлюдье» — это важный симптом болезни России перед 1917 г.? Положительные образы в книге все-таки встречаются, хотя их очень мало. Это, например, морской министр И. К. Григорович (с. 186–192), Н. Н. Покровский (с. 297–300) или С. Е. Крыжановский (с. 252–257). Т.е. утверждение «нет людей» относится большей частью к феномену мемуаристики и к оценкам общественного мнения, а не к реальной ситуации. В общем, А. П. Бородин подметил интересное явление, которое пока недостаточно разработано в исторических исследованиях.

Последнюю проблему подчеркивает и временной охват текста — два последних царствования, который оказался существенно шире заявленного в названии начала XX в. Временные рамки важны, т.к. оказывается, что и в 1881 г., и в 1917 г. Российская империя была одинаково скудна людьми. Так ли это, и не напоминает ли одинаковая оценка разных эпох позицию советской историографии

с ее вечным «кризисом самодержавия»? Кроме того, возникает другой вопрос: почему все было так плохо на протяжении более трех с половиной десятилетий, т.е. на относительно длительном временном отрезке? Может быть, ответ на него следует искать в иной плоскости: современники отмечали нехватку людей с качествами, нужными в тот момент в конкретных обстоятельствах? У читателя остается впечатление, что предложенный ему свод оценок охватывал каждый раз ситуации, в которых всегда не хватало требуемых в ту минуту лидеров. Но по большому счету эта проблема вечна для всех стран и народов: будущее всегда готовит испытания и сюрпризы, к которым прошлое и настоящее не были готовы. Поэтому избытка нужных людей не наблюдалось всегда: ни при Александре I, ни при Александре II и т.д. Любые большие преобразования, как правило, сталкиваются с дефицитом нужных людей: ни общество, ни власть никогда не бывают готовы к ним в желаемой степени. Характерно, что в приведенных фрагментах сетования на отсутствие людей часто сочетаются с такими же жалобами на кризис в мыслях и отсутствие решительности в делах. Это легко объяснимо — если знали бы, как действовать, нашлись бы и люди. Полагаю, что порассуждать на эту тему следовало бы во введении.

Конечно, возникает и проблема новизны: абсолютное большинство цитированных источников хорошо известно специалистам, многие из цитат уже приводились в исторических исследованиях. Так, в обильном материале про Николая II (с. 7–30) вряд ли можно обнаружить что-либо

новое для его характеристики как правителя. Но есть эффект массы, когда обширные цитаты, громоздясь друг на друга, создают огромное историческое полотно с панорамой мнений о нем и других людях эпохи. Действительно, для XX в. важнее не то, каким был последний самодержец, а что о нем думали современники. В таком калейдоскопе легко выделить основные, разделяемые большинством оценки и подчеркнуть маргинальные. Это придает объективность картине общественного мнения о монархе.

Почему еще вводная статья остро нужна для такого издания? В ней следовало бы объяснить подбор источников. В конце книги читателю предъявлен только их список (с. 544–557) без каких-либо комментариев. Между тем в своде цитат, призванном привести панораму мнений современников, большое значение имеют принципы выборки (понятно, что задействовать абсолютно все невозможно). Как отбирались тексты, почему какие-то мемуары оказались вне выборки составителя? Это, например, некоторые тексты В. В. Шульгина, Л. М. Клячко, мемуары В. Н. фон Дрейера, Ф. П. Рерберга и т. д. Похоже, что в свод попали доступные А. П. Бородину печатные издания и архивные источники. Иначе их подбор сложно объяснить.

Не менее необходимы для такого издания и индивидуальные характеристики источников. Они создавались в разные эпохи, в разнообразных условиях. Одно дело — рефлексии эмигрантского периода жизни, когда эмоции уступали место более рациональным объяснениям и обоснова-

ниям собственной жизненной неудачи, когда память далеко не зеркально отражала события десяти- и двадцатилетней давности, совсем другое — современная событиям публицистика либо переписка — там и впечатления свежее и точнее, и эмоции часто бьют через край.

Издание неплохо вычитано, опечатки, разумеется, можно обнаружить, но их немного, учитывая сложность текста, особенно — ссылок на источники. Вероятно, в некоторых случаях следовало бы сделать перекрестные ссылки, особенно для того, чтобы избегать повторений текстов. Они, правда, почти не встречаются. Я, например, обнаружил лишь один: на страницах 24 и 39 воспроизведен один и тот же сюжет — о намерении Н. Д. Голицына сделать С. Е. Крыжановского министром внутренних дел по одному и тому же источнику. Впрочем, недостаток в оформлении книги все же есть — отсутствие именного указателя. Сама специфика текста требовала составить его, т. к. без него искать сведения о том или ином герое очень трудозатратно.

В общем, получилась большая книга неординарного жанра, аккумулирующая в себе большое количество суждений о людях из власти в Российской империи на закате ее существования. Это итог огромной многолетней работы ее составителя А. П. Бородина. Разумеется, собранным материалом надо уметь пользоваться, т. к. любой свод не дает исчерпывающей информации. Он также субъективен, но размах и объем придают ему больше убедительности, чем отдельным исследованиям или полным публикациям единичных

источников. Конечно, рецензируемой книгой нельзя ограничиваться при характеристике исторических деятелей и оценках их деятельности обществом. Но это ценный подсобный материал, своеобразный подарок исследователям той эпохи, который наверняка поможет многим, нужно только умело им воспользоваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бородин 1999 — Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.

Бородин 2004 — Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

Бородин 2013 — Бородин А. П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.

Rev.: *Borodin A. P. Verkhovnaia vlast' i obshchestvo Rossiiskoi imperii nachala XX stoletia glazami sovremennikov*. Kirov: Avers, 2018. 558 p.

Lukoyanov Igor V. — doctor of historical sciences, Deputy Director on scientific work, SPbIH RAS, Professor HSE (St. Petersburg)

Key words: Russian Empire, Russian society, Russian elite of the early XX century, State Council of the Russian Empire.

Abstract. The subject of the reviewed publication is the perception of the Russian political elite of the early XX century by the eyes of contemporaries.

REFERENCES

Borodin A. P. *Gosudarstvennyi sovet Rossii (1906–1917)*. Kirov, 1999.

Borodin A. P. *Petr Nikolaevich Durnovo. Russkii Nostradamus*. Moscow, 2013.

Borodin A. P. *Stolypin. Reformy vo imia Rossii*. Moscow, 2004.

Т. В. Андреева

ВЗГЛЯД НА СЕРИЙНЫЙ ПРОЕКТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОДНОГО ИЗ СБОРНИКОВ

Рец.: История и историческая память. Сборник. Вып. 4 / под ред. д-ра ист. наук, проф. А. В. Гладышева. Саратов: Саратовский государственный университет, 2011. 280 с.

Ключевые слова: историческая периодика, новая история России, всеобщая история, локальная история, исторические биографии.

Аннотация. На основе одного из выпусков серийного исторического издания рассматриваются некоторые характерные черты современной российской исторической периодики.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-344-355

Проблема формирования и трансляции исторической памяти, историзации и мифологизации общего и индивидуального опыта пережитого остается одной из актуальных тем в современной отечественной и зарубежной историографии (Gillis 1994; Myth and Memory... 2000; Тощенко 2000; Хаттон 2003). Основное внимание специалистов в различных областях гуманитарного знания — историков, социологов, культурологов, литературоведов — обращено на изучение самого процесса меморизации.

В 2010–2011 гг. в Саратове весьма скромным тиражом в 300 экземпляров вышли из печати и уже выдержали проверку временем первые четыре выпуска межвузовского сборника научных трудов «История и историческая память», созданного под эгидой

Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. За ними последовали следующие выпуски вплоть до 17-го, опубликованного в 2018 г. И хотя практика изданий, «отличающихся принципиальной серийностью публикуемых материалов» и получивших в начале XXI в. широкое распространение в публикационной сфере, негативно оценена в современной историографии (Ермаченко 2003: 234), на мой взгляд, серийность не всегда предполагает «раскрутку» серии и не является «подушкой» для успеха незрелых и недобротных работ. Наглядным примером позитивности серийности является данный проект. Идущий навстречу разнообразным исследовательским устремлениям специалистов и интересам широкого круга читательской аудитории,

© Т. В. Андреева, 2020

Андреева Татьяна Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбНИ РАН (Санкт-Петербург)

он объединяет научный потенциал представителей академических учреждений, высших учебных заведений, музеев и библиотек разных регионов России, а также ближнего и дальнего зарубежья (Армении, Белоруссии, Украины, Польши).

Оценивая указанный серийный проект в целом, прежде всего, необходимо отметить те важнейшие особенности, которые отличают его от несерийных сборников научных трудов, посвященных изучению исторической памяти. Главная из них — совокупность широчайшего тематического, хронологического и географического диапазонов его статей и публикаций от неолита до XXI в., от России до Новой Зеландии. Помимо этого, серии присущ широкий формат интерпретации самого феномена исторической памяти, что обусловило рассмотрение неизученных или малоизученных тем. В сфере своего научного исследования авторы включили не только разные его модели — политическую, социальную, коллективную, индивидуальную память, но и их составляющие — школьное и вузовское историческое образование в дореволюционной и современной России и Франции как официальный инструментарий коммеморации; колониальную политику Британской империи; исторические мифологемы формирования современной внешнеполитической доктрины Ирана; почтовые марки, посвященные гуситскому движению как фактор формирования исторического мировоззрения чешской молодежи во второй половине XX в. и т. д.

Существенная особенность серии состоит и в том, что она носит ме-

ждисциплинарный характер: многие статьи ее выпусков находятся на стыке историко-политологического, историко-социологического, историко-культурного и историко-психологического исследований, включают изучение внутри- и внешнеполитических аспектов проблемы исторической памяти. Ряд работ основан на данных археологических и этнографических изысканий и филологии. Следует отметить еще одну важную отличительную черту рецензируемых сборников — взаимодействие в одном историографическом пространстве авторов, имеющих различный научный статус, т. е. видных ученых и аспирантов, студентов. Это позволило продемонстрировать не только концептуальный, но и возрастной спектр традиции, посвященной исторической памяти.

И последнее общее наблюдение — при всем разнообразии тем, нашедшем отражение как в статьях, так и в публикациях издания, все они объединены двумя важнейшими проблемами. Во-первых, проблемой взаимоотношения власти, социальных сообществ (будь то городское население средневековой Украины, профессорский корпус в николаевское царствование или интернированные россияне в Германии в начале августа 1914 г.) и отдельной личности в различные эпохи и в разных государствах. Во-вторых, проблемой соотношения реальной истории с ее реконструкцией в исторической памяти, отражающей различные пути и способы формирования как официальной версии событий, так и массового исторического сознания. Актуальность и научная значимость указанных проблем обусловлена,

с одной стороны, повышенным вниманием современного общества, научного мира и властных структур к мифологизации истории, а с другой — необходимостью выявления места исторической памяти в российском идеологическом пространстве на протяжении нескольких веков.

В своей рецензии ограничимся четвертым выпуском серии, отличающимся новизной и разнообразием методик исследования, наличием нового архивного материала, впервые вводимого в научный оборот. При всем разнообразии тем, различиях методических концептов и авторского стиля представленные тексты отмечены неким внутренним единством, в основе которого лежит стремление исследователей к глубокому и тщательному анализу поставленных вопросов. Хотя структура сборника на протяжении 10 лет менялась, обращение к одному выпуску дает некоторое представление об общих характеристиках серии.

Первый раздел «История, власть и массовое сознание» представлен в ряде выпусков кругом работ, посвященных процессу создания и передачи исторической памяти, определению ее социального значения и выявлению роли в идеологическом и политическом пространствах различных стран и различных эпох. В четвертом выпуске серии данный раздел составляет группа статей — Т. Д. Гошко, Е. А. Вишленковой, Э. Е. Абдрашитова, И. В. Крючкова, В. И. Мусаева, посвященных выявлению путей и определению особенностей формирования различных типов взаимоотношений власти

и социальных сообществ в историческом процессе. Представительница украинского научного сообщества Т. Д. Гошко в своем исследовании обратилась к анализу локационных привилегий городов Центральной и Левобережной Украины в XIV–XVI вв., а также к рассмотрению их органов самоуправления, источников доходов и этнической политики (Гошко 2011: 9–36). Особо следует отметить, что работа основана на широком круге опубликованных источников различных типов и видов — законодательных материалах, актовых документах (публичных локационных и частных грамотах), данных нумизматики. Подобный подход способствовал тому, что история украинских городов в статье Т. Д. Гошко представлена в тесной взаимосвязи трех составляющих — политико-правовой, социальной и культурной. Само же сочинение, выходящее за рамки чисто исторического, превратилось в исследование важнейших проблем истории европейского государства и права, а также дипломатики. Сильной стороной работы является стремление автора рассматривать региональную специфику предоставления королевским и частновладельческим городам локационных привилегий во взаимосвязи с последовательным и поэтапным характером проникновения немецкого права на территорию Центрально-Восточной Европы. Что же касается дипломатики, то представляется, что следовало бы большее внимание уделить источниковедческому анализу, выявлению специфики публичного и частного акта, тем более что по данному вопросу имеются основополагающие труды А. С. Лаппо-Данилевского, С. Н. Валка, С. М. Каштанова.

В статье известной исследовательницы социально-политической истории России первой половины XIX в. Е. А. Вишленковой проведено изучение социальных проблем Российской империи в царствование Николая I посредством анализа официальных медико-биологических описаний, отложившихся в архивных фондах или опубликованных в периодике. Объединяя в своих изысканиях историю отечественной медицины и социальную историю и не соглашаясь с современной западной историографической традицией, рассматривающей такие описания как своего рода социальный контроль «передовых врачей» над здоровьем нации и отражение их оппозиционных настроений, Е. А. Вишленкова справедливо видит в них свидетельство движения навстречу друг другу власти и медиков. Более того, по мнению автора, «сотрудничавшие с властями университетские люди предстают как агенты модернизации и самоцивилизации империи» (Вишленкова 2011: 37–65). Однако здесь следует иметь в виду, что в России инициатором модернизационного процесса всегда выступало государство в лице российских императоров (применительно ко второй четверти XIX в. — Николая I). В силу этого модернизация была направлена не на формирование институтов, характерных для европейского модернизированного общества и государства, а на создание механизмов, обеспечивающих преодоление, прежде всего, военного и экономического отставания России от передовых стран Запада. Эффект от такой модернизации был коротким, и проблема преодоления отставания вставала вновь. И еще одно обстоятельство — объяснения социальных

проблем России во второй четверти XIX в. здесь явно не сводятся к медико-биологическим аспектам.

Статья двух историков, представляющих научное сообщество Ставрополя и Казани, — Э. Е. Абдрашитова и И. В. Крючкова характеризует процесс конструирования образа Германии как врага России в российском общественном мнении в начале Первой мировой войны (Абдрашитов, Крючков 2011: 66–86). Авторы в результате анализа различных источников — официальных материалов Следственной комиссии о положении русских в плену, российской периодики и воспоминаний лиц, прошедших австро-венгерский плен или являвшихся очевидцами событий, — предлагают новые подходы к изучению проблем общественного сознания предреволюционного времени. Реконструируя исторические реалии на основе восприятия национальных и социальных проблем российскими туристами, волею судьбы оказавшимися на территории Германии в первые дни войны и ставшими военнопленными или интернированными, авторы продемонстрировали сложное переплетение жестокости, цинизма, «зверства» и доброты, благожелательности со стороны не только населения немецких городов, но и офицеров и солдат в отношении россиян. Однако доминировавшие в воспоминаниях и публицистике осуждения негуманности немцев, а также необходимость усилить воинствующие настроения в обществе, сформировать стереотип «ужасного немецкого врага» обусловили антинемецкую пропаганду. В данном контексте радует стремление исследователей изучать историю Первой

мировой войны не только в ее военно-политическом, но и в социально-культурном аспекте, что способствует созданию объемной и объективной картины исторических реалий.

Завершает первый раздел четвертого выпуска статья сотрудника Санкт-Петербургского института истории В. И. Мусаева, посвященная актуальному и острому вплоть до настоящего времени «русскому вопросу» в бывших прибалтийских республиках Советского Союза (Мусаев 2011: 87–106). Автор прослеживает основные этапы формирования русской диаспоры в Прибалтике в XVIII–XX вв., указывая, что самый значительный рост русскоязычного населения в этом регионе относится к послевоенным 1945–1953 гг., а затем активность иммиграции снижается. Причем если в Эстонии и Латвии к 1989 г. население состояло на треть из представителей «нетитульной» нации, то в Литве к концу 1980-х гг. выросли численность и удельный вес литовцев. В. И. Мусаев подчеркивает двойственность взаимоотношений между русскими и представителями «титульного» населения в советский период: с одной стороны, имело место взаимное отчуждение на этнической почве, а с другой — тенденция к сближению. Поэтому не удивительно, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в период движения за независимость в прибалтийских республиках, одна часть русскоязычного населения Прибалтики выступала против выхода из состава СССР, считая совершенно необходимым его сохранение, а другая, как и прибалтийцы, — за создание независимых государств. В целом же автор опти-

мистично смотрит на позитивную динамику «русского вопроса» в прибалтийских государствах в начале XXI в., связывая ее с положительным решением проблемы школьного образования на русском языке.

Раздел «От политики забвения к политике памяти» включает три статьи представителей историко-музейных и научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и Казани. Раздел открывается статьей московского историка К. Г. Боленко с анализом книжного собрания князя Н. Б. Юсупова в Архангельском (Боленко 2011: 107–132). Специалист по политической истории России конца XVIII — первой половины XIX в., К. Г. Боленко обратился к данному сюжету не только ввиду хорошей сохранности библиотеки и ее фундаментальности (это — одно из крупнейших российских частных собраний), но и в силу того, что это книжное собрание отражало общие идеологические процессы своего времени. «Ключом», успешно использованным автором, стала методологическая установка на изучение социально-политических концептов второй половины XVIII в. посредством тщательного и всестороннего анализа собрания книг Н. Б. Юсупова по «Россике». Это позволило К. Г. Боленко по-новому взглянуть не только на общие тенденции политического сознания управленческой элиты Российской империи заката екатерининской эпохи, но и на частные интеллектуальные интересы известного вельможи, связанные с его административной и дипломатической деятельностью, пристрастиями и вкусами как коллекционера, театрала, помещика и крупного предпринимателя.

Статья сотрудницы Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» К. А. Ильиной рассматривает на примере Казанского университета включенность профессорского корпуса российских университетов в бюрократические связи в эпоху Александра I и в начале правления Николая I (*Ильина* 2011: 133–158). Надо сказать, что исследовательница разрабатывает тему, практически не представленную в историографии, несмотря на обилие работ, посвященных истории университетского образования в России. В статье на основе анализа университетского делопроизводства прослежены взаимоотношения, а чаще всего столкновения бюрократического контроля с научными стандартами, профессиональными нормами и этическими правилами представителей российской профессуры и делается справедливый вывод об огосударствлении университетов уже в начале царствования Николая I. В этой связи следует подчеркнуть, что данная официальная тенденция находилась в рамках стратегической политической цели, направленной на укрепление абсолютистской государственности, слабые стороны которой отчетливо проявились в дни междуцарствия и 14 декабря 1825 г. Кроме этого, государственное регулирование научной и общественной жизни высшей школы напрямую было связано с задачами формирования новой модели взаимоотношений верховной власти и дворянского общества, идеологической основой которой определялась новая государственная идеология «православия, самодержавия, народности».

Представительница факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге М. С. Федотова свою работу посвятила анализу процесса конструирования исторической памяти о Крымской войне на основе изучения основного «места памяти» и центра паломничества в Севастополе — братского кладбища (*Федотова* 2011: 159–178) и пришла к следующим важным выводам. Во-первых, что именно Севастопольский некрополь сыграл важную роль при формировании мифа о войне 1853–1856 гг. И, во-вторых, что при оформлении героического канона о Крымской войне христианские идеи интегрировались с идеями военного долга, заимствовались евангельские структурные образы и сюжеты. Действительно, не только сама военная кампания оставила глубокий след в умах и сердцах современников и потомков героических защитников Севастополя, но и севастопольский некрополь стал одной из важнейших частей национальной культурно-исторической памяти России.

Третий раздел выпуска и серии «*Биографика*» состоит из группы статей, находящихся в рамках жанра исторической персоналистики и посвященных российским и европейским ученым. Это работы представителей Саратовского государственного университета и Воронежского государственного аграрного университета — А. А. Лебедевой, Т. П. Малютиной и Д. А. Усанова. В последние годы актуализация этого жанра возвращает нас к важнейшему положению о том, что история — наука гуманитарная, следовательно, по преимуществу человековедческая. Воскрешение исследовательского интереса

к явлению, именуемому «человек в науке», с его стремлениями и надеждами, моральными принципами и научными приоритетами, дружескими, семейными привязанностями и житейскими проблемами расширяет границы наших представлений о научном мире, о месте ученого в исторической среде, о самой этой среде в ее различных состояниях.

А. А. Лебедева посвятила свою статью составителю и издателю пятитомного сборника грамот и эпистолярии по истории Моравии (*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*. 1836–1846) чешскому историку Антонину Бочеку (*Лебедева* 2011: 179–185). В этой связи автор касается одного из важнейших вопросов европейской археографии XIX в. — фальсификации документов, поскольку в начале 1860-х гг. данное издание подверглось критике, немалая часть его материалов была признана подделкой. Однако А. А. Лебедева, солидаризуясь с чешской историографией XX — начала XXI в., подчеркивает достоверность многих сведений, нашедших отражение в документах «Codex». Статья носит в большей степени описательный, чем исследовательский характер. В силу этого в работе должным образом не выявлено место А. Бочека в историографии начала XIX в., не прослежена связь археографических принципов ученого с историческими взглядами и политическим мировоззрением «государственного историографа». Кроме этого, следует подчеркнуть, что для эпохи европейского романтизма было характерно не столько «переплетение исторической науки с искусством» (с. 181), сколько стремление власти и общества к вы-

явлению исторических корней различных моделей государственности. Не удивительно, что деятельность А. Бочека по сбору и публикации актового и эвристического материала находилась в одном ряду и проходила одновременно с Археографической экспедицией П. М. Строева в 1829–1834 гг.

Работа Т. П. Малютиной возвращает нас к имеющей основательную историографическую традицию проблеме тайного Кирилло-Мефодиевского общества (1845–1847). Автор рассматривает ее в контексте участия в обществе Н. И. Костомарова, а также его жизни и творчества во время саратовской ссылки (*Малютина* 2011: 186–207). Положив в основу своего исследования анализ главным образом трехтомного сборника документов «Кирило-Мефодіівське товариство» (Київ, 1990), Т. П. Малютина подчеркивает просветительский характер и организационную незрелость данной нелегальной общественной организации, связывая с этим причины столь незначительного наказания (ссылка) для ее членов (Н. И. Гулака, В. М. Белозерского, Н. И. Костомарова), исключая Т. Г. Шевченко. В целом же исследовательница считает, что реакцией николаевского правительства на «появление украинофильских идей» общества стало «уточнение и развитие теории “официальной народности”» (с. 189). Между тем автор не учитывает последние изыскания по данной теме, проведенные с привлечением новых источников, не включенных в указанный выше сборник документов. Прежде всего, имеется в виду работа Т. Н. Жуковской. В ней на основе анализа Всеподданнейшей за-

писки С. С. Уварова «О славянстве», относящейся к первым числам мая 1847 г. и отложившейся в фонде Министерства народного просвещения РГИА, сделан вполне обоснованный вывод, что дело Кирилло-Мефодиевского общества, подорвав тезис о монолитности «русской народности» как опоре самодержавного строя, наоборот, способствовало кризису официальной идеологии николаевского царствования¹.

Свою работу Д. А. Усанов посвятил братьям Н. И. и С. И. Вавиловым и С. Л. и М. Л. Франкам (Усанов 2011: 208–213). Выдающийся биолог-эволюционист Николай Иванович Вавилов, будучи молодым профессором Петроградского университета, летом 1917 г. приехал в Саратов. Семен Людвигович Франк — философ и религиозный мыслитель, также профессор Петербургского университета — прибыл в этот южный город в декабре 1917 г. Согласно воспоминаниям выдающегося антиковеда М. Е. Сергеевко (1891–1987), в это же время приехавшей в Саратов, отъезд из Петербурга, «голодного и беспокойного», плеяды молодых питерских ученых был связан как с тяжелыми бытовыми условиями, так и с приглашением руководства Саратовского университета. При этом сам университет «стал для многих “петербуржцев рассеяния” родным домом, который любили, которым гордились; сюда несли богатый запас молодой энергии, преданности работе, исследовательского и преподавательского энтузиазма» (Сергеевко 2000: 280–303). С. Л. Франк был назначен первым деканом

Историко-филологического факультета Саратовского университета. Н. И. Вавилов стал профессором Саратовских высших сельскохозяйственных курсов, которые с октября 1918 г. вошли в состав Саратовского университета как его Агрономический факультет. И хотя оба выдающихся ученых одновременно, с 1917 по 1921 г., преподавали в одном университете, но в работе Д. И. Усанова нет никаких свидетельств об их научных и личных связях. Поэтому представляется, что название работы («Братья С. И. и Н. И. Вавиловы, С. Л. и М. Л. Франки — саратовские пересечения судеб») не вполне соответствует ее содержанию. В ней речь идет, прежде всего, о научных заслугах Ильи Михайловича Франка, ученика С. И. Вавилова, физика-ядерщика, лауреата Государственной и Нобелевской премий, сына брата С. Л. Франка — М. Л. Франка. Тогда как С. И. Вавилов и М. Л. Франк никогда не жили в Саратове.

Внимание ученых к индивидуально-биографическому жанру нашло отражение и в четвертом разделе сборника, в котором представлены публикации двух наших саратовских коллег — З. Е. Гусаковой и В. А. Соломонова. Первая посвящена А. А. Корнилову и представляет несомненный интерес не только как изучение политической биографии известного историка, но и как отражение борьбы российской научной интеллигенции против ужесточения полицейского режима в начале XX в. А. А. Корнилов был отправлен в ссылку с семьей в Саратов за участие в протестном движении петербургского

¹ См.: (Жуковская 2006: 196–207).

профессорского корпуса в связи с демонстрацией и арестом студентов на Казанской площади столицы 4 марта 1901 г. С 1 по 8 ноября 1902 г. он находился под арестом в саратовской тюрьме. С этим эпизодом и связан документ, опубликованный З. Е. Гусаковой. Это заявление А. А. Корнилова на имя саратовского губернатора А. П. Энгельгардта, в котором историк указывает на незаконность своего ареста без следствия и суда, подчеркивает, что никогда не принимал участие «в революционной» «противозаконной политической деятельности», и потому просил об освобождении (Гусакова 2011: 214–220). Следует подчеркнуть, что данный документ, снабженный добротной вступительной статьей и комментариями, впервые в данном издании вводится в научный оборот.

В рубрике «*Публикации*» В. А. Соломонов также впервые публикует письма яркого представителя последнего дореволюционного поколения петербургской исторической школы П. Г. Любомирова к его учителю С. Ф. Платонову (Соломонов 2011: 221–260). Письма из Петербурга, Томска, Саратова, относящиеся к 1912–1929 гг., т. е. к трагически переломной для страны и российской науки эпохе революционных потрясений, Первой мировой и Гражданской войн, времени крутого поворота от самодержавной к советской России, отражают трагические жизненные и профессиональные перипетии ученого, сложный процесс адаптации историков «старой» школы к новым условиям жизни и работы. Стремясь оставаться независимым и свободным от партийно-политического диктата, П. Г. Любо-

миров как человек с общественным темпераментом весной 1929 г. писал С. Ф. Платонову о Саратовском университете: «В Университете и особенно на нашем факультете какая-то тяжелая атмосфера, удушье. Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают с недоверием» (с. 253–254). Действительно, в конце 1920-х гг. партийно-государственное руководство приняло стратегическую установку на полное экономическое, политическое, методологическое и социальное подчинение научной интеллигенции. «Академическое дело», возникшее осенью 1929 г., более всего свидетельствовало об ужесточении государственного контроля над формированием исторического сознания, исторической памяти.

Итак, анализ материалов четвертого выпуска серии «История и историческая память» дает возможность сделать общий вывод о том, что различные стратегии и тактики, а также институты и процедуры актуализации, сохранения, осмысления и передачи прошлого отражают сложное сочетание субъективного и объективного факторов (законодательства, публицистики, научного исторического знания, фольклора, живого разговорного языка и т. д.) в складывании исторического сознания общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдрашитов, Крючков 2011 — *Абдрашитов Э. Е., Крючков И. В.* Положение россиян в Германии в августе 1914 г. (по материалам отечественной публицистики) // *История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов.* Вып. 4. Саратов, 2011. С. 66–86.

Боленко 2011 — Боленко К.Г. Литература по истории России в библиотеке Н.Б. Юсупова (1751–1831): Вторая половина XVIII века // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 107–132.

Вишленкова 2011 — Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 37–65.

Гошко 2011 — Гошко Т.Д. Правовая локация городов Украина XIV–XVI веков: локационные привилегии // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 9–36.

Гусакова 2011 — Гусакова З.Е. «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А.А. Корнилова) // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 214–220.

Ермаченко 2003 — Ермаченко И.О. Бои за историю, которой не было (Интернет-полемика вокруг Ордуси) // Культура исторической памяти: Невостребованный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 25–28 апреля 2003. г. Петрозаводск, 2003.

Жуковская 2006 — Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество или кризис «официальной народности» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 196–207.

Ильина 2011 — Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 133–158.

Лебедева 2011 — Лебедева А.А. Яркая страница истории славянского нацио-

нального возрождения (Антонин Бочек и его труды по истории Моравии) // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 179–185.

Малютина 2011 — Малютина Т.П. Участие в Кирилло-Мефодиевском обществе и саратовская ссылка Н.И. Костомарова // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 186–207.

Мусаев 2011 — Мусаев В.И. «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990–2000-х гг. и российско-прибалтийские отношения // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 87–106.

Сергеенко 2000 — Сергеенко М.Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / вступительная статья, публикация и комментарии Т.В. Андреевой // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 280–303.

Соломонов 2011 — Соломонов В.А. «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.) // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 221–260.

Тощенко 2000 — Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

Усанов 2011 — Усанов Д.А. Братья С.И. и Н.И. Вавиловы, С.Л. и М.Л. Франки // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 208–213.

Федотова 2011 — Федотова М.С. Севастопольский некрополь: миф о войне 1853–1856 гг. и культ погибших героев // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 159–178.

Хаттон 2003 — Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

Gillis 1994 — Gillis J.R. Memory and Identity: The History of Relationship // Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton, 1994.

Myth and Memory... 2000 — Myth and Memory in the Construction of Community: Historical Patterns in Europe and Beyond. Bruxelles, Bern, Berlin, 2000.

A LOOK AT A SERIAL PROJECT THROUGH THE PRISM OF ONE OF THE COLLECTIONS

Rev.: Istorii i istoricheskaia pamiat'. Sbornik. Vyp. 4, pod red. d-ra ist. nauk, prof. A. V. Gladysheva. Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 2011. 280 p.

Andreeva Tatyana V. — doctor of historical sciences, leading researcher of the SPbIH RAS (St.Petersburg)

Key words: historical periodicals, the new history of Russia, general history, local history, historical biographies.

Abstract. Some typical features of contemporary Russian historical periodicals are views on the basis of one of the issues of the serial historical publication.

REFERENCES

Abdrashitov E. E., Kriuchkov I. V. Polozhenie rossiiian v Germanii v avguste 1914 g. (po materialam otechestvennoi publitsistiki). *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 66–86.

Bolenko K. G. Literatura po istorii Rossii v biblioteko N. B. Iusupova (1751–1831): Vtoraia polovina XVIII veka // *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 107–132.

Ermachenko I. O. Boi za istoriiu, kotoroi ne bylo (Internet-polemika vokrug Ordusi). *Kul'tura istoricheskoi pamiat'i. Nevostrebovannyi opyt.* Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Petrozavodsk, 25–28 apreliia 2003. g. Petrozavodsk, 2003.

Fedotova M. S. Sevastopol'skii nekropol': mif o voine 1853–1856 gg. i kul't pogibshikh geroev. *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 159–178.

Gillis J. R. Memory and Identity: The History of Relationship. *Commemorations:*

The Politics of National Identity. Princeton, 1994.

Goshko T. D. Pravovaia lokatsiia gorodov Ukraina XIV–XVI vekov: lokatsionnye privilegii. *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 9–36.

Gusakova Z. E. "...Ia reshitel'no ne znaiu, za chto popal v tiur'mu' (saratovskii avtograf A. A. Kornilova). *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 214–220.

Il'ina K. A. Professora i biurokraticheskie komunikatsii v Rossiiskoi imperii pervoi treti XIX veka. *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 133–158.

Khatton P. *Istorii kak iskusstvo pamiat'i.* St. Petersburg, 2003.

Lebedeva A. A. Iarkaia stranitsa istorii slavianskogo natsional'nogo vozrozhdeniia (Antonin Boček i ego trudy po istorii Moravii). *Istorii i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 179–185.

Maliutina 2011 — Maliutina T.P. Uchastie v Kirillo-Mefodievskom obshchestve i saratovskaia ssylka N.I. Kostomarov. *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 186–207.

Musaev V.I. "Russkii vopros' v stranakh Baltii v 1990–2000-kh gg. i rossiisko-pribaltiiskie otnosheniia. *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 87–106.

Myth and Memory in the Construction of Community: Historical Patterns in Europe and Beyond. Bruxelles, Bern, Berlin, 2000.

Sergeenko M.E. Vospominaniia o Bestuzhevskikh kursakh i Saratovskom universitete / vstupitel'naia stat'ia, publikatsiia i kommentarii T.V. Andreevoi. *Deiateli russkoi nauki XIX–XX vekov*, vyp. 2. St. Petersburg, 2000, pp. 280–303.

Solomonov V.A. "Chuvstvuiu sebia ochen' neopytnym v delakh literaturnykh..." (Pis'ma P.G. Liubomirova S.F. Platonovu 1912–1929 gg.). *Istoriia i istoricheskaia pa-*

miat': Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 221–260.

Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaia pamiat'. Analiz sovremen-nogo sostoianiia. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2000, no. 4, pp. 3–14.

Usanov D.A. Brat'ia S.I. i N.I. Vavilovy, S.L. i M.L. Franki. *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 208–213.

Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie ob"iasneniia sotsial'nykh problem Rossii (vtoraia tret' XIX veka). *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4. Saratov, 2011, pp. 37–65.

Zhukovskaia T.N.S.S. Uvarov i Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo ili krizis "ofitsial'noi narodnosti". *Otechestvennaia istoriia i istoricheskaia mysl' v Rossii XIX–XX vekov*. Sbornik statei k 75-letiiu Alekseia Nikolaevicha Tsamutali. St. Petersburg, 2006, pp. 196–207.

Т. А. Мухаматулин

«СЕРЬЕЗНАЯ ЗАБАВА»: СОВЕТСКИЙ СПОРТ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Ключевые слова: спорт, Советский Союз, историография, холодная война, гендер, национальный вопрос в СССР, советское общество.

Аннотация: Данная статья повествует о содержании основных работ по истории советского спорта. Автор показывает, как тема спорта связана с «большими» темами советской истории, такими как история советского общества, гендерная история, история национальностей. Тем не менее, по мнению автора, существуют значительные историографические лакуны, разработка которых позволит улучшить понимание различных аспектов советской истории.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-356-365

Когда я готовил автореферат к защите кандидатской диссертации, я упомянул в нем ту часть моего исследования, которая была посвящена истории приезда футбольной команды Страны Басков в Советский Союз в 1937 г.. Как мне казалось, это была одна из лучших его глав, но глава комиссии N, ознакомившись с текстом, заметила, мол: «Вы бы вставили в текст что-то посерьезнее».

Эта история отчетливо демонстрирует отношение многих наших историков к спорту и конкретно к футболу. Спортивные занятия в целом воспринимаются как «низкий жанр», исследование которого не позволяет сделать полезных выводов о «больших» процессах в истории. Поэтому выходящая в советское время литература о спорте носила или справочный, или мемуарный характер (*Старостин* 1959; *Якушин* 1988; *Кулиба-*

© Т. А. Мухаматулин, 2020

Мухаматулин Тимур Анварович — кандидат исторических наук, докторант Университета Ратгерс (США); timur.mukhamatulin@rutgers.edu

* Данная статья выполнена в рамках проекта № 18-09-00647 Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Феномен советского спорта в контексте холодной войны».

бенко 1990; Латынина 2014 и т.д.). Причем советские историки были не единственными в своем роде. Одна из первых англоязычных книг, посвященных истории спорта в СССР, получила характерное название «Серьезная забава». Таким образом, историкам спорта и в других странах было необходимо для начала завоевать право на исследование спорта как сферы общественной жизни.

Цель данного обзора — показать, как работы по истории спорта могут вписываться в более широкий контекст советской истории. Современная, преимущественно англоязычная историография демонстрирует пересечения между историей спорта и социальной, гендерной историей Советского Союза, историей национальностей и историей холодной войны. В обзор не вошли работы в сфере истории искусств, в которых советский спорт, особенно довоенного периода, часто становится объектом исследования (O'Mahony 2006²; см. также: Kiaer 2010 и мн. др.).

Несмотря на то, что за последние 20–25 лет история спорта стала глобально признанным и оформившимся исследовательским направлением, число исследований по советскому спорту невелико. Первые работы о советском спорте, вышедшие за пределы «голов, очков, секунд», появились в англоязычной историографии еще в первой половине 1960-х гг., когда американский социолог Генри Мортон создает описание советской физкультуры и спорта, основных органов, управляющих этой сферой, и проводимых мероприятий

(Morton 1963). Мортон попытался вписывать историю советского спорта в более широкий контекст социальных изменений, увязывая его пространство с модернизацией и индустриализацией (Idem.: 212).

В 1977 г. советский спорт стал предметом исследования британского историка Джеймса Риордана. Его книга явилась первым повествованием о развитии спорта в нашей стране начиная с дореволюционной эпохи (Riordan 1977). Риордан описал как эволюцию отдельных спортивных дисциплин, так и всей системы управления физкультурой и спортом в Советском Союзе. Помимо приведения обильной фактической информации, заслуга Риордана состоит в том, что он задумался о самой природе понимания функции спорта в СССР. По его мнению, большевики поддерживали массовые занятия физической культурой, опираясь не только на марксистскую философию, пропагандировавшую единство тела и духа, но и на богатую традицию русской классической литературы (Idem.: 43–67). Начиная с В. Белинского, считает Риордан, писатели и публицисты видели в спорте путь к созданию более гармоничной личности. Действительно, о «гимнастике для тела и души», необходимой Обломову, говорит Штольц в романе И.А. Гончарова. Н.Г. Чернышевский создал образ революционера Рахметова, «особенного человека», органичной частью которого были занятия гимнастикой. Не ограничиваясь фактографией, работа Риордана формирует важные теоретические рамки для исследователей спорта. Проблемная часть его повествования — в том, что

² Русский перевод книги см.: (O'Mahoni 2010).

он фокусируется на государственном управлении как по сути единственном «агенте влияния». Ни зрители, ни спортсмены, ни связанные со спортом профессионалы (врачи и научные работники) в его работе, как и в работе Мортонна, не рассматриваются как сколько-нибудь самостоятельные субъекты, их функция сводится к выполнению решений партийно-государственного руководства. Конечно, во многом это было обусловлено тем, что эти исследователи не имели доступа в советские архивы, основываясь на материалах прессы и открытой печати.

Полноценную революцию в изучении истории советского спорта совершил в середине 1990-х гг. Роберт Эдельман. В своей книге «Серьезная забава» он исходит из того, что у зрителей и спортивных чиновников были разные цели и интересы: бюрократы были преимущественно озабочены медалями, победами и государственным престижем, достигаемым с помощью спорта, а зрители, в свою очередь, думали о том, как хорошо провести время (Edelman 1993: IX)³. Сфокусировавшись в своей книге на опыте зрителей, историк утверждает, что спорт был одним из немногих пространств свободы для советских людей. Они могли, во-первых, выбирать виды спорта, за которыми следить. По словам Эдельмана, это позволило футболу, хоккею и с оговорками баскетболу стать намного

более популярными дисциплинами, чем другие, приносившие больше медалей олимпийские виды. Во-вторых, зрители могли самостоятельно выбирать команду, за которую болеть, и само понятие «болельщик» той или иной команды стало одним из способов самопрезентации личности. В дальнейшем Эдельман сконцентрировался на более тщательном изучении этого феномена. Вышедшая в 2009 г. биография футбольной команды московского «Спартака» во многом посвящена именно тому, что значило для советских граждан «болеть за “Спартак”». Как пытается доказать автор, выбор команды, за которую болеть, в определенных условиях мог граничить с политической фрондой, стать способом «сказать нет» властям, и это объединяло в рядах болельщиков рабочих с окраин и фрондирующую интеллигенцию (Edelman 2009). Эдельман, однако, признает ограничения такого осмысления. Он справедливо замечает, что определения команд как «рабочих», «католических» (на Западе), «народных» и т.д. конструируются благодаря журналистским и прочим культурным дискурсам, созданным «весьма вовлеченными наблюдателями», и далеко не всегда разделяются *всеми* болельщиками (Idem: 252). Тем не менее Эдельман стал первым историком, указавшим на глубокую взаимосвязь между «болением» за спортивную команду и занятой общественной позицией⁴.

³ Книга доступна в русском переводе. См.: (Эдельман 2008).

⁴ Советское общество было, естественно, не единственным, в котором спорт и, в частности, футбол стал способом выразить свою политическую позицию. Так, «боление» против берлинского «Динамо» в Германской Демократической Республике было связано с тем, что клубу покровительствовали восточногерманские спецслужбы (Штази). См.: подробнее: McDougall 2020: 113–125). В некоторых странах спортивные противостояния окрашены в национальные или религиозные тона. Так, в Глазго поклонники «Селтика» — преимущественно католики, а «Рейнджерс» — протестанты;

Идеи и подходы Эдельмана в конце 2000-х гг. вызвали серию новых исследований о советских болельщиках. Немецкий историк Манфред Целлер также ставит в центр своих исследований зрителей. Он начал использовать новые для историков советского спорта источники: письма болельщиков и материалы устной истории. Целлер показывает, в частности, как национальный вопрос в СССР находил свое специфическое отражение в спорте. Так, анализируя почту болельщиков киевского «Динамо», которые в середине 1960-х гг. получили возможность смотреть матчи по телевизору, он демонстрирует, как они создавали новую, транснациональную общность. Это, однако, как отмечает Целлер, сочеталось с выражением украинских национальных чувств, особенно в Западной и Центральной Украине (Zeller 2011: 53–82). Еще один историк, занимающийся советской национальной политикой, — американец Эрик Скотт — использует материал грузинского футбола и команды «Динамо» (Тбилиси), чтобы показать, как футбольная игра становилась «легитимным» способом выражения национальных

чувств. Он утверждает, что особенный футбольный стиль команды стал одним из олицетворений грузинской культуры в СССР, а создаваемые в ее честь культурные продукты, например, песни местных вокально-инструментальных ансамблей, опирались на национальную, а не на социалистическую риторику (Skott 2020: 85–98)⁵. Чуть менее радужной предстает картина советской национальной политики в другой статье Целлера. В ней историк опирается на интервью с уроженцами Закавказья, оказавшимися в Москве в 1940-х гг. и выбравшими «Спартак» в качестве объекта сопереживания. Целлер показывает, что «Спартак» казался им наиболее интернациональным клубом, болельщики которого были меньше всего склонны проявлять ксенофобские предрассудки (Zeller 2010: 201–204).

Таким образом, можно заметить, что противоречия советской национальной политики и ее низовые проявления попадают в поле зрения исследователей спорта, которые показывают разные ее грани — от интернационализма до ксенофобии⁶.

каталонцы, живущие в Барселоне, склонны болеть за одноименный клуб, в то время как «Эспаньол» считается командой местных катильцев. Конечно, все разделения подобного рода условны, но создаваемые клубами и их болельщиками дискурсы во многом основываются на них. Популярное изложение некоторых казусов подобного рода см.: (Foer 2004).

⁵ Перевод статьи Скотта на русский язык, выполненный С. Бондаренко, доступен онлайн. См.: URL: urokiistorii.ru/article/56331?fbclid=IwAR1Yd8cpwdqzxLJWneUUC9dp1lhXrlsbAgiPkQSLX9CxfXRnzscI0KAoQ (дата обращения: 17.01.2020).

⁶ Советский Союз, конечно же, был не единственным государством, в котором национальный вопрос находил выражение через спорт. В некоторых случаях он становился способом инклюзии и «наведения мостов» между разными сообществами: так, в Израиле, как показывает Тамир Сорек, футбол — одна из немногих сфер, в которой представители арабского и еврейского секторов этого государства взаимодействуют, см.: (Sorek 2007). Аналогичные процессы происходили в Новой Зеландии, где регби стал одним из мест взаимодействия между потомками английских переселенцев и маори. См.: (Chandler, Nauright 1996). Однако в некоторых случаях, например, в ЮАР, регби, напротив, явился одним из зримых символов апартеида в силу сложившейся практики исключения из этой сферы деятельности коренных африканцев. Помещение советского опыта в глобальный контекст в данном случае может быть эффективным исследовательским приемом.

Однако, к сожалению, не все периоды существования советского государства изучены одинаково. Так, эпоха перестройки, обострение национального вопроса и его проявления в футболе и около него пока практически не исследуются. Роль спорта в национальном строительстве и особенно в ходе кампаний по опережающему развитию некоторых национальных окраин в довоенный период также пока недостаточно представлена в исследовательской литературе.

Несмотря на значение работ Эдельмана, часть историков советского спорта по-прежнему фокусируется на государстве и его политике в области спорта. Они, как правило, изучают раннесоветский период, делая акцент на массовой активности в этой области (физкультуре). Сюзан Грант рассматривает спорт как способ донесения до людей самых разных современных практик, включая медико-гигиенические. Советская власть, как показывает Грант, не делала различий между городом и деревней, русскими и нерусскими частями Союза. Таким образом, занятия физкультурой становятся частью создававшегося образа Нового человека. Работа Грант подробно описывает методы и цели пропаганды физкультуры, включая использование частушек и агитационных плакатов. Грант выделяет те категории населения, на приобщение которых к физкультуре советские власти обращали наибольшее внимание: женщины, жители сельских местностей, молодежь (*Grant 2013*). В результате становится видно, что физкультура была важной частью советского модернизационного проекта, направленного как на конкретного человека, так и на общество в целом.

К сожалению, исследователи физкультуры почти не изучают массовых занятий спортом после Великой Отечественной войны. В тех немногих текстах, которые хотя бы касаются этой темы, общим местом является упоминание об их постепенном угасании. Николас Катцер связывает это с ростом пассивного потребления спорта благодаря новым техническим средствам, таким как телевидение, начиная с 1960-х гг., а также общей «социальной усталостью» (*Katzer 2010: 11*). Тем не менее массовая физкультура продолжала существовать и поддерживаться государством до последних дней СССР, и ее исследования позволят обогатить представления историков о позднем периоде истории Советского государства.

Как ни странно, подходы гендерной истории к советскому спорту пока применяются нечасто. Уже упоминавшиеся выше Риордан и Грант посвящали отдельные части своих работ этим проблемам, однако, в силу специфики их исследовательского фокуса, они не затрагивали вопрос о том, что должны были символизировать женщины, занимающиеся спортом, как спорт отражал изменения в советском понимании феминности и т.д. Едва ли не единственным известным мне исключением стала работа Анке Хильбреннер, посвященная пониманию женственности в спорте в брежневскую эпоху. Хильбреннер убедительно отмечает, что 1970–1980-е гг. были эпохой торжества консервативного понимания феминности (выражавшегося понятием «женственность»). Это привело, в частности, к запрету приобщения женщин к некоторым

«не женским» видам спорта, таким, как футбол. Хильбреннер показывает, как традиционные взгляды советской правящей верхушки на роли и социальные взаимоотношения между мужчинами и женщинами повлияли на политику в сфере спорта, при этом советские ученые обратились к биологическим объяснениям спортивного «гендерного неравенства» (Hilbrenner 2010: 295–317). Тем не менее полноценные исследования женского спорта в СССР, его эволюции и взаимоотношений с гендерным порядком, установившимся в разные периоды существования Советского Союза, еще не написаны.

Еще один контекст, в который в последние годы исследователи активно помещают советский спорт, — это история холодной войны. Это стало возможным благодаря сформулированной в последнее десятилетие идее, согласно которой эпицентром противостояния Советского Союза и США была отнюдь не военная сфера. Быт, культура, наука и спорт становятся главными полями сражений в условиях, когда прямое силовое столкновение приводит к ядерному Апокалипсису. Метафорой дуэли сверхдержав становятся «кухонные дебаты», прошедшие в Москве в 1959 г. между Н.С. Хрущевым и Р. Никсоном, бывшим тогда вице-президентом США. Как следствие, популярен такой аспект холодной войны, как история потребления, особенно в странах социалистического лагеря (Communism Unwrapped 2012; Иванова 2017 и др.). При этом многие историки воспринимают холодную войну как улицу с односторонним движением: они описывают ее прежде всего как историю посто-

янного влияния Запада на Восток и столь же постоянной неспособности советских и восточноевропейских властей его прекратить. Спорт в этих условиях становится одним из полей, где обе стороны противостояния сталкивались друг с другом. Победы на спортивных аренах были символами превосходства той или иной социально-экономической системы. Первым исследователем, поставившим советский спорт высших достижений в контекст холодной войны, стал М. Ю. Прозуменщиков, который на основании широкого массива документов из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) показал, как партийно-государственное руководство контролировало выступления советских атлетов. Обращаясь к драматическим эпизодам советской и международной спортивной истории, таким как бойкот Олимпийских игр в Москве и Лос-Анджелесе в 1980 и 1984 гг. соответственно, а также дискуссиям об участии команды СССР в Играх в Сеуле в 1988 г., Прозуменщиков демонстрирует значение спорта как инструмента холодной войны (Прозуменщиков 2004).

Однако в центре публичного внимания и в годы политического противостояния все же были атлеты, и неудивительно, что новая волна исследований спорта в условиях холодной войны посвящена именно им. Историки в последнее десятилетие деконструируют укрепившиеся в годы холодной войны представления о советских атлетах. Они показывают, что западные медиа последовательно изображали советских спортсменов «машинами» и «роботами», противопоставляя их «обычным»,

«человечным» западным атлетам⁷. Бимиш и Риче фокусируют внимание на образах женщин. Представительницы Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы считались «нарушающими традиционные представления о женственности», их называли «мужчинами в юбках» и даже «женщинами с яйцами». Эти авторы в своей статье отмечают, что подобные образы зачастую основывались на слухах об употреблении допинга (конкретно, анаболических стероидов) советскими спортсменами. Они заключают, что подобным способом проводилась идея циничного использования науки «тоталитарными» режимами и выстраивались параллели между Советским Союзом и нацистской Германией. Введение «секс-теста» в 1960-е гг., таким образом, в дискурсе западных медиа стало символом восстановления «честности» и укрепления западных представлений о феминности как господствующих и нормативных (*Beamisch, Ritchie 2007: 11–25*).

Бимиш и Ричи успешно показывают, что представления о советских атлетах-женщинах возникли не сами по себе, а были частью идеологической борьбы в рамках холодной войны. Их статья также позволяет обратить внимание на проблему допинга и образ нелегальной фармакологии в исто-

рии спорта времен холодной войны. До сих пор не существует исследований о том, как работали системы медицины-фармакологического сопровождения спортсменов в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря (особенно это актуально для ГДР). Дискуссии экспертов (врачей, научных работников, тренеров) о допинге — нужен ли он, и если да, то какой и почему, — также пока находятся вне внимания исследователей спорта.

Значение темы допинга и спортивной фармакологии в истории советского спорта периода холодной войны выходит за рамки истории спорта. По справедливому замечанию Дженифер Паркс, представление о системных злоупотреблениях, сформированное в 1980-е гг. после появления многочисленных разоблачительных свидетельств очевидцев, интервью и журналистских расследований, давало почву для сравнения и сближения советского режима с нацистским и поддерживало концепцию «тоталитаризма», которая доминировала среди англофонных историков Советского Союза на протяжении десятилетий (*Parks 2016: xvi*). Глубокие исследования в этой сфере могли бы изменить эту модель, которая также видится порождением политической конъюнктуры глобального противостояния⁸.

⁷ В массовой культуре примером подобного образа может стать боксер Иван Драго, выглядящий лишенной человеческих чувств машиной, который противопоставляется «обычному» Рокки, тренирующемуся бегать на лестнице в Филадельфии, в фильме «Рокки IV» (1985).

⁸ Нужно с горечью отметить, что речь не идет о том, что системы фармакологической «поддержки» атлетов в СССР не существовало. Сохранился ряд свидетельств о «задопингованности», к примеру, советской тяжелой атлетики. См.: интервью спортсменов Василия Алексева, данное им в сентябре 2011 года (URL: www.sport-express.ru/fridays/reviews/798432/, дата обращения: 17.01.2020), или Исраила Арсамакова, заявившего осенью 2017 года, что «и в 1980, и в 1984 спортсмены ведрами употребляли химию» (URL: meduza.io/feature/2017/12/07/v-1984-m-vedrami-upotrebyali-himiyu, дата обращения: 17.01.2020). Более глубокое исследование механизмов этой системы позволит сделать ее описание более точным.

Кратко подведу итоги: за последние два десятилетия история спорта потихоньку выбралась из гетто, став самостоятельным и устойчивым исследовательским направлением. Историки показали, как спорт в качестве объекта исследования может быть вписан в самые широкие дискуссии о советской истории. Более того, в сфере спорта можно увидеть отражения самых разнообразных процессов, которые переживало советское общество: от урбанизации и милитаризации до изменений гендерного порядка и укрепления национальных идентичностей. Так что «серьезной забаве» в Советском Союзе историкам стоит уделять самое серьезное внимание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Иванова 2017 — *Иванова А.С.* Магазины «Березка»: Парадоксы потребления в позднем СССР. М.: НЛО, 2017.

Кулибабенко 1990 — *Кулибабенко В.Н.* Футбол в фалеристике, датах и событиях. Киев, Молодь, 1990.

Латынина 2014 — *Латынина Л.С.* Гимнастика сквозь годы (воспоминания). СПб.: Фонд Альфреда Нобеля, 2014.

О'Махони 2010 — *О'Махони М.* Спорт в СССР. Физическая культура — визуальная культура. М.: НЛО, 2010.

Прокуменищikov 2004 — *Прокуменищikov М.Ю.* Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004.

Старостин 1959 — *Старостин А.П.* Большой футбол. М.: Молодая гвардия, 1959.

Эдельман 2008 — *Эдельман Р.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт, 2008.

Якушин 1988 — *Якушин М.И.* Вечная тайна футбола. М.: Физкультура и спорт, 1988.

Parks 2016 — *Parks J.* The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War. Red Sport, Red Tape. London: Lexington Books, 2016.

Beamish, Ritchie 2007 — *Beamish R., Ritchie I.* Totalitarian Regimes and Cold War Sport. Steroid “Übermenschen” and “Ball-bearing Females” // *East Plays West: Sport and the Cold War* (под ред. Дэвида Эндрюса и Стивена Ванга). London: Routledge, 2007. P. 11–25.

Chandler, Nauright 1996 — *Chandler T., Nauright J.* Introduction: Rugby, Manhood, and Identity // *Making Men: Rugby and Masculine Identity* (под ред. Т. Чэндлера и Дж. Норайта). London: F. Cass, 1996.

Communism Unwrapped 2012 — *Communism Unwrapped: Consumption in Cold-War Eastern Europe* (под ред. Паулины Брен, Мэри Нейбургер). New York: Oxford University Press, 2012.

Edelman 1993 — *Edelman R.* Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR. New York: Oxford University Press, 1993.

Edelman 2009 — *Edelman R.* Spartak Moscow: A History of the People's Team in the Workers' State. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

Foer 2004 — *Foer F.* How Soccer Explains the World: An Unlikely Theory of Globalization. New York: Harper Perennial, 2004.

Grant 2013 — *Grant S.* Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s. London: Routledge, 2013.

Hilbrenner 2010 — *Hilbrenner A.* Soviet Sports in in the Brezhnev's Years: The Female Body and Soviet Modernism // *Euphoria and Exhaustion* (под ред. Н. Катцера, С. Буди, А. Керинг, М. Целлера). Frankfurt: Campus Verlag, 2010. P. 295–317.

Katzer 2010 — *Katzer N.* Foreword // *Euphoria and Exhaustion* (под ред. Н. Катцера, С. Буди, А. Керинг, М. Целлера). Frankfurt: Campus Verlag, 2010.

Kiaer 2010 — *Kiaer Ch.* The Swimming Vtorova Sisters: The Representation and Experience of Sport in the 1930s // Euphoria and Exhaustion (под ред. Н. Катцера, С. Буди, А. Керинг, М. Целлера). Frankfurt: Campus Verlag, 2010. P. 89–110.

McDougall 2020 — *McDougall A.* Eulogy to Theft: Berliner FC Dynamo, East German Football, and the End of Communism // The Whole World was Watching: Sport in the Cold War (под ред. Р. Эдельмана и К. Янга). Stanford: Stanford University Press, 2020.

Morton 1963 — *Morton H.* Soviet Sport, Mirror of Soviet Society. New York: Colier Books, 1963.

O'Mahony 2006 — *O'Mahony M.* Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture. London: Reaktion Books, 2006.

Riordan 1977 — *Riordan J.* Sport in Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and in the USSR.

New York: Cambridge University Press, 1977.

Skott 2020 — *Skott E.* Soccer Artistry and The Secret Police: Georgian Football in the Multiethnic Soviet Empire // The Whole World was Watching: Sport in the Cold War (под ред. Р. Эдельмана и К. Янга). Stanford: Stanford University Press, 2020. P. 85–98.

Sorek 2007 — *Sorek T.* Arab Sport in Jewish State: The Integrative Exclave. New York: Cambridge University Press, 2007.

Zeller 2010 — *Zeller M.* “The Second Stalingrad”: Soccer Fandom, Popular Memory, and the Legacy of the Stalinist Past // Euphoria and Exhaustion (под ред. Н. Катцера, С. Буди, А. Керинг, М. Целлера). Frankfurt: Campus Verlag, 2010.

Zeller 2011 — *Zeller M.* “Our Own Internationale”, 1966: Dynamo Kiev Fans between Local Identity and Transnational Imagination // *Kritika*. 2011. № 12 (1). P. 53–82.

“SERIOUS FUN”: SOVIET SPORT IN CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Mukhamatulin Timur A. — PhD in historical sciences, doctoral student at Rutgers University (USA)

Key words: sport, Soviet Union, historiography, Cold War, gender, national issue in the USSR, Soviet society.

Abstract: This article describes the content of the main works on the history of Soviet sports. The author shows how the theme of sport is connected with the “big” topics of Soviet history, such as the history of Soviet society, gender history, the history of nationalities. Nevertheless, according to the author, there are significant historiographic gaps and further researches will improve understanding of various aspects of Soviet history.

REFERENCES

Beamish R., Ritchie I. Totalitarian Regimes and Cold War Sport. Steroid “Übermenschen” and “Ball-bearing Females”. *East Plays West: Sport and the Cold War* (под ред. Devida Endriusa i Stivena Vanga). London: Routledge, 2007, pp. 11–25.

Chandler T., Nauright J. Introduction: Rugby, Manhood, and Identity. *Making Men: Rugby and Masculine Identity* (под ред. Т. Чендлера и Дзх. Норайта). London: F. Cass, 1996.

Communism Unwrapped: Consumption in Cold-War Eastern Europe (под ред. Pauliny

- Bren, Meri Neiburger). New York: Oxford University Press, 2012.
- Edel'man R. *Ser'eznaia zabava. Istoriia zrel-ishchnogo sporta v SSSR*. Moscow: Sovetskii sport, 2008.
- Edelman R. *Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR*. New York: Oxford University Press, 1993.
- Edelman R. *Spartak Moscow: A History of the People's Team in the Workers' State*. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Foer F. *How Soccer Explains the World: An Unlikely Theory of Globalization*. New York: Harper Perennial, 2004.
- Grant S. *Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s*. London: Routledge, 2013.
- Hilbrenner A. Soviet Sports in in the Brezhnev's Years: The Female Body and Soviet Modernism. *Euphoria and Exhaustion* (pod red. N. Kattsera, S. Budi, A. Kering, M. Tsellera). Frankfurt: Campus Verlag, 2010, pp. 295–317.
- Iakushin M. I. *Vechnaia taina futbola*. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1988.
- Ivanova A. S. *Magaziny "Berezka": Paradoksy potrebleniia v pozdnem SSSR*. Moscow: NLO, 2017.
- Katzer N. Foreword. *Euphoria and Exhaustion* (pod red. N. Kattsera, S. Budi, A. Kering, M. Tsellera). Frankfurt: Campus Verlag, 2010.
- Kiaer Ch. The Swimming Vtorova Sisters: The Representation and Experience of Sport in the 1930s. *Euphoria and Exhaustion* (pod red. N. Kattsera, S. Budi, A. Kering, M. Tsellera). Frankfurt: Campus Verlag, 2010, pp. 89–110.
- Kulibabenko V. N. *Futbol v faleristike, datakh i sobytiakh*. Kiev, Molod', 1990.
- Latynina L. S. *Gimnastika skvoz' gody (vospominaniia)*. St. Petersburg: Fond Al'freda Nobelia, 2014.
- McDougall A. Eulogy to Theft: Berliner FC Dynamo, East German Football, and the End of Communism. *The Whole World was Watching: Sport in the Cold War* (pod red. R. Edel'mana i K. Ianga). Stanford: Stanford University Press, 2020.
- Morton H. *Soviet Sport, Mirror of Soviet Society*. New York: Colier Books, 1963.
- O'Mahony M. *Sport in the USSR: Physical Culture – Visual Culture*. London: Reaktion Books, 2006.
- O'Makhoni M. *Sport v SSSR. Fizicheskaia kul'tura – vizual'naia kul'tura*. Moscow: NLO, 2010.
- Parks J. *The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War. Red Sport, Red Tape*. London: Lexington Books, 2016.
- Prozumenshchikov M. Iu. *Bol'shoi sport i bol'shaia politika*. Moscow: ROSSPEN, 2004.
- Riordan J. *Sport in Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and in the USSR*. New York: Cambridge University Press, 1977.
- Skott E. Soccer Artistry and The Secret Police: Georgian Football in the Multiethnic Soviet Empire. *The Whole World was Watching: Sport in the Cold War* (pod red. R. Edel'mana i K. Ianga). Stanford: Stanford University Press, 2020, pp. 85–98.
- Sorek T. *Arab Sport in Jewish State: The Integrative Exclave*. New York: Cambridge University Press, 2007.
- Starostin A. P. *Bol'shoi futbol*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1959.
- Zeller M. "Our Own Internationale", 1966: Dynamo Kiev Fans between Local Identity and Transnational Imagination. *Kritika*, 2011, no. 12 (1), pp. 53–82.
- Zeller M. "The Second Stalingrad": Soccer Fandom, Popular Memory, and the Legacy of the Stalinist Past. *Euphoria and Exhaustion* (pod red. N. Kattsera, S. Budi, A. Kering, M. Tsellera). Frankfurt: Campus Verlag, 2010.

П. Г. Черемушкин

БРЕЖНЕВ В НЕМЕЦКОМ ЗЕРКАЛЕ, ИЛИ «ДОКТРИНА БРЕЖНЕВА» ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА.

Размышления свидетеля эпохи над книгой Сюзанны Шаттенберг о Брежневе

Рец.: *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны.
М.: РОССПЭН, 2018. 623 с.

Ключевые слова: Л. И. Брежнев, эпоха застоя в истории СССР, внешняя политика СССР, вторжение войск пяти стран в Чехословакию в 1968 г., вторжение 1979 г. в Афганистан, польский кризис 1980–1981 гг., политика разрядки, совещание 1975 г. по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Аннотация. Рецензируется монография немецкого историка Сюзанны Шаттенберг, посвященная Л. И. Брежневу и его эпохе в истории СССР.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-366-375

7 ноября 1981 г. я чувствовал, что буду очень старым, когда наступит 2000 г.: мне будет 36 лет. Мы сидели на подмосковной даче и смотрели парад на Красной площади по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Падал снег на фуражки военных, а на трибуне мавзолея стоял Леонид Ильич Брежнев со всеми своими соратниками. Советский Союз был на пике того периода своей истории, который позже назовут застоём. Пятнадцать республик входили в его состав, Организация Варшавского

договора включала почти все страны нынешней Центральной Европы. Моя многоопытная, много пережившая бабушка посмотрела на экран телевизора, на стоящих на мавзолее руководителей, казавшихся вечными, и произнесла фразу, которой я тогда не придал значения: «Ничего, ничего. Скоро придет молодой и всех вас разгонит!» До «воцарения» Горбачева оставались какие-то четыре года. Он, действительно, пришел и всех разогнал, но сначала сам Брежнев должен был сойти с политической сцены.

© П. Г. Черемушкин, 2020

Черемушкин Петр Германович — доцент Московского государственного лингвистического университета, кандидат искусствоведения; kretovich@gmail.com

Кто такой Леонид Ильич Брежнев для россиян, живущих в 2020 г.? По привычке некоторые скажут, что это был мелкий политический деятель времен Аллы Пугачевой, другие напомнят, что он был душеителем Пражской весны, третьи укажут, что при нем была стабильность и Советский Союз не участвовал ни в каких войнах... Пятые же, более молодые, даже и не вспомнят, кто это такой. Все перечисленное будет по меньшей мере полуправдой. Тривиальной, скучной и не интересной. На самом деле исторические обстоятельства жизни и деятельности Леонида Ильича Брежнева гораздо более многослойны, разнообразны и увлекательны. При его правлении Советский Союз вошел в Афганистан, чем, по сути, подорвал основу своего существования, военная авантюра унесла многие жизни и надломил экономику. Именем Брежнева называют так называемую «доктрину ограниченного суверенитета» социалистических стран, согласно которой Советский Союз вводил войска в страны Центральной Европы, пытавшиеся «соскочить» с орбиты и выйти из Варшавского договора, чтобы воспрепятствовать этому.

Впрочем, как заметил известный российский политолог Федор Лукьянов, «у Брежнева никакой доктрины не было». «Это американское явление — стремление все доктринировать, у нас несколько другая “штабная культура”», — такое мнение высказал Лукьянов в интервью журналу «Историк», опубликованном в июне 2018 г. И все же некоторые специалисты считают, что «доктрина Брежнева» была сформулирована в 1968 г. и ее первым идеологи-

ческим обоснованием стала статья, опубликованная в газете «Правда» в сентябре того же года, когда Пражская весна была уже по сути подавлена. Известно также, что через два месяца, в ноябре, Брежнев высказал свое понимание ограниченного суверенитета социалистических стран на V съезде Польской объединенной рабочей партии в Варшаве, заявив, что «когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран». Ясно одно: потребность в новой советской внешнеполитической доктрине появилась в связи с попытками руководства Чехословакии ослабить советскую хватку.

Говорить, что Брежнев был только человеком с парадного портрета или персонажем из анекдотов, было бы сильным преувеличением. Как пишет автор новой биографии Брежнева, изданной на русском языке в издательстве РОССПЭН, профессор новейшей истории и культуры Бременского университета Сюзанна Шаттенберг, понимание Брежнева следует искать «через личностный конфликт между актером-любителем и “рыцарем” холодной войны, между тягой к дружескому общению и не подлежащим сомнению 18-летним господством, между склонностью к пикантным анекдотам и преследованием инакомыслящих, между

мужественностью молодых лет и физическим распадом с 1975 г. и следует рассказывать биографию Брежнева». Работа Шаттенберг представляет собой объемный синтетический труд, настоящий кирпич: она издана в оранжевой обложке объемом в 622 страницы. На русский язык ее перевел Валерий Августович Брун-Цеховой. Масштаб проделанной германским историком работы по изучению источников о Брежневе не может не впечатлять. Кажется, она изучила и обобщила все сведения, имеющиеся в наличии о Брежневе, и читать этот труд нужно долго и внимательно. На обложке размещена необычная фотография Брежнева, где он запечатлен молодым в военные годы с трубкой в руках. Позади героя его отражение в зеркале в профиль.

Нельзя сказать, что биография Брежнева ранее игнорировалась российскими публицистами и исследователями. Наоборот! К ней обращались и Рой Медведев, и Леонид Млечин, о нем написано множество воспоминаний людьми, близко знавшими его, работавшими с ним, в частности, Георгием Арбатовым, Анатолием Черняевым, Александром Бовиным, Кареном Брутенцом, Андреем Александровым-Агентовым, Евгением Чазовым, Юрием Чурбановым. Однако книга Сюзанны Шаттенберг, очень серьезного профессионального историка, отличается особой тщательностью в работе с новейшими архивными документами как в России, так и в ФРГ и США, а также с опубликованными дневниками Брежнева. Труд Сюзанны Шаттенберг охватывает жизненный путь советского лидера от рождения и происхождения до последних лет так называемо-

го застоя в СССР. По понятным причинам, особо следует отметить внимание, уделяемое автором политике Брежнева в отношении Германии, тогда еще разделенной, подробностям его встреч с федеральными канцлерами ФРГ Вилли Брандтом и Гельмутом Шмидтом. Роль Брежнева во внешней политике позднего СССР освещена в книге особенно детально. Шаттенберг изучила все доступное в российских, украинских и казахстанских архивах в части, касающейся деятельности Брежнева на разных этапах его жизни, проработала его многолетние дневниковые записи, провела интервью с личным фотографом генсека Владимиром Мусаэльяном, который предоставил для книги свои фотографии.

Для интересовавшегося политикой человека моего возраста и поколения, родившегося в 1964 г. и прожившего первые 18 лет при правлении Леонида Ильича Брежнева, история жизни этого человека и политика, биография без пробелов и умолчаний всегда представляла неподдельный интерес. Биография Леонида Ильича Брежнева, написанная немецким историком, охватывая весь жизненный путь своего героя, возглавлявшего Советский Союз почти два десятилетия, подтверждает многие мнения и раскрывает сюжеты, о которых мы могли догадываться. В то же время она открывает и обстоятельства, ранее совсем неизвестные. Шаттенберг выяснила очень много нового о молодых годах Брежнева, в частности, о том, что он мечтал о карьере актера и работал статистом в Курском театре. В предисловии историк отмечает, что целью написанной ею биографии было «постичь

всю широту и противоречивость стилей поведения Брежнева в их сложности и раскрыть образ, еще находящийся под воздействием опыта холодной войны; в Брежневе как политике и личности подчеркивается исторический момент. Он становится понятным в контексте своего времени».

Свой особый интерес к личности Брежнева Сюзанна Шаттенберг объясняет тем, что когда она работала директором центра по исследованию Восточной Европы в Бременском университете, то приняла на себя руководство уникальным архивом, содержащим примерно шесть сотен фондов советских диссидентов, включавших подпольные публикации из Польши и бывшей ЧССР. «Тогда исследование жизни и деятельности последнего, на мой взгляд, крупного партийного руководителя Советского Союза представилось мне подходящей темой», — пишет немецкий историк. Ее интересовало, как началось при Брежневе преследование диссидентов, как Политбюро обсуждало деятельность Сахарова, Солженицына и других, и что предшествовало вторжению в Чехословакию в 1968 г. и введению военного положения в Польше в 1981 г. Шаттенберг отмечает, что при первом приближении к огромному материалу она ожидала увидеть сталиниста, архитектора репрессивной внутри- и внешнеполитической политики, настоящего ястреба. «Но вскоре была вынуждена с удивлением признать, что моя точка зрения оказалась сильно упрощенной». Все было, на ее взгляд, сложнее: «Инакомыслящих Брежнев передавал руководству КГБ, Дубчек был его

протее, а не врагом (это, правда, не помешало доставить его в Москву, по сути подвергнув физическому насилию. — П. Ч.), в отношении Польши он считал себя покровителем и советчиком, а не тем, в ком воплотилась жесткая исполнительная власть». «Вместо приверженца холодной войны, передо мной возник человек, страстно боровшийся за мир и подорвавший себе при этом свое здоровье. Наконец вместо догматического идеолога, Брежнев оказался мужчиной, который сводил женщин с ума, любил быстрые автомобили и с редким искусством рассказывал анекдоты», — предварительно создавая во вступлении к книге такой образ Брежнева, Сюзанна Шаттенберг признавала, что ее работа будет подвергнута критике за определенную апологетику советского лидера. Вместе с тем она замечает, что у нее отнюдь не было намерения во что бы то ни стало освободить Брежнева от ответственности за всего его действия. «Моей целью было только показать личность со всеми ее гранями как “человека в своем времени”», — пишет Шаттенберг. И следует признать, что ей это удалось. В то же время кредо Брежнева принцип «живи сам и давай жить другим» следует считать некоторым преувеличением немецкого историка: уже само существование «доктрины Брежнева» противоречит этому постулату.

На презентации книги «Леонид Брежнев: величие и трагедия человека и страны», которая состоялась в Москве, в Исторической библиотеке 4 июня 2019 г., Шаттенберг сказала, что в России ее иногда называют «немкой, которая любит Брежнева». И точность этого определения вполне

подтверждается содержанием книги. От себя я бы назвал автора «немкой», которая отлично знает Брежнева». В этой биографии, которую по праву можно назвать летописью, читатель найдет и детальное жизнеописание Леонида Ильича Брежнева периода Гражданской войны и 1930-х гг., называемого им «Карьерой во время террора и войны». Найдет и анализ военных легенд, бытовавших во время службы Брежнева в 18-й армии и, в частности, на Малой Земле. Шаттенберг считает, что опыт войны и страх перед возможной новой военной катастрофой двигал Брежневым в борьбе за мир в 1970-е гг., и так называемая политика «разрядки в том, что касалось СССР, имеет корни в «военном периоде» жизни Брежнева, когда он находился недалеко от мест крупных сражений.

Много места немецкий автор уделяет деталям карьеры Брежнева в Днепрпетровске, а затем в Молдавии после войны. Брежнев приехал в послевоенную Молдавию, пережившую двойную травму, пишет Шаттенберг. Там не было ничего: посевного зерна, сельскохозяйственных машин, инфраструктуры, электричества, жилья, учебных заведений, медицинского обслуживания, но в первую очередь доверия населения к преобразованиям на советский лад и уверенности в их позитивных результатах, отмечает автор. «Чтобы отстоять свою линию и сдержать сталинские репрессии, он целенаправленно покровительствовал людям, поддерживавшим его политику», — считает Шаттенберг, не без оснований приводя в качестве примера коллегу по работе на Украине Семена Кузьмича Цвигуна, которо-

го он позже назначит заместителем председателя КГБ при Андропове. Ссылаясь на И. И. Бодюла, соратника Брежнева по Кишиневу, возглавлявшего потом парторганизацию Молдавии, автор пишет, что позже генсеку трудно было вспомнить о чем-то положительном из периода его работы в Молдавии: большие трудности, с которыми ему приходилось бороться, всегда стояли на первом месте. «Он едва ли мог улучшить условия жизни обедневшего населения, измученного коллективизацией, засухой и депортациями», — замечает Шаттенберг. «Его воспоминания были безрадостны, и улыбка только тогда трогала губы Брежнева, когда он вспоминал молдавские танцы в исполнении ансамбля “Жок” с виртуозной моканой и песнях, которые пела Тамара Чебан...» (Кстати, следы двухлетнего пребывания Брежнева в Молдавии, в 1950–1952 гг., и сегодня напоминают о себе кишиневцам и гостям города — архитектурой главного городского проспекта, первым в республике построенным по современным стандартам стадионом, живописным озером с парком, одним из излюбленных мест досуга горожан. — *Прим. отв. редактора ИЭ.*) Несмотря на их давнее, еще со времен войны, знакомство, активное сотрудничество Н. Хрущева и Л. Брежнева в Москве началось с секретного доклада на XX съезде КПСС, доказывает Шаттенберг. По ее оценке, после ареста Берии, кампании по освоению целины и вытеснению Г. Маленкова с поста главы правительства, это сотрудничество было для Брежнева еще одним знаком того, что Хрущев будет бороться за сохранение своей власти и проведение своих реформ, и что одно нель-

зя отделить от другого. «Но сколь мало мы знаем о реакции Брежнева на секретный доклад, столь же мало нам известно о его деятельности при Хрущеве с 1956 по 1964 год», — отмечает немецкий автор. И тем не менее она приводит фрагмент выступления Брежнева на партийном собрании в аппарате Президиума Верховного Совета СССР в декабре 1961 г., где он говорит о тяжелых последствиях культа личности Сталина «для всей экономической, политической и идейной жизни страны». «Сталин грубо попирает ленинские принципы партийного и государственного руководства», — говорил Брежнев. «Тяжелым последствием культа личности было грубейшее нарушение социалистической законности, выразившееся в массовых репрессиях, в истреблении партийных, государственных и военных кадров. Культ личности сковывал активность и инициативу масс, душил живую творческую мысль, насаждал дух раболепия, низкопоклонства, подозрительности и недоверия друг к другу», — это высказывание Брежнева вполне в духе того времени немецкий историк нашла в Государственном архиве Российской Федерации.

Сюзанна Шаттенберг сетует на то, что существующая проблема доступа к источникам обостряется применительно к 1960-м гг. ввиду нескольких обстоятельств. «Для периода до 1956 года краевые или республиканские архивы открыты, дела же, в которых представлен следующий этап его деятельности, хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), где и по сей день держат под замком фонды Отдела военной и космиче-

ской промышленности ЦК, которые он курировал», — пишет немецкий историк. «Так как после 1964 года Брежнев хотел по максимуму уничтожить все, что подтверждало его связь с Хрущевым, об этих годах нет и официальных мемуаров. И так как он в то время был одним секретарем из многих, а не номер 1, как в Запорожье, Днепропетровске, Кишиневе или Алма-Ате, о нем едва ли сохранилась мемуарная литература. Некоторый свет на этот период проливают его записные книжки, но они содержат скорее ключевые слова, чем контекст», — пишет Шаттенберг. На презентации своей книги в Москве историк заявила, что 1960–1964 гг. были лучшими годами в жизни Л.И. Брежнева. И это вряд ли преувеличение. Не будучи первым лицом в государстве, он в то же время действительно уже в этот период совершенно купался в лучах славы как председатель Президиума Верховного Совета СССР, совершая зарубежные поездки и вручая награды космонавтам, партийным руководителям и деятелям культуры.

Шаттенберг посвящает специальный раздел описанию работы Брежнева в хрущевские годы и секретарем ЦК КПСС по вооружению и ракетам, когда он курировал военную промышленность и космонавтику, и подробно, скрупулезно описывает этот период деятельности. При этом использует разнообразные источники от воспоминаний академика Бориса Евсеевича Чертока до официальных воспоминаний самого Брежнева, вышедших уже после его смерти, «Космический октябрь», где замалчивалась роль Хрущева в успехах советской космонавтики и выпячивалось

значение усилий самого Брежнева. Как бы то ни было, даже бывший председатель КГБ В. Семичастный, смещенный со своего поста именно Брежневым, в своих воспоминаниях отмечал заслуги последнего, его реальный вклад в успехи советской космонавтики, как и в создание водородной бомбы. Еще в бытность свою главой партийной организации Казахстана Брежнев участвовал в выборе Байконура в качестве главного ракетного полигона страны. В своих воспоминаниях о тех годах создатель советской водородной бомбы академик Андрей Дмитриевич Сахаров писал, что Брежнев производил на него в то время вполне благоприятное впечатление уже тем, что умел слушать и слышать собеседника. Беседа с «бомбовиками» Леонид Ильич начал с воспоминаний о своем отце, который считал всех, кто создает новые вооружения и орудия уничтожения людей, главными злодеями. «Теперь же я сам занимаюсь этим черным делом», — заявил Брежнев перед началом встречи. А после окончания встречи, где ученые высказывали беспокойство в связи с созданием новых бюрократических структур по управлению созданием военной техники, Брежнев пообещал «посоветоваться», и соответствующее решение принято так и не было.

Брежнев возглавлял комиссию, расследовавшую причины взрыва ракеты на стартовой площадке Байконура 24 октября 1960 г., в результате которого погибли 126 человек, в том числе и главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения главный маршал артиллерии Митрофан Неделин. Картина, открывшаяся прибывшим на место

катастрофы, потрясла даже немало повидавших на войне Л. Брежнева и А. Гречко. По возвращении в Москву Брежнев доложил Хрущеву, что случилось непреднамеренное несчастье из-за трагического стечения обстоятельств. «В среде ракетостроителей Брежнева высоко ценили за то, что он рекомендовал Хрущеву не привлекать никого к ответственности за катастрофу и продолжать строительство ракет». Конструктору М. Янгелю, который взял на себя ответственность за катастрофу и требовал, чтобы его наказали, Брежнев, напротив, дал квартиру в Москве лучше, чем та, что он занимал ранее.

В своих отношениях с лидерами западных стран Брежнев неизменно подчеркивал важность личных контактов. С президентом США Ричардом Никсоном и федеральным канцлером ФРГ Вилли Брандтом он создал тайные каналы, через которые поддерживал контакты в обход официальных. Когда Брандт прибыл на дачу Брежнева в Нижнюю Орланду в 1971 г., о встрече было опубликовано только короткое специальное коммюнике, и только позже появились знаменитые фотографии двух лидеров, плавающих в закрытом бассейне с черноморской водой. Если бы тогда немецкие журналисты узнали, что Брежнев одолжил неподготовленному канцлеру ФРГ своим плавки, шуму желтой прессы вокруг «политического стриптиза» Брандта с Брежневым в Крыму не было бы предела. Во время встречи в Нижней Орланде Брежнев вел с Брандтом непринужденные беседы и, по некоторым сведениям, даже рассказывал «антисоветские» анекдоты, стараясь показать таким образом, что он не за-

мшелый аппаратчик. Вместе с тем, нарушая правила комильфо при общении с западными лидерами, Брежнев порой переигрывал в ущерб равновесию вежливости и достоинства, считает Шаттенберг.

Отставка Никсона и Брандта, смерть президента Франции Жоржа Помпиду, обострение отношений с собственными силовиками, по мнению немецкого историка, положили конец политике разрядки, на которую делал ставку Брежнев. В качестве высшей точки миролюбивой внешней политики брежневского периода Шаттенберг называет 1975 г., когда Брежнев подписал заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. Но именно в это же время он оказался полностью зависимым от таблеток.

В заключение книги предпринимается попытка дать ответ на принципиальный вопрос о том, способствовал ли Брежнев своей деятельностью в большей мере стабильности или краху Советского Союза. Шаттенберг пишет, что ответ на этот вопрос может звучать очень по-разному и в конечном счете быть очень гипотетическим. «Во многом бесспорно, что то, что генсек создал до 1975 года во внутренней и внешней политике, способствовало стабилизации, консолидации и превращению Советского Союза в относительно нормальную страну», — пишет немецкий историк и одновременно приводит цитату из воспоминаний одного из руководителей Международного отдела ЦК КПСС Карена Брутенца о том, что в начале 1980-х гг. жизнь в стране замерла. «Фактически все напоминало имитацию реальной

общественной и политической жизни, ее эрзац», — вспоминал Брутенц. «Тем не менее все продолжало функционировать, и если бы Горбачев не покончил с такой ситуацией, она, может быть, продолжалась бы и дольше», — считает Шаттенберг.

По оценке историка, единственным действием, несомненно, приведшим к делигитимации господства партии и тем самым способствовавшим гибели Советского Союза, было вторжение в Афганистан. «Поступив так, Брежнев нарушил свое самое главное обещание — гарантировать людям жизнь в условиях мира. Вместо этого послал советских граждан на кровопролитную войну, которой никто не хотел и которую они не могли бы выиграть. И это стоит сказать тем, кто охотно показывает Брежнева воином сверхдержавы: его величайшей ошибкой с самыми роковыми последствиями была война в Афганистане, даже если приходится оставить без ответа вопрос о том, насколько это было его решением, а не тройки», — справедливо утверждает Шаттенберг, понимая под тройкой Ю. Андропова, А. Громыко и Д. Устинова.

Завершает свою работу Сюзанна Шаттенберг цитатой из воспоминаний одного из ключевых людей команды Горбачева высокопоставленного сотрудника Международного отдела ЦК КПСС и помощника президента СССР Анатолия Сергеевича Черняева, который полагал, что за то позитивное, что Брежнев совершил в 1970-е гг., он вполне заслуживал бы Нобелевской премии мира. «Если бы не “Чехословакия-68”, на что он пошел скрепя сердце (теперь это уже

известно), скорее всего, потому что чувствовал себя еще не совсем уверенно в высшем руководстве, если бы не «Афганистан-79», на который его подбила тройка членов ПБ, пользуясь его физической и психической беспомощностью (он почти утратил представление о происходящем вокруг), то, думаю теперь, он бы вполне заслуживал Нобелевской премии мира. Во всяком случае, Брежнев по делам своим в пользу мира был бы достоин ее больше, чем все те, кто получил ее в 80-е годы», — писал обычно очень критически настроенный Черняев в своих воспоминаниях. Нобелевскую премию мира Брежнев, как известно, не получил. Если бы Брежнев ушел в отставку раньше, потомки вспоминали бы его прежде всего как борца за мир и благосостояние советских людей, считает Шаттенберг, сообщая при этом, что генеральный секретарь якобы дважды просил об отставке, но члены Политбюро отказывали ему (свет на это могут пролить только архивные документы).

Остается непонятным и необъясненным, почему генсек, которого в декабре 1979 г., при вводе советских войск в Афганистан, считали невменяемым и наркозависимым, через два года, за которые он не стал моложе, принимает активное участие в разрешении польского кризиса, ведет переговоры с польскими товарищами, убеждая их покончить с «контрреволюцией». Единственное, чем можно объяснить отсутствие (во всяком случае, пассивность) Брежнева при принятии решения по Афганистану — так это перенесенным в это время очередным инфарктом. «По сравнению с ситуаци-

ей вокруг ввода войск в Афганистан во время кризиса 1980–1981 гг. в Польше Брежнев проявлял большую активность», — пишет Шаттенберг, ссылаясь на многочисленные данные из его записной книжки, где он отмечал беседы с польскими руководителями. Брежнев оказывал постоянное давление на польское руководство и предупреждал первого секретаря ЦК ПОРП Станислава Каню: «Мирный путь, который вы избрали, может стоить вам крови». Вся информация о беседах с Каней, содержащаяся в книге, подтверждается записями бесед из РГАНИ. Впрочем, личных встреч с Ярузельским и Каней Брежнев не проводил, возложив эту миссию на Андропова и Устинова, которые провели с ними секретную встречу в Бресте, а также на «польскую комиссию» М. Сулова, посетившего Варшаву.

По мнению некоторых историков, «доктрина Брежнева» фактически продемонстрировала свою исчерпанность с введением в декабре 1981 г. военного положения в Польше, когда генерал Войцех Ярузельский (хотя и на время) смог укротить польский бунт против коммунистов собственными силами, без участия армий Варшавского договора. Однако ближе к истине, пожалуй, те, кто считает, что «доктрина ограниченного суверенитета» ушла в прошлое только после прихода к власти в СССР Михаила Горбачева. В октябре 1989 г., комментируя одно из выступлений Э. Шеварднадзе, директор управления информации и печати МИД СССР Геннадий Герасимов даже заявил западным журналистам, что на смену «доктрине Брежнева» пришла «доктрина Синатры» в том смысле, что каждый может

«идти своим путем». По свидетельству же бывшего посла США в Москве Джека Мэтлока, моментом, когда окончательно канула в лету «доктрина Брежнева», следует считать декабрь 1989 г., когда накануне западного Рождества он прибыл в МИД СССР в связи с драматическими событиями в Румынии. На встрече с заместителем министра иностранных дел Иваном Абоимовым Мэтлок заявил, что Соединенные Штаты не будут возражать против советского вмешательства в Румынии, где на улицах лилась кровь. На что Абоимов в ответ сообщил, что американцам приготовлен рождественский подарок: они могут взять «доктрину Брежнева»

себе, тем более что уже используют ее в Панаме против режима генерала М. Норьегги. Советский Союз же никуда вводить войска не будет, ибо это противоречит его новым внешнеполитическим принципам. Воспоминаниям Мэтлока не противоречит и запись Абоимовым содержания беседы, архивный документ, уже давно опубликованный. Так закончилась эпоха Брежнева, о которой историк Сюзанна Шаттенберг написала поучительную и разностороннюю книгу, заслуживающую внимательного прочтения. Но сделали ли мы все выводы из того времени, выучили ли все уроки? Ответ на этот вопрос совершенно не очевиден.

BREZHNEV IN THE GERMAN MIRROR, OR "BREZHNEV'S DOCTRINE" FROM BEGINNING TO END. Reflections of an era witness on a book by Susanne Schattenberg about Brezhnev

Rev.: *Shattenberg S.* Leonid Brezhnev. Velichie i tragediia cheloveka i strany. Moscow: ROSSPEN, 2018. 623 p.

Cheremushkin Petr G. — candidate of art history, associate Professor of the Moscow State linguistic University (Moscow)

Key words: Leonid Brezhnev, the era of stagnation in the history of the USSR, the foreign policy of the USSR, the invasion of five countries' troops in Czechoslovakia in 1968, the 1979 invasion of Afghanistan, the Polish crisis of 1980–1981, the policy of detente, the Summit on security and cooperation in Europe in 1975.

Abstract. The subject of the reviewed monograph paper of the German historian Susanne Schattenberg — Leonid Brezhnev and his era in the history of the USSR.

А. В. Гринёв

ПСЕВДОМЕМУАРЫ НЕМЕЦКОГО ТАНКИСТА ВОЛЬФГАНГА ФАУСТА

Рец.: Фауст В. Следы «Тигра». Фронтовые записки немецкого танкиста. 1944 / пер. с нем. В. Д. Кайдалова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. 191 с. (За линией фронта. Мемуары)

Ключевые слова: Вторая мировая война, Восточный фронт, танковые сражения, танк Т-VI «Тигр», военные мемуары.

Аннотация: Рецензия посвящена критическому анализу записок немецкого танкиста Вольфганга Фауста, механика-водителя танка «Тигр» в боях на Восточном фронте осенью 1944 г. Автор рецензии делает однозначный вывод о том, что эти псевдомемуары представляют собой выдуманное литературное произведение, которое в принципе нельзя использовать как исторический источник.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-376-383

Хотя история Второй мировой войны не относится к моим приоритетным научным темам, интерес к ней сохранился со школьной скамьи, а в книжном шкафу стоит не один десяток книг по военной тематике. Многие из них относятся к серии «За линией фронта. Мемуары», которая выходит с 2003 г. в издательстве «Центрполиграф» и насчитывает в настоящее время более сотни наименований. Книги этой серии в основном посвящены воспомина-

ниям немецких военнослужащих на Восточном фронте. Среди них встречаются мемуары хорошо известных исторических личностей, таких как генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн (Erich von Manstein), знаменитый ас Ханс-Ульрих Рудель (Hans-Ulrich Rudel), генерал танковых войск Гейнц Гудериан (Heinz Guderian) и др. Вместе с тем большую часть публикаций серии составляют записки и воспоминания рядовых участников сражений, и среди

© А. В. Гринёв, 2020

Гринёв Андрей Вальтерович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого; agrinev1960@mail.ru

них изданные относительно недавно фронтовые записки механика-водителя танка «Тигр» Вольфганга Фауста (Wolfgang Faust). Первоначально они были опубликованы на немецком языке в 1948 г. под названием «Panzerdämmerung», что можно перевести как «Танковые сумерки». Затем эти записки были изданы на английском языке в 2015 г. (Faust 2015). В 2016 г. появился русский вариант под заголовком «Следы “Тигра”». Фронтовые записки немецкого танкиста. 1944», а в 2017 г. последовало переиздание книги. Давайте познакомимся с ней.

Записки Вольфганга Фауста начинаются с краткого предисловия, в котором автор касается жестокостей прошедшей войны, свидетелем которых он был. Уже в предисловии Фауст допускает довольно вольное толкование фактов: по его словам, из 20 млн немецких солдат, служивших в вермахте в 1939–1945 гг., 17 млн сражались на Восточном фронте. Это явное преувеличение, как сказано в примечании редактора, поскольку, по данным достаточно авторитетного источника, всего в гитлеровскую армию (включая войска СС) за годы войны было призвано 17 893 200 человек (с. 5).

Далее редактору снова пришлось делать сноску в авторском тексте, т. к., согласно Фаусту, описанные им события относятся к октябрю 1943 г. в Западной России. Редактор вынужден пояснить, что на самом деле эти события могли происходить только поздней осенью 1944 г. в Западной Литве, где Красная армия была уже в состоянии использовать новейшие танки Т-34-85 и ИС-2, о которых го-

ворится в записках Фауста (в 1943 г. эти танки еще не поступили на вооружение).

Сами мемуары Фауста начинаются с подробного описания атаки 20 «Тигров» на советские позиции при поддержке немецкой авиации. Как указывал автор, перед атакой над ними в направлении противника прошли шесть пикировщиков в сопровождении трех истребителей «Фокке-Вульф» (с. 9). Но дело в том, что немецкие истребители не летали тройками, а парами: ведущий и ведомый, когда один атаковал, а другой его прикрывал. Это советские летчики-истребители в начале войны воевали в составе троек, но потом отказались от этого тактического построения и заимствовали у немцев более эффективное парное ведение воздушного боя.

Фауст пишет, что в танковый бой его роту вел сам командир полка, генерал-майор, который командовал полком с начала операции «Барбаросса», т. е. с 1941 г. (с. 13). Но фамилии его Фауст не называет (равно как и номера своего полка, батальона и танка), а потому идентифицировать генерала, погибшего в этом бою, не представляется возможным. С другой стороны, непонятно, почему генерал-майор возглавил атаку роты, а не всего полка, да и вообще было бы гораздо более логично, если бы он руководил боем с тыловых позиций в соответствии с его статусом командующего. Не менее загадочная личность и непосредственный командир Фауста — полковник Хелман, который, по данным Фауста, был кавалером Рыцарского креста (награда была примерно эквивалентна

золотой звезде Героя Советского Союза). Всего за войну было произведено более 7360 награждений Рыцарским крестом, и проверка показала, что среди них не было танкиста Хелмана, а лишь его однофамильцы — летчик лейтенант Эрих Хеллманн (Erich Hellmann) и моряк капитан Пауль Хеллманн (Paul Hellmann), получившие свои награды в 1944 г. (Fellgiebel 2003: 183). Правда, в книге Франца Куровски «Танковые асы II» упоминается командир танка Хелман (Hellmann) из 29-го полка танковых войск, устремившихся 22 июня 1941 г. на восток против СССР (Kurovski 2004: 129–130), но, повторю, среди награжденных Рыцарским крестом он не значится. Все эти факты сразу заставляют усомниться в достоверности анализируемых записок как исторического источника.

Но вернемся рассказу Фауста, который пишет, что навстречу их роте устремилась волна новых советских Т-34-85, причем танк Фауста получил снаряд прямо в 100 мм лобовую броню, который не смог ее пробить (с. 19). В это можно было поверить, если бы «Тигров» атаковали старые Т-34-76, но снаряд 85 мм орудия новой модификации «тридцатьчетверки» достаточно уверенно пробивал броню «Тигра» с расстояния менее 500 м, о чем не преминул упомянуть редактор издательства. С другой стороны, Фауст указывал, что снаряд его «Тигра» в свою очередь не смог пробить броневой лист корпуса Т-34 (с. 21). Однако для мощного 88 мм снаряда пушки «Тигра» броня в 45 мм у Т-34 не представляла серьезного препятствия, и в реальном бою советский танк был бы непременно уничтожен прямым попаданием. За-

тем, после танковой атаки русских, согласно Фаусту, на сцене появляется некая мифическая советская противотанковая пехота (редактору ничего не оставалось делать, как просто пометить в сноске: «Так в тексте»). Фауст добавляет, что в ходе боя в его танк угодило еще два 85 мм снаряда от стоящего невдалеке Т-34, но они так и не пробиты его броню (какой-то заколдованный танк, не иначе!).

Далее в записках Фауста излагаются совершенно невообразимые факты, которые заставляют усомниться в том, что он вообще когда-либо водил «Тигр» и знаком с его техническими характеристиками. Так, Фауст пишет, что его приятель Курт был радистом и стрелком курсового пулемета, а потому сидел от него вправо в корпусе танка (с.10, 19, 58). При этом в ходе боя командир танка Хелман кричал Курту во время атаки русских пехотинцев: «Башенный стрелок! Где твои глаза, парень? Красные прямо перед нами!» (с. 22). Однако башенный стрелок (он одновременно заряжающий) — это совсем не радист и стрелок курсового пулемета (см. схему расположения экипажа танка «Тигр»). Описывая дальнейшие перипетии боя, Фауст упоминает, что развернул свой танк с помощью левого и правого рычагов. Но так управлялись советские танки Т-34, а «Тигр» имел рулевой штурвал, представлявший собой колесо без нижней третьей части (см. компоновку танка «Тигр»). Наконец, командир танка, чтобы вынудить Фауста выполнить рискованный приказ, прибегнул к нетрадиционному способу: «Я почувствовал пинок сапога Хелмана, который пришел мне между лопаток, поскольку

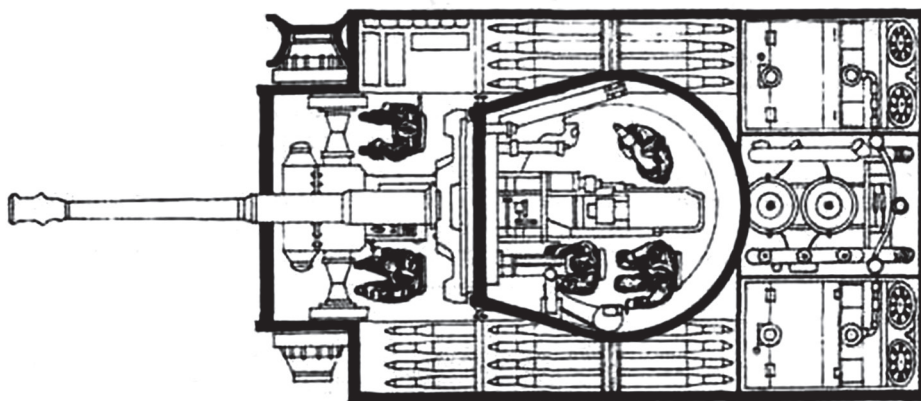

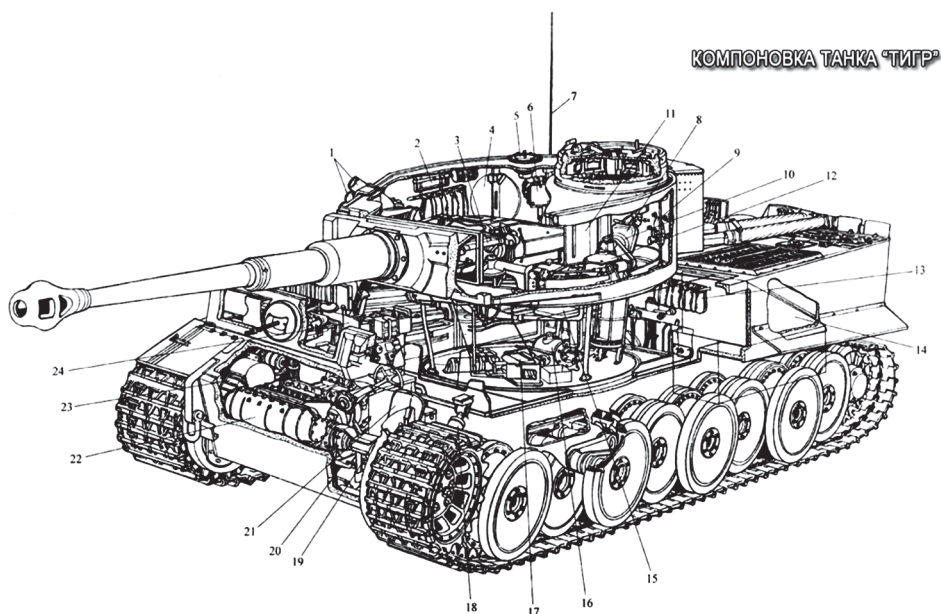
Рис. 1. Схема расположения танкового экипажа «Тигра»

я колебался» (с. 30). Неясно, каким образом полковник мог со своего места в задней части башни дотянуться ногой до спины механика-водителя на расстоянии не менее 2,5 м, минуя наводчика танковой пушки (см. схему расположения экипажа танка «Тигр»). Тем не менее по ходу повествования Хелман, по словам Фауста, еще пару раз прибегал к такому нетрадиционному педагогическому воздействию (см. с. 42, 57).

Не меньше фантастических подробностей содержится и в описании Фаустом боя за русские позиции: «Я увидел, как откинулся люк на лобовом листе брони Т-34; в отверстии появилось бледное, ничего не понимающее лицо, залитое кровью. Русский механик-водитель всматривался в меня через свой люк и, мигая глазами, явно пытался прийти в себя, не в состоянии поверить тому, чему был свидетелем! Я продолжал толкать его танк своей машиной, с пришедшим в себя механиком в нем, который смотрел прямо мне в глаза с расстояния метра в четыре» (с. 31). На самом деле Фауст «забыл», что писал ранее о том, что в смотровую

щель этого танка попал снаряд «Тигра» (с. 21). После такого попадания от тела механика-водителя мало что могло остаться.

После захвата русских позиций, немцам пришлось вскоре их оставить и начать отступление, чтобы не попасть в окружение. В пути у 15 оставшихся в строю «Тигров» роты Фауста и 10 бронетранспортеров «Ханомаг» с мотопехотой произошел бой с наседавшими новейшими советскими танками ИС-2 (аббревиатура «ИС» означала «Иосиф Сталин»). Но, судя по описаниям Фауста, это были ИС-3 (с. 52, 55, 57), которые стали производиться советской промышленностью только с мая 1945 г. О ходе боя с ними в записках Фауста приводятся подробности, которых в реальности просто не могло быть. Так, экипаж одного из советских танков якобы уцелел, хотя сам танк получил два прямых попадания в упор из пушки «Тигра» (для уничтожения вражеского танка хватило бы и одного). Три аналогичных попадания в башню другого танка ИС окончились почему-то рикошетом, вероятность чего в действительности близка

1 — mortarки для стрельбы дымовыми гранатами; 2 — ящик с прикладом и сошками спаренного пулемета; 3 — биноклярный прицел; 4 — бортовой люк; 5 — вентилятор; 6 — блок предохранителей; 7 — антенна; 8 — сиденье командира; 9 — лючок для стрельбы из личного оружия; 10 — командирский маховик поворота башни; 11 — ограждение пушки; 12 — механизм поворота башни; 13 — укладка пулеметных лент; 14 — топливный бак; 15 — сиденье наводчика; 16 — гидромотор поворота башни; 17 — механизм управления поворотом башни; 18 — амортизатор; 19 — педаль сцепления; 20 — педаль тормоза; 21 — сиденье механика-водителя; 22 — механизм поворота; 23 — дисковый тормоз; 24 — радиостанция.

Рис. 2. Компоновка танка «Тигр»

к нулю. При этом снаряд русского танка после попадания в маску 88-мм орудия «Тигра» сорвал его, сбросив на передний бронелист (невозможно представить такую картину — см. схемы «Тигра»). Причем в ходе этого выдуманного сражения экипажи русских танков, заметив немецкие бронетранспортеры, вопреки элементарной логике почему-то перенесли огонь на них, хотя те не представляли для тяжелых советских танков никакой угрозы в отличие от «Тигров», продолжавших обстрел. Танк Фауста с расстояния всего около сотни метров выпустил в один из ИС три снаряда, но два из них отлетели рикошетом (это с сотни метров?!). В свою очередь корпус «Тигра», которым управлял Фауст, получил в упор снаряд из мощной 122-мм

пушки ИС, который должен был бы разом покончить с его экипажем (и прежде всего с самим Фаустом), а также нанести непоправимые повреждения немецкой машине, но ничего подобного не произошло: автор «мемуаров» отделался лишь легкой контузией, да треснуло бронестекло, закрывающее его смотровую щель. Новый снаряд, угодивший в нижнюю часть броневое лист «Тигра», также не смог пробить его; не смог этого сделать и следующий снаряд, и еще один, угодивший в башню (он лишь привел к гибели заряжающего от осколка отколовшейся брони). Тут командир танка Хелман велел Фаусту идти на таран вражеской машины: «Сотню метров, отделявших наш «Тигр» от русского «Сталина», мы преодолели за несколько секунд, дви-

Рис. 3. Внешний вид танка «Тигр»

гаясь так быстро, что русский наводчик не успел навести на нас орудие и промазал по нам два снаряда, которые прошли мимо нас, сверкая своими трассерами, и вонзились в промерзшую землю» (с. 58). Последнее Фауст никак не мог наблюдать, т.к. снаряды упали далеко за кормой «Тигра», а ему с места механика-водителя был виден только относительно ограниченный сектор непосредственно перед передней кромкой танка. Вместе с тем совершенно непонятно, как русский наводчик мог дважды (!) промазать в огромный «Тигр» с расстояния менее 100 м, ведь ему не надо было специально наводить свое орудие, поскольку он уже до этого обстреливал танк Фауста, вопреки его заверениям. Наконец, русский танкист вряд ли смог сделать два выстрела в «Тигр» Фауста за несколько секунд, т.к. пушка ИС-2 имела раздельную систему заряжания, а потому не отличалась высокой скорострельностью.

Наверное, уже стоит прервать анализ записок Фауста и сделать однозначный вывод о том, что перед нами не мемуары реального танкиста — участника войны, а кое-как слепленная повесть в стиле военных приключений, не имеющая под собой никакой фактической базы. Потому продолжать рассмотрение псевдомемуаров Фауста можно лишь с позиции критики их недостатков как чисто литературного произведения, но это выходит за рамки моего анализа. И все же не могу не отметить, что, несмотря на то, что эта военная проза написана довольно живо и местами занимательно, вдумчивого читателя будут коробить периодические вкрапления фантазий автора, которые расходятся не только с историческими реалиями, но порой со здравым смыслом и законами математики. Так, в ходе отступления к реке через лес на колонну из 6 «Тигров» (в одном из них находился Фауст), 4 бронетранспортеров

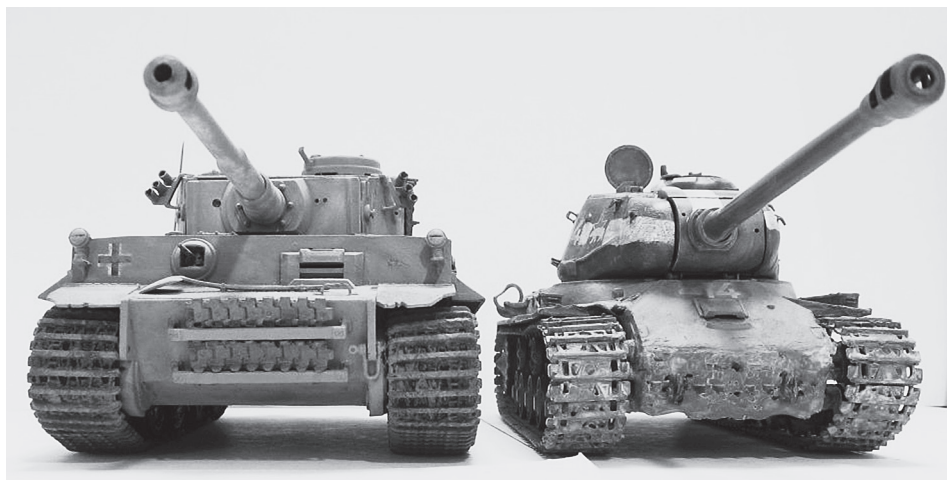

Рис. 4. Немецкий танк «Тигр» и советский ИС-2

и самоходной зенитной установки внезапно нападает относительно небольшой отряд партизан. В это почти невозможно поверить, ведь на такое могли решиться только самоубийцы, поскольку у нападавших не было даже одного малокалиберного орудия против тяжелых немецких танков. Но чтобы у читателя не возникли сомнения в умственной полноценности и вменяемости партизан, Фауст (или тот, кто скрывается под этой фамилией) вооружает их огнеметом (с. 83–85). Но откуда у партизан мог взяться огнемет? Мне ни разу не доводилось читать про использование советскими партизанами такого оружия. Тем не менее в результате налета партизан было потеряно два «Тигра» и бронетранспортер (с. 92). Затем на отступавших немцев обрушились советские штурмовики Ил-2, и в результате они теряют еще три танка и два бронетранспортера (с. 99). Нехитрый подсчет говорит о том, что в строю должен был остаться только один танк Фауста. Но нет, у автора какая-то своя арифметика, т. к. на следующей странице

он пишет: «В нашей колонне теперь остался «Ханомог», 4 (!) «Тигра» и самоходная зенитная установка» (с. 100). Когда колонна, наконец, достигает реки и занимает оборону перед мостом, начинается бой с подошедшими советскими тяжелыми самоходками и танками среди снежных заносов высотой в рост человека и более (и это в октябре!). По ходу сражения происходят разные иные чудеса, причем в своем описании Фауст сообщает такие подробности и детали, которые он просто не в состоянии был бы наблюдать сквозь весьма ограниченный сектор смотровой щели своего «Тигра». Поэтому складывается впечатление, что вместо брони его танк имел прозрачное стекло, сквозь которое автор псевдомемуаров мог видеть все на 360 градусов. Это замечание в полной мере относится и ко всем предыдущим эпизодам.

Общий итог неутешителен: издательство «Центрполиграф» не проявило должной осмотрительности и вместо подлинных записок реаль-

ного немецкого танкиста, наподобие мемуаров танкового аса Отто Кариуса (Otto Carius — *Кариус* 2004), опубликовало откровенную литературную халтуру, снабдив ее редакторскими примечаниями. Естественно, что эти псевдомемуары в принципе нельзя использовать как серьезный исторический источник. Их прямой вред заключается в формировании у неискушенного читателя искаженной картины боевых действий на советско-германском фронте Второй мировой войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Carius 2004 — *Carius O.* «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М.: Центрполиграф, 2004.

Faust 2015 — *Faust W.* Tiger Tracks. The Classic Panzer Memoir. München, 2015.

Fellgiebel 2003 — *Fellgiebel W.-P.* Elite of the Third Reich. The Recipients of the Knight's Cross of the Iron Cross 1939–1945. Trowbridge, 2003.

Kurowski 2004 — *Kurowski F.* Panzer Aces II. Battle Stories of German Tanks Commander of WWII. Mechaniksburg, 2004.

PSEUDOMEMOIRS OF THE GERMAN TANK TROOPER WOLFGANG FAUST

Rev.: *Faust V.* Sledy "Tigra". Frontovye zapiski nemetskogo tankista. 1944, per. s nem. V. D. Kaidalova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2017. 191 p. (Za liniei fronta. Memuary)

Grinëv Andrei V. — doctor of historical sciences, professor in the Department of History at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University in St. Petersburg

Key words: World War II, Eastern Front, tank battles, T-IV “Tiger” tank, military memoirs.

Abstract. The review is devoted to a critical analysis of the notes of the German tank trooper Wolfgang Faust, the driver of the Tiger tank in battles on the Eastern Front in the fall of 1944. The author of the review makes an unambiguous conclusion that these pseudo-memoirs are a fictional literary work that, in principle, cannot be used as historical source.

REFERENCES

Carius 2004 — *Carius O.* “Тигры” в грязи. Воспоминания немецкого танкиста [“Tigers” in the Mud. Memoirs of a German Tank Man], Moscow, 2004.

Faust 2015 — *Faust W.* Tiger Tracks. The Classic Panzer Memoir. München, 2015.

Fellgiebel 2003 — *Fellgiebel W.-P.* Elite of the Third Reich. The Recipients of the Knight's Cross of the Iron Cross 1939–1945. Trowbridge, 2003.

Kurowski 2004 — *Kurowski F.* Panzer Aces II. Battle Stories of German Tanks Commander of WWII. Mechaniksburg, 2004.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>